UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324681 6

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t.10

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

PG
3470
S486
1904
t.10

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

789437

СЕМЬЯ МУРАТОВЫХЪ.

СТАРЫЯ ГНѢЗДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ я задумалъ серію романовъ изъ жизни одной дворянской семьи въ послѣ-реформенную эпоху. Эта семейная исторія, носившая общее заглавіе «Семья Муратовыхъ», должна была распадаться на шесть совершенно отдѣльныхъ романовъ: «Старыя гнѣзда», «Хлѣба и зрѣлищъ», «Безпечальное житье», «И золотомъ, и молотомъ», «Совѣсть» и «Внѣ жизни». Послѣдній изъ этихъ романовъ, гдѣ должна была изобразиться окончательно, ни за что, ни про что, изломанная жизнь Максима Муратова, проведенная то въ тюрьмахъ, то въ скитаніяхъ на положеніи «нелегальнаго», по многимъ обстоятельствамъ, остался въ моемъ портфелѣ только въ отрывкахъ и набросках и ужъ, разумѣется, не теперь могу я, больной, надѣяться дописать его. Неисполнившіяся мечты всегда оставляютъ въ душѣ сожалѣніе и горечь, и о недоконченныхъ литературныхъ произведеніяхъ сами ихъ авторы невольно думаютъ такъ, какъ думаютъ о рано погибшихъ юношахъ, говоря, что они «подавали блестящія надежды».

Я предпосылаю «Семьѣ Муратовыхъ» это предисловіе, чтобы не вызвать замѣчанія читателей о томъ, что я «забылъ» о Максимѣ Муратовѣ.

Изъ серій этихъ романовъ въ нѣмецкомъ переводѣ появились «Старыя гнѣзда» и «Безпечальное житье»; во французской газетѣ «National» былъ напечатанъ романъ «И золотомъ, и молотомъ»—подъ заглавіемъ «Daniel Mouratoff», наконецъ, въ одномъ изъ венгерскихъ журналовъ напечатанъ отрывокъ изъ романа «Внѣ жизни».

Августъ 1894 г. **А. Шеллеръ.**

СТАРЫЯ ГНѢЗДА.

РОМАНЪ.

I.

Яркій лѣтній день смѣнился бѣловато-сѣрыми сумерками; на соборной колокольнѣ города Чистополья пробило девять.

Въ Чистопольѣ ложились спать рано, и въ немъ уже царствовала тишина. Особенно томительною и мертвящею дѣлалась она въ той части города, гдѣ проходили Старая и Новая Господскія улицы. Эти улицы находились на краю города и тѣсно примыкали одна къ другой. Онѣ были застроены большею частью деревянными домами подгородныхъ помѣщиковъ. Дома были окружены садами и множествомъ пристроекъ: сараевъ, конюшенъ, кухонь, погребовъ и флигелей. Все это воздвигалось въ годы крѣпостного права, по мѣрѣ увеличенія той или другой помѣщичьей семьи. Постройки раскинулись и расползлись въ ширину и въ длину, такъ какъ строителямъ вовсе не нужно было заботиться о сбереженіи мѣста и вытягивать строенія въ вышину для устройства возможно большаго числа квартиръ на возможно меньшемъ количествѣ земли. Почти всѣ дома были выкрашены сѣрою краскою и отличались другъ отъ друга главнымъ образомъ цвѣтомъ ставней, числомъ оконъ, количествомъ и формою неуклюжихъ балконовъ и безвкусныхъ бревенъ, носившихъ названіе колоннъ. Сквозь окна домовъ было видно, что комнаты въ каждомъ домѣ убраны крайне однообразно, что всѣ онѣ сообщаются одна съ другой, и это ясно говорило объ отсутствіи въ домахъ посторонниихъ жильцовъ. Въ обѣихъ улицахъ почти не было магазиновъ и лавокъ, такъ какъ все необходимое, всѣ жизненные припасы получались прежде обитателями этихъ домовъ большею частью не изъ города и съ избыткомъ наполняли ихъ многочисленные амбары и кладовыя. Чѣмъ меньше магазиновъ было въ этихъ улицахъ, тѣмъ ярче бросались въ глаза въ Старой Господской улицѣ черная вывѣска съ надписью:

«Гробовой вѣчнаго цеха мастеръ Петръ Сизоперовъ», а въ Новой Господской улицѣ синяя вывѣска портного Колбоносова «съ города Парижа» и совсѣмъ потемнѣвшая и заржавѣвшая желѣзная доска съ вытертыми словами. На этой доскѣ чья-то досужая и неумѣлая рука вывела мѣломъ кривую и косую надпись: «царефъ кабакъ», да еще какое-то нецензурное слово. «Царефъ кабакъ» находился на самомъ краю улицы и имъ начиналось ея сліяніе съ Соборною площадью и Семинарскимъ переулкомъ, къ которымъ уже примыкали Торговая и Дворянская улицы, Ряды и Базарная площадь, присутственныя мѣста и Мастерская слободка, извѣстная въ Чистопольѣ подъ именемъ «Зарѣченскаго притона»,—однимъ словомъ, всѣ остальныя части города, гдѣ, какъ въ муравейникѣ, въ теченіе дня сновалъ и толкался, божился и переругивался, работалъ и надувалъ ближнихъ собиравшійся въ одну пеструю массу городской и деревенскій людъ.

Въ Старой Господской улицѣ, особенно въ послѣднее время, послѣ освобожденія крестьянъ, когда бо̀льшая часть помѣщиковъ устремилась въ большіе центры общественной жизни, ища занятій и мѣстъ, царствовало все большее и большее запустѣнье. Большинство домовъ по цѣлымъ мѣсяцамъ стояло съ затворенными на̀-глухо ставнями, говоря о необитаемости домовъ; въ домахъ же, гдѣ ставни не были закрыты, движеніе замѣчалось почти исключительно въ надворныхъ строеніяхъ, въ конюшняхъ, въ кухняхъ, въ прачечныхъ,—однимъ словомъ, въ «людскихъ», гдѣ еще доживали свой вѣкъ неполучившіе земли и негодные для какой бы то ни было новой службы дворовые. Здѣсь кипѣла еще попрежнему жизнь, широко раскрывались глотки, разстегивались языки, слышалось крѣпкое русское слово, произносимое тѣмъ тише, тѣмъ осторожнѣе, чѣмъ ближе подходилъ произносившій его человѣкъ къ барскому жилищу, гдѣ томился какой-нибудь старикъ-подагрикъ со своею супругою, умиравшею отъ водяной, или возилась надъ мытьемъ слезливыхъ болонокъ и надъ распутываніемъ хронической двадцатилѣтней тяжбы какая-нибудь старая дѣвственница или вдовица, окруженная странницами, юродивыми и ходатаями по дѣламъ. Особенно могильно-тихо становилось въ Старой Господской улицѣ по вечерамъ въ лѣтнее время: ея расползавшіеся, приземистые дома съ широкими темными крышами и мелкими пристройками походили на какихъ-то гигантскихъ насѣдокъ, распустившихъ темныя крылья надъ

стаей уснувшихъ сѣрыхъ, бѣловатыхъ и желтыхъ цыплятъ. Густыя тѣнистыя деревья въ садахъ стояли торжественно тихо, точно охраняя миръ и затишье, или глухо шумѣли, какъ подавленная толпа недовольныхъ. Закрытые ставни, казалось, говорили: «не шумите и не будите къ жизни спящихъ». Если бы кто-нибудь прошелъ по улицѣ, то можно бы было подумать, что онъ идетъ босикомъ, снявъ сапоги, чтобы не разбудить уснувшихъ въ этомъ царствѣ запустѣнья людей, — такъ не слышны дѣлались здѣсь людскіе шаги по немощеной, покрытой мелкою бѣлою пылью дорогѣ.

Во время именно такого затишья съ Соборной площади завернулъ мимо кабака въ Новую Господскую улицу, а потомъ направилъ свои шаги въ Старую Господскую какой-то молодой человѣкъ. Трудно было опредѣлить по виду, къ какому классу общества, къ какому сословію принадлежалъ онъ. На немъ было полинялое и вытертое зеленовато-коричневое пальто, слишкомъ толстое для лѣтняго времени; изъ-за этого пальто спереди можно было разглядѣть, что на немъ надѣта пестрая ситцевая русская рубаха, подпоясанная полинялою бумажной тесьмой; его обтрепанныя панталоны бураго цвѣта были засунуты въ голенища его порыжѣвшихъ и стоптанныхъ высокихъ сапогъ; на его густые и вьющіеся, падавшіе на лобъ, русые волосы, покрытые, какъ мелкой пудрой, бѣлою пылью, была надѣта низенькая, залоснившаяся клеенчатая фуражка съ потрескавшимся козырькомъ; онъ несъ въ рукѣ небольшой узелокъ и опирался на толстую суковатую палку. На всей его одеждѣ виднѣлась пыль; его лицо и вся его фигура выражали усталость; его красиво очерченныя губы запеклись и были сухи; онъ шелъ медленно, и сразу можно было догадаться, что онъ пробирался въ эту улицу издалека. Появленіе подобной личности въ вечернюю пору на одной изъ столичныхъ улицъ непремѣнно привлекло бы подозрительное вниманіе бдительной полиціи или зѣвакъ-прохожихъ, такъ какъ этого человѣка не трудно было счесть, судя по его одеждѣ, за карманника, за мелкаго воришку, и ужъ, во всякомъ случаѣ, его слѣдовало признать, судя по его лицу, за человѣка голоднаго, способнаго на многіе воспрещаемые закономъ поступки. Но здѣсь не было ни полиціи, ни зѣвакъ-прохожихъ, и потому онъ могъ совершенно спокойно идти впередъ, не озираясь по сторонамъ. Онъ такъ и шелъ, тихо, потупивъ голову, отдавшись, повидимому, всецѣло своимъ думамъ. Когда онъ уже поравнялся съ третьимъ домомъ Старой Господской

улицы, на соборной колокольнѣ послышались мѣрные удары колокола. Онъ пріостановился и началъ считать удары.

— Еще только девять часовъ, а, кажется, всѣ уже спятъ, — проговорилъ онъ почти вслухъ, окинувъ глазами пустынную улицу. — Впрочемъ, это и хорошо: меньше видятъ, меньше бредятъ!.. А какъ удивятся почтенные братцы, увидѣвъ лишняго претендента на наслѣдство! Они и въ былые годы не радовались встрѣчамъ со мною, а теперь... Да, мой приходъ долженъ ихъ поразить: они, я думаю, давно привыкли считать меня мертвымъ.

Онъ снялъ фуражку, отеръ съ лица потъ довольно грязнымъ, дырявымъ платкомъ и снова побрелъ далѣе. Онъ шелъ теперь еще медленнѣе.

Душный лѣтній день хотя уже и погасъ, но зной не спадалъ и былъ томителенъ; въ воздухѣ не было и признака движенія; на деревьяхъ не шевелился ни одинъ листъ; почти во всѣхъ домахъ были закрыты ставни; на улицѣ не было ни души; бѣловато-сѣрая пыль лежала на всемъ пути толстымъ слоемъ и хранила глубокіе слѣды немногихъ копытъ и полосъ, прорѣзанныхъ колесами. Нѣкоторые слѣды были видны смутно, уже занеслись новымъ слоемъ пыли и говорили, что люди, лошади и экипажи, оставившіе ихъ, находятся теперь гдѣ-нибудь далеко-далеко — можетъ-быть, такъ же далеко, какъ тотъ покойникъ или та покойница, для которой былъ насыпанъ на этой улицѣ ельникъ, еще виднѣвшійся мѣстами въ этой пыли. Эти немногія, запыленныя и голыя, вѣтки ельника, быть-можетъ, не обратили бы на себя вниманія усталаго путника, если бы его нога, обутая въ прорванный сапогъ, не почувствовала боли, наступивъ случайно на острый сучокъ одной изъ этихъ вѣтокъ. Онъ невольно взглянулъ на предметъ, подвернувшійся некстати подъ ногу, и остановился снова.

— Слѣды ея похоронъ, быть-можетъ, — прошепталъ онъ и вздохнулъ. — А вѣдь это было давно... прошло уже нѣсколько недѣль.

Онъ нагнулся, поднялъ вѣтку, посмотрѣлъ на нее и задумался. Казалось, онъ хотѣлъ провѣрить, дѣйствительно ли это одна изъ тѣхъ вѣтокъ, по которымъ провезли тѣло знакомаго, близкаго или родного ему существа. Все это дѣлалось почти безсознательно, точно въ полуснѣ. Онъ былъ слишкомъ измученъ и голоденъ для того, чтобы вполнѣ владѣть своею мыслью. Можетъ-быть, такъ же безсознательно замедлялъ онъ свои шаги, такъ же безсознательно остана-

вливался на нѣсколько минутъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

— И что за мертвая тишина кругомъ,—говорилъ онъ.— И прежде здѣсь было мало жизни, а теперь... И то сказать: кто же станетъ теперь жить въ Чистополѣ изъ дворянъ-помѣщиковъ, когда крестьяне уже не привезутъ ничего готоваго? Они бѣгутъ отсюда туда, гдѣ есть средства къ пріобрѣтенію, къ наживѣ.

Слово «нажива» заставило его горько усмѣхнуться.

— А я вотъ плетусь сюда за наживой, за тѣмъ, чтобы урвать кусокъ мяса, не мной пріобрѣтеннаго,—проговорилъ онъ.—Но еще достанется ли онъ мнѣ? Не лишила ли меня мать и наслѣдства? Что тогда?..

Онъ потеръ рукою лобъ.

— Но что же я стою? — очнулся онъ черезъ минуту и отбросилъ пыльную вѣтку, которую все еще вертѣлъ въ рукѣ.—Пошелъ, такъ нужно дойти до конца, или вернуться назадъ безъ гроша въ карманѣ? Нѣтъ, я еще плохо умѣю вывертываться изъ нужды безъ наслѣдственнаго...

Бросивъ вѣтку ельника, онъ продолжалъ свой путь и даже не обратилъ вниманія, когда ему попалась подъ ногу еще одна вѣтка. Если бы онъ попристальнѣе присмотрѣлся къ этимъ одинокимъ, еще уцѣлѣвшимъ вѣткамъ, то онъ увидалъ бы, что онѣ вели къ одному изъ самыхъ крайнихъ домовъ Старой Господской улицы, къ которому, повидимому, и пробирался онъ и въ которомъ можно было замѣтить особенное оживленіе.

II.

Этотъ домъ — сѣренькій, длинный, съ неуклюжимъ мезониномъ, съ безчисленными пристройками, балконами, террасою и подъѣздами въ садъ и во дворъ, — походилъ на большую часть сосѣднихъ домовъ. Теперь онъ представлялъ странное зрѣлище.

По двору, заросшему мѣстами травой, сновала старая прислуга въ траурныхъ платьяхъ, таская разную домашнюю рухлядь. Въ комнатахъ мелькали лица двухъ еще молодыхъ людей. То тутъ, то тамъ издавали пронзительные и жалобные звуки «обличительные», «секретные» замки старинныхъ комодовъ и сундуковъ, звякали ключи и раздавались отрывистыя фразы насчетъ числа ложекъ, кусковъ холста, мотковъ нитокъ, женскаго бѣлья и тому подобныхъ вещей, навален-

ныхъ грудами на стульяхъ, на столахъ, на подоконникахъ и на полу.

Изъ кладовой, переваливаясь, съ одышкою тащилась непомѣрно толстая, съ обвисшею грудью и желтоватымъ дряблымъ лицомъ старуха въ старомодномъ чепцѣ съ черною лентою, напоминавшая своей фигурой старыхъ господскихъ ключницъ, болѣе знакомыхъ съ периной, чѣмъ съ работой. Она прижимала къ животу большой подносъ съ грудою старинныхъ, но совершенно новыхъ тарелокъ екатерининскихъ временъ, съ рѣшетчатыми краями и съ разбросанными букетами мелкихъ цвѣтовъ. Навстрѣчу ей съ крыльца барскаго дома вышла худощавая, низенькая и юркая женщина лѣтъ сорока пяти, въ черненькомъ шелковомъ платочкѣ на головѣ и черномъ же, сильно налощенномъ и шумящемъ ситцевомъ платьѣ. Она едва сдерживала въ своихъ худыхъ и слабосильныхъ рукахъ старый лисій салопъ, куцавейку на заячьемъ, выкрашенномъ подъ соболь, мѣху, порыжѣвшую бархатную кофточку, опушенную пожелтѣвшимъ горностаемъ, и мужскую шинель съ енотовымъ воротникомъ. За грудой этихъ вещей, съ трудомъ обхваченныхъ обѣими руками, трудно было разсмотрѣть маленькое и съежившееся лицо этой женщины, и было только слышно, какъ она усиленно сопѣла, задыхаясь подъ непосильной ношей.

— Сестрица, а сестрица, гдѣ Вавила?—крикнула она съ крыльца толстой женщинѣ.

— Ась,—отозвалась та, пріостанавливаясь посреди двора, у опрокинутой кверху дномъ кадки, и оборачиваясь правымъ ухомъ къ сестрѣ, какъ дѣлаютъ люди, глухіе на одно ухо.

— Вавила гдѣ, спрашиваю я васъ? — раздалось съ крыльца.—Мѣховыя вещи выколотить надо.

Въ эту минуту въ дверяхъ конюшни показался, въ синей крашенинной безрукавкѣ, съ хомутомъ и уздечками въ рукахъ, толстый рыжебородый съ сильной просѣдью мужикъ, съ загорѣлымъ краснымъ лицомъ и синеватымъ носомъ, напоминавшимъ о существованіи кабаковъ.

— Куда ты запропастился? Кричу — не докричусь! — крикнула съ крыльца измученная женщина.

— Какъ, сбрую-то тоже въ комнаты тащить или тутъ оставить?—произнесъ кучеръ, не обращая на нее вниманія и глубокомысленно смотря на хомутъ и уздечки.

— Брось ты ихъ, брось! Деревенщина, такъ деревенщина и есть!—негодовала стоявшая на крыльцѣ женщина.—Ну,

виданное ли это дѣло, чтобы лошадиные предметы въ комнаты носили?

— Ты, питерская, все знаешь!—презрительно отозвался кучеръ.—Лошадиные, а все же господское добро.

— Да брось, тебѣ говорятъ! Моченьки моей нѣтъ стоять-то подъ ношею...

— Да ты чего-жъ на перила вещи не сложишь?

— Тьфу, дуракъ!—плюнула раздраженная женщина, сердясь на кучера, повидимому, болѣе всего за то, что онъ оказался сообразительнѣе ея.

Она сбросила свою ношу на перила и, вынувъ порывисто изъ кармана бѣлый платокъ, начала отирать обильно катившійся по ея лицу потъ.

— И какая, мать моя, эта посуда тяжелая,—вздыхала между тѣмъ толстая женщина, поставивъ подносъ на кадку.—Вѣдь вотъ что—простыя тарелки, а еле протащила... И ноженьки-то мои притоптались. Я и прежде на ноги была разбита, а теперь ровно онѣ у меня деревянныя, распухли и замерли; кажется, ножомъ ихъ рѣжь, булавками въ каждую жилку коли—ничего не почувствую, а внутри, самую-то вотъ кость, такъ и грызетъ, такъ и грызетъ...

— Аспидъ, аспидъ, брось ты свою лошадиную амуницію!—приставала къ кучеру женщина, стоявшая на крыльцѣ.—Иди шубу выколачивать... Господа ждутъ!

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ одно изъ надворныхъ оконъ дома высунулась чья-то голова.

— Марья, Настасья, гдѣ вы всѣ запропастились?—громко произнесъ глухой басъ.—Поворачивайтесь же! Съ вами и въ годъ не соберешь и не пересмотришь всего хлама.

— Иду, иду, батюшка,—произнесла, испуганно хватаясь за подносъ, толстая женщина.—Вотъ Настасья Вавилу поджидала.

Голова опять скрылась.

— Ишь ты: хламъ, хламъ, а сколько лѣтъ коплено, сколько лѣтъ бережено, да прятано,—вздохнула старуха.

— Тетушка Марья Петровна, вотъ гвозди, тоже къ господамъ нести?—обратился тоненькимъ голоскомъ къ толстой женщинѣ вынырнувшій откуда-то мальчуганъ, извѣстный между дворнею подъ названіемъ «Митьки-фалетора».

Онъ какъ-то плутовато ухмылялся и, повидимому, сдѣлалъ вопросъ больше отъ скуки, чтобъ подразнить тетушку Марью.

— Брысь ты, пострѣленокъ! Чего подъ ноги суешься? Видишь, посуду несу. Оборони Богъ, уроню! Знаешь, на

ноги разбита я,—заговорила всполошившаяся старуха, еще крѣпче прижимая къ себѣ подносъ.—О, чтобъ тебя не было!.. У меня ноги разбиты, а онъ тутъ... Нѣшто я бы была виновата? А тарелки-то новыя... Только у покойной барыни на свадьбѣ и подавали... Съ меня бы стали взыскивать,—все тише и тише ворчала старуха, взбираясь на лѣсенку крыльца.

— Экъ его изъѣло-то, — разсуждалъ кучеръ, оставивъ сбрую и принимаясь развѣшивать на протянутой черезъ дворъ веревкѣ шинель съ енотовымъ воротникомъ.—А вѣдь кажинное лѣто выколачивали.

— Ты вонъ и каждый день свою дурацкую бороду чешешь, а вся повылѣзла она у тебя,—замѣтила все еще раздраженная Настасья.—Да ты не разсуждай, а вещи-то скорѣй развѣшивай!

На крыльцо снова вышла изъ барскихъ покоевъ старуха Марья, держа въ охапкѣ нѣсколько женскихъ сильно поношенныхъ платьевъ, сшитыхъ неискусною рукою изъ старомодныхъ матерій. Тутъ были и гро-де-Туръ, и гро-гранъ-муаре, и двуличневыя гласе, и крепъ-Рашель, и сатенъ-тюркъ. Одно платье было свѣтло-зеленое съ золотымъ отливомъ, другое темно-коричневое съ крупными синими узорами, третье, черное, отличалось затѣйливымъ мелкимъ узоромъ зеленаго цвѣта, извѣстнымъ между старыми служанками подъ названіемъ «неразрывнаго корешка». Какъ-то странно выглядѣли коротенькія тальи этихъ платьевъ, длинные и острые «шипы», узенькіе рукава съ гладкими обшлагами и такими же эполетами, обшитыми толстымъ кантомъ, вырѣзки ворота «сердечкомъ» и, наконецъ, фальшивыя оборки въ аршинъ ширины, сдѣланныя изъ матеріи, нарѣзанной вкось.

— Что это вы, сестрица? Зачѣмъ платья-то вытащили сюда?—громко спросила Настасья, наклоняясь къ правому уху Марьи.

— Вытрясти приказали,—отвѣтила старуха.—А чего вытрясать-то? У матушки-барыни почитай что годъ эти платья въ шкапу висѣли за послѣднее время. Откуда пыли-то на нихъ быть? Шкапъ тоже, сама знаешь, хорошо запирается. Замки-то когда поправляли? Въ позапрошлый годъ никакъ...

Марья, качая головой, вздыхая и охая, начала медленно перекидывать платья черезъ веревку, на которую развѣшивались и мѣховыя вещи.

— Ахъ, я старая, старая, про чай-то и забыла! Самоваръ велѣли наставить,—вдругъ спохватилась она и обернулась

къ Митькѣ, возившемуся отъ нечего дѣлать съ полуслѣпой, облѣзлой собакой, привязанной цѣпью къ полуразвалившейся собачьей будкѣ.—Митюшка, Митюшка!.. Ахъ пропади ты совсѣмъ, курносый! Чего ты съ Валеткой-то возишься? Такое ли теперь время? Поди сейчасъ, наставь самоваръ!.. Ахъ, озорникъ, озорникъ отлашенный!

— Чего разлаялась, гетушка Марья Петровна?—огрызнулся Митька.—У самой память отшибло, такъ другихъ и грызешь.

— Да иди ты, иди,—понукала его старуха, не слыша его воркотни.—Вотъ бѣда-то! Самоваръ спросятъ, а самоваръ и не наставленъ. Ужъ достанется отъ Аркадія Павловича, знаю, что достанется... Память-то слаба стала, ровно туманъ какой у меня въ головѣ. Все это бродитъ, бродитъ тамъ, а мыслей нѣтъ, мыслей нѣтъ, только шумъ какой-то. Да и то сказать, отшибетъ тутъ память, когда этакій содомъ пойдетъ. Все жили, жили смирно, потихоньку, а тутъ съ ногъ сбились,—продолжала уже сама съ собой вполголоса разсуждать Марья, въ раздумьи качая головой.

На дворѣ, между тѣмъ, въ затишьѣ гулко разносились удары камышевки по шубамъ и кацавейкамъ, то рѣдкіе и звонкіе, то заливающіеся мелкою легкою дробью, то глухіе, когда камышевка касалась лисьяго салопа, то отчетливые, когда она била по плоской, какъ блинъ, ватной шинели. Звуки этой импровизированной музыки отдавались гдѣ-то далеко-далеко стоустымъ эхомъ, точно кто-то въ вечернемъ затишьѣ насмѣшливо передразнивалъ трудящихся людей. Долетѣли они и до одинокаго путника, направлявшагося къ этому дому, и онъ невольно прислушался къ нимъ.

— У насъ пыль изъ стараго хлама выколачиваютъ,—усмѣхнулся онъ невеселою улыбкой.

III.

Это оживленіе стараго барскаго дома ясно говорило о намѣреніи его владѣльцевъ разстаться съ нимъ.

Смотря на эту бѣготню, слушая эти перебранки, сразу можно было сказать, что вотъ-вотъ вынесутъ изъ дома весь этотъ скарбъ, весь этотъ хламъ, выйдутъ его обитатели, затворятъ двери и ворота, прилѣпятъ надъ калиткою билетъ съ надписью: «сей домъ отдается внаймы, а также и продается»,—и все стихнетъ, стихнетъ, быть-можетъ, навсегда, навѣки.

Кто найметъ этотъ домъ? Кто купитъ его? Помѣщики или

имѣютъ свои собственные дома въ Чистополѣ, или стремятся теперь «служить» въ столицѣ; купцы и чиновники тоже имѣютъ здѣсь свои домишки или жмутся въ небольшихъ наемныхъ квартирахъ; лавочники, содержатели гостиницъ и кабаковъ не наймутъ этого дома, стоящаго въ пустынной Старой Господской улицѣ, едва оживляющейся даже и въ зимнее время, когда въ Чистополье наѣзжаютъ нѣкоторые мѣстные землевладѣльцы для продажи сельскихъ произведеній, для обдѣлыванія разныхъ дѣлишекъ. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть надежды, что кто-нибудь скоро займетъ этотъ домъ. И вотъ простоитъ онъ, быть-можетъ, годъ, быть-можетъ, два; заносимый зимою снѣгомъ, какъ забытая, никому не нужная могила, оростаемый въ весенніе дни дождемъ, какъ слезами о тѣхъ дняхъ, когда здѣсь навстрѣчу веснѣ раздавались веселые голоса дѣтей. Будетъ его озарять солнце, стараясь проникнуть сквозь щели ставней хотя однимъ лучомъ въ эти комнаты, гдѣ когда-то навстрѣчу ему тянулись листья и цвѣты многочисленныхъ растеній. И долго-долго, быть-можетъ, будетъ длиться это запустѣнье, покуда не оборветъ вѣтеръ нѣсколькихъ поросшихъ мхомъ досокъ съ крыши, нѣсколькихъ облупившихся ставней отъ оконъ, нѣсколькихъ подгнившихъ столбиковъ отъ перилъ балкона, покуда начальство не прикажетъ «въ видахъ безопасности сломать вышеозначенное зданіе или заставить владѣльцевъ онаго привести его въ надлежащій видъ». А, можетъ-быть, прежде этого распоряженія, въ одну изъ жаркихъ лѣтнихъ ночей вдругъ начнется въ городѣ тревога, всѣ всполошатся, понесутся крики:

— Пожаръ! пожаръ! Гдѣ горитъ? Съ кого началось?

Помчатся всѣ на Старую Господскую улицу и увидятъ, какъ старый, давно забытый домъ горитъ, чтобы никогда не возродиться снова изъ пепла. Изъ-за него, можетъ-быть, сгоритъ и весь городъ.

Эти мысли пришли въ голову путнику, когда онъ завидѣлъ издали родное старое гнѣздо, и въ его головѣ невольно промелькнуло:

— Что-жъ! Можетъ-быть, такъ и должно быть, можетъ-быть, это и хорошо! Пусть погибнетъ все отжившее, пусть погибнетъ оно со всѣми своими слѣдами, пусть оно не мозолитъ глаза своимъ ненужнымъ присутствіемъ и не возбуждаетъ ни злобы за его минувшія ошибки, ни боязни за возможность его возрожденія. Да, часто приходится призна-

вать за прошлымъ только одно хорошее качество,—то, что и оно, наконецъ, прошло, прошло безвозвратно!

Приближеніе гибели этого дома ясно сознавалось всѣми его обитателями. Это чувствовала прислуга: двѣ старыя дворовыя дѣвки, толстая старуха Марья и жиденькая Настасья, рыжебородый и вѣчно ворчливый кучеръ Вавила и курносый Митька-фалеторъ, послѣ долгихъ лѣтъ праздности и лѣни сбившіеся теперь съ ногъ и по цѣлымъ днямъ таскавшіе въ господскій садъ всѣ вещи, которыя хранились на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ по двадцати лѣтъ. Это чувствовалъ цѣпной песъ Валетка, котораго впервые, быть-можетъ, въ теченіе десяти лѣтъ забывали теперь среди хлопотъ накормить, иногда по два дня сряду. Это чувствовали куры и пѣтухи въ тѣ минуты, когда въ теченіе недѣли ежедневно рѣзали ихъ собратьевъ къ столу для молодыхъ господъ, не намѣревавшихся уже держать стараго «птичника». Это чувствовали старыя клячи Мотька и Машка, возившія трусцой по воскреснымъ днямъ барыню къ обѣднѣ, а теперь загнанныя до полусмерти молодыми господами, безъ отдыха ѣздившими по дѣламъ и все кричавшими кучеру:

— Живѣе, живѣе, дай имъ кнута!

Это, повидимому, чувствовали даже неодушевленные предметы: по крайней мѣрѣ, два стула, которые держались на ногахъ въ продолженіе сорока или пятидесяти лѣтъ и у которыхъ одинъ изъ молодыхъ господъ обломалъ теперь ножки, опрокинулись назадъ и лежали въ углу, какъ бы въ обморокѣ съ испуга отъ всего происходившаго въ домѣ. А цвѣты, выхоленные крѣпостною прислугою, цвѣты, не политые въ теченіе всей послѣдней недѣли и засыпанные около корней золою отъ папиросъ, окурками отъ сигаръ, корками арбузовъ и всякимъ соромъ? А фамильные портреты предковъ, эта гордость старой барской семьи, затканные уже паутиною и покрытые слоемъ пыли, какъ бы закутавшіе себя этимъ саваномъ, чтобы не видать совершавшагося разгрома? Развѣ для всего этого не наставалъ конецъ прошлой жизни? Но, можетъ-быть, сильнѣе всѣхъ сознавали наступленіе этого конца сами молодые господа. Они сознавали, что прошлая жизнь прошла невозвратно, и не знали, какая жизнь придетъ на смѣну старой. Они поспѣшно и нетерпѣливо сводили счеты и подводили итоги всему, что осталось имъ въ наслѣдство отъ старой жизни послѣ смерти ихъ матери.

— Когда все это кончится? Два дня шаримъ по всѣмъ этимъ кладовымъ и чуланчикамъ, и все-таки не можемъ

собрать всего этого хлама. Я но привыкъ къ этой суетнѣ и сбился съ ногъ,—апатично говорилъ глухимъ басомъ одинъ изъ двухъ присутствовавшихъ въ домѣ братьевъ, Аркадій Павловичъ Муратовъ.

Это былъ господинъ лѣтъ тридцати, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ, съ сильно выдавшейся, оттопыренной верхней губой, съ плоскимъ, точно срѣзаннымъ къ шеѣ подбородкомъ, съ свинцовыми калмыцкими глазами, съ апатичной и въ то же время сальной физіономіей. Онъ начиналъ уже полнѣть, и его покатый лобъ казался очень большимъ вслѣдствіе сильно вылѣзшихъ темныхъ волосъ. Можно было предвидѣть, что года черезъ два, черезъ три онъ будетъ совершенно лысымъ. Онъ говорилъ не то сиплымъ, не то глухимъ басомъ, неторопливо, сосредоточенно, и производилъ впечатлѣніе столичнаго чиновника, вращающагося въ хорошемъ обществѣ, тупого и вялаго отъ природы, но привыкшаго смотрѣть глубокомысленно и подчасъ хитрить и интриговать.

— Признаюсь, Кадя, и на меня производитъ тяжелое впечатлѣніе вся эта картина разрушенья стараго гнѣзда,— отвѣтилъ ему другой братъ, Петръ Павловичъ.

Его замѣчаніе было сдѣлано мягкимъ, ласкающимъ тономъ, съ которымъ какъ нельзя болѣе гармонировала вся его фигура. Стройный, высокій гвардейскій офицерикъ лѣтъ двадцати четырехъ, съ шелковистыми вьющимися волосами, съ розовымъ личикомъ, лишеннымъ усовъ и бакенбардъ, бархатистыми глазами, съ страстными губами, съ замѣчательно бѣлыми зубами, онъ походилъ скорѣе на женщину, чѣмъ на мужчину, и притомъ на женщину-кокотку, избалованную ласками и жаждущую этихъ ласкъ.

Про него можно было сказать, что это красавецъ, но въ то же время ни одна черта этого красавца не врѣзывалась въ память, и его можно было смѣшать съ тысячами другихъ подобныхъ же красавцевъ, затянутыхъ въ гвардейскіе мундиры.

— У тебя все сентиментальности на умѣ,—иронически замѣтилъ старшій братъ, надувъ еще болѣе толстыя губы.— А меня все это бѣситъ, все это выводитъ изъ терпѣнья. Эти старыя дуры неповоротливы, какъ чурбаны. Съ порядочной столичной прислугой мы все кончили бы въ одинъ день.

— Ахъ, Кадя, ты знаешь, что онѣ поработали на своемъ вѣку,—небрежно вступился за старыхъ служанокъ Петръ Павловичъ, разваливаясь на диванѣ и подчищая розовые ногти.

— Поработали, поработали! — неторопливо передразнилъ его братъ: — и другіе не сидѣли безъ дѣла. И на что все это копилось?— пожалъ онъ презрительно плечами, разбирая груды холста.—Вышитыя полотенца—кому они нужны? Безвкусіе и, сверхъ того, неудобно вытираться, когда привыкъ къ англійскимъ мохнатымъ полотенцамъ.

— Ну, не говори этого! Я охотно оставлю всѣ эти полотенца себѣ на память,—произнесъ Петръ Павловичъ.

— Не всѣ, а свою долю,—сухо замѣтилъ старшій братъ.

Братья принялись считать холстъ и полотенца.

— Не знаю, что мы будемъ съ платьями дѣлать,—говорилъ какъ бы про себя старшій Муратовъ.—Здѣсь дешево придется продать.

— Стоитъ ли продавать? Нянькамъ можно отдать! — посовѣтовалъ Петръ Павловичъ.

— Глупо!—пожалъ плечами Аркадій Павловичъ. — Куда онѣ будутъ носить эти платья?.. Впрочемъ, мы теперь и сами находимся не въ такомъ положеніи, чтобы дарить что-нибудь...

— Что касается меня, то я очень мало придаю цѣны всему этому, — небрежно замѣтилъ младшій братъ. — Я воображаю, какимъ смѣхомъ залилась бы Жозефина, увидавъ меня среди этого хлама!..

— Можно не дорожить, когда какъ сыръ въ маслѣ катаешься,—проворчалъ старшій братъ.

Куски холста, между тѣмъ, были сосчитаны. Въ это время въ комнату вошла Настасья; она несла еще три куска холста.

— Это что?—спросилъ Аркадій Павловичъ.

— Еще нашла-съ, Аркадій Павловичъ, три кусочка,— сладкимъ и манернымъ тономъ произнесла она, потупляя глазки.—Запрятаны были у мамашеньки подъ пуховики; должно-быть, для Миши юродиваго приготовлены, а то, можетъ-быть, монашкѣ нашей, матушкѣ Иринеѣ, хотѣли отдать или...

— Дурища старая! — не удержался Аркадій Павловичъ, сдвинувъ брови.—Тридцать пять лѣтъ жила въ домѣ, а не знаешь, что въ немъ есть!

— Да какъ же намъ знать-съ, Аркадій Павловичъ,—жалобно произнесла Настасья.—У мамашеньки вашей домъ-съ былъ чаша полная... Чего, чего не было-съ! Иное и сами онѣ забывали, что оно у нихъ есть... Вотъ и еще шкатулочка... Подъ пуховиками тоже въ комнатѣ для гостей нашла сестрица Марья.

Аркадій Павловичъ съ несвойственной ему быстротою схватилъ шкатулку. Петръ Павловичъ тоже быстро поднялся съ дивана и подошелъ къ брату.

— Ключи гдѣ?—отрывисто спросилъ Аркадій Павловичъ.

— Не знаю-съ, Аркадій Павловичъ.—отвѣтила Настасья, пожимая плечами.—Вотъ связки съ ключами-съ, а который отъ нея — не знаю... Мамашенька ваша намъ ключей не довѣряли...

Аркадій Павловичъ, не слушая болтовни старой служанки, схватилъ связку и началъ подбирать ключъ.

— Не лучше ли брата Даню подождать? — посовѣтовалъ мягкимъ тономъ младшій братъ.

— Чего его ждать? Украду я, что ли, что-нибудь,—разсердился старшій братъ и продолжалъ торопливо тыкать ключами съ замочную скважину.—Спроси у Вавилы долото и молотокъ,—обратился онъ къ Настасьѣ.

Настасья засѣменила ногами и вышла изъ комнаты, торопясь исполнить приказаніе. Аркадій Павловичъ отеръ съ лица выступившій потъ.

— И что бы могло въ ней быть? — разсуждалъ онъ про себя.—Она легка.

— Деньги, быть-можетъ, Кадя,—сообразилъ Петръ Павловичъ.

— Можетъ-быть, — согласился старшій братъ, взвѣшивая на рукѣ шкатулку.—Это удивительно, какъ велись дѣла! Все лежало мертвымъ капиталомъ, ничто не пускалось въ оборотъ! Никакой предпріимчивости не было...

— Крестьяне были, что-жъ имъ было заботиться!—вставилъ младшій братъ.

Настасья принесла долото и молотокъ. Аркадій Павловичъ сосредоточенно и алчно принялся отламывать крышку ящика. Онъ походилъ на вора, который спѣшитъ вскрыть чужую сокровищницу. Послѣ нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ по ручкѣ долота, всунутаго между крышкой и ящикомъ, раздался жалобный трескъ и крышка отлетѣла. Аркадій Павловичъ съ жадностью наклонился надъ ящикомъ: онъ оживился, его свинцовые глаза теперь свѣтились.

— Деньги!—дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія.

Онъ сталъ развертывать пачки, обернутыя въ пожелтѣвшую бумагу, и вдругъ захохоталъ какимъ-то зловѣщимъ, неестественнымъ смѣхомъ.

— Кладъ, кладъ нашли! — воскликнулъ онъ. — Взгляни,

видишь?—обратился онъ къ брату и потрясъ передъ ними пачкою сжатыхъ въ дрожащей рукѣ бумажекъ.

— Что это?—изумился младшій братъ.

— Ассигнаціи, старыя, никуда не годныя ассигнаціи!—отчетливо произнесъ Аркадій Павловичъ, еще болѣе блѣднѣя отъ злобы.—Сотни, тысячи рублей, никуда и ни на что не годныхъ, пропавшихъ безъ всякой пользы, безъ всякаго смысла!

Онъ, скрежеща зубами, скомкалъ эти красненькія и зеленькія бумажки, разорвалъ ихъ и швырнулъ на полъ вмѣстѣ со шкатулкой.

— Батюшка, Аркадій Павловичъ, что же вы деньги-то рвете-съ!—воскликнула испуганная Настасья.

— Деньги, деньги! Убирайся вонъ! Были у васъ съ матерью деньги, въ рукахъ были, въ золу вы ихъ обратили, въ золу!—кричалъ Аркадій Павловичъ, сжимая кулаки.

— Это вѣдь ужасно!—проговорилъ младшій братъ, махнувъ съ капризною миной рукою.

— Не ужасно, а подло, гнусно!—перебилъ его, задыхаясь, Аркадій Павловичъ.—Это насмѣшка надъ нами... Чего ты торчишь здѣсь?—обратился онъ къ Настасьѣ.—Убери этотъ мусоръ, сожги, уничтожь...

Онъ заходилъ въ волненіи по комнатѣ. Его вѣчно апатичная фигура оживилась и исказилась теперь злобой. Настасья поспѣшно подобрала разорванныя бумажки и скрылась, поставивъ на столъ сломанную шкатулку.

— Это татарщина какая-то! — говорилъ въ волненіи Аркадій Павловичъ, шагая по комнатѣ, и его тусклые глазки сверкали зловѣщимъ огонькомъ. — Не знали, что у нихъ есть! По десяткамъ лѣтъ гноили холсты, берегли сальныя ассигнаціи, ничего не превращали въ капиталъ, не пускали денегъ въ вѣрные обороты, давали на честное слово! Имъ хорошо жилось, они были сыты за крестьянскими спинами. Имъ крестьяне оброкъ приносили, имъ и казалось, что всегда такъ будетъ. А вотъ теперь изволь возиться съ этимъ хламомъ, продавай этотъ мусоръ за грошъ, чтобы сколотить копейку на черный день. Взгляни,—дернулъ онъ одинъ изъ кусковъ холста: — вѣдь это плѣсень, онъ гнить началъ! Деньги гнить начали! Вѣдь это все деньги, на все это потраченъ трудъ, всѣмъ этимъ были заняты сотни людей, все это могло содѣйствовать увеличенію капитала. А теперь иди, продавай это гнилье... Да, они жили припѣваючи, пили, ѣли, монахамъ, странникамъ, юродивымъ покровительствовали, а дѣти—дѣти пойдутъ по-міру!

Въ эту минуту отворилась дверь, и въ комнату быстрыми шагами вошелъ малорослый, совершенно косматый, смуглый армейскій подпоручикъ, съ лицомъ, сильно сохранившимъ слѣды татарскаго происхожденія. Это былъ Данила Павловичъ Муратовъ, двадцати-шестилѣтній братъ Аркадія и Петра Муратовыхъ. Онъ немного походилъ на своего брата Петра, но былъ смуглъ, угловатъ, низокъ ростомъ, коренастъ, неуклюжъ, не чесанъ и не умытъ. Онъ напоминалъ собою не то гуляку-завсегдатая цыганскихъ таборовъ, не то выдержавшаго не мало потасовокъ маркера въ ярмарочномъ трактирѣ. Бывалость и безшабашность, удаль и умѣнье быть себѣ-на-умѣ, веселость и бреттерство,—все это смѣшивалось въ его особѣ въ одно общее выраженіе, которое заставляетъ говорить про подобныхъ людей, что они «жохи» и «выжиги», а впрочемъ «добрые малые». Толкнувъ на ходу стулъ, стоявшій на дорогѣ, онъ швырнулъ на полъ смятую фуражку и бросился на диванъ, который затрещалъ подъ нимъ. Аркадій Павловичъ искоса взглянулъ на него и пренебрежительно пожалъ плечами.

— Обдулъ, опять вѣдь обдулъ, ракалья!—крикнулъ пришедшій, треснувъ кулакомъ по столу.

— На бильярдѣ?—спросилъ Петръ Павловичъ.

— Нѣтъ, вы вообразите себѣ,—загорячился пришедшій, вскакивая съ дивана и ероша свои и безъ того растрепанные волосы.—Онъ далъ мнѣ впередъ—обыгралъ, еще далъ—обыгралъ. Ногами-съ, говоритъ бестія, могу играть. А, каково вамъ это покажется: но-га-ми! Ракалія!

— Ну, а ты что?—небрежно смѣясь, спросилъ Петръ Павловичъ.

— Я? Что же—я взбѣсился... сукно продралъ... Да развѣ можно тутъ хладнокровнымъ быть: обыгрывалъ пять дней сряду, а потомъ говоритъ: но-га-ми! А! да еще смѣется, распротобестія! Не вытерпѣлъ—бацъ его въ рожу.

— Фью,—просвисталъ Петръ Павловичъ:—вотъ оно куда зашло! Ты, Даня, неостороженъ.

— Пятьдесятъ-съ, говоритъ, за безчестье,—продолжалъ Данила Павловичъ.

— Ну, много будетъ!—вставилъ Петръ Павловичъ.

— Нѣтъ, не много! Ты лучше послушай, что дальше. А не то-съ, говоритъ, не угодно ли въ полицію... А, каково? Въ полицію! Съ кѣмъ же судиться: Васька Слюнявый зоветъ меня въ полицію! Искровенили-съ, говоритъ, и знаки поврежденія есть... Нѣтъ, ты вообрази себѣ эту бестію:

весь-то онъ сплошной знакъ поврежденія; я думаю, синякъ на синякѣ вездѣ у него; что день, то драка; и онъ же мнѣ этими знаками въ носъ тычетъ. Отвѣтите-съ, говоритъ: къ работѣ способности лишили. А? хороша исторія?

— Что-жъ, и по-дѣломъ,—насмѣшливо замѣтилъ Аркадій Павловичъ:—ты бы еще съ нашимъ Митькой или Вавилой въ конюшнѣ въ носки играть сталъ! Срамишь фамилію, своею грязью другихъ марасшь!

Онъ пожалъ плечами и зѣвнулъ.

— Пора чай, — процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Надоѣло это все, скорѣе бы кончить... Точно въ вертепъ какой попалъ.

— Да, чортъ возьми, пора кончать, а то я на своихъ собственныхъ подошвахъ, пожалуй, дойду до полка,—замѣтилъ Данила Павловичъ.—Чортъ знаетъ, что здѣсь за городъ! Скука совсѣмъ загрызла. Кажется, петлю бы на шеѣ затянулъ, если бы еще здѣсь прожить. У насъ въ Польшѣ ужъ на что жидовскія гнѣзда, а все-таки веселѣе, хоть веселыхъ барышень въ волю и игра идетъ, а здѣсь...

— Пойдемте въ столовую, — сказалъ Петръ Павловичъ, граціозно потягиваясь и не слушая брата.

Братья усѣлись въ столовой. Петръ Павловичъ сталъ разливать чай. Аркадій Павловичъ полулежалъ на диванѣ и покуривалъ сигару. Данила Павловичъ шагалъ по комнатѣ и изрѣдка что-то бормоталъ, можно было разобрать только:

— Распротоканалья! Ногами! Въ полицію!

Видно было, что въ его голову клиномъ засѣла недавняя исторія.

Смотря на эту картину, сразу можно было замѣтить, что между этими людьми нѣтъ ничего общаго, что они сведены вмѣстѣ случайно. Они были братьями, но всѣ они были разбросаны по разнымъ корпусамъ, рѣдко встрѣчались вмѣстѣ, получили разное направленіе, разные взгляды. Данила Павловичъ дальше провинціальнаго корпуса и провинціальной жизни въ арміи не видалъ ничего; Петръ Павловичъ жилъ и учился въ столицѣ, служилъ въ гвардіи и былъ баловнемъ золотой молодежи; Аркадій Павловичъ не только учился въ столицѣ, но и прожилъ дѣтство въ домѣ родственниковъ-аристократовъ, потомъ, перейдя изъ военной службы въ гражданскую, объѣхалъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій Германію, Францію и Англію. Жизненныя условія наложили на каждаго изъ нихъ особую печать. Данила Павловичъ, не привыкшій стѣсняться и сдерживаться въ провинціальной армейской средѣ, дѣйствовалъ нараспашку и ка-

зался глупѣе и простоватѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; Аркадій Павловичъ, выполненный приличіями чужой аристократической семьи, умѣлъ приличными формами и сдержанностью въ извѣстныхъ случаяхъ замаскировать убожество своего ума и смотрѣлъ умнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; Петръ Павловичъ, избалованный за красоту золотой молодежью и женщинами полусвѣта, являлся такимъ мягкимъ, нѣжнымъ и ласковымъ юношею, что трудно бы было угадать, какъ много безсердечности, эгоизма и нравственной тупости таилось подъ этой привлекательной личиной. Между собой братья были скорѣе врагами, чѣмъ друзьями. Данила Павловичъ развивался подъ присмотромъ матери, былъ ея любимцемъ, и потому его не любили братья, знавшіе, что онъ всевозможными обманами вытягиваетъ у матери деньжонки на свои тайные кутежи. Петръ Павловичъ былъ нелюбимъ своею матерью за недостатокъ благочестія, и потому братья тоже не любили его, зная, что можно выслужиться передъ матерью, наушничая на брата. Аркадій Павловичъ, какъ человѣкъ много видавшій, много путешествовавшій, въ послѣднее время сталъ дѣлаться въ глазахъ матери авторитетною личностью и потому опять-таки его не взлюбили братья. Данила Павловичъ боялся, что подъ вліяніемъ Аркадія Павловича мать перестанетъ вѣрить его слезнымъ вымаливаніямъ денегъ, Петръ же Павловичъ не безъ основанія полагалъ, что Аркадій Павловичъ воспользуется нелюбовью матери къ нему, Петру Павловичу, и еще болѣе вооружитъ старуху, чтобы взять себѣ львиную часть изъ имѣнія. Теперь, сведенные подъ родную кровлю, связанные дѣлежомъ имѣнія, братья постоянно сталкивались какими-то острыми углами и ждали только того дня, когда имъ можно будетъ разойтись въ разныя стороны. Они сидѣли теперь въ раздумьи и почти не говорили. Только Данила Павловичъ все еще шагалъ по комнатѣ и то что-то бормоталъ, то трепалъ свои волосы.

— Нѣтъ, непремѣнно женюсь! Это единственный исходъ!— вдругъ топнулъ онъ ногою.

— На комъ это? — лѣниво, сквозь зубы, спросилъ старшій братъ.

— Адельку возьму, —отвѣтилъ Данила Павловичъ.—Дѣвка, правда, съ придурью и ужъ очень благовоспитанная, ну, да маленькія непріятности не мѣшаютъ большому удовольствію. Дядя Платонъ приданое хорошее дастъ, а ее передѣлаемъ...

— Ну, это еще неизвѣстно! — процѣдилъ сквозь зубы Аркадій Павловичъ.

— Что!? Я не передѣлаю женщины? — воскликнулъ Данила Павловичъ. — Да я, братъ, не такихъ ломалъ, да въ баранія рогъ сгибалъ. Коню! Коню!

Аркадій Павловичъ улыбнулся при этомъ французскомъ словѣ, сказанномъ съ татарскимъ акцентомъ.

— Я не о томъ говорю, согнешь ли ты ее или не согнешь въ бараній рогъ,—замѣтилъ онъ.—Но надо бы спросить, пойдетъ ли она за тебя?

— Да я уже намекалъ дядѣ Александру. Онъ не прочь...

— Я и не сомнѣваюсь! За лишняго собутыльника на цыганскихъ пирахъ, за лишняго товарища на псовой охотѣ съ попойкой дядя Александръ, конечно, продастъ и родную дочь. Но надо бы спросить и ее. Татарщина, братъ, все у васъ, домостроевскія правила...

— Ну, да ужъ у тебя не станемъ учиться хвостомъ вилять, — проворчалъ Данила Павловичъ.

Онъ продолжалъ ходить по комнатѣ и по временамъ хмурился. Наконецъ, онъ остановился передъ Аркадіемъ Павловичемъ.

— Братъ ты мнѣ или нѣтъ? — спросилъ онъ.

— Говорили люди, что братъ, — отвѣтилъ съ ироніей Аркадій Павловичъ:—хотя и сомнительно, чтобы это была правда... Что же дальше?

— А то, что не будь подлецомъ! Слушай!—торжественно произнесъ Данила Павловичъ, ударивъ по плечу Аркадія Павловича.—Не мѣшай мнѣ! Вижу я, что ты какую-то механику подводишь. Это, братъ, подло! Я Аделькуу намѣтилъ, значитъ, ты и уступи...

Аркадій Павловичъ пожалъ плечами.

— Точно о кобылѣ какой толкуешь: намѣтилъ, уступи! Чему васъ учили-то!—проворчалъ онъ и началъ молча прихлебывать чай.

Въ комнатѣ воцарилась полнѣйшая тишина, и въ этой тишинѣ какъ-то чрезчуръ отчетливо раздавались звуки камышевки по выколачиваемому платью, то стихавшіе, то возобновлявшіеся съ новой силой. Въ этихъ звукахъ было что-то нагонявшее тоску, раздражавшее нервы. Неизвѣстно, навѣяла ли эта музыка грусть на душу трехъ братьевъ, но только они не говорили между собой и, казалось, безцѣльно прислушивались къ этимъ звукамъ, какъ вдругъ ихъ поразили голоса прислуги:

— Батюшка! Родной! Соколикъ нашъ ясный!—и въ ту же минуту послышались звонкіе поцѣлуи.

Братья съ недоумѣніемъ переглянулись между собою. Они еще не успѣли перекинуться другъ съ другомъ какимъ-нибудь замѣчаніемъ, какъ на порогѣ столовой появился, весь въ пыли и въ поту, уже знакомый намъ путникъ.

— Что тебѣ? — грубо спросилъ его Данила Павловичъ, поднимаясь къ нему навстрѣчу.

Посѣтитель усмѣхнулся и только-что хотѣлъ отвѣтить что-то, какъ къ нему подошелъ Аркадій Павловичъ.

— Вотъ-съ какъ, во-время за наслѣдствомъ пожаловали!.. Это Максимъ, — обратился онъ къ братьямъ, кивнувъ съ презрительною усмѣшкой на посѣтителя.

IV.

Братья стояли въ одной безмолвной и смущенной группѣ, видимо не зная, какъ отнестись къ новоприбывшему: пожать ли ему холодно руку, какъ старому недругу, броситься ли къ нему въ объятія, замаскировавъ чрезмѣрною нѣжностью тайную ненависть къ нему. Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Настасья.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ, мой голубчикъ! — воскликнула она и повисла на шеѣ Максима. — Родной мой, ручки дайте ваши расцѣловать, глазки ваши умные!

Она и плакала, и смѣялась, а Максимъ взялъ обѣими руками ея худенькую, маленькую, какъ кулачокъ, голову съ крысинымъ хвостикомъ вмѣсто косы и поцѣловалъ ее въ узкій, точно сдавленный лобъ.

— Не забыла, Настуся?—спросилъ онъ ее задушевнымъ тономъ.

— Васъ-то? Да что вы! Шутиха-то васъ забудетъ! Да развѣ это возможно? — говорила она и смотрѣла ему въ глаза, точно хотѣла насмотрѣться на него за все время ихъ разлуки. — Екзаментъ-то, батюшка, исполнили ли? — спросила она.

— Все кончилъ, Настуся, все! — уклончиво отвѣтилъ, махнувъ рукою, молодой человѣкъ и еще разъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Мамашенька-то все передъ смертью заботились, — проговорила Настасья.—Не далъ Богъ дожить до радости.

Она заплакала. По лицу Максима пробѣжала горькая улыбка.

— Полно, Настуся, полно! — ласково проговорилъ онъ, утѣшая свою старую няньку.

Братья были рады этой недолгой сценѣ, избавившей ихъ отъ первой неловкости при встрѣчѣ съ нелюбимымъ братомъ.

— Пожалуйста, безъ слезъ! Довольно наплакались!—процѣдилъ сквозь зубы Аркадій Павловичъ.—Лучше налей ему чаю и спать пора.

— Да, да, дай мнѣ, Настуся, чаю!—живо сказалъ новопріѣзжій и усѣлся за чайный столъ.

— Да ты что же это со мной не здороваешься, оскребышъ?—вдругъ захохоталъ Данила Павловичъ:—или обидѣлся, что я тебя чуть не выгналъ? Вѣдь, чортъ меня побери, совсѣмъ не узналъ въ полутьмѣ, гляжу, что за мужикъ лѣзетъ въ комнату, ужъ не изъ трактира ли, думаю,—а это ты. Ахъ, ты, шутъ гороховый!

Данила Павловичъ крѣпко пожалъ руку Максима своею широкою рукой и поцѣловался съ нимъ въ губы.

— Ты все такой же, какъ и былъ, Данила,—добродушно усмѣхнулся Максимъ.

— Обурбонился, братъ, совсѣмъ! Въ щелоку не отмоешь!—шумно захохоталъ Данила.—Дуюсь въ карты направо, налѣво; амурничаю съ милыми дѣвицами,—вотъ и все.

Максимъ началъ жадно пить чай и ѣсть булки, какъ человѣкъ, сильно проголодавшійся въ дорогѣ. Братья молчаливо посматривали на него, и по губамъ Аркадія Павловича, осматривавшаго костюмъ новоприбывшаго брата, скользила презрительная усмѣшка. Петръ Павловичъ прервалъ неловкое молчаніе.

— Давно, давно мы не видались, — началъ онъ своимъ сладкимъ голосомъ. — О тебѣ въ послѣднее время не было ни слуху, ни духу.

— А развѣ кто-нибудь обо мнѣ справлялся? — спокойно спросилъ Максимъ.

Петръ Павловичъ нѣсколько смѣшался и, не отвѣчая на вопросъ, продолжалъ элегическимъ тономъ:

— Мать сильно заботилась о тебѣ въ послѣднее время.

— Заботилась?—съ удивленіемъ спросилъ Максимъ.

— Да, толковала все, какъ ты живешь, гдѣ ты находишься. Ее, видимо, мучили эти вопросы,—пояснилъ Петръ Павловичъ.

— Жаль, что вопросы такъ и остались вопросами,—замѣтилъ Максимъ.—Отвѣтить на нихъ было не трудно, потому что въ Петербургѣ есть адресный столъ...

— Да, но вѣдь никто не зналъ, что ты въ Петербургѣ

— Ты хотѣлъ сказать, что никто и не узнавалъ? — возразилъ Максимъ.

Въ комнатѣ вдругъ наступило неловкое молчаніе. Новопріѣзжій наскоро допилъ чай и, вставъ изъ-за стола, направился къ дверямъ въ залу. Онѣ были заперты.

— Что это? — спросилъ онъ.

— Тамъ вещи сложены. — отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Такъ что же? Отъ кого ихъ запирать здѣсь, кажется, все свои, — замѣтилъ Максимъ.

— Ручаться ни за кого нельзя, — процѣдилъ сквозь зубы старшій братъ, искоса взглянувъ на него.

Максимъ пожалъ плечами.

— У насъ, братъ, на этотъ счетъ строго! — сбалаганилъ Данила Павловичъ, скорчивъ серьезное лицо.

— Это и видно, — отвѣтилъ Максимъ.

— Спать, господа, пора, — промолвилъ Аркадій Павловичъ, зѣвая. — Завтра надо пораньше подняться. Пора покончить расчеты. Теперь же кстати всѣ налицо.

Братья поднялись съ мѣстъ. Они были, видимо, довольны тѣмъ, что могли разойтись по разнымъ комнатамъ. Максиму была приготовлена постель въ мезонинѣ, гдѣ когда-то жилъ его покойный отецъ. Поднявшись по лѣстницѣ наверхъ, молодой человѣкъ отворилъ окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ въ комнатѣ было душно. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ у окна, осматривая знакомый ему садъ, и, наконецъ, въ грустномъ раздумьи снова захлопнулъ окно и сталъ неторопливо раздѣваться. Въ эту минуту къ нему на цыпочкахъ вошла Настасья. Эта приземистая, худощавая старая служанка съ слезливыми глазами и запуганнымъ, хотя и нелишеннымъ хитрости, выраженіемъ лица, съ жеманными манерами и склонностью вставлять въ разговоръ высокопарныя или французскія слова, подхваченныя ею еще въ дѣтствѣ въ господской «классной», не могла утерпѣть, чтобы не взглянуть еще разъ на своего питомца. Она съ давнихъ поръ исполняла въ семьѣ обязанности горничной и няньки и была извѣстна подъ прозвищемъ «шутихи».

— Пришла, батюшка, взглянуть, все ли у васъ тутъ есть, — сказала она, какъ бы оправдываясь, и быстро начала поправлять очень аккуратно постланную постель.

— Спасибо, Настуся. Мнѣ ничего не нужно, — ласково отвѣтилъ Максимъ.

Онъ предчувствовалъ, что «шутиха» сейчасъ передастъ

ему по секрету всѣ домашнія новости. Въ былые годы ея «дворовой» жизни ее надрессировали къ исполненію этой обязанности домашняго шпіона и доносчика.

— Дай вамъ Богъ уснуть хорошенько съ дороги, — пожелала она.—Не долго, не долго придется въ родительскомъ домѣ пребывать... Все скоро подѣлятъ...

Максимъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Ахъ, ужъ этотъ дѣлежъ! Афрѣ, какъ мамашенька, покойница, говаривала,—вздохнула Настасья и вдругъ заговорила шопотомъ, принимая еще болѣе запуганное выраженіе.—Согласія, батюшка, нѣтъ. Все ссоры, все ссоры— и не приведи Господи, что дѣлается! Ровно какъ чужіе, какъ враги! Каждая-то это тряпочка, каждый-то это кусочекъ на брань вызываетъ. Вотъ-то ужъ именно какъ ризу Христову дѣлятъ... Аркадій Павловичъ всѣмъ орудуетъ: онъ это дѣлитъ-то; верхъ, значитъ, взялъ и властвуетъ. Ну, а сами знаете, у Данилы Павловича характеръ воспалительный—огонь: чуть не по немъ что дѣлается, сейчасъ шкандалъ...

Максимъ ничего не отвѣчалъ и еще задумчивѣе ходилъ по комнатѣ. Онъ зналъ давно привычку старой крѣпостной передавать ему и матери всѣ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ домѣ, и также хорошо зналъ, что было бы напрасно стараніе остановить эти изліянія. Настасья вздохнула и помолчала.

— А вѣдь у насъ-то свадьба затѣвается, — начала она черезъ минуту тѣмъ же таинственнымъ тономъ. — Мамашенькины ноженьки еще остыть не успѣли, а они ужъ о свадьбѣ думаютъ. Дяденьки Александра Николаевича дочь сватаютъ.

— Дуню?—быстро спросилъ Максимъ, оборачиваясь измѣнившимся лицомъ къ своей нянькѣ.

Эта новость, повидимому, задѣла его за самое больное мѣсто.

— И-и, что вы! — замахала она рукой. — Авдотья Александровна дяденькою Платономъ Николаевичемъ въ черномъ тѣлѣ держится. Ее что сватать! Нѣтъ, они за Аделаидой Александровной увиваются. Въ ней-то дяденька Платонъ Николаевичъ души не чаетъ и наградитъ, наградитъ ее. Вотъ потому и ухаживаютъ за ней. Все ради этихъ денегъ проклятыхъ. Она-то, кажется, за нихъ не очень хочетъ идти, ну, да дяденька Александръ Николаевичъ, конечно, велѣть можетъ... Извѣстно, наша женская линія такая — велятъ, и иди замужъ. Они это съ дяденькой Але-

ксандромъ Николаевичемъ все хороводятся и разъѣзжаютъ по сосѣдямъ вмѣстѣ, и пиры у нихъ...

— Да кто же это женится-то, Настуся?—спросилъ, улыбаясь, Максимъ.

— Да все они же, Данила Павловичъ, Данила Павловичъ!—выразительнымъ шопотомъ произнесла Настасья.— Ужъ извѣстно, кто же станетъ компанію водить съ дяденькой Александромъ Николаевичемъ, какъ не вашъ братецъ Данила Павловичъ! Сами знаете, Аркадій Павловичъ и Петръ Павловичъ ведутъ себя въ приличіи, все это у нихъ комъ-илъ-фо. Ну, а Данила Павловичъ такъ-себѣ вышелъ, какимъ-то посредственнымъ, обращенія и деликатности не видалъ, все въ губерніи жилъ, по деревнямъ, Польшу усмирялъ и этой бантонности, знаете, у него нѣтъ. Ему бы цыгане, бильярдъ, псарня—тутъ онъ и воевода, а попадетъ въ образованное общество—и языкъ проглотитъ, точно въ воду опущенный сидитъ, въ самозабвеніи... Это какъ-то были они у дяденьки Платона Николаевича, ну тамъ ужъ — дворецъ, дворецъ, все на приличіи, атикетъ, все парле франсе, нашему-то Данилѣ Павловичу это и не понутру: сидѣлъ онъ, сидѣлъ, какъ сычъ какой, — прости Господи, не про своего бы барчонка говорить! — потомъ и шасть въ буфетную. Дай водки, говоритъ буфетчику Ѳомкѣ.— Помните Ѳомку-то, нашего Вавилы троюродного брата? — Ну, извѣстно, Ѳомка не смѣлъ отказать — далъ. Какъ это попало Данилѣ Павловичу лишнее за галстукъ — и развернулся онъ, дяденькѣ Платону Николаевичу сгрубилъ, Ханыкова, сосѣда-то дяденькинаго, что въ Останкиномъ живетъ, выругалъ, тамъ на дворѣ дѣвчонку какую-то, гроша не стоящую, поймалъ—просто карамболь вышла. Вы вѣдь знаете дяденьку-то Платона Николаевича — шутить и разговаривать не любитъ: велѣлъ онъ заложить экипажъ и отвезти нашего забіяку за десять верстъ, на Алехинскую мельницу. «И скажите ему, говоритъ, — пусть онъ вытрезвится и приходитъ прощенья просить у Ханыкова. Если же не придетъ просить у него прощенья и не принесетъ отъ него письменнаго свидѣтельства въ томъ, что его прощаетъ Ханыковъ, то пусть и не является ко мнѣ на глаза». А о своей обидѣ-то дяденька и не упомянулъ, потому, люди это сказывали, что дяденька сказалъ: «если это на меня злая собака лаетъ—я ее бью, но не сержусь на нее и не обижаюсь, такъ какъ она сама не знаетъ, чего она лаетъ, и безчестья мнѣ никакого не приноситъ». Ужъ что

и говорить: баринъ, баринъ! Онъ и вниманія-то не обратитъ на какое-нибудь безобразіе...

Настасья была очень оживлена, сильно жестикулировала руками, поминутно закатывала глаза, хотя даже въ пылу одушевленія не повышала голоса и продолжала говорить шопотомъ. Этотъ таинственный шопотъ вошелъ у ней въ привычку. Максимъ почти не отвѣчалъ ей и, наконецъ, только замѣтилъ:

— Такъ-то, Настуся, плохи дѣла.

— Плохи, батюшка, очень плохи, совсѣмъ мове! — произнесла она, зажмуривъ глаза.

Максимъ подошелъ къ ней, потрепалъ ее по плечу и шутливо промолвилъ:

— И ты все такою же осталась!

— Что мнѣ, батюшка, дѣлается!—какъ-то кокетливо замѣтила она.

— Ну, прощай, Настуся, покойной ночи,—сказалъ онъ, цѣлуя няньку.

— Мерси-съ,—проговорила она и сдѣлала книксенъ.

«Шутиха»,—подумалъ Максимъ, вспомнивъ, что именно подъ этимъ прозвищемъ была извѣстна въ домѣ его старая нянька. Она прошутила такъ весь вѣкъ, произнося на потѣху господъ исковерканныя французскія фразы и шпіоня въ домѣ за всѣми. Она еще разъ поправила его постель и вышла на цыпочкахъ изъ комнаты.

V.

Максимъ остался одинъ и лѣниво, въ раздумьи, сталъ раздѣваться.

Медленно снявъ одежду и положивъ ее на первый попавшійся стулъ, онъ легъ на постель. Но онъ не могъ уснуть. Какія-то отрывочныя думы, навѣянныя болтовнею Насти, какія-то смутныя воспоминанія, пробужденныя въ тишинѣ этимъ старымъ роднымъ домомъ, этою знакомою комнатою, бродили въ его головѣ. «Всѣ за Аделаидой Александровной увиваются», — мелькали въ его памяти слова Насти. «Что-жъ, это понятно, она выгодная невѣста! — думалъ онъ.—А что-то Дуня? О ней Настя ничего не говорила. Дитя, нелюбимое Платономъ Николаевичемъ дитя, такъ на нее никто и вниманія не обращаетъ. Впрочемъ, какое же она дитя? Ей теперь, должно-быть, минуло восемнадцать лѣтъ... Да, такъ и есть — восемнадцать. Какъ время-то летитъ! Давно ли, кажется, мы дѣтьми убѣгали

съ ней отъ дядюшекъ, маменекъ и тетушекъ на берегъ пруда и поочередно сторожили другъ друга, чтобы кто-нибудь не узналъ, что мы тамъ купаемся по вечерамъ! Восемнадцать лѣтъ! И какъ, должно-быть, расцвѣла, какъ стала хороша она! Она всегда была лучше Аделаиды. Кто-то за ней увивается, кого-то она любитъ? И зачѣмъ я не разспросилъ Настю? Впрочемъ, она — бѣдная, ничего не получитъ отъ дяди Платона. Онъ всегда не любилъ ее. А женихамъ приданое нужно»... «Словно ризы Христовы дѣлитъ», — вдругъ промелькнули въ его головѣ слова Насти. Онъ горько улыбнулся и подумалъ: — «Вотъ и я за тѣмъ же пріѣхалъ сюда, чтобы оторвать для себя клочокъ отъ этихъ ризъ. Что-жъ, не умирать же, въ самомъ дѣлѣ, съ голоду! Человѣкъ хочетъ ѣсть, пить, одѣваться,—жить онъ хочетъ, вотъ что. И какое ученье пойдетъ на умъ, когда голоденъ? Учишься урывками, наскоро... А какъ же дѣлаютъ другіе, у которыхъ нѣтъ этихъ ризъ для дѣлежа? Другіе! Да полно, такъ ли развивались другіе, какъ мы».

Онъ задумался и безцѣльно устремилъ глаза по направленію къ окну. За окномъ бѣлѣла сѣроватая, мутная лѣтняя ночь—не то сумерки, не то разсвѣтъ пасмурнаго дня. Въ воздухѣ было тихо, съ улицы не доносилось ни одного звука,—казалось, кругомъ все вымерло.

Максиму была знакома эта тишина лѣтней ночи въ родномъ захолустьѣ: сколько разъ, мучимый безсонницей, онъ и радовался ей, и томился ею! Порой онъ бросался въ старые годы въ восторгѣ на постель среди этой тишины и широко, свободно дышалъ молодою грудью, радуясь, что наконецъ-то остался одинъ, безъ дядюшекъ, безъ тетушекъ, безъ наставленій, безъ упрековъ, и можетъ отдохнуть, забыться, помечтать, подумать. Порою, лежа на постели въ тѣ же старые годы, среди этой же мертвенной тишины, онъ чувствовалъ, какъ, мало-по-малу, свинцовымъ гнетомъ давили его эта тишина и эта нетемнѣющая, неразсвѣтающая, сѣрая, удушливая ночь, и хотѣлось ему тогда бѣжать отъ нихъ куда-то далеко, бѣжать безъ оглядки, какъ отъ нѣмого, безсердечнаго и тупого врага, спокойно и медленно сжимающаго его въ своихъ свинцовыхъ объятіяхъ. Онъ вспомнилъ эти чувства, вспомнилъ, какъ въ былые годы дѣтства онъ смотрѣлъ въ такія минуты испуганными глазенками на окна, казавшіяся ему въ полутьмѣ сѣрой ночи какими-то гигантскими глазами съ бѣльмами, а тамъ, за окнами, двѣ старыя, старыя липы неподвижно и спокойно

глядѣли на него, разметавшагося въ жару ребенка. Это были нѣмые и безотвѣтные сторожа и соглядатаи, видѣвшіе все, что происходило въ его комнатѣ: и слезы, и смѣхъ, и молитвы, и ранній развратъ, развратъ отъ скуки, отъ одиночества, отъ этой всеподавляющей, гнетущей тишины. И вотъ опять такъ же неподвижно стоятъ въ саду онѣ, эти старыя липы, только придвинулись еще ближе ихъ разросшіяся вѣтви къ окнамъ, еще пристальнѣе смотрятъ онѣ на него, точно имъ хочется получше всмотрѣться въ этого юношу, котораго онѣ знали когда-то ребенкомъ. Онъ тоже глядитъ на нихъ, и отъ его глазъ бѣжитъ дремота, бѣжитъ подъ наплывомъ воспоминаній: его отецъ, его мать, его дядюшки, его тетки, его двоюродныя сестры, его родные братья, крѣпостные люди,—всѣ, всѣ знакомыя лица встаютъ передъ его глазами, и кажется ему, что онъ снова волнуется, смѣется и плачетъ среди старой, невозвратной жизни, въ старомъ гнѣздѣ крѣпостничества. Вотъ видитъ онъ мать, худощавую, слабую женщину съ скромно приглаженными свѣтлыми жидкими волосами, съ золотушными, подслѣповатыми и слезящимися глазами, съ испостившимся, морщинистымъ и сухимъ лицомъ, съ синими жилками на ввалившихся вискахъ, съ тонкими, костлявыми руками, которыя покрыты, точно веревочной сѣтью, рѣзко обозначившимися жилами. Эта женщина сохранила до старости всѣ привычки, всѣ манеры институтки старыхъ временъ: сентиментальность, щепетильность, склонность къ мечтаніямъ и слезамъ, неумѣнье вести практическую дѣятельность, полнѣйшую зависимость отъ постороннихъ вліяній, отъ вліянія тѣхъ, кто умѣетъ сладко и красно говорить и залѣзать въ душу или повелѣвать. Сначала это вліяніе оказываетъ на мать ея двоюродный братъ Александръ Николаевичъ Баскаковъ, мотъ и кутила, вѣчно цѣлующій «ручки» у «сестрички» и вѣчно громко и самоувѣренно ораторствующій о необходимости разумнаго хозяйства, объ извлеченіяхъ возможной пользы изъ имѣнія, о широкихъ предпріятіяхъ и смѣлыхъ хозяйственныхъ опытахъ. Ей милы и дороги эти планы, потому что хочется побольше скопить денегъ для дѣтей, и она отдается въ руки «братцу». Онъ проматываетъ все свое имѣніе, затрачиваетъ часть имѣнія двоюродной сестры и попадаетъ подъ опеку: сестра плачетъ объ немъ, говоритъ, что безъ него она осталась, какъ безъ рукъ, что онъ непремѣнно устроилъ бы ея имѣніе, если бы судьба не остановила его на полдорогѣ, когда были сдѣланы

только затраты и еще не могло быть выгодъ. Потомъ на нее вліяетъ двоюродная сестра, Марья Семеновна Баскакова, краснощекая, коренастая старая дѣвственница, похожая на переодѣтаго въ женское платье вахмистра, съ размашистыми жестами, съ твердой рукой и загрубѣлымъ въ скитаніяхъ по бѣлу свѣту сердцемъ, толкующая о высокомъ призваніи женщины быть матерью и воспитать дѣтей. Она не признаетъ, чтобъ въ жизни было что-нибудь такое, чего нельзя перенести, такъ какъ перенесла же она, правда, не безъ бурь и волненій, свою дѣвственность. Ее всѣ зовутъ «тетушка Нѣтъ», такъ какъ на всякую фразу постороннихъ людей она отвѣчаетъ со слова «нѣтъ»; ее называютъ «странствующимъ педагогомъ», такъ какъ она странствуетъ уже съ незапамятныхъ временъ по роднымъ и вездѣ воспитуетъ дѣтей, не изъ-за жалованья, а ради любви къ роднымъ и къ ихъ дѣтямъ. Всѣ родные состоятъ съ ней въ перепискѣ, потому что это esprit fort фамиліи Баскаковыхъ. Всѣ знаютъ толстый сакъ-вояжъ «тетушки Нѣтъ», всѣ представляютъ себѣ образъ «тетушки Нѣтъ» не иначе, какъ въ широкомъ чепцѣ, немного сбившемся на сторону, съ большими очками въ серебряной оправѣ, то спускаемыми на носъ, то подымаемыми на голову. Эти очки никогда не снимаются съ головы, но «тетушка Нѣтъ» постоянно ихъ ищетъ и обвиняетъ всѣхъ за то, что они взяли ея очки. Воспитать дѣтей, по ея мнѣнію, это то же, что муштровать ихъ. «Держитесь прямо», «не держите рукъ подъ столомъ», «не говорите по-русски», «не шепчитесь и не говорите слишкомъ громко», «вставайте, когда съ вами говорятъ старшіе», «не ходите въ людскую и въ дѣвичью», «выньте руки изъ кармановъ»,—эти правила и тысячи имъ подобныхъ вводятся въ тотъ домъ, гдѣ появляется «тетушка Нѣтъ», вводятся и въ домъ Муратовыхъ и становятся цѣлью жизни, предметомъ мученій для Ольги Матвѣевны Муратовой, матери Максима. «Тетушка Нѣтъ» даетъ ей выговоры за потачку дѣтямъ, запрещаетъ лишній разъ поцѣловать ребенка, кричитъ:

— Нѣтъ, вы опять ихъ балуете, chère cousine! Помяните мое слово, изъ нихъ выйдутъ злодѣи, вы ихъ погубите. Нужна выдержка для человѣка, нужно, чтобы онъ ходилъ по стрункѣ, чтобы онъ понималъ взглядъ, одинъ взглядъ старшихъ, чтобы онъ могъ все перенести.

Ольга Матвѣевна рыдаетъ и проситъ прощенья у «тетушки Нѣтъ».

— Ты что же это ноздри раздуваешь! — кричитъ, между тѣмъ, «тетушка Нѣтъ», обращаясь къ маленькому Максиму.— Вы видите, до чего доводятъ ваши поцѣлуи,—упрекаетъ она кузину - Я говорю, я наставляю, а онъ ноздри раздуваетъ! Развѣ вы не понимаете, что это непокорность? Вѣдь это очевидно, что онъ въ душѣ уже вооруженъ противъ меня. Нѣтъ, нѣтъ, я брошу вашъ домъ и уѣду, уѣду, чтобы не видѣть ихъ гибели!

Кузина упрашиваетъ и плачетъ.

— Ступай въ свою комнату и сиди тамъ до чаю,— командуетъ «тетушка Нѣтъ».—Ты остаешься безъ обѣда и безъ кофе. Тебѣ дадутъ хлѣба и воды. Сиди и думай о своемъ поведеніи, думай о томъ, что ты огорчилъ мать, огорчилъ даже меня. Ты вспомни, что я не обязана терпѣть мученія изъ-за тебя, вспомни, что я заботусь о васъ изъ состраданія, изъ жалости, и чѣмъ же ты платишь мнѣ? Ну, положимъ, мать обязана заботиться о васъ, а я? Я посторонній человѣкъ, я могла бы васъ бросить и уйти. Ты пойми это, пойми, неблагодарный!

Ребенокъ уходитъ въ дѣтскую и сидитъ тамъ одинъ. Никто не смѣетъ подойти къ его временной тюрьмѣ, и только одна «шутиха» осмѣливается тайкомъ пробраться къ его дверямъ.

— Максимъ Павловичъ, а Максимъ Павловичъ,—раздается у дверей шопотъ Насти.—Живы ли вы, родной мой?

— Это ты, Настуся?—спрашиваетъ мальчикъ.

— Тсъ! тише, тише, батюшка! — шепчетъ Настя. — Вы, батюшка, послушайте. Тамъ у меня подъ вашей постелькой сундучокъ есть, въ сундучкѣ этомъ корзиночка подъ тряпочками стоитъ, въ ней пирожка кусочекъ, цыпленочка половинка, окорока два ломтика. Это я для васъ поторопилась спрятать. Ужъ слышала, что не къ добру нашъ аспидъ-то расходился. Теперь нахохлилась, какъ индюшка, и все мамашу пилитъ. А мамаша-то плачетъ, убивается, опять у нея ваперы, да мидрень сдѣлались. Кушайте на здоровье!

— Настуся!

— Тсъ! Идутъ, идутъ, батюшка! Не выдайте вы меня!

И мальчикъ слышитъ тихій шорохъ на цыпочкахъ удаляющейся Насти.

Онъ сытъ, но въ немъ кипитъ злоба на «аспида», онъ готовъ сдѣлать все, чтобы снова разозлить «аспида». На другой или на третій день ему удается «встравить аспида», онъ опять попадаетъ въ временную тюрьму, но онъ радъ,

потому что «аспидъ» опять взволновался. Въ характерѣ мальчика развивается злопамятность, упрямство, настойчивость и стремленіе «сдѣлать на зло». Онъ можетъ уже «дуться» по три, по четыре дня, не говоря ни одного слова. Въ то же время онъ уже можетъ многое «перенести»: онъ, не уступая своимъ врагамъ, можетъ остаться безъ обѣда, безъ лакомства, простоять три часа въ углу, когда всѣ дѣти рѣзвятся, просидѣть въ темной комнатѣ, когда въ трубѣ воетъ вѣтеръ, когда вспоминаются страшные разсказы о домовыхъ. Такъ идутъ дни. Выправка дѣлаетъ значительные успѣхи: дѣти ходятъ по стрункѣ, ходитъ по стрункѣ даже Аркадій Павловичъ, пріѣхавшій на время въ Чистополье; онъ даже приводитъ въ восторгъ тетку своею выправкою. Но вотъ Петя, Даня и Максъ остаются одни съ Аркадіемъ, и онъ имъ открываетъ тайны, которыя никогда не приходили и въ голову дѣтямъ. Онъ не просто хитрый и скромный мальчикъ, но развращенный до мозга костей человѣкъ. Онъ заноситъ изъ столичнаго учебнаго заведенія въ провинціальную дѣтскую такіе пороки, о которыхъ и не помышляетъ ни институтка-мать, ни дѣвственница-тетка.

Какъ живо, какъ омерзительно-живо помнитъ Максимъ нравственную гибель своихъ старшихъ братьевъ, и какъ теперь странно ему ихъ недѣтское умѣнье быть чинными и скромными при теткѣ и матери! Да, онъ помнитъ, какъ они скромно потупляли глаза, какъ они застѣнчиво краснѣли при взрослыхъ. А между тѣмъ это уже были погибшіе юноши. Максимъ помнилъ, какъ обрѣзали косу семнадцатилѣтней Машѣ за то, что она смѣла обольстить пятнадцатилѣтняго «ребенка» Аркадія, какъ выпороли ея отца, кучера Вавилу, за то, что онъ не держалъ въ страхѣ Божіемъ свою дочь, какъ потомъ отправили ее на скотный дворъ въ деревню и какъ черезъ шесть мѣсяцевъ велѣли старостѣ Ильѣ выдать ее замужъ за послѣдняго мужика въ деревнѣ.

Но вотъ всѣхъ братьевъ развезли по корпусамъ, какъ увезли въ институтъ и ихъ сестру Соню.

— Мнѣ страшно подумать, что будетъ съ ними!—восклицала «тетушка Нѣтъ», оставляя свое вѣчное вязанье и закидывая на лобъ очки.—Вы уже успѣли ихъ избаловать, и теперь они окончательно погибнутъ безъ присмотра. Я уже чувствую, что сначала они сойдутся съ погибшими женщинами, потомъ начнутъ пить, какъ вашъ мужъ, потомъ станутъ тратить казенныя деньги и кончатъ Владиміркой.

Кузина плачетъ и ломаетъ руки.

— Мари, что же дѣлать? — стонетъ она.—Я переѣду въ столицу.

— Вы?!—восклицаетъ «тетушка Нѣтъ».—Да вы только ускорите ихъ гибель. Теперь нужна твердая рука, чтобы ихъ держать въ уздѣ,—они не дѣти!

«Тетушка Нѣтъ» при этомъ хлопаетъ по столу ладонью своей широкой руки, при чемъ на ея толстый носъ упадаютъ со лба очки, и мать инстинктивно понимаетъ, что именно у Мари такая твердая рука, какая нужна теперь дѣтямъ.

— Мари, простите меня,—жалобно шепчетъ кузина:—но я хочу просить у васъ одной жертвы. Вы взяли на себя трудное дѣло воспитанія моихъ дѣтей. Я вамъ такъ обязана...

— Нѣтъ, Ольга, не станемте говорить объ этомъ,—горячо и почти оскорбленнымъ тономъ перебиваетъ Мари.—Нѣтъ, какъ бы вы ни благодарили меня, но вы не въ состояніи вознаградить меня за потраченные мною для васъ годы, за мое разбитое здоровье. Меня за это можетъ наградить только Богъ, только одинъ Богъ!

Мари гордо выпрямляетъ свой тамбуръ-мажорскій станъ и смотритъ на мать уничтожающимъ взглядомъ, опять закинувъ очки на чепецъ.

— Говорите, Ольга, что вы хотѣли сказать, — надменно произноситъ она.

— Я не смѣю... это слишкомъ эгоистично съ моей стороны...

— Вы хотите, чтобы я переѣхала въ Петербургъ и смотрѣла за вашими дѣтьми?—рѣшительно перебиваетъ Мари.

— Мари!—въ волненіи начинаетъ кузина.

— Да, Ольга, вы, дѣйствительно, жестоки!—ѣдко говоритъ Мари.—Но я васъ не упрекаю. Каждая мать готова принести въ жертву своимъ дѣтямъ чужого человѣка. Что такое чужой человѣкъ въ сравненіи съ родными дѣтьми!

— Мари!

— Нѣтъ, не перебивайте меня! Я васъ не упрекаю. Я считаю вполнѣ естественнымъ ваше желаніе. Вы хотите, чтобы я бросила этотъ домъ, сдѣлавшійся мнѣ роднымъ, чтобы я бросила васъ, любимую мною женщину, чтобы я жила одна въ чужомъ городѣ, въ этомъ губительномъ для здоровья Петербургѣ, чтобы я одна наблюдала за тремя дѣтьми. Я чувствую, что это окончательно сломитъ мои силы, доведетъ меня до могилы, но я готова принести для васъ и эту жертву... Но знайте, Ольга, что это будетъ послѣдняя жертва,—да, послѣдняя: мы уже не встрѣтимся

болѣе въ этой жизни—это я чувствую впередъ. Вы знаете, что такое Петербургъ!

Кузина плакала и готова была отказаться отъ своего предложенія, но Мари уже твердо стояла на своемъ и требовала, чтобы принесли ее въ жертву. Ей давно уже начинала надоѣдать жизнь на одномъ мѣстѣ.

И вотъ Мари помѣщается въ Петербургѣ на счетъ Ольги, беретъ въ отпуски ея дѣтей, ѣздитъ къ нимъ по разу въ недѣлю, выправляетъ ихъ, читаетъ имъ наставленія, печется о нихъ и жалуется, что ей недостаетъ средствъ, что ей дорого стоятъ заботы объ этихъ дѣтяхъ. Для большаго удобства она не нанимаетъ квартиры, а живетъ у графовъ Баскаковыхъ, богатыхъ и важныхъ родственниковъ Баскаковыхъ не-графовъ. Въ этой семьѣ она также приноситъ жертву, выправляя ихъ дѣтей. Посѣщая этихъ богатыхъ и важныхъ родственниковъ, гдѣ все дышитъ роскошью, столичной сдержанностью, приличіями, дѣти Ольги играютъ роль облагодѣтельствованныхъ сиротъ-провинціаловъ, манеры, видъ и языкъ которыхъ нѣсколько коробятъ полированныхъ столичныхъ аристократовъ. Мари заставляетъ провинціаловъ молчать и смирятся передъ важными и богатыми родственниками; она заставляетъ ихъ учиться у этихъ родственниковъ приличіямъ и играть роль приживалокъ. Разнузданные провинціалы съ угловатыми манерами и грубымъ, почти народнымъ языкомъ, неограниченные властители въ своемъ крѣпостномъ царствѣ, эти дѣти съ затаенною злобою видятъ, какъ ихъ здѣсь презираютъ, какъ ими командуютъ, какъ смотрятъ на нихъ свысока, и при первомъ удобномъ случаѣ вырываются въ тѣ дома, гдѣ среди попойки, среди падшихъ женщинъ и бѣднѣйшихъ товарищей они снова, хотя на минуту, могутъ развернуться во всю ширь своего помѣщичьяго самодурства. Рабы въ домѣ богатыхъ родственниковъ, они являются тиранами въ домахъ, гдѣ нуждаются и въ ихъ жалкихъ подачкахъ.

А дома мать плачетъ, читая ужасающія письма Мари; она обливаетъ слезами и балуетъ Даню, отданнаго въ близкій провинціальный корпусъ и обреченнаго, по словамъ Мари, на вѣрную гибель безъ ея строгаго надзора; она томитъ постами и молитвами послѣдняго своего сына Максима, который тоже, вѣроятно, погибнетъ, такъ какъ и онъ лишенъ надзора Мари.

Въ это время плача о дѣтяхъ и раскаянья за принесенную въ жертву Мари, дѣлается легче всего доступъ въ

домъ разнымъ монашенкамъ, юродивымъ, богомолкамъ и странникамъ. Они стекаются цѣлымъ полчищемъ въ старое гнѣздо и являются и утѣшителями, и сокрушителями сердца Ольги Матвѣевны. Въ домѣ служатся молебны за благонравіе дѣтей, за здоровье Мари, за отпущеніе вольныхъ и невольныхъ грѣховъ всей семьи Въ церкви дѣлаются вклады съ просьбою молиться за Ольгу, Павла, Марію, Аркадія, Софію, Петра, Данилу и Максима. Цѣлые дни проводятся въ разсказахъ о грѣшникахъ, о святой землѣ, о пустынножителяхъ, о чудесахъ. Во время разсказовъ шьются воздухи, пелены, покровы, ризы. Во время болѣзней пьется мыльная вода, которою мыли алтарь. Въ комнатахъ теплятся лампады, пахнетъ деревяннымъ масломъ, воскомъ и ладаномъ. Нищіе и больные осаждаютъ домъ—одни прося куска хлѣба, другіе ожидая какой-нибудь мази, цѣлительной травы, спасительнаго настоя. И чѣмъ больше дней несется надъ домомъ въ богослуженіяхъ, въ постахъ, въ молитвахъ, въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, тѣмъ сильнѣе худѣетъ Ольга Матвѣевна, тѣмъ блѣднѣе становится ее лицо, тѣмъ суровѣе дѣлается его выраженіе. Она уже не плачетъ, она уже не скорбитъ за трудную жизнь Мари, она уже не падаетъ въ обморокъ отъ недуговъ дѣтей. Слыша разсказы о страданіяхъ и мукахъ, она сухо и сурово произноситъ:

— Мы всѣ должны нести свой крестъ.

Передъ нею плачутъ люди о горѣ, она говоритъ:

— Вы должны радоваться! Земнымъ горемъ покупается небесное блаженство.

Проходитъ пять лѣтъ, и Мари однажды пріѣзжаетъ на мѣсяцъ къ Ольгѣ. Ольга обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ лобъ своими сухими губами, какъ цѣлуютъ ребенка. Мари закидываетъ на лобъ очки и начинаетъ жаловаться на свои заботы, на свои труды.—Ольга отвѣчаетъ ей:

— Да, Мари, я только теперь чувствую вполнѣ небесную радость, что я могла дать тебѣ этотъ святой крестъ и открыть тебѣ путь къ вѣчному блаженству.

Мари даже растерялась отъ этого яснаго и спокойнаго тона. Она ждала слезъ, раскаянья — и вдругъ Ольга радуется, гордится, что доставила своей Мари случай отличиться! Это подѣйствовало даже на Мари, и она поспѣшила къ своимъ богатымъ и важнымъ родственникамъ.

VI.

Какъ живо помнилъ все это Максимъ, какими неизгла-

димыми чертами ложились на его дѣтскую душу всѣ эти событія! Онъ помнитъ и массу этихъ странниковъ, юродивыхъ и монахинь, проживавшихъ въ ихъ домѣ, онъ помнитъ и то, какъ однажды онъ встрѣтилъ съ Настей оборванную женщину съ ребенкомъ на обгорѣлыхъ, израненныхъ рукахъ, завернутымъ просто въ одну тряпку,—эта женщина просила милостыни на погорѣльцевъ и, увидавъ Настю, остановилась со слезами побесѣдовать съ ней.

— Кто это, няня?—спросилъ Максимъ.

— Это-съ изъ нашей деревни, батюшка, — отвѣтила Настя.—Погорѣли они нынче, полдеревни сгорѣло.

— Что же мама не дастъ имъ денегъ?—спросилъ Максимъ.

— Гдѣ же, батюшка, имъ всѣмъ дать: ихъ триста душъ. Они сами мамашенькѣ должны оброкъ давать.

— Да вѣдь у ней же нѣтъ денегъ, она проситъ Христа-ради?—указалъ Максимъ на крестьянку.

— Это для себя, батюшка! А на оброкъ у нихъ должно быть. Нельзя же мамашенькѣ безъ оброка жить. Вѣдь если одинъ, да другой не принесетъ, такъ и кушать нечего будетъ. Тоже у насъ расходы-то не малые, шутка ли сколькихъ накормить надо.

Максимъ быстро снялъ съ себя бархатную поддевочку и хотѣлъ отдать ее погорѣлой. Та не брала.

— Что вы, батюшка, дѣлаете!—воскликнула Настя.—Да развѣ она смѣетъ отъ васъ взять? Если мамашенька узнаютъ, такъ ее такъ-то высѣкутъ за это... Барскія вещи брать, это не резонтъ. Вы еще несмысленочекъ.

Максимъ широко открылъ глаза.

— Высѣкутъ?—проговорилъ онъ и нахмурилъ брови. Онъ вспомнилъ, какъ онъ не спалъ цѣлую ночь, когда сѣкли рыжебородаго Вавилу.

— Какъ же не сѣчь, если кто провинится?

Максимъ быстро повернулся, что-то сообразивъ.

— Ну, я ее спрошу, я ее спрошу!—скороговоркой проговорилъ онъ и быстро пошелъ домой.

— Что вы хотите дѣлать?—быстро заговорила Настя, догоняя его.—Ужъ вы не мамашеньку ли хотите спросить? Да избави Боже! Она со свѣту меня сживетъ за то, что я, дура, за вами, за ребенкомъ, усмотрѣть не могла... Вотъ нашутила шутиха себѣ горе!

— Нѣтъ, я ее спрошу, я ее спрошу!—уже запальчиво шепталъ Максимъ.

— Ну, спрашивайте, коли вамъ Настусю вашу не жаль,—

проговорила Настя, чуть не плача.—Только ужъ тогда не жить мнѣ у васъ. Прогонятъ меня въ деревню, вонъ какъ Машу прогнали. Мамашенька не простятъ, что я васъ противъ ихъ вооружила! Видно, не любите вы меня!

Настя заплакала. Максимъ сдѣлался еще болѣе хмурымъ и убавилъ шагу.

— Имъ-то вы не поможете, а меня погубите,—говорила Настя.—Мамашенька нынче строгія стали, потачки не дадутъ. Осѣтили ихъ теперь дармоѣды, съ ума совсѣмъ свели своими страстями. Прежде, бывало, добрыя были такія, а теперь и жалости-то къ людямъ нѣтъ, ровно бездушныя...

Максимъ впервые понялъ, что его мать, дѣйствительно, стала сурова и безпощадна послѣ дружбы со странниками и юродивыми. Въ его дѣтской душѣ закипѣло какое-то негодованіе на мать за крестьянъ, на странниковъ за мать. Онъ уже не думалъ объясняться съ матерью по поводу «погорѣлой», но въ то же время онъ не могъ и побѣдить себя настолько, чтобы попрежнему приласкаться къ матери въ этотъ день. Онъ такъ привыкъ злобствовать и дуться на «тетушку Нѣтъ», что эта черта врѣзалась въ его характеръ, и онъ не умѣлъ быть ласковымъ съ тѣми, кѣмъ былъ раздраженъ. Между матерью и сыномъ явилась какая-то преграда. Онъ считалъ ее «не доброй» и въ то же время сталъ ненавидѣть весь окружающій ее людъ и тѣ идеи, которыя проповѣдывались этимъ людомъ. И вотъ въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ душѣ Максима сильнѣе чувствовалось недовольство, въ ихъ домъ пришелъ Гриша-юродивый. Это было грязное, оборванное, полуголое созданье, каркавшее вороном, хрюкавшее по-свинячьи, бормотавшее себѣ подъ носъ грозныя слова:

— Всѣ погибнемъ, всѣ погибнемъ! Крръ, крръ!

Максимъ не любилъ его и смотрѣлъ съ отвращеніемъ на его грязное тѣло, на его потрескавшіяся, отвратительныя руки, которыя Гриша нерѣдко опускалъ за обѣдомъ въ тарелку съ супомъ. Увидѣвъ Гришу, Максимъ сдѣлалъ недовольную гримасу и хотѣлъ уйти изъ комнаты. Мать замѣтила это и остановила мальчика.

— Останься,—проговорила она ему по-французски.

— Я не могу, maman, смотрѣть на него. Онъ весь грязный,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Онъ святой жизни человѣкъ,—замѣтила мать.

— А все-таки онъ грязный,—настаивалъ мальчикъ.

— Не въ тѣлесной, а въ душевной чистотѣ сила чело-

вѣка,—пояснила мать.—Подойди къ нему и поцѣлуй его руку.

Мальчикъ вздрогнулъ.

— Я не пойду!—покачалъ онъ отрицательно головою и попятился отъ юродиваго.

— Крръ, крръ!—закаркалъ Гриша и скорчилъ пальцы въ видѣ когтей.

— Видишь, онъ сердится на тебя. Иди къ нему,—приказала мать и обратилась къ Гришѣ.—Дай ему, голубчикъ, руку, дай.

— Укуситъ, укуситъ волченокъ!—захныкалъ юродивый.—Гриша боится, Гришу обидѣть можно...

Ольга Матвѣевна растрогалась и грубо толкнула сына къ Гришѣ со словами:

— Поцѣлуй его руку!

Максимъ весь побагровѣлъ, вырвался изъ рукъ матери и, толкнувъ въ сторону юродиваго со словами «свинья!», выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ этотъ день ребенка впервые высѣкли и заставили не только поцѣловать руку расхныкавшагося юродиваго, но и искупить вину цѣлою недѣлею поста и двухчасовой ежедневной молитвой. Съ этого дня недовольство матерью перешло въ открытую вражду къ ней. Максимъ чаще сталъ заходить въ людскую, дольше сталъ засиживаться съ прислугой. Потребность сердечной привязанности должна была быть удовлетворена.

И вспоминаются Максиму теперь сквозь сонъ темные осенніе вечера: на дворѣ шумитъ вьюга, широко раздвоившаяся свѣтильня оплывшей сальной свѣчи разливаетъ какой-то мутный свѣтъ въ комнатѣ, Настя вяжетъ чулокъ, Марья что-то штопаетъ, кучеръ Вавила покуриваетъ трубку, набитую махоркой,—все тихо. Но вотъ Максимъ пристаетъ къ прислугѣ, ему хочется услышать сказку, разсказъ про ихъ семейное житье-бытье, какую-нибудь исторію изъ прошлаго. Разсказы начинаются: Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ выходятъ на сцену съ своими гигантскими подвигами, съ своими буйными головушками, съ своей силой-силищей. Въ жаръ и въ холодъ бросаетъ ребенка отъ этой разудалой, дикой силы,—силы сказочной. Но вотъ рядомъ съ сказкою идутъ воспоминанія Вавилы о томъ, какъ мастеровщина изъ «зарѣченскаго притона» съ «дятловцами» въ кулачный бой ходила. «Стѣна на стѣну шла»,—говоритъ Вавила, и въ воображеніи Максима уже рисуется широкое

зарѣченское поле, лежащее между городомъ и селомъ «Дятлами», и видитъ онъ мастеровщину и «дятловцевъ», этихъ «черныхъ людей», сомкнувшихся въ двѣ стѣны. Здоровенные кулаки, могучія плечи, дикіе крики, медленное приближеніе одной живой «стѣны» къ другой такой же живой «стѣнѣ», дикая схватка,—все это ярко представляется въ его воображеніи. И какими-то особенными существами кажутся ему эти члены «зарѣченской мастеровщины», гнѣздящіеся въ слободѣ за рѣкой, среди закопченныхъ, гигантскихъ заводовъ, среди пыли и копоти, буйствующіе въ кабакахъ и поднимающіе тяжелые молоты. Вспоминается ему, что мама не велитъ Настѣ ходить съ нимъ гулять за рѣку, а приказываетъ гулять по Дворянскимъ и Господскимъ улицамъ и на Соборной площади; вспоминается ему, что Настя называетъ «озорниками» «зарѣченскую мастеровщину», и странно кажется ему, почему «зарѣченская мастеровщина» станетъ его обижать, и почему мама ненавидитъ эту «зарѣченскую мастеровщину». А какъ ему хочется посмотрѣть поближе на эту буйную и шумную жизнь, какъ ему хочется взглянуть на кулачные бои! Что-то дикое, опьяняющее есть во всемъ этомъ. Но вотъ Настя возвышаетъ свой голосъ и замѣчаетъ, что ничего «антереснаго не можетъ быть въ этомъ безобразіи», и что не стóитъ объ этомъ и говорить Максиму Павловичу.

— Нѣтъ, не такъ мы жили, когда мамашенька съ папашенькой ваяжъ совершали въ Петербургъ,—томно вздыхаетъ она.

И начинается ея разсказъ, какъ папашенька увезъ мамашеньку.

— Откуда же онъ ее увезъ?—спрашиваетъ Максимъ.

— Отъ бабушки и отъ дѣдушки,—отвѣчаетъ Настя.—Дѣдушка и бабушка хотѣли отдать ихъ за папашеньку, но мамашенька хотѣли, чтобы папашенька ихъ увезли,—тогда это въ бантонѣ было. Ну, папашенька и увезъ. Тайно это мы и въ Петербургъ пріѣхали. Вотъ ужъ гдѣ жизнь! Балы, тіатры, платья это модныя, магазеи...

И разсказываетъ Настя о Петербургѣ, но балы, шляпки, магазеи—все это какъ-то мало интересуетъ Максима; разсказъ Насти какъ-то безхарактеренъ, незанимателенъ,—видно, что она и сама не особенно искренно увлеклась Петербургомъ, что у ней это восхищеніе напускное, что она, въ сущности, не можетъ сказать, что хорошо въ Петербургѣ. Далѣе она разсказывала, какъ мамашенька любила

папашеньку, какъ она не хотѣла, чтобы папашенька служилъ, потому что ей скучно сидѣть одной, какъ она плакала, бывало, когда папашенька куда-нибудь уѣдетъ въ гости, какъ потомъ папашенька вышелъ въ отставку и пересталъ ѣздить въ гости...

— Ровно два голубя, такъ-то они жили все вмѣстѣ, все вдвоемъ,—добавляла Настя.—Потомъ они и сюда переѣхали, потому что шумъ это въ столицѣ, а тутъ тише, спокойнѣе.

Затѣмъ Настя умолкала и не говорила о дальнѣйшей жизни папашеньки и мамашеньки. Но эту жизнь уже зналъ Максимъ и безъ ея разсказовъ: тишина, одуряющая тишина въ домѣ, мамашенька плачетъ о своемъ неумѣньи хозяйничать, о томъ, что крестьяне мало оброковъ платятъ, о томъ, что папаша разлюбилъ ее, о томъ, что ея дѣти погибнутъ, о томъ, что она великая грѣшница. Тишина и слезы, слезы и тишина—вотъ все, что ярко бросалось въ глаза въ этой жизни. Какъ сильно не походила она на ту сказочную жизнь, гдѣ разбойничали Соловьи-разбойники и Ильи Муромцы; какъ сильно она отличалась отъ тѣхъ буйныхъ порывовъ, которыми были полны кулачные бои «зарѣченской мастеровщины!» Что-то убивающее своимъ однообразіемъ, что-то подавляющее своею плаксивою тоскою было здѣсь!

Вспоминается Максиму образъ матери: мать подчинялась, повидимому, всѣмъ—мужу, прислугѣ, постороннимъ лицамъ, дѣтямъ,—это было воплощенное безсиліе. Она сознавала свое безсиліе, она говорила о немъ каждому, она плакала о немъ, оно не было ни для кого тайною. А между тѣмъ она господствовала надъ всѣми, она управляла всѣмъ. Максимъ вполнѣ сознаетъ это теперь. Случалось ли вамъ видѣть семью, гдѣ есть больной, плачущій, медленно угасающій ребенокъ? Онъ не можетъ двинуться съ постели, его голосъ едва слышенъ, его маленькіе члены слабы, его можетъ обидѣть каждая муха,—все это знаетъ и онъ, и всѣ окружающіе его. Но между тѣмъ, входя въ домъ, вы сразу понимаете, что онъ царь въ семьѣ: всѣ ходятъ на цыпочкахъ, чтобы не встревожить его; всѣ прислушиваются къ его голосу, чтобы предупредить его желанія; всѣ становятся унылы, если онъ плачетъ; всѣ смѣются, если онъ веселъ. Никакіе крики, никакая брань, никакая сила не покоряютъ такъ семью, какъ эти жалобные, едва слышные, но никогда не прерывающіеся, вѣчно надрывающіе душу стоны и просьбы. Такимъ больнымъ ребенкомъ была мать Максима. Ея жалкія слова, смѣшанныя со слезами, были страшнѣе

побоевъ для прислуги; ея слезы вызывали самые горькіе упреки въ дѣтской совѣсти, если дѣти дѣлались причиной этихъ слезъ; ея покорное смиреніе передъ мужемъ, когда она говорила мужу: «я знаю, что я тебѣ надоѣла, я такая неумѣлая, такая слабая»,—дѣйствовали убійственно на мужа, и онъ сознавалъ, что онъ палачъ, а она слабая и невинная жертва; отъ этихъ слезъ уходила даже «тетушка Нѣтъ». отъ этихъ слезъ бѣжали всѣ и дѣлали все тайкомъ, чтобы только не вызвать этихъ слезъ. Да, отъ этихъ слезъ спасались братья Максима въ корпусахъ, какъ отъ чумы; только страхъ передъ этими слезами заставлялъ ихъ скрывать всю свою внутреннюю жизнь: и первую невинную шалость, и первый серьезный проступокъ; изъ страха передъ этими слезами, Максимъ скрылъ отъ матери свои первые мучительные вопросы, съ которыхъ началось его охлажденіе къ ней; изъ страха передъ этими слезами, онъ еще ласкался порою къ матери, когда въ его душѣ уже кипѣло раздраженіе на нее. Ложь и обманъ, затаенный разладъ и стремленіе вырваться изъ дома—вотъ что было слѣдствіемъ всего этого. Скрытность входила въ плоть и въ кровь братьевъ—они, неоткровенные съ матерью, сдѣлались такими же неоткровенными между собою. Мало-по-малу, между ними явилась цѣлая пропасть, и было у нихъ одно общее чувство: желаніе бѣжать изъ дома. Куда? Къ друзьямъ-кутиламъ, въ публичные дома, въ холостую компанію, къ тому веселью, котораго тщетно искали они дома, къ тѣмъ оживленнымъ людямъ, которыхъ не встрѣчалось дома, къ тому шуму молодой жизни, котораго не допускалось дома. И чѣмъ буйнѣе было проявленіе веселья, жизни, молодости и силы, тѣмъ сильнѣе оно влекло къ себѣ молодежь. «Плаксивыя барышни», «церемонныя дѣвицы», «маменькины дочки»,—вотъ термины, которыми съ насмѣшкой обозначались ими вообще всѣ молодыя дѣвушки порядочныхъ семействъ, и отъ этихъ дѣвушекъ бѣжали братья, ожидая отъ нихъ тѣхъ же слезъ, безсилія и жалобъ, которыя такъ надоѣли дома. Горничная съ бойкими глазами и тяжелой рукой, готовой треснуть по спинѣ своего обожателя, камелія съ циническою бранью и разухабистыми манерами, цыганка, вертящаяся передъ толпой въ ухарскомъ танцѣ съ подергиваньемъ плечъ и визгомъ,—вотъ типы, которые казались еще сносными молодымъ людямъ, но болѣе всего влекли ихъ къ себѣ друзья, буйствующіе, кутящіе, ни о чемъ не думающіе люди безъ раскаянья и сожалѣнія. Да, братья бѣжали въ

эти притоны разврата, сестра ушла въ монастырь отъ этого спертаго воздуха ихъ семейной жизни, а онъ, несчастный Максимъ, одинъ дышалъ этимъ воздухомъ именно въ то время, когда уже можно было окончательно задохнуться дома.

— И отчего это у насъ такая скука?—восклицалъ мальчикъ.

— Да какъ же веселиться-то, батюшка,—жалобно замѣчала Настя.—Мало ли у мамашеньки и у папашеньки заботъ и горя: вѣдь вонъ сколько ртовъ накормить надо, а крестьянъ-то всего триста душъ, да и тѣ въ закладѣ... Будь-ка у насъ тысячи двѣ душъ—не такъ бы мы жили...

Ребенокъ задумывался: почему же это его отецъ и мать не работаютъ?

И теперь, въ полузабытьи, ему казалось, что онъ не взрослый человѣкъ, а ребенокъ, что кругомъ него еще идетъ прежняя ненавистная ему жизнь, что онъ только на ночь освобожденъ отъ упрековъ матери, онъ наставленій странницъ, отъ пророчествъ Гриши, и слышится ему такъ ясно, такъ отчетливо этотъ хриплый, зловѣщій голосъ юродиваго:

— Крръ, крръ! Погибнетъ волченокъ! Склюетъ его воронъ! Крръ, крръ!

И при каждомъ движеніи этихъ костлявыхъ рукъ, скорченныхъ въ видѣ когтей хищной птицы, глухо звенятъ ржавыя вериги юродиваго, какъ страшная музыка къ этому зловѣщему карканью.

VII.

Максимъ вздрогнулъ и очнулся отъ дремоты: его опять и наяву, какъ въ старые годы, душила и давила эта мертвящая тишина ночи. Онъ осмотрѣлся кругомъ, и въ полутьмѣ его глаза невольно остановились на двухъ отчетливо обозначавшихся свѣтлыхъ пятнахъ на полу въ углу комнаты. Это были простыя свѣтлыя пятна, образовавшіяся на крашеномъ полу вслѣдствіе стершейся краски. Но Максимъ смотрѣлъ на нихъ съ какою-то невыразимою болью въ сердцѣ. Вотъ и въ другомъ углу такія же пятна, и въ третьемъ, и въ четвертомъ. Отъ нихъ накрестъ тянутся черезъ комнату какія-то болѣе блѣдныя, чѣмъ цвѣтъ остальныхъ частей пола, полосы.

«Эти пятна, эти полосы протерты ногами отца,—мелькнуло въ его головѣ.—Сколько разъ нужно было пройти изъ угла въ уголъ, чтобы стереть эту краску съ пола?—невольно думалось ему.—Отъ радости, вѣрно, шагалъ изъ

угла въ уголъ!—горько усмѣхнулся онъ, и вдругъ его лицо стало невыразимо грустно.

Передъ нимъ, какъ живой, вставалъ теперь образъ худого, блѣднаго, съ блуждающими и воспаленными глазами старика. Всклоченные, полусѣдые волосы, впалая грудь, дряблая, морщинистая и пожелтѣвшая кожа на лицѣ, не то улыбка, не то гримаса на тонкихъ губахъ почти беззубаго рта, привычка что-то бормотать про себя, то тусклый, то вспыхивающій зловѣщимъ огонькомъ взглядъ, дрожащія руки, нервное подергиванье плечъ и лица,—все это дѣлало старика похожимъ на сумасшедшаго.

Этотъ старикъ, старикъ по лицу, но не по лѣтамъ, былъ его отецъ.

Онъ жилъ въ послѣдніе годы и умеръ въ этой комнатѣ, рѣдко появляясь въ остальныхъ помѣщеніяхъ дома. Здѣсь все еще дышитъ памятью о немъ: вотъ пятна на полу, протертыя его ногами, вотъ десятки образовъ, крестиковъ, вербъ, чётокъ, лампадъ въ углу; вотъ двѣ впадины на полу передъ образами, протертыя его колѣнями; вотъ его Евангеліе, молитвенникъ, календарь и записная книжка на столѣ: вотъ подкова, прибитая у дверей для спасенія отъ домовыхъ и для счастья; вотъ шкапчикъ, и передъ шкапчикомъ опять пятна, протертыя ногами. Здѣсь отецъ пилъ и молился, молился и пилъ. Только изрѣдка, когда являлись гости, онъ надѣвалъ свой старый мундиръ и являлся внизу, не то улыбаясь, не то дѣлая судорожныя гримасы. Порой онъ сходилъ внизъ и безъ гостей, когда жена слишкомъ сильно расплачется передъ нимъ на непокорность прислуги, на нерадивость старосты, не умѣющаго собрать полнаго оброка. Тогда онъ направлялся прямо въ конюшню и, сверкая блуждающими глазами, бормоталъ полупомѣшаннымъ тономъ:

— Еще закати!.. Закати еще!.. Горяченькихъ!.. Съ солью, съ перчикомъ... Пользительно!..

Потомъ онъ быстро возвращался наверхъ и пилъ, и молился,—пилъ и молился сильнѣе прежняго.

— Онъ у нихъ того!—говорили посторонніе про него, таинственно указывая на лобъ.

— Нѣтъ, онъ ничего: съ крестьянами строгъ, недоимокъ у нихъ никогда нѣтъ,—возражали другіе.

Максимъ помнитъ, какъ они, дѣти, тайкомъ пробирались иногда къ этому старику: онъ строилъ имъ на полу или на столѣ домики изъ картъ, онъ представлялъ имъ изъ пальцевъ на тѣни зайчиковъ, онъ училъ ихъ дѣлать фокусы;

такъ проходили веселые минуты и часы—и вдругъ являлась мать и начинала охать и жаловаться.

— Что это, Поль, ты зазвалъ дѣтей,—ныла она.—Мы съ ногъ сбились въ поискахъ, а они здѣсь. Ты ихъ совсѣмъ избалуешь. Они и такъ отъ рукъ отбились. Мари ужъ уѣхать собирается, если ихъ такъ баловать будутъ. Что же я стану безъ нея дѣлать? Ты бы хоть меня пожалѣлъ!

— Не буду, не буду, матушка Ольга Матвѣевна!—бормочетъ старикъ.—Это не я, это они сами... Я не звалъ. Ступайте!.. Мама плачетъ... Ступайте!..

Старикъ толкаетъ отъ себя дѣтей и быстро ходитъ по комнатѣ. Еще минута—и онъ остается одинъ; щелкаетъ замокъ его шкапчика, и потомъ слышатся частые удары костлявой головы объ полъ: онъ пьетъ и молится. И этотъ человѣкъ былъ когда-то свѣтскимъ волокитой, храбрымъ офицеромъ, завиднымъ женихомъ! Что же его убило? Сильныя потрясенія, жгучія страсти, превратности судьбы? Нѣтъ, его жизнь шла ровно и мирно, шла среди баловъ и парадовъ, безъ цѣли, безъ работы, безъ нужды. Онъ женился, не то отъ начинавшейся скуки, не то по страстной любви, на болѣзненномъ, слабомъ и кроткомъ созданіи. Эта женщина со слезами просила его бросить его скучную службу, чтобы не отрываться отъ дома; онъ имѣлъ состояніе и потому могъ выйти въ отставку изъ службы, которою тяготился и безъ того; онъ зажилъ на свои средства, но не нашелъ ни дѣла, ни занятій, ни цѣли въ жизни. Онъ еще велъ безпечную свѣтскую жизнь, но эта женщина ревновала красавца-мужа и со слезами говорила, что балы и собранія похищаютъ его у нея на цѣлые дни, что она хотѣла бы жить вдвоемъ съ нимъ, вдали отъ людей. Онъ любилъ ее и чувствовалъ усталость отъ свѣтскихъ удовольствій, и потому исполненіе просьбы жены не было для него жертвой. Они унеслись въ свой глухой уголокъ, какъ два голубя въ свое родное гнѣздо. Онъ сталъ хозяйничать, охотиться, но она со слезами говорила, что хозяйство и охота утомляютъ его, раздражаютъ его, отвлекаютъ его отъ нея,—онъ бросилъ и эти развлеченія. Теперь должна была начаться, повидимому, вполнѣ счастливая жизнь; у него не было ни дѣла, ни развлеченій, ни знакомыхъ, но у него явилась новая, уже не случайная, а постоянная подруга—тоска,—тоска безысходная, гнетущая. Онъ началъ возбуждать себя изрѣдка водкой. Онъ пилъ скверно: тайкомъ, безъ дружеской компаніи, въ одиночествѣ. Какъ онъ превратился изъ свѣтскаго кутилы въ пьяницу,

какъ онъ втянулся въ пьянство—этого не знали ни онъ, ни она, ни люди. Но онъ втянулся въ пьянство и уже не разъ онъ видѣлъ въ горячечномъ бреду чертей, привидѣнія, змѣй; его уже обманывали и зрѣніе, и слухъ: какое-нибудь пятно на стѣнѣ казалось ему скверной, ухмыляющейся рожей, какой-нибудь шорохъ мыши казался ему шагами приближающагося дьякола. Онъ сталъ открещиваться отъ бѣсовъ, онъ сталъ молиться о своемъ спасеніи отъ сатаны. А въ домъ, между тѣмъ, стали набираться богомолки, странники, юродивые.

— Крръ! крръ! — каркалъ вороном юродивый Гриша, замазанный грязью и утыкавшій голову репейникомъ, и разбивалъ совершенно неожиданно объ полъ какую-нибудь посудину.

— Несчастье будетъ, несчастье будетъ!—бормоталъ несчастный Павелъ Марковичъ и писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Господи, прости раба Своего и не погуби его безъ покаянія. Обрати гнѣвъ Свой на милость и помилуй домъ мой. (Положить сто поклоновъ)».

— Въ людяхъ-то теперь вѣра ослабѣла и несчастія разныя наслалъ на нихъ Господь въ наказаніе, — причитала странница Принея.—Дѣти родителей убиваютъ, братъ на брата встаетъ, въ народѣ повиновенія властямъ нѣтъ.

«Куда мы стремимся, безумные?—писалъ Павелъ Марковичъ въ своемъ дневникѣ.—Чего хотимъ? Смиренія нѣтъ, вѣры въ насъ нѣтъ! Однѣ страсти владѣютъ нами и ведутъ насъ къ погибели. Передъ французской революціей то же было».

— Что же это будетъ? Меня никто не слушаетъ! — рыдала Ольга Матвѣевна.—Данѣ чуть руку не откусила собака, а Вавила былъ на дворѣ и не слышалъ, какъ закричалъ Даня. Неужели ты ужъ и сына-то разлюбилъ, если ужъ ко мнѣ не чувствуешь больше любви? Вѣдь ты хоть бы вступился, хоть бы напомнилъ имъ, что у нихъ есть господа!

Павелъ Марковичъ съ блуждающими глазами и искривившимся ртомъ бормочетъ:

— Вавилу на конюшню!.. Горяченькихъ... Горяченькихъ... Надбавь!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ пишетъ:

«Помутился разсудокъ мой, и очерствѣло сердце мое, и ни откуда свѣта не видно. Что творю я, грѣшный, того не вѣдаю. Обуяли меня страсти бѣсовскія, и нѣтъ мнѣ спасенія. (Класть большіе поклоны въ теченіе недѣли по два часа въ день)».

Максимъ читалъ когда-то этотъ дневникъ полупьянаго, полусумасшедшаго отца. Онъ и теперь помнитъ, какъ горько рыдалъ онъ надъ этими страницами. Онъ и теперь помнитъ послѣднюю трогательную фразу этого дневника:

«Господи, отпусти рабу Твоему вольныя и невольныя прегрѣшенія его!»

VIII.

Такіе люди вліяли на Максима въ дѣтствѣ! И эти-то люди распоряжались и его судьбою, и судьбою трехсотъ крѣпостныхъ людей вплоть до той великой минуты, когда пало навѣки крѣпостное право. Этихъ крѣпостныхъ сѣкли, ихъ заставляли работать съ утра до ночи, ихъ заставляли прокармливать и семью Муратовыхъ, и стаю ея прихлебателей, и эти люди, сильные и здоровые въ родѣ кучера Вавилы, молчаливо покорялись своей судьбѣ, ясно понимая, что плетью обуха не перешибешь. А онъ, ребенокъ? Нѣтъ, онъ не молчалъ и не терпѣлъ: онъ рвался на волю, но рвался безсмысленно, глупо, по-дѣтски. Это были страстные честные порывы, не направляемые къ благой цѣли здравымъ смысломъ, разумнымъ совѣтомъ, житейскою опытностью. Когда его привезли къ графамъ Баскаковымъ, и маленькій графчикъ Маркъ Вячеславовичъ сказалъ ему: «какой ты деревенщина», онъ просто-на-просто отколотилъ мальчугана и наотрѣзъ сказалъ «тетушкѣ Нѣтъ», что не станетъ просить прощенья у графчика и не будетъ ходить въ этотъ домъ по праздникамъ. Когда его отдали въ корпусъ, ему не понравилась дисциплина, не понравилась ѣда, не понравилась наука, и онъ бѣжалъ оттуда. Когда его поймали и засадили въ карцеръ, онъ попробовалъ повѣситься. Когда его спасли и отправили домой, онъ настоялъ, чтобы его отдали въ гимназію. Когда въ гимназіи его началъ, какъ ему показалось или какъ было на самомъ дѣлѣ, преслѣдовать одинъ старый учитель, онъ вышелъ самовольно изъ училища. Когда до него дошла первая дорогая для него вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, онъ первый сообщилъ эту великую вѣсть дворовымъ, онъ съ юношескимъ восторгомъ увлекался ею и вызвалъ цѣлую бурю слезъ и жалобъ со стороны матери, не вѣрившей возможности великой реформы и упрекавшей сына за то, что онъ возмущаетъ людей противъ родной матери. Когда мать вслѣдствіе этого погрозила отречься отъ него, онъ не покорился ей, пѣшкомъ ушелъ въ Петербургъ и сталъ добывать себѣ кусокъ хлѣба.

Легко сказать: добывать кусокъ хлѣба на семнадцатомъ году жизни, нигдѣ не окончивъ своего образованія, не зная никакого ремесла, не имѣя физическихъ силъ! Сколько униженій, сколько скверно исполненныхъ обязанностей было въ это время! Сегодня нужно унижаться передъ полубезграмотнымъ самодуромъ-мѣщаниномъ, рѣшившимся обучить наукѣ своего «оболтуса». Завтра нужно взяться приготовить ребенка во второй классъ гимназіи, не имѣя ни надлежащихъ знаній, ни педагогическихъ способностей. Далѣе нужно понизить плату за переводъ, чтобы отбить эту работу отъ голоднаго собрата-переводчика, и исполнить эту работу кое-какъ, такъ какъ для перевода нѣтъ опять-таки порядочныхъ знаній, нѣтъ нужныхъ пособій и еще менѣе есть времени для кропотливой и добросовѣстной отдѣлки взятаго труда. И рядомъ съ этимъ идетъ плохая расплата со стороны самодура-мѣщанина, выговоры за неприготовленнаго во второй классъ гимназіи мальчугана, злая рецензія на сдѣланный кое-какъ переводъ, написанная тѣмъ самымъ переводчикомъ, отъ котораго былъ отбитъ этотъ переводъ, и голодъ, голодъ почти всегда. Правда, у Максима были старшіе братья, можно было попросить помощи у нихъ, но онъ уже давно разошелся съ этими братьями. Онъ возненавидѣлъ сонливаго, апатичнаго и въ то же время глубоко развратнаго брата Аркадія уже съ того времени, когда тотъ во время пріѣзда изъ столицы открывалъ братьямъ науку разныхъ пороковъ закрытаго заведенія, когда изъ-за него прогнали ихъ молоденькую горничную. Эта ненависть, безсознательная, инстинктивная, превратилась въ сознательную вражду, когда послѣ битвы Максима съ графомъ Маркомъ Баскаковымъ Аркадій холодно замѣтилъ «тетушкѣ Нѣтъ»:

— Я на вашемъ мѣстѣ просто бы высѣкъ этого негодяя, иначе онъ вооружитъ противъ насъ графовъ, а вѣдь у насъ въ будущемъ вся надежда на ихъ протекцію.

— Нѣтъ,—возразила ему «тетушка Нѣтъ»:—не стану же я сама его сѣчь здѣсь. Это скандалъ.

— Поручите мнѣ, и я такъ отпорю этого негодяя въ своей комнатѣ, что онъ будетъ помнить,—произнесъ спокойно Аркадій.

— Если ты только тронешь, если ты только тронешь, такъ я все, все разскажу,—воскликнулъ Максимъ.

Аркадій нахмурилъ брови и съ ироніей проворчалъ:

— Что же это ты разскажешь?

— Я знаю, чему ты училъ братьевъ,—задыхаясь проговорилъ Максимъ.—Подлецъ!

Аркадій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и молчалъ.

— Я и матери, и теткѣ, и графу, и всѣмъ разскажу,— волновался мальчикъ.—Только тронь... Только тронь...

— Негодяй,—прошепталъ Аркадій и обратился къ «тетушкѣ Нѣтъ»:—Лучше всего не брать его въ отпуски. Пусть онъ не пятнаетъ своимъ поведеніемъ нашей семьи.

— Нѣтъ,—начала «тетушка Нѣтъ»... но Аркадій уже поднялся съ мѣста.

— Это будетъ лучше всего,—перебилъ онъ ее, удаляясь, и тихо, мимоходомъ замѣтилъ Максиму:—Но ты помни, что я тебѣ болѣе не братъ.

Съ братомъ Данилой Максимъ не былъ во враждебныхъ отношеніяхъ, такъ какъ вообще враждовать съ Данилой Павловичемъ не было никакой возможности, но Данила самъ былъ вѣчно въ долгу, безъ средствъ и выманивалъ у матери деньги, то угрожая застрѣлиться, то говоря, что онъ потерялъ казенныя деньги, то разсказывая, что у него украли все до нитки. Про Данилу говорили, что если съ лихой собаки можно содрать хоть шерсти клокъ, то отъ Данилы Павловича Муратова и этого не получишь, а только держи ухо востро, чтобы онъ самого тебя не ободралъ. Еще менѣе возможности для вражды могло явиться между Максимомъ и братомъ Петромъ. Петръ Павловичъ, женоподобный красавчикъ, вѣчно готовый цѣловаться со всѣми, довольно долго горячо-любимый братомъ Аркадіемъ послѣ перваго пріѣзда послѣдняго изъ корпуса на вакаціи, избалованный потомъ старшими кадетами въ корпусѣ, конечно, не могъ поссориться съ Максимомъ. Напротивъ того, во время своихъ пріѣздовъ на праздники къ матери онъ обнималъ и цѣловалъ младшаго братишку, называя его «миленькой мордочкой», но Максиму были и въ дѣтствѣ не особенно пріятны эти приторныя ласки, а съ годами онъ началъ понимать, что далѣе этихъ ласкъ любовь Петра и не можетъ идти, что подъ этимъ внѣшнимъ добродушіемъ таится сухое и холодное сердце. Когда Максимъ остался одинъ безъ помощи, братъ Петръ обнялъ его, расцѣловалъ, даже прослезился, и поспѣшно замѣтилъ, что жалованья гвардейскаго офицера не хватаетъ ему даже на приличную обмундировку; когда Максимъ встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, оборванный и исхудалый, и подошелъ къ нему, братъ Петръ покраснѣлъ и замѣтилъ ему, что онъ очень радъ встрѣчѣ, но что ему

неловко говорить съ нимъ на улицѣ, такъ какъ это можетъ не только компрометировать его въ глазахъ товарищей, но можетъ даже заставить ихъ поднять вопросъ объ удаленіи его изъ полка. Все это было не легко сознавать Максиму. Эти сотни, тысячи мелкихъ, но постоянныхъ нравственныхъ и физическихъ мученій ломаютъ и коверкаютъ молодой характеръ и молодой организмъ. А тутъ еще пробуждается молодая страсть: хочется взглянуть на хорошенькое личико, хочется чьей-то нѣжной ласки, хочется отдохнуть въ чьихъ-то объятіяхъ. Ночью невольно вспоминаются братья, думается, какъ весело они живутъ, какъ наслаждаются жизнью, какъ, можетъ-быть, горячо любимы они. Въ сердцѣ невольно пробуждается зависть и злоба на судьбу, мысль о томъ, что лучше бы идти смиренно указанной дорогой. А вотъ и они, старые товарищи по корпусу, по гимназіи. На нихъ блестящіе мундиры, модное платье, у нихъ экипажи, любовницы, они ѣдутъ на балы, въ театры, на пикники, они веселы, счастливы и довольны.

— Они подлецы!—срывается почему-то съ языка Максима.

«А я?—черезъ минуту думаетъ онъ.—Развѣ я не унижался передъ мѣщаниномъ Еропкинымъ? Развѣ я не надулъ надворнаго совѣтника Богоявленскаго? Развѣ я не обманулъ издателя Щукина? Развѣ я не оставилъ безъ хлѣба дѣльнаго переводчика Терпигорева? Развѣ я не переѣхалъ почти тайкомъ отъ солдатки Собакиной, задолжавъ ей пятнадцать рублей? Развѣ сапожники, портные, продавцы холста не были невольно обмануты мною, когда я бралъ у нихъ въ долгъ вещи, не имѣя средствъ заплатить долгъ? Я это дѣлалъ изъ нужды, отъ голода. Но вѣдь я могъ бы этого не дѣлать, если бы я шелъ по той же дорогѣ, по которой шли мои братья, мои товарищи?»

И гдѣ-то въ глубинѣ сердца начинало копошиться раскаянье.

«Идти бы къ матери, броситься къ ногамъ»,—мелькало въ головѣ, и въ ту же минуту со дна души поднималось чувство гордости и спеси, являлись непріязнь къ той, которая съ дѣтскихъ лѣтъ губила сына.

А что же она?

Она не посылала сыну ни денегъ, ни писемъ, она не вспоминала о немъ, не справлялась о немъ, но она не забыла его.—Она ежедневно молилась за него дольше, чѣмъ за другихъ сыновей, она служила молебны, прося Бога объ отпущеніи его грѣховъ, она мысленно разсуждала, что онъ долженъ нести крестъ для искупленія этихъ грѣховъ. У

него же въ это время бывали минуты, когда онъ былъ готовъ дойти до крайней степени униженія, дойти до преступленья.

Это были тяжелые дни. Онъ помнитъ, какъ разъ ночью, лежа въ углу подвальнаго жилища гробовщика, своего квартирнаго хозяина, онъ, продрогнувшій, голодный, близкій къ горячкѣ, услыхалъ, какъ, похожій на скелетъ, обтянутый желтой кожей, гробовщикъ усѣлся за перегородкою въ своей коморкѣ передъ печкой за ужинъ и сталъ считать полученныя за гробъ деньги. Чавкая жадными губами и изрѣдка подливая въ стаканъ и прихлебывая пиво, гробовщикъ шуршалъ кредитными билетами, пересчитывая ихъ отъ времени до времени и что-то соображая. Максимъ подкрался въ своей клѣтушкѣ до перегородки и сталъ всматриваться въ щель въ комнату хозяина. Комната была слабо освѣщена свѣчою и огнемъ топившейся печки. На полу валялись стружки, обрѣзки плиса и позументовъ, на стѣнахъ висѣли блестящія скобы для гробовъ, на окнѣ лежали посеребренныя и позолоченныя ножки гробовъ, въ углу висѣли огромные образа съ тусклыми и некрасивыми ликами, въ золоченыхъ ризахъ, и теплились три лампады; на продавленномъ кожаномъ диванѣ, съ выраженіемъ полнѣйшаго спокойствія и безмятежнаго довольства, сидѣлъ гробовщикъ съ хищною физіономіей, съ длиннымъ носомъ, похожимъ на клювъ, съ костлявыми пальцами, походившими на когти; передъ нимъ на столѣ лежалъ засаленный бумажникъ и пачка кредитныхъ билетовъ. Онъ ѣлъ и пилъ, ѣлъ и пилъ какъ-то заразительно аппетитно, разжевывая каждый кусокъ, смакуя каждый глотокъ пива. Было очевидно, что онъ обдѣлалъ хорошее «дѣльце» и благодушествовалъ, сообразивъ вполнѣ всѣ свои барыши. Максимъ не выдержалъ: онъ быстро отворилъ дверь и вошелъ въ комнату. Услышавъ внезапный шумъ, гробовщикъ поднялся, быстро сунулъ въ карманъ бумажки и остановился, не выпуская изъ рукъ столоваго ножа. Увидавъ, что въ комнату вошелъ его жилецъ, онъ кивнулъ ему головой и шутливо промолвилъ:

— Обогрѣться, что-ль, желаешь? Милости просимъ.

Максимъ стоялъ въ дверяхъ въ нѣмомъ смущеніи. Онъ самъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ. Убить гробовщика? Отнять у него деньги? Но возможно ли это? Передъ нимъ стоялъ во весь ростъ высокій человѣкъ, закаленный въ работѣ, съ ножомъ въ жилистой, большой рукѣ, привыкшій ворочать пуды, а онъ, Максимъ, былъ тощій, исхудалый мальчишка

съ нѣжными и малоразвитыми барскими руками, не имѣвшими ни силы, ни ловкости. Онъ не годился ни въ воры, ни въ убійцы.

— Закусить не хочешь ли?—прервалъ молчаніе гробовщикъ, снова покойно усаживаясь на мѣсто и принимаясь за ѣду.—Мы съ нашимъ удовольствіемъ... Генерала на тотъ свѣтъ предоставили... И ужъ какъ, то-есть, все это приладили, даже генеральшу тронули: «я, говоритъ, третьяго мужа хороню, а никогда не была такъ довольна»... Мы, говорю, всегда готовы, просимъ и напредки быть знакомыми. Да ты сядь и поѣшь... Ишь ты какой тощій... Видно, родныхъ нѣтъ?

Максимъ колебался. Ему очень хотѣлось поѣсть, но онъ былъ слишкомъ смущенъ. Однако, голодъ осилилъ, и онъ сѣлъ къ столу.

— Родныхъ-то, говорю, вѣрно, нѣтъ?—еще разъ спросилъ гробовщикъ.

— Мать есть,—тихо отвѣтилъ Максимъ, принимаясь за ѣду.

— Бѣдная?

— Богатая!

— Что-жъ ты-то здѣсь голодаешь?

— Въ ссорѣ мы съ ней.

— Въ ссо-рѣ!—протянулъ гробовщикъ.—Тэ-экъ-съ... Чего не бываетъ... Молоко на губахъ не обсохло, а въ ссорѣ!.. Ишь ты!..

Оба помолчали нѣсколько минутъ.

— Смерти ея, поди-ка, ждешь?—вдругъ спросилъ гробовщикъ.

Максимъ хотѣлъ что-то отвѣтить, хотѣлъ солгать, что онъ не ждетъ смерти матери, и покраснѣлъ. Онъ былъ менѣе всего способенъ на ложь. Откровенность, нѣсколько неотесанная, грубая, вошла ему въ плоть и кровь. Въ эту минуту онъ, дѣйствительно, желалъ смерти матери, чтобы воспользоваться отцовскимъ наслѣдствомъ.

— Ничего съ собой не возьметъ,—успокоительно промолвилъ гробовщикъ, не дожидаясь отвѣта.—Дождешься!..

Максимъ опустилъ голову и задумался.

Да, онъ желалъ смерти матери, онъ желалъ ея потому, что у него уже не было, какъ ему казалось, силы терпѣть и голодать.

— Къ работѣ-то вотъ только всѣ вы непривычны,—замѣтилъ гробовщикъ:—а то ничего бы, прожилъ бы себѣ кое-какъ.

— Я отъ работы не бѣгаю,—возразилъ Максимъ:—да изъ пальца ее не высосешь, какъ нѣтъ.

— Эва, работы нѣтъ!—махнулъ гробовщикъ головою.

— Да, вотъ третью недѣлю безъ уроковъ и безъ переводовъ сижу,—пояснилъ Максимъ.

— А нѣшто только эти самые уроки, да переводы и есть работа? А ты за все берись, что подъ руку попадется... Пѣть умѣешь?

— Умѣю.

— Такъ чего въ пѣвчіе не идешь? Вотъ наши пѣвчіе сколько зашибаютъ. На свадьбахъ, на похоронахъ, въ церкви въ праздники поютъ. Купцы ихъ на домъ пѣть берутъ. Тоже по лѣтамъ въ саду при шумовскомъ трактирѣ... А нѣтъ, такъ еще лучше—читай по покойникамъ. Въ иномъ домѣ трешницу за сутки платятъ, а то и больше... Тоже вотъ у меня иногда дѣло навернется, какъ нынче; одинъ съ мальчишкой не могъ справиться съ генеральскимъ гробомъ, рубль за день заплатилъ со стороны работнику... Вонъ тоже переплетчикъ у насъ въ домѣ подмастерьевъ не держитъ, а безпаспортныхъ на ночную работу беретъ, брошуровка у него да газету фальцуетъ... Ты всякую работу бери, тогда и проживешь... Ты знаешь, я вотъ на своемъ вѣку и въ казачкахъ состоялъ, и пирогами торговалъ, и при трактирѣ половымъ состоялъ прежде, чѣмъ это самое гробовое дѣло послѣ жены ко мнѣ перешло, а ничего—проволочилъ вѣкъ.

Максимъ задумался. До сихъ поръ ему казалось, что онъ дѣйствительно дѣлаетъ все, что возможно, для добыванія денегъ. Теперь онъ видѣлъ, что онъ въ сущности вертѣлся въ бѣличьемъ колесѣ, гдѣ плохіе уроки смѣнялись плохими переводами и плохіе переводы—плохими уроками. У него явилось теперь желаніе окунуться въ этотъ омутъ исканія какой бы то ни было работы, выйти на этотъ путь борьбы съ нищетою—борьбы всѣми средствами, всѣми силами.

— У маменьки подъ юбкой ты выросъ, набалованъ,—продолжалъ гробовщикъ:—вотъ почему тебѣ и тошно приходится. Ишь руки-то какія бѣлыя, даромъ что нищій.

Гробовщикъ безцеремонно взялъ своею костлявою, желѣзною лапою руку Максима повыше кисти и потрясъ ее въ воздухѣ.

— Придави—хрустнетъ,—усмѣхнулся онъ.—Нѣтъ, а ты ее вотъ такой сдѣлай.

Онъ сжалъ свой сильный кулакъ и поднесъ его къ лицу

Максима, нахмуривъ брови. Максимъ невольно отшатнулся.

— Что испугался?—засмѣялся подгулявшій гробовщикъ.— Ничего, шучу... А ты выпей пивка, я сегодня гуляю!

Максимъ выпилъ «пивка».

— Растреклятая, братъ, наша жизнь,—проговорилъ гробовщикъ, махнувъ рукою и дѣлаясь по обыкновенію мрачнымъ.—Тебѣ што? Ты вонъ голоденъ потому, что головы согнуть передъ матерью не хочешь. Дури набрался. А я вонъ въ твои годы и кланяться, и у ногъ ползать радъ бы былъ, да не у кого было. Самъ былъ голъ, и семья была гола. Не я отъ нея ушелъ, а она меня вытолкала, потому лишній ротъ... Тебѣ што: ты вотъ теперь у меня Христа-ради червяка заморилъ сегодня, по моему благодушію, а завтра, можетъ, съ матерью помиришься, либо помретъ она— и въ каретахъ будешь ѣздить, да мнѣ гроша не подашь, если у меня руки отнимутся. Такъ-то!.. Какъ ты тамъ Лазаря ни пой, а это еще не бѣда, когда по своей волѣ горе мыкаешь, а вотъ бѣда, когда и радъ бы не мыкать горя, да судьба велитъ...

Максимъ хмуро молчалъ.

— На, выпей еще,—проговорилъ гробовщикъ, ставя новую бутылку пива.—Чего задумался? Али думаешь, не воротиться ли къ матери съ повинной! Что-жъ, воротись! Что такъ-то биться? Можетъ, еще долго ея смерти придется ждать. Только попусту измаешься... Что ты теперь? Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Такъ, слоновъ продаешь сдуру. Толкъ-то въ этомъ какой? Ни ты разбогатѣешь, ни ты науку какую-нибудь произойдешь. Право, вернись. Ну, мать поругаетъ, а потомъ и положитъ гнѣвъ на милость. Брань на вороту не виснетъ.

Максимъ долго не спалъ въ эту ночь. Слова гробовщика заставили его трезво взглянуть на самого себя. Дѣйствительно, къ чему онъ стремился? Къ самостоятельной жизни работника, къ независимости. Но развѣ онъ сдѣлалъ что-нибудь, чтобы завоевать прочное положеніе работника? До сихъ поръ онъ только перебивался, кое-какъ зарабатывая на хлѣбъ, а въ сущности, вся его надежда въ будущемъ основывалась на наслѣдствѣ. А если наслѣдство не получится долго, что тогда? Лучшіе годы пройдутъ, и пройдетъ та пора, когда можно подготовить себя къ какому-нибудь роду занятій. Максимъ увидалъ, что онъ шелъ по ложной дорогѣ, что ему надо удвоить свои усилія и зарабатывать

столько, чтобы получить возможность окончить свое образованіе. Онъ рѣшился не пренебрегать никакимъ родомъ труда, чтобы только пройти курсъ какого-нибудь высшаго учебнаго заведенія.

Съ этой поры, дѣйствительно, началась его трудовая жизнь: онъ жался въ углу у гробовщика, онъ ѣлъ на Сѣнной и въ съѣстныхъ лавкахъ, онъ одѣвался, какъ нищій, онъ и пѣлъ въ хорѣ пѣвчихъ, и читалъ по покойникамъ, и все остававшееся у него свободное время, всѣ остававшіяся у него деньги употреблялъ на ученье. Это была борьба на жизнь и смерть, и единственнымъ утѣшеніемъ въ этой тяжелой борьбѣ было для него сознаніе, что онъ съ каждымъ днемъ все ближе и ближе подходитъ къ тому положенію, когда его не будетъ заботить вопросъ: скоро ли умретъ его мать, и оставитъ ли она ему наслѣдство. Нужно было имѣть не малый запасъ настойчивости и силы, чтобы вести подобную борьбу съ судьбою. Но онъ велъ и велъ ее, какъ фанатикъ, какъ маніакъ. Въ это время ему пришлось еще ближе столкнуться съ низшими классами общества, и онъ незамѣтно сроднился съ ними, съ ихъ интересами, съ ихъ нуждами и невзгодами. Какъ въ годы дѣтства ему были дороже разнообразные и живые толки людской, чѣмъ монотонныя и скучныя бесѣды въ гостиной матери, такъ теперь онъ могъ искренно сочувствовать горю какого-нибудь обсчитаннаго мастерового, но не могъ вовсе понять смущенія гвардейца-брата при встрѣчѣ съ нимъ на Невскомъ. Это сближеніе отразилось на его внѣшности, на его манерахъ. Онъ пересталъ думать объ одеждѣ, онъ сталъ угловатѣе, грубѣе. Предшествующая жизнь не успѣла его закалить въ извѣстной формѣ, не успѣла привить къ нему чего-нибудь прочнаго, и онъ поддался вліянію среды. Хорошо ли, худо ли было это вліяніе,—онъ не разсуждалъ объ этомъ, потому что самъ не замѣчалъ, какъ постепенно измѣнялся его характеръ. Въ эти-то годы, когда онъ уже приближался къ своей цѣли, онъ получилъ однажды извѣстіе о смерти матери. Извѣстіе было получено чисто случайно, отъ бывшаго ихъ крѣпостного человѣка, занимавшагося въ Петербургѣ слесарнымъ мастерствомъ. Максимъ отправился въ родной городъ.

Теперь онъ былъ дома, теперь ему улыбалась судьба, обѣщая въ будущемъ шесть-семь тысячъ рублей наслѣдства. Онъ вошелъ въ этотъ домъ въ смущеніи: онъ почему-то стыдился глядѣть на братьевъ, думая, что они

прочтутъ въ его глазахъ алчное желаніе нищаго поживиться кускомъ чужого имѣнія. И что же онъ услышалъ отъ Насти? Онъ услышалъ, что и они, эти братья, стоявшіе на вѣрной дорогѣ, обезпеченные жалованьемъ, не только слетѣлись съ алчною мыслью о дѣлежѣ, но и готовы идти на ножахъ другъ противъ друга изъ-за каждаго гроша. «Точно ризы Христовы дѣлятъ», звучали въ его ушахъ слова Насти. «И имъ мало заработаннаго куска хлѣба, и имъ хочется поживиться чѣмъ-нибудь даромъ, безъ труда»,— думалъ онъ. «Ссорятся и вздорятъ, точно враги»,—говорила Настя. «Да развѣ они не враги?—разсуждалъ онъ.—Развѣ между нами есть что-нибудь общее? Всѣ мы, въ сущности, бѣглецы изъ родного гнѣзда, только они постарались не обрывать внѣшнюю связь, а я ее оборвалъ. Вотъ вся разница между нами. Мы должны создать свои собственныя гнѣзда! Но какъ? Гдѣ? Какими способами?»

И въ головѣ Максима промелькнуло опять все его прошлое, и оно казалось ему все отвратительнѣе и отвратительнѣе. Нравственный переломъ уже совершился въ немъ окончательно съ того памятнаго времени, когда онъ стоялъ на одинъ шагъ отъ примиренія съ матерью, отъ какого угодно униженія, отъ полнаго нравственнаго паденія. Казалось, вся его предыдущая жизнь была продолжительною болѣзнью, закончившеюся страшнымъ кризисомъ: послѣ этого кризиса должно было начаться выздоровленіе, или должна была наступить полная нравственная смерть.

IX.

Максимъ, продремавшій часа три, теперь уже снова не спалъ. Въ его головѣ возникали думы, одна мрачнѣе другой; въ его воображеніи вставали образы, одинъ печальнѣе другого. Онъ припоминалъ всѣ сцены, всѣ лица, прошедшія передъ нимъ въ былые дни, и чувствовалъ, что у него порвана всякая сердечная связь со всѣмъ этимъ прошлымъ, что все оно является передъ нимъ, какъ тяжелый сонъ, отъ котораго мучительно хочется освободиться. Но чѣмъ безотраднѣе, чѣмъ ненавистнѣе казалось ему былое, тѣмъ привѣтнѣе глядѣлъ на него изъ этой тьмы одинъ образъ— образъ подавленной, загнанной, нелюбимой родными дѣвочки, его маленькой двоюродной сестры Дуни.

Почему была она дорога ему?

Потому ли, что она такъ же страдала въ семьѣ, какъ и онъ? Потому ли, что она въ былые годы украдкой пожи-

мала его руку, цѣловала его, когда его бранили? Потому ли, что они, оставшись наединѣ, мечтали въ дѣтствѣ удалиться на необитаемый островъ и жить вдвоемъ? Потому ли, наконецъ, что онъ всегда былъ готовъ подвергнуться за нее наказанію и нерѣдко принималъ на себя отвѣтственность за ея вину?

Онъ этого не могъ объяснить себѣ, но онъ сознавалъ, что только ея образъ являлся тѣмъ грѣющимъ лучомъ, ради котораго онъ не могъ сказать: «да будетъ проклято все, что было пережито мною въ этихъ мѣстахъ». Да, ради нея онъ не могъ послать проклятія всему своему прошедшему, но ради нея же, за нее онъ еще сильнѣе ненавидѣлъ это прошедшее.

Ему казалось теперь, что его со всѣхъ сторонъ охватываетъ непроглядная, безразсвѣтная тьма этого былого. Его тяжелымъ гнетомъ давили думы, въ немъ пробуждалось чувство, близкое къ ужасу; онъ желалъ, чтобы скорѣе наступилъ день, чтобы скорѣе настала возможность отдѣлаться отъ воспоминаній, какъ вдругъ его отвлекъ отъ этихъ тягостныхъ думъ дошедшій до его слуха смутный и глухой ударъ, похожій на далекій раскатъ грома. Максимъ притаилъ дыханіе и сталъ прислушиваться: глухой ударъ повторился снова, потомъ минуты черезъ двѣ онъ раздался опять, затѣмъ пронесся еще и еще, все такъ же смутно, все такъ же глухо, но торжественно, мѣрно и послѣдовательно. Казалось, по мановенію какого-то невѣдомаго дирижера, какой-то гигантскій оркестръ начиналъ мѣрными, торжественными звуками героическую симфонію.

Максимъ осмотрѣлся, всталъ, наскоро одѣлся, прошелъ въ другую комнату и отперъ двери балкона: въ комнату ворвался широкою струею свѣжій утренній воздухъ, пропитанный запахомъ дозрѣвающихъ яблоковъ, высушеннаго и сложеннаго на дворѣ сѣна и доцвѣтавшихъ въ саду розъ, петуній, лупинусовъ и душистаго горошка,—и вмѣстѣ съ этимъ воздухомъ понеслись звуки за звуками, все учащавшіеся, все болѣе и болѣе сложные, походившіе на усиленную перестрѣлку уже начавшейся битвы. Максимъ устремилъ взоры въ ту сторону, откуда неслись эти звуки, и замеръ отъ удивленія. Ему казалось, что онъ еще дремлетъ, что онъ видитъ странный сонъ. Передъ нимъ лежалъ давно знакомый ему ландшафтъ: ихъ дворъ съ боковыми пристройками, съ заборомъ на заднемъ планѣ; за заборомъ виднѣлось песчаное, кочковатое, мѣстами поросшее жидкой травой,

мѣстами покрытое мелкимъ кустарникомъ пространство съ змѣившеюся лентою большой дороги. Максимъ когда-то зналъ каждый бугоръ, каждую тропинку на всемъ этомъ пространствѣ, перерѣзанномъ въ отдаленіи рѣкою и тянувшемся снова во всемъ своемъ убійственномъ однообразіи и на другомъ берегу. И вдругъ теперь среди этой заброшенной пустыни Максимъ увидалъ цѣлыя массы мелкихъ построекъ, кучи строительнаго матеріала, какіе-то фантастическіе узоры воздвигнутыхъ лѣсовъ, и среди всего этого суетившихся и сновавшихъ людей, подобно муравьямъ, создающимъ новый муравейникъ. Городъ спалъ тѣмъ же мертвеннымъ сномъ, какъ и наканунѣ, когда Максимъ пробирался по безмолвнымъ улицамъ въ свое родное гнѣздо, а тамъ, близъ рѣки, кипѣла жизнь, мѣрно раздавались удары бабы о сваи, часто и торопливо гремѣли топоры, слышались тяжелые, похожіе на громъ, раскаты отъ падающихъ бревенъ и досокъ, раздавался глухой грохотъ подводъ, подвозившихъ строительный матеріалъ. Казалось, надъ городомъ прошла чума, и его жители выселились на новыя мѣста и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили свить себѣ новое гнѣздо. Въ молочно-опаловомъ воздухѣ ранняго утра, когда еще лучи солнца не успѣли разсѣять ночной туманъ, и эта картина, и эти звуки принимали какой-то фантастическій оттѣнокъ. Максимъ долго не могъ отвести глазъ отъ этой картины, наконецъ, онъ словно что-то сообразилъ, быстро взялъ фуражку и вышелъ изъ дома.

Черезъ пять минутъ онъ былъ уже въ полѣ и быстро приближался къ возникающей станціи строящейся желѣзной дороги. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ ней, тѣмъ люднѣе становилась мѣстность: вотъ какія-то длинныя землянки, похожія на сплошныя могильныя насыпи,—это жилища желѣзнодорожныхъ рабочихъ; вотъ изба, наскоро сколоченная, наполненная образцами разныхъ строительныхъ матеріаловъ,—это жилище приказчика; вотъ еще такая же изба, заваленная бумагами, счетами,—это контора; вотъ какой-то не то сарайчикъ, не то балаганъ съ одной дверью и однимъ крошечнымъ окномъ, наполненный хлѣбомъ, махоркой, тесемками, дегтемъ, сотнями разныхъ мелочныхъ товаровъ,—это подвижная лавочка; вонъ просто двѣ скамьи, надъ которыми растянуты рогожи, — здѣсь стоитъ пузатый, обернутый грязной холстиной чайникъ сбитенщика; изъ-подъ рогожъ виднѣются связки баранокъ, на скамьѣ остались слѣды отъ коричневыхъ глиняныхъ кружекъ, сдвинутыхъ

теперь въ сторону; вотъ новое, только-что строящееся большое зданіе съ готическими окнами, съ большой площадкой передъ фасадомъ,—это станція; рядомъ съ нею строятся новые дома,—это дома для служащихъ при желѣзной дорогѣ. Подъ ногами Максима на каждомъ шагу была взрытая земля, наваленныя доски и бревна, камни и кирпичи, тамъ и тутъ лежали грудами рельсы и шпалы, вездѣ почва была покрыта густымъ слоемъ щепокъ и стружекъ, запыленныхъ, забрызганныхъ грязью, издававшихъ тотъ особенный тяжелый запахъ, который издаютъ гніющіе остатки дерева. Нѣсколько толчковъ, полученныхъ отъ торопившихся пройти рабочихъ, нѣсколько криковъ въ родѣ «посторонись», «куда на людей лѣзешь», заставили Максима осторожнѣе лавировать въ этомъ человѣческомъ ульѣ, гдѣ все работало, все суетилось, все жило, гдѣ и баба въ платкѣ, кое-какъ связанномъ длинными концами сзади, и исхудалый, изжелта-блѣдный мужикъ, одѣтый въ тулупъ, несмотря на теплое время, и какой-то всклоченный черноволосый дѣтина, съ загорѣлой, какъ бронза, кожей, съ мрачными глазами, съ косматой открытой грудью, похожій больше на итальянскаго бандита, чѣмъ на русскаго мужика, и какой-то мастеровой съ надѣтой набекрень фуражкой съ расколотымъ козырькомъ, съ ухмыляющейся испитой и пошлой рожей городского гуляки изъ фабричныхъ пьяницъ, и солдатикъ въ заломленной на затылокъ фуражкѣ, въ розовой ситцевой рубахѣ, запущенной въ штаны, въ черномъ стеганомъ нагрудникѣ и низенькихъ сапогахъ съ рыжими голенищами, въ которыя спрятаны концы панталонъ,—всѣ сливались въ одну странную, пеструю группу, изъ которой неизвѣстно что должно было выработаться въ будущемъ. Теперь каждый изъ этихъ людей еще имѣлъ свой особенный характеръ и порою подтрунивалъ надъ своими собратьями.

— Эй ты, гужеѣдъ, гужами подавился, что ли?—кричали въ одномъ мѣстѣ.

— Ну, да ты, гарнизонная крыса, молчала бы,—слышался отвѣтъ.

— Деревенщина, такъ деревенщина сиволапая и есть,—иронически восклицали въ другомъ мѣстѣ.

— Ишь питерская мазура расходилась,—ворчалъ про насмѣшника неуклюжій мужичонка въ лаптяхъ и сѣромъ рваномъ зипунишкѣ.

— Рязань косопузая, туда же лается!

Даже языкъ и способъ выраженія этихъ людей были да-

лего не однообразны. Здѣсь то слышался татарскій акцентъ, то раздавалось цоканье, то звучала рѣчь, носившая слѣды малороссійскаго или польскаго вліянія.

Максимъ, вставъ недалеко отъ группы рабочихъ, державшихъ наготовѣ веревки, чтобы поднять бабу надъ вбиваемой сваей, думалъ, какой общій типъ выработается со временемъ изъ этой разнохарактерной массы людей, сошедшихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Максимъ въ своихъ порыжѣвшихъ и полопавшихся, стоптанныхъ сапогахъ, въ порванныхъ и засунутыхъ въ голенища панталонахъ, въ ситцевой пестрой рубашкѣ, въ измятой, выцвѣтшей шапкѣ и въ такомъ же пальто, накинутомъ на плечи, не обратилъ на себя ничьего вниманія и сразу слился съ этою толпою, затерялся въ ней и свободно прошелъ до самаго берега рѣки, гдѣ устраивался спускъ и десятокъ рабочихъ занимался вбиваніемъ свай.

Едва онъ успѣлъ остановиться здѣсь, какъ надъ его ухомъ вдругъ дружно грянула «дубинушка». Эта пѣсня звучно и стройно пронеслась въ воздухѣ и закончилась мѣрными и мощными ударами бабы о сваю. Максимъ невольно заслушался и не могъ оторвать глазъ отъ дружной работы этихъ новыхъ піонеровъ русской промышленности. Наконецъ, раздалось:

— Стой!

Рабочіе опустили веревки и нѣкоторые воспользовались свободной минутой, чтобы оправиться или покурить. Одинъ изъ рабочихъ, парень въ ситцевой рубахѣ и въ сѣрой пуховой шляпѣ, очевидно носившейся лѣтъ десять тому назадъ какимъ-нибудь городскимъ франтомъ, всталъ около Максима и, оторвавъ клочокъ хранившейся за сапогомъ грязной бумаги, началъ разминать между пальцами листъ махорки и свертывать его въ папироску.

— Нѣтъ ли, братъ, сѣренки?—обратился онъ къ Максиму.

Максимъ досталъ спичку и зажегъ ее о панталоны.

— Ты это изъ какихъ будешь?—спросилъ его работникъ, оглядывая его съ ногъ до головы.

— Изъ Липовки,—отвѣтилъ Максимъ, назвавъ родовое имѣнье Баскаковыхъ.

— Землякъ нашему Пахому Семеновичу Гущину.

— Да... А ты его знаешь?

— Какъ же не знать, когда онъ всѣмъ здѣсь орудуетъ... Дорогу-то онъ строитъ.

— Вотъ какъ!.. Надо будетъ его повидать.

— А ты работы ищешь?

— Нѣтъ.

— Тэ-экъ! — проговорилъ парень, затягиваясь самодѣльной папироской.

Оба помолчали. Максиму было интересно узнать кое-что о Гущинѣ, котораго онъ зналъ давно.

— А что, у Гущина хорошо вамъ здѣсь? — полюбопытствовалъ Максимъ.

— Корма плохи, опять же и помѣщенья нѣтъ, а то ничего...

— Самъ-то онъ здѣсь часто бываетъ?

— Кажинный день. Вонъ, почитай, теперь скоро на своихъ бѣгунчикахъ пріѣдетъ. Ты съ нимъ знакомъ, что ли?..

— Знавалъ прежде, — уклончиво отвѣтилъ Максимъ.

— Теперь до него и рукой не достанешь... Выше себя сталъ!..

Въ эту минуту раздалось:

— Берись, ребята!

Парень въ сѣрой шляпѣ быстро затянулся въ послѣдній разъ, сплюнулъ и примкнулъ къ группѣ своихъ собратій.

Въ воздухѣ снова раздались звуки «дубинушки», снова грянули удары бабы о сваю. Въ это время по дорогѣ, извивавшейся около дѣлаемой насыпи, взвилось облачко пыли, и, мало-по-малу, можно было все яснѣе различить быстро катящіяся бѣговыя дрожки. На дрожкахъ сидѣлъ немолодой, плотный человѣкъ съ окладистой бородой съ просѣдью, въ длиннополомъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ круглой шляпѣ, похожей не то на «цилиндръ», не то на поповскую шляпу. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ строилась станція, онъ сошелъ съ дрожекъ, бросилъ вожжи первому попавшемуся рабочему, почтительно снявшему передъ нимъ шапку, и пошелъ на строеніе. Въ одну минуту его окружили десятники и приказчики, и до слуха Максима долетѣли отрывистыя фразы:

— Чего смотрите?.. Около Зимовки дѣло стало: ни рабочихъ, ни матеріала!.. Вчерась говорилъ послать нужно... И здѣсь закопались!..

Максимъ съ любопытствомъ слѣдилъ за этою подвижною, коренастою фигурою. Онъ знавалъ Пахома Семеновича Гущина, когда тотъ былъ еще крѣпостнымъ человѣкомъ Платона Николаевича Баскакова. Сначала Гущинъ былъ «мальчишкой» въ кабакѣ, потомъ «цѣловальникомъ», затѣмъ подрядчикомъ и, наконецъ, компаньономъ одного изъ круп-

ныхъ откупщиковъ. Гущинъ часто хаживалъ къ отцу и матери Максима перехватить деньгонокъ или попросить ихъ заступничества передъ Платономъ Николаевичемъ, сильно притѣснявшимъ мужика и не соглашавшимся пустить его на выкупъ. Платонъ Николаевичъ гордился тѣми изъ своихъ мужиковъ, которые наживали большіе капиталы, и ни за что не отпускалъ ихъ на волю. Не отпускалъ онъ на волю и Гущина, хотя тотъ могъ предложить за свою свободу уже не одну тысячу. Теперь это былъ желѣзнодорожный строитель, человѣкъ, обладавшій сотнями тысячъ, дѣлавшій крупные обороты. Прошло болѣе получаса, когда Гущинъ снова вернулся къ своимъ бѣговымъ дрожкамъ. Максимъ поторопился подойти къ нему. Гущинъ, не обращая на него вниманія, отрывисто, на ходу, проговорилъ:

— Работы?.. Къ Митрію Николаевичу обратись...

Максимъ улыбнулся.

— Не узнали?—спросилъ онъ старика.

Гущинъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ, сверкнувшимъ изъ-подъ густыхъ бровей.

— Инь ты!—разсмѣялся онъ и радостно протянулъ Максиму руку.—Гдѣ тебя узнать! Чай, года четыре не видались... Братцевъ вотъ недавно видѣлъ, какъ мать хоронили, царство ей небесное!.. Ну, здравствуй, здравствуй! Инь вытянулся-то какой, на лѣсъ глядя. Вонъ какимъ клопикомъ тебя видѣлъ.

Онъ показалъ рукою на аршинъ отъ земли и, по-русски, трижды поцѣловался съ Максимомъ. Въ этой встрѣчѣ было что-то родственное и сердечное. Гущинъ любилъ семью Максима за сдѣланныя ею «благодѣянія» ему, — любилъ, конечно, по-своему, не брезгуя, гдѣ можно, надуть и ее. Онъ говорилъ Максиму «ты», какъ говорилъ «ты» всѣмъ собесѣдникамъ, начиная съ какого-нибудь важнаго генерала и кончая какимъ-нибудь послѣднимъ работникомъ.

— Служишь гдѣ-нибудь или все еще учишься? —спросилъ онъ у молодого человѣка, зорко взглянувъ на его костюмъ.

— Нѣтъ, еще не служу, торопиться некуда, —отвѣтилъ Максимъ.—Поучиться еще нужно.

— Что говорить: теперь съ ученьемъ-то можно копейку зашибить. Вонъ нашъ братъ, и тотъ разныхъ бухгалтеровъ нанимаетъ. Вотъ поучись да и ступай ко мнѣ служить. Я больше дамъ, чѣмъ на коронной-то...

— Хорошо, такъ и буду знать, —улыбнулся Максимъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Я вѣдь буду радъ. Все равно, свой человѣкъ... И отца, и мать твоихъ зналъ, да уважалъ... Ты это имѣй въ виду. Вѣдь денегъ-то у васъ тоже не густо осталось... Безъ расчету покойнички, не тѣмъ будь помянуты, жили... Что у васъ, чай, дѣлежъ идетъ?

— Да, братья дѣлятся,—отвѣтилъ Максимъ.

— Домъ-то продавать будете?

— Братья, кажется, намѣрены продать.

— Братья, братья! А ты-то самъ какъ думаешь?

Максимъ усмѣхнулся.

— Да я никакъ объ этомъ и не думаю: продадутъ—хорошо, не продадутъ—тоже ладно. Я все равно жить въ этомъ домѣ не буду.

— Ну, а ты уговори ихъ продать, я куплю,—промолвилъ Гущинъ, похлопавъ по плечу Максима.—Мнѣ онъ къ мѣсту, на краю города, къ работамъ близко...

Гущинъ могъ бы прибавить и то, что ему лестно купить домъ двоюродной сестры его бывшаго господина.

— Хорошо, я поговорю.

— А я заверну денька черезъ два, осмотрю, все равно мимо ѣзжу... А ужъ какъ меня твой дяденька Платонъ Николаевичъ обидѣлъ, такъ и словъ нѣтъ,—махнулъ рукой старикъ.

— А что?—спросилъ Максимъ.

— Увидимся, такъ разскажу... Ужъ, кажется, ничего бы не пожалѣлъ, чтобы эту самую обиду выместить...

— У васъ вѣдь съ нимъ всегда были счеты.

— Прежде что! подневольный человѣкъ я былъ. А теперь...

Гущинъ махнулъ рукою и сталъ усаживаться на бѣговыя дрожки, еще разъ протянувъ руку Максиму.

— Ну, прощай! Заходи ко мнѣ! Потолкуемъ! Жену посмотришь. Баба вспоминала все, гдѣ ты пропалъ... Кажись, и въ поминанье ужъ записать велѣла... Надо сказать, чтобъ похѣрила,—пошутилъ старикъ.

Онъ отдалъ еще нѣсколько распоряженій окружавшимъ его и покатилъ далѣе по линіи.

Максимъ постоялъ еще съ минуту, провожая глазами бѣговыя дрожки, и, вспомнивъ, что ему пора идти домой, направился къ городу, хотя ему и не хотѣлось уходить отсюда. Теперь онъ выглядѣлъ бодро и весело. Картина усиленной и оживленной работы, среди грохота, говора, пѣсенъ и криковъ, подѣйствовала на него освѣжающимъ образомъ.

Передъ лицомъ этой оборванной и полуголодной толпы, упорно бьющейся за право существованія, ему было досадно, что онъ, молодой, полный силъ, еще нянчится со своимъ былымъ. Это былое прошло и никогда не вернется снова. Теперь нужно создавать будущее, создавать его такъ, чтобы иное поколѣніе не помянуло лихомъ его, какъ поминаетъ онъ близкихъ къ нему людей. Глядя теперь на весело смотрящаго и бодро шагающаго Максима, трудно было узнать въ немъ того усталаго и печальнаго путника, который наканунѣ нерѣшительно пробирался по городу къ родному старому гнѣзду. Не разъ оборачивался онъ теперь, чтобы взглянуть снова на картину этого громаднаго, оживленнаго людского муравейника, на картину этого возникающаго гнѣзда новой жизни. Глядя на эти массы разнохарактерныхъ и разнообразныхъ дѣтей нужды и труда, на этихъ піонеровъ новой дѣятельности, онъ невольно подумалъ, что эти піонеры не сочли бы его чужимъ, что они посмотрѣли бы на него безъ удивленія, если бы онъ примкнулъ къ ихъ дѣлу. Онъ чувствовалъ, что не только онъ считалъ «своею» ихъ пеструю массу, но что и она, въ свою очередь, признала бы, могла бы признать его «своимъ».

X.

— Гдѣ это тебя чортъ носилъ, оскребышъ?—дружески крикнулъ Данила Павловичъ, завидѣвъ Максима и хлопнувъ его по плечу широкою рукою.—Тутъ дѣлиться скорѣй надо, а ты пропадаешь.

Максимъ бросилъ на стулъ фуражку и весело отвѣтилъ:

— Гулялъ.

— Нашелъ время гулять, гусь ланчатый!

— Чай совсѣмъ перестоялся и остылъ, надо бы заварить новый,—небрежно замѣтилъ Петръ Павловичъ, потрогавъ оборотомъ руки чайникъ.

— Ничего, наливай, какъ есть,—отвѣтилъ Максимъ.— Я не избалованъ.

Онъ сѣлъ къ столу и началъ съ аппетитомъ прихлебывать чай, налитый Петромъ Павловичемъ. Аркадій Павловичъ молча ходилъ по комнатѣ и искоса поглядывалъ на сгорбившуюся фигуру Максима.

— Ты компрометируешь насъ,—произнесъ онъ, наконецъ, своимъ апатичнымъ, однозвучнымъ тономъ.

— Я?—съ удивленіемъ спросилъ Максимъ, взглянувъ на брата.

— Да. Этотъ нищенскій костюмъ...

Максимъ улыбнулся.

— Могутъ не смотрѣть, кому не нравится,—проворчалъ онъ.

— Ты выбери хоть изъ моего платья, что надо, покуда не сошьешь болѣе приличной одежды,—предложилъ Аркадій Павловичъ.

— Да мнѣ ничего не надо, замѣтилъ Максимъ.—Впрочемъ, у меня есть кое-какая болѣе благородная одежда,—разсмѣялся онъ.

— Потому къ дядѣ Платону Николаевичу нельзя завтра ѣхать въ этомъ костюмѣ,—продолжалъ Аркадій Павловичъ, не слушая замѣчаній брата.—Дядя велитъ вывести тебя, если ты явишься въ этомъ платьѣ.

Максимъ поднялъ голову и хотѣлъ отвѣтить, что онъ вовсе не намѣренъ ѣхать къ дядѣ, но въ его головѣ вдругъ промелькнула мысль о Дунѣ. Онъ могъ ее встрѣтить только въ домѣ дяди Платона Николаевича, а встрѣтиться съ нею было главнымъ его желаніемъ.

— А что Дуня? Здорова?—обратился онъ къ брату Данилѣ.

— Ничего, процвѣтаетъ, отвѣтилъ тотъ.

— И все еще живетъ у Платона Николаевича?—спросилъ Максимъ.

— У кого же ей жить, какъ не у дяди Платона Николаевича?—замѣтилъ Аркадій Павловичъ.—Не у любовницы же своего безпутнаго батюшки, плодящаго незаконныхъ дѣтей со своей бывшей ключницей... А что?

Максимъ ничего не отвѣтилъ; онъ видѣлъ теперь вполнѣ ясно, что ему необходимо ѣхать къ дядѣ Платону Николаевичу, если онъ желаетъ повидаться съ двоюродной сестрой. Онъ задумался и медленно допивалъ чай. Для него было страшно тяжело свиданіе со старымъ самодуромъ, бывшимъ пугаломъ для всей родни. Аркадій Павловичъ продолжалъ ходить по комнатѣ и искоса поглядывалъ на Максима своими свинцовыми, тупыми глазами.

— Или, можетъ-быть, ты не поѣдешь къ дядѣ Платону Николаевичу?—спросилъ онъ исподлобья, пытливо слѣдя за выраженіемъ лица Максима.—Ты вѣдь даже не удостоиваешь его названіемъ дяди.

— Нѣтъ, я поѣду,—отвѣтилъ сухо Максимъ.

— Ради Дуни?—снова спросилъ братъ Аркадій.

— Да, да, вѣдь ты въ нее былъ врѣзавшись мальчишкой,—воскликнулъ Данила Павловичъ.—Только братъ, шалишь,

отваливай. Двумъ братьямъ нельзя жениться на двухъ сестрахъ, а я уже далъ себѣ слово обольщаться съ Аделькой.

Максимъ ничего не отвѣтилъ и всталъ.

— Ты больше не хочешь чаю? — спросилъ Петръ Павловичъ.

— Нѣтъ,— отвѣтилъ Максимъ.

— Такъ, значитъ, можно приняться за дѣло, — замѣтилъ Петръ Павловичъ.

— Да, да, пора! А то мы чортъ знаетъ какъ копаемся! — воскликнулъ Данила Павловичъ. — Ключи отъ залы у тебя?— обратился онъ къ брату Аркадію.—Пойдемте!

Всѣ братья поднялись съ мѣстъ и направились въ залъ, гдѣ были сложены груды домашняго скарба. Максимъ тоже послѣдовалъ за братьями и остановился у окна въ залѣ. Его поразилъ видъ этихъ разнообразныхъ кучъ стараго холста, фамильнаго серебра, старинной одежды, посуды. Въ комнатѣ былъ тяжелый запахъ сырости, запахъ кладовыхъ и погребовъ. Старинная тяжелая мебель изъ потемнѣвшаго и тусклаго краснаго дерева съ мѣдными украшеніями выглядѣла мрачно и непривѣтливо. Всѣ эти неуклюжіе и неловкіе диваны и стулья точно вросли въ полъ и, казалось, не могли быть сдвинуты съ мѣста.

— Прежде всего серебро дѣлить,—закричалъ Данила. Разсортировать и поровну раздѣлить на всѣхъ.

— А самоваръ и чайникъ, вѣрно, разрѣзать, по-твоему, придется?—спросилъ Аркадій Павловичъ.—Нужно все просто свѣсить.

— Ну, благодарю покорно: этакъ одному достанутся старыя ложки, а другому недержаное серебро,—загорячился Данила Павловичъ.—Конечно, каждый себѣ лучше выберетъ.

— Что же, ты насъ за подлецовъ считаешь?—спросилъ Аркадій Павловичъ.

— Подлецы не подлецы, а кто себѣ врагъ! — настаивалъ Данила на своемъ мнѣніи.

— Полноте, господа, вы опять разругаетесь,—вмѣшался Петръ.—Ну, вотъ посмотрите, ложки можно отлично подѣлить поровну, по счету и достоинству, а остальное...

Въ эту минуту въ дверяхъ залы показалась широкая фигура смуглолицаго господина съ черными волосами, съ черной бородой, съ нѣсколько помятой физіономіей, носившей слѣды долгаго разврата и кутежей, и съ развязными манерами. Онъ былъ одѣтъ, какъ провинціальный франтъ старыхъ временъ, съ претензіями на щегольство, но въ то же время не-

стро и безвкусно, со множествомъ дутыхъ колецъ на рукѣ и съ большой булавкой на цвѣтномъ галстукѣ. По походкѣ, по способу держать себя можно было заключить, что онъ когда-то былъ военнымъ.

— Не стая вороновъ слеталась на груду тлѣющихъ костей,—торжественно продекламировалъ онъ и захохоталъ громкимъ, заразительнымъ смѣхомъ, показавъ рядъ еще бѣлыхъ зубовъ. Добычу дѣлите?

Аркадій Павловичъ едва замѣтно, съ неудовольствіемъ, пожалъ плечами, точно мысленно посылая гостя къ чорту, и въ ту же минуту привѣтливо протянулъ руку новоприбывшему.

— А, это вы, дядя Александръ Николаевичъ!—проговорилъ онъ.—Какими судьбами?

— Ѣздилъ въ городъ по порученію брата Платона, кое-что купить нужно для завтрашняго дня,—знаешь, торжество изъ торжествъ будетъ! День рожденія *самого* Платона Николаевича!

Александръ Николаевичъ снова залился смѣхомъ. Всѣ братья стояли около него, и только Максимъ не трогался съ мѣста и продолжалъ стоять у окна, пристально всматриваясь въ эту давно знакомую ему, широкую, нестарѣвшуюся фигуру вѣчно юнаго провинціальнаго кутилы. Александръ Николаевичъ, въ свою очередь, обернулся въ его сторону и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Это что за физія?—тихо, съ комичной гримасой, спросилъ онъ у Аркадія Павловича, кивнувъ головою въ сторону Максима.

— Максимъ,—сухо отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Ба, ба, ба!—воскликнулъ Александръ Николаевичъ и бросился къ Максиму съ распростертыми руками.

Максимъ предупредительно протянулъ свою руку и, пожавъ руку дяди, избѣжалъ его объятій.

— Вытянулся, возмужалъ, обросъ волосищами, совсѣмъ разбойникомъ смотришь!—кричалъ со смѣхомъ Александръ Николаевичъ, поворачивая сильными руками во всѣ стороны племянника.—И славянофильствуешь, народникомъ сталъ. Знаю, знаю, въ наше время тоже это было въ модѣ, какъ же, какъ же! Бархатныя шаровары, шелковая красная рубаха, поярковая шляпа, золотой поясъ... Ходили, ходили, братъ, и въ этой амуниціи! Да еще какъ! Въ цыганскомъ таборѣ съ Матрешкой по землѣ стлались, трепака отхватывая... А pro pos о цыганахъ! Вы вѣдь знаете, я одно

время бросилъ все и странствовалъ съ цыганскимъ таборомъ... Алеко разыгрывалъ... На все мода, на все мода!

— Ну, я-то трепака не умѣю плясать и не ради моды ношу эту амуницію, какъ вы ее называете, — улыбнулся Максимъ.

— Такъ почему же? — изумился Александръ Николаевичъ.—Вѣдь, въ сущности говоря, это неприличный нарядъ: знаешь, при дамахъ тамъ какъ-нибудь неловко нагнешься...

Александръ Николаевичъ опять залился смѣхомъ и показалъ, какъ можно неловко нагнуться въ этомъ костюмѣ.

— Не было лучшей одежды, сталъ ходить и въ этой,— сухо отвѣтилъ Максимъ.

— Ба, ба, ба! И я хорошъ!—воскликнулъ Александръ Николаевичъ, ударяя себя въ лобъ и дѣлая серьезное лицо.— Толкую человѣку о нашихъ славянофильскихъ и руссофильскихъ бездѣльничествахъ, когда ему приходилось думать о кускѣ хлѣба!.. Вѣдь ты блудный сынъ! Enfant terrible семьи... И какъ ты исчезъ, ни отъ кого о тебѣ ни слуху, ни духу. Братьевъ спрашивалъ, не знаютъ, гдѣ находишься... А это, господа, съ вашей стороны было не хорошо,— обратился онъ къ племянникамъ.—Ну, мы, старики, злопамятны, требуемъ покорности, мать могла на него сердиться, а вы... Нѣтъ, въ наше время братья не такъ относились другъ къ другу: вмѣстѣ дурили, вмѣстѣ и сухи изъ воды выходили... Молодость вѣдь всегда была молодостью, и блудные сыновья были во всѣ времена...

Аркадій Павловичъ мѣрно ходилъ по комнатѣ и хмурилъ брови; Данила Павловичъ барабанилъ по столу, и только Петръ Павловичъ, съ свойственною ему вкрадчивою мягкостью, поспѣшилъ оправдаться:

— Мы, дядя, потеряли изъ виду Максима, и онъ самъ...

— Нѣ-ѣтъ, нѣтъ, виноваты, виноваты! — перебилъ его Александръ Николаевичъ.—Нечего грѣха таить. Ну, теперь должны загладить вину, лишнюю дюжину старыхъ тряпокъ на его долю накинуть! Ха-ха-ха!.. Что, много хлама остаюсь, а?

Александръ Николаевичъ съ громкимъ смѣхомъ подошелъ къ грудѣ стараго платья, поднялъ капотъ изъ коричневаго грограна съ черными, порыжѣвшими бье изъ бархата, вырѣзанными съ одной стороны зубцами и обшитыми толстымъ атласнымъ кантомъ, и, приложивъ капотъ къ себѣ спереди, обернулся къ зеркалу.

— Ну, такого фасона капотъ, пожалуй, не подаришь не-

вѣстѣ,—захохоталъ онъ. А у покойницы и не было платьевъ другого фасона. Старо, старо!..

Онъ поднесъ капотъ къ носу и поморщился.

— И плѣсенью воняетъ! Понюхай! Что-то могильное, склепное,—обратился онъ къ Петру Павловичу, поднося капотъ къ его носу.—Знаешь, я взялъ бы все это и сдѣлалъ бы auto da fe. Все равно, пойдетъ за безцѣнокъ! И кому достанется, можетъ-быть, женщинамъ изъ этихъ...—Онъ сдѣлалъ гримасу.—Все же ваша мать носила!.. А впрочемъ, впрочемъ, это ваше дѣло. Мы, старые люди, со своими преданіями, со своими традиціями, дорожимъ подобною ветошью не за ея рыночную цѣну, а за связанныя съ нею фамильныя воспоминанія. Это, знаете, съ молокомъ всосалось: одна и та же родовая обстановка, одни и тѣ же фамильные портреты и воспоминанія, одна и та же наслѣдственная прислуга,— все это сдѣлало насъ людьми... людьми...—Александръ Николаевичъ завертѣлъ въ воздухѣ рукою, не находя слова,— ну да, людьми традицій... C'est le mot! Вы росли не такъ,— въ корпусахъ, внѣ дома. Ваша семья обѣднѣла ранѣе, чѣмъ вы выросли.

— Да-съ, мы теперь и испытываемъ, что значитъ имѣть родными людей съ традиціями и безъ денегъ,—желчно замѣтилъ Аркадій Павловичъ.—Они берегли всякій хламъ до того, что онъ потерялъ всякую цѣну, и вмѣсто денегъ наградили насъ имъ...

Что дѣлать, что дѣлать! Таковы были нравы,—вздохнулъ Александръ Николаевичъ.—Да, кстати, о сбереженныхъ вещахъ... я тамъ видѣлъ на столѣ шкатулку,—указалъ онъ по направленію къ столовой:—кого это изъ васъ угораздило сломать ее?

— Это я сломалъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ денегъ,—отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Ну, и что же?—спросилъ дядя.

— Ассигнаціи стараго образца нашелъ!—сердито отвѣтилъ племянникъ.

— Ха-ха-ха!—залился смѣхомъ дядя.—Вамъ положительно не везетъ! Вмѣсто денегъ находите въ шкатулкѣ свидѣтельство о безплодной гибели вашихъ капиталовъ и въ то же время своею рукою истребляете то, что стоитъ денегъ.

— Я васъ не понимаю,—хмуро пробормоталъ Аркадій Павловичъ.

— Ахъ, mon cher, да вѣдь, ломая шкатулку, ты уничтожалъ тоже деньги,—засмѣялся Александръ Николаевичъ.—

Это Буль, настоящій Буль... Вашъ дѣдъ вывезъ эту вещь изъ Франціи... Впрочемъ, она даже и въ сломанномъ видѣ стоитъ дороже многихъ и многихъ драгоцѣнностей нашего минурнаго вѣка... Однако, я вамъ мѣшаю... Ну, дѣлитесь, дѣлитесь, но не деритесь!.. А! каково? почти каламбуръ!.. А съ тобой я еще поговорю,—обратился Александръ Николаевичъ, повернувшись на каблукахъ, къ Максиму.—Разскажешь, какъ жилось...

Максимъ усмѣхнулся.

— Немного услышите,—замѣтилъ онъ.—Этимъ и прежде никто не интересовался, а теперь и подавно нечего интересоваться тѣмъ, что стараюсь забыть даже я.

— Упрекъ!—воскликнулъ Александръ Николаевичъ:—заслуженный, заслуженный!.. Но, надѣюсь, мы будемъ друзьями, иначе это бы огорчило Дуню, если бы она узнала, что ты не другъ съ ея безпутнымъ папкой.

Максимъ слегка покраснѣлъ. Ему хотѣлось спросить, помнитъ ли его, вспоминаетъ ли о немъ его двоюродная сестра, но онъ не хотѣлъ говорить о ней при братьяхъ и главнымъ образомъ при братѣ Аркадіи. Но Александръ Николаевичъ самъ выболталъ то, что хотѣлъ знать Максимъ.

— Она вѣдь о тебѣ часто говаривала со мною,—затараторилъ онъ.—Упрекала, что я не справлюсь о тебѣ. Но вѣдь гдѣ же мнѣ? Я самъ въ такомъ положеніи... Ah, cher neveu, это цѣлый романъ, эпопея!.. Я о своей жизни говорю... Когда-нибудь на досугѣ поразскажу... Описать можно, право!.. Ты не пишешь?

— Нѣтъ,—усмѣхнулся Максимъ.

— А я думалъ. Теперь вѣдь всѣ пишутъ, у кого нѣтъ денегъ и...

Онъ остановился.

— И способностей?—спросилъ Максимъ.

— Ну да, ну да!.. Теперь я вижу, что ты дѣйствительно не пишешь, а то бы не угадалъ моей мысли... Однако, я все болтаю и болтаю, а дѣла вотъ до сихъ поръ!—онъ указалъ рукой на горло.—До свиданья!..

Александръ Николаевичъ поспѣшно пожалъ всѣмъ племянникамъ руки, повернулся на каблукахъ и быстро пошелъ къ дверямъ, но съ порога онъ снова обернулся и крикнулъ Максиму:

— А Дунѣ-то кланяться?

— Кланяйтесь,—отвѣтилъ Максимъ.

— И поцѣловать?—переспросилъ Александръ Николаевичъ.

— Пожалуй,—неохотно отвѣтилъ Максимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не поцѣлую, успокойся! — захохоталъ дядя.—Вижу, что не того желаешь: самъ хочешь расцѣловать ее. Испытали, все испытали это!.. Боже мой, Боже мой, какъ жили!...

И Александръ Николаевичъ, заливаясь смѣхомъ, исчезъ изъ комнаты, какъ вѣтеръ. Такъ онъ носился всю жизнь, съ той поры, какъ научился впервые твердо стоять на ногахъ.

— Шутъ гороховый,—проворчалъ Данила Павловичъ.

Аркадій Павловичъ пожалъ насмѣшливо плечами и проговорилъ вскользь:

— Твоему будущему тестю будетъ пріятно узнать твое мнѣніе о немъ.

— Но вѣдь здѣсь же все свои!—загорячился Данила Павловичъ.—Или ты шпіономъ сдѣлаешься?

— Господа, опять вы ссоритесь,—вмѣшался братъ Петръ.—Куда же ты?—обратился онъ къ Максиму.

— Къ себѣ наверхъ,—отвѣтилъ Максимъ, направляясь къ дверямъ.

Дойдя до дверей, онъ обернулся съ порога, вспомнивъ что-то.

— Кстати,—проговорилъ онъ:—вѣдь нашъ домъ придется продать?

— Не мы же въ немъ будемъ жить,—отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Гущинъ намѣренъ его купить,—сказалъ Максимъ.—Онъ, вѣроятно, дастъ болѣе другихъ, такъ какъ нашъ домъ удобенъ для него по своей близости къ станціи желѣзной дороги.

Аркадій Павловичъ бросилъ взглядъ на Максима и спросилъ:

— А ты откуда это знаешь?

— Гущинъ мнѣ самъ говорилъ это сегодня утромъ.

— Ужъ ты не въ гости ли къ нему ходилъ?

— Нѣтъ, случайно встрѣтилъ, а вотъ на-дняхъ такъ пойду уже прямо къ нему,—усмѣхнулся Максимъ.

Ему, повидимому, было пріятно дразнить старшаго брата.

— Не хочешь ли какого-нибудь мѣста у него просить, управляющимъ какимъ-нибудь у бывшаго дядинаго крѣпостного быть?—насмѣшливо спросилъ Аркадій Павловичъ.

Максимъ усмѣхнулся.

— Гдѣ ужъ мнѣ управляющимъ быть,—съ ироніей произнесъ онъ:—слава Богу, если и въ простые работники возьметъ.

— Что же, теперь тебѣ остается только жениться на дочери Гущина,—замѣтилъ, дѣлая гримасу, Аркадій Павловичъ, обращаясь къ брату Даниилѣ.

— А ты думаешь, я и не женился бы на ней, если бы я уже не намѣтилъ Аделькуу? — отвѣтилъ Данила.—Гущина — колода, да зато за этой колодой сотня тысячъ.

По губамъ Аркадія Павловича скользнула презрительная усмѣшка. Максимъ, между тѣмъ, взялся за ручку двери, но его остановилъ Петръ Павловичъ.

— Ты уходишь? А какъ же дѣлиться?—недоумѣвалъ Петръ Павловичъ.

— Дѣлитесь, какъ знаете; что придется мнѣ, то и возьму,— отвѣтилъ Максимъ и пошелъ изъ комнаты.

По губамъ Аркадія Павловича снова скользнула усмѣшка.

— Ишь, Кузьма безсребренникъ! — проговорилъ Данила Павловичъ.—Штановъ нѣтъ, а плюетъ на наслѣдство. Каковъ былъ, такимъ и остался. Ей-Богу, дуракъ онъ, а молодецъ!

— Можетъ-быть, ему и въ самомъ дѣлѣ тяжело, какъ дядѣ Александру Николаевичу, смотрѣть на эти вещи, напоминающія о матери,—замѣтилъ мягко Петръ Павловичъ.— Вѣдь онъ долженъ чувствовать...

По губамъ Аркадія Павловича опять пробѣжала та же едва замѣтная гримаса, и онъ неторопливо перебилъ брата Петра:

— Ну, онъ-то менѣе всѣхъ насъ человѣкъ традицій, какъ выражается дядя Александръ Николаевичъ.

Братья приступили къ дѣлежу.

XI.

Рано утромъ на слѣдующій день къ крыльцу муратовскаго дома подъѣхала со двора коляска. Это былъ старомодный, предназначенный когда-то для большой семьи, широкій экипажъ, на высокихъ твердыхъ рессорахъ, съ порыжѣвшей и потрескавшейся кожей, съ обивкой изъ загрязненнаго сѣраго съ синими полосами тика, съ жесткими, обсженными подушками, походившими на сильно подержанные матрацы, съ разными жестяными набивками, сдѣланными домашними способами для поддержанія этой развалины. Ѣхать въ ней было не безопасно. Рыжебородый Вавила, по обыкновенію, всклоченный и неуклюжій, сидѣлъ, сгорбившись, на козлахъ и вовсе не имѣлъ осанки кучера, привыкшаго возить господъ, а напоминалъ водовоза, дремотно пріютившагося около бочки. Двѣ престарѣлыя клячи разной масти и разнаго роста

стояли понуро и отъ времени до времени трясли головами, видимо, тяготясь непривычнымъ положеніемъ быть привязанными къ дышлу и словно разсуждая: «и скоро ли этому конецъ будетъ, и зачѣмъ это все?»

— Только въ такомъ экипажѣ и ѣздить на торжественныя празднества,—съ ироніей проговорилъ Аркадій Павловичъ, выходя на крыльцо и съ презрѣніемъ взглянувъ на коляску.

— Да, чортъ возьми, когда-то въ этотъ день дядюшка присылалъ за нами четверню вороныхъ, —замѣтилъ Данила Павловичъ, усаживаясь въ коляску.

— Не за нами, а за нашею матерью, — вскользь проговорилъ Максимъ.

Братья усѣлись въ экипажъ, и онъ съ жалобнымъ скрипомъ двинулся съ мѣста, задребезжавъ всѣми своими расшатавшимися гайками.

— Ты только не спи!—грубо обратился Аркадій Павловичъ къ кучеру:—а то мы къ вечеру доѣдемъ.

— Чего мнѣ спать, выспался за ночь-то, — проворчалъ Вавила и задергалъ вожжами.

Причмокивая, передергивая вожжи, подхлестывая лошадей и тыкая въ нихъ кнутовищемъ, Вавила дѣлалъ все зависѣвшее отъ него, чтобы ускорить бѣгъ лошадей. Онъ даже пускался отъ времени до времени въ поучительныя разсужденія съ своими заѣзженными клячами. Но онѣ, вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, уже давно потеряли способность къ быстрой ѣздѣ и, не въ тактъ перебирая несгибавшимися и заплетавшимися ногами, тащили тяжелую коляску убійственно медленно и неровно, такъ что сидящіе болѣзненно чувствовали каждую рытвину, каждый ухабъ. Всѣ братья были настроены не особенно хорошо и молчали. Только Максимъ, проѣзжая впервые послѣ долгихъ лѣтъ по дорогѣ въ имѣніе дяди, засматривался на виды и силился воскресить въ себѣ различныя воспоминанія. Онъ даже удивился, какъ быстро проѣхали они семь верстъ, и какъ скоро показался около дороги небольшой лѣсъ, носившій названіе «ольховскаго парка». При началѣ этого лѣса отъ большого тракта отдѣлялась дорога, проходившая мимо барскаго дома, миновавшая довольно богатую деревню и достигавшая двухъ сельскихъ церквей. Одна изъ этихъ церквей была каменная, и въ ней служили зимою; другая, деревянная, предназначалась для лѣтнихъ богослуженій. Сюда свернули муратовскія клячи, и у Максима невольно сжалось сердце: его

волновало предчувствіе близкихъ встрѣчъ съ Дуней и съ дядей Платономъ Николаевичемъ: онъ теперь ощущалъ почти тѣ же чувства, которыя возникали въ немъ въ годы дѣтства при въѣздѣ въ имѣніе дяди: онъ былъ готовъ сказать кучеру: «стой, я ворочусь назадъ». Ему было просто страшно встрѣтиться съ дядей, съ этою грозою ихъ семьи. Хватитъ ли теперь у него, Максима, настолько самообладанія, чтобы не разссориться съ этимъ самодуромъ, сердитымъ на свою старость, на погоду, на ревматизмы?

— Помнишь, Кадя, какъ наша мама начинала волноваться, въѣзжая сюда?—проговорилъ мягкимъ тономъ Петръ Павловичъ. «Держите себя прилично!» «Не огорчите дядю Платона Николаевича!» «Не смотрите на него исподлобья!» твердила она намъ, оправляя наши воротнички... А тетя Маша...

— Я думаю, эти тревоги были вполнѣ естественны,— перебилъ его строгимъ тономъ Аркадій Павловичъ. — Не могла же не заботиться мать о нашемъ поведеніи въ такомъ домѣ, какъ домъ дяди Платона Николаевича.

— Ахъ, Кадя, развѣ я говорю, что это было неестественно? Я просто вспомнилъ невольно о матери,— началъ оправдываться Петръ Павловичъ.

— Да, но ты говоришь такимъ тономъ,— наставительно продолжалъ Аркадій Павловичъ. — Наша мать заботилась о нашемъ же благѣ, когда она стремилась сдѣлать насъ приличными.

— Ха-ха-ха! — захохоталъ внезапно громкимъ голосомъ Данила Павловичъ.

— Чему это ты?— нахмурилъ брови Аркадій Павловичъ.

— А, чортъ возьми, вспомнилъ я, какъ я разъ удралъ въ дѣвичью и начудилъ тамъ такъ, что даже Платонъ Николаевичъ ротъ разинулъ,—заливался смѣхомъ Данила Павловичъ. — Тебя уже не было въ это время,—обратился онъ къ Максиму. — Это была цѣлая исторія. Я, знаешь, пробрался сперва въ буфетъ, натрескался тамъ, а потомъ, набравшись храбрости, и пошелъ въ дѣвичью. Настька...

— Пожалуйста, избавь отъ этихъ грязныхъ исторій; вспомни, куда мы ѣдемъ,— оборвалъ его Аркадій Павловичъ.—Кстати, мы и пріѣхали.

Максимъ торопливо оглянулся и увидалъ, что экипажъ, дѣйствительно, остановился. Расходившіяся муратовскія клячи остановились не вдругъ, точно имъ было теперь уже все равно — тащиться ли шажкомъ еще нѣсколько верстъ

или стоять здѣсь на пескѣ подъ солнечнымъ припекомъ и отмахиваться облѣзлыми хвостами отъ стаи мухъ и оводовъ, кружившихся въ воздухѣ.

Братья вышли изъ экипажа и направились къ церкви, гдѣ уже шла обѣдня. Только Максимъ проскользнулъ въ сторону и свернулъ за церковь на кладбище. Вавила лѣниво слѣзъ съ козелъ, снялъ шапку и широко перекрестился, уставивъ оловянные глаза на церковь. Потомъ онъ снова вернулся къ экипажу и постукалъ кнутовищемъ по переднему колесу, смущавшему его въ теченіе всей дороги своею дребезжавшей шиной. Кончивъ осмотръ колеса, онъ почесалъ въ затылкѣ, зѣвнулъ и сталъ осматриваться, желая найти тѣнистое мѣсто. Сильное ржанье лошадей заставило его оглянуться въ другую сторону, и онъ увидалъ, что въ сторонѣ, подъ тѣнью кладбищенскихъ деревъ, стоятъ еще двѣ коляски. Онъ взялъ подъ уздцы одну изъ своихъ лошадей и направился туда, гдѣ отдыхали его собратья.

Максимъ, между тѣмъ, вошелъ въ ворота кладбища и тихо пошелъ извилистыми тропинками среди могилъ, множества деревянныхъ крестовъ, каменныхъ плитъ и чугунныхъ монументовъ. Снявъ фуражку и отирая платкомъ свой лобъ, онъ почти не обращалъ вниманія на окружающіе памятники и, повидимому, былъ настолько знакомъ съ кладбищемъ, что могъ пройти по немъ до извѣстнаго мѣста съ закрытыми глазами. Сдѣлавъ два или три поворота по тропинкамъ, онъ случайно взглянулъ на ослѣпительно-бѣлый крестъ, украшенный свѣжими цвѣтами, и въ его головѣ промелькнула мысль о томъ, что этого креста не было въ то время, когда онъ въ послѣдній разъ былъ на этомъ кладбищѣ. Онъ подошелъ къ кресту и прочелъ надпись. На крестѣ было написано:

«Незабвенному сыну скорбящіе родители».

Максимъ обошелъ могилу и прочелъ на противоположной сторонѣ креста:

«Здѣсь покоится прахъ Александра Ивановича Зернина».

Ниже были обозначены мѣсяцы и годы рожденія и смерти, а далѣе значилось:

«Житія его было 19 лѣтъ, 2 мѣсяца и 8 дней».

Подъ этой надписью красовалась Адамова голова и сложенныя накрестъ кости. Внизу стояло:

«Господи, упокой душу его!»

— Умеръ!—вздохнулъ Максимъ.—А, кажется, давно ли

мы играли здѣсь вмѣстѣ, давно ли спасались сюда отъ семейныхъ дрязгъ, отъ мертвящей скуки!..

По лицу Максима скользнула горькая усмѣшка. Ему было какъ-то тяжело и грустно вспомнить, что ему и этому Зернину приходилось спасаться отъ мертвящей скуки на кладбищѣ, среди этихъ могилъ, приходилось уходить отъ живыхъ людей въ эту обитель мертвыхъ.

«И сколько у него было надеждъ, сколько тревогъ и волненій!»—думалось Максиму, и передъ его глазами ярко воскресла картина того еще недавняго прошлаго, когда онъ и Саша, товарищъ его дѣтства, уходили на кладбище читать книги, которыя считались опальными въ ихъ семействахъ, когда они уходили сюда вести живые споры, которые дома прерывались рѣзкими замѣчаніями старшихъ. Въ его ушахъ снова звучали слова: «Вы еще слишкомъ молоды, чтобы судить объ этихъ вещахъ». «Вы сами не знаете, о чемъ спорите». «Прошу не разсуждать о подобныхъ предметахъ». «Молоко на губахъ еще не обсохло, а туда же—вездѣ свой носъ суетъ». «Я тебя запорю, если ты у меня не выкинешь изъ головы подобныхъ идей». «Ахъ, Саша, Саша, какой ты безпокойный! Видишь, что отецъ сердится, а ты все свое, все свое. И что у тебя за мысли такія! Тебѣ бы еще играть, прыгать, танцовать, а ты все изъ-за чего-то волнуешься, кипятишься. Съ такимъ безпокойнымъ характеромъ жить нельзя. Вотъ васъ пара съ Максимомъ, не сносить вамъ головъ».

Максимъ не только вспомнилъ всѣ эти слова, но онъ видѣлъ передъ собой, какъ живую, и фигуру Александра Зернина съ поникшей головой и съ закушенною чуть не до крови нижнею губою, и мать Зернина въ большой «наколкѣ» съ безчисленными бантами яркаго цвѣта, съ широкимъ и румянымъ лицомъ, съ разложенными на столѣ картами, которыя однѣ шелестятъ въ комнатѣ подъ руками лѣниво гадающей барыни. А тамъ гдѣ-то далеко-далеко, за пять, за шесть комнатъ, слышатся отрывистые крики:

— Я вамъ покажу! Я вамъ покажу, что значитъ черезъ молодого барина просить! Я васъ вмѣстѣ съ нимъ на конюшнѣ разложу!

И опять слышится лѣнивый и томный голосъ матери Зернина:

— Вотъ, слышишь, изъ-за тебя ихъ же бранятъ. И очень нужно было мѣшаться не въ свое дѣло... Ты могъ понять, что этимъ все кончится... Ты не ребенокъ!

— Вы сами же сейчасъ говорили, что я прыгать, играть долженъ въ качествѣ ребенка,—глухо и насмѣшливо замѣчаетъ сквозь зубы Саша Зернинъ.

— Ну, конечно, ты ребенокъ по лѣтамъ, но ты уменъ, ты можешь сообразить, что къ чему приведетъ,—невозмутимо объясняетъ мать.—Ты знаешь характеръ отца.

— Да, да, къ несчастію, я все знаю, все знаю,—нервно говоритъ Зернинъ и идетъ изъ комнаты, безнадежно махнухъ рукою.

— Пожалуйста, не ходи только къ Максиму. Ты знаешь, отецъ не долюбливаетъ его, а теперь къ тому же онъ сердитъ. Признаюсь, и мнѣ непріятно, что ты все съ нимъ, все съ нимъ. Дрянной онъ мальчишка. Лучше пройдись по саду и успокойся, да попроси потомъ прощенья.

Зернинъ молча выслушиваетъ все на порогѣ комнаты и, дослушавъ наставленіе, сухо спрашиваетъ:

— Я вамъ болѣе не нуженъ теперь?

— Что у тебя за тонъ! Что за тонъ! Ты просто неисправимъ.

Сынъ тихо уходитъ. Мать продолжаетъ гадать на короля трефъ. Зачѣмъ она, вѣрная супруга своего бѣлобрысаго мужа, гадаетъ на короля трефъ—Богъ знаетъ. Но гаданье все продолжается и продолжается, поглощая все ея вниманіе, и только изрѣдка думается ей:

«Когда же это уходится и успокоится Александръ? Онъ, дѣйствительно, нестерпимъ. И это все Максимъ его подзадориваетъ. Маленькій чертенокъ! Зимой Саша, правда, угрюмъ, унылъ, но, по крайней мѣрѣ, молчитъ, покоряется хотя наружно, а лѣтомъ—лѣтомъ онъ просто становится неприличенъ. Покою отъ него нѣтъ, какой-то неугомонный. Хоть бы уѣзжалъ этотъ Максимъ скорѣе, авось опять Саша успокоится».

Максимъ помнитъ живо, какъ все это высказывалось матерью Зернина, какъ она вооружала всѣхъ противъ него. Максима, противъ этого сорванца, противъ этого неприличнаго мальчишки. Неприличный мальчишка! Да, это прозвище было дано Максиму Зерниной. И вспоминается ему, какъ волновался Александръ Зернинъ, услышавъ это прозвище своего друга.

— А гдѣ они набрались приличій?—говорилъ онъ.—Берутъ взятки, ѣздятъ на поклонъ къ вліятельнымъ лицамъ, интригуютъ, сплетничаютъ, лгутъ,—это прилично! Порютъ дворовыхъ, рѣжутъ косы горничнымъ, живутъ съ крѣпест-

ными, приписываютъ въ крестьяне прижитыхъ незаконно своихъ дѣтей, — это прилично! Ругаются цѣлыми днями между собою, пьютъ съ сосѣдями безъ просыпу, тратятъ тысячи, живя среди голодныхъ и холодныхъ, — это прилично! И какъ смѣютъ они толковать о приличіяхъ тѣмъ, кто изо дня въ день видѣлъ ихъ жизнь, видѣлъ, какъ они унижались до холопства передъ высшими и доходили до роли тирановъ съ низшими, какъ они бывали грязны и мелочны, ничтожны и развратны въ будничной жизни!

Александръ волновался, дѣйствительно, до неприличія, и трудно было сказать, когда и на чемъ онъ успокоится. И вотъ успокоился—успокоился въ могилѣ.

«Да отвѣтъ ли это, полно?—промелькнулъ въ головѣ Максима стихъ Гейне.—Да, это не отвѣтъ на проклятые вопросы,—думалъ Максимъ: — но это отвѣтъ на вѣчныя желанія Зерниныхъ: ихъ сынъ успокоился — этого съ нихъ довольно. И для чего они написали это: «Упокой, Господи, душу его?» Ужь не боялись ли они, что онъ придетъ съ того свѣта терзать ихъ своими проклятыми молодыми вопросами? Или думали, что онъ станетъ обличать ихъ и тамъ? Не этотъ ли страхъ заставилъ ихъ въ послѣдній разъ солгать, написавъ на могилѣ сына: «незабвенному сыну скорбящіе родители»? Да, ни одинъ злой врагъ не сумѣлъ бы такъ зло подшутить надъ ними, какъ они сами подшутили надъ собой этою надписью. И сколько нужно тупости и глупости, чтобы не краснѣть каждый разъ при видѣ этой надписи! И вѣдь вѣрно они не краснѣютъ, не понимаютъ ея злой ироніи, не понимаютъ, что они убійцы, а не родители своего сына».

Что-то горькое прошло по душѣ Максима: ему опять вспоминалась и его собственная семья, вспоминались безрадостныя сцены изъ его семейной жизни, вспоминалось, что отъ этой жизни остались теперь однѣ могилы — могилы матери и отца, на которыя онъ шелъ взглянуть по этому кладбищу, шелъ не съ теплымъ чувствомъ грусти о нихъ, а съ тяжелымъ сознаніемъ, что они прожили слишкомъ долго для того, чтобы онъ могъ сохранить горячую любовь къ нимъ. Теперь, остановившись и задумавшись надъ этой могилой друга, онъ чувствовалъ, что его менѣе влечетъ на родныя могилы, что къ небольшому остатку чувства сыновней любви примѣшивается еще болѣе горечи, еще больше упрековъ. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ бы отгоняя какія-то безрадостныя мысли, и пошелъ далѣе. Сдѣлавъ еще два-три

поворота по тропинкамъ, онъ остановился надъ двумя могилами. Здѣсь лежала большая плита, и на ней была высѣчена надпись:

— «Здѣсь покоится прахъ рабовъ Божіихъ отставного поручика лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Павла Марковича Муратова и супруги его Ольги Матвѣевны Муратовой, урожденной Баскаковой».

Онъ не припалъ къ этой плитѣ головою, не опустился передъ нею на колѣни. Его вдругъ охватилъ какой-то холодъ равнодушія, какъ будто эти могилы были ему совершенно чужды, какъ будто люди, лежавшіе подъ этою плитою, не были соединены съ нимъ ни однимъ воспоминаніемъ. Онъ вдругъ почувствовалъ какую-то усталость, нравственную усталость, и присѣлъ на плиту, опустивъ лицо на ладони рукъ. Минуты проходили за минутами, а онъ не трогался съ мѣста.

— Максимъ!—вдругъ раздался надъ нимъ полный ласки, молодой женскій голосъ.

Въ звукахъ этого вопроса послышались и радость, и боязнь. Максимъ быстро поднялъ голову, вскочилъ съ могильной плиты и радостно протянулъ обѣ руки къ стоявшей передъ нимъ дѣвушкѣ. Онъ сжалъ ея руки, притянулъ ее къ себѣ и горячо поцѣловалъ въ губы.

— Дуня, милая, родная!—прошепталъ онъ, заглядывая въ ея голубые глаза, всматриваясь въ ея разгорѣвшееся лицо.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее крѣпкимъ поцѣлуемъ, и она почувствовала, какъ на нее брызнула горячая слеза.

— Какъ ты выросла, какъ похорошѣла!—проговорилъ онъ.

— И ты совсѣмъ большой,—тихо и застѣнчиво промолвила она и еще болѣе покраснѣла.

— Я не ожидалъ увидѣть тебя здѣсь. Я только-что пріѣхалъ съ братьями сюда... Прошелъ на могилу,—говорилъ Максимъ, любуясь ею.

— Знаю, знаю,—перебила она его.—Я видѣла, какъ они входили. Я догадалась... Ахъ, я вѣчно нагрѣшу!.. Тамъ служба идетъ, а я все стояла и думала о тебѣ... Пришли они, у меня лицо вспыхнуло, забилось сердце... Я вотъ всегда такая...

— Милая, ты все еще любишь попрежнему своего братишку,—проговорилъ задушевно Максимъ и снова обнялъ сестру.

Но она вспыхнула еще болѣе и слабо отстранилась. За минуту она еще въ порывѣ радостной встрѣчи горячо цѣ-

ловала Максима, теперь въ ней проснулся тотъ цѣломудренный дѣвическій стыдъ, который не допускаетъ даже чистыхъ братскихъ поцѣлуевъ. Молодые люди присѣли на могилу.

— Вѣдь если я здѣсь, то только ради тебя, — говорилъ Максимъ.—И здѣсь, и въ Чистопольѣ всѣ мнѣ чужіе...

— Но вѣдь и твои братья... твои родные здѣсь, — тихо прошептала она.

— Братья!.. Родные!.. Что мнѣ родные? Что я имъ?.. Развѣ ты не знаешь, что между всѣми нами нѣтъ ничего общаго? Насъ связываютъ не одни чувства, не одни идеи, не одни стремленія,—нѣтъ, насъ связываютъ приличія, дѣла, наслѣдство...

Максимъ махнулъ рукою.

— Ну, да что объ нихъ говорить! Поговоримъ о тебѣ... Какъ тебѣ живется? Какая ты хорошая стала, совсѣмъ большая. А я вѣдь узналъ бы тебя среди тысячи дѣвушекъ... Твои глаза узналъ бы, твои пышныя косы узналъ бы, твои загорѣлыя, румяныя щеки узналъ бы. Ну, вотъ, вотъ ты смѣешься... Я узналъ бы тебя по одной твоей улыбкѣ...

Максимъ быстро поднесъ къ губамъ обѣ руки дѣвушки и горячо поцѣловалъ ихъ.

— Полно,—тихо проговорила Дуня и хотѣла встать.

— Посиди, поговоримъ,—притянулъ онъ ее опять на могильную плиту.—Что же ты не щебечешь, ласточка, что же ты не сообщаешь обычною скороговоркою свои маленькія печали своему братишкѣ, своему защитнику, рыцарю безъ страха и упрека? Или ты не помнишь, какъ меня дразнили этими именами, какъ насъ называли женихомъ и невѣстой?

— Ахъ, Максимъ, Максимъ, я ничего не забыла, я все помню,—тихо отвѣтила дѣвушка.—Но я уже давно перестала быть прежней птичкой... Мнѣ не о чемъ щебетать... У меня нѣтъ болѣе моихъ маленькихъ печалей...

Максимъ пристально и тепло взглянулъ въ лицо дѣвушки.

— Нѣтъ маленькихъ печалей, но, кажется, есть большія?—спросилъ онъ ее задушевнымъ голосомъ.

— Да, въ эти годы выросла я, выросли и печали...

— А радости?

— Ихъ нѣтъ, Максимъ, и не будетъ.

— Полно, полно, Дуня!

— Вотъ ты встрѣтилъ меня здѣсь, на кладбищѣ, на могилѣ. Это тоже все, что осталось мнѣ дорогого въ свѣтѣ. Сюда я каждый разъ прихожу отдыхать; но развѣ это от-

дыхъ? Развѣ легко заглушать свою тоску, разгонять тяжелыя думы, искать подкрѣпленія на могилѣ, на этой нѣмой могилѣ, которая не даетъ отвѣта на вопросы, не указываетъ пути, не отзывается на слезы? И дома, и здѣсь, и вездѣ, вездѣ я чувствую, что я одна, одна и одна...

— Ну, а теперь развѣ ты одна, развѣ я не съ тобою, развѣ ты разлюбила и своего Максима, своего брата?—тихо спросилъ Максимъ, и онъ былъ не узнаваемъ въ эту минуту: что-то женственно мягкое было въ его манерахъ, въ его голосѣ; какъ всѣ нервные люди, подъ вліяніемъ событій онъ преображался весь.

Дѣвушка задумчиво покачала головой.

— Не разлюбила, Максимъ,—отвѣтила она.—Но развѣ ты можешь чѣмъ-нибудь помочь мнѣ? И чѣмъ мнѣ можетъ кто-нибудь помочь?

Она замолкла на минуту и потомъ заговорила въ раздумьи:

— Знаешь ли, Максимъ, иногда я начинаю мечтать о будущемъ, мечтать о томъ, что̀ нужно, чтобы я была счастлива, и мнѣ становится страшно, какъ я вспомню, сколько нужно для моего счастья. Нужно все, все передѣлать и самой переродиться, нужно начать жить сначала, чтобы быть счастливой... Отецъ все попрежнему кутитъ, попрежнему лжетъ, попрежнему служитъ шутомъ, прихлебателемъ, козлищемъ отпущенія въ домѣ Платона Николаевича.

— И попрежнему припомаженъ, раздушенъ, весь въ бронзовыхъ цѣпочкахъ и поддѣльныхъ брильянтахъ, и попрежнему при всякомъ разсказѣ замѣчаетъ, что «и съ нимъ было то же»?

Молодая дѣвушка только вздохнула.

— А ключница Матрена Кузминична все попрежнему держитъ его подъ башмакомъ?—продолжалъ съ нервною горечью Максимъ.

— Ты знаешь, что перемѣнъ не могло произойти,—кротко замѣтила молодая дѣвушка.- Платонъ Николаевичъ свысока покровительствуетъ отцу, называя его шутомъ гороховымъ, вралемъ... Онъ поддерживаетъ нашу семью и требуетъ себѣ поклоненія, косясь при каждомъ моемъ свободномъ шагѣ, при каждомъ моемъ свободномъ словѣ. Одѣта я плохо—онъ замѣчаетъ мнѣ, что я не горничная, что я позорю его, появляясь въ его гостиныхъ въ такомъ туалетѣ. Принаряжусь я...

— Знаю, знаю я твой нарядъ,—перебилъ ее Максимъ:—

бѣлое кисейное платье, двѣ косы, заплетенныя какъ теперь, свѣжіе васильки и колосья на груди.

— Да, а Платонъ Николаевичъ говоритъ: «теперь пора бы перестать кокетничать и разыгрывать Маргариту. Не для кого, да и не изъ чего! Лучше бы дѣломъ занялись, работали бы»... А что же я стану работать, что я стану дѣлать? Я ничего не знаю. Французскій языкъ, музыка, вышиванье, вотъ все, что я знаю, и то съ грѣхомъ пополамъ. Зачѣмъ же они меня не учили? Зачѣмъ ни къ чему не подготовили? Пробовала я и дѣтей крестьянскихъ учить—Платонъ Николаевичъ говоритъ: «нечего играть роль благодѣтелей, когда сами чужой хлѣбъ ѣдимъ». Ты знаешь его, у него все это выходитъ такъ грубо, язвительно, такъ колко... Онъ не бранится, не кричитъ; онъ просто безсердечно и холодно рѣжетъ по сердцу своими колкостями и язвительными насмѣшками, а отецъ сейчасъ начинаетъ поддакивать, ораторствовать въ его пользу.

— И послѣ цѣлуетъ твои руки, твои ноги, плачетъ, какъ ребенокъ,—махнулъ рукою Максимъ.

Они смолкли.

— Какъ ты должна ихъ ненавидѣть!—воскликнулъ Максимъ.

— Не скажу, чтобы я ихъ ненавидѣла,—задумчиво произнесла молодая дѣвушка, покачавъ головой.—Мнѣ жаль отца, мнѣ больно за него. Онъ такой слабый, такой вѣтреный, такой безхарактерный. Иногда мнѣ кажется, что онъ безпомощнѣе меня... У него все порывами какъ-то выходитъ: и доброта, и злоба, и печаль, и веселье... Мнѣ все кажется, что онъ самъ сознаетъ, что онъ лишній человѣкъ, и рвется куда-то, хочетъ войти въ какую-то колею, установить какую-то правильную жизнь, найти какое-то опредѣленное положеніе.

— Да,—желчно заговорилъ Максимъ:—но ради этихъ исканій онъ не удовлетворился жизнью съ доброю и кроткою женою и бросилъ ее для провинціальной актрисы, для которой выстроилъ театръ, потомъ кинулся въ объятія провинціальной аристократки и, просадивъ на нее за границей тысячи, разочаровавшись въ ней, пришелъ подъ домашній кровъ отдыхать съ ключницей, которая начала вертѣть всею семьей; ради этихъ исканій онъ разорилъ тысячу крестьянъ, пустилъ ихъ по-міру, довелъ до бѣдности свою семью; ради этихъ исканій онъ бросилъ своихъ дочерей почти безъ образованія и не далъ имъ никакихъ средствъ

для борьбы съ бѣдностью... Нѣтъ, Дуня, такихъ людей я не умѣю любить, не умѣю жалѣть; я могу ихъ, пожалуй, презирать—и только.

Она тихо подняла на него свои кроткіе, большіе и глубокіе, почти синіе глаза, способные обезоружить самый сильный гнѣвъ.

— Ты все тотъ же, Максимъ, все тотъ же!—тихо вздохнула она.—Ты не умѣешь прощать. Ты смотришь на людей, какъ судья. Ты разбираешь, что̀ они сдѣлали, и не хочешь, не можешь понять, почему они это сдѣлали. Тебѣ не приходилось жить изо дня въ день съ одними и тѣми же лицами, не приходилось изъ года въ годъ слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями, за всѣми ихъ радостями и печалями, надеждами и опасеніями, и потому ты видишь одни ихъ явные, бросающіеся въ глаза проступки, не зная тайныхъ побужденій, тайной борьбы, вызвавшей эти проступки.

— Что мнѣ доискиваться до этихъ побужденій, до этой борьбы? Я вижу страданія и проклинаю тѣхъ, кто вызвалъ это страданіе!—горячо произнесъ Максимъ.

— А самъ ты сдѣлалъ что-нибудь, чтобы исправить однихъ и облегчить участь другихъ?—спросила молодая дѣвушка, снова взглянувъ прямо въ лицо Максима своими добрыми глазами.

— Я только начинаю жить...—началъ Максимъ.

— Ну, такъ и подожди того времени, когда ты будешь кончать жизнь, чтобы имѣть право проклинать,—проговорила молодая дѣвушка.—Кто знаетъ, что выйдетъ изъ насъ самихъ? И что въ твоихъ проклятіяхъ? Отъ нихъ никому ни тепло, ни холодно, отъ нихъ только очерствѣетъ твое же сердце!

Она говорила неторопливо, спокойно, и Максиму почему-то показалось, что съ нимъ говоритъ не дѣвушка, полная надеждъ на жизнь, а строгая отшельница.

— Странная ты, Дуня!—воскликнулъ онъ.—Да развѣ можно подавить въ себѣ ненависть, когда она духъ захватываетъ, развѣ можно безъ ненависти смотрѣть на своихъ палачей, когда они точатъ для тебя ножъ?

Молодая дѣвушка усмѣхнулась горькою улыбкою.

— Дитя, дитя!—тихо проговорила она.—Изъ твоихъ словъ такъ и видно, что до сихъ поръ ты еще не видалъ настоящаго палача, который точилъ бы ножъ именно для тебя... Не ненависть къ палачу, а стремленіе избѣжать ножа захватываетъ въ такихъ случаяхъ духъ, наполняетъ душу,

поглощаетъ всѣ помыслы. Въ такія минуты не до проклятій!.. И что мнѣ проклятія, что мнѣ ненависть, когда я стою на краю пропасти, когда у меня одна мысль—какъ спастись!

Она невольно вздрогнула и осмотрѣлась кругомъ.

— Обѣдня кончается,—проговорила она, поднимаясь съ мѣста.—Мы засидѣлись. Пора идти!

— Ахъ, я и забылъ, что тамъ насъ ждутъ,—проговорилъ Максимъ, тоже поднимаясь съ могилы.

Они тихо пошли по дорожкѣ.

— Милая, у тебя есть какое-то большое горе,—промолвилъ Максимъ, обнимая одной рукой талію сестры и заглядывая ей въ глаза. — У тебя есть какое-то новое горе..

Она тихо освободилась отъ его объятій и молчала.

— Неужели ты нынче не вѣришь даже въ своего брата и не хочешь подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ?—продолжалъ онъ нѣжно.

— Что пользы, Максимъ, толковать о своихъ невзгодахъ?—промолвила она.—Ты не поможешь, не можешь помочь.

— Нѣтъ, ты просто не любишь меня.

— Не люблю?—съ упрекомъ, почти со слезами воскликнула молодая дѣвушка.—Грѣшно тебѣ, Максимъ!

— Но, милая, милая, зачѣмъ же ты скрываешь отъ меня, что тебя безпокоитъ?

— Мало ли что меня безпокоитъ и тяготитъ... Ну, вотъ... меня все хотятъ поскорѣй выдать замужъ!—тихо прошептала она, отвернувшись въ сторону.

— Замужъ?—почти крикнулъ онъ, отступивъ отъ нея.—Выдать замужъ противъ воли? И ты пойдешь, согласишься? Не можетъ быть, не можетъ быть!

Онъ вдругъ схватилъ обѣ ея руки, быстро прижалъ ихъ къ горячимъ губамъ и покрылъ ихъ поцѣлуями. Черезъ минуту онъ уже цѣловалъ ея губы и щеки.

— Милая, дорогая, развѣ ты не знаешь, что ты для меня все, все!—шепталъ онъ страстнымъ, потрясеннымъ голосомъ.—Я не уступлю тебя никому, никому!

Молодая дѣвушка не спѣшила теперь оттолкнуть его, не спѣшила освободиться отъ его горячихъ объятій. Она отдавалась его ласкамъ, какъ взрослые отдаются внезапнымъ ласкамъ ребенка. Только въ ея глазахъ было какое-то мучительное выраженіе тоски, болѣзненной, невыносимой тоски.

— Полно, полно! —шептала она.—Ничего этого не будетъ.

Максимъ немного успокоился.

— Ты любишь меня?—спросилъ онъ уже тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Она молча крѣпко сжала его руку и беззвучно прижала свои губы къ его лбу.

— Идемъ... идемъ... Пора въ церковь...— торопливо заговорила она и пошла быстрыми, невѣрными шагами впередъ.

Она теперь, казалось, хотѣла убѣжать, убѣжать скорѣе. Максимъ былъ смущенъ. Онъ не понималъ, что дѣлается съ его любимой сестрой.

XII.

Когда Максимъ подошелъ къ сельской церкви, на паперти уже тѣснился народъ. Обѣдня и молебенъ окончились. На верхней площадкѣ паперти стоялъ рослый и плотный мужчина, лѣтъ шестидесяти пяти, съ надменно поднятой, еще довольно красивой головой, и милостиво раскланивался и говорилъ съ окружающими. Это былъ Платонъ Николаевичъ Баскаковъ. Братья Максима, дядя Александръ Николаевичъ, нѣсколько близкихъ родственниковъ и нѣсколько крестьянъ поздравляли Платона Николаевича съ днемъ его рожденія. Это была одна изъ сотни тѣхъ церемоній, которыя живо помнилъ Максимъ съ дней самаго ранняго своего дѣтства.

Обыкновенно въ годовщину своего рожденія Платонъ Николаевичъ пилъ утренній чай одинъ. Вѣроятно, ему было очень не весело пить чай одному, но онъ это дѣлалъ, такъ какъ безъ этого не могла бы осуществиться вполнѣ вся церемонія. Допивъ чай, онъ никуда не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ камердинеръ изъ крѣпостныхъ, обученный парикмахерскому искусству, надѣвалъ на него черный парикъ съ просѣдью и подвитыми висками, подкрашивалъ ему остатки сѣдыхъ волосъ на затылкѣ и расчесывалъ его какъ для бала; потомъ камердинеръ одѣвалъ барина въ парадное платье; наконецъ, когда туалетъ оканчивался, Платонъ Николаевичъ, посмотрѣвшись въ зеркало, оставался въ своей комнатѣ ждать вѣстового-казачка, который былъ обязанъ возвѣстить, что обѣдня начинается и что гости съѣхались въ церковь. Тогда Платонъ Николаевичъ садился въ экипажъ, запряженный четвернею, съ форейторомъ, и ѣхалъ въ церковь, находившуюся за версту отъ барскаго дома. По однажды введенному обычаю, въ комнатахъ въ это время не должно было появляться людей навстрѣчу барину.

Онъ проходилъ по совершенно пустымъ комнатамъ до экипажа, около котораго стоялъ только его камердинеръ. Затѣмъ баринъ ѣхалъ въ церковь, гдѣ присутствующіе, заслышавъ шумъ подъѣхавшаго экипажа, безмолвно разступались, очищали виновнику торжества путь къ клиросу. Платонъ Николаевичъ, съ набожнымъ видомъ, не глядя ни на кого, шелъ къ своему мѣсту, становился около приготовленныхъ для него стула и коврика, лицомъ къ алтарю и бокомъ къ народу, и начиналъ молиться, такъ какъ именно въ минуту его прихода начиналась обѣдня. Послѣ усердной молитвы при окончаніи обѣдни къ Платону Николаевичу подходилъ священникъ съ просфорою на серебряной тарелкѣ и поздравлялъ его съ высокоторжественнымъ днемъ его рожденія. Платонъ Николаевичъ бралъ просфору и отправлялся прикладываться къ образамъ. Казачокъ слѣдовалъ за нимъ съ коврикомъ, который разстилался передъ каждымъ образомъ, гдѣ намѣревался склонить свои барскія колѣни помѣщикъ. Затѣмъ онъ обращался къ выходу и появлялся на паперти: здѣсь уже тѣснились толпы его гостей и народа, принесшія ему поздравленія. Платонъ Николаевичъ въ это время стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, заложивъ лѣвую руку за бортъ застегнутаго на три пуговицы сюртука, то подавая всю правую руку гостямъ, то протягивая имъ два пальца, то трепля по щекѣ какую-нибудь дѣвушку или похлопывая по плечу какого-нибудь стараго слугу или двороваго. Здѣсь слышались замѣчанія Платона Николаевича, показывавшія, какъ сильна его наблюдательность, которой не мѣшала даже усердная молитва.

— Что это ты, Пароенъ, свѣчѣ-то не далъ догорѣть у образа Божьей Матери?—строго обращался онъ къ церковному старостѣ.—Богомольцы не для вашего кармана ставятъ свѣчи, а для того, чтобы онѣ горѣли передъ образами.

— А я ужъ думалъ, что вы и совсѣмъ не изволите пожаловать,—говорилъ онъ исправнику, протягивая ему два пальца.

Исправникъ, пріѣхавшій въ половинѣ обѣдни, пожималъ съ сожалѣніемъ плечами и бормоталъ:

— Все дѣла, дѣла...

— Ну да, въ наше время вѣдь обѣдня въ праздникъ не дѣло, а бездѣлье,—съ ироніей и сухо замѣчалъ Платонъ Николаевичъ и равнодушно обращался къ кому-нибудь другому.

— А вы, mon frère, все носитесь, все носитесь,—небрежно замѣчалъ онъ брату Александру Николаевичу.—

Право, если бы не знать васъ, то можно бы подумать, что церковный полъ жжетъ васъ, какъ горячіе уголья... Quel exemple pour ces gens!

— Свѣчи, mon frère, плохо ставятъ, чуть-чуть образъ не загорѣлся, — какъ-то растерянно и съ улыбкой, разводя руками, оправдывался Александръ Николаевичъ, не имѣвшій никогда настолько терпѣнія, чтобы простоять на одномъ мѣстѣ въ теченіе всей обѣдни.

— Это, я думаю, дѣло церковнаго сторожа. Впрочемъ, переигравъ всѣ роли въ жизни, можно кончить и ролью церковнаго слуги...

Всѣ эти замѣчанія повторялись съ незначительными перемѣнами изъ года въ годъ и въ послѣднее время становились все болѣе и болѣе сложными и ѣдкими. Платонъ Николаевичъ сильно сердился на новые порядки.

Когда-то онъ игралъ важную роль въ столицѣ по своимъ родовымъ связямъ и по своему богатству. Потомъ, обойденный какою-то наградою, онъ выразилъ свой протестъ удаленіемъ отъ должности и, кажется, думалъ, что его будутъ упрашивать, какъ Бориса Годунова, не губить государство. Но его не попросили, и онъ еще ярче заявилъ свой протестъ, удалившись изъ столицы въ деревню. Дѣйствительно, въ столицѣ почувствовали его удаленіе, такъ какъ для извѣстнаго круга убавилось въ годъ нѣсколько роскошныхъ обѣдовъ и блестящихъ баловъ. Но, тѣмъ не менѣе, къ Платону Николаевичу не послали курьера, какъ въ деревню къ Суворову, съ просьбою спасать столицу. Съ этой поры Платонъ Николаевичъ сталъ въ пассивную оппозицію ко всѣмъ правительственнымъ мѣрамъ; онъ былъ недоволенъ всѣми министрами, всѣми приказами, всѣми движеніями впередъ или назадъ. Несмотря на это, его никто не считалъ опаснымъ человѣкомъ, уже просто потому, что онъ давалъ въ годъ пять баловъ и десять обѣдовъ чуть не на всю губернію. Въ благодарность за эти балы и обѣды признательное дворянство даже выбрало его своимъ предводителемъ, и въ этой должности онъ пробылъ вплоть до времени реформъ. Привыкнувъ порицать всѣ распоряженія, исходившія изъ Петербурга, онъ враждебно отнесся и къ эмансипаціи крестьянъ, хотя онъ былъ далеко не врагомъ народа. Но тутъ дѣла приняли совершенно неожиданный для него оборотъ. Большинство дворянъ, по крайней мѣрѣ, офиціально, оказалось не на его сторонѣ. Онъ озлобленно началъ бороться противъ этого большинства, и оно сдѣлало

то, чего не нужно было дѣлать правительству: его принудили удалиться отъ должности. Съ этой минуты Платонъ Николаевичъ сдѣлался не просто брюзгливымъ бариномъ старыхъ временъ, но озлобленнымъ противникомъ всего новаго. Это былъ консерваторъ-революціонеръ, если можно такъ выразиться. Его рѣчи стали уже слишкомъ желчны и смѣлы, такъ что отъ него боязливо отстранились всѣ сосѣди, даже несмотря на его обѣды и балы. Онъ очутился почти одинъ и сталъ сильнѣе самодурствовать въ своей семьѣ, или, лучше сказать, въ семьѣ своего брата, такъ какъ Платонъ Николаевичъ былъ вдовъ и бездѣтенъ. Эта семья сдѣлалась козлищемъ отпущенія за грѣхъ, кому не могъ насолить раздраженный самодуръ. Сильнѣе всего разливалась его желчь въ разные торжественные дни, когда онъ сильнѣе ощущалъ отчужденіе отъ него провинціальнаго общества.

Это раздраженіе сказалось и въ тотъ день, когда Максиму суждено было встрѣтиться впервые съ дядей Платономъ Николаевичемъ послѣ долгой разлуки.

Максимъ уже издали замѣтилъ кислую, брюзгливую гримасу дяди и подходилъ къ паперти церкви, ожидая непріятной сцены.

— Ah! mon cher neveu, и вы здѣсь! — Платонъ Николаевичъ протянулъ ему два пальца.—Не считаете нужнымъ нынче посѣщать церковь?

— Я былъ на могилѣ матушки,—отвѣтилъ Максимъ.

— Могила матушки не убѣжитъ, а двухъ обѣденъ въ одинъ день и для глухого не служатъ.

— Зато у обѣдни можно каждый день молиться, а посѣтить могилу, лежащую за десятки и сотни верстъ, можно только изрѣдка, и то случайно, — сухо отвѣтилъ Максимъ, и по его щекамъ разлился яркій румянецъ.

— Пріятно, какъ подумаешь, что люди доведутъ тебя до гроба, а послѣ смерти будутъ ходить навѣщать твою могилу,—проговорилъ Платонъ Николаевичъ и неожиданно закончилъ:—для того, чтобы убѣдиться, что ты не всталъ изъ нея.

Максимъ стиснулъ зубы и не отвѣтилъ на брошенный ему въ лицо упрекъ, обернулся къ стоявшей неподалеку высокой и стройной брюнеткѣ лѣтъ двадцати двухъ.

— Здравствуй, Адель,—поздоровался онъ съ нею.

— Bonjour, cousin,—кивнула она своей хорошенькой

головкой и пожала руку Максима, сощуривъ свои большіе черные глаза.

Они тихо заговорили.

— А вы, Eudoxie, тоже вѣрно на могилѣ были?—обратился Платонъ Николаевичъ къ младшей племянницѣ.

Дуня раскраснѣлась, но не опустила глазъ.

— Я пошла, чтобы увидать поскорѣе Максима,—проговорила она, прямо смотря въ глаза дяди свѣтлымъ и открытымъ взглядомъ.

Платонъ Николаевичъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы бы хоть у отца поучились лгать,—тихо проговорилъ онъ ей.

— Зачѣмъ же мнѣ лгать?—громко спросила она.

Платонъ Николаевичъ порывисто отвернулся отъ нея и пробормоталъ сквозь зубы:

— Дура!

— Махните, mon frère, коляскѣ, чтобы ѣхала за нами,—обратился онъ къ брату.—Я пойду пѣшкомъ.

Александръ Николаевичъ замахалъ платкомъ.

Платонъ Николаевичъ, въ сопровожденіи гостей, двинулся къ дому. Родственники и гости шли за нимъ и, кажется, отдыхали, кончивъ церемонію. Позади всѣхъ остались Максимъ и Дуня. Максимъ уже хотѣлъ идти, но молодая дѣвушка остановилась на наперти и сказала ему:

— Подожди, сестра Серафима еще не вышла изъ церкви.

Въ эту минуту въ церковныхъ дверяхъ показалась высокая, нѣсколько полная, но еще прекрасная фигура монахини. Этой женщинѣ было около тридцати, тридцати двухъ лѣтъ. Ея черный, лежавшій крупными и мягкими складками нарядъ составлялъ яркій контрастъ съ ея бѣлымъ лицомъ, съ ея румяными щеками, съ ея выхоленными руками, на одной изъ которыхъ красиво были намотаны черныя рѣзныя четки. Волосы монахини не были видны, но ея черныя брови говорили, что она брюнетка. Ея большіе, сѣрые глаза казались при первомъ взглядѣ на нихъ тоже черными; они зорко впивались въ человѣка, когда онъ не обращалъ на нихъ вниманія, и тотчасъ смиренно потуплялись, когда люди обращались къ сестрѣ Серафимѣ. Она шла ровно, выпрямивъ свой станъ, въ сопровожденіи сѣденькаго и маленькаго священника съ облѣзлой бородой, съ пожелтѣвшими волосами усовъ, оставшимися только у угловъ рта, съ развѣвавшимися въ стороны жидкими волосами, падавшими съ головы неровными прядями. При первомъ

взглядѣ на его сморщенное лицо, на его мигающіе и слезящіеся глаза можно было подумать, что это старуха, а не мужчина. Священникъ остановился на паперти, обернулся лицомъ къ церкви и началъ креститься, потомъ онъ подошелъ къ нищимъ и началъ благословлять ихъ, говоря имъ что-то почти шопотомъ. Монахиня, между тѣмъ, неторопливо спускалась съ лѣстницы паперти. Максимъ съ любопытствомъ всматривался въ нее. Онъ находилъ въ ней какія-то знакомыя черты.

— Здравствуй, сестра!—проговорилъ онъ, когда она поравнялась съ нимъ.

Монахиня, уже зорко осмотрѣвшая его съ ногъ до головы, потупила глаза и молча поклонилась ему низкимъ поклономъ.

— Это Максимъ,—какъ-то робко подсказала ей молодая дѣвушка.

— Знаю, — спокойно отвѣтила монахиня, проходя мимо него.

— Развѣ вы, ma cousine, не рады видѣть брата? - тихо спросила Дуня.

— Всѣ мы дѣти единаго Бога—братья и сестры,—проговорила сестра Серефима.

— Но вѣдь это родной...—начала-было молодая дѣвушка.

Но сестра Серафима неторопливо перебила ее:

— Не плотское, а духовное родство веселитъ сердце мое.

Потомъ она нахмурила брови и спокойно, но строго замѣтила:

— А у тебя сегодня не нашлось мѣста въ сердцѣ и для молитвы?

— Я...

— Передо мной нечего оправдываться, —сурово перебила ее сестра Серафима:—я не судья, а передъ Богомъ оправдываются только тѣ, которые не вѣрятъ въ Его всевѣдѣніе и думаютъ, что можно обмануть и Его.

Дуня поблѣднѣла и потупилась. Максимъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и слѣдилъ за удалявшимися родственницами. Теперь онъ ясно видѣлъ въ сестрѣ Серафимѣ сходство въ лицѣ и фигурѣ съ «тетушкой Нѣтъ» и сходство въ манерѣ говорить со своею матерью. Только у матери тонъ былъ искреннѣе, фанатичнѣе, а у сестры Серафимы преобладала разсчитанность, обдуманность. Максима испугала мысль, что эта женщина имѣетъ вліяніе на его милую двоюродную сестру; ему даже показалось, что нѣкоторыя мысли, высказанныя ему Дуней, сложились прямо подъ вліяніемъ

сестры Серафимы. Но что за личность была сестра Серафима — этого онъ не зналъ. Онъ очень смутно помнилъ свою сестру, но помнилъ еще въ то время, когда она не была въ монастырѣ.

— Не отъ міра сего, не отъ міра сего, — вдругъ послышался надъ нимъ шамкающій голосъ.

Онъ обернулся и увидалъ маленькаго, сѣденькаго священника, моргавшаго около него своими слезящимися глазками.

— Отецъ Иванъ, если не ошибаюсь?—спросилъ Максимъ.

— Все онъ же, все онъ же многогрѣшный, — вздохнулъ священникъ и заморгалъ еще усиленнѣе глазами.

Они поздоровались.

— Вы это про кого говорили? про сестру Серафиму?— спросилъ Максимъ.

— А-а! высокой жизни женщина, за ваши грѣхи молельщица! — многозначительно поднялъ указательный палецъ дряблой руки священникъ.—Но я не про нее, а про нашу нечужечку, про нашу Авдотью Александровну. Голубь кротости, дитя невинности, мысли грѣшной отсутствіе, любви источникъ неизсякаемый!.. Ко мнѣ это придетъ. «Научите, говоритъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать?» А что я могу? Словъ этихъ душеспасительныхъ источникъ изсякъ у меня на нивѣ мужичества. Подыскать ихъ не могу. Здѣсь много, а здѣсь ничего нѣтъ, — указалъ онъ сначала на сердце, а потомъ на языкъ.—И то сказать, сорокъ лѣтъ здѣсь живу. О чемъ говорю, кого вижу? Съ мужичками валандаюсь. Ну, о навозѣ, о сохѣ, о дракѣ какой или членовредительствѣ говоришь, а высокихъ предметовъ и коснуться не съ кѣмъ, только въ умѣ философствуешь.

Отецъ Иванъ помолчалъ и потомъ началъ снова:

— Вотъ я тоже проповѣди говорю. На-дняхъ о пьянствѣ зловредномъ говорилъ, призывалъ зарокъ дать не потреблять этой душегубительной влаги... Это я изъ газеты вычиталъ. У Александра Николаевича позаимствовалъ ее. Пишутъ тамъ газетчики, что теперь зароки даютъ не пьянствовать мужики, и духовенство должно поучать ихъ... Ну, вотъ я и говорилъ проповѣдь о питіи. Въ церкви о кабакѣ говорилъ!.. Ну, мужички и прочувствовали, бабы даже взвыли, потому онѣ ради этого самаго питія мужицкаго въ синякахъ ходятъ... А ей, Авдотьѣ-то Александровнѣ, что я скажу?.. Куда ее направлю?.. Вижу я, что сердечко ея, ровно птичка въ клѣткѣ, бьется, и радъ бы ей помочь,

много словесъ душецѣлительныхъ излить... Да гдѣ ихъ взять, когда словъ у меня такихъ нѣтъ?..

Отецъ Иванъ помолчалъ.

— Да, вотъ о словахъ-то,— вдругъ оживился онъ.—Вычиталъ я въ газетахъ, что у насъ, у русскихъ, нѣтъ способности къ этой... какъ, бишь, ее?.. къ и-ни-ція-тивѣ... Это что же означаетъ? Кажется, мы люди, какъ люди...

— Это значитъ, что у насъ нѣтъ способности къ почину,— пояснилъ Максимъ.

— А-а!—протянулъ отецъ Иванъ.—Вотъ что!.. Это, значитъ, слово-то новое?

— Да, его недавно стали употреблять у насъ...

— Такъ, такъ!.. Что-жъ, это ничего, слово хорошее,— одобрилъ отецъ Иванъ.—И-ни-ці-яти-ва... хорошее слово!..

Отецъ Иванъ и Максимъ подходили къ барскому дому. Максимъ угрюмо молчалъ; болтовня попа Ивана открывала ему отчасти глаза на положеніе Дуни.

— Вотъ только и воскресаетъ она, какъ сестра Серафима наѣзжаетъ къ намъ,—продолжалъ попъ.—Сестра Серафима женщина умная, твердая... Взглядъ-то, взглядъ-то видѣли? Насквозь, то-есть въ самую душу смотритъ... И вѣдь говоритъ какъ, и отъ божественнаго писанія, и отъ наукъ, и отъ сердца... Ей бы не женщиной быть, а правителемъ... Въ монастырѣ у нея, заглянули бы, что дѣлается: игуменья стара и слѣпа, а она незримо руководствуетъ, порядки ввела, благолѣпіе при ней стало, новыя постройки дѣлаетъ, все одна, все своимъ умомъ доходитъ... Это свыше ее озаряетъ...

— И Дуня, кажется, ее сильно уважаетъ? — спросилъ Максимъ.

— Сестру-то Серафиму? — переспросилъ отецъ Иванъ, силясь пристально взглянуть на Максима своими моргающими глазками.—Да кто же сестру Серафиму не уважаетъ, если высокія лица ее одобряютъ и даже по газетамъ она извѣстна? У меня вотъ листокъ хранится, такъ тамъ печатно изображено, какъ она это все устраивала во время голода... Голодъ, знаете, у нихъ въ уѣздѣ былъ, такъ это она народъ спасала... Правителемъ бы ей быть, истинно говорю—правителемъ...

Они дошли до господскаго дома со стороны, выходившей во дворъ. На широкомъ подъѣздѣ этого обширнаго дома, выстроеннаго въ видѣ широкой буквы П, коротенькіе концы которой соединялись чугунною рѣшеткою, стояло въ рядъ

нѣсколько человѣкъ прислуги, отвѣшивавшей поклоны и бормотавшей поздравленія Платону Николаевичу. Двѣ-три женщины облобызали на ходу пальцы барской руки. Камердинеръ, также на ходу, принялъ изъ барскихъ рукъ палку и шляпу. Платонъ Николаевичъ и за нимъ всѣ гости прошли въ парадную столовую съ колоннами подъ мраморъ и съ фамильными портретами. Въ углахъ столовой стояли тропическія растенія, посрединѣ былъ накрытъ столъ для завтрака, роскошно сервированный и заставленный винами.

— Прошу, господа, безъ чиновъ и безъ церемоній,—пригласилъ хозяинъ.—Хозяйки нѣтъ, угощать некому.

Всѣ начали размѣщаться за столомъ, шумя стульями, ножами и вилками. Хозяинъ первый налилъ себѣ стаканъ краснаго вина.

— А вѣдь я все не могу забыть, какъ это ты разсказывалъ про матроса и кошку,—усмѣхнулся онъ, обращаясь къ Аркадію Павловичу, помѣстившемуся возлѣ него, и наливая ему вина.—Ну, не выходитъ изъ ума во всю обѣдню. Какъ только увижу отца Ивана, тотчасъ и вспомню про твой разсказъ. Согрѣшилъ на старости лѣтъ.

Аркадій Павловичъ улыбнулся плотоядной улыбкой. Гости тоже улыбались, чувствуя, что хозяинъ приходитъ въ игривое настроеніе.

— Нѣтъ, вы, господа, его разспросите о матросѣ и кошкѣ — поучительная исторія, — смѣялся Платонъ Николаевичъ.

— Ахъ! разскажите, разскажите! Я такъ люблю исторіи!— воскликнула съ конца стола Зернина; теперь это была уже женщина лѣтъ сорока пяти, одѣвавшаяся попрежнему очень пестро и имѣвшая невинную привычку говорить кстати и некстати: «ужъ гдѣ намъ, тридцатилѣтнимъ женщинамъ, гоняться за молодежью!»

— А-а, это не для дамъ, это не для дамъ! — отвѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Ахъ! мы, тридцатилѣтнія женщины, все можемъ слушать, что слушаютъ мужчины,—отстаивала себя Зернина.

Услыхавъ толки объ эмансипаціи женщинъ, она тоже сдѣлалась въ послѣднее время эмансипированной барыней, то-есть начала курить папиросы и говорить о вещахъ, говорить о которыхъ прежде считалось неприличнымъ для «благовоспитанной дамы».

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, нельзя!—отвѣтилъ Платонъ Николаевичъ и нагнулся къ одному изъ своихъ собесѣдниковъ.

— Пришелъ матросъ, — началъ онъ шопотомъ: — ну и...

Было невозможно разобрать, что говоритъ хозяинъ, но по лицу собесѣдника, которое все болѣе и болѣе осклаблялось, видно было, что анекдотъ очень занимателенъ. Наконецъ, собесѣдникъ не выдержалъ и прыснулъ со смѣху. Аркадій Павловичъ, между тѣмъ, наклонился къ дядѣ Александру и также шопотомъ разсказывалъ ему тотъ же анекдотъ. Александръ Николаевичъ, по своему обыкновенію, ничему не удивлялся, какъ человѣкъ бывалый, и, дослушавъ разсказъ, шумно ударилъ себя по колѣнкѣ.

— Вообрази, вотъ и со мной то же было въ венгерскую кампанію! — громко произнесъ онъ.

За столомъ раздался шумный смѣхъ мужчинъ.

— Ну, этого только недоставало! — захохоталъ Платонъ Николаевичъ. — Вы, mon frère, хоть бы не признавались!

— Да, то-есть, это не я, а у насъ въ полку, — поправился Александръ Николаевичъ. — Это всѣмъ было извѣстно. Да я вамъ, наконецъ, разсказывалъ, mon frère, объ этомъ. Да это еще что! Нѣтъ, ты вообрази, — обратился онъ къ Аркадію Павловичу съ подернувшимися масломъ глазами и сальнымъ выраженіемъ лица. — У насъ...

Далѣе было невозможно разслышать рѣчей Александра Николаевича. Можно было только догадаться, что исторія очень интересна, такъ какъ Александръ Николаевичъ весь сжимался и говорилъ, размахивая руками.

— Его, Аркадій, не переслушать, — замѣтилъ Платонъ Николаевичъ. — Онъ тебѣ такихъ исторій наскажетъ, какихъ нехитрому уму и въ вѣкъ не выдумать.

— Жилъ много, mon frère, жилъ много! — произнесъ со вздохомъ Александръ Николаевичъ.

— Много ли вы жили, mon frère, этого я навѣрное не знаю, но что вы много прожили — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, — со смѣхомъ замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Брюзга, брюзга! — прошепталъ Александръ Николаевичъ. — А вѣдь добрый, очень добрый человѣкъ!

Среди этихъ разговоровъ безучастно сидѣли только сестра Серафима, Максимъ и Дуня. Максимъ съ любопытствомъ вглядывался въ знакомыя ему лица дядюшекъ, двоюродныхъ тетушекъ, двоюродныхъ сестеръ и родныхъ братьевъ. Всѣ эти люди засматривали въ глаза Платона Николаевича, спѣшили улыбаться, когда улыбался онъ, внимательно прислушивались, когда онъ начиналъ говорить. Все еще молодившаяся, провинціальная кокетка, Зернина, играя теперь роль

эмансипированной барыни, иногда пересаливала и отвѣчала на улыбки Платона Николаевича не улыбками, а громкимъ разбитнымъ смѣхомъ. Дядя Александръ Николаевичъ служилъ мишенью для шутокъ брата, но не терялъ присутствія духа и вралъ по обыкновенію, вѣря своему собственному вранью. Старшая дочь Александра Николаевича, Аделаида Александровна, сидѣла молча, съ какою-то напускною серьезностью и чинностью. Максима поразила ея неподвижная красота: гладкій большой лобъ, съ упавшимъ на него завиткомъ черныхъ волосъ, румянецъ на полненькихъ щекахъ, полуоткрытый, полный, но правильный ротъ, пышныя, замѣчательно красивыя шея и грудь, — все это было безукоризненно, все это говорило о здоровьѣ, о холѣ и безпечальной жизни, но во всемъ этомъ проглядывала какая-то восточная лѣнь и томность. Казалось, Аделаида Александровна только ждетъ той минуты, когда ей можно будетъ раскинуться на диванѣ и заснуть, пригрѣвшись подъ лучами лѣтняго солнца. Максиму удалось подмѣтить только два-три ласковыя замѣчанія Платона Николаевича, обращенныя къ старшей племянницѣ, и въ отвѣтъ на эти замѣчанія Аделаида Александровна только потупила или, вѣрнѣе сказать, прищурила на минуту свои черные бархатные глаза, какъ сытый котенокъ, которому почесали за ухомъ. Не ускользнуло отъ вниманія Максима и то, что братья Аркадій и Данила особенно предупредительно старались услужить этой деревенской красавицѣ, но Максимъ никакъ не могъ разобрать, кому отдавала предпочтеніе она сама. Она одинаково ласково и лѣниво улыбалась и Аркадію, и Данилѣ, и Максиму почему-то показалось, что Аделаида Александровна точно такъ же улыбается, когда подъ утро во время сна по ея лицу скользнутъ лучи горячаго солнца, или когда ей приснится какой-нибудь сладкій сонъ: новый подарокъ отъ дяди, поцѣлуй какой-нибудь подруги, ласковыя рѣчи какого-нибудь кузена или, наконецъ, тарелка съ сочной малиной, облитой густыми, желтоватыми и холодными сливками. Живой контрастъ съ Аделаидой Александровной представляла Дуня. На нее никто не обращалъ вниманія, за ней не ухаживали, какъ за нелюбимой Платономъ Николаевичемъ племянницей; но она, повидимому, чутко слѣдила за всѣми, какъ будто каждое слово, сказанное за столомъ, касалось именно ея. Она вспыхивала отъ сальныхъ шутокъ гостей; она блѣднѣла, когда дядя язвилъ ея отца; она, кажется, готова была заплакать, когда отецъ снова начиналъ врать,

разсказывая одну изъ тысячи исторій, изъ тѣхъ исторій, въ которыхъ ложь и правда такъ переплелись и перепутались между собою, что трудно было разобрать, чему вѣрить и чему не вѣрить. Максимъ съ любопытствомъ слѣдилъ за живою игрой этой физіономіи; онъ подмѣтилъ, какъ опустилась Дунею не донесенная до рта вилка съ кускомъ жаркого при одной изъ колкостей дяди Платона; онъ видѣлъ, какъ дрогнула рука Дуни, и какъ пролилась ею мимо стакана наливаемая изъ графина вода при началѣ разсказовъ дяди Александра. И чѣмъ дальше слѣдилъ Максимъ за Дуней, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе разгорались его щеки, тѣмъ ярче свѣтились его глаза. Онъ, повидимому, забылъ всѣхъ и все, даже сестру Серафиму, молчаливо, но чутко прислушивавшуюся къ говору гостей. Онъ только всматривался въ каждую черту оживленнаго, чистаго лица Дуни, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ тайныя ея ощущенія.

— Максимъ Павловичъ, вы или нездоровы, или влюблены? — замѣтилъ Платонъ Николаевичъ, видя, что Максимъ почти не ѣстъ и не пьетъ.

Платонъ Николаевичъ говорилъ всѣмъ родственникамъ *вы*, когда нужно было выразить свое недовольство ими.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Максимъ, совершенно не слыша вопроса и думая, что дядя потчуетъ его виномъ.

Въ столовой раздался смѣхъ.

— Влюбленъ, влюбленъ! — оживился Александръ Николаевичъ, очень любившій вездѣ и всюду отыскивать влюбленныхъ и сочетать весь міръ законными и незаконными браками. — Разсѣянность — спутница влюбленныхъ. Это несомнѣнный признакъ! Со мной былъ такой случай въ тридцатыхъ годахъ, въ польскую кампанію. Стояли мы въ домѣ одного поляка, дочь у него была красавица. Я врѣзался въ нее по уши. Однажды пригласили меня къ хозяину на именинный обѣдъ. Сѣлъ я противъ моей волшебницы и, конечно, забылъ все — и общество, и ѣду, и вина. Только при концѣ обѣда подаютъ полоскательницы. Я, ничего не помня, беру стаканъ и залпомъ выпиваю за здоровье обворожительницы теплую воду!..

Гости захохотали.

— Завелась шарманка, — произнесъ Платонъ Николаевичъ, наклоняясь къ Аркадію Павловичу.

Тотъ пожалъ плечами.

— Боленъ былъ послѣ, очень боленъ, такъ какъ вода

оказалась не кипяченой, — многозначительно объяснилъ Александръ Николаевичъ.

— Это, должно-быть, правда, — замѣтилъ тихо Платонъ Николаевичъ:—такъ какъ это я слышу въ двадцатый разъ безъ значительныхъ измѣненій... Ну, Максимъ Павловичъ, повѣдайте же намъ, въ кого это вы успѣли влюбиться? — обратился онъ къ Максиму. — Опишите намъ даму своего сердца; скажите ея божественное имя.

— Къ сожалѣнію, ея имя совсѣмъ не божественное, а называть его и описывать ее я сталъ бы только въ томъ случаѣ, если бы любилъ ее такъ же, какъ дядя Александръ Николаевичъ любилъ свою польку, — серьезно проговорилъ Максимъ.

— О, значитъ, вы ее любите болѣе? — съ ироніей замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.—Дали клятву любить до гроба, любить одну и никого болѣе?

— Не знаю. Расписки не давалъ, да ея и не требовали; вѣдь расписки нужны только въ такомъ случаѣ, когда сомнѣваются въ отдачѣ долга. Чистыя и святыя отношенія никогда не смущаетъ мысль о томъ, что̀ будетъ послѣ.

— Да, да, чистыя и святыя отношенія *теперь!*—захохоталъ Платонъ Николаевичъ. — А *послѣ* — положи зубы на полку и прислушивайся къ завываніямъ въ своемъ собственномъ пустомъ желудкѣ! Вѣдь дама вашего сердца, вѣроятно, тоже дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей?

— Я еще ничего не говорилъ о дамѣ своего сердца, — промолвилъ Максимъ.—Но кто бы она ни была—ни ея, ни мое положеніе не станетъ хуже оттого, что мы полюбимъ другъ друга. Бѣдняки или богачи, мы останемся и послѣ нашей любви тѣми же бѣдняками, или тѣми же богачами. Вопросъ о деньгахъ — совсѣмъ не вопросъ въ дѣлѣ любви.

— А не худо бы подумать и о немъ: рай въ шалашѣ находится бокъ-о-бокъ съ адомъ.

— Для тѣхъ, кто прежде шалаша жилъ въ роскошныхъ хоромахъ.

— Ну, нѣтъ, онъ не веселъ и для тѣхъ, кто жилъ въ шалашѣ и прежде, да жилъ-то безъ ребятишекъ. Нѣтъ, вы попробуйте сойтись съ дочерью благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, наживите дѣтей, да тогда и говорите — одинаково ли жить въ шалашѣ до женитьбы и послѣ женитьбы.

— Вы забываете, что до женитьбы намъ, пожалуй, и легче будетъ удовлетворять свои нужды, зато послѣ женитьбы

намъ легче будетъ работать. Басня-то о пучкѣ прутьевъ давно написана.

— Ха-ха-ха! Да развѣ прутья-то бываютъ беременны? — захохоталъ Платонъ Николаевичъ.—Легче ему будетъ трудиться вдвоемъ съ беременной женой, съ женой, кормящей ребенка, съ женой, возящейся съ ребятишками!

— Ну, еще когда-то они будутъ, а до тѣхъ поръ, можетъ-быть, и удастся кое-какъ устроиться, кое-что скопить на черный день. Впрочемъ, волка бояться — и въ лѣсъ не ходить.

— Трудиться! Копить! — засмѣялся Платонъ Николаевичъ.—Да кто васъ училъ трудиться-то, копить-то! Не дядя ли Александръ Николаевичъ, трудившійся надъ разореніемъ родового имѣнія и копившій деньги въ карманахъ разныхъ нѣмокъ, француженокъ, полекъ, актрисъ и провинціальныхъ барынь? Не мать ли, трудившаяся надъ раздачею подъ простыя расписки скуднаго капитальца разнымъ разорившимся аферистамъ и копившая деньги въ рукахъ ходатаевъ по ея процессамъ съ несостоятельными должниками? Не отецъ ли...

— Не поминайте мертвыхъ на праздничномъ пиру, — сухо и рѣзко перебилъ его Максимъ. — Это некстати, да и напрасно. Не эти люди учили насъ копить, не они учили насъ трудиться...

— А кто же? — уже совсѣмъ желчно спросилъ Платонъ Николаевичъ, доведшій, по обыкновенію, шутку до ссоры.— Не сами ли открыли Америку и изобрѣли порохъ?

— Гдѣ намъ!—усмѣхнулся Максимъ.—Учитель въ этомъ случаѣ бываетъ одинъ у всѣхъ: однихъ училъ онъ холопствовать и лгать, другихъ грабить и убивать, третьихъ нищенствовать и собирать крохи у добрыхъ людей, четвертыхъ работать и копить. Голодъ училъ.

Платонъ Николаевичъ весь побагровѣлъ, услышавъ, что его родной племянникъ смѣетъ публично заявлять о томъ, что онъ голодалъ.

— Голодъ! Нашелъ чѣмъ хвалиться! Скажите, пожалуйста.

— Я и не думалъ этимъ хвалиться, — холодно перебилъ его Максимъ. — Вы спрашивали, кто училъ меня труду и бережливости, и я отвѣтилъ вамъ: голодъ.

Но Платонъ Николаевичъ уже не слушалъ его и горячился.

— Скажите, пожалуйста: голодъ!—почти кричалъ онъ, задыхаясь отъ злости. — Голодъ! Мальчишкой выскочилъ изъ корпуса противъ желанія матери. Перешелъ въ гимназію, набунтовалъ и вылетѣлъ и оттуда. Годы Богъ знаетъ гдѣ билъ баклуши, будто бы приготовляясь куда-то въ техни-

ческій, что ли, пріютъ или какъ тамъ называются эти входящія въ моду заведенія,—и онъ же еще жалуется на голодъ. Понятно, что мать не посылала ни гроша, нужно было...

— Я и не просилъ,—вскользь замѣтилъ Максимъ.

— Не просилъ, не просилъ!—передразнилъ его Платонъ Николаевичъ, начиная уже въ запальчивости говорить племяннику: *ты*.—Да если бы ты и просилъ, то тебѣ не дали бы ничего. Ольга ничего не дѣлала безъ моего вѣдома. Ольга понимала, что слабые люди должны слѣдовать совѣтамъ болѣе опытныхъ и болѣе твердыхъ людей. Наше поколѣніе, батюшка, воспитывалось въ страхѣ и послушаніи. Мы уважали старшихъ въ семьѣ, мы не плевали на стариковъ, мы не выходили изъ послушанія у отцовъ и матерей, мы не отравляли послѣднихъ дней ихъ жизни...

— Вы напрасно говорите все это,—перебилъ его Максимъ:—старыя семейныя отношенія я и самъ хорошо знаю, по крайней мѣрѣ, изъ разсказовъ близкихъ мнѣ людей; мои же отношенія къ матери касались только меня и ея. Хороши ли, правильны ли они были — не знаю, но теперь ихъ не поправить... И вообще, я думаю, что мы собрались сюда не для счетовъ прошлыхъ грѣховъ, хотя это для меня было бы выгодно, такъ какъ я здѣсь моложе многихъ и, вѣроятно, успѣлъ менѣе нагрѣшить, чѣмъ тѣ, которые вдвое старше меня...

XIII.

Но Платонъ Николаевичъ уже не слушалъ. Онъ возбудилъ себя и теперь могъ въ теченіе цѣлаго дня кипятиться, рвать и метать, изливая на всѣхъ свою желчь. Гости находились въ крайне тягостномъ, натянутомъ положеніи, зная, что хозяинъ высказываетъ всѣ свои упреки такимъ тономъ, какъ будто онъ лично распекаетъ каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ.

Къ счастью, завтракъ кончился, и Платонъ Николаевичъ шумно отодвинулъ отъ стола свое тяжелое кресло. Всѣ поспѣшили разойтись по разнымъ угламъ. Дамы перешли клеветать и сплетничать въ гостиную; мужчины засѣли въ залѣ съ Петромъ Павловичемъ ссориться и браниться за картами до обѣда; Аделаида Александровна прошла въ свою комнату, отворила окно и подъ теплыми солнечными лучами свернулась, какъ котенокъ, на кушеткѣ; отецъ Иванъ, пошатываясь, побрелъ домой; Данила Павловичъ остался въ столовой допивать захваченную имъ бутылку вина; Аркадій Пав-

ловичъ куда-то исчезъ почти въ одно время съ хозяиномъ дома. Максимъ вышелъ на террасу и, кажется, поджидалъ, когда къ нему присоединится Дуня; онъ даже видѣлъ, какъ направилась она въ его сторону, и вдругъ услыхалъ, что ее позвала къ себѣ сестра Серафима.

Максимъ взволновался, желая разгадать, что за идеи внушаетъ сестра Серафима Дунѣ, но онъ, можетъ-быть, взволновался бы еще болѣе, если бы услышалъ отъ слова до слова бесѣду этихъ двухъ женщинъ.

При первомъ взглядѣ на сестру Серафиму можно было безошибочно сказать, что это сильная, энергичная натура. Высокій ростъ, плотная фигура, твердый голосъ, проницательный взглядъ, часто сдвигавшіяся густыя брови, морщина между бровями, свидѣтельствовавшая, что онѣ часто хмурятся,—всѣ эти черты, напоминавшія отчасти черты физіономіи «тетушки Нѣтъ», ясно говорили о твердой волѣ, о физической и нравственной силѣ. Глядя на это румяное и полное лицо, не носившее на себѣ ни малѣйшаго слѣда дряблости и вялости, вы могли сказать, что эта женщина сумѣетъ достигнуть предположенной цѣли. Но вамъ было бы трудно опредѣлить эту цѣль. Сестра Серафима была загадочнымъ существомъ. Воспитанная въ семьѣ, гдѣ требованія приличій ставились выше откровенности, гдѣ прежде всего смотрѣли на то, чѣмъ «кажется» человѣкъ, а не на то, что онъ «есть», попавшая рано въ закрытое заведеніе и семью важныхъ родственниковъ, гдѣ часто оскорбляли ея самолюбіе и не допускали ея протестовъ, гдѣ требовали веселаго вида въ самыя тяжелыя минуты душевныхъ печалей, —она привыкла скрывать свой внутренній міръ отъ постороннихъ глазъ и мучилась самольбивыми стремленіями стать на равную степень съ тѣми, которые оскорбляли ее своимъ невниманіемъ, холодностью или презрѣніемъ. Она когда-то «пала»; но это паденіе не было слѣдствіемъ молодого увлеченія; она просто попробовала поставить на карту свою честь, надѣясь на громадный выигрышъ. Карта была побита. Ей приходилось или быть сказкой города, или сойти со сцены... Но сойти со сцены прямо, просто – это значило бы, что она хочетъ скрыть свой стыдъ, свой позоръ. Она рѣшилась поступить въ монастырь и возбудить этимъ интересъ къ себѣ: одни видѣли въ ней обманутую жертву обольщенія, поэтическую Маргариту, надломленную вѣроломствомъ Фауста, другіе видѣли въ ней новую Магдалину, рѣшившуюся подвижничествомъ всей жизни искупить минут-

ный проступокъ. Во всякомъ случаѣ, она стала возбуждать не презрѣніе, не насмѣшку, а живое участіе. На нее ходили смотрѣть, когда она проходила по монастырской церкви съ опущенными руками, съ потупленными рѣсницами, съ поникшей головой. И эти глаза, и эта голова, и эти руки поднимались только тогда, когда толпа оставалась сзади, и она стояла лицомъ къ лицу передъ святыми изображеніями распятаго Христа, рыдающей Богоматери, вдохновенныхъ пророковъ и апостоловъ, несущихъ міру слова прощенія и любви. Чѣмъ былъ этотъ подвигъ: фарисейскимъ притворствомъ, самобичеваніемъ потрясенной своимъ проступкомъ души, или просто увлеченіемъ красивою ролью со стороны художественной натуры, находящей поэзію и прелесть и въ грѣхѣ, и въ молитвѣ, и въ буйной оргіи, и въ смиренномъ покаяніи? Это было трудно опредѣлить. Кого жизнь рано научила лгать, тотъ часто съ теченіемъ времени доходитъ въ дѣлѣ лжи до изумительной виртуозности, до того, что самъ перестаетъ отличать свое притворство отъ искренности, свою лживость отъ правдивости. Но что бы ни заставило Серафиму жить такъ, вѣрно было одно—что годы покаянія сносились ею легко и только укрѣпили ея организмъ. Монастырская жизнь была все-таки правильнѣе, здоровѣе свѣтской жизни и повліяла благотворно на организмъ молодой дѣвушки. Она цвѣла здоровьемъ. Повидимому, она не стремилась въ это время ни къ чему, кромѣ спасенія своей души, но обстоятельства слагались какъ-то такъ, что она выдвигалась впередъ.

Она была хорошо образована и среди, по большей части невѣжественныхъ, монахинь невольно должна была взяться за писаніе писемъ и дѣловыхъ бумагъ; она прекрасно пѣла, и потому ей пришлось поневолѣ обучать хоръ и поражать богомольцевъ своими грудными альтовыми нотами; она знала въ столицѣ многихъ вліятельныхъ особъ, и потому волей-неволей принуждена была давать монахинямъ рекомендательныя письма къ нимъ. Такъ, мало-по-малу, выдвинула ее впередъ судьба, и когда, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ монастырь мѣстнаго архіерея, она, скромно потупивъ глаза, высказала ему свои соображенія насчетъ необходимыхъ реформъ въ монастырѣ, онъ сказалъ:

— Вотъ камень, на которомъ создастся благоденствіе сего вертограда!

Дѣйствительно, сдѣлавшись главной помощницей ослѣпнувшей игуменьи, сестра Серафима энергично принялась за

реформы въ монастырѣ и, несмотря на свои двадцать девять лѣтъ, несмотря на свой моложавый видъ, твердо взяла въ свои руки бразды правленія въ монастырѣ и стала пользоваться уваженіемъ въ обществѣ. Какъ всѣ слишкомъ сильныя и здоровыя личности, она плохо мирилась со старчествомъ: осторожная нерѣшительность, дряхлая неповоротливость, старческая немощность,—все это отталкивало ее, и можно было замѣтить, что подъ ея вліяніемъ монастырь сталъ обогащаться молодыми лицами, молодыми силами, и всѣ эти молодыя сердца были преданы ей безгранично, страстно.

Чѣмъ сильнѣе и энергичнѣе натура, тѣмъ шире ея цѣли, тѣмъ грандіознѣе идеалы, тѣмъ чаще она впадаетъ въ крайности, иногда гибельныя для нея самой и ея дѣла. Департаментскій геморроидальный чиновникъ ставитъ своею цѣлью чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и отдыхъ съ тремя тысячами ежегоднаго дохода. Наполеоны I-ые, завоевывая полміра, чувствуютъ себя неудовлетворенными и стремятся все далѣе и далѣе, покуда смерть или паденіе не положатъ имъ преграды. Эта же сила энергіи и здоровья заставляла сестру Серафиму, когда она заглядывала впередъ, не успокаиваться на мысли, что ее ждетъ въ будущемъ почетное мѣсто игуменьи. Въ ея головѣ роились тысячи плановъ и комбинацій; сфера монастырской дѣятельности казалась ей уже узка и душна, ее интересовали дѣла того грѣшнаго міра, изъ котораго она должна была такъ неожиданно выйти, и съ каждымъ годомъ она пріобрѣтала все болѣе и болѣе твердую почву въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ семьяхъ, оказывала все болѣе и болѣе вліянія на тѣ или другія отдѣльныя личности.

Однимъ изъ такихъ домовъ долженъ былъ естественнымъ образомъ сдѣлаться домъ Платона Николаевича, какъ близкаго ея родственника, какъ бездѣтнаго богача. Имѣла ли сестра Серафима какіе-нибудь опредѣленные планы, завоевывая себѣ вліяніе въ этомъ домѣ,—это трудно было сказать навѣрное, но, во всякомъ случаѣ, она считала не безполезнымъ и лестнымъ для своего самолюбія стоять высоко во мнѣніи стараго самодура, не щадившаго никого. Платонъ Николаевичъ, какъ баринъ старыхъ временъ, слывшій нѣкогда волтеріанцемъ, принадлежавшій когда-то къ кутившей и безбожной золотой молодежи столицы, смотрѣлъ вообще свысока на монаховъ, на поповъ, «на семинарское отродье» и «праздношатающихся разночинцевъ», какъ онъ называлъ

духовныхъ лицъ, но къ сестрѣ Серафимѣ онъ относился если не съ уваженіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ терпимостью. Онъ видѣлъ въ ней много тѣхъ общихъ родовыхъ чертъ, которыя были и въ его характерѣ, онъ относился съ ненавистью ко многимъ личностямъ, которыя сдѣлали и ей когда-то зло, онъ сознавалъ, что эта женщина была единственной недюжинною личностью среди молодого поколѣнія ихъ рода.

Но если въ отношеніяхъ Платона Николаевича къ сестрѣ Серафимѣ была только терпимость, то въ отношеніи къ ней со стороны Дуни проглядывало совсѣмъ иное чувство—это было чувство обожанія, благоговѣнія, страха огорчить чѣмъ-нибудь сестру Серафиму. Дуня родилась именно въ то время, когда ея отецъ окончательно разорился и временно находился въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Платону Николаевичу, уже воспитывавшему старшую дочь Александра Николаевича. На седьмомъ году жизни она лишилась матери и сперва очутилась на рукахъ молодой ключницы изъ крѣпостныхъ, очень близкой къ ея отцу, а потомъ въ домѣ дяди Платона Николаевича, смиловавшагося надъ обнищавшею семьей брата и презрительно допустившаго въ свои палаты племянницу, которую онъ еще не видалъ. Слабое и робкое дитя, слишкомъ внезапно перешедшее отъ нѣжныхъ ласкъ матери къ безсердечнымъ притѣсненіямъ, росло какъ-то странно: потребность любви, потребность ласкъ сказывались во всѣхъ его поступкахъ. Если смолкалъ визжавшій на дворѣ щенокъ, то можно было навѣрное сказать, что его пригрѣла и успокоила на своей груди маленькая Дуня. Если цыплята и куры портили куртину подъ окномъ дѣтской, то безъ ошибки можно было утверждать, что они собирались сюда вслѣдствіе того, что Дуня не съѣдала ни одного куска хлѣба не вспомнивъ о нихъ.

Видя, что въ домѣ Платона Николаевича притѣсняютъ маленькаго «волченка» Максима, можно было впередъ сказать, что его утѣшительницей явится крошечная Дуня. Трудно было вообще сыскать человѣка, который, приласкавъ Дуню, не нашелъ бы у нея отвѣтныхъ ласкъ,—она радовалась каждой ласкѣ, какъ жители туманнаго Сѣвера радуются каждому солнечному лучу. Но эта же потребность отыскивать любовь и ласку, гдѣ только возможно, сдѣлала то, что Дуня выносила сравнительно легко и безмятежно всѣ мелкія притѣсненія, всѣ мелкія невзгоды, такъ какъ самые черствые изъ окружавшихъ ее людей сочувственно относились къ ней,

когда ее слишкомъ явно оскорбляли, когда на ея глазенки навертывались невольныя слезы. Такъ шли ея дѣтскіе годы, и Дуня пріобрѣтала различныя клички: «наша Сандрильона»,—полупрезрительно говорили про нее дальнія родственницы, провинціальныя барыни въ родѣ Зерниной, и гувернантки; «наша добряшка»,—называли ее съ любовью горничныя и слуги; «наша простушка»,—снисходительно отзывалась о ней старшая сестра. Только Платонъ Николаевичъ никакъ не отзывался о своей младшей племянницѣ и старался на каждомъ шагу дѣлать ей замѣчанія и колкости. За что онъ ее не любилъ? Можетъ-быть, за то, что она имѣла несчастіе родиться во время его ссоры съ ея отцомъ? Можетъ-быть, за то, что она, наслышавшись съ колыбели про грозные поступки дяди и увидавъ впервые эти хмуро сдвинутыя брови, оробѣла и не рѣшилась броситься въ объятія сжалившагося надъ ея семьей дяди, а такъ какъ онъ не разсѣялъ ея страха, то она и осталась навсегда въ почтительномъ разстояніи отъ него, не смѣя приласкаться къ нему, какъ она ласкалась къ другимъ? Можетъ-быть, за то, что она никогда явно не протестовала противъ его нападеній, что она молча и терпѣливо выслушивала его замѣчанія, что она глядѣла прямо въ его глаза своими ясными и глубокими глазами, что она не давала ему возможности «навинтиться», «разсвирѣпѣть», «расходиться», а, напротивъ того, обезоруживала его своею кротостью, ясностью, непорочностью, если можно такъ выразиться? Трудно какъ-нибудь отвѣтить на эти вопросы; вѣрно только то, что Платонъ Николаевичъ не могъ равнодушно относиться къ своей младшей племянницѣ и постоянно начиналъ волноваться, сталкиваясь съ ней.

— Не дѣлайте, пожалуйста, изъ себя всегда угнетенной жертвы,—кричалъ онъ ей, когда она молча, прямо смотря на него, дослушивала до конца его злыя и ѣдкія замѣчанія.

— Я, дядя, вовсе не считаю себя жертвой,—спокойно отвѣчала она.—Я очень благодарна вамъ за ваши замѣчанія.

— Я вамъ повторяю еще разъ, не играйте роли ходячаго нѣмого упрека чужой совѣсти,—кричалъ онъ.

— Развѣ я умѣю играть какую-нибудь роль?—прямо и откровенно спрашивала она.

Платонъ Николаевичъ въ глухой ярости поворачивался къ ней спиною и бормоталъ:

— Ступайте, я не желаю васъ видѣть!

Эти сцены повторялись часто, и ихъ было довольно для

того, чтобы молодая дѣвушка осталась одною среди всего народа, наполнявшаго домъ Платона Николаевича.

Правда, ее любила прислуга, но эта прислуга боялась выражать слишкомъ явно свою любовь къ ненавидимой «самимъ» личности. Ее не могли ни въ чемъ обвинить прихлебатели и знакомые ея дяди, но они мало интересовались «Сандрильоной», зная, что выгоднѣе для нихъ группироваться около ея старшей сестры, любимицы хозяина. Старшая сестра, этотъ «котенокъ», «кошечка», «киска», какъ звали ее окружающіе, цѣловала и ласкала нерѣдко младшую сестру, но это были ласки котенка, который, ласкаясь, нерѣдко могъ и оцарапать, который ласкался только къ тѣмъ, кто съ нимъ играетъ, кто его забавляетъ. Старшая сестра Дуни, дѣйствительно, походила на избалованнаго котенка; у нея была та же страсть понѣжиться, свернуться клубочкомъ, та же кокетливость, то же стремленіе помурлыкать себѣ подъ носъ пѣсенку, пригрѣться на солнышкѣ. Когда она утромъ въ своей дѣвической спальнѣ потягивалась, ея стройное, бѣлое тѣло принимало всѣ оттѣнки кошачьей граціи. Когда она зимою, стоя на мягкомъ коврѣ, спускала передъ большимъ трюмо свои одежды, готовясь опуститься въ бѣлую мраморную ванну, она засматривалась на свои руки, на свою грудь, какъ засматривается котенокъ на свои лапки, вылизывая съ нихъ малѣйшія пятнышки. Но трудно было бы найти въ характерѣ этой красавицы хотя одну черту, говорившую, что она любитъ кого-нибудь и что-нибудь, кромѣ себя. Она такъ привыкла, что всѣ окружающіе жили для нея и ею, что мысль о другихъ отношеніяхъ людей къ ней не могла прійти ей въ голову. Вслѣдствіе этого она могла только позволить Дунѣ любить себя и не дѣлала ни шагу, чтобы укрѣпить эту любовь. Но стоять въ такомъ одиночествѣ въ лучшіе годы жизни невыносимо: сначала у Дуни еще былъ одинъ человѣкъ, который для нея замѣнялъ всѣхъ,—это былъ Максимъ,—но стали годы, когда ей пришлось лишиться и его. Сначала она хотѣла переписываться съ нимъ, но первое же его письмо къ ней по обыкновенію распечаталось Платономъ Николаевичемъ, считавшимъ неприличной безконтрольную переписку его племянницъ съ кѣмъ бы то ни было, и вызвало цѣлую бурю. Переписка оборвалась въ самомъ началѣ, оборвалась такъ, что Дуня даже не прочла письма Максима, не узнала его адреса. Одиночество сдѣлалось полнымъ.

Среди этого одиночества явилась у молодой дѣвушки спа-

сительницей отъ гнетущей тоски, отъ отчаянья, отъ озлобленія, одна ея старая подруга. Эта подруга была молитва.

Когда-то, въ годы ранняго дѣтства, мать научила ее лепетать эти слова смиренія, покорности, всепрощенія, надежды; когда-то, въ тѣ же годы дѣтства, она видѣла, какъ рыдающая мать становилась на колѣни передъ образами, озаренными горящей лампадой, рыдала все тише и тише и, наконецъ, подымалась съ ясной улыбкой, съ блаженнымъ спокойствіемъ на лицѣ. Съ тѣхъ поръ молитва сдѣлалась для молодой дѣвушки тѣмъ же, чѣмъ дѣлаются ученыя занятія въ тиши уединеннаго кабинета для ученаго, тѣмъ же, чѣмъ дѣлается музыка для музыканта, живопись для живописца,—отдыхомъ отъ житейскихъ бурь и волненій, успокоеніемъ отъ сомнѣній и опасеній, освобожденіемъ отъ страха передъ будущимъ. Какъ геній, создавая великое произведеніе, забываетъ весь остальной міръ и видитъ, осязаетъ создаваемыхъ имъ людей, воспроизводимыя имъ сцены, такъ она, шепча слова молитвы, все дальше и дальше уносилась отъ окружающихъ ее лицъ и, мало-по-малу, начинала видѣть тотъ ясный міръ, гдѣ все было полно свѣта и блеска, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни вражды, гдѣ въ бѣлоснѣжной одеждѣ являлись передъ нею полныя красоты и любви лица. Она улыбалась въ эти минуты вдохновеннаго восторга, она плакала сладкими слезами, она ощущала что-то въ родѣ духовнаго сладострастія и была готова послать благословеніе всему міру, всему живому.

Отъ проницательныхъ глазъ сестры Серафимы не укрывалась ни одна мелочь въ жизни и характерѣ тѣхъ людей, съ которыми она почему-нибудь считала нужнымъ сближаться. Какъ человѣкъ, больше слышавшій, чѣмъ говорившій, она могла и умѣла наблюдать. Не укрылись отъ нея и всѣ мелочи семейныхъ сценъ и характеристическихъ чертъ отдѣльныхъ личностей въ домѣ Платона Николаевича. Но, наблюдая, по обыкновенію, равнодушно и спокойно за всѣми перипетіями этой домашней жизни, сестра Серафима, съ первыхъ же посѣщеній этого дома, не могла равнодушно и спокойно отнестись къ Дунѣ. Серафиму поразила дѣвственно-чистая красота молодой дѣвушки.

«Какъ бы ахнули они, если бы она появилась на ихъ балахъ!»—думала Серафима, вспоминая о брошенномъ ею «свѣтѣ».

И она всматривалась, какъ художникъ, въ каждую черту, въ каждый поворотъ этой фигуры, граціозно склонившейся

надъ пяльцами. Молодая дѣвушка инстинктивно чувствовала на себѣ этотъ взглядъ и поднимала свои ясные, глубокіе, темно-голубые глаза. Серафима привѣтливо улыбалась ей и, привлекая ее къ себѣ, прижимала губы къ ея лбу. Молодая дѣвушка вся краснѣла отъ неожиданной ласки.

«И выйдетъ замужъ, Богъ знаетъ за кого, опустится, погрязнетъ въ житейской тинѣ»,—думала сестра Серафима.

И снова ея глаза впивались въ это неотразимо влекущее къ себѣ, чистое лицо.

— Брось свою вышивку, прочти мнѣ что-нибудь,—обращалась она къ молодой дѣвушкѣ.

Та брала книгу и читала.

Звучный, грудной голосъ, отчетливый выговоръ, оживленіе физіономіи при чтеніи, — все это опять обольщало сестру Серафиму, и она думала:

«Если бы такъ читали въ церкви, при народѣ, всѣ замерли бы, затаили бы дыханіе».

Въ первые пріѣзды къ дядѣ, сестрѣ Серафимѣ пришлось ночевать въ одной комнатѣ съ Дуней. Сестра Серафима легла ранѣе молодой дѣвушки и въ полумракѣ слѣдила за нею. Та погасила свѣчу и прошла въ уголъ, гдѣ ярко горѣла передъ образами лампада. Она стала на колѣни и начала молиться. Одѣтая въ бѣлое, съ падавшими по бѣлоснѣжнымъ плечамъ тяжелыми косами, склонившая колѣни, поднявшая ясное лицо къ образамъ, устремившая въ нихъ безгрѣшные взоры, эта дѣвушка, озаренная во мракѣ лампаднымъ свѣтомъ, казалась какимъ-то неземнымъ видѣніемъ. Сестра Серафима не спускала съ нея глазъ, и въ ея головѣ мелькала мысль:

«Она дожила до того возраста, когда страсть заставитъ ее броситься въ первыя раскрывшіяся передъ нею объятія. Да, она жаждетъ любви, и одной любви. Она только не сознаетъ причины этихъ восторженныхъ обращеній къ Богу. Какъ легко ее погубить первому встрѣчному негодяю!»

Въ воскресный день вся семья стояла въ церкви, и Дуня молилась безъ того восторга, съ которымъ она совершала молитву въ своей комнаткѣ, но зато теперь ея лицо дышало всею прелестью внутренняго безмятежнаго спокойствія.

«Одѣть бы ее всю въ черное, поставить на клиросъ выше толпы,—думала Серафима:—сколько людей пришло бы смотрѣть на нее и на ея безмолвную молитву! Вотъ заботишься объ украшеніи монастырскаго храма, а что значатъ всѣ серебряныя лампады, всѣ красивыя картины передъ этимъ живымъ образомъ непорочной вѣры? А что, если...»

Она сдвигала брови и задумывалась.

— Тебѣ бы только въ монастырь поступить,—замѣчала она дома, сидя вдвоемъ съ Дуней.

Дуня вздрогнула. Съ понятіемъ о монастырѣ въ ея умѣ связывалось представленіе о чемъ-то мрачномъ, объ отреченіи отъ міра, о погребеніи себя заживо.

— Что съ тобой?—спросила сестра Серафима.

— Нѣтъ, я никогда, кажется, не пошла бы въ монастырь,—проговорила молодая дѣвушка.

— Отчего?—спросила сестра Серафима.

— Я слишкомъ привязана къ жизни, къ людямъ.

— Я тебя не понимаю,—замѣтила сестра Серафима.—Ты любишь жизнь, ты любишь людей, но развѣ это мѣшаетъ быть монахиней? Или ты думаешь, что я не люблю ни жизни, ни людей?

— Да, но, вступая въ монастырь, нужно дать обѣтъ отреченія отъ всего этого,—проговорила Дуня.

— Ты ошибаешься, дитя! — спокойно возразила сестра Серафима.—Не отъ жизни, не отъ людей, не отъ міра нужно отречься, вступая въ монастырь, а отъ грѣховъ жизни, отъ грѣховъ людей, отъ грѣховъ міра. Вступая въ монастырь, нужно смыть съ себя всѣ пятна, убить въ себѣ стараго человѣка и воскреснуть новымъ человѣкомъ, который привязанъ всею душою не къ одному какому-нибудь близкому существу, а ко всѣмъ, потому что всѣ и каждый ему братья и сестры.

Сестра Серафима положила свою мягкую, бѣлую руку на граціозную руку молодой дѣвушки и пристально взглянула на нее ласковымъ взглядомъ.

— Теперь ты въ сущности боишься, не смѣешь любить людей,—заговорила она снова.—Ты просто по обязанности должна быть любезною съ равными тебѣ и не смѣешь приголубить того, кто стоитъ гораздо ниже тебя. Ты почти не видишь равныхъ себѣ, которымъ ты могла бы отдать свою любовь беззавѣтно, такъ какъ около тебя находятся или высшіе, которые только иногда *позволяютъ любить себя*, или низшіе, которыхъ *любить тебѣ не позволяютъ*. Только въ монастырѣ, сбрасывая съ себя плотскаго человѣка, переставая быть мірскимъ человѣкомъ, ты сдѣлаешься равною со всѣми и можешь одинаково любить всѣхъ и каждаго изъ алчущихъ и жаждущихъ любви.

Серафима помолчала съ минуту и продолжала снова:

— Ты говоришь, что ты любишь людей, жизнь, міръ. Но любовь доказывается не словами, а дѣлами. Чѣмъ же ты

доказала эту любовь? Что ты сдѣлала для жизни, людей и міра? Что ты могла для нихъ сдѣлать? Ты подневольный человѣкъ, ты дѣлаешь то, что тебѣ велятъ. И въ будущемъ, останешься ли ты здѣсь или выйдешь замужъ, ты будешь дѣлать только то, что заставятъ тебя дѣлать дядя, мужъ, условія семейной жизни. Женщина въ мірѣ—раба, игрушка въ рукахъ мужчинъ, въ рукахъ сильныхъ; женщина въ монастырѣ—свободный человѣкъ. Въ мірѣ ты будешь работать, дѣйствовать только для себя; въ монастырѣ ты можешь трудиться на пользу людей. Когда ты говорила, что любишь міръ, жизнь и людей, ты говорила пустыя слова, глупыя фразы. *Покуда* ты просто любишь наслажденія жизнью и одну себя, вотъ почему тебя такъ испугалъ подвигъ служенія міру.

Молодая дѣвушка опустила голову, у нея на глазахъ блеснули слезы. Впервые она слышала, что она, готовая броситься навстрѣчу каждому страждущему и угнетенному, не любитъ людей, любитъ только одну себя. Впервые ей прямо сказали, что она не принесла и не принесетъ никому никакой пользы. У нея защемило сердце, ей хотѣлось плакать. Сестра Серафима зорко слѣдила за ней и тихо проговорила:

— Бѣдное мое дитя!

Молодая дѣвушка подняла грустное лицо: на нее смотрѣли съ невыразимой лаской глаза монахини, передъ нею были открыты ласковыя объятія. Она бросилась къ сестрѣ на грудь и зарыдала. Сестра Серафима покрывала поцѣлуями ея лицо...

— Не вините меня... не упрекайте... я такая слабая... неумѣлая,—шептала молодая дѣвушка.

Сестра Серафима не могла оторвать глазъ отъ этого полнаго жизни, чуднаго и въ минуту горя лица. Она уже не впервые видѣла подобные порывы молодого отчаянья за свою негодность, за свое неумѣнье приносить пользу человѣчеству, любить людей. Дуня была не первая, испытавшая вліяніе сестры Серафимы, вербовавшей новый составъ монахинь въ свой монастырь. Съ этого дня сестра Серафима не говорила болѣе Дунѣ о поступленіи въ монастырь. Она только сдѣлала ее повѣренною своихъ тайныхъ стремленій и цѣлей.

— Монастыри въ послѣдніе вѣка утратили свое первоначальное значеніе,—говорила она молодой дѣвушкѣ. — Въ былые дни монастыри были хранителями знаній, разсадни-

комъ просвѣщенія для невѣжественныхъ лицъ, прибѣжищемъ для стариковъ и сиротъ, для угнетенныхъ и страждущихъ. Тогда монашествующая братія спасала свою душу подвигами любви и служенія скорбящему міру. Тогда монахами дѣлались выдающіеся люди. Мало-по-малу, монастыри приняли простой характеръ отчужденныхъ отъ всего живого домовъ молитвы, забывъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Потерявъ свое истинное значеніе, они въ то же время потеряли и лучшихъ своихъ слугъ. Въ монастыри стали стекаться люди, любящіе праздность, люди не развитые, люди узко фанатичные. Теперь у насъ, да и вездѣ, монашествующій людъ представляетъ самую жалкую среду полубезграмотныхъ, недалекихъ, апатичныхъ людей. Но, слава Богу, эта язва стала сознаваться всѣми. Теперь наступаетъ великое время реформы и для этой жизни. Благо тѣмъ, которые явятся первыми глашатаями новаго склада монастырской жизни. Эти люди будутъ апостолами нашего времени. Конечно, имъ будетъ трудно бороться, на подвигъ имъ нужно будетъ посвятить себя всецѣло, но у нихъ, и только у нихъ, будетъ вѣчно сознаніе въ душѣ, что они исполнили заповѣдь Бога: возлюби ближняго, какъ самого себя...

Дуня задумывалась.

— Какъ посмотрю я на народъ, такъ сердце обливается кровью,—говорила въ другой разъ сестра Серафима.—Невѣжественъ онъ, нѣтъ у него учителей, а въ монастыряхъ живутъ сотни праздныхъ людей, которые могли бы въ годъ обучить сотни тысячъ крестьянскихъ дѣтей. Нѣтъ у народа врачей и лѣкарствъ, а между тѣмъ въ монастырѣ такъ легко обучиться началамъ медицины и завести домашнія аптеки, основать больницы и общины сестеръ милосердія. Все это можно бы устроить и снять хотя часть бремени съ народныхъ плечъ, да гдѣ взять энергичныхъ людей? Каждый думаетъ только о своемъ благѣ, о своемъ спокойствіи.

Дуня краснѣла до ушей, сознавая въ душѣ, что и она думаетъ только о самой себѣ. А сестра Серафима пріѣзжала снова, пріѣзжала съ сіяющимъ лицомъ.

— Слава Богу, слава Богу,—говорила она Дунѣ:—кое-что начинаетъ обѣщать лучшее будущее, планы у меня разные созрѣваютъ въ головѣ. Авось, не даромъ проживу на свѣтѣ. Теперь только людей честныхъ и любящихъ побольше подобрать, средства матеріальныя увеличить, а тамъ первый камень будетъ положенъ и зданіе вырастетъ быстро... Да что это я, впрочемъ, надоѣдаю тебѣ своими надеждами!—

вдругъ обрывала она свою рѣчь.—Вѣдь это меня только такъ интересуетъ и волнуетъ, а у тебя другая жизнь, другіе интересы.

— О, зачѣмъ вы такъ дурно думаете обо мнѣ!—восклицала Дуня, скрывая пылающее лицо на ея груди.

Сестра Серафима нѣжно ласкала этого ребенка.

«Искры, одной искры недостаетъ, чтобы вспыхнулъ этотъ порохъ страсти,—думала она:—и тогда уже не видать ее монастырскимъ стѣнамъ. О, если бы я была мужчиной, пошла бы она за мною теперь, да не въ монастырь, а на край свѣта, въ Сибирь пошла бы».

А молодая дѣвушка терзалась и мучилась безысходными думами. Сперва она наслаждалась полнымъ душевнымъ миромъ, теперь ее терзали сомнѣнія: она находила въ себѣ тысячи недостатковъ, упрекала себя за эгоизмъ, за неспособность къ подвигу, за отсутствіе дѣятельной любви къ людямъ, за стремленіе къ покою, за праздность. Въ былые дни она со слезами становилась на молитву, послѣ вынесенныхъ обидъ, и мало-по-малу успокаивалась и доходила до того безмятежнаго восторга, который охватывалъ все ея существо; теперь она начинала молиться, съ сухими глазами порывисто твердила: «научи меня, Господи! дай мнѣ силы на подвигъ! смягчи мое черствое сердце!»—и, не находя отвѣта на свои мольбы, рыдала, истерически рыдала, нервно оборвавъ молитву на полусловѣ, бросалась на постель и скрывала пылающее лицо въ подушкахъ.

Отъ сестры Серафимы не скрывалось ничего; она видѣла, какъ мучительно совершается переломъ въ этомъ молодомъ существѣ, и наканунѣ дня рожденія Платона Николаевича уже говорила мысленно:

«Побѣда близка!»

И вдругъ подъ вечеръ пріѣзжаетъ изъ Чистополья Александръ Николаевичъ и говоритъ:

— А знаешь, Eudoxie, кто у насъ завтра будетъ?

— Не знаю,—отвѣчаетъ Дуня.

— Нѣтъ, ты угадай! Гость для тебя интересный,—настаиваетъ отецъ.

— Право, не могу угадать, папа,—отвѣчаетъ дочь.

— Максимъ Павловичъ Муратовъ,—торжественно объявляетъ отецъ.

Дуня порывисто поднялась съ мѣста.

— Максимъ?... Онъ живъ?... Здѣсь?.. — почти задыхаясь

отъ волненія, проговорила она, и вся зарумянилась, смущенная своею собственною радостью.

Сестра Серафима, сдвинувъ брови, слѣдила за ней.

XIV.

Въ день рожденія Платона Николаевича братья Муратовы пріѣхали въ ольховскую церковь, когда обѣдня уже началась. Дуня, каждый разъ оглядывавшаяся назадъ, когда отворялись входныя двери, была поражена отсутствіемъ Максима. Первымъ ея вопросомъ, тихо обращеннымъ къ одному изъ братьевъ, было:

— А Максимъ?

— Онъ прошелъ на могилу матери,—послышалось ей въ отвѣтъ.

Она покраснѣла, и въ ея головѣ промелькнула мысль: «Какъ это хорошо. Мы встрѣтимся безъ свидѣтелей».

Черезъ пять минутъ ея уже не было въ церкви.

Сестра Серафима все это видѣла, все поняла. Изъ ея рукъ ускользала та, которую съ такимъ трудомъ она влекла на новый путь. Нужно было дѣйствовать быстро и энергично, въ противномъ случаѣ сегодня ускользнетъ у нея эта избранница, завтра другая. Для того, чтобы достигнуть той или другой цѣли, нужно идти напроломъ, не дѣлая уступокъ, не пренебрегая мелочами. Но въ то же время бываютъ минуты, когда самый смѣлый дѣятель долженъ дѣйствовать осторожно, осмотрительно. Теперь наставала такая минута для сестры Серафимы: не должно показывать, что ее тревожитъ пріѣздъ Максима, не слѣдуетъ придавать значенія его пріѣзду въ глазахъ Дуни, нужно продолжать атаку въ прежнемъ тонѣ, но необходимо слѣдить за Дуней во время пребыванія здѣсь Максима и устроить свадьбу Адели съ которымъ-нибудь изъ братьевъ.

Но за котораго пойдетъ Адель? За Данилу? Онъ влюбленъ въ нее, или дѣлаетъ видъ, что влюбленъ? Но за него не отдастъ Платонъ Николаевичъ. За Петра? Но, кажется, Петръ не дѣлаетъ попытокъ посвататься за нее. За Аркадія? Онъ, кажется, понимаетъ выгодность этой женитьбы и за него отдастъ ее Платонъ Николаевичъ. Но какъ же начать разговоръ съ нимъ о свадьбѣ, когда онъ еще никому не заявлялъ о своемъ намѣреніи жениться? Сестра Серафима молчаливо соображала все это за завтракомъ, наблюдая за окружающими; наконецъ, завтракъ кончился; она встала и пошла въ свою комнату.

— Вотъ и женихъ Дуни пріѣхалъ,—мелькомъ замѣтила она Аркадію Павловичу.—Хорошо, что никто изъ васъ не вздумалъ жениться на Адели, а то бѣдному Максиму пришлось бы отказаться отъ своей старой любви или долго хлопотать о разрѣшеніи жениться...

Она прошла, не дожидаясь отвѣта, не взглянувъ на выраженіе лица Аркадія Павловича, и, обернувшись съ порога, позвала:

— Eudoxie, не почитаешь ли ты мнѣ Евангеліе?

Дуня послѣдовала за ней.

— Славнымъ малымъ кажется нашъ Максимъ,—проговорила сестра Серафима, подходя къ раскрытому окну своей комнаты и опуская бѣлую штору, чтобы защититься отъ лучей солнца.

— Да, онъ такой бодрый, энергичный,—съ оживленіемъ отвѣтила Дуня.—А мнѣ показалось, что онъ вамъ не понравился. Вы такъ холодно встрѣтили его.

— Ты знаешь, что для меня не существуетъ теперь родства по плоти,—отвѣтила Серафима:—а къ постороннему человѣку не могу же я броситься въ объятія при первой встрѣчѣ. Но теперь, приглядѣвшись къ нему, я готова для него сдѣлать все, что могло бы принести ему пользу.

Серафима взяла Евангеліе и начала перелистывать страницы.

— Теперь нужны обществу такіе бодрые люди,—задумчиво говорила она.—Жаль только, если его силы и энергія пропадутъ даромъ, растратятся на мелочи.

— О, я увѣрена, что онъ постарается сдѣлать что-нибудь полезное, хорошее,—проговорила Дуня.

— Ну, дитя, этого нельзя сказать навѣрное. Увлечется, женится, тогда и погрязнетъ въ мелочныхъ интересахъ семьи.

Дуня покраснѣла.

— Развѣ женитьба должна непремѣнно погубить человѣка?—тихо спросила она.

— Конечно. Свободный человѣкъ можетъ жить для общества, для людей; женатый живетъ для своей жены, для своихъ дѣтей. Женится онъ, тогда ему будетъ не до общественныхъ дѣлъ, а до устройства своего гнѣзда. Оно, конечно, правда, что отчего же и не свивать своего гнѣзда, да время-то теперь не такое, чтобы тратить силы на витье своихъ гнѣздъ. Обществу теперь нужны силы, нужны граждане.

Дуня задумалась.

— Но отчего же не предположить, что онъ выберетъ

себѣ такую жену, которая явится не преградою, а помощницею ему въ общественной дѣятельности?—проговорила она.

Сестра Серафима усмѣхнулась.

— Ты совсѣмъ еще дитя!—ласково потрепала она ее по рукѣ.—Общественная дѣятельность—это борьба съ преградами, это подвигъ самоотреченія, это принесеніе въ жертву другимъ своихъ интересовъ. Все это очень трудно человѣку исполнить даже тогда, когда онъ ставитъ на карту одно свое благо, одну свою жизнь. Но это дѣлается почти невозможнымъ, когда человѣку приходится рисковать не только собою, а еще и другимъ, любимымъ имъ, существомъ. Онъ постоянно думаетъ: «какое право я имѣю губить счастіе, ставить на карту интересы близкаго мнѣ человѣка?»—и дѣлается трусливымъ, отстраняется отъ исполненія трудныхъ задачъ общественной дѣятельности.

— Да у него и не можетъ явиться этого вопроса, когда любимое имъ существо само подталкиваетъ его на опасный и трудный путь,—живо возразила Дуня.

Сестра Серафима вздохнула.

— Ты говоришь объ идеальной женѣ-подругѣ,—замѣтила она.—Но ты забыла о дѣтяхъ. Ими, ихъ судьбой не имѣетъ права играть честный человѣкъ, ради нихъ дѣлается трусихою самая смѣлая мать... Да, впрочемъ, что мы говоримъ о пустякахъ! Вѣдь сколько бы мы ни толковали, а ни одна невѣста не откажется, если Максимъ предложитъ ей руку. Что ей будетъ за дѣло до того, что выйдетъ изъ него послѣ женитьбы? Вся ея цѣль будетъ заключаться только въ томъ, чтобы привязать неразрывными узами къ своей юбкѣ любимаго человѣка. Иначе у насъ люди не умѣютъ любить, иначе у насъ не понимаютъ любви...

Сестра Серафима тихо махнула рукой и прервала разговоръ, промолвивъ:

— Прочти мнѣ нагорную проповѣдь...

Она подала Дунѣ Евангеліе, раскрытое на пятой главѣ повѣствованія апостола Матѳея. Дуня начала чтеніе. Она дочитала до мѣста, гдѣ говорится:

«Вы соль земли; если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ ее сдѣлаешь соленою? она уже ни къ чему годна не будетъ, какъ развѣ выбросить ее вонъ, подъ ноги людямъ».

— Вотъ мысли, которыя должны помнить тѣ, кому даны силы отъ Бога, и тѣ, которые хотятъ похитить эти силы у общества,—тихо прошептала сестра Серафима.

Дуня читала уже дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ. Съ ея губъ срывались грозныя слова:

«Если правое око твое соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, нежели все тѣло твое ввержено было въ геенну».

— А мы не умѣемъ не только вырвать своего сердца, когда оно соблазняетъ насъ, но не умѣемъ даже заглушить въ немъ жажды личнаго, эгоистичнаго счастья,—шептала сестра Серафима.

Дуня, вся раскраснѣвшаяся, вся трепещущая, читала все далѣе и далѣе:

«Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ, но собирайте себѣ сокровища на небесахъ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше».

— Да, гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше,—повторила тихо и внятно сестра Серафима.

Дуня же читала дальше:

«Никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному усердствовать, а о другомъ нерадѣть станетъ».

— Да, или себѣ, или людямъ служить, или о семьѣ, или объ обществѣ думать,—пояснила сестра Серафима.

Дуня продолжала:

«Всякій, слушающій сіи Мои слова и неисполняющій ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ: пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и упалъ, и паденіе его было великое».

— Довольно, дитя!—проговорила сестра Серафима, опуская руку на книгу.—Дай Господи, чтобы никто изъ насъ не построилъ дома своего на пескѣ.

Дуня опустила голову и сидѣла молча. Сестра Серафима говорила еще что-то, но молодая дѣвушка не слышала ни слова изъ ея рѣчей. Ее давили тяжелыя думы.

— А знаете ли вы,—вдругъ заговорила она, прямо взглянувъ въ лицо сестры Серафимы: — что я еще вчера вечеромъ, сегодня ночью вспоминала годы своего дѣтства, свои дѣтскія грёзы, и мечтала...

Она остановилась, чтобы перевести духъ.

— О чемъ же это ты мечтала, дитя?—съ ласковой улыбкой спросила сестра Серафима, взявъ ея руку.

— Мечтала сдѣлаться женою Максима, — проговорила упавшимъ голосомъ Дуня.

— Какъ это тебѣ пришло въ голову?—удивилась сестра Серафима.—Ты вѣдь почти не знаешь его. Ты его увидѣла сегодня впервые послѣ долгой разлуки.

— Да, но я любила его всегда, — отвѣтила Дуня. — Онъ послѣ моей матери былъ самымъ дорогимъ для меня существомъ въ годы дѣтства. Меня звали его невѣстою... Мы съ нимъ часто строили планы, какъ мы будемъ мужемъ и женою...

— Ребяческія мечты!

— Да, ребяческія мечты, отъ которыхъ я отказалась потомъ, думая, что онъ забылъ меня, что онъ даже умеръ... Но вчера, когда отецъ сказалъ о его пріѣздѣ, онѣ снова воскресли во мнѣ... Сегодня, когда онъ такъ радостно бросился ко мнѣ, мнѣ показалось...

— Вотъ я никакъ не могла бы подумать, что ты рѣшишься нанести еще этотъ послѣдній ударъ своему несчастному отцу, — задумчиво проговорила сестра Серафима.

Дуня широко открыла глаза.

— Послѣдній ударъ отцу? — переспросила она съ недоумѣніемъ.—Но развѣ вы думаете, что отецъ не согласился бы на мой бракъ?

— Дитя, дитя! Твой отецъ такъ добродушенъ, что согласится на все, чего пожелаешь ты, чего пожелаетъ твоя сестра.

— Такъ что же?

— Но ты забыла, что отецъ твой нищій, что онъ живетъ, покуда кормитъ его дядя Платонъ. Дядя же Платонъ не любитъ Максима и, кромѣ того, имѣетъ намѣреніе выдать Адель за одного изъ вашихъ кузеновъ, чтобы оставить свое имѣніе въ родныхъ рукахъ. Твой бракъ разрушилъ бы эти планы и, конечно, дядя Платонъ лишилъ бы за это твоего отца, а можетъ-быть, и твою сестру, своего покровительства. Ты знаешь дядю Платона.

Дуня опустила голову.

— Конечно, твой отецъ старъ, ему не долго пришлось бы терпѣть нужду; Адель, можетъ-быть, пристроилась бы какъ-нибудь... Но вѣдь у твоего отца есть еще побочная семья, которую онъ поддерживаетъ только подаяніями дяди Платона. Пришлось бы отнять кусокъ хлѣба и у нея... Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь... Ты знаешь, что я боюсь быть непрошенною совѣтницею въ чужихъ дѣлахъ...

— Да развѣ вы можете быть непрошенною совѣтницею для меня!—порывисто, съ страстнымъ укоромъ воскликнула Дуня. — Развѣ вы не видите, что я вамъ открываю всю свою душу, что вы можете читать въ ней, какъ въ открытой книгѣ!

Въ глазахъ сестры Серафимы блеснулъ, какъ молнія, какой-то огонекъ, потомъ они приняли мягкое, ласкающее выраженіе. Она привлекла къ себѣ молодую дѣвушку, подняла ея голову, взглянула ей прямо въ глаза, и, прильнувъ къ ея губамъ долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ, прошептала:

— Несравненная, дорогая моя!..

XV.

Максимъ же все еще стоялъ на террасѣ, облокотившись на перила, и какъ-то безцѣльно смотрѣлъ на садъ, раскинувшійся передъ его глазами.

Онъ былъ взволнованъ, возмущенъ всѣми сценами, всѣми встрѣчами послѣднихъ двухъ дней, и хмурился теперь, смотря на эти знакомыя ему аллеи, клумбы и группы деревьевъ. Это были тѣ липы, березы и дубы, подъ которыми онъ проводилъ самые скорбные дни своего дѣтства, поминутно ожидая, что ему велятъ не шалить, прикажутъ поцѣловать руку у дяди Платона Николаевича. Ему вспомнилось, какъ онъ, еще ребенкомъ, давалъ горячіе обѣты никогда не заглядывать сюда, когда вырастетъ большимъ.

«Не сдержалъ обѣта, — думалъ онъ: — и вотъ теперь придется пережить скверный день, придется смотрѣть опять на эти ненавистныя лица, слушать обидныя и грубыя рѣчи. И что меня тянуло сюда? Чего я искалъ здѣсь? Встрѣчи ли съ Дуней? Да, мнѣ хотѣлось видѣть ее. Для нея я готовъ на все, на все! А она?.. Достанетъ ли у нея силъ выйти побѣдительницей изъ этой каторги?»

Онъ задумался и вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то дружески обнялъ его за талью.

— Мечтаешь? — послышался голосъ Александра Николаевича.—Влюбленный!.. Пройдемся по саду.

Александръ Николаевичъ взялъ подъ руку племянника и увлекъ въ тѣнистыя аллеи сада.

— Молодецъ, молодецъ, Максимъ! Какъ ты отбрилъ его!— шумно восхищался Александръ Николаевичъ.—Такъ и надо, и подѣломъ! Передъ старикомъ всѣ холопствуютъ, всѣ лгутъ, нужно же когда-нибудь ему слышать и правду. Это необходимо... Вотъ и я тоже,—ты вѣдь знаешь, я не люблю

почакать,—я тоже при каждомъ удобномъ случаѣ обрываю его. Да это и положительно необходимо, особенно въ моемъ положеніи... Ты знаешь, я теперь завишу отъ него, и стоитъ только начать ему спускать, чтобы онъ сѣлъ, такъ сказать, на шею да и поѣхалъ.

— Да что вы его совсѣмъ не бросите? — спросилъ Максимъ.—Ѣхали бы въ Петербургъ, поступили бы на службу. Взяли бы Дуню...

— А! У меня, братецъ, уже есть на это планы!—горячо заговорилъ Александръ Николаевичъ. — Вдругъ такъ съ бухты-барахты нельзя. Надо все обдумать, все подготовить... Я, знаешь ли,—началъ онъ тихо и таинственно:—хочу соорудить газету...

— Газету?—изумился Максимъ.

— Да, газету,—таинственно произнесъ Александръ Николаевичъ.—Да вѣдь какую газету-то: «Наше самоуправленіе». Форматъ равный «Times'у», выходить будетъ ежедневно, не исключая никакихъ праздниковъ, во всѣхъ губернскихъ городахъ будутъ устроены отдѣленія для пріема статей, для принятія «сообщеній», для передачи телеграфическихъ депешъ. Ты только разсуди то: теперь у насъ въ ходу «Московскія Вѣдомости», отчасти «Петербургскія». Эти газеты далеко не исполняютъ своего назначенія и не удовлетворяютъ провинцію. Читая ихъ, ты сразу видишь, что эти газеты составляются кабинетными людьми, что онѣ дышатъ воздухомъ Москвы и Петербурга, смотрятъ на провинцію, какъ на нѣчто второстепенное, на нѣчто получающее и свою жизнь, и свой свѣтъ отъ Петербурга и Москвы. Это ошибка, это громадная ошибка! Этотъ взглядъ былъ совершенно естественнымъ, когда не было ни Маколеевъ, ни Боклей, ни Дарвиновъ, ни Фогтовъ, когда историки придавали значеніе не народной силѣ, а сраженіямъ, смѣнѣ королей, когда медики лѣчили мѣстныя болѣзни организма, не подозрѣвая великаго значенія общей гигіены, когда астрономы видѣли въ землѣ какой-то центръ міровой системы, для котораго и солнце создано, и звѣзды свѣтятъ!.. Теперь эти взгляды убиты окончательно. Теперь каждый гимназистъ знаетъ, что человѣкъ не міровой повелитель, а существо, на которое вліяетъ каждая инфузорія, каждый болотистый клочокъ земли; теперь ни для кого не тайна и то, что провинція можетъ существовать безъ столицы. Вотъ въ этомъ-то духѣ намъ нужна теперь газета!.. Пожалуй, въ ней могутъ быть и свѣдѣнія о петербургскихъ театрахъ, о

литературѣ, о мелкихъ событіяхъ столичной жизни, но только въ той степени, въ какой эти явленія отзываются на провинціи, въ какой степени провинція платится за нихъ. Провинціи нѣтъ дѣла, какъ тамъ пѣла Бозіо или какъ осипъ Маріо,— ей нужно знать, что ей стоятъ неизвѣстные ей Бозіо и Маріо. Провинціи нѣтъ дѣла, что два какіе-то литератора ненавидятъ другъ друга и ругаются между собою въ журналѣ. Ей нужно только знать, приносятъ ли какую-нибудь пользу эти два литератора Россіи помимо своихъ личныхъ перебранокъ... Вотъ программа газеты! Дворянское и народное самоуправленіе, Петербургъ и Москва, какъ первые слуги, первые исполнители воли провинціи, — это направленіе и сущность газеты. Конечно, для исполненія этой задачи нужно имѣть прямыя сношенія съ провинціальными центрами, нужно, чтобы въ провинціальныхъ бюро принимались не только статьи, описывающія провинціальную жизнь, но и были бы люди, которые могли бы записывать кратко, но полно, приносимыя имъ изустныя сообщенія. Теперь въ газетахъ поднимается шумъ, когда какой-нибудь случайный корреспондентъ описываетъ положеніе народа на той или другой фабрикѣ, на томъ или другомъ двадцатипятиверстномъ участкѣ желѣзной дороги. Прислушиваясь къ этому шуму, читатель думаетъ, что этотъ случай есть нѣчто выходящее изъ ряду вонъ. Но развѣ это такъ? При моей системѣ веденія газеты будетъ ясно не положеніе какихъ-нибудь десяти Ивановъ и Андреевъ, но всей массы нашего населенія. При этой системѣ ты будешь слѣдить изо дня въ день за жизнію всей Россіи, а не за жизнію только того уголка, куда случайно попалъ какой-нибудь газетный корреспондентъ. У меня будутъ говорить не отдѣльныя лица, не отдѣльные писатели, а сама Россія, видящая въ газетѣ не какого-нибудь вѣстника новостей, а открытую записную книгу, куда каждый будетъ заносить свои жалобы, свои надежды, свои требованія.

Александръ Николаевичъ крѣпко схватилъ Максима за руку.

— Ты понимаешь, у меня духъ захватываетъ, когда я думаю о всемъ величіи этой задачи! Конечно, ты знаешь, что я могу ее исполнить только потому, что у меня вѣдь вездѣ связи, знакомства. Трудно сыскать такой уголокъ, гдѣ бы я не побывалъ, гдѣ бы не оставилъ памяти. Вѣдь я смѣло могу сказать, что я знаю Россію и Россія меня знаетъ. Въ севастопольскую войну, когда я вступилъ въ

ополченіе, меня вездѣ принимали, какъ стараго знакомаго. Бывало, только и слышишь: «а, это нашъ милѣйшій Александръ Николаевичъ Баскаковъ!»

Максимъ незамѣтно усмѣхнулся.

— Но этотъ планъ газеты будущаго...—началъ онъ.

— Oui, c'est le mot!—пришелъ въ восторгъ Александръ Николаевичъ.—Это именно газета будущаго, газета Россіи, дѣлающейся второю Америкою...

— Дядя,—серьезно прервалъ его Максимъ:—вы не дали мнѣ кончить. Я хотѣлъ сказать, что планъ вашей газеты будущаго очень широкъ и что, вѣроятно, онъ осуществится тогда, когда Россія сдѣлается второю Америкою; я даже полагаю, что этотъ планъ можетъ осуществиться при второмъ пришествіи.

— Но ты понимаешь...

— Позвольте, дядя, договорить,—снова перебилъ его Максимъ:—покуда же можно сказать только одно то, что у васъ нѣтъ денегъ на подобное изданіе и что этихъ денегъ вамъ никто не дастъ...

— Ну, да, теперь всѣ прижались, всѣ еще не сознаютъ важности переживаемой эпохи, всѣ...

— Я, дядя, знаю все, что можно сказать о нашемъ времени, но дѣло не въ томъ. Очевидно одно то, что газета будущаго будетъ создана въ далекомъ будущемъ, а вамъ не худо бы подумать о завтрашнемъ днѣ.

— О завтрашнемъ днѣ?—изумился Александръ Николаевичъ, точно онъ не могъ себѣ и представить, что кто-нибудь можетъ думать о завтрашнемъ днѣ.—Что же будетъ завтра?

— Я не такъ выразился: завтра, можетъ-быть, ничего не будетъ, но послѣзавтра, черезъ мѣсяцъ можетъ многое измѣниться,—сказалъ Максимъ.—Неужели вы не замѣчаете, что вамъ надо вырвать изъ этого дома если не Адель, то Дуню?

Александръ Николаевичъ вытаращилъ на племянника изумленные глаза.

— Дуню? да что такое съ Дуней можетъ здѣсь сдѣлаться?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Я не знаю, что съ ней можетъ сдѣлаться, но хорошаго ничего не жду. Ей прочатъ жениховъ...

— А, да! Сватался какой-то старикашка-сосѣдъ, нѣчто въ родѣ Плюшкина, весь засаленный, руки вѣчно въ табакѣ, схоронилъ двухъ женъ, прибравъ къ рукамъ ихъ капиталы, и помышляетъ о третьей выгодной сдѣлкѣ... Потомъ являлся

какой-то долговязый чиновникъ по особымъ приключеніямъ съ длинной шеей, бакенбарды котлетками мочальнаго цвѣта, говоритъ въ носъ и въ одномъ глазу носитъ стеклышко, точно въ форточку смотритъ... Дрянцо какое-то новаго пошибу, знаешь, изъ тѣхъ, которые отъ трехъ рюмокъ осовѣть могутъ, отъ промоченія ногъ насморкъ на недѣлю получаютъ и даже при самой страстной любви болѣе всего заботятся объ умѣренности и аккуратности, чтобы не повредить окончательно своему здоровью... нѣтъ, не здоровью, а нездоровью, такъ какъ здоровья у нихъ не было ни разу въ жизни...

— И вы хладнокровно смотрите на подобныя сватовства?— спросилъ Максимъ.

— Да что же тутъ такого? Мало ли кто сватается за дѣвушекъ. Знаешь, я видалъ одного скопца, кото...

— Но вѣдь женихи не только сватаются, а, кажется, Дуню вообще хотятъ отдать замужъ.

— Ну, мало ли чего хотятъ! Не захочетъ идти Дуня, насильно не отдадутъ.

— Не захочетъ! Да развѣ ей легко бороться!

Александръ Николаевичъ потеръ рукою лобъ.

— Н-да, н-да, конечно, не легко, но что же дѣлать, что дѣлать!—вздохнулъ онъ.—Впрочемъ, ты слишкомъ серьезно смотришь на это дѣло. Никто не хочетъ выдавать ее ни за этого Плюшкина, ни за эту медовую сосульку, а просто такъ поговорили...

— Потомъ, какъ вы смотрите на вліяніе сестры Серафимы?—спросилъ Максимъ.

— Ахъ, умная, умная женщина!—воскликнулъ Александръ Николаевичъ.

— То-есть, хитрая,—поправилъ его Максимъ.

— Ну, да, умный человѣкъ долженъ быть хитрымъ, а она умна, очень умна. Помнишь, нашъ великій поэтъ сказалъ, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ?.. Положеніе себѣ составила и кто бы могъ думать! — вѣдь ты, вѣроятно, мелькомъ слышалъ: она тотчасъ же по выходѣ изъ института имѣла романъ, а, можетъ-быть, даже Романа,—захохоталъ Александръ Николаевичъ.—Герой романа былъ...

Александръ Николаевичъ оглянулся и наклонился къ уху Максима.

— Ну, ты можешь представить, какая исторія поднялась, когда узнали,—продолжалъ Александръ Николаевичъ

вслухъ. — Хотѣли ее пристроить, замужъ выдать, а она вдругъ—бацъ!—ушла въ монастырь. Всѣ говорили «дурочка», «идеалистка», «наивная»! Но поговорили, поговорили и забыли о ней, а она, мало-по-малу, и начала о себѣ заявлять. Сначала явилась интересной жертвой и кающейся Магдалиной, потомъ заботливымъ членомъ своего монастыря, наконецъ, благодѣтельницей бѣдныхъ и страждущихъ. Она теперь въ модѣ, въ славѣ... въ своемъ муравейникѣ.

Александръ Николаевичъ говорилъ съ неподражаемою интонаціею, оттѣняя каждую фразу.

— Да, но какое вліяніе она производитъ на Дуню?— перебилъ его Максимъ.

— Что-жъ, учитъ любить ближнихъ, даетъ добрые совѣты...

— Добрые ли, дядя?

— А какое же можетъ быть въ этомъ сомнѣніе!—воскликнулъ Александръ Николаевичъ. — Ты не знаешь своей сестры. Ты думаешь насчетъ ея романа... Но онъ давно искупился ею ея примѣрною жизнью.

— Да я не насчетъ того говорю, что она развратитъ Дуню. Дуня для этого слишкомъ чистое существо. Но можно привить къ ней ложныя идеи...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ошибаешься...

— Да вы, дядя, спрашивали, что говоритъ Дунѣ моя сестра?

— Я, мой другъ, держусь того принципа, что дѣти должны быть вполнѣ свободны, и не контролирую каждаго ихъ шага. Да позволь тебя спросить, что тебя такъ безпокоитъ Дуня?.. А, вижу, вижу, все еще влюбленъ въ нее...

— Не влюбленъ, но люблю ее искренно...

— Ну да, ну да! Что-жъ? веселымъ пиркомъ да и за свадебку...

— У васъ все скоро и просто выходитъ!

— Что же думать? По-военному, ха-ха-ха! — залился смѣхомъ Александръ Николаевичъ.

— Тссъ! — остановилъ его Максимъ и сталъ прислушиваться.

Они проходили мимо одного изъ открытыхъ оконъ дома и оттуда достигъ до нихъ ясно голосъ. «Но что такое это личное счастье? — говорилъ этотъ ровный, спокойный голосъ. — Ты подумай, какъ оно призрачно, какъ не долговѣчно». Максимъ узналъ въ этомъ голосѣ голосъ сестры Серафимы.

— Что ты?—спросилъ Александръ Николаевичъ.

— Тамъ сестра говоритъ съ Дуней, — тихо прошепталъ Максимъ, сдерживая дыханіе и все еще не выпуская руки Александра Николаевича.

— Ну, такъ что-жъ?—громко спросилъ тотъ.

— Интересно услышать одну изъ ея бесѣдъ... Молчите!— отвѣтилъ Максимъ.

— Fi! — покачалъ головой Александръ Николаевичъ. — Баскаковы никогда не подслушивали, никогда не подсматривали, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда можно было подсмотрѣть, какъ раздѣвается хорошенькая дѣвушка передъ купаньемъ!—уже со смѣхомъ закончилъ онъ.—Пойдемъ, пойдемъ!

Онъ потащилъ за собою Максима, у котораго выступила на лицо яркая краска, но это была не краска стыда за свое стремленіе подслушать, а горячій румянецъ, вызванный пробудившимся любопытствомъ и надеждой найти ключъ къ разгадкѣ интересовавшихъ его вопросовъ. Максимъ неохотно послѣдовалъ за дядей и уже не слушалъ его болтовню. Ему опять казался если не ненавистенъ, то жалокъ и гадокъ этотъ человѣкъ, толковавшій о широкихъ планахъ и не умѣвшій исполнить самой микроскопической работы для поддержанія себя и своей семьи, проповѣдывавшій принципъ свободы своихъ дѣтей и бросившій этихъ дѣтей въ качествѣ прихлебателей въ рабство невыносимому самодуру-деспоту брату.

«Какъ бы узнать, какъ бы узнать, что за вліяніе оказываетъ Серафима на Дуню, что она внушаетъ ей?»—мысленно разсуждалъ Максимъ, присѣвъ съ Александромъ Николаевичемъ въ саду и разсѣянно ощипывая оторванную вѣтку отцвѣтавшей липы.

Въ эту минуту на боковой аллеѣ послышались тихіе шаги, и Максимъ могъ ясно разслышать разговоръ.

— Такъ вы позволяете мнѣ считать это дѣло рѣшеннымъ?—говорилъ одинъ глухой голосъ.

— Я два раза не даю одного и того же честнаго слова. Это должно сдѣлаться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—отвѣтилъ другой, твердый и раздражительный голосъ.

Черезъ нѣсколько секундъ Максимъ увидѣлъ, какъ за деревьями медленно прошли двѣ фигуры,—это были знакомыя ему фигуры брата его Аркадія Павловича и дяди Платона Николаевича.

— Еще какія новыя ковы придумываютъ?—проговорилъ онъ громко, забывъ, что около него сидитъ Александръ Николаевичъ.

— Какія ковы?—изумился Александръ Николаевичъ.

— Не спрашивайте меня, у меня сегодня голова идетъ кругомъ,—произнесъ Максимъ и махнулъ рукою.

Онъ раздражительно поднялся съ мѣста и пошелъ.

— Куда это ты?—спросилъ его Александръ Николаевичъ.

— А и самъ не знаю... Не сидится на мѣстѣ...

XVI.

Только незадолго передъ обѣдомъ Максиму удалось встрѣтить Дуню. Онъ обрадовался встрѣчѣ, но его поразила происшедшая въ молодой дѣвушкѣ перемѣна. Дуня была блѣдна; вѣки ея были красны, очевидно, отъ слезъ; въ глазахъ замѣчалось утомленіе. Максимъ подошелъ къ ней и пригласилъ ее пройтись по саду.

— Скоро подадутъ обѣдъ,—отвѣтила она.

— Все же успѣемъ поговорить,—замѣтилъ онъ.—Мы съ тобой сегодня и часу не провели вдвоемъ.

— Сегодня такой день... гости...—оправдалась она.

— Что намъ-то до нихъ? — проговорилъ Максимъ. — Да ты, кажется, и не съ гостями провела все это время, а съ сестрой Серафимой.

Дуня нѣсколько смутилась. Она чутко угадала, что Максимъ все это время былъ занятъ только мыслію о ней, что во всей массѣ окружающихъ ихъ людей для него существуетъ только одна она.

— Скажи, пожалуйста, что за особа моя сестра?—спросилъ Максимъ.—Я ея вовсе не знаю, почти ничего не слыхалъ о ней. Она мнѣ напомнила отчасти свою воспитательницу, «тетушку Нѣгъ», отчасти ханжу изъ круга знакомыхъ покойной матери.

— Она очень дѣятельная личность, живущая всѣми интересами общества,—проговорила Дуня.

— Ты хочешь сказать: интересами монастыря?

— Нѣтъ, у нея свои особые взгляды на обязанности монахини... она...

— Ну, да Богъ съ ней и съ ея взглядами, — перебилъ Максимъ, махнувъ рукою. — Поговоримъ лучше о тебѣ. Какъ ты жила?

— Мнѣ нечего говорить о себѣ: ты знаешь, какъ шла здѣсь жизнь прежде,—она такъ же идетъ и теперь... Но ты не разсказалъ мнѣ еще, что дѣлалъ ты.

— Я? Бѣдствовалъ—вотъ и все.

— Но все же, наконецъ, принялся за какое-нибудь дѣло?

— Нѣтъ, Дуня, ни за какое дѣло не принимался.

Дуня вопросительно посмотрѣла на него.

— Я только подготовлялся къ дѣлу.

— Къ какому?

— И того не могу сказать, потому что еще ничего не рѣшилъ, и не испыталъ ни на чемъ всѣхъ своихъ силъ. Всѣ прожитые мною въ послѣднее время годы были годами искуса, открывавшими мнѣ глаза на мои недостатки, на то, что мнѣ нужно было передѣлать въ себѣ все. Когда я выскочилъ самовольно изъ корпуса и гимназіи, мнѣ казалось, что я совершаю доблестные подвиги; потомъ я убѣдился, что я лишилъ этими подвигами себя возможности пріобрѣсти хотя тѣ немногія знанія, которыя даются въ этихъ заведеніяхъ, и, во всякомъ случаѣ, лишилъ себя возможности привыкнуть къ правильному, усидчивому труду... Когда я рѣшился зарабатывать своимъ трудомъ хлѣбъ, я думалъ, что я поступаю удивительно честно, но когда я принялся за этотъ трудъ ради хлѣба, то я увидалъ, что я, въ сущности, не подготовленъ ни къ чему, что я только порчу каждую работу, что я, въ дѣйствительности, краду деньги, если не у всего общества, то, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ настоящихъ работниковъ, у которыхъ я отбиваю работу. Въ концѣ-концовъ, я увидалъ, что я увлекаюсь громкими словами: самостоятельность, независимость, трудъ, а на самомъ дѣлѣ являюсь нищимъ, зависящимъ отъ каждаго давальца работы, и негодяемъ, портящимъ все, за что онъ возьмется... Увидалъ я, что и мои физическія силы мало развиты, что и не пріученъ я сносить стойко лишенія, что, наконецъ, если дѣла не улучшатся, то я приду съ повинною въ тотъ домъ, откуда я такъ необдуманно бѣжалъ... Въ этихъ убѣжденіяхъ было все, что я пріобрѣлъ въ эти тяжелые годы.

— Ну, и что же? — спросила Дуня, видя, что Максимъ смолкъ.

— Что?.. Ну, сталъ настойчиво стремиться къ самообразованію, къ саморазвитію, сталъ подготовлять себя къ будущей дѣятельности.

— Но ты же говоришь, что ты еще не избралъ рода дѣятельности?—спросила Дуня.

— Да. Я просто подготовлялъ изъ себя терпѣливаго и выносливаго работника; я въ послѣднее время занимался умственною и механическою работою, я жилъ, какъ простые мастеровые, я старался, чтобы мой образъ жизни ни-

чѣмъ не отличался отъ ихъ образа жизни, и нѣсколько успѣлъ въ этомъ, убивъ въ себѣ старыя привычки бѣлоручки и дармоѣда, воображающаго, что онъ очень умный и ученый человѣкъ только потому, что онъ глупецъ и невѣжда. Теперь я дошелъ до того, что могу сказать, не краснѣя, что я знаю не болѣе того, что учатъ въ гимназіи, но зато я знаю это основательно. Чему научусь далѣе—это еще вопросъ.

— Да, твоя жизнь впереди,—вздохнула Дуня.

— Да у кого же она не впереди на двадцать второмъ году?—воскликнулъ Максимъ.—Только въ эти года и мечтать о будущемъ. Знаешь ли, когда я иногда заглядываю въ это будущее, когда я соображаю, на какомъ пути нужнѣе руки, гдѣ шире можетъ развернуться и примѣниться сила,—у меня въ глазахъ мутится, голова идетъ кругомъ. Мы живемъ въ чудную, великую эпоху, когда, кажется, каждая ничтожная силенка можетъ пригодиться къ дѣлу, нужна обществу. Возьми любую газету, любой журналъ — и ты увидишь, что вездѣ и всюду чувствуется недостатокъ въ рукахъ, недостатокъ въ людяхъ, а не въ поприщѣ для дѣятельности, не въ работѣ. Вчера я былъ на строящейся станціи желѣзной дороги. Какое тамъ оживленіе, какая суетливая дѣятельность! Эта суета, этотъ шумъ, эти раскаты ударовъ топорами, молотами и бабами просто ошеломили, опьянили меня и разомъ разогнали всю хандру, навѣянную нашимъ старымъ гнѣздомъ. Но вѣдь картина этой строящейся станціи ничто въ сравненіи съ картиною всей пересоздающейся Россіи. Какая же энергія должна проснуться въ томъ, кого судьба призоветъ принять участіе въ этомъ пересозданіи?

Максимъ оживился, его глаза сверкали, онъ невольно сжалъ руку Дуни.

— Вы, живущіе здѣсь, въ старомъ гнѣздѣ, въ глуши, вдали отъ дѣятельности, еще не вполнѣ можете понять, какъ забушевало это море общественной жизни,—горячо говорилъ онъ.—Отъ васъ ускользаетъ все значеніе переживаемой нами эпохи. Только тамъ, въ столицѣ, перечитывая газеты, сталкиваясь съ сотнями людей съ разныхъ концовъ государства, слыша толки о тѣхъ или другихъ нуждахъ, видя зародыши тѣхъ или другихъ реформъ, понимаешь вполнѣ, что теперь нужны работники, руки, силы, чтобы удержать, утвердить то, что создается теперь.

«И я, слабая, неопытная дѣвочка, хотѣла стать поперекъ его дороги!»—скорбно промелькнуло въ головѣ Дуни.

— Я до такой степени живу будущимъ, надеждами на это будущее, что все прошлое умерло для меня, — продолжалъ Максимъ. — Пришелъ я домой, увидалъ нашъ домъ, нашъ садъ, братьевъ, старыя тряпки, носившіяся отцомъ и матерью, припомнилъ все—и мое сердце не забилось тоскою о томъ, что все былое не повторится. Твой отецъ вотъ говорилъ у насъ, что онъ бы не продалъ платьевъ, принадлежавшихъ моей матери. А если бы мнѣ сказали, что завтра нужно снести нашъ домъ, срубить нашъ садъ для устройства школы, фабрики, завода, больницы, — я самъ своею рукою нанесъ бы первый ударъ топора по этимъ памятникамъ нашей былой жизни. Да, я чуждъ ей, я оторванъ отъ нея... Знаешь ли, дорогая, если бы не ты, я не заглянулъ бы и сюда...

Дуня вздохнула.

— А могилы отца и матери?—тихо спросила она.

Онъ сдвинулъ брови.

— Онѣ для меня нѣмы, — проговорилъ онъ сухо. — Вообще, оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ и будемъ думать о будущемъ... Намъ надо выяснить прежде всего наши отношенія. Ты знаешь, какъ я люблю тебя...

Онъ опять сжалъ ея руку. Она вздрогнула и вдругъ обернулась, торопливо проговоривъ:

— Кажется, сейчасъ позовутъ къ обѣду.

— О, матеріалистка!—засмѣялся Максимъ. — Въ минуту страстнаго признанія въ любви она думаетъ объ обѣдѣ!

Дуня поблѣднѣла какъ полотно.

— Максимъ! — какимъ-то надорваннымъ, молящимъ тономъ прошептала она, едва удерживаясь отъ желанія припасть къ его груди и выплакать, высказать все, все, что ее мучило и волновало.

— Что съ тобой, голубка?—заботливо спросилъ Максимъ, заглядывая ей въ лицо.—Ты больна?

— Нѣтъ... да ..—проговорила она, и, почти плача, прошептала:—Оставь меня... сегодня... Послѣ... въ другой разъ...

Онъ изумился и не выпускалъ ея руки.

— Въ другой разъ? Когда же?—ласково спрашивалъ онъ.

— Когда-нибудь... заѣдешь сюда .. поговоримъ, — шептала она.

— Не хотѣлось бы мнѣ бывать здѣсь,—нахмурился Максимъ. — Но вотъ что: выйди завтра вечеромъ, часовъ въ семь, къ пруду... Помнишь, какъ я тамъ плелъ вѣнки для тебя и украшалъ ими твою головку, называя тебя своею невѣстою.

Дуня молчала.

— Ты молчишь?.. Или ты, точно, разлюбила меня?.. Я начинаю...

— О, Максимъ! — почти простонала она и попыталась уйти, но онъ держалъ ея руку.

— Такъ ты придешь? —спросилъ онъ, опять заглядывая ей въ глаза.

— Да.—послышался глухой отвѣтъ.

— Въ семь часовъ... Помни же!..

Онъ поднесъ къ губамъ ея руку и выпустилъ ее. Дуня пошла по аллеѣ къ дому. Она шла, ничего не видя, ничего не понимая. Когда она всходила на террасу, на нее были обращены два зоркіе, сверкавшіе исподлобья глаза. Это были глаза сестры Серафимы, сидѣвшей въ креслѣ съ открытымъ на колѣняхъ Евангеліемъ и, повидимому, набожно углубившейся въ чтеніе. Сестра Серафима поняла, гдѣ была Дуня, и ее мучила мысль о томъ, что говорила Дуня съ *нимъ*.

XVII.

Уже Платонъ Николаевичъ успѣлъ десять разъ «вскипятиться» и сдѣлать сотню колкостей каждому изъ присутствующихъ, уже всѣ присутствующіе мечтали о той вожделѣнной минутѣ, когда будетъ не неприлично уѣхать домой или удалиться на покой въ отведенныя для нихъ комнаты,—когда Данила Павловичъ, пребывавшій по большей части въ буфетной, «зарядился», наконецъ, по его собственному выраженію, настолько, что могъ совершенно смѣло идти на какую угодно атаку. Атака же, на которую онъ собирался въ этотъ день, была однимъ изъ самыхъ страшныхъ для него подвиговъ.

Данила Павловичъ лихо сражался на бильярдѣ; онъ безтрепетно «сворачивалъ скулы» всѣмъ, кто имѣлъ несчастіе подвертываться ему подъ пьяную руку въ недобрый часъ; онъ уничтожалъ, не моргнувъ глазомъ, десятки бутылокъ пива и вливалъ въ себя безъ всякаго малодушнаго страха водку послѣ шампанскаго, а послѣ водки портеръ; предводительствуя толпою своихъ собратьевъ по гульбѣ, онъ бралъ въ плѣнъ самыхъ отчаянныхъ «дѣвицъ легкаго поведенія» и «разносилъ» ихъ пристанища; но онъ во всю свою жизнь не могъ рѣшиться на объясненіе съ какой бы то ни было «приличной дѣвицей», какъ онъ называлъ всѣхъ дѣвушекъ, не принадлежавшихъ къ числу любезныхъ его сердцу «дѣвицъ легкаго поведенія».

— Чортъ ее знаетъ, —говаривалъ онъ обыкновенно про каждую «приличную дѣвицу».—Захочешь ей объясниться въ любви, да и ляпнешь ей какое-нибудь нецензурное слово, ну, и пойдетъ исторія. То ли дѣло наши феи, — сказалъ: «аллонъ, мамзель»,—и дѣло въ шляпѣ.

Теперь же ему и предстояло именно такое объясненіе въ любви съ приличной дѣвицей; онъ рѣшился, наконецъ, не откладывать въ дальній ящикъ своего намѣренія «оболваниться съ Аделькой», боясь, что его можетъ перебить «подлецъ Кадька». Вслѣдствіе этого онъ усердно «заряжался» «для храбрости» въ теченіе всего дня, и только къ вечеру сталъ настолько увѣренъ въ дѣйствительности своего «заряжанія» и своей отваги, что подошелъ къ Адели и предложилъ ей свернутую калачикомъ руку, проговоривъ:

— Пройдемся по саду. Вечеръ просто разлюли-малина!

Адель разсмѣялась при этомъ «разлюли-малина», взяла Данилу подъ руку и пошла съ нимъ въ садъ. Она очень любила посмѣяться, слушая армейскія остроты и каламбуры кузена. Но они прошли уже двѣ аллеи, а кузенъ еще не сказалъ ни одной остроты, ни одного каламбура, а только отъ времени до времени покрякивалъ и откашливался, слегка отплевываясь въ сторону. Адель начала не безъ боязни замѣчать, что кузенъ нѣсколько не въ своемъ видѣ.

— Адель, мнѣ надо съ тобой поговорить,—наконецъ, съ трудомъ произнесъ онъ, точно у него что-нибудь засѣло въ горлѣ.

— Я давно жду, что ты скажешь что-нибудь,—отвѣтила Адель.—А то такъ ходить скучно.

— Видишь ли,—продолжалъ онъ, запинаясь. — Можетъ-быть, этотъ подлецъ уже говорилъ тебѣ про меня что-нибудь пох...

Данила Павловичъ сильно закашлялся и пробормоталъ:

— Ишь ты, чортъ побери, такъ и подвертывается на языкъ!

— Ты про кого это говоришь? — спросила немного покраснѣвшая Адель.

— Да все про него же, про Кадьку, — пояснилъ Данила Павловичъ.—Вѣдь это такой, я тебѣ скажу, подлецъ, такой подлецъ! Если бы, знаешь, онъ мнѣ теперь попался, такъ я бы ему!

Данила Павловичъ до того увлекся негодованіемъ, что сжалъ кулаки и потрясъ ими въ воздухѣ, забывъ, что Адель шла съ нимъ подъ руку. Молодая дѣвушка нѣсколько отстранилась, пользуясь случаемъ избавиться отъ его слишкомъ

близкаго сосѣдства. Отъ него пахло всѣми запахами виннаго погреба.

— Да ты что же хотѣлъ мнѣ сказать? Или лучше послѣ,— перебила его Адель, начиная уже сильно бояться, что онъ слишкомъ подгулялъ.

— Ты что? боишься, что ли, что я зарядился? А?—спросилъ Данила Павловичъ, силясь взглянуть ей въ лицо.— Нѣтъ, это я, Адель, для храбрости: первый разъ крѣпость хочу взять... А! Каково?..

Данила Павловичъ захохоталъ. Адель подумала, что она поступила крайне опрометчиво, отправившись съ нимъ въ садъ.

— Я, чортъ возьми, ты знаешь, что я такое!—продолжалъ Данила Павловичъ, стараясь быть храбрымъ.—Я кутила, жуиръ, трактиры люблю, люблю дѣ...

Онъ опять закашлялся и вдругъ отрывисто произнесъ:

— Я тряпка, изъ которой умная женщина можетъ веревки вить,—вотъ что я!

Адель была слишкомъ шаловливымъ существомъ, чтобы не засмѣяться при этомъ неожиданномъ признаніи.

— Но я не понимаю, зачѣмъ ты это говоришь?—произнесла она, стараясь удержаться отъ смѣха.

— Затѣмъ, что я хочу тебя... Ну, да однимъ словомъ, выходи за меня замужъ!

Данила Павловичъ остановился и развелъ руками, точно хотѣлъ сказать: «каковъ же я храбрецъ!»

— Вотъ и кончилъ!—проговорилъ онъ, переводя духъ.

Его фигура, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ, съ нѣсколько взъерошенными волосами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, была крайне комична. Адель могла ясно разглядѣть его при лунномъ свѣтѣ и громко захохотала.

— Ну, я такъ и зналъ, чортъ побери,—пробормоталъ онъ.—У васъ все такъ! Вамъ объясняешься, а у васъ смѣхъ. Ну что же, я смѣшонъ, я дуракъ, а ты бы подумала вотъ, что я цѣлый день заряжался, чтобы... Вонъ подлецъ Кадька, тотъ умѣетъ, тотъ десять разъ на дню объяснится, а я въ первый разъ въ жизни. Что я? Гдѣ я бывалъ? У какихъ-нибудь... А да что тутъ говорить!.. Какъ ты тамъ ни смѣйся, а я все-таки люблю...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ Адели и немного пошатнулся.

— Ты еще не знаешь, какъ я могу любить,—пробормоталъ онъ и неожиданно обнялъ ее, крѣпко стиснувъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Пусти, Пусти! Ты съ ума сошелъ! Какое ты имѣешь право?—въ испугѣ крикнула Адель.

— А, на что тутъ право! Люблю, ну, и по-военному!—бормоталъ онъ, не выпуская ея изъ рукъ.—Такъ и сомну...

Она съ испугомъ рванулась прочь и побѣжала къ дому. Съ Данилы Павловича при этомъ движеніи молодой дѣвушки свалилась фуражка, и онъ, едва не упавъ на песокъ, схватился за первое подвернувшееся подъ руку дерево. Адель и смѣялась, и волновалась отъ испуга, быстро вбѣгая на террасу.

— Что съ тобой?—спросилъ ее попавшійся ей навстрѣчу Александръ Николаевичъ.

— Ничего,—проговорила, она уже совсѣмъ весело, но едва переводя духъ.—Данила... Данила... ахъ, какой онъ уморительный!.. Онъ мнѣ объяснился въ любви.

— Вотъ тебѣ и разъ! Не ожидалъ!—проговорилъ Александръ Николаевичъ, разводя руками.—А ты что?

— Ничего!.. Вы пойдите къ нему. Онъ, можетъ-быть, уже спитъ тамъ... Онъ пьянъ!—хохотала Адель.

— Ну, выбралъ время для объясненія въ любви!—залился смѣхомъ Александръ Николаевичъ.—Надо его отыскать, братья собираются ѣхать... Нѣтъ, хорошъ гусь: напился до положенія ризъ и лѣзетъ объясняться въ любви!.. Я воображаю эту картину!..

Черезъ полчаса братья Муратовы уже сидѣли въ своей развинчивавшейся коляскѣ, и дряхлыя клячи тащили ихъ обратно въ городъ. Вавила, наугощавшійся въ барской людской, сдѣлался болѣе обыкновеннаго угрюмымъ и склоннымъ къ нравственнымъ сентенціямъ, которыя обращались, за неимѣніемъ другихъ слушателей, къ лошадямъ. Усовѣщивая ихъ вести себя хорошо и напоминая имъ, что ѣхать не далеко, что онѣ не впервые ѣдутъ домой отъ барина Платона Николаевича изъ Ольховатаго и что онѣ везутъ молодыхъ господъ, а не кого-нибудь другого, онъ клевалъ носомъ и изрѣдка икалъ, пробуждаясь во время иканья отъ одолѣвавшей его дремоты и безплодно стараясь плюнуть дальше своей бороды.

Братья ѣхали молча. Имъ было не о чемъ говорить. Только одинъ сильно охмелѣвшій Данила Павловичъ поминутно ерзалъ на своемъ мѣстѣ, сидя спиною къ кучеру и тыкаясь носомъ въ коляску при каждомъ толчкѣ. Онъ былъ, видимо, въ отличномъ настроеніи духа и даже пробовалъ запѣть:

Вотъ ѣдетъ тройка удалая.

Но пѣсня оборвалась при первомъ же толчкѣ. Потомъ онъ вдругъ воскликнулъ:

— Эхъ, цыганокъ нѣтъ... закатился бы... Теперь мнѣ подавай, кого хочешь...

Всѣ молчали. Онъ опять что-то запѣлъ, но запѣлъ совсѣмъ не своимъ голосомъ, снова оборвался и, наконецъ, захохоталъ жидкимъ пьянымъ смѣхомъ.

— А славно я ей изъяснилъ!.. Смѣется!.. А сама рада... Тоже хочется замужъ..

Братья не отвѣчали.

— Вы слышали?.. Я Аделькѣ признаніе сдѣлалъ,—обратился онъ къ братьямъ, силясь посмотрѣть на нихъ.— Вспотѣлъ даже.

— Напрасно трудился,— сухо отвѣтилъ Аркадій:—дядя Платонъ Николаевичъ отдалъ мнѣ ея руку.

— Что-о?—крикнулъ Данила Павловичъ и даже нѣсколько выпрямился.

— Я женюсь на ней,—объяснилъ Аркадій Павловичъ.

— Да какъ ты смѣешь?.. Подлецъ, подлецъ!.. Я тебя... я тебя изъ своихъ рукъ задушу!—хрипло крикнулъ Данила Павловичъ и рванулся на старшаго брата.

Тотъ съ силой оттолкнулъ его, такъ что Данила Павловичъ чуть не вылетѣлъ изъ коляски. Максимъ крѣпко схватилъ его за рукавъ.

— Полно, Данила,—проговорилъ онъ.— Объяснитесь послѣ. Успокойся.

— Да ты пойми, Максимка... вѣдь онъ подлецъ... подлецъ,—почти плача, забормоталъ Данила Павловичъ и приткнулся головой къ плечу Максима.

— Хорошо, хорошо, только успокойся!— произнесъ Максимъ и придержалъ за талью Данилу Павловича.

— Свинья!—проворчалъ Аркадій Павловичъ, глядя на Данилу.

Максима тоже поразила новость, услышанная имъ отъ старшаго брата. Онъ никакъ не думалъ, что дѣло зашло такъ далеко. Теперь ему нужно было во что бы то ни стало скорѣе вырвать отвѣтъ у Дуни, чтобы предупредить женитьбою брата, или, наконецъ, отказаться отъ нея... Впрочемъ, нѣтъ! Развѣ онъ могъ отказаться отъ нея?

XVIII.

Несмотря на безпокойство, несмотря на думы о завтрашнемъ вечерѣ, Максимъ, утомленный всѣми сценами про-

шедшаго дня, заснулъ богатырскимъ сномъ. Онъ проснулся довольно поздно и, открывъ глаза, съ удивленіемъ увидѣлъ въ своей комнатѣ расхаживавшаго изъ угла въ уголъ съ засунутыми въ карманы панталонъ руками, взъерошеннаго болѣе, чѣмъ обыкновенно, брата Данилу.

— Что ты?—спросилъ Максимъ, садясь на диванъ, гдѣ онъ спалъ.

— Посовѣтоваться надо,—мрачно произнесъ Данила.— Ты знаешь, я не хитеръ умомъ... Петька держитъ сторону этого подлеца... У насъ ужъ такая баталія сегодня была...

— Да въ чемъ дѣло-то?—спросилъ Максимъ, ничего не понимая спросонья.

— Адельку у меня этотъ подлецъ отбиваетъ.

— То-есть отбилъ уже,—улыбнулся Максимъ, вспомнивъ вчерашнюю сцену.—Ну, слышалъ. А дальше-то что?

— Какъ что?—изумился Данила и, широко раздвинувъ ноги, остановился передъ Максимомъ.—Мало этого, что ли?

— Мало или много—не знаю, а поправить дѣла нельзя,— это вѣрно.

— Какъ нельзя?—закричалъ Данила, топнувъ ногой и сжимая кулаки.—Да я его искалѣчу или, какъ пса, пристрѣлю! Вѣдь ты пойми, я ее выходилъ, я все время за ней таскался... Это мнѣ развѣ легко!..

Максимъ едва удерживался отъ молодого смѣха.

— Полно, братъ, ужъ что съ воза упало, то пиши пропало!—замѣтилъ онъ.

— Ну, нѣтъ, это шалишь!.. Это ему даромъ съ рукъ не сойдетъ!

— Сойдетъ!—отвѣтилъ Максимъ.—Убить ты его не убьешь, да въ этомъ и толку мало, а Адель все-таки выйдетъ замужъ за него, а не за тебя... Ужъ ты лучше бы какъ-нибудь иначе отомстилъ ему, да кстати и Платону Николаевичу.

Максимъ быстро началъ одѣваться, Данила зашагалъ по комнатѣ.

— Вотъ ты говорилъ, что ты бы на Гущиной женился, ну и женись,—смѣясь замѣтилъ Максимъ.—Кстати же старикъ сегодня заѣдетъ къ намъ домъ торговать.

— Чортъ ее возьми!—мрачно проговорилъ Данила.

— А вѣдь это произвело бы отличный эффектъ,—продолжалъ шутливо Максимъ, начиная умываться.—Племянникъ Платона Николаевича Баскакова женится на дочери его бывшаго крѣпостного! Бывшій соперникъ Аркадія Пав-

ловича подцѣпляетъ невѣсту съ сотнею тысячъ приданаго! Было бы съ чего лопнуть отъ зависти!

Данила остановился передъ Максимомъ и съ грознымъ видомъ упеpъ руки въ бока.

— Да ты что же, издѣваешься надо мной, что ли?— пробормоталъ онъ, сдвинувъ брови.

Максимъ поднялъ отъ умывальника мокрое лицо, откинулъ назадъ свалившіеся внизъ волосы и взглянулъ на брата. Данила Павловичъ, несмотря на свой мрачный и грозный видъ, смотрѣлъ очень комично и въ то же время жалко.

— Нѣтъ, я не шучу,—отвѣтилъ Максимъ.—Вѣдь тебѣ все равно, на комъ жениться?

— Вовсе не все равно!—хмуро отвѣтилъ Данила, опять зашагавъ по комнатѣ.—Мнѣ скоро жрать будетъ нечего.

— Ну, положимъ, что это неправда: ты получишь наслѣдство.

— Пять-шесть тысячъ! А у меня до трехъ тысячъ долгу.

— До трехъ тысячъ!—съ удивленіемъ воскликнулъ Максимъ.

— Ну да!—угрюмо и отрывисто подтвердилъ Данила.— Ну, отдамъ долги, проживу остальные гроши, а дальше что? Продолжать военную службу? Изъ какихъ средствъ? Жалованья мало, надо или жить впроголодь, или лѣзть въ долги, а я голодать, да гроши разсчитывать не умѣю.

— Поучись!

— Хорошо тебѣ говорить: поучись! А ты побылъ бы въ моей шкурѣ!.. Занесетъ тебя въ какое-нибудь чортово болото, гдѣ жидъ жида погоняетъ да не одного порядочнаго дома нѣтъ; тогда и узнаешь, каково жить... Языкъ проглотишь, потому поговорить не съ кѣмъ... Скучища одолѣваетъ, ну и пьянствуешь съ феями или направо, налѣво перекидываешь, а это все денегъ стоитъ, денегъ... А гдѣ ихъ взять?.. На наше жалованье и съ расчетомъ-то нельзя жить.

— Такъ перемѣни службу, займись чѣмъ-нибудь другимъ,—посовѣтовалъ Максимъ.

— Чѣмъ это? Землю пахать, что ли? И того не умѣю.

Данила еще шумнѣе заходилъ по комнатѣ.

— Ничему не учили, ни къ чему не подготовили,—сердито ворчалъ онъ.—Шагистикѣ научили, а на что она нужна? Да это что! Пусть бы была не нужна, да доходъ приносила. А то и того нѣтъ. Ты посчитай, что получаетъ лакей у богатаго барина, такъ и увидишь, что онъ больше меня имѣетъ. Ты вотъ говоришь: перемѣни службу. А что я умѣю дѣлать? Ничего. Писаремъ не могу быть. Вонъ

тамъ ѣ, говорятъ, надо ставить. А гдѣ ее, чортову перечницу, писать—почему я знаю? Да и почеркъ-то у меня, какъ у лавочника.

— Учился ты, братъ, плохо,—вздохнулъ Максимъ.

— Врешь!—перебилъ его Данила.—Не учился плохо, а учили плохо! Всѣхъ насъ, бурбоновъ стараго времени, на одну колодку болванили. Теперь вонъ реформы пошли, а прежде кто о насъ думалъ?

Данила замолчалъ.

— Надзирателемъ бы мнѣ какимъ-нибудь быть. Скулы умѣю сворачивать,—проворчалъ онъ черезъ минуту.

Онъ шумно сѣлъ къ окну и началъ барабанить пальцами по стеклу.

— Да, дѣйствительно, тебѣ только и остается, что женитьба на какой-нибудь Гущиной,—проговорилъ Максимъ: чтобы не поколѣть съ голода.

— На Гущиной, на Гущиной!—сердито повторилъ Данила.—Такъ и отдадутъ ее за меня.

— А, такъ вотъ вопросъ-то въ чемъ!—воскликнулъ Максимъ.—Даже бывшій крѣпостной дяди не согласится отдать дочь за сына своихъ старыхъ господъ. Да, это трагическое положеніе...

Въ эту минуту къ дому подкатили дрожки.

— Вонъ, легокъ на поминѣ,—проговорилъ Данила.

— Кто это?—спросилъ Максимъ.

— Все онъ же, Гущинъ.

— А!.. Братья внизу?

— Нѣтъ, уѣхали туда...

— Куда «туда»?

— Да все туда же, къ Платону Николаевичу.

— Надо, значитъ, намъ принять старика,—рѣшилъ Максимъ и, взявъ подъ руку Данилу, шутливо добавилъ:—Пойдемъ представляться будущему родственнику.

Молодые люди встрѣтили Гущина уже на лѣстницѣ, услыхавъ его голосъ.

— Ишь ты какою старою крысою стала,—говорилъ старикъ Настасьѣ.—Господа-то дома?

— Дома, дома, отозвался сверху лѣстницы Максимъ.

— А, это ты, Максимъ Павловичъ,—узналъ его Гущинъ по голосу и сталъ подниматься наверхъ.—Ну, вотъ и заѣхалъ посмотрѣть ваши палаты.

— Не заплутайтесь въ нихъ, велики!—засмѣялся Ма

ксимъ и пригласилъ посѣтителя въ столовую.—Прежде всего не хотите ли чаю,—я еще и самъ не пилъ.

— Что же, пожалуй,—согласился старикъ и, пройдя въ уголъ своею грузною, твердою поступью, бережно положилъ на стулъ шляпу и поставилъ около него палку.—У меня одинъ зарокъ, что не ѣмъ живыхъ сорокъ, а отъ чаю и подавно не откажусь.

— Всѣ трое усѣлись около стола, на которомъ уже шумѣлъ самоваръ и былъ заваренъ въ чайникѣ чай.

— А ты, Данила Павловичъ, все по военной еще идешь?—спросилъ старикъ, наливая на блюдечко чай.

— Да, по военной,—отвѣтилъ Данила.

— Вотъ хочетъ къ вамъ въ надзиратели какіе-нибудь проситься,—засмѣялся Максимъ.—Горло, видите, у него широко и кулаки здоровы.

— Что же, мы съ нашимъ удовольствіемъ, намъ такихъ требуется,—тихо засмѣялся старикъ и тотчасъ же принялъ серьезный тонъ.—А вѣдь и точно, это ты правду сказалъ, что надзиратели намъ нужны съ широкой глоткой, да здоровыми кулаками, а то съ народомъ справы нѣтъ. Вѣдь намъ народу-то много нужно по теперешнему времени, а гдѣ ты его возьмешь? Ну, и берешь кого попало, кого съ борка, а кого и съ сосенки. Идетъ это къ намъ или проходимецъ безпардонный, или голь перекатная, лыкомъ подпоясанная. И возишься, возишься ты съ ней, такъ что голова кругомъ пойдетъ. Недавно вотъ у меня бунтъ затѣяли.

Собесѣдники помолчали.

— А ужъ я было и не хотѣлъ заѣзжать къ вамъ,—вдругъ заговорилъ старикъ, ставя на столъ пустое блюдечко.

— А что?—спросилъ Максимъ.

— Да сердиться бы мнѣ на всѣхъ васъ надо.

— Что такъ?

— Говорилъ я тебѣ, что обидѣлъ меня дядя-то вашъ, Платонъ Николаевичъ, и ужъ какъ обидѣлъ, такъ это я и описать не могу.

Старикъ вынулъ пестрый платокъ и отеръ имъ нѣсколько вспотѣвшее лицо.

— Лѣсъ я у него хотѣлъ купить,—продолжалъ онъ, аккуратно свертывая платокъ въ клубокъ и обращаясь къ Данилѣ Павловичу.—Знаешь «Вавиловскую рощу»? Вотъ ее-то самую я и хотѣлъ приторговать. Она мнѣ и сподручна, и нужна. То-есть вотъ какъ нужна!—проговорилъ онъ, проводя рукой по горлу.—Ну, поѣхалъ я къ нему, думаю, по-

ладимъ, потому она все равно у него втуне стоитъ, и въ вавиловское имѣніе онъ никогда и не заглядываетъ, хоть и подъ бокомъ оно у него. Да и мужики лѣсъ-то зря разоряютъ. Ни за грошъ, ни за денежку изведутъ. Пріѣхалъ, говорю лакею: доложи, по дѣлу, молъ. Раздѣваюсь это въ передней, чтобы въ залъ пройти, вдругъ выходитъ Дормидонтъ, дядюшки-то вашего Платона Николаевича камердинеръ, и говоритъ: «приказали здѣсь подождать»,—это въ передней-то!

Старикъ перевелъ духъ.

— А вѣдь я и въ медаляхъ пріѣхалъ,—постучалъ онъ кулакомъ по столу:—вѣдь это мнѣ царь жаловалъ! И въ передней! Да я съ губернаторами за однимъ столомъ обѣдывалъ; у меня въ залѣ генералы меня ждать станутъ, если имъ нужно, да когда я дѣломъ занятъ. А онъ—въ передней! Все нутро у меня повернулось, потому что не мало я обиды и прежде отъ него вынесъ, да забылъ только это время-то. И не будь мнѣ нужна эта «Вавиловская роща», такъ я бы, кажется, наплевалъ бы у него въ этой самой передней и не заглянулъ бы болѣе въ нее.

Максимъ улыбнулся.

— А ужъ, видно, «Вавиловская-то роща» очень приглянулась?—шутливо замѣтилъ онъ.

— Такъ вѣдь ты пойми, что за «Вавиловскую-то рощу» я далъ бы ему много-много двадцать тысячъ, а при моихъ дѣлахъ она мнѣ сто тысячъ сберегла бы,—горячо пояснилъ старикъ.—Ну, нечего дѣлать: жду. Жду четверть часа, жду полчаса, наконецъ-то, слава тебѣ Господи, вышелъ онъ. «Какое, говоритъ, у тебя до меня дѣло?» Такъ и такъ говорю, «Вавиловскую рощу» не продадите ли? «Это тебѣ-то, говоритъ, продать родовой лѣсъ? Моему бывшему мужику-то? Да ты, вѣрно, на старости лѣтъ рехнулся!» «Нѣтъ, говорю, Богъ еще миловалъ. А деньги-то все равно царскія, изъ какихъ рукъ ихъ ни получать». «Деньги, деньги, сталъ это онъ кричать, точно бѣсноватый.—Вы, аршинники, алтынники, думаете, что за деньги все можно купить. Наворовали, награбили, а теперь хотите родовыя имѣнія скупать! Да если бы ты мнѣ все свое состояніе отдалъ, такъ я тебѣ бы одной квадратной сажени изъ «Вавиловской рощи» не продалъ бы!» Да какъ пошелъ, какъ пошелъ чесать, такъ и удержу ему нѣтъ. Чего-чего ни наговорилъ...

Старикъ снова вытащилъ платокъ и усиленно сталъ отирать лицо.

— Посчитались,—односложно проговорилъ онъ, переводя духъ.

— Въ долгу тоже не остались?—засмѣялся Максимъ.

— Ничего. Господь Богъ еще милуетъ, языка не отнимаетъ,—усмѣхнулся старикъ.—Да, а ужъ и сердитъ я теперь на него. Вѣдь, помню, на конюшнѣ онъ меня мальчишкой наставлялъ, оброкъ потомъ требовалъ такой, что я, иной разъ, послѣдній грошъ отдавалъ,—а все ничего, не злобствовалъ на него такъ, какъ теперь. Да я, кажется, лишнихъ десяти тысячъ не пожалѣлъ бы тому дать, кто мнѣ обдѣлалъ бы это дѣло,—вотъ какъ!

— Вотъ, Данила, возьмись за это дѣло, деньги будутъ,—засмѣялся Максимъ, обращаясь къ брату.

— Ну да, такъ онъ и послушаетъ меня!—хмуро отвѣтилъ Данила.

— Однако, я заболтался, домъ-то осмотрѣть бы надо,—проговорилъ старикъ, смотря на свои большіе и тяжеловѣсные золотые часы.

— Что-жъ, пойдемте,—согласился Максимъ.

Всѣ трое встали и пошли осматривать домъ.

— Ничего, чистенько,—замѣтилъ Гущинъ, проходя по комнатамъ.

— Мать только-что передъ смертью отдѣлала его заново,—пояснилъ Данила.

— Чудачка была покойница, не тѣмъ будь помянута,—произнесъ Гущинъ, усмѣхаясь.—Въ такія времена и отдѣлывать дома въ этакой глуши—деньги только на вѣтеръ бросать.

— Около трехъ тысячъ поправки стоили,—пояснилъ Данила.

— Ишь ты, какъ разъ то, что я дамъ за него,—съ ироніей замѣтилъ старикъ.

— Ужъ не много ли даете?—засмѣялся Максимъ.—Можетъ-быть, въ убытокъ будетъ?

— А то сколько же? Мы, пожалуй, и сбавимъ,—пошутилъ Гущинъ.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сколько за домъ хотите?

— Мы, право, не знаемъ безъ старшаго брата,—отвѣтилъ Максимъ.

— Четыре тысчонки я дамъ, а больше—ни-ни,—промолвилъ Гущинъ.

— Ну, за эти деньги братъ едва ли отдастъ домъ,—сказалъ Максимъ.—Онъ далеко дороже стоитъ.

— Что говорить, что говорить!—возразилъ со вздохомъ старикъ.—Маменька ваша, поди, не одинъ десятокъ тысячъ

оброчныхъ денегъ убила на этотъ домъ, да вонъ на эти пристроечки, балкончики, куртинки,—доходы-то вѣдь изъ года въ годъ изъ деревни получались. Ну, а теперь никто и двухъ тысячъ за него не дастъ.

— А вы четыре по добротѣ сердечной даете?—шутливо спросилъ Максимъ.

— Не по добротѣ, а пригоденъ онъ мнѣ по мѣсту, ну и даю четыре,—спокойно отвѣтилъ Гущинъ.—А кому же другому нуженъ домъ на краю города? Ни трактира въ немъ, ни торговли не заведешь.

— Для житья кто-нибудь купитъ,—замѣтилъ Максимъ.

— Да съ чего же это кто-нибудь будетъ въ эту трущобу забираться? И въ городѣ есть довольно домовъ. Нѣтъ, я даю самую подходящую цѣну, другіе и того не дадутъ. Вы поговорите съ братомъ. А мнѣ пора!

Гущинъ сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Развѣ ужъ если брата на службу примете, такъ похлопочемъ,—шутливо замѣтилъ Максимъ.

— Хорошо, хорошо!—въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Гущинъ.

— А я, не шутя, взялъ бы у васъ мѣсто, если бы нашлось,—проговорилъ Данила.

— Ну что-жъ, ты не шутя, я не шутя. вотъ оно и пойдетъ всерьезъ. Ты, ваше благородіе, въ военной-то за мундиръ мало, поди, получаешь?—съ ироніей спросилъ старикъ.

— Да, не много,—отвѣтилъ Данила.

— Ну, а у насъ пощедрѣй платятъ; оно и выходитъ, что нѣтъ никакого резонта въ военной служить, когда можно у насъ пристроиться. Ты заходи ко мнѣ: поговоримъ. Въ передней не заставлю ждать, какъ дядюшка твой, Платонъ Николаевичъ.

Старикъ произнесъ послѣднюю фразу не безъ ехидства. Видно было, что Платонъ Николаевичъ задѣлъ его за живое. Онъ пожалъ руки молодымъ людямъ и сѣлъ на свои дрожки. Кровный рысакъ быстро понесъ его по пыльной дорогѣ.

— Шкуру овечью носитъ,—проговорилъ Данила:—а продувная бестія.

— Да, а все-таки вѣдь и у этой бестіи хорошо бы заполучить теплое мѣстечко?—улыбнулся Максимъ.

— Времена, братъ, такія, что и кошкѣ поклонишься въ ножки.

XIX.

По отъѣздѣ Гущина Данила Павловичъ нѣсколько разве-

селился и, широкими шагами ходя изъ угла въ уголъ, началъ предаваться радужнымъ надеждамъ насчетъ своего опредѣленія на строящуюся желѣзную дорогу. По своей живой и подвижной натурѣ онъ былъ способенъ увлекаться самыми несбыточными мечтами. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много родственнаго сходства съ Александромъ Николаевичемъ Баскаковымъ. Мечтая о мѣстѣ, онъ то посылалъ къ чорту свою настоящую службу, то заливался смѣхомъ, представляя себѣ, какъ будетъ скандализованъ дядя Платонъ Николаевичъ, узнавъ, что его племянникъ тутъ же въ городѣ служитъ у его бывшаго крѣпостного, то начиналъ строить планы насчетъ возможности обольстить дочь Гущина и жениться на этой «деревянной колодѣ», на этой «пшеничной булкѣ». Во всемъ этомъ было много чего-то дѣтскаго, ребяческаго, и въ то же время высказывалось стремленіе добиться возможности «пожить», не разбирая никакихъ средствъ, которыми купится эта возможность.

Максимъ слушалъ довольно равнодушно и разсѣянно всѣ эти изліянія и все болѣе и болѣе задумывался о предстоящемъ свиданіи. Ему, наконецъ, надоѣла болтовня брата, и онъ выбрался изъ дому довольно рано, рѣшившись пройти пѣшкомъ до Ольховатаго.

Несмотря на то, что до Ольховатаго было слишкомъ семь верстъ, несмотря на то, что онъ шелъ неторопливо, онъ пришелъ очень рано къ назначенному мѣсту. Прудъ въ паркѣ Платона Николаевича находился недалеко отъ барскаго дома, въ довольно глухомъ и тѣнистомъ мѣстѣ. Сюда рѣдко заходилъ кто-нибудь изъ барскаго дома, и Максимъ могъ быть совершенно спокоенъ, что его никто не увидитъ здѣсь. Онъ легъ на берегу пруда, подъ густою тѣнью старой липы, и закурилъ папиросу, мечтая о томъ, что уяснитъ ему и какіе плоды принесетъ этотъ вечеръ. Дуня дѣлалась для него все болѣе и болѣе загадкой. Онъ видѣлъ, онъ угадывалъ, что она любитъ его, но онъ не понималъ, почему она какъ будто боится сказать послѣднее, желанное слово.

Въ домѣ же Платона Николаевича произошли въ этотъ день неожиданныя для многихъ сцены. Платонъ Николаевичъ всталъ въ этотъ день довольно рано и во время утренняго кофе, украсивъ при помощи камердинера парикомъ свою совершенно голую, какъ ладонь, голову, велѣлъ «попросить» къ себѣ Аделаиду Александровну. Въ ожиданіи ея онъ, что-то обдумывая, прошелся по комнатѣ, и по его лицу нѣсколько разъ скользнула довольная усмѣшка. Онъ впередъ

наслаждался тѣмъ, что онъ «поразитъ» Адель неожиданностью. Дѣлать «сюрпризы», выкидывать никѣмъ не предвидѣнныя штуки было однимъ изъ величайшихъ наслажденій для Платона Николаевича, и ничто не могло его такъ разсердить, какъ неудача въ этомъ отношеніи. Этой страсти во дни крѣпостного права не разъ были обязаны его дворовые своимъ освобожденіемъ отъ наказанія; онъ иногда приказывалъ черезъ пять или шесть дней отправить въ такой-то часъ на конюшню ту или другую бабу, того или другого мужика, заставлялъ всю дворню собраться смотрѣть на наказаніе, приказывалъ принести орудія наказанія, раздѣть виновнаго и положить на козлы, на которыхъ совершались исправленія, и доложить ему, что все готово. Приказаніе исполнялось въ точности, всѣ были ни живы, ни мертвы, ожидая начала казни, и вдругъ Платонъ Николаевичъ объявлялъ:

— Остановить наказаніе и отпустить подлеца!

Впечатлѣніе выходило изумительное и иногда даже вызывало толки о великодушіи Платона Николаевича.

Теперь ему тоже предстояло насладиться впечатлѣніемъ подготовленнаго имъ сюрприза, и онъ былъ доволенъ. Минутъ черезъ пять явилась и Адель, всегда державшаяся чинно и серьезно при дядѣ. Она поцѣловала его руку и сдѣлала обычный въ этихъ случаяхъ вопросъ:

— Вы звали меня, mon oncle?

— Да, мнѣ нужно поговорить съ тобой,—отвѣтилъ дядя и, помѣстившись съ своихъ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, указалъ ей на стулъ.

Взглянувъ пристально на племянницу, онъ неторопливо началъ:

— У тебя является женихъ.

— Да, дядя,—спокойно отвѣтила Адель.—Это такъ неожиданно...

Эффекта никакого не произошло.

— А ты развѣ уже знаешь объ этомъ?—удивился дядя и сдвинулъ свои густыя брови.

— Онъ вчера просилъ моей руки.

Дядя нахмурился еще болѣе; онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, что его племянникъ могъ попросить руки Адели раньше, чѣмъ переговорилъ съ нимъ. Но, можетъ-быть, послѣ? Да нѣтъ, для чего же ему было соваться не въ свое дѣло? Платонъ Николаевичъ начиналъ сердиться не на шутку. Это не ускользнуло отъ вниманія Адели, и она покраснѣла, угадывая отчасти причину недовольства дяди.

— И что же вы ему отвѣчали съ?—уже насмѣшливо спросилъ дядя ядовитымъ тономъ и заигралъ серебряной табакеркой.

— Я... я, дядя...

Адель остановилась. Ее оскорбляло, что дядя, повидимому, хотѣлъ безъ ея воли распоряжаться ея судьбой, и въ то же время она боялась испортить дѣло прямымъ отвѣтомъ. Она уже давно привыкла хитрить съ старикомъ, какъ съ нимъ хитрили всѣ. Гордость и страхъ боролись въ ней въ эту минуту. Дядя, между тѣмъ, молчалъ и тихо повертывалъ между большимъ и указательнымъ пальцами табакерку, подталкивая ее среднимъ пальцемъ и постукивая ея углами о ручку креселъ. Онъ уже злорадно любовался смущеніемъ племянницы, которою былъ недоволенъ и которую готовъ былъ теперь помучить.

— Данила, дядя, можетъ быть добрымъ мужемъ, — наконецъ, уклончиво отвѣтила она.

Старикъ широко открылъ глаза.

— Данила?—переспросилъ онъ, въ свою очередь, пораженный неожиданнымъ сюрпризомъ.

— Да,—отвѣтила Адель.

— Данила? Ха-ха-ха! — залился смѣхомъ старикъ.—Эта винная бочка, этотъ бурбонъ, этотъ трактирный гуляка, этотъ бреттеръ, выродившійся въ площаднаго дракуна, можетъ быть добрымъ мужемъ! Ха-ха-ха!

Краска еще сильнѣе бросилась въ лицо Адели. Она растерялась.

— Я надѣюсь,—начала она:—я надѣюсь, что онъ перемѣнится, я буду стараться повліять на него.

Дядя пристально взглянулъ на нее.

— Да, повліять,—проговорилъ онъ, дѣлая сильныя ударенія на словахъ.—Хочется имѣть мужа подъ башмакомъ, объѣздить его, водить на кордѣ... Это недурно обдумано. Отчего же и не имѣть хоть одного крѣпостного холопа, если можно... Другой мужъ потребуетъ повиновенія. А этотъ глупъ, выдержки нѣтъ, характера нѣтъ! Имъ управлять легко!

Адель глядѣла въ сторону. Дядя угадывалъ ея мысли и безпощадно выводилъ ее на свѣжую воду.

— Ты вѣдь именно это думала?—спросилъ онъ, не довольствуясь однимъ ея смущеніемъ и требуя положительнаго отвѣта.

— Я думала...—начала Адель.

— Я тебя спрашиваю, такъ ли ты разсчитывала?

— Да,—глухо отвѣтила Адель и прямо взглянула на дядю. Въ ея глазахъ блеснуло какое-то недоброе выраженіе.

Дядя небрежно опять началъ постукивать табакеркой.

— А я тебѣ приготовилъ совершенно другого жениха,— отчетливо и неторопливо заговорилъ онъ, торжествуя, что сюрпризъ все-таки удался.—Твоей руки проситъ Аркадій...

Адель удивилась, смутилась, но молчала. Ея самолюбіе было сильно оскорблено тѣмъ, что Аркадій не счелъ нужнымъ предварительно переговорить съ нею. Она понимала, что полуньяный Данила Павловичъ поступилъ честнѣе и лучше.

— Правда, у Аркадія тяжелый, настойчивый и упрямый характеръ,—продолжалъ дядя.—Его подъ башмакъ трудно взять. Онъ, кромѣ того, и пожилъ, и едва ли способенъ на страстную любовь. Данила въ этомъ отношеніи, можетъ-быть, былъ бы лучшимъ мужемъ.

Адель ничего не отвѣчала. Она боялась испортить дѣло выраженіемъ своего мнѣнія, зная, что дядя дѣлаетъ всегда то, чего не желаютъ другіе. Но онъ уже былъ раздраженъ и наслаждался мученіемъ своей жертвы.

— Что же ты молчишь? Какое твое мнѣніе?—спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется,—проговорила она:—что Данила въ сущности добрый человѣкъ, Аркадій же...

— Да. Жаль только, что у Данилы нѣтъ ни гроша за душой и что онъ не умѣетъ свести концы съ концами даже при холостой жизни,—перебилъ ее старикъ.—Впрочемъ, если бы у него что-нибудь и было, то онъ промоталъ бы все. Дать ему въ руки деньги—значитъ бросить ихъ въ огонь. Я, по крайней мѣрѣ, не далъ бы ему ни гроша, ни одного гроша! Конечно, ты, можетъ-быть, изъ любви къ нему перенесла бы лишенія? Ты даже, можетъ-быть, надѣешься, что голодъ научитъ тебя трудиться, какъ вчера говорилъ Максимъ Павловичъ?

Платонъ Николаевичъ насмѣшливо наслаждался смущеніемъ молодой дѣвушки, едва скрывавшей душившую ее злобу. Въ эту минуту оба эти лица были достойны кисти художника. Старикъ продолжалъ допросъ:

— Что же ты думаешь насчетъ этого брака?

Адель понимала, что ей нечего и думать о замужествѣ съ Данилой Павловичемъ. Будущее, полное лишеній, пугало ее. Но сознаться дядѣ, что она готова бы была выйти за Данилу Павловича только въ томъ случаѣ, если бы дядя далъ ей приличное приданое, она не могла. Она не отвѣчала, но старикъ не отставалъ.

— Ты скажи мнѣ откровенно,—говорилъ онъ.—Ты сказала, что онъ добрый малый; ты, можетъ-быть, уже обѣщала ему? Я тебя не стану ни въ какомъ случаѣ приневоливать. Выходи, если хочешь, за него.

— Я за него не пойду, — глухо отвѣтила молодая дѣвушка, опуская въ землю глаза.

— Да, я такъ и думалъ, — проговорилъ старикъ. — Конечно, чтобы выйти за него безъ денегъ, нужна недюжинная энергія, нужна твердая сила воли. А что же ты думаешь насчетъ Аркадія?

— Я, право, не знаю,—прошептала Адель.

— Ты его не любишь? Или, можетъ-быть, тебя оскорбляетъ, что онъ, не спросивъ тебя, обратился ко мнѣ?

— Я не ожидала его предложенія.

— Разумѣется, ты можешь бояться и его характера. Но я, признаюсь, думалъ, что это была бы не дурная партія. Аркадій женится не безъ расчета. За тобой я могу дать хорошее приданое. Самъ онъ не богатъ, и потому онъ зависѣлъ бы отъ тебя. Это дало бы возможность заставить его дѣлать то, что угодно тебѣ.

Адель была не въ силахъ вдругъ согласиться на эту сдѣлку, и въ то же время она только теперь вполнѣ ясно почувствовала потребность поскорѣе вырваться изъ этого дома, избавиться зависимости отъ дяди.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся,—продолжалъ дядя.— Если ты не хочешь идти за него, оставимъ этотъ разговоръ. Ну, такъ какъ же?

Адель тихо проговорила:

— Я согласна.

— Ну, наконецъ-то! — ядовито усмѣхнулся старикъ. — Я такъ и ожидалъ, давая слово Аркадію. Я зналъ, что ты прямо смотришь на вещи и дѣлаешь то, что выгоднѣе. Я за тобой отдамъ «Вавиловское имѣніе». При хорошемъ хозяйствѣ оно принесетъ хорошій доходъ, и, такимъ образомъ, ты не будешь зависѣть отъ мужа.

Адель сочла нужнымъ поцѣловать руку дяди. Она соглашалась выйти замужъ не по любви, она взвѣсила всѣ дурныя и хорошія стороны этого брака, она пришла къ заключенію, что ей будетъ лучше въ замужествѣ. Среди этихъ расчетовъ ни на минуту не пришелъ ей въ голову вопросъ, будетъ ли счастливъ съ нею Аркадій Павловичъ. Но въ этомъ случаѣ она только платила жениху его же монетою, такъ какъ и онъ, сватаясь за нее, менѣе всего думалъ о ея счастьѣ.

— Ну, теперь пойдемъ объявлять новость компаніи,—уже совсѣмъ довольнымъ тономъ произнесъ старикъ.

Адель послѣдовала за нимъ.

Платонъ Николаевичъ и Адель молча миновали голубую гостиную и бѣлый залъ и, не заглядывая на террасу, прошли въ желтую гостиную, такъ какъ тамъ раздавался громкій голосъ Александра Николаевича. Дымя сигарою и шагая изъ угла въ уголъ крупными шагами, Александръ Николаевичъ, въ красивомъ пиджакѣ и небрежно завязанномъ галстукѣ, оживленно ораторствовалъ о политикѣ, высказывая свои глубокомысленныя соображенія о хитростяхъ Наполеона III и новомъ раздѣленіи Европы, къ которому, по его мнѣнію, стремится честолюбивый Бонапартъ. Сестра Серафима сидѣла у открытаго окна въ креслѣ и безмолвно вязала шерстяной шарфъ. Ея лицо выглядѣло сурово, какъ оно выглядѣло обыкновенно въ тѣ минуты, когда она оставалась одна и обдумывала свои сложные планы. Она, повидимому, не только не слушала политическихъ воззрѣній дяди, но даже не обращала вниманія на его присутствіе. Сдвинувъ брови и пристально смотря на вязанье, она иногда опускала шарфъ и прекращала работу; потомъ, слегка пожавъ плечами или покачавъ головой, она опять принималась за вязанье, еще быстрѣе шевеля спицами.

— Представляю вамъ невѣсту,—раздался громкій голосъ Платона Николаевича въ минуту самыхъ жаркихъ разсужденій Александра Николаевича.

Александръ Николаевичъ оборвался на полусловѣ и остановился; сестра Серафима опустила вязанье, и по ея лицу скользнула радостная улыбка.

— Ба, это сюрпризъ! — воскликнулъ Александръ Николаевичъ.

— Аркадій просилъ ея руки, и она согласна,—пояснилъ Платонъ Николаевичъ.

— Я такъ и ожидалъ, такъ и ожидалъ!—оживился Александръ Николаевичъ.

— Вы всегда все угадываете, mon frère, — иронически усмѣхнулся Платонъ Николаевичъ.—У васъ замѣчательная проницательность.

— Опытность, опытность!—пожалъ плечами Александръ Николаевичъ, словно извиняясь за свою догадливость. — Что-жъ, я очень радъ, очень радъ, если ты его любишь.— обратился онъ къ дочери.

— А я боялся, что вы не согласитесь,—тѣмъ же тономъ вставилъ Платонъ Николаевичъ.

— Вы знаете, mon frère, что я держусь принципа невмѣшательства въ дѣла дѣтей, а тѣмъ болѣе въ ихъ сердечныя дѣла, — проговорилъ Александръ Николаевичъ и, поцѣловавъ дочь въ голову, сказалъ:—Ну, дай Богъ, чтобы ты была счастлива. Аркадій человѣкъ съ будущимъ.

— Поздравляю тебя, это хорошая партія, — произнесла сестра Серафима и поцѣловала подошедшую къ ней Адель.

— Я васъ попрошу, mon frère, сходить къ попу и сказать ему, что мы поторопимся свадьбой, — обратился Платонъ Николаевичъ къ брату. — Я не знаю, въ какомъ положеніи у него вѣнцы. Все это у нихъ держится неряшливо. Старъ ужъ отецъ Иванъ, пора бы ему на отдыхъ. Еще вчера я замѣтилъ, что въ церкви пыль. Иконостасъ не могли почистить къ такому дню, какъ вчерашній праздникъ. Распорядитесь, осмотрите.

— Хорошо, хорошо, будьте покойны, я все осмотрю, — промолвилъ Александръ Николаевичъ, крайне довольный даннымъ ему порученіемъ, и направился къ дверямъ.

Адель послѣдовала за нимъ. Ей хотѣлось поскорѣй остаться одной. Еще впервые ей приходилось переживать тяжелую внутреннюю борьбу. До сихъ поръ она довольно равнодушно смотрѣла на Аркадія и, можетъ-быть, такъ же равнодушно пошла бы за него замужъ, какъ за каждаго другого жениха, если бы ее не оскорбило поведеніе Аркадія. Ей было обидно, что онъ не счелъ нужнымъ переговорить предварительно съ ней, что онъ такъ явно безцеремонно отнесся къ женитьбѣ, какъ къ коммерческой сдѣлкѣ, и призналъ нужнымъ переговорить только съ тѣмъ, отъ кого зависѣли матеріальныя условія брака.

Едва она удалилась изъ комнаты, какъ Платонъ Николаевичъ хотѣлъ тоже уйти въ свой кабинетъ. Но сестра Серафима, опустивъ вязанье на колѣни и зорко слѣдя за движеніями дяди, спросила его:

— Вы не боитесь, дядя, что эта свадьба можетъ разстроиться?

— Что?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Какъ это она можетъ разстроиться?

— Мнѣ кажется, что Максимъ, въ свою очередь, желаетъ жениться на Дунѣ,—пояснила сестра Серафима:—а двумъ братьямъ нельзя жениться на двухъ сестрахъ. Вѣдь они и безъ того близкіе родные Адели и Дунѣ.

Платонъ Николаевичъ презрительно улыбнулся.

— Мало ли кто чего желаетъ! — отвѣтилъ онъ. — Я бы вотъ желалъ китайскимъ императоромъ сдѣлаться...

— Да, исполненіе этого желанія нѣсколько труднѣе, чѣмъ исполненіе желаніе Максима, — сухо и небрежно замѣтила сестра Серафима. — Узнавъ о предстоящемъ бракѣ Адели, Максимъ можетъ предупредить васъ.

— Кто же ему позволитъ? Кто его вѣнчать станетъ? — загорячился Платонъ Николаевичъ.

— Ну, позволенья-то Максимъ едва ли будетъ спрашивать, а попъ найдется, чтобы повѣнчать ихъ. Впрочемъ, можетъ-быть, сдѣлается еще что-нибудь худшее. Можетъ-быть, вы сами будете желать брака Максима и Дуни.

— Я?

— Да. Вы, вѣроятно, поняли, что за человѣкъ Максимъ. Онъ можетъ поставить дѣло такъ, что его бракъ сдѣлается дѣломъ чести...

— Что мнѣ за дѣло до его чести!—воскликнулъ Платонъ Николаевичъ.

Сестра Серафима слегка пожала плечами.

— Вы забываете, что съ его честью и съ честью Дуни довольно тѣсно связана ваша собственная честь, честь вашей фамиліи,—замѣтила она. — Если у воспитанной вами, живущей въ вашемъ домѣ племянницы будетъ...

Сестра Серафима сдвинула брови и остановилась на минуту, глядя на ходившаго въ озлобленіи Платона Николаевича.

— Впрочемъ, не мнѣ давать вамъ совѣты,—тихо и смиренно проговорила она.—Мнѣ только стало горько, что въ наше и безъ того тяжелое время семейные раздоры до того помутили у всѣхъ умы, что мы перестаемъ даже стыдиться, когда близкіе намъ люди протаскиваютъ по грязи наши родовыя, честныя имена.

Сестра Серафима принялась заботливо свертывать шарфъ и, повидимому, хотѣла удалиться. Платонъ Николаевичъ нахмурился еще сильнѣе.

— Вы забываете, что у меня есть еще прислуга, которая можетъ выгнать въ шею этого господина при первомъ его появленіи. Вы забываете, что я могу запереть за десять замковъ эту дѣвчонку и лишить ее всякой возможности наложить пятно на нашу фамилію.

Сестра Серафима встала и холоднымъ, зловѣщимъ тономъ проговорила:

— Дай Богъ, чтобы наемные холопы сумѣли спасти отъ пятна фамильную честь и чтобы ихъ холопскіе языки не загрязнили репутаціи вашей воспитанницы той грязью, о которой ей, быть-можетъ, еще и не снилось.

Сестра Серафима, склонивъ смиренно голову, направилась къ дверямъ.

— Куда вы?—крикнулъ ей Платонъ Николаевичъ.—Что у васъ за манера? Начинаете разговоръ и не кончаете!

— Я, дядя, не напрашиваюсь ни къ кому въ совѣтницы, и прежде всего избѣгаю случаевъ раздражать кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе васъ, — отвѣтила она покорно и кротко.—Вы находите глупыми мои предположенія, вы полагаете, что можно ввѣрить фамильную честь Баскаковыхъ нескромности наемныхъ холоповъ, вы...

Платонъ Николаевичъ въ бѣшенствѣ топнулъ ногой. Онъ не выносилъ этого, повидимому, невозмутимаго, но въ сущности ядовитаго тона сестры Серафимы.

— Ну, что еще я? Что еще я дѣлаю? Ну? — закричалъ онъ, сжимая кулаки.

— Вы готовы прибить меня за то, что я такъ смотрю на вещи, какъ въ старые годы обыкновенно смотрѣли всѣ наши, и, главнымъ образомъ, вы сами, — твердо и ровно проговорила сестра Серафима и вышла изъ комнаты.

Она слышала, какъ сзади ея раздался громъ далеко не приличныхъ ругательствъ, какъ хлопнулся объ полъ какой-то стулъ, какъ загремѣли послѣдовательно всѣ двери тѣхъ комнатъ, черезъ которыя несся въ свой кабинетъ Платонъ Николаевичъ, но она только улыбнулась едва уловимой иронической усмѣшкой.

— Теперь изъ него хоть веревки вей!—проговорила она почти вслухъ, проходя въ свою комнату черезъ небольшую прихожую, въ которой за ширмами, стянувъ въ трубочку тонкія губы и потупивъ лукавые глаза, спѣшно вязала грязный чулокъ сестра Дороѳея.

Эта неизбѣжная спутница сестры Серафимы была когда-то дворовою дѣвкою Баскаковыхъ, потомъ поступила въ монастырь и по волѣ игуменьи вездѣ сопровождала сестру Серафиму. Дороѳея по своей грубой, костлявой фигурѣ, по своему смуглому, скуластому лицу напоминала скорѣе мужчину, чѣмъ женщину. Она ходила въ монашеской одеждѣ, но въ ней попрежнему билось сердце крѣпостной дворовой дѣвки, любимой наушницы барыни и первой ненавистницы всей остальной дворни.

— Укладывай вещи,—сухо проговорила сестра Серафима, проходя мимо нея.

— Развѣ мы, матушка, сегодня ѣдемъ?—спросила Дороѳея, вскинувъ испуганно свои бѣгающіе глазки на сестру Серафиму и силясь угадать по ея лицу, что случилось.

— Когда мы ѣдемъ—это не твое дѣло, а вытащи чемоданы и укладывайся, — отвѣтила тѣмъ же тономъ сестра Серафима и вошла въ свою комнату.

Дороѳея покачала головой, поспѣшно свернула чулокъ, сунула его въ карманъ и, вытащивъ изъ-подъ кровати маленькій чемоданчикъ, начала ерзать по полу и перетряхивать скудный запасъ женскаго бѣлья.

Чемоданъ былъ почти уже уложенъ, когда по лѣстницѣ послышались тяжелые шаги. Дороѳея, сидя на корточкахъ, обернулась и выпустила изъ рукъ чемоданъ, увидавъ поднимающуюся передъ нею, точно выраставшую изъ-подъ пола, фигуру Платона Николаевича.

— Что это?—хмуро спросилъ онъ.

— Чемоданчикъ нашъ, чемоданчикъ! — потупилась смиренно Дороѳея, продолжая сидѣть на полу и видя передъ собою только одни сапоги Платона Николаевича.

— Я спрашиваю, что ты дѣлаешь?—спросилъ онъ, ткнувъ ногой въ чемоданъ.

— Укладывала, укладывала, собираться велѣли, — робко отвѣтила Дороѳея, моргая глазами, но не рѣшаясь поднять ихъ кверху; впрочемъ, она, кажется, имѣла способность все видѣть, даже зажмуривъ глаза.

Платонъ Николаевичъ нахмурился и подошелъ къ дверямъ.

— Можно войти?—постучалъ онъ въ дверь.

— Аминь, — послышался привычный отвѣтъ сестры Серафимы.

Платонъ Николаевичъ вошелъ и увидалъ, что сестра Серафима укладываетъ вещи въ ручной сакъ-вояжъ.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— Укладываю вещи. Пора ѣхать,—отвѣтила сестра Серафима.—Загостилась я у васъ.

— Что за глупости!—проворчалъ Платонъ Николаевичъ.

Сестра Серафима молчала и продолжала свое занятіе.

— Ну, характерецъ! — ворчливо замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Наслѣдственный, должно-быть, — какъ бы про себя проговорила сестра Серафима.

— Да бросьте вы къ чорту эту дрянь и поговоримте.—

проворчалъ Платонъ Николаевичъ, отбрасывая въ сторону сакъ-вояжъ изъ рукъ сестры Серафимы.

— И опять разбранимся?—съ усмѣшкой спросила она.

— Ишь вѣдь, шипитъ еще! — постучалъ указательнымъ пальцемъ по столу Платонъ Николаевичъ и сѣлъ.

Сестра Серафима тоже сѣла.

— Ну, вы, бабье, все высмотрите первыя, вамъ и книги въ руки,—продолжалъ Платонъ Николаевичъ.—Что вы замѣтили?

— Я вамъ уже говорила что,—отвѣтила сестра Серафима.

— Говорила, говорила!—запальчиво передразнилъ Платонъ Николаевичъ.—Я хочу знать обстоятельно, насколько дѣло серьезно.

— А настолько, что не сегодня, такъ завтра онъ окончательно объяснится и тогда будетъ поздно. Она переживаетъ теперь такія минуты внутренней борьбы, когда первое страстное признаніе можетъ заставить ее сдѣлать какой угодно рѣшительный шагъ.

— Блажь, одна блажь!

— Можетъ-быть, но эту блажь не уничтожите угрозами и не остановите ея развитіе надзоромъ. Скандалъ произойдетъ непремѣнно.

— Скандалъ, скандалъ!—загорячился Платонъ Николаевичъ. — Но если вы знаете мѣры для предупрежденія его, то говорите.

— Нужно перемѣнить ея обстановку, нужно направить ея мысли на другіе интересы.

— Не прикажете ли послать ее за границу, или отправить въ Петербургъ эмансипироваться, или помѣстить...

— Въ монастырь,—спокойно окончила сестра Серафима недоговоренную имъ фразу.

Это заключеніе было такъ неожиданно для Платона Николаевича, оно было сдѣлано такъ ясно, сухо и коротко, что онъ вытаращилъ въ недоумѣніи глаза.

— Въ монастырь? Насильно отправить въ монастырь? — воскликнулъ онъ.—И вы не считаете это скандаломъ?

— Зачѣмъ же насильно? Нужно сдѣлать, чтобы она пошла по доброй волѣ, — пояснила невозмутимо сестра Серафима.

— Когда у нея есть любовникъ, когда ей чортъ знаетъ что идетъ въ голову? Да это сумасшествіе! — загорячился Платонъ Николаевичъ.

— При извѣстной ловкости это не трудно сдѣлать.

— Ну, у меня этой ловкости нѣтъ-съ!

— Я знаю, — спокойно согласилась съ нимъ сестра Серафима.—Я могла бы взяться за это дѣло, но успѣхъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если я, или, лучше сказать, она будетъ располагать извѣстными матеріальными средствами.

— Я васъ не понимаю.

— Дѣло въ томъ, что она, несмотря на свою набожность...

— Ханжество,—перебилъ Платонъ Николаевичъ.

— Несмотря на свою набожность,—повторила настойчиво сестра Серафима, не измѣняя тона:—она не пойдетъ въ монастырь безъ цѣли, безъ надежды на дѣло, на пользу своего подвига. Для нея нужно создать это дѣло, а это потребуетъ расходовъ.

— Какое же это такое дѣло? — спросилъ съ ироніей Платонъ Николаевичъ.

— Не знаю навѣрное: школа для бѣдныхъ, община сестеръ милосердія, богадѣльня, что-нибудь въ родѣ этого.

— И сколько, по вашему мнѣнію, нужно на это?

— Во всякомъ случаѣ менѣе того, что вы дали бы за ней въ приданое.

— Я ничего не далъ бы за ней, — проворчалъ Платонъ Николаевичъ.

— Ну, это вы такъ говорите,—улыбнулась сестра Серафима.—Понадобилось бы тысячъ десять, пятнадцать,—добавила она, зорко слѣдя за Платономъ Николаевичемъ.

Платонъ Николаевичъ захохоталъ своимъ злымъ смѣхомъ.

— Ничего-съ, сдѣлка для вашего монастыря выгодная!

— Монастырю отъ нея не будетъ ни выгоды, ни убытка,— холодно замѣтила сестра Серафима.—Я говорю въ качествѣ члена вашей фамиліи, а не въ качествѣ монахини. Какъ монахиня, я не имѣю ни права, ни нужды интересоваться мірскими дѣлами, гдѣ бы они ни происходили. Вы сами знаете, что я не напрашивалась на этотъ разговоръ, и высказала вамъ свое мнѣніе потому, что вы этого желали. Если вы найдете лучшій исходъ, я буду очень рада.

Платонъ Николаевичъ заходилъ по комнатѣ и задумался.

— Вы очень хорошо знаете, что бы ни случилось съ нею, винить будутъ васъ, какъ ея воспитателя, — равнодушно продолжала сестра Серафима. — Услѣдить за нею, чтобы она не бѣжала, чтобы она не вышла замужъ за Максима, не въ нашей власти. Но даже если она и не выйдетъ замужъ, кто поручится за то, что она не убѣжитъ

въ Петербургъ и не станетъ тамъ въ ряды тѣхъ женщинъ, которыя бредятъ теперь эмансипаціей и позорятъ своимъ поведеніемъ свои семьи, свои родовыя имена? Но я опять-таки повторяю, если у васъ есть другія средства остановить ее отъ поступленія въ ряды тѣхъ, кого вы ненавидите, то я буду очень рада.

— Вы говорите, десять, пятнадцать тысячъ?—задумчиво проговорилъ Платонъ Николаевичъ.—Положимъ десять...

— Положимъ лучше пятнадцать, — улыбнулась сестра Серафима и покачала головой.—Я первый разъ вижу, что вы ставите на первый планъ денежный вопросъ,—замѣтила она. — Я привела эти цифры случайно, наугадъ. Можетъ понадобиться менѣе, можетъ понадобиться болѣе.

— Вотъ-съ какъ!

— Да, если ее заинтересуетъ и мелкое дѣло, то денегъ много не понадобится; если ее можно будетъ увлечь только грандіознымъ планомъ, то денегъ понадобится болѣе. Вѣдь я не говорила съ нею, я ничего не знаю. Да, признаюсь, мнѣ и непріятны эти переговоры. Что мнѣ-то за дѣло, кто за кого выходитъ, кто на комъ женится? Моя роль сыграна.

— Да, но вы все-таки будете говорить съ ней!—настойчиво произнесъ Платонъ Николаевичъ.

— Говорить съ нею и не знать, что я могу ей предложить? — покачала головой сестра Серафима, пожимая плечами.

— Ну, предложите тамъ, что надо,—отрывисто произнесъ Платонъ Николаевичъ.

— И потомъ скажу, что я увлеклась, что на такія средства нечего разсчитывать?

— Говорять вамъ, устраивайте дѣло, а тамъ увидимъ...

Платонъ Николаевичъ направился къ дверямъ. Онъ былъ теперь не столько раздраженъ, сколько недоволенъ чѣмъ-то. Впервые въ жизни ему было гадко то, на что онъ рѣшался, хотя онъ въ пылу негодованія и бѣшенства, если бы только имѣлъ власть, могъ бы безъ всякихъ угрызеній совѣсти упрятать не только въ монастырь, но и въ казематъ любую изъ своихъ племянницъ. Теперь же его возмущало это дѣло характеромъ сдѣлки, какимъ-то торгашескимъ расчетомъ, какою-то барышническою аферою. Такія сдѣлки были менѣе всего въ характерѣ старика, привыкшаго дѣйствовать самостоятельно, деспотически и прямо. Онъ молча вышелъ изъ комнаты и едва не сбилъ съ ногъ шмыгнувшую отъ дверей Дороѳею, успѣвшую уже присѣсть на чемоданчикѣ и поту-

пить глаза. Онъ даже не замѣтилъ ея и тяжелою поступью началъ спускаться по лѣстницѣ. Его болѣе всего смущало то, что онъ не могъ найти другой комбинаціи въ этомъ дѣлѣ. Онъ, какъ угадывала сестра Серафима, боялся не того, что бракъ Адели съ Аркадіемъ не можетъ состояться послѣ брака Максима съ Дуней. Подобные браки возможны. Но его смущало, что Максимъ удовлетворитъ свое желаніе и будетъ счастливъ. Платонъ Николаевичъ не любилъ Максима за рѣзкость, за непокорность, когда тотъ былъ еще ребенкомъ. Теперь старикъ ненавидѣлъ Максима, видя въ немъ человѣка другого лагеря. И этому-то человѣку приходится не только уступить любимую имъ дѣвушку, но и передать, въ концѣ концовъ, часть своего имѣнія! Не передать этой части имѣнія можно было только въ одномъ случаѣ — если бы Платонъ Николаевичъ рѣшился лишить наслѣдства своего брата. Не лишивъ же его наслѣдства, онъ могъ быть увѣренъ, что Александръ Николаевичъ не обидитъ свою любимицу Дуню.

Какъ только скрылся Платонъ Николаевичъ, Дороѳея на цыпочкахъ подошла къ двери сестры Серафимы и спросила позволенія войти.

— Аминь,—послышалось оттуда.

— Собираться-то когда?—спросила Дороѳея.

— Мы не ѣдемъ,—отрывисто отвѣтила сестра Серафима.

Дороѳея, ничего не понимая, заморгала глазами.

— Петръ Павловичъ и Аркадій Павловичъ пріѣхали,— скромно замѣтила Дороѳея, глядя въ полъ.

— Одни?—сквозь зубы спросила Серафима.

— Безъ Данилы Павловича, — торопливо отвѣтила Дороѳея.

— И безъ Максима Павловича? — спросила сестра Серафима.

— И безъ нихъ, —отвѣтила Дороѳея.

Сестра Серафима пристально взглянула на нее и отчетливо проговорила:

— Они мнѣ не нужны.

У Дороѳеи забѣгали глазки, и она, по старой привычкѣ бывшей крѣпостной дѣвки, поцѣловавъ на лету ручку сестры Серафимы, скрылась изъ комнаты. «*Они* мнѣ не нужны,— звучало у нея въ ушахъ. Значитъ, кто-нибудь другой нуженъ... Про Максима Павловича спросила... Боится, вѣрно, что увезетъ Авдотью Александровну... Да какъ же ее увезти, когда *мы* смотримъ? Совсѣмъ невозможное дѣло!.. Ахъ,

грѣхи, грѣхи!» Доровея сдѣлала смиренные глазки, стянула въ трубочку губы и, вытащивъ изъ кармана начатый чулокъ, пошла внизъ.

XX.

Въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда онъ, какъ говорится, теряетъ голову подъ гнетомъ тяжелыхъ событій и, не имѣя силъ придумать какое-нибудь средство для спасенія себя отъ опасности, не можетъ въ то же время отдѣлаться отъ ужаса при видѣ все приближающейся къ нему грозы. Дуня находилась теперь именно въ такомъ положеніи. Она переживала ту эпоху зрѣлости, когда молодое существо страстно жаждетъ любви. Это безсознательное, инстинктивное стремленіе къ любви выливалось у нея покуда въ тѣхъ религіозныхъ порывахъ, которые доводили ее до экстаза, до поэтически-свѣтлыхъ минутъ восторга. Первая встрѣча съ Максимомъ дала другое направленіе этой несознанной, инстинктивной жаждѣ любви и страсти.

Уже первый поцѣлуй, первыя объятія при встрѣчѣ съ юношей не носили на себѣ характера братскихъ чувствъ и заставили молодую дѣвушку и краснѣть, и жаждать новыхъ и новыхъ ласкъ и объятій. Но едва успѣли эти поцѣлуи открыть ей истинное значеніе ея чувствъ къ Максиму, какъ передъ ней всталъ цѣлый рядъ препятствій къ беззавѣтному наслажденію первою любовью.

Тутъ было все: сознаніе, что она своею любовью можетъ оторвать Максима отъ дальнѣйшаго развитія, отъ плодотворной дѣятельности и отъ блестящей будущности; страхъ, что ея замужество противъ воли дяди печально отзовется на ея отцѣ и его побочной семьѣ; наконецъ, убѣжденіе, что это замужество можетъ совершиться только тайно отъ всѣхъ и послужитъ, какъ ее убѣдили, преградою къ замужеству сестры. Каждое изъ этихъ препятствій заставляло ее отказаться отъ Максима.

Но какъ отказаться, когда сердце такъ страстно жаждетъ любви? Какъ отказаться отъ счастья всей предстоящей жизни, когда оно такъ близко, такъ возможно? Но если даже и хватитъ на это силъ, то что сказать Максиму? Солгать, что она его не любитъ? Да развѣ она сумѣетъ солгать, когда она его любитъ, любитъ и любитъ? Развѣ онъ самъ не пойметъ лжи? Избѣжать объясненій, спрятаться отъ него? Но онъ добьется свиданія съ ней, добьется объясненія. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые вы-

носятъ двусмысленное положеніе, не договариваются до конца. Разсказать ему все откровенно? О, какъ безпечно осмѣетъ онъ ея опасенія за его будущее! Онъ станетъ доказывать ей, что если онъ и можетъ сдѣлаться несчастнымъ, то только вслѣдствіе ея отказа выйти за него замужъ. На ея опасенія за участь ея отца въ случаѣ ея замужества онъ скажетъ: «оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ», и не согласится на то, чтобы она, молодая, полная надеждъ и силъ, губила все свое будущее ради отживающаго старика. Ея бракъ съ Максимомъ можетъ помѣшать браку ея сестры съ его братомъ,—онъ скажетъ на это: «тѣмъ лучше». Брата своего онъ не любитъ и не можетъ приносить жертвы ради него. Ея сестру онъ, можетъ-быть, и любитъ, но никакъ не пожалѣетъ ее, если она не выйдетъ за его брата, потому что этотъ бракъ по расчету не обѣщаетъ молодой дѣвушкѣ особенно счастливаго будущаго.

Но что же дѣлать, что дѣлать?

Опустивъ на колѣни руки, устремивъ впередъ неподвижные глаза, Дуня сидѣла въ своей комнатѣ, а минуты и часы летѣли своей обычной чередой. Наконецъ, она встала, опустилась на колѣни и хотѣла молиться. Молитва не шла на умъ, губы шептали слова молитвы, а мозгъ работалъ все въ одномъ и томъ же направленіи.

— Да научи же меня, Господи, научи! — вырвалось изъ ея груди болѣзненное восклицаніе, и она подняла лихорадочно блестѣвшіе глаза къ озареннымъ лампадой образамъ.

Она уже смотрѣла на эти знакомыя ей изображенія и, кажется, ждала чуда, а время летѣло и летѣло. По глазамъ дѣвушки катились слезы, выраженіе ея глазъ становилось дико; наконецъ, она съ какой-то нервной горечью прошептала:

— Чего я жду? Отвѣта нѣтъ и не будетъ его, никогда не будетъ.

Она заливалась слезами, болѣзненными, истерическими слезами, походившими и на рыданія, и на хохотъ. Она не то стояла на колѣняхъ, не то сидѣла на полу, закрывъ лицо руками, не имѣя силъ ни успокоиться, ни подняться.

Когда, черезъ полчаса, она съ усиліемъ поднялась съ полу и налила дрожащею рукою воды, ея зубы бились о стаканъ какъ въ лихорадкѣ, и грудь высоко поднималась отъ всхлипываній. Она полураздѣтая бросилась на постель и заснула, или, можетъ-быть, лишилась чувствъ, но во всякомъ случаѣ на-время успокоилась.

Когда она встала поутру, можно было подумать, что она была долго больна.

— Дядя Платонъ Николаевичъ объявилъ о свадьбѣ Адели,— говорила ей сестра Серафима, пришедшая къ ней въ комнату послѣ объясненій съ дядей.

— Вотъ какъ!—равнодушно отвѣтила Дуня, смотря безцѣльно въ окно.

Уже два долгихъ часа смотрѣла она въ это окно, ничего не видя, ничего не слыша, ничего не понимая.

— Свадьбой будутъ торопиться, — замѣтила сестра Серафима.

— Да?—проговорила Дуня.

— Ты, должно-быть, нездорова сегодня? — озаботилась сестра Серафима.

— Я? Нѣтъ, ничего,—разсѣянно отвѣтила Дуня.

— У тебя утомленный видъ.—пояснила Серафима.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивилась Дуня, ничего не понимая.

— Береги себя! — поцѣловала ее сестра Серафима. — А что же ты думаешь?—спросила она, помолчавъ.

— Да!.. я очень рада!—безсознательно отвѣтила Дуня.

— Чему?—спросила сестра Серафима.

Дуня опять удивилась.

— Вы говорите, кажется, что сестра выходитъ замужъ?— проговорила она.

— Да, но я не о томъ спрашиваю, — замѣтила Серафима.—Что ты думаешь дѣлать?

— Я? Что же мнѣ тутъ дѣлать?—пожала плечами Дуня.

Серафима въ смущеніи покачала головой. Ее начинало тревожить странное положеніе молодой дѣвушки.

— Тебѣ надо бы разсѣяться, приняться за что-нибудь. Твоя жизнь проходитъ даромъ. Такъ жить нельзя, — заговорила она.

— Да, да, нельзя! — повторила, нѣсколько оживившись, Дуня.

— Въ жизни нужна цѣль, та святая и высокая цѣль, которая поглощала бы всѣ наши силы, къ которой влекло бы все наше существо.

Дуня тупымъ взглядомъ посмотрѣла на сестру Серафиму. Сестру Серафиму смущалъ этотъ взглядъ.

— Я тоже видѣла горе въ жизни, я тоже готова была сломиться подъ бременемъ невзгодъ, — заговорила сестра Серафима. — А вотъ теперь я только и молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы пожить и кончить то, къ чему я стре-

млюсь всѣми помыслами души. Я только и мечтаю о томъ времени, когда я поставлю монастырь на ту степень высоты, на которой онъ долженъ стоять, когда я сдѣлаю его не мѣстомъ бражничанья для тупой лѣности, а прибѣжищемъ для страждущихъ, для гонимыхъ, когда никто не будетъ уходить изъ него безъ помощи. Правда, покуда въ немъ еще много темныхъ и ничтожныхъ личностей въ родѣ сестры Дороѳеи, но въ немъ уже есть и молодыя, свѣжія силы. Молодежь мнѣ поможетъ устроить больницу для бѣдныхъ и пріютъ для дѣтей. Денегъ только надо. Денежные недостатки — это мое несчастіе, это не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью.

Сестра Серафима помолчала.

— Право, иногда готова бы Богъ знаетъ что сдѣлать, чтобы добыть хоть грошъ,—продолжала она черезъ минуту.— Да кто дастъ? Ты, развѣ, одолжишь? А?—улыбнулась она.

— Я? Что же я могу?—спросила Дуня.

— Можешь-то много, но захочешь ли?—замѣтила Серафима.—Тебѣ самой нужны деньги на замужество. Если бы, конечно, я могла поручиться, что скоро отдамъ, — тогда другое дѣло. А на эти деньги многое бы можно сдѣлать.

— Я не понимаю... какія деньги?—спросила Дуня, тупо смотря на сестру Серафиму.

— Твое приданое, — пояснила сестра Серафима. — Дядя Платонъ Николаевичъ дастъ за тобой тысячъ десять, пятнадцать...

— За мной?—усмѣхнулась Дуня.

— Да, я еще сегодня мелькомъ слышала объ этомъ, когда говорили о приданомъ Адели, — замѣтила сестра Серафима. — Впрочемъ, что толковать объ этихъ деньгахъ! Старикъ Бахмутовъ не выпуститъ ихъ изъ рукъ.

Старикъ Бахмутовъ, одинъ изъ сосѣдей Баскаковыхъ, тотъ Плюшкинъ, о которомъ говорилъ Александръ Николаевичъ Максиму, уже годъ тому назадъ сватался за Дуню.

— Что?—воскликнула Дуня, какъ ужаленная. —Старикъ Бахмутовъ? И вы думаете, что я когда-нибудь выйду за него, за человѣка, котораго я презираю, ненавижу?

Сестра Серафима покачала головой.

— За что же ты сердишься? Ты знаешь, что я никогда не высказывала сочувствія этой партіи. Я только потому замѣтила объ этомъ, что, право, я не понимаю покуда, на что ты рѣшишься. Вѣдь и другія партіи, могущія представиться здѣсь, будутъ не лучше.

Она задумалась.

— Не выйти за него или за кого-нибудь другого, кого выберетъ дядя, и остаться жить здѣсь, — продолжала она въ раздумьи: — это значитъ подвергнуть себя медленной ежедневной пыткѣ. Дядя Платонъ Николаевичъ не знаетъ пощады для тѣхъ, кто противится его капризамъ. Уйти? Но куда же ты уйдешь безъ средствъ, безъ подготовки къ труду, даже безъ того офиціальнаго образованія, которое даетъ право быть гувернанткой, учительницей?

— Господи! Что же это и вы еще терзаете меня!— воскликнула Дуня, сжимая конвульсивно руки. — Вѣдь я сама, сама все это передумала, поняла, перестрадала въ душѣ! Теперь не растравлять мои раны нужно, а залѣчить ихъ, помочь мнѣ, указать дорогу! А вы...

Она махнула рукой и взялась за голову. Ея голова горѣла. Въ ея голосѣ слышался такой горькій, такой надрывающій душу упрекъ, что сестра Серафима смутилась.

— Терзаю тебя!—съ упрекомъ воскликнула она, потрясенная словами молодой дѣвушки.—Неужели ты еще до сихъ поръ не видишь, что я люблю тебя? Неужели ты не можешь понять, что меня мучаетъ все, что мучаетъ тебя? Неужели ты не сознаешь, что если я бываю въ этомъ домѣ, то бываю для тебя, для тебя одной? Съ кѣмъ еще изъ живущихъ здѣсь есть у меня внутренняя связь? Кому я говорю хоть слово о тѣхъ завѣтныхъ планахъ и мечтахъ, которые наполняютъ всю мою жизнь? Тебѣ и только тебѣ одной, дитя мое, сестра моя!

Сестра Серафима подошла къ Дунѣ и положила руки на ея плечи.

— Правда, съ твоей стороны я еще не встрѣчала полной откровенности,—говорила она, и говорила, быть-можетъ, вполнѣ искренно.—Ты говорила только тогда, когда я спрашивала. Но до сихъ поръ я это приписывала тому, что твоя жизнь страдаетъ отсутствіемъ всякихъ интересовъ, всякихъ надеждъ. Послѣдніе два дня показали, что у тебя были надежды... Ты знаешь, что этимъ надеждамъ не суждено сбыться никогда. Это потрясло меня, потому что я увидала, какъ поразило тебя это несчастіе. Да, я понимаю, что значитъ обмануться въ надеждѣ, когда она была единственною свѣтлою точкою, манившею къ будущему. Мы, люди дѣла, слуги общества, переносимъ легко подобные удары, потому что мы живемъ не одними личными, невѣрными, обманчивыми интересами... Я задумалась о твоей судьбѣ, я

старалась сообразить, что ты должна сдѣлать для твоего спасенія. Вотъ почему я наводила разговоръ на этотъ предметъ. А ты говоришь, что я тебя терзаю. Грѣхъ тебѣ, дитя мое!

Сестра Серафима наклонилась и ласково поцѣловала Дуню въ голову. Дуня припала головой къ ней, хотѣла что-то сказать, зарыдала, и опять это рыданіе походило и на хохотъ, и на стоны. Съ ней сдѣлался второй истерическій припадокъ. Сестра Серафима захлопотала. Она подавала воды Дунѣ, смачивала ей голову, старалась уложить ее на диванъ. Черезъ полчаса Дуня, нѣсколько успокоившаяся, уже безмолвно лежала на диванѣ и слушала сестру Серафиму.

— Ты не дитя по лѣтамъ, но ты дитя по опытности. Ты не знаешь жизни. Ты встрѣтила первое препятствіе на своемъ пути къ осуществленію надеждъ и думаешь, что все погибло, что перенести этого несчастія нельзя,—говорила или, скорѣе, шептала ей сестра Серафима.—Но, Господи, то ли переноситъ человѣкъ? Было время, дитя мое, когда и я думала такъ же, какъ ты. Въ моей жизни было тоже горе, но не такое, какъ твое. Я объ этомъ никогда никому не говорила, но ты должна знать это... У тебя, по крайней мѣрѣ, есть утѣшеніе, что ты не пала, что подъ твоимъ сердцемъ не бьется существо, еще ни въ чемъ неповинное, но уже обреченное на гибель или на позоръ. Я не имѣла и этого утѣшенія. Господи, Господи, чего бы я ни сдѣлала, чего бы я ни отдала, чтобы вычеркнуть изъ своей жизни это прошлое!

Сестра Серафима закрыла лицо руками. Дуня приподнялась на локтѣ и протянула руку сестрѣ Серафимѣ.

— Бѣдная моя!—тихо прошептала молодая дѣвушка и, взявъ руку сестры Серафимы, прижала ее къ губамъ.

Сестра Серафима опустилась передъ диваномъ на колѣни и припала къ ней лицомъ, смоченнымъ слезами.

— Вѣдь, можетъ-быть, если я и люблю такъ тебя, то только потому, что ты напоминаешь мнѣ то дитя, которому я не могла дать даже перваго поцѣлуя,—шептала она.—Можетъ-быть, я потому и трепещу за тебя, что ты напоминаешь мнѣ мою собственную долю. Милая, дорогая смотри за собой, береги себя, не губи себя!

Сестра Серафима присѣла на диванъ и цѣловала руки и лицо Дуни, какъ мать, какъ влюбленная женщина. Въ эту минуту она была вполнѣ искренна. Въ ней проснулась павшая когда-то женщина, въ которой не умирала потребность высказать, выплакать на чьей-нибудь груди свое за-

таенное въ теченіе долгихъ лѣтъ горе. Она забыла въ эту минуту всѣ свои расчеты, всѣ свои планы, во имя которыхъ она влекла къ себѣ Дуню.

— Бѣдная, бѣдная, и вы все это пережили, перенесли, — шептала Дуня.

— Да, — поднялась сестра Серафима. — Я все вынесла для того, чтобы показать людямъ, раздавившимъ, погубившимъ меня, кого они губили. Я не хотѣла быть тѣмъ червякомъ, который, когда на него наступятъ, издыхаетъ въ мукахъ на землѣ, не имѣя возможности даже напомнить о себѣ тѣмъ, кто его придавилъ. Я хотѣла, чтобы эти люди снова вспомнили обо мнѣ, не съ однимъ состраданіемъ, не съ однимъ сожалѣніемъ, а съ краскою стыда передъ тѣмъ, что они едва не убили полезную для нихъ, стоящую выше ихъ личность. У меня была энергія, энергія затаеннаго озлобленія, энергія оскорбленнаго самолюбія... Вотъ чего еще мало въ тебѣ. Ты терпишь, ты мучаешься, но ты не стараешься показать своимъ мучителямъ, что ты выше, что ты лучше, что ты честнѣе ихъ. Или ты думаешь, что дядя, этотъ старый деспотъ, раскается, если ты зачахнешь? Нѣтъ, онъ даже не смутится, когда ты будешь лежать передъ нимъ въ гробу. Но если ты выйдешь побѣдительницей изъ внутренней борьбы, если ты покажешь, что ты способна на дѣло, если ты заставишь говорить о себѣ, то его будетъ мучить, что онъ оттолкнулъ тебя отъ себя, что онъ не могъ понять твоихъ силъ, что ты побѣдила его.

— Это наслажденіе мести? — проговорила Дуня.

— Да, — отвѣтила сестра Серафима, сдвинувъ брови, — мести грѣшникамъ, мести преступникамъ. Имъ мститъ и Богъ, и потому можемъ мстить и мы. Ты видишь, какъ мщу я обществу? Я мщу, работая въ его же пользу; мщу, являясь необходимою тамъ, гдѣ когда-то смотрѣли на меня съ презрѣніемъ. Ты слышала о нашихъ родныхъ князьяхъ Баскаковыхъ. Они когда-то выбросили меня изъ своего дома. Теперь они считаютъ честью для себя переписку со мною, мои совѣты, потому что обо мнѣ говорятъ, потому что я вліяю на ихъ дѣтей. Такое положеніе я хотѣла бы создать и для тебя, хотѣла бы этого потому, что мнѣ самой нужна помощница преданная, любящая, понимающая мои цѣли помощница, а не какая-нибудь мужичка Доровея, сохранившая подъ монашеской рясой душу дворовой дѣвки.

Сестра Серафима оживилась. Она сидѣла, выпрямивъ свой еще стройный станъ, ея глаза сверкали подъ сдвинутыми

густыми бровями, на ея губахъ играла усмѣшка, полная презрѣнія. Что-то бодрое и мужественное было во всей ея фигурѣ, во всей ея умной физіономіи.

— Вы тверды, какъ мужчина, — невольно проговорила Дуня, глядя на нее.

— Я монахиня,—коротко отвѣтила сестра Серафима.

Она на минуту задумалась.

— Я никогда не была слишкомъ слабымъ существомъ,— заговорила она снова.—Но тамъ, въ міру, мнѣ приходилось покоряться капризамъ тѣхъ, отъ кого я зависѣла, мнѣ приходилось дѣйствовать несамостоятельно. Самостоятельною я стала только въ монастырѣ. Монастырь вообще развиваетъ самостоятельность и закаляетъ характеръ. Въ монастырѣ у меня уже не стало заботъ о кускѣ хлѣба, о пріютѣ: и то, и другое было обезпечено, и я могла работать въ пользу тѣхъ плановъ, которые занимали меня. Для осуществленія этихъ плановъ мнѣ приходится обращаться къ чужой помощи, но я это дѣлаю спокойно, не унижаясь, не смущаясь, потому что я выпрашиваю не для себя. Я не знаю, на что бы я ни рѣшилась, чтобы осуществить свои завѣтныя желанія, чтобы показать обществу, что и мы можемъ быть полезными, и чѣмъ ближе становится то время, когда начнется осуществленіе моихъ желаній, тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ настойчивѣе становлюсь я. Я еще не знаю, будутъ ли у меня средства для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, открыть на будущій годъ школу, но я буду этого добиваться, во что бы то ни стало. Съ этого должно начаться преобразованіе нашей жизни; довольно намъ только молиться за людей, мы должны и служить обществу. Я много читала о католическихъ монастыряхъ. Какъ неизмѣримо выше стоятъ они, чѣмъ наши монастыри! Католическое духовенство и монашество вліяютъ на все общество, на семейную жизнь, на образованіе народа, на политическія дѣла, а мы—мы только молимся, и за это требуемъ содержанія отъ общества. Намъ нужно подумать объ этомъ уже ради того, что нашъ народъ въ сущности еще язычникъ.

Сестра Серафима вздохнула.

— Ахъ, дитя, дитя, если бы ты также серьезно смотрѣла на жизнь, не мучилась бы ты теперь, что тебѣ не удалось насладиться личнымъ счастіемъ, — замѣтила она, лаская Дуню. — Это счастье—призракъ, это кажущееся счастье: нѣсколько дней увлеченія и наслажденія, и годы въ тупой, однообразной жизни, въ заботахъ о кускѣ хлѣба, о хозяй-

ствѣ, о дрязгахъ будничнаго существованія... Но ты устала, отдохни немного, соберись съ силами...

Сестра Серафима наклонилась поцѣловать Дуню.

— Ты вся горишь,—замѣтила она.—Отдохни.

Она вышла изъ комнаты.

Дуня не поднималась съ мѣста и не засыпала. Устремивъ неподвижные глаза впередъ, она лежала, какъ окаменѣвшая, какъ мертвая можно бы сказать, если бы лицо ея не пылало яркимъ лихорадочнымъ румянцемъ. Время между тѣмъ шло.

Прошелъ часъ завтрака, прошелъ часъ обѣда; Дуня оставалась въ своей комнатѣ, отговорившись отъ приглашеній къ столу своимъ нездоровьемъ. Нѣсколько разъ она вставала, нѣсколько разъ она пробовала ходить по комнатѣ, но все это дѣлалось какъ будто во снѣ. Въ ея душѣ теперь не было даже той тревоги, которую она ощущала такъ недавно. Всѣ событія, близко касавшіяся ее, теперь какъ будто разомъ прошли и не должны были повториться снова; по крайней мѣрѣ, она уже не думала о нихъ, не могла думать, потому что ея мозгъ, повидимому, не повиновался ей, не работалъ. Часы, между тѣмъ, пробили семь. Дуня встрепенулась и торопливо начала искать большой шелковый платокъ.

— Надо сходить,—разсѣянно прошептала она:—проститься...

Она пошла изъ комнаты. Она не старалась укрыться отъ постороннихъ глазъ, пройти украдкою. Она шла обыкновенной дорогой, не заботясь о томъ, увидятъ ли ея или нѣтъ.

— Господи, съ нами крестная сила!—шептала Дороѳея, смотря въ окно и видя, какъ въ саду мелькаетъ между деревьевъ бѣлое платье Дуни.—Цѣлый день чуть не умирала, а теперь гулять идетъ... И куда?.. Ужъ не къ пруду ли?.. Извѣстить нѣшто?.. Да какъ выловешь сестру Серафиму? Сидитъ съ гостями... Неловко... Самъ-то тоже звѣремъ накинется, какъ взойду... И ума не приложу, что дѣлать, а сама ругаться будетъ... Ужъ это я знаю!

Дороѳея развела руками и глубокомысленно стянула свои тощія губы.

XXI.

Максимъ добрался до пруда гораздо раньше назначеннаго часа свиданія. Прудъ находился въ густо заросшей части парка. Сюда вели узенькія аллеи, какъ бы предназначенныя для одинокихъ прогулокъ или для прогулокъ tête-à-tête

Мѣстами эти аллеи шли по берегу пруда, мѣстами терялись среди вѣковыхъ деревьевъ. На одной сторонѣ пруда былъ холмикъ съ группою деревьевъ, разсаженныхъ полукругомъ. Посрединѣ этого полукруга изъ-за деревьевъ выглядывало пожелтѣвшее отъ времени лицо сатира. Вся статуя давно обросла и задрапировалась хмелемъ, кисти котораго висѣли, какъ гроздья винограда. Противъ этого холмика находился на серединѣ пруда затѣйливый островокъ, гдѣ когда-то водились кролики. Передъ островкомъ еще возвышался изъ воды небольшой камень; на этомъ камнѣ красовалась въ былые дни статуя купающейся нимфы. Она была помѣщена прямо противъ нагло улыбающагося сатира. На островкѣ среди вѣтвей еще виднѣлись развалины небольшой бесѣдки, носившей названіе «храма любви». Богъ знаетъ, звучало ли въ этой бесѣдкѣ когда-нибудь слово: «люблю». Но всѣ знали, что въ былые годы нерѣдко рыдали крестьянскія бабы, когда ихъ дѣвокъ, по приказанію барскаго дворецкаго, отводили вечеромъ въ этотъ храмъ. Отъ холмика спускалась узенькая аллея къ самому берегу пруда, и здѣсь еще виднѣлись остатки небольшой пристани, у которой нѣкогда стояло много лодокъ, а теперь виднѣлся одинокій, давно не употреблявшійся въ дѣло челнокъ.

Максимъ хорошо помнилъ это мѣсто.

Здѣсь, въ тѣни деревьевъ, онъ скрывался нерѣдко съ Дуней отъ взрослыхъ, здѣсь плели они вѣнки, здѣсь ловили рыбу. Каждый кустикъ, каждая тропинка были ему знакомы. Ничто не было здѣсь измѣнено, но все само собою сильно состарилось, одряхлѣло. Въ былые дни все это поддерживалось, подновлялось, подкрашивалось. Теперь рабочія руки употреблялись не на поддержку парка, а на воздѣлываніе полей, потому что каждая рабочая рука стоила денегъ.

Максимъ спустился къ пристани, но не рискнулъ ступить на уцѣлѣвшіе остатки плота. Онъ поглядѣлъ на островокъ, манившій ихъ когда-то въ дѣтствѣ. Передъ островкомъ не было уже статуи купающейся нимфы. На немъ не было кроликовъ, и виднѣлись только доски и столбы отъ храма любви. Храмъ не только не подновляли, но даже не убирали его остатковъ.

— Да кого и поведешь теперь туда!—усмѣхнулся Максимъ и невольно обернулся назадъ: ему захотѣлось увидать, сохранилось ли еще смѣющееся лицо сатира.

Да, эта статуя сохранилась, и ея осклабившееся лицо

ясно вырисовывалось среди густой зелени. Когда-то этотъ сатиръ осклаблялъ свой широкій ротъ, смотря на нагую нимфу, готовую погрузиться въ воду, смотря на вырисовывавшійся среди зелени храмъ любви, смотря на лодки, уносившія на островокъ плачущихъ крѣпостныхъ дѣвокъ. Теперь это лицо смѣялось своей демонической улыбкой надъ запустѣніемъ, надъ разрушеніемъ всего былого.

Максимъ невольно вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ онъ и Дуня часто прибѣгали сюда и говорили:

— Теперь ужъ насъ не найдутъ.

И вдругъ кто-нибудь изъ нихъ взглядывалъ на сатира и говорилъ:

— А онъ смотритъ!

Тогда они отрывали широкіе листья хмеля и закрывали ими глаза сатира.

— Вотъ онъ и не видитъ насъ! — хохотали они.

А широкій ротъ сатира осклаблялся попрежнему: точно сатиръ и съ закрытыми глазами зналъ, что міръ всегда былъ и будетъ достоинъ смѣха.

Иногда они углемъ разрисовывали сатиру усы и бакенбарды. Ихъ забавляло это лицо. Теперь Максиму казалось оно особенно выразительнымъ, оно какъ будто говорило людямъ:

— Что же вы не хохочете вмѣстѣ со мною гомерическимъ смѣхомъ надъ этимъ хламомъ прошлой жизни?

Максимъ прилегъ на траву, закурилъ папироску и задумался.

Онъ ждалъ.

Но придетъ ли она? Если придетъ, то что скажетъ? Теперь надо поступать рѣшительно. Согласится ли она уйти изъ дома, повѣнчаться съ нимъ безъ позволенія дяди? Она стала такая странная, загадочная. Что съ ней сдѣлалось? Это все старая среда искалѣчила, надломила ее. Ей тяжело вырваться изъ тѣхъ путъ, которыми опутали ее. Какое счастье, что ему, Максиму, случай помогъ такъ рано оторваться, отрѣшиться отъ всего прошлаго! Теперь его ни въ какомъ случаѣ не остановятъ вопросы: что скажутъ объ этомъ дядя, братья, сестры? не оскорбитъ ли это ихъ? принято ли такъ поступать въ нашей семьѣ? не помѣшаетъ ли это правильному теченію жизни этихъ людей? Нѣтъ, онъ, Максимъ, можетъ дѣлать все, что вздумаетъ, можетъ поступать, какъ захочетъ. Онъ свободенъ отъ своихъ семейныхъ традицій, отъ стремленій жертвовать своими интересами во имя обычаевъ и приличій тѣхъ родственниковъ, которые

для него не поступятся ничѣмъ. Его если что-нибудь еще и заставляетъ являться здѣсь, такъ это одна только Дуня.

Да, онъ свободенъ, какъ птица, летѣть, куда задумаетъ, куда загадаетъ.

Но куда же онъ думаетъ летѣть, что загадываетъ онъ начать?

Постепенно у него обрывалась всякая связь съ близкими ему когда-то людьми, съ близкимъ ему когда-то образомъ жизни, но выработалъ ли онъ въ это время идеалъ новаго строя жизни, пріобрѣлъ ли онъ точку опоры среди тѣхъ людей, къ которымъ влекло бы его сердце? Нѣтъ. Покуда онъ только понялъ, что онъ не хочетъ такъ жить, какъ жили его дяди, братья, родители, покуда онъ понялъ, что онъ не можетъ такъ жить, какъ онъ жилъ до сихъ поръ самъ, но онъ еще не могъ уяснить себѣ того, какъ же онъ долженъ жить. Честно работать, честно относиться къ людямъ, честно исполнять свои обязанности—все это покуда прописныя истины, простыя фразы, громкія слова. Человѣкъ не можетъ горячо любить, страстно увлечься однѣми голыми идеями. Его воображенію нужны образы, идеалы, чтобы въ немъ вспыхнуло страстное желаніе осуществить эти идеалы, воплотить въ жизнь эти образы. Честно жить, честно относиться къ людямъ, честно исполнять свои обязанности могутъ и гробовщикъ, отлично дѣлающій гробы, и плотникъ, строящій сегодня эшафотъ, а завтра алтарь для церкви, и скромный писецъ, безъ пропусковъ и грамматическихъ ошибокъ переписывающій дѣловую бумагу, и великій геній, дѣлающій міровыя открытія въ области науки. Но гдѣ же именно та работа, которая вдохновила бы, увлекла бы его? Такой работы онъ еще не видитъ. Почему это? Не вслѣдствіе ли недостатка дарованія, недостатка способностей? Едва ли. Онъ еще полонъ силы и энергіи, полонъ стремленія къ труду и дѣятельности. Но какъ же въ старыя времена опредѣлялась профессія, дѣятельность людей? Выборомъ старшихъ, положеніемъ въ обществѣ, поземельною собственностью, наконецъ, традиціями, то-есть всѣми тѣми условіями, которыя не вліяли и не будутъ уже вліять на него. Онъ поставленъ обстоятельствами въ то же положеніе, въ которое сталъ по своей волѣ дядя Александръ Николаевичъ, убившій на кутежѣ всѣ лучшіе годы и оставшійся безъ дѣла въ жизни. Такая жизнь безъ дѣла ужасна, но еще ужаснѣе взяться за первое попавшееся дѣло, къ которому относишься равнодушно, которое не можетъ вдохновить. Что же дѣлать? Нужно запастись знаніемъ—зна-

ніемъ научнымъ, знаніемъ жизни, и тогда, быть-можетъ, явится сознаніе, какого рода дѣятельность нужнѣе всего въ данную минуту, къ чему болѣе всего лежитъ сердце. До сихъ поръ вся его жизнь была отрицаніемъ прошлаго, была медленнымъ разрывомъ съ этимъ прошлымъ, не во имя какого-нибудь идеала, а во имя сознанія негодности этого прошлаго. Теперь наступаетъ пора исканія новаго идеала, безъ котораго жизнь будетъ безсодержательна, пуста, скучна. И если бы были хотя друзья, если бы былъ созданъ имъ кружокъ близкихъ людей. Но, разрывая связь съ былыми близкими людьми, онъ не могъ, не успѣлъ найти себѣ точку опоры въ другихъ кружкахъ, потому что приходилось биться изъ-за куска хлѣба, метаться изъ угла въ уголъ, отъ одной поденной работы къ другой. Друзья пріобрѣтаются только при общности интересовъ, при одинаковыхъ цѣляхъ, при однородныхъ стремленіяхъ; у него же покуда вся задача жизни состояла въ томъ, чтобы выбиться изъ нужды и тѣмъ самымъ освободиться отъ вліянія своей семьи. Чувствовать себя одинокимъ тяжело. Чувствовать себя одинокимъ въ двадцать два года, когда еще ищешь исходнаго пути, еще тяжелѣе.

Вотъ почему Максимъ такъ дорожилъ своей любовью къ Дунѣ.

Онъ свяжетъ свою судьбу съ ея судьбой, они пойдутъ рука объ руку, они будутъ стремиться одинаково развить себя, подготовить къ дѣятельности.

Но что же она не идетъ? Вотъ уже и солнце опускается все ниже и ниже. Его горячіе, багровые лучи пронизали насквозь паркъ и золотятъ стволы старыхъ деревъ. Скоро оно опустится еще ниже и померкнетъ. А Дуни все нѣтъ. Но вотъ на аллеѣ мелькнуло что-то, тамъ кто-то идетъ. Кто же это можетъ быть, кромѣ нея!

Максимъ быстро вскочилъ и пошелъ, почти побѣжалъ навстрѣчу.

— Дуня, Дуня, голубка, милая!—страстно говорилъ онъ, сжимая ея руки, обнимая ее.—Я ужъ думалъ, что ты не придешь, что тебя задержали.

— Кто же могъ задержать?—отвѣтила она слабымъ голосомъ.—Но я не надолго...

— Не надолго! Недобрая! Заставила столько ждать и пугаешь, что не надолго! Такъ я тебя и отпущу!—смѣялся онъ.

— Тамъ схватиться могутъ,—отвѣтила она.

— Ну, и пускай, что намъ-то за дѣло!

Онъ взглянулъ ей въ лицо. Оно горѣло лихорадочнымъ жаромъ, а глаза смотрѣли не то разсѣянно, не то озабоченно. Такъ смотритъ человѣкъ, когда онъ говоритъ не то, о чемъ думаетъ, когда онъ озабоченъ какой-нибудь своей собственной тревожной мыслью и въ то же время разсѣянно ловитъ чужія слова.

— Ты нездорова? спросилъ Максимъ испуганно.

— Я?.. Нѣтъ, я здорова... Жаръ маленькій... Это ничего,— проговорила она.

— Пройдемъ туда,—указалъ онъ ей на полукругъ деревьевъ, гдѣ стояла скамья подъ статуей сатира.—Ты, конечно, слышала о скорой свадьбѣ Адели?

— Да.

— Это дурная для насъ новость. Признаюсь, я не ожидалъ. Аркадій Павловичъ изволили скрывать свои планы отъ всѣхъ. Намъ нужно бы предупредить своей свадьбой ихъ свадьбу. Послѣ будетъ не такъ легко пожениться. Пожалуй, еще не разрѣшатъ. Дядюшка вѣдь готовъ съинтриговать противъ меня. Да, признаюсь, я и самъ не знаю, допускаются ли браки двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ.

Они сѣли. Дуня сидѣла, опустивъ руки, потупивъ глаза въ землю.

— Зачѣмъ же торопиться?—проговорила она.—Конечно, разрѣшатъ... Тебѣ еще надо кончить свое образованіе... Время уходитъ...

— Кончать образованіе можно и женатымъ,—отвѣтилъ онъ.—Я не желаю затягивать нашей свадьбы, не хочу оставлять тебя здѣсь.

— Что же, мнѣ тутъ не худо... Четыре, пять лѣтъ пройдутъ незамѣтно,—съ усиліемъ проговорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, я на это не согласенъ!—возразилъ онъ съ горячностью.—Это будутъ убитые для тебя годы. Тамъ, въ Петербургѣ, живя со мною, ты употребишь ихъ съ пользой. Тебѣ тоже нужно еще учиться.

— И ты думаешь, что мы будемъ учиться, когда мы женимся?—тихо спросила она.

— А то какъ же?—спросилъ онъ.—Развѣ женитьба помѣшаетъ намъ заниматься, работать? Напротивъ того, у насъ явится болѣе энергіи и силы. Я буду бодрѣе, я буду спокойнѣе. Безъ тебя я буду мучиться тамъ мыслью, что-то ты дѣлаешь здѣсь, какъ-то тебѣ живется. Я буду создавать

въ своемъ воображеніи всякія невзгоды, которыя обрушиваются на тебя. Пойдетъ ли при этомъ на умъ занятіе?

«Господи, что я стану ему говорить, чѣмъ буду убѣждать его?—думала съ тоскою Дуня, вертя въ рукахъ упавшій ей на колѣни листъ.—Онъ будетъ возражать на все, на все».

— Что? Ты сама видишь, что я правъ?—взялъ ее за руки Максимъ и заглянулъ ей въ глаза.

Его взглядъ былъ полонъ ласки и любви. Это былъ добрый, мягкій, просящій отвѣтныхъ ласкъ взглядъ. Дуня провела рукою по лбу, отвернулась и вдругъ снова обернулась къ Максиму.

— Милый, добрый мой, оставимъ эти толки!—проговорила она, смотря ему въ глаза.—Оставимъ теперь... Здѣсь такъ хорошо... Богъ знаетъ, когда мы опять будемъ вдвоемъ... Посидимъ такъ, не думая о будущемъ...

— Но объ немъ надо подумать,—возразилъ онъ.

— Послѣ, послѣ... перебила его она.—Не надо теперь...

Въ ея голосѣ было что-то молящее, что-то болѣзненное.

— Ну, хорошо,—согласился Максимъ.—Мы не будемъ говорить о будущемъ, но въ такомъ случаѣ я беру на себя право устроить его такъ, какъ мнѣ вздумается. Согласна?

— Хорошо, хорошо,—произнесла она и тихо опустила голову на его плечо.

Онъ обнялъ ее за талью.

«Если бы теперь умереть!—промелькнуло въ ея головѣ.—Я была бы счастлива... А онъ? Что же, ему легче бы схоронить меня, чѣмъ... Господи, неужели нѣтъ другого исхода?.. Выйти за него, загубить его будущность, повредить отцу, затруднить свадьбу сестры... Да, сестра Серафима права: женитьба оторветъ его отъ ученія, отъ дѣятельности, загубитъ даромъ его силы... И какая я жена? какая мать? Ни силъ, ни знаній, ничего нѣтъ... Но какъ тяжело, какъ тяжело отказаться!..»

— Ты меня очень любишь, Максимъ?—шопотомъ спросила она.

— И ты еще спрашиваешь!—воскликнулъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ.

— А отказался ли бы ты отъ меня, если бы тебѣ казалось, что это принесетъ мнѣ пользу?—спросила она.

— Я тебя не понимаю,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, если бы ты былъ убѣжденъ, что я буду лучше, что я буду полезнѣе обществу, что я не растрачу даромъ

силъ, когда не буду твоею,—отказался ли бы ты отъ меня?—пояснила она.

— Не знаю... Кажется, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Я слишкомъ люблю тебя... Мнѣ не могла бы даже придти въ голову такая мысль... Я не могъ бы подумать, что ты безъ меня будешь лучше или полезнѣе... Да, наконецъ, если бы я и пришелъ къ этой мысли, то я не отдалъ бы тебя ради пользы общества...

«Вѣрно, я не умѣю любить!» — промелькнуло въ головѣ Дуни.

— Впрочемъ, это вообще ненормальная, болѣзненная мысль,—продолжалъ Максимъ.—Когда кого-нибудь любишь, то не думаешь, что вредишь ему, что портишь его своею любовью. Напротивъ того, здоровому человѣку кажется, что онъ поддерживаетъ, спасаетъ, поднимаетъ любимое существо. Да иначе и быть не можетъ: здоровый человѣкъ долженъ оказывать здоровое вліяніе, только болѣзненные и слабые люди вліяютъ губительно на ближняго...

«Да, онъ правъ, я больна, и потому только мнѣ могла придти въ голову эта мысль»,—думала молодая дѣвушка.

— Вотъ моя покойная мать принадлежала къ числу такихъ натуръ,—продолжалъ задумчиво Максимъ. — Бѣдная женщина не сознавала, что она загубила всю жизнь отца своею слабостью, своею болѣзненностью. Въ лучшіе годы его жизни она не только не подтолкнула его на дѣятельность, но убила его послѣднюю энергію, втянула его въ узкіе семейные интересы и довела до той тоски, до той скуки, вслѣдствіе которыхъ онъ началъ пить.

«Меня тоже часто сравнивали съ тетей,—скорбно подумала Дуня.—Онъ самъ не знаетъ, на что онъ заставляетъ рѣшиться меня своими словами».

— Но что это мы начали за здравіе, а свели за упокой,—засмѣялся Максимъ.—Поговоримъ о себѣ, о нашемъ...

Дуня вздрогнула.

— Что съ тобой, Дуня! Тебѣ холодно?—спросилъ Максимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — разсѣянно отвѣтила она, устремивъ глаза въ сторону.

Тамъ, между группой деревьевъ, мелькнуло и скрылось что-то черное.

— Посмотри, посмотри туда! — прошептала въ испугѣ Дуня, указывая по направленію къ этой группѣ деревьевъ.

— Я ничего не вижу, — отвѣтилъ Максимъ.

— Да, теперь не видать, тревожно заговорила Дуня.—

Но это онѣ... Что имъ надо отъ меня?.. Зачѣмъ слѣдятъ... Онѣ меня сведутъ съ ума...

Ея глаза сверкали, ея лицо горѣло горячечнымъ огнемъ.

— Про кого ты говоришь?—испуганно спросилъ Максимъ, которому показалось, что у молодой дѣвушки начинается бредъ.

Но она не слышала его вопроса.

— Ты понимаешь, я не хочу идти къ нимъ,—порывисто продолжала она, крѣпко прижимаясь къ нему.—Не хочу!.. Тамъ смерть, а я хочу жить... Слышишь, жить!.. Онѣ губятъ меня, проклятыя!..

— Дуня, Дуня, что съ тобою? - уже совсѣмъ тревожно воскликнулъ Максимъ.

— Жить хочу... съ тобою...—лихорадочно шептала она.— Милый, дорогой мой, возьми меня... Спаси!.. Я твоя... Что мнѣ за тѣло до ихъ толковъ?.. Онѣ лгутъ, что я погублю тебя!.. Милый, ненаглядный, возьми меня... уведи!.. Да? ты вѣдь не отдашь имъ меня?.. Не отдашь?..

Она порывисто обвила его своими руками и прильнула страстнымъ поцѣлуемъ къ его губамъ. Онъ обнялъ ее и на мгновеніе позабылъ свой испугъ. Онъ только сознавалъ, что его страстно цѣлуетъ та, которую онъ любитъ больше всего на свѣтѣ. Онъ цѣловалъ ее горячими поцѣлуями, а ея объятія все ослабѣвали и ослабѣвали; наконецъ, ея руки тяжело упали съ его плечъ, и вся она какъ будто опустилась. Онъ заглянулъ ей въ глаза—они были закрыты; онъ окликнулъ ее—она не отзывалась.

— Дуня, Дуня!—кричалъ Максимъ, опуская ее на скамью.

Но Дуня не отвѣчала.

Онъ бросился къ пруду зачерпнуть воды: черезъ мгновеніе онъ былъ снова около дѣвушки и смачивалъ ей голову, виски. А гдѣ-то недалеко слышался зовъ:

— Eudoxie. Eudoxie!

Максимъ узналъ этотъ голосъ. Это былъ голосъ сестры Серафимы. Онъ обернулся и въ полутьмѣ увидалъ двѣ фигуры въ черномъ, медленно приближавшіяся къ нему.

«А! вотъ про кого говорила она!»—промелькнуло въ его головѣ.

— Максимъ! Вотъ неожиданность!—проговорила сестра Серафима, приближаясь къ нему.

Онъ хотѣлъ сказать что-то рѣзкое, злое, но махнулъ рукою и тихо пробормоталъ:

— Помогите, съ ней обморокъ!

Сестра Серафима стремительно бросилась къ Дунѣ.

XXII.

У Дуни началась горячка.

Болѣзнь началась, быть-можетъ, ранѣе, чѣмъ ее замѣтили. Надежды на выздоровленіе не было никакой.

Максимъ былъ въ полнѣйшемъ отчаяніи. Онъ забылъ все, онъ не слыхалъ и не замѣчалъ ничего, что происходило вокругъ него. Онъ видѣлъ только одно любимое существо, быстро приближавшееся къ смерти, и безъ мысли, безъ сознанія, тупо и безнадежно слѣдилъ за этимъ угасаніемъ молодой жизни. Необходимость отъѣзда въ Петербургъ для поступленія въ университетъ, дрязги по дѣлежу имѣнія, мечты о будущемъ,—все было забыто, отброшено въ сторону.

Сестра Серафима тоже была поражена болѣзнью молодой дѣвушки, и въ ея печали смѣшивалась искренняя тоска о любимомъ существѣ съ обманутыми надеждами на выгодную сдѣлку.

Просиживая по цѣлымъ часамъ у постели умирающей, Максимъ и сестра Серафима даже забывали свои враждебныя чувства другъ къ другу и, кажется, готовы были соединить вмѣстѣ всѣ свои усилія, чтобы спасти ту, изъ-за обладанія которою они снова повели бы войну послѣ ея выздоровленія. Теперь имъ хотѣлось только спасти ее, не загадывая, какія послѣдствія повлечетъ за собою ея спасеніе.

Покуда во второмъ этажѣ надворнаго флигеля шли хлопоты этихъ двухъ существъ около больной, внизу заботились о свадьбѣ.

Свадьбу хотѣли сыграть по возможности скорѣе, и это дѣлалось потому, что неловко будетъ устраивать свадьбу, когда въ домѣ будетъ покойница. Болѣе всѣхъ заботился объ ускореніи свадьбы Аркадій Павловичъ. Этотъ бракъ имѣлъ для него двойной интересъ: его манили денежныя выгоды и стремленіе удовлетворить тѣ чувства, которыя онъ питалъ къ невѣстѣ. Онъ надѣялся захватить въ свои руки крупный кушъ. Эти деньги были ему нужны, отъ нихъ, по его мнѣнію, зависѣло все его будущее. До сихъ поръ онъ служилъ, при помощи протекціи графовъ Баскаковыхъ, довольно успѣшно, то-есть числился чиновникомъ по особымъ порученіямъ, путешествовалъ на казенный счетъ за границу для осмотра какихъ-то правительственныхъ учрежденій, которыя онъ изучалъ въ кафе-шантанахъ и среди парижскаго полусвѣта. Но особенно блестящей служебной карьеры онъ не надѣялся сдѣлать. Онъ видѣлъ необходи-

кость запастись деньгами, чтобы поставить свой домъ на широкую ногу, а потомъ... потомъ броситься въ игру,—въ игру въ карты, въ игру на биржѣ. Только этимъ путемъ можно было, какъ казалось ему, завоевать положеніе въ свѣтѣ, потому что никакая служба не даетъ такихъ средствъ, чтобы жить широко, открыто. Недаромъ же онъ жилъ въ Петербургѣ въ то время, когда начали при помощи финансовыхъ операцій въ нѣсколько часовъ создаваться громадныя богатства. Онъ съ завистью слѣдилъ за этими спекуляторами, точно волшебствомъ превращавшимися изъ бѣдняковъ въ богачей. Въ его нехитрой, нѣсколько тупой и вялой головѣ роились тысячи комбинацій наживы, тысячи плановъ, въ родѣ сдѣлокъ съ концессіонерами, директорства въ какой-нибудь акціонерной компаніи, игры за границей въ рулетку. Онъ мечталъ, какъ мечтаютъ всѣ барчонки, не привыкшіе съ дѣтства къ кровавому труду или ловкому мошенничеству, но жаждущіе денегъ, денегъ и денегъ не менѣе тѣхъ проходимцевъ, которые по грязи доползли до стотысячныхъ годовыхъ доходовъ. Мечтая, онъ сознавалъ, что его мечты могутъ осуществиться только при помощи случайно попавшихъ ему въ руки денегъ на первоначальныя спекуляціи, и эти деньги теперь давались ему въ видѣ приданаго за невѣстой. Его мучило желаніе узнать поскорѣе, какъ велико будетъ это приданое, и онъ не разъ досадовалъ, что ему нельзя спросить объ этомъ у Платона Николаевича, который, подобно всѣмъ самодурамъ, не потерпѣлъ бы, если бы женихъ вздумалъ высказать свои условія насчетъ приданаго, а не принялъ бы этого приданаго, какъ милостивой подачки изъ рукъ благодѣтеля. Въ то же время Аркадій Павловичъ былъ далеко не равнодушенъ и въ отношеніи самой невѣсты. Онъ не любилъ ее, потому что онъ уже давно утратилъ способность любить. Кто съ шестнадцатилѣтняго возраста пользовался ласками покорныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ, кто прошелъ огонь и воду того холоднаго разврата, который начался въ корпусѣ, продолжался въ крѣпостнической средѣ, доходилъ до высшей степени среди золотой молодежи, тотъ утратилъ навсегда способность испытывать то чистое чувство, которое называютъ любовью. Но чѣмъ менѣе онъ былъ способенъ любить, тѣмъ болѣе былъ онъ склоненъ къ сластолюбію, къ сладострастію. Постоянныя связи съ женщинами, постоянное пребываніе среди развращенной, праздной молодежи, вѣчные, сальные разсказы и сальныя картины развили въ немъ, вяломъ и ту-

помъ по натурѣ человѣкѣ, ту холодную похотливость, для которой нѣтъ ничего святого, которая пробуждается при видѣ каждаго хорошенькаго личика, которая никогда не переходитъ въ страсть, но въ то же время никогда не ослабѣваетъ. Онъ былъ способенъ сходиться одинаково съ женщиной, равнодушно отдающейся ему за деньги, и съ женщиной, страстно бросающейся ему въ минуту увлеченія въ объятья. Онъ могъ сойтись съ женщиной противъ ея воли и удовлетвориться этою связью точно такъ же, какъ связью съ женщиной, добровольно отдавшейся ему. Не зная любви, онъ не зналъ и ревности. Ему было все равно, любила ли женщина, сошедшаяся съ нимъ, кого-нибудь прежде его или нѣтъ, ему было все равно, будетъ ли она завтра любить другого или не будетъ. Онъ наслаждался обладаніемъ ею и точно такъ же насладился бы и тѣми сальными разсказами, которые сообщили бы ему о ней ея прошлые или будущіе любовники. Онъ былъ вполнѣ сыномъ того круга общества, гдѣ женщина-кокотка отдается разомъ нѣсколькимъ мужчинамъ, гдѣ мужчина въ одно и то же время содержитъ нѣсколько женщинъ, гдѣ за пьяною оргіею передаются всѣ сальныя подробности тѣхъ грязныхъ отношеній, за которыя должны бы краснѣть люди и которыми они хвалятся среди такихъ же утратившихъ всякую нравственную опрятность людей, какъ они сами.

Но если, встрѣчая каждую женщину, онъ прежде всего представлялъ въ своемъ лѣнивомъ и сонномъ воображеніи всѣ ея прелести, то въ настоящемъ случаѣ эти представленія прелестей встрѣченной женщины были еще болѣе опьяняющими для него: онъ могъ представить себѣ Адель такъ же полно, такъ же подробно, какъ мы представляемъ себѣ Венеру, Діану.

Въ былые годы, когда онъ былъ еще юношею, когда Адель была почти дѣвочкою, онъ часто пріѣзжалъ въ Ольховатое. Онъ зналъ часы, когда Адель уходила купаться. Онъ зналъ, что Адель купается на открытомъ воздухѣ. Онъ пробирался въ паркъ, становился за дерево и, затаивъ дыханіе, ждалъ, когда появится она съ горничной. Горничная быстро раздѣвалась, а Адель оставалась сидѣть на пескѣ, медленно снимая платье. Онъ замиралъ и задыхался при каждомъ разстегнутомъ крючкѣ, при каждой развязанной тесемкѣ. Но вотъ все было сброшено, все было обнажено. Адель поднималась и лѣниво, граціозно потягивалась, любуясь своимъ собственнымъ тѣломъ. Онъ не спускалъ съ

нея глазъ, изъ которыхъ текли слезы отъ сильнаго напряженія. Съ открытымъ ртомъ, съ высоко поднимающеюся грудью, съ тяжелымъ дыханіемъ, онъ едва не падалъ на землю, всматриваясь въ это молодое тѣло, слыша, какъ Адель спрашивала горничную:

— Хороша я, Луша?

— Что это вы, барышня, все собой любуетесь?—отзывалась недовольнымъ тономъ Луша.—Еще придетъ кто-нибудь, да застанетъ. Срамъ какой! Идите купаться!

Адель улыбалась и неторопливо опускала шаловливую ножку въ воду, вздрагивала, потомъ тихо начинала погружаться въ холодную влагу.

Теперь все это живо, ярко припоминалось Аркадію Павловичу, и онъ перебиралъ всѣ подробности тѣхъ красотъ своей невѣсты, которыя будутъ принадлежать ему, — перебиралъ опять съ высоко поднимающеюся грудью, съ тупо устремленными впередъ глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, съ высыхающими, толстыми губами. Это не былъ циникъ-сатиръ древности, съ своею животною и въ то же время язвительною, сатанинскою улыбкою; это не былъ отважный Донъ-Жуанъ юга, идущій съ пѣснью и оружіемъ въ рукахъ на опасное свиданіе; это былъ давно пресытившійся, и все-таки вѣчно алчущій развратникъ, не знавшій ни поэзіи, ни увлеченія, ни страсти, ни порывовъ, ни жертвъ и привыкшій только продавать, ссужать и уступать и женщину, и себя.

— Ты не можешь себѣ представить, что это за женщина,— говорилъ Аркадій Павловичъ, сидя съ братомъ Петромъ Павловичемъ въ коляскѣ и направляясь къ дядѣ Платону Николаевичу.—Что за роскошь формъ, сколько граціи!

— Да мнѣ никогда не удавалось ее видѣть, когда ты водилъ меня смотрѣть, какъ она купается,—отвѣтилъ Петръ Павловичъ.

— Да, ты положительно много потерялъ.—замѣтилъ старшій братъ. — Это, я тебѣ скажу, просто восторгъ. У нея какая-то восточная нѣга, какое-то сладострастіе въ каждомъ движеніи. Это просто какая-то одалиска.

— Я, право, позавидовалъ бы тебѣ, если бы чувствовалъ хотя какое-нибудь призваніе къ браку. Но я созданъ для веселой холостой жизни съ француженками, съ молодой компаніей друзей, съ шампанскимъ и пѣснями.

— Да, это все отлично. Но все это можетъ существовать и для женатаго. А между тѣмъ, женатый на подобной женщинѣ имѣетъ то преимущество, что у него во всякое время

находится подъ рукой такая жена... Француженки, наши кутежи, все это hors d'oeuvre. А такая жена—это постоянный сытный обѣдъ. Сверхъ того, всѣ эти холостые кутежи доступны только при деньгахъ или при такой удачѣ, какою пользуешься ты. Ты вѣдь всегда былъ баловнемъ друзей и женщинъ.

Петръ Павловичъ мягко улыбнулся.

— Но на подобную удачу можно разсчитывать не долго,— продолжалъ Аркадій Павловичъ. — Покуда ты молодъ, хорошъ, покуда у тебя есть прекрасный голосъ, ты можешь быть желаннымъ собесѣдникомъ и спутникомъ нашихъ петербургскихъ друзей, тебѣ могутъ перепадать крохи наслажденій на ихъ пирахъ. Но это случайность. Чтобы прібрѣсти твердую почву въ ихъ кружкахъ, нужны все-таки деньги; эта же свадьба даетъ мнѣ разомъ и деньги, и красавицу-жену.

— Которую станутъ отбивать у тебя твои же друзья,— засмѣялся Петръ Павловичъ.—Лишняя забота!

— Какъ тебѣ сказать?—задумчиво проговорилъ Аркадій Павловичъ.—Я, кажется, не ревнивъ. Мужъ у насъ по закону стоитъ въ слишкомъ хорошихъ условіяхъ для того, чтобы выходить изъ себя отъ страха потерять навсегда красавицу-жену. Временныя же ухаживанія друзей—это, должно-быть, дразнитъ, щекочетъ чувство.

— А сколько приданаго думаешь ты получить? — спросилъ Петръ Павловичъ.

— Право, не знаю, но мало не получу,—отвѣтилъ старшій братъ.—Ты знаешь, дядя любитъ меня, любитъ Адель,— конечно, по-своему, но все же любитъ. Кромѣ того, онъ понимаетъ, что я стремлюсь составить себѣ карьеру, а онъ былъ бы радъ, если бы кто-нибудь изъ насъ занялъ видное положеніе въ теперешнемъ обществѣ. Онъ вѣдь, въ сущности, страдаетъ болѣе всего вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія. Ему здѣсь скучно, но онъ не ѣдетъ въ Петербургъ потому, что тамъ ему пришлось бы стоять одиноко. Если бы я поставилъ свой домъ на широкую ногу, если бы мнѣ удались мои финансовые проекты, — онъ пріѣхалъ бы ко мнѣ и рискнулъ бы тоже раскошелиться, пустить въ обороты то, что лежитъ безъ употребленія. У него уже нѣтъ теперь смѣлости и ему нужно дать толчокъ, нужно показать, что онъ еще можетъ стоять на видномъ мѣстѣ въ современномъ обществѣ, если не въ качествѣ административнаго дѣятеля, то въ качествѣ богатаго человѣка.

— Но увѣренъ ли ты, что онъ попрежнему богатъ? У него такъ плохо идетъ хозяйство, столько упущеній.

— Это все пустяки! Старикъ просто прижался. Боится начать хозяйничать на новыхъ основаніяхъ.

Коляска въѣхала во дворъ барскаго дома. Молодые люди выскочили изъ экипажа и поднялись по каменнымъ ступенямъ крыльца. Они встрѣтили Александра Николаевича.

— Не ожидалъ такой быстроты, не ожидалъ! — кричалъ Александръ Николаевичъ, крѣпко пожимая руку Аркадія Павловича. — Такой увалень и такъ легко взялъ крѣпость!

— Что-жъ долго думать, дядя!—замѣтилъ Аркадій Павловичъ.—Годы бѣгутъ.

— Бѣгутъ, братецъ, бѣгутъ, это я на себѣ чувствую, — вздохнулъ Александръ Николаевичъ. – Никуда не гожусь теперь, совсѣмъ старѣю... Ну, поцѣлуемся же, будущій зятекъ!

Онъ обнялъ Аркадія Павловича.

— А твоя нареченная въ саду.

— Я пройду къ ней,—замѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Ну, а ты стой! мѣшать не слѣдуетъ,—обратился Александръ Николаевичъ къ Петру Павловичу.—Мы еще, пожалуй, изъ-за кустиковъ можемъ любоваться на влюбленныхъ, а мѣшать—ни-ни! Эхъ, время, время! Давно ли, кажется, вотъ и я тоже сгоралъ отъ страстей? А теперь... Нѣтъ, ты послушай, пожалуйста, что со мной было недавно...

Александръ Николаевичъ взялъ подъ руку Петра Павловича и увлекъ его въ желтую гостиную. Аркадій Павловичъ изъ бѣлой залы вышелъ на террасу, сошелъ въ садъ и направился боковой дорожкой къ бесѣдкѣ, выстроенной въ концѣ сада, на берегу быстрой, небольшой рѣчонки. Эта бесѣдка была любимымъ мѣстомъ полуденнаго отдыха Адели; недалеко отъ этой бесѣдки было и то завѣтное мѣстечко, гдѣ когда-то любовался Аркадій Павловичъ Аделью во время ея купаній. Ему теперь думалось, что хорошо бы застать ее и теперь, какъ въ былые годы, готовою войти въ воду. Онъ теперь не стѣснился бы подойти къ ней. Какъ испугалась бы она! Сперва разсердилась бы, а потомъ начала бы смѣяться. Онъ улыбался сальною улыбкою. Уже за нѣсколько шаговъ не доходя до бесѣдки, онъ увидалъ, что на ступеняхъ бесѣдки сидитъ Адель. У нея на колѣняхъ была раскрыта книга, но она не читала, а смотрѣла безцѣльно вдаль.

— Адель, здравствуй!—окликнулъ ее Аркадій Павловичъ и, взявъ ея руку, поднесъ ее къ губамъ.

Адель вздрогнула. Аркадій медленно и долго цѣловалъ ея

руку и потомъ опустился на ступени, не выпуская руки дѣвушки и гладя ее.

— Ты слышала отъ дяди?—спросилъ онъ.

— Слышала.—отвѣтила она.

— Ну, и что же?

— Жалѣю, что ты не счелъ нужнымъ поговорить прежде со мною,—отвѣтила она.

— Развѣ есть препятствія? — спросилъ онъ. — Я не думаю, чтобы ты отказалась.

Онъ взглянулъ на нее съ тупымъ удивленіемъ; она потупила глаза. Ей было обидно, что она не могла сказать ему, что она не согласилась выйти за него замужъ, что она отказала ему.

— Ты не повѣришь, какъ я люблю тебя,—началъ онъ:— люблю уже не со вчерашняго дня. Ты, конечно, и не знаешь, что уже лѣтъ пять тому назадъ я по цѣлымъ часамъ стаивалъ вотъ тутъ, недалеко, чтобы дождаться, когда ты станешь купаться...

Адель вся вспыхнула.

— Ты, бывало, стоишь, любуешься собой. Ты ужъ и тогда сознавала свою красоту, кокетка! Можетъ-быть, мечтала о женихѣ, о любви.

— О, ради Бога!—сорвалось съ языка Адели.

Она была оскорблена тѣмъ, что этотъ человѣкъ зналъ ея тайны и цинично высказывалъ это.

— Я не понимаю, чего ты конфузишься?—замѣтилъ Аркадій.—Вѣдь теперь мы стоимъ не въ прежнихъ отношеніяхъ. Мы скоро будемъ мужемъ и женою и намъ нечего будетъ краснѣть другъ передъ другомъ. Я и тогда, смотря на тебя, мечталъ, когда ты будешь моею. Мнѣ иногда трудно было удержаться, чтобы не броситься къ тебѣ. Я уже видѣлъ въ тебѣ не ребенка, а дѣвушку, жаждущую любви, ласкъ...

— Ты издѣваешься надо мною! — тихо воскликнула она и встала.

— Куда ты?—спросилъ онъ.

— Домой!—глухо отвѣтила она.

— Ну, полно! Ты еще даже не поцѣловала меня.

Она хотѣла уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ не пущу! — заговорилъ онъ, удерживая ее. — Теперь я въ правѣ поцѣловать тебя не какъ сестру, а какъ невѣсту.

Онъ сладострастно обнялъ ее и прижалъ свои губы къ ея губамъ въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Пусти, пусти! — шептала она, почти теряя сознаніе.

Наконецъ, онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій. Она, шатаясь, пошла по направленію къ дому. Она была унижена, втоптана въ грязь. Она уже сознавала, что она никогда не полюбитъ его, не полюбитъ ради этой первой любовной сцены.

— А вотъ и наши влюбленные!—крикнулъ веселымъ тономъ съ террасы Александръ Николаевичъ.—Нашептались? Тысячи клятвъ и милліоны обѣщаній! Знаю, знаю, все это старо, старо, какъ міръ.

Адель молча прошла мимо отца, не замѣтивъ даже присутствія Петра Павловича.

— Однако, ты, кажется, злоупотребляешь правами жениха, — шопотомъ замѣтилъ Александръ Николаевичъ, погрозивъ Аркадію Павловичу. — Совсѣмъ смутилъ ее своими ласками!

— Чудо, дядя, что за дѣвушка! — проговорилъ Аркадій Павловичъ, потирая руки. — Свѣжесть какая! Еще конфузится. Для меня это ново.

— Да, да, степная дикарка, не вашимъ петербургскимъ бухгалтерамъ въ юбкахъ чета, — похлопалъ его по плечу Александръ Николаевичъ. — А у меня, знаешь, будетъ до тебя просьба.

Александръ Николаевичъ озабоченно потеръ лобъ, оглянулся кругомъ и взялъ подъ руку Аркадія Павловича.

— У меня, знаешь, очень непріятное дѣло есть,—таинственно началъ онъ, прохаживаясь подъ руку съ племянникомъ. — Ты знаешь, мое положеніе не блестящее... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я, конечно, поправлюсь... Но теперь... Ты знаешь, братъ Платонъ очень добрый, но странный человѣкъ... У него гвоздь какой-то въ головѣ; никакъ не выбьешь, что ему западетъ въ голову... Видишь ли...

Александръ Николаевичъ путался и никакъ не могъ сказать прямо, что̀ ему нужно. Аркадій Павловичъ предчувствовалъ, что хочетъ сказать дядя, и молчалъ.

— Видишь ли, оно довольно странно, что я хочу обратиться къ тебѣ съ просьбою въ такое время, но что дѣлать, что дѣлать! — продолжалъ, волнуясь, Александръ Николаевичъ.—Оно, впрочемъ, можетъ-быть, и смѣшно даже, что я волнуюсь, но у насъ, людей стараго времени, есть свои принципы, свои взгляды, свои традиціи... Другой бы, изъ новыхъ, можетъ-быть, вовсе и не волновался въ подобномъ положеніи...

— Я васъ не понимаю, дядя,—пожалъ плечами Аркадій Павловичъ.

— Мнѣ нужно... Ты, пожалуйста, не удивляйся!—пожалъ его руку Александръ Николаевичъ. — Мнѣ нужно денегъ... Взаймы, взаймы на недолгій срокъ, — поспѣшно добавилъ онъ.—Ты не повѣришь, что за трагическое положеніе. Жилъ десятки лѣтъ самостоятельно, кличку «пріятельскаго кошелька» получилъ, и вдругъ—бацъ! на старости лѣтъ живу... безъ карманныхъ денегъ живу!—съ горькою ироніей докончилъ онъ.

Аркадій едва замѣтно усмѣхнулся и подумалъ: «Подлецъ, выпрашиваетъ долю изъ приданаго дочери».

— Сколько вамъ?—спросилъ онъ сухо.

— Немного... тысячу, что ли. — бормоталъ Александръ Николаевичъ, проводя рукою по лбу. — Нѣтъ, этому надо положить конецъ. Вѣдь вотъ у меня дочь выходитъ замужъ, а у меня нѣтъ своего гроша, чтобы сдѣлать ей на память свадебный подарокъ. У меня, ты знаешь, есть на сторонѣ семья, а я не могу ничего ей дать... Братъ, правда, посылаетъ ей деньги, но даже не черезъ меня, а съ приказчикомъ. Это невыносимо... Конечно, я ничѣмъ не обязанъ въ отношеніи этой семьи, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія нынѣшнихъ непогрѣшимыхъ представителей административной исполнительности, у которыхъ вмѣсто сердца сводъ юридическихъ постановленій и вмѣсто понятія о чести—статьи законовъ за номеромъ такимъ-то. Но у насъ, представителей стараго барства, степныхъ дикарей, свои понятія. Если ты скажешь мнѣ, что я правъ по закону бросить женщину, отъ которой я прижилъ незаконныхъ дѣтей, то я все-таки не успокоюсь. Если ты скажешь, что незаконно выходить на дуэль съ человѣкомъ, оскорбившимъ во мнѣ чувство чести, то я все-таки буду съ нимъ драться. Можетъ-быть, все это донъ-кихотство, все это смѣшно, но все это мы всосали съ молокомъ матери.

— Я постараюсь исполнить вашу просьбу тотчасъ же, какъ получу деньги,—сухо замѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Да, пожалуйста! Я тебѣ ихъ отдамъ. Я жду только замужества Адели, а тамъ я объяснюсь съ братомъ. Дальше жить такъ, какъ я живу теперь, у меня нѣтъ силъ.

— Вамъ надо бы служить,—посовѣтовалъ Аркадій Павловичъ.

— Служить, служить! — воскликнулъ Александръ Николаевичъ.—Легко это сказать! По выборамъ я не могу слу-

жить, я обезземеленъ, я ничего не имѣю. Служить же въ этихъ канцеляріяхъ, департаментахъ, палатахъ... Нѣтъ, ужъ пусть тамъ служатъ тѣ, которые умѣютъ при трехстахъ годового жалованья держать собственныхъ лошадей, а при тысячномъ окладѣ строить стотысячные дома. Мы, мой другъ, тоже служили, но служили изъ чести, мы служили безъ жалованья въ полкахъ и кормили на свой счетъ свои роты. Мы сбрасывали свои халаты и, не требуя денегъ, поступали въ ополченіе въ Севастопольскую войну. Мы послѣдніе могикане, которымъ уже не приладиться къ новому строю жизни.

Александръ Николаевичъ еще долго ораторствовалъ въ этомъ родѣ и успѣлъ порядкомъ надоѣсть Аркадію Павловичу, такъ что тотъ очень обрадовался, когда насталъ часъ обѣда.

XXIII.

Слѣдующіе дни пошли для Аркадія Павловича въ хлопотахъ, связанныхъ съ приготовленіями къ свадьбѣ. Онъ обратилъ очень мало вниманія на внезапную болѣзнь Дуни, на безмолвное отчаяніе Максима, на вспышки Адели, въ которыхъ выказывалось отвращеніе къ нему, и на особенную дѣятельность Данилы.

Данила Павловичъ не дремалъ.

Онъ сошелся съ Гущинымъ и заключилъ съ нимъ условіе насчетъ поступленія на службу при строящейся желѣзной дорогѣ. Гущинъ очень хорошо понялъ Данилу Павловича. Старикъ увидѣлъ, что это энергичный, живой и смѣтливый парень съ здоровой глоткой, съ способностью выругаться крѣпкими словами, съ умѣньемъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ ослушный народъ. Такого человѣка было нужно Гущину. Можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ эти способности, заставляло Гущина принять на службу Данилу Павловича и то соображеніе, что Данила Павловичъ былъ племянникъ его прежняго барина. Это, во-первыхъ, льстило самолюбію старика, а во-вторыхъ, служба Данилы Павловича у бывшаго крѣпостного дяди должна была оскорбить самолюбіе Платона Николаевича. Все это тѣшило старика Гущина, не забывшаго нанесенной ему обиды. Данила Павловичъ, съ своей стороны, разсчитывалъ вѣрно: жалкое жалованье армейскаго офицера было крайне недостаточно для его широкой натуры. Гущинъ же предлагалъ ровно втрое больше.

— Я, братъ, самъ въ черной работѣ выросъ, такъ знаю,

что она стоитъ, — говорилъ старикъ, похлопывая Данилу Павловича по плечу. — Конечно, чиновъ я тебѣ не могу дать, орденовъ тоже, а разсуждаю я такъ: наживешься ты у меня, разбогатѣешь, тогда и чины, и ордена купишь. Вонъ вѣдь я что—такъ-себѣ, мужикъ, а тоже когда-нибудь и вашимъ высокоблагородіемъ, и кавалеромъ буду. Все это деньги дѣлаютъ, а на дѣлѣ-то одна суета и тщета. Такъ-то. Служи у меня — все будетъ... А вотъ, если бы ты мнѣ «Вавиловскую рощу» предоставилъ, такъ я и не знаю, какое бы спасибо я тебѣ сказалъ.

— Да какъ ее предоставишь вамъ! — вздохнулъ Данила Павловичъ.

— Ужъ извѣстно, что не предоставишь! Не твоего ума дѣло, ваше благородіе. Такъ, къ слову сказалъ,—замѣтилъ Гущинъ.—У дядюшки-то твоего хоть колъ на головѣ теши, а ужъ если что онъ заберетъ себѣ въ мозги, такъ того оттуда и во сто лѣтъ не выбьешь. Охъ, норовистъ человѣкъ!

— Вотъ я ему поднесу еще подарокъ, какъ скажу, что опредѣлился къ вамъ на службу, — смѣялся Данила Павловичъ.

— Обидишь! — усмѣхался Гущинъ. — Поди, изъ дому выгонитъ.

— Ну, выгнать не выгонитъ, а и не обрадуется.

Посѣтивъ нѣсколько разъ домъ Гущина, Данила Павловичъ ближе познакомился съ дочерью Гущина, Олимпіадой Пахомовной, которую онъ, смѣясь, назвалъ теперь «сырымъ матеріаломъ», а уже не «колодою». Дѣйствительно, новое названіе, данное ей Данилой Павловичемъ, было довольно мѣтко.

Олимпіада Пахомовна, довольно полная, точно изъ заварного тѣста слѣпленная дѣвушка, съ румяными щеками, съ масляными глазами, съ жирными волосами, представляла собою нѣчто такое безхарактерное и безличное, что, кажется, изъ нея можно было вылѣпить что угодно. Покуда ея жизнь и интересы заключались въ ѣдѣ, спаньѣ, питьѣ, гуляньѣ, праздности. Получивъ самое поверхностное пансіонское образованіе, она жила въ родительскомъ домѣ въ ожиданіи будущаго, т. е. замужества. Отецъ ее кормилъ, поилъ, наряжалъ и не притѣснялъ; мать, маленькая и худенькая старушонка, хлопотала по хозяйству, ѣздила по монастырямъ, копила гроши на черный день, не умѣя себѣ представить размѣровъ богатства своего мужа, и радовалась, что у нея выросла такая «скромная дѣвка». Скромная же дѣвка была вполнѣ довольна своею судьбою: она

была нарядне всѣхъ одѣта, она могла спать сколько угодно по утру, она не слыхала ни отъ кого дурного слова, она не нуждалась ни въ чемъ, она даже была любима всѣми. Впрочемъ, ее и нельзя было не любить: она была добра добротою сытаго человѣка и отдавала просящимъ то, что не шло ей въ горло; у нея былъ сговорчивый характеръ изнѣженнаго лѣнтяя, который не возражаетъ никому, чтобы не волновать понапрасну себя; у нея была склонность къ ласковости взлелѣяннаго пятилѣтняго ребенка, для котораго хороши всѣ люди, потому что они всѣ цѣлуютъ его, и онъ не понимаетъ, что можетъ быть въ нихъ дурного. Ее нельзя было назвать умною, ее нельзя было назвать глупою, потому что она въ сущности еще не могла составить себѣ ни о чемъ понятія, кромѣ ѣды, питья, спанья и пансіонскихъ знаній ариѳметики, французскаго и нѣмецкаго языковъ, плохой игры на фортепіано и рукодѣлій. Отецъ говорилъ, что «дѣла» не по бабьей части, и потому не посвящалъ ее ни во что. Мать трогательно замѣчала, что «пускай она покрасуется, пока своихъ заботъ нѣтъ», и не допускала до дочери никакихъ хозяйственныхъ и житейскихъ дрязгъ и хлопотъ.

— Липа у меня еще на подножномъ корму! — шутливо замѣчалъ про нее Гущинъ и, похлопывая ее по круглому и бѣлому плечу, прибавлялъ:—Ишь, какая сдобная вышла!

Таковъ былъ «сырой матеріалъ», съ которымъ пришлось встрѣтиться Данилѣ Павловичу послѣ первыхъ же посѣщеній къ Гущину. При первомъ свиданіи съ Липочкой Данила Павловичъ смутился и не зналъ, съ чего начать разговоръ съ этой «сдобной булкой».

— А вы все здѣсь живете? — спросилъ онъ, наконецъ, у нея послѣ долгаго молчанія, и сконфузился еще болѣе, почувствовавъ, что онъ сказалъ понятную даже ему самому глупость.

— Гдѣ же мнѣ и жить, какъ не здѣсь? — удивилась Липочка, взглянувъ на него недоумѣвающими глазами.

Онъ закашлялся и постарался поправиться.

— Я хотѣлъ сказать, что вы здѣсь, вѣроятно, скучаете, — пробормоталъ онъ.

— О чемъ же мнѣ скучать? У насъ всего довольно, — безхитростно отвѣтила Липочка.

Данила Павловичъ опять сообразилъ, что ей дѣйствительно скучать не о чемъ, что даже онъ очень охотно пожилъ бы такою сытою и полною довольства жизнью.

— Это я, батюшка, скучаю, — вздохнула старуха Гущина:—на ноги скучаю... Ломитъ ихъ у меня...

— Это, мамаша, отъ лѣтъ,—замѣтила дочь.

— И отъ лѣтъ, дитя, и отъ простуды, и отъ всего,—вздохнула мать.—Тоже вѣдь навидалась на своемъ вѣку горя.

— Конечно, кто же не знавалъ въ жизни горя! — подтвердилъ Данила Павловичъ.

— Горе-то, батюшка, горю рознь,—замѣтила старуха.— Недаромъ же говорится, что сохнетъ море, да не такъ, какъ лужа.

Всѣ помолчали. Въ комнатѣ слышалось только сопѣнье самовара, стоявшаго на столѣ.

— Что это отецъ-то замѣшкался,—проговорила старуха, не обращаясь ни къ кому. — Чай перестоится. Налила бы, да не любитъ, когда безъ него начнутъ пить. Не можетъ одинъ пить. Въ горло, говоритъ, не идетъ.

— Много, по крайней мѣрѣ, у васъ подругъ?—опять заговорилъ Данила Павловичъ съ Олимпіадой Пахомовной.

— Нѣтъ, двѣ, три подруги у насъ бываютъ, а больше нѣтъ,—отвѣтила Липочка.

— Она у насъ, батюшка, сама къ подругамъ не ѣздитъ,— пояснила мать.—Тамъ молодежь-мужчины увиваться станутъ.

— Что-жъ, Олимпіада Пахомовна въ такихъ лѣтахъ...— началъ Данила Павловичъ.

— Что ея за годы! — возразила мать. — Да не въ томъ дѣло. Отецъ говоритъ: «знаю я, что на такую невѣсту всякій подлецъ позарится, да не ради ея, а ради ея денегъ, такъ что-жъ мнѣ ее точно на базаръ въ люди вывозить».

— Но вѣдь когда-нибудь придется же Олимпіадѣ Пахомовнѣ выйти замужъ,—замѣтилъ Данила Павловичъ.

— Это что говорить, какъ не выйти! Да пусть выйдетъ не зря, а за человѣка, котораго и она узнаетъ, да и мы разсмотримъ. А такихъ-то людей не на улицѣ, да не на балахъ искать надо.

Данилѣ Павловичу хотѣлось спросить, гдѣ же искать такого человѣка, но въ эту минуту пришелъ самъ Гущинъ.

— Что, ваше благородіе, съ бабами балагуришь?—замѣтилъ онъ Данилѣ Павловичу съ ироніей, такъ какъ онъ почему-то почти всегда говорилъ съ молодымъ Муратовымъ въ этомъ тонѣ, называя его не иначе, какъ «вашимъ благородіемъ».—Ты имъ больше разсказывай, онѣ всему повѣрятъ... Налей-ка поскорѣй, ѣхать надо! — обратился онъ къ женѣ.

— Куда опять?—спросила она, видя, что мужъ нѣсколько озабоченъ.

— Опять рабочіе бѣгутъ!—проворчалъ онъ.—И что это за народъ окаянный у насъ на стройкѣ, такъ просто а-ахъ! Голытьба, пропоица, со всей амуниціей гроша не стóитъ, а туда же кричитъ: «мало платишь, худо кормишь, провизія тухлая!» Нѣтъ, ты мнѣ скажи,—обратился онъ къ Данилѣ Павловичу: — какую онъ провизію, сбродъ-то этотъ самый безпардонный, трескать будетъ, коли его и къ нашему-то дѣлу не допустить? А? Кору, собачій сынъ, станетъ трескать, да и за то не похвалять, потому лѣса барскіе, а законы государскіе!..

Гущинъ сердито налилъ на блюдечко чай и, подувъ на него, началъ пить.

— Это одно, — началъ онъ снова, поставивъ порожнее блюдечко на столъ:—а возьми теперь другое. Платятъ, говорятъ, мало. А гдѣ имъ больше-то дадутъ? Къ мужикамъ въ батраки пойдутъ? Такъ мужикъ теперь откупается и денегъ у него на батраковъ нѣтъ. Къ барамъ толкнутся? Такъ какое хозяйство теперь у баръ? Они еще не очухались на новомъ-то положеніи и не о хозяйствѣ думаютъ, а какъ бы заложить, да запродать имѣніе хлопочутъ. Лѣтъ черезъ пять, черезъ десять, можетъ, за умъ и возьмутся, а теперь они только плачутся на самое это свое неумѣнье, да дурость... И то возьми, изъ какихъ это капиталовъ платить-то больше? «Ты, говорятъ, берешь много». А сколько я раздаю-то, этого не спросятъ. Теперь каждый сорвать норовитъ, какъ собаки голодныя изъ-за кости всѣ грызутся. Отъ этого откупись, другого подкупи, третьяго подмасливай, а это все деньги. Теперь ты не на то разсчитывай, сколько рабочему надо заплатить, а на то, сколько голодныхъ глотокъ разнымъ прощелыгамъ заткнуть надо. Кабы мнѣ производить мое дѣло можно было съ одними рабочими, такъ и имъ бы было не обидно, да и мнѣ не накладно. А то что-жъ, свою шкуру я имъ отдамъ, что ли? Нѣтъ, это шалишь, поработай они съ мое, такъ тогда и узнаютъ, какъ это шкура-то моя, на которую они зарятся, купилась. «У него отъ денегъ, говорятъ, сундуки ломятся». Ну, и ломятся. А какъ я произошелъ, какъ я сундуки-то эти самые наполнилъ, — этого никто не знаетъ. Можетъ, тамъ рубь иной мнѣ дороже стóитъ, чѣмъ вотъ твоему дяденькѣ, Платону Николаевичу, все его Ольховатое стоило. Вотъ почему я этихъ рублей-то зря не отдамъ первому голодному псу. Такъ-то...

Гущинъ опять налилъ чаю, выпилъ его большими глотками, поставилъ на столъ порожнее блюдечко и отеръ потъ съ лица.

— Вѣдь иной межъ двухъ огней стоитъ, — проговорилъ онъ:—а нашъ братъ десятью подпекается. Сегодня я горло деру на эту голь безпардонную, а завтра въ поясъ ихъ благородіямъ разнымъ кланяюсь. Здѣсь галдятъ: «деньги плати за работу, да корми до отвала», а тамъ фертъ какой-нибудь въ умиленье приводитъ: «заимообразно, говоритъ, нельзя ли пять тысячъ». Вотъ ты тутъ и вертись: платишь мало этой сволочи — работать не станетъ она; въ долгъ этимъ фертамъ не даешь — работу бракуютъ, да еще хорошо, если бы только браковали, а то и вовсе работать не позволятъ... Одначе, мнѣ пора!..

Гущинъ поднялся съ мѣста и потянулся, расправляя свои широкія мужицкія плечи.

— Что-жъ, со мной на линію поѣдешь къ дѣлу присматриваться?—спросилъ онъ Данилу Павловича.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ тотъ, вставая.

— Оно и кстати: ты въ военной амуниціи, кто-нибудь еще и за начальство сдуру сочтетъ, — усмѣхнулся Гущинъ.

Онъ относился къ Данилѣ Павловичу какъ взрослый человѣкъ, смотрящій на неоперившагося, но желающаго казаться опытнымъ, юнца.

Простившись съ хозяйками, они вышли. У крыльца уже стояли бѣговыя дрожки, на которыхъ обыкновенно Гущинъ ѣздилъ къ мѣсту работъ. Онъ сѣлъ впереди, Данила Павловичъ помѣстился сзади. Онъ уже не въ первый разъ сопровождалъ Гущина въ его поѣздкахъ на работы. Кровный конь разомъ тронулся съ мѣста и понесъ ихъ по пыльной дорогѣ, ровно и красиво откидывая ногами. Черезъ десять минутъ они были уже за городомъ и ѣхали среди той равнины, которая лежала между городомъ и полотномъ строящейся дороги. Проѣхавъ версты четыре среди однообразной мѣстности, они увидали вдали лѣсъ. Онъ тянулся за полверсты отъ полотна желѣзной дороги.

— Вотъ она, золотая моя!—проговорилъ Гущинъ.—Ишь ты какъ красуется!

— Вы это про что говорите?—спросилъ Данила Павловичъ.

— Да все про нее же, про Вавиловскую рощу,—отвѣтилъ старикъ.—Ты только взгляни.

Гущинъ сдержалъ лошадь. Данила Павловичъ взглянулъ на лѣсъ. Дѣйствительно, этотъ лѣсъ представлялъ теперь чудную картину. Его высокія, вѣковыя деревья, покрытыя

начинавшей мѣстами желтѣть густой листвою, были сбоку насквозь пронизаны косыми, яркими лучами солнца, какъ золотыми нитями. Лѣсъ тянулся вдаль, уходилъ вглубь, и, казалось, нѣтъ ему ни конца, ни края. Гущинъ любовался лѣсомъ и, глубоко вздохнувъ, проговорилъ:

— Кажется, десятка тысячъ не пожалѣлъ бы, если бы кто уладилъ дѣло!

— Ужъ, вѣрно, очень выгодно вамъ купить этотъ лѣсъ,— засмѣялся Данила Павловичъ.

— Выгодно, выгодно, что и говорить! — отвѣтилъ старикъ.—Такого лѣса поискать въ этихъ мѣстахъ. Да выгода что! Нравъ у меня упрямый. Знаешь ты, я еще махонькій былъ и комедіанта одного видѣлъ, который ноги за шею загибалъ, ну и втемяшилось мнѣ въ голову произвести эту штуку самому. Такъ я по ночамъ не спалъ нѣсколько недѣль, чтобы постичь эту самую штуку. Днемъ набѣгаюсь, наработаюсь, а ночью не сплю и ломаюсь, какъ онъ...

— Ну, и что же?—спросилъ Данила Павловичъ.

— Ну, и загнулъ, лучше его загнулъ ноги, — отвѣтилъ старикъ. —Такъ вотъ я какой...

Онъ дернулъ вожжи, и дрожки снова покатились дальше. Данила Павловичъ задумался, пристально глядя на лѣсъ.

«Десять тысячъ,—думалось ему:—десять тысячъ за то, чтобы эти вѣковые гиганты принадлежали не дядѣ, а Гущину, десять тысячъ, пріобрѣтенныхъ безъ всякаго труда. Жаль только, что не хитеръ я подмазываться къ людямъ, а то бы ужъ я умаслилъ дядю. Шутка ли десять тысячъ!»

Данила Павловичъ такъ увлекся этими мечтами о десяти тысячахъ, что довольно невнимательно слѣдилъ за всѣми распоряженіями Гущина, сдѣланными во время объѣзда по линіи, и очень удивился, когда дрожки снова покатились въ обратный путь. Мысль о наживѣ все глубже и глубже залегала въ его головѣ. Какъ человѣкъ, стоящій около бочки съ золотомъ, онъ не могъ не мечтать о томъ, что и ему могла бы перепасть часть этого золота.

Возвратившись домой, онъ засталъ въ столовой одного Петра Павловича, сидѣвшаго за чайнымъ столомъ. Петръ Павловичъ, наливъ брату чаю, началъ жаловаться, какъ капризная женщина, на скуку, на то, что ему теперь приходится или сидѣть дома одиноко, или тоскливо видѣть въ домѣ дяди Платона Николаевича печальныя лица. Самъ Платонъ Николаевичъ хандритъ болѣе обыкновеннаго; сестра Серафима почти не появляется въ общихъ комнатахъ,

такъ же какъ и Максимъ; братъ Аркадій все находится около своей невѣсты или въ разъѣздахъ; даже Александръ Николаевичъ потерялъ свой развеселый и безпечный тонъ и все жалуется на судьбу. Петръ Павловичъ высказывалъ капризнымъ тономъ, что ему непріятно смотрѣть на всѣ эти постныя физіономіи, что онъ теряетъ здѣсь золотое время конца лѣтняго сезона, что онъ охотно бы уѣхалъ, если бы ему не приходилось изъ приличія ждать свадьбы брата. Онъ выражалъ даже мнѣніе о томъ, что онъ раскаивается за свой пріѣздъ сюда, такъ какъ этотъ пріѣздъ не имѣлъ никакого смысла: за шестью тысячами наслѣдства не стоило ѣхать самому и выдерживать за это мѣсяцъ скуки.

Данила Павловичъ очень равнодушно слушалъ всю эту іереміаду, не раздѣляя чувствъ брата, такъ какъ онъ, Данила Павловичъ, не имѣлъ никакой причины скучать въ Чистопольѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь Зарайскѣ или Піотроковѣ: веселыя дѣвочки, водка и бильярдъ были и здѣсь, а для его веселья больше ничего и не нужно. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ не скучалъ даже и безъ этихъ развлеченій, отдавшись всею душою новымъ интересамъ—наблюденію за дѣлами Гущина и мечтамъ о составленіи богатства.

Покуда онъ пилъ чай и выслушивалъ жалобы Петра Павловича, вернулся домой старшій братъ. Онъ бросилъ на стулъ свою панаму, сталъ стягивать перчатки и мелькомъ попросилъ Петра Павловича налить ему чаю. Онъ ходилъ по комнатѣ и какъ-то самодовольно улыбался.

— Вавиловское имѣніе переходитъ къ Адели,—проговорилъ онъ, взглянувъ на Петра Павловича.

— Вавиловское!—воскликнулъ Данила Павловичъ.

Со дня объясненія старшаго брата насчетъ свадьбы Данила Павловичъ не говорилъ съ нимъ ни слова.

— Да-съ, Вавиловское!—насмѣшливо усмѣхнулся Аркадій Павловичъ.—Отличное приданое. Теперь еще схватить крупный кушъ деньгами—и дѣло въ шляпѣ.

Данила Павловичъ задумался.

— Такъ-то-съ, Данила Павловичъ,—иронически засмѣялся старшій братъ и фамильярно похлопалъ по плечу Данилу Павловича.—Прозѣвали! А ваши дѣлишки какъ идутъ?

— Отлично, отлично!—проговорилъ Данила Павловичъ и вдругъ развеселился.

Передъ нимъ блеснулъ лучъ надежды на пріобрѣтеніе «Вавиловской рощи».

— У мужика на посылкахъ служить будете за какихъ-нибудь тысячу пятьсотъ рублей въ годъ?—говорилъ Аркадій Павловичъ.

— Около бочки съ золотомъ стоять буду,—началъ Данила Павловичъ:—и...

— Облизываться?—докончилъ старшій братъ.

— Нѣтъ, буду грести золото лопатами.

Старшій братъ иронически улыбнулся. Считая свою убогую столичную полированность умомъ, онъ видѣлъ въ неотесанномъ бурбонѣ Данилѣ Павловичѣ дурака. Ему никогда не приходило въ голову, что и ему такъ же, какъ Данилѣ Павловичу, судьба отвѣсила ума на аптекарскихъ вѣсахъ и что въ ихъ дальнѣйшей жизни тѣ или другіе ихъ успѣхи будутъ зависѣть вовсе не отъ размѣровъ ихъ ума, а исключительно отъ бо́льшей или меньшей степени пронырливости и хитрости—этихъ геніевъ-хранителей ограниченныхъ головъ.

XXIV.

Свадьба Аркадія Павловича и Аделаиды Александровны должна была совершиться скромно въ имѣніи Платона Николаевича: недавняя смерть матери жениха и смертельная болѣзнь сестры невѣсты заставляли обойтись безъ бала и даже почти безъ гостей. Быть-можетъ, въ этой необходимости скромно обвѣнчать своихъ родственниковъ была доля утѣшенія для самого Платона Николаевича. Онъ увѣрялъ себя и всѣхъ близкихъ, что онъ не устраиваетъ пира и не сзываетъ всѣхъ губернскихъ тузовъ на торжество вслѣдствіе печальной необходимости, и такимъ образомъ онъ избѣгалъ непріятнаго сознанія, что ему, въ сущности, некого звать на пиръ, что къ нему никто не ѣздитъ, что пиръ могъ бы состояться только съ очень мелкими гостями, что давно прошли тѣ времена, когда и самъ губернаторъ считалъ за честь знакомство съ старымъ самодуромъ. Вслѣдствіе скромности свадьбы въ домѣ было такъ же мало оживленія въ день бракосочетанія, какъ и въ предшествовавшіе дни, и, смотря на лица присутствующихъ, можно было утверждать, что они скорѣе боятся услыхать о смерти одного изъ членовъ семьи, чѣмъ надѣются на веселье свадебнаго пира.

Платонъ Николаевичъ тайно бѣсился на то, что свадьба пройдетъ безъ блеска, безъ торжественности, не заставитъ говорить о пирѣ всю губернію, не возбудитъ ни въ комъ

зависти къ тѣмъ, кто былъ на пиру. Вѣчно вѣтреный, все легко выносящій, Александръ Николаевичъ, противъ ожиданія, былъ сильно пораженъ болѣзнью младшей дочери и огорчался, быть-можетъ, еще болѣе тѣмъ, что онъ присутствуетъ какъ чужой при приготовленіяхъ къ свадьбѣ старшей дочери, не имѣя возможности даже сдѣлать ей свадебный подарокъ, такъ какъ Аркадій Павловичъ не получилъ еще денегъ отъ Платона Николаевича и не могъ ссудить дядѣ Александру Николаевичу просимой послѣднимъ тысячи рублей. Петръ Павловичъ нервничалъ и кусился, говоря, что онъ охотнѣе присутствовалъ бы на погребеніи, чѣмъ на скучной свадьбѣ, съ которой выносишь одну мысль, что кто-то будетъ наслаждаться любовью, а ты только устанешь держать вѣнецъ и провозглашать тосты. Данила Павловичъ, не посѣщавшій въ послѣднее время дома дяди, ругался, что на этомъ благочинномъ бракосочетаніи даже и «натрескаться» нельзя въ вознагражденіе за убійственную «тощищу» сидѣнія въ приличномъ обществѣ. Но тревожнѣе и печальнѣе всѣхъ смотрѣли сами женихъ и невѣста. Съ той минуты, какъ молодые люди были объявлены женихомъ и невѣстой, Аркадій Павловичъ старался сблизиться съ Аделью и доказать ей свои чувства къ ней, но, надо ему отдать справедливость, онъ дѣлалъ это съ такой ловкостью, что оскорбилъ въ молодой дѣвушкѣ всѣ чувства дѣвической скромности, приличія, искренней привязанности, жажды чистой любви. Въ этомъ случаѣ его не выручили его внѣшній лоскъ, его приличность, его напускное глубокомысліе, и недостатокъ ума и природной сообразительности сказался очень ясно. Онъ думалъ польстить самолюбію невѣсты и въ то же время пощекотать свои сластолюбивыя наклонности, разсказывая ей подробно, что онъ видѣлъ, подсматривая за ней во время ея купанья, и оскорблялъ ея дѣвственную стыдливость. Онъ думалъ доказать ей, какъ онъ ее цѣнитъ, и говорилъ, что до сихъ поръ всѣ тѣ женщины, съ которыми онъ сходился, не стоятъ ея мизинчика, что это все продажныя женщины, что всѣ ихъ ласки поддѣльны, и оскорблялъ ея дѣвическое цѣломудріе своимъ цинизмомъ. Онъ хотѣлъ показать ей, что онъ любитъ впервые, и распространялся о значеніи мимолетныхъ связей мужчинъ, и она понимала, что съ ней сближается не тотъ чистый и чудный идеальный герой, о которомъ она мечтала, какъ каждая изъ ея сверстницъ, а личность грязная, пошлая, падшая. Иногда Адель вздрагивала, когда Аркадій Павловичъ точно присасывался своими вы-

давшимися, толстыми губами къ ея рукѣ, къ ея полуоткрытой шеѣ, къ ея губамъ. Она никогда не испытывала ощущенія подобныхъ поцѣлуевъ, ее никто такъ не цѣловалъ: она росла въ деревенской глуши, въ родномъ домѣ, безъ подругъ, подъ надзоромъ старыхъ гувернантокъ; она даже не была заражена тѣмъ платоническимъ развратцемъ, которымъ заражаются въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Порою она, никогда не знавшая слезъ, невольно плакала, чувствуя, что руки Аркадія Павловича сластолюбиво обвиваютъ ее, стараются коснуться ея тѣла подъ широкимъ рукавомъ ея лѣтняго наряда. Это была пытка, это была казнь для той, которая самолюбиво царила въ этомъ домѣ, въ своемъ маленькомъ государствѣ, гдѣ даже злой духъ этого государства, дядя Платонъ, брюзжалъ на нее, дразнилъ ее, кололъ ея самолюбіе, но, въ концѣ-концовъ, дѣлалъ все, чего она желала. Но почему же она согласилась выйти замужъ за этого человѣка? Не потому ли, что впервые она испугалась, что дядя Платонъ не поступитъ въ настоящемъ случаѣ согласно ея желанію? Не потому ли, что ее подкупила мысль вырваться изъ скучной глуши, сдѣлаться самостоятельной и, располагая матеріальными средствами, быть повелительницей своего мужа? Не потому ли, что ей шелъ двадцать второй годъ, а женихи или не являлись въ домъ, или отпугивались дядею Платономъ, и она рисковала остаться старой дѣвой? Тутъ вліяли всѣ эти причины, и болѣе всего вліяла скука, скука и скука стараго гнѣзда, гдѣ все дышало преданьемъ, былою плѣсенью, тоской о невозможности возвратить прошлое, недовольствомъ, что новое смѣняетъ и должно смѣнить старое, что молодость должна перерасти дряхлость. И теперь, когда бывали у Адели такія минуты, что она готова была бѣжать къ дядѣ Платону и, рыдая, сказать ему, что она не хочетъ, не хочетъ, не хочетъ выйти за Аркадія,—у нея вдругъ возникалъ вопросъ:

— А послѣ что? Опять жизнь здѣсь?

И она озиралась на эту полинялую голубую китайскую обивку мебели, на эту облупившуюся бѣлую краску стульевъ и столовъ голубой гостиной, на эти облѣзлыя, золоченыя рамы потемнѣвшихъ картинъ,—и ей становилось жутко. Какъ, опять вставать по утру и ходить къ дядѣ съ привѣтствіемъ: «Bonjour, mon oncle! Avez-vous bien dormi?» Потомъ бродить до завтрака безъ дѣла или сидѣть за чтеніемъ скучной книги, за ненужною вышивкою. Послѣ завтрака поиграть на фортепіано, опять почитать, опять сдѣ-

лать нѣсколько крестовъ по канвѣ и ждать обѣда, чтобы потомъ, среди смертельной скуки, ждать, когда настанетъ, наконецъ, ужинъ и сонъ. И какъ страшна, должно-быть, станетъ здѣсь жизнь, когда умретъ и Дуня, уѣдутъ и кузены! Всѣ событія дня, всѣ разговоры близкихъ, всѣ новости,—все это дѣлается старымъ, избитымъ, надоѣвшимъ въ этомъ старомъ гнѣздѣ. А тамъ гдѣ-то далеко, говорятъ, идетъ новая жизнь, кипитъ дѣятельность, шумитъ молодое веселье. Взглянуть бы на все это! Что-жъ, если нельзя купить этого дешевле? Но это безнравственно! Что безнравственно? Отдаться нелюбимому человѣку ради своего освобожденія отъ тяжелаго положенія? Да, это было бы безнравственно, если бы это дѣлалось съ цѣлью обмануть этого человѣка. Но вѣдь она, Адель, не желаетъ его обмануть, она останется вѣрною его женою, она никогда не падетъ, какъ тѣ женщины, о которыхъ говоритъ съ презрѣніемъ даже онъ. Она знаетъ, что ей тяжело будетъ привыкнуть къ его ласкамъ, полюбить его, но она сдѣлаетъ все, чтобы покорить себя необходимости. Вѣдь не легко ей было сносить капризы дяди Платона, однако, она сносила. Недаромъ же всѣ—и дядя Платонъ, и ея отецъ, и отецъ Иванъ, и миссъ Кетти, ея послѣдняя гувернантка,—говорили ей съ дѣтства «о святыхъ обязанностяхъ христіанки», «о свѣтскихъ приличіяхъ», «о долгѣ женщины», «о фамильной чести», «о дворянскомъ достоинствѣ». Недаромъ же она рано узнала, что̀ «непристойно», что̀ «неприлично», что̀ «роняетъ» благороднаго человѣка, что̀ «shocking». Но если Адель, стоя между двухъ огней, сильно тревожилась и боялась за свое будущее, то и Аркадій Павловичъ, съ своей стороны, былъ далеко не спокоенъ. Правда, его не смущалъ вопросъ: будетъ ли онъ счастливъ съ своей женой. Она была хороша собою, она была пикантна, она была молода—и этого было съ него довольно, такъ какъ онъ видѣлъ въ союзѣ съ этимъ существомъ цѣлую массу наслажденій для себя. Вопросъ о ея любви къ нему его нисколько не занималъ, потому что онъ былъ увѣренъ, что если бы она даже и не особенно любила его до замужества, то полюбитъ его послѣ, узнавъ всѣ прелести супружества. Его волновала другая сторона дѣла: сколько дастъ дядя Платонъ денегъ за Аделью? Старикъ почему-то медлилъ разрѣшить этотъ вопросъ, предложить который не смѣлъ Аркадій Павловичъ, зная натуру дяди Платона. «А что, если онъ не дастъ вовсе денегъ?»—думалось ему. Но

нѣтъ, не можетъ быть. Дядя долженъ понять, что деньги необходимы ему, Аркадію Павловичу. Старикъ просто готовитъ сюрпризъ, по своему обыкновенію. А день свадьбы, между тѣмъ, насталъ.

Семейный кружокъ былъ весь въ сборѣ. Около семи часовъ вечера къ крыльцу дома подъѣхали экипажи, и всѣ тронулись въ церковь. Аркадій Павловичъ стоялъ подъ вѣнцомъ, сгорая отъ нетерпѣнія: онъ ждалъ пріѣзда домой и поздравленій: вѣроятно, дядя Платонъ Николаевичъ, поздравляя молодыхъ, вручитъ имъ крупную сумму денегъ. Наконецъ, вѣнчаніе кончилось, молодые приложились къ иконамъ, поцѣловались, поѣхали домой. Александръ Николаевичъ и Платонъ Николаевичъ, Зернина и одна изъ дальнихъ родственницъ встрѣтили ихъ въ бѣломъ залѣ въ качествѣ посаженыхъ отцовъ и матерей. Совершились обычныя благословенія, раздались поцѣлуи, подалось шампанское, провозгласился тостъ за молодыхъ, начались поздравленія. Аркадій Павловичъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ дяди Платона. Вотъ старикъ полѣзъ въ карманъ, пошарилъ тамъ и вынулъ—табакерку. Когда же онъ дастъ деньги? Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ ничего не дать? Да нѣтъ, не можетъ быть, онъ долженъ понять, что деньги нужны. Однако, деньги не выдавались. Подался шоколадъ, подалось мороженое и фрукты, подался чай, а денегъ дядя все-таки не давалъ. Пробило двѣнадцать часовъ, и молодую отвели въ приготовленную для новобрачныхъ комнату. Черезъ полчаса новобрачному пришлось распроститься съ гостями и идти къ молодой женѣ. Проходя по комнатамъ къ той юной красавицѣ, отъ чьей любви Аркадій Павловичъ ожидалъ столько наслажденій, онъ думалъ:

«А вѣдь онъ скверную штуку, кажется, хочетъ сыграть... Впрочемъ, можетъ-быть, завтра».

Съ этою сладкою надеждою онъ отперъ впервые дверь въ спальню своей молодой жены.

XXV.

Только около полудня появились молодые въ столовой, гдѣ уже былъ поданъ завтракъ. Тихо, безъ радостной улыбки, съ смущеннымъ и почти строгимъ выраженіемъ лица вошла Аделаида Александровна въ комнату, гдѣ ее ждали нескромные взгляды семейнаго кружка. Она подошла поздороваться къ отцу, къ дядѣ, къ Зерниной.

— Вотъ тебѣ на булавки,—проговорилъ Платонъ Николаевичъ, подавая ей свертокъ.

Это были денежныя бумаги. Аркадій Павловичъ ожилъ.

— Вамъ вѣдь булавки всегда нужны, чтобы колоть мужей,—пошутилъ старикъ.

Въ послѣднее время, послѣ болѣзни Дуни, онъ сталъ какъ-то страненъ: онъ не бранился, не придирался къ людямъ, не бѣсновался, но зато смотрѣлъ угрюмѣе прежняго.

— О, дядя, меня она не станетъ колоть,—весело засмѣялся Аркадій Павловичъ.—Моя женка просто прелесть!

Начались разговоры, неловкіе, посторонніе разговоры, для того, чтобы разсѣять смущеніе молодой. Аркадій Павловичъ сгоралъ отъ нетерпѣнія, ожидая, когда кончится завтракъ, чтобы остаться опять наединѣ съ молодой женой и разсмотрѣть, сколько дано ей на булавки.

«Я такъ и думалъ, такъ и думалъ, что онъ дастъ денегъ. И охота была томить, держать ихъ у себя до сегодняшняго дня»,—разсуждалъ новобрачный и поспѣшилъ уйти со своею женою, какъ только кончился завтракъ.

— Ну что, сколько намъ пожаловало его превосходительство?—шутливо спросилъ онъ у Аделаиды Александровны, какъ только затворилась за ними дверь ихъ комнаты.

Она молча вынула изъ кармана свертокъ и подала мужу. Онъ сталъ поспѣшно развязывать ленту. Его руки отъ волненія дѣйствовали плохо и только затягивали узелъ. Наконецъ онъ догадался, свернулъ бумаги плотнѣе, снялъ ленту, не развязывая узла, и торопливо развернулъ свертокъ; въ эту минуту можно было сказать, что этотъ человѣкъ алченъ,—сказать съ такою же увѣренностью, съ какою можно было по первымъ его поцѣлуямъ, подареннымъ Адели, сказать, что этотъ человѣкъ развратенъ.

— Онъ шутитъ? Это насмѣшка!—воскликнулъ Аркадій Павловичъ, блѣднѣя.

— Что съ тобой?—разсѣянно спросила Аделаида Александровна.

— Да ты взгляни, взгляни!—волновался онъ, поднося чуть не къ ея лицу бумаги:—пятьсотъ рублей, только пятьсотъ рублей, и то упавшими пятипроцентными бумагами...

— Что же, на булавки достаточно!—презрительно улыбнулась Аделаида Александровна.

— На булавки, на булавки!—воскликнулъ Аркадій Павловичъ, швырнувъ свертокъ и шагая по комнатѣ.—Не булавки намъ нужны, а хлѣбъ, одежда, квартира, экипажи.

— Но вѣдь онъ далъ Вавиловское имѣніе,— замѣтила она.

— Вавиловское имѣніе! Что же, мы землю ѣсть будемъ въ Вавиловскомъ имѣніи, что ли?

— Я думаю, оно приноситъ доходы.

— Ты думаешь! Ты думаешь! А я вотъ что тебѣ скажу: чтобы имѣніе приносило доходы, нужно хозяйничать, а чтобы хозяйничать, нужны деньги. Еще будь дѣло весною, я могъ бы сдать имѣніе на аренду, а кто его возьметъ осенью? Да и гдѣ теперь арендаторы, у кого теперь есть деньги? Въ прекрасное положеніе поставили меня: женатъ и не имѣю денегъ. Если бы я зналъ...

— То не женился бы на мнѣ?—съ горькой ироніей спросила оскорбленная Аделаида Александровна.

— Совсѣмъ не то,—отвѣтилъ Аркадій Павловичъ, нѣсколько смущенный этимъ вопросомъ.—Но я объяснилъ бы дядѣ до свадьбы, что и тебѣ, и мнѣ нужны наличныя деньги.

— И разстроилъ бы свадьбу, потому что дядя не далъ бы ни гроша, если бы ты сталъ самъ назначать приданое,— тѣмъ же тономъ замѣтила Аделаида Александровна.—Ты напрасно не сдѣлалъ этого...

Аркадій Павловичъ молча ходилъ по комнатѣ. Аделаида Александровна встала.

— Куда ты?—спросилъ онъ.

— Въ садъ,—отвѣтила она.

— Побудемъ вмѣстѣ, еще успѣешь насидѣться съ родными,—проговорилъ онъ и хотѣлъ обнять ее.

Она отстранила его.

— Тебѣ, я думаю, будетъ удобнѣе одному предаваться своимъ денежнымъ расчетамъ, такъ какъ я вовсе ихъ не знаю,—сухо проговорила она и вышла.

Онъ постоялъ у дверей, точно раздумывая, слѣдовать ли за нею или остаться одному, и, наконецъ, махнулъ рукою и зашагалъ по комнатѣ. Минутъ черезъ пять въ двери послышался слабый стукъ и раздался вопросъ:

— Можно войти?

— Войдите!—отвѣтилъ Аркадій Павловичъ, узнавъ голосъ Александра Николаевича

— А! ты одинъ?—проговорилъ, озираясь, Александръ Николаевичъ.

Онъ отлично зналъ, что Адель прошла черезъ залъ и терасу въ садъ.

— Какъ видите!—отвѣтилъ Аркадій Павловичъ.

— Это, впрочемъ, и хорошо,—замѣтилъ Александръ Ни-

колаевичъ.—Я по дѣлу... знаешь, по тому дѣлу, о которомъ говорилъ недавно...

— А, вы, вѣроятно, пришли за деньгами, такъ какъ видѣли, что ваша дочь получила на булавки?—спросилъ Аркадій Павловичъ.

Это былъ наглый тонъ раздосадованнаго неудавшейся аферой барышника. Александръ Николаевичъ смутился.

— Да-съ, моя жена, точно, получила на булавки, но я, къ величайшему моему прискорбію, не могу вамъ дать тысячи рублей, потому что, видите ли,—Аркадій Павловичъ взялъ со стола бумаги и показалъ ихъ Александру Николаевичу:—ей дали только пятьсотъ рублей.

Онъ засмѣялся желчнымъ смѣхомъ и, бросивъ бумаги на столъ, снова заходилъ по комнатѣ. Александръ Николаевичъ стоялъ неподвижно, взволнованный и возмущенный неприличнымъ тономъ племянника.

— Братъ, можетъ-быть, полагалъ, что тебѣ выгоднѣе будетъ получить имѣніе,—началъ онъ нерѣшительно.

— Имѣніе, имѣніе!—засмѣялся Аркадій Павловичъ.—Что я съ нимъ буду дѣлать? Развѣ я что-нибудь понимаю въ сельскомъ хозяйствѣ? Да если бы и понималъ, то что я стану дѣлать безъ денегъ? Или прикажете на аренду его отдать? Такъ найдите теперь, подъ осень и при общемъ безденежьи, арендаторовъ. Это беззубой бѣлкѣ орѣхи. Это насмѣшка надо мною.

— Но...—началъ, теряясь, Александръ Николаевичъ, но племянникъ перебилъ его.

— Я всѣмъ этимъ обязанъ вамъ,—заговорилъ онъ отчетливо и нагло.—Если вы живете на счетъ своего брата, если вы выпрашиваете у него субсидіи своей побочной семьѣ, то вашъ долгъ былъ...

— Ты забываешься!—прервалъ его дядя, сдвинувъ брови и волнуясь.—Что за тонъ...

— Э, Боже мой, не прикажете ли мнѣ сентиментальничать, когда меня надуваютъ!—воскликнулъ Аркадій Павловичъ.—Повторяю еще разъ, что вашъ долгъ былъ похлопотать о судьбѣ своей законной дочери, если вы ужъ хлопочете о себѣ, о своихъ незаконныхъ дѣтяхъ.

— Я тебя попрошу замолчать!—почти закричалъ дядя, выходя изъ себя.—Не тебѣ судить, какъ я живу и что дѣлаю.

— Ахъ, повѣрьте, что мнѣ все равно, какъ вы живете и что дѣлаете, когда это не касается меня! Но если вы не заботились о своей дочери, сдѣлавшейся моею женою, если вы

позволили насмѣхаться надо мною, обмануть меня, то я въ правѣ бросить вамъ въ лицо упрекъ. Вы хотѣли только сбыть ее съ рукъ...

— Молчи, мерзавецъ, или я тебѣ зажму ротъ иначе!— закричалъ Александръ Николаевичъ, блѣднѣя отъ негодованія.—Не ты мнѣ судья! Меня можно обвинять во всемъ, но не въ умышленной подлости!

— Да вы, пожалуйста, не кричите! Меня криками не запугаете,—съ ироніей проговорилъ Аркадій Павловичъ.

— Я тебѣ голову размозжу, какъ первому негодяю, если ты скажешь еще хоть слово,—сжалъ кулаки опущенныхъ рукъ Александръ Николаевичъ.

— Что тутъ такое?—вдругъ послышался сзади Александра Николаевича голосъ его брата.

Платонъ Николаевичъ, проходя въ свой кабинетъ, услышалъ крики и зашелъ узнать, что тутъ происходитъ.

— Ничего, mon frère, ничего,—взволнованно проговорилъ Александръ Николаевичъ.—Мои личные счеты съ Аркадіемъ.

Какъ истинный джентльменъ, онъ не считалъ возможнымъ вмѣшивать третье лицо въ свои личные счеты съ кѣмъ бы то ни было. Это было въ его характерѣ.

— Александръ Николаевичъ взволновался, потому что я сказалъ ему откровенно свое мнѣніе,—началъ Аркадій Павловичъ.

— Брату нѣтъ никакого дѣла до того, что касается только насъ,—строго перебилъ его Александръ Николаевичъ.

Но Аркадій Павловичъ не унимался.

— На другой день послѣ моего предложенія насчетъ руки Адели Александръ Николаевичъ просилъ меня дать ему взаймы тысячу рублей. Я обѣщалъ, но исполнить этой просьбы не могъ, и дядя разсердился на меня за это,—пояснилъ своимъ безстрастнымъ и ровнымъ тономъ Аркадій Павловичъ.

— За это? только за это?—произнесъ Александръ Николаевичъ, дрожа и блѣднѣя отъ возмущенія.—Какая же ты низкая, мелкая личность!—съ отвращеніемъ проговорилъ онъ.

Онъ обернулся къ брату и сухо проговорилъ:

— Пойдемте, mon frère. Больше онъ вамъ ничего не осмѣлится разсказать про нашъ разговоръ, я же считаю недостойнымъ себя передавать вамъ эту грязь.

Онъ взялъ подъ руку брата и направился къ дверямъ. Къ величайшему изумленію Аркадія Павловича, Платонъ Николаевичъ не разразился ни насмѣшками, ни бранью противъ брата. Онъ, съ хмурымъ лицомъ, съ сдвинутыми бро-

вями, пошелъ за братомъ. Онъ зналъ Александра Николаевича лучше, чѣмъ Аркадій; онъ зналъ, что въ характерѣ брата есть способность на такія вспышки, въ минуту которыхъ съ нимъ нельзя шутить, и понялъ по блѣдному лицу, по дрожащимъ губамъ и потемнѣвшимъ глазамъ брата, что въ эту минуту братъ испытывалъ именно такой приливъ бѣшенаго гнѣва.

Оба брата молча вышли изъ комнаты.

XXVI.

Когда всѣ собрались къ обѣду, у всѣхъ были постныя физіономіи. Данила Павловичъ и Петръ Павловичъ, не знавшіе, что произошло въ это утро, были поражены похоронным настроеніемъ присутствующихъ. Мрачнѣе всѣхъ смотрѣлъ Платонъ Николаевичъ, не пропускавшій теперь случая для брюзгливыхъ замѣчаній. Угощая присутствующихъ старымъ венгерскимъ виномъ, онъ замѣтилъ:

— Отличное, *старое* вино,—и при этомъ сдѣлалъ особое удареніе на словѣ «старое».—Да, это не то, что новыя, *молодыя* вина.

Данила невольно улыбнулся и шутливо промолвилъ:

— Будетъ время, что и *молодыя* вина сдѣлаются *старыми*, тогда и ихъ хвалить будутъ.

— Ну, еще когда-то сдѣлаются, да и тогда эти будутъ лучше, потому что будутъ еще старше.

— Да, жаль, что не сохранилось вино отъ временъ Ноя: передъ тѣмъ и это вино, вѣрно, показалось бы уксусомъ,— засмѣялся Данила.

Его смѣшило недовольство родственниковъ. Онъ видѣлъ, что бракъ его брата и Адели обманулъ чѣмъ-то ихъ ожиданія, и это тѣшило его.

— Ты скоро уѣзжаешь въ полкъ? — спросилъ его Александръ Николаевичъ.

— Я вовсе не поѣду въ полкъ,—отвѣтилъ онъ.—Я уже подалъ въ отставку.

— Хозяйствомъ, вѣрно, думаешь заняться въ своемъ городскомъ огородѣ или отдыхать на лаврахъ? — иронически спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— Ни то, ни другое, дядя,—бойко отвѣтилъ Данила Павловичъ.—Просто поступаю на частную службу.

— Вотъ какъ! Выгодно, вѣроятно?

— Да, выгоднѣе военной службы.

— Ну, конечно, въ тѣ времена, когда деньги—все, нельзя

брезгать ничѣмъ, что дастъ доходъ, — усмѣхнулся Платонъ Николаевичъ.

— Еще бы! Мундиръ не кормитъ, а ѣсть всѣмъ хочется,— отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— И гдѣ же это ты досталъ мѣсто?—спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— У Гущина, при постройкѣ желѣзной дороги, —произнесъ Данила Павловичъ.

Платонъ Николаевичъ сдвинулъ брови и едва не выронилъ ножа и вилки.

— У Гущина?—воскликнулъ онъ.—Отлично, отлично! Къ цѣловальнику, къ кабатчику, къ своему бывшему холопу дворянинъ идетъ на службу!

— Это все же лучше, чѣмъ ждать того времени, когда дворянину придется протягивать руку за милостынею,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— Не лучше! —перебилъ его Платонъ Николаевичъ. — Честнѣе протягивать руку къ своимъ равнымъ, чѣмъ лакействовать у своего бывшаго холопа. Хороши у васъ понятія о дворянскомъ достоинствѣ.

— Да дворянское-то достоинство не кормитъ, —возразилъ Данила Павловичъ.—И если мы его должны ронять, такъ это потому, что тѣ, кто могъ бы дать намъ средства его поддерживать, оставили насъ нищими.

— А, родители виноваты! — желчно засмѣялся Платонъ Николаевичъ.—Не припасли вамъ милліоновъ.

— Да, не припасли,—отвѣтилъ Данила Павловичъ. Вотъ если бы я остался такимъ богатымъ, какимъ остались вы, дядя, послѣ смерти своего отца, то и я, конечно, разсуждалъ бы точно такъ же, какъ вы, о необходимости поддерживать дворянское достоинство.

Платонъ Николаевичъ бросилъ полный презрѣнія взглядъ на Данилу Павловича и шумно поднялся изъ-за стола. Обѣдъ кончился. Аркадій Павловичъ нетерпѣливо ожидалъ этой минуты и поспѣшно увелъ братьевъ Петра и Данилу въ отведенныя ему и его женѣ комнаты.

— Намъ надо тотчасъ же продать нашъ домъ,—проговорилъ онъ, затворяя за собой дверь своей комнаты.

— Ты знаешь, что я ничего не имѣю противъ продажи этого стараго гнѣзда,—небрежно замѣтилъ Петръ Павловичъ, разваливаясь въ креслѣ.

— Нужно выждать время,—проговорилъ Данила Павловичъ.—Теперь Гущинъ предлагаетъ слишкомъ мало. Но я

увѣренъ, что старикъ поупрямится, поупрямится, а потомъ и сдастся.

— Обождать!—воскликнулъ Аркадій Павловичъ.—Очень хорошій совѣтъ! Ждать, когда нужды деньги до-зарѣзу. У меня въ Петербургѣ будутъ затраты, расходы, нужно обставиться...

— Но вѣдь ты же получилъ приданое,—произнесъ Данила Павловичъ.

— Приданое! Вавиловское имѣніе!—съ ироніей сказалъ Аркадій Павловичъ.

— Что-жъ, имѣніе хорошее. Лѣсъ отличный!—разсуждалъ Данила Павловичъ.

— Лѣсъ, лѣсъ! Не прикажешь ли мнѣ кору глодать? Мнѣ не лѣсъ, а деньги нужны!

Онъ обернулся къ Петру Павловичу:

— Можешь представить, этотъ старый подлецъ надулъ меня,—заговорилъ онъ.—Не далъ ни гроша. Отдѣлался имѣніемъ.

Данила Павловичъ насторожилъ уши.

— Такъ ты продай лѣсъ,—посовѣтовалъ онъ.

— Не тебѣ ли?—насмѣшливо спросилъ старшій братъ.—У кого это здѣсь есть свободные капиталы? Теперь банки, желѣзныя дороги, фабрики устраиваютъ, а я стану искать въ нашихъ мѣстахъ покупщиковъ на лѣсъ! Да, наконецъ, какъ это я найду покупщика вдругъ, сейчасъ, когда мнѣ нужны деньги до-зарѣзу?

Данила Павловичъ помолчалъ, словно что-то соображая, и потомъ снова обратился къ брату:

— Дай мнѣ довѣренность, я поищу покупщика.

— Э, Боже мой, что ты говоришь! Поищу! А что я теперь буду дѣлать?—возразилъ Аркадій Павловичъ

— Я могу отдать тебѣ взаймы свою долю наслѣдства,—проговорилъ Данила Павловичъ.

Старшій братъ въ недоумѣніи остановился передъ нимъ.

— Но вѣдь у тебя у самого долги, тебѣ нужны деньги,—сказалъ онъ.

Его поражало великодушіе Данилы Павловича: онъ на его мѣстѣ никогда бы не сдѣлалъ подобнаго предложенія.

— Ну, кредиторы подождутъ, нужно будетъ только проценты уплатить,—замѣтилъ въ раздумьи Данила Павловичъ.—Правда, тебѣ, можетъ-быть, будетъ это тяжело. Я плачу двадцать пять процентовъ въ годъ.

— Что тутъ о процентахъ толковать! Я тридцать готовъ

отдать,—сказалъ Аркадій Павловичъ.—Я очень тебѣ благодаренъ.

Данила Павловичъ платилъ не болѣе пятнадцати процентовъ, и то въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ надуть «подлеца-ростовщика».

— Но ты понимаешь, что я могу отсрочить уплату своихъ долговъ только въ томъ случаѣ, когда я буду обезпеченъ твоею довѣренностью насчетъ продажи лѣса,—замѣтилъ онъ.

— Неужели же ты думаешь, что я надую!—воскликнулъ Аркадій Павловичъ.

— Совсѣмъ не то,—пояснилъ Данила Павловичъ: — но тамъ, въ Петербургѣ, ты не скоро найдешь покупщика, да и забудешь о продажѣ лѣса. Здѣсь же я найду покупщика скорѣе и, такимъ образомъ, буду обезпеченъ относительно уплаты долга въ скоромъ времени. Лично я готовъ бы ждать, сколько хочешь. Но шельмецы-кредиторы долго ждать не будутъ.

— О довѣренности нечего и толковать! — проговорилъ Аркадій Павловичъ.—Я тебѣ буду очень, очень обязанъ, если ты продашь лѣсъ. Мнѣ нужно обратить въ деньги весь этотъ мертвый капиталъ. Теперь нужно деньги пускать въ обращеніе, нужно ими играть, а не любоваться столѣтними лѣсами, да необъятными лугами. Вѣдь это здѣшніе балбаки лежатъ на своихъ капиталахъ, на своихъ богатствахъ, и не понимаютъ, какую пользу они могутъ извлечь изъ всего этого.

Данила Павловичъ, сильно затягиваясь папироской, слушалъ рѣчи Аркадія Павловича и думалъ: «и что же ты за слухъ царя небеснаго!»

— Я очень радъ, что могу услужить тебѣ,—замѣтилъ онъ не безъ ехидства.—Мнѣ, право, жаль, что дѣло оказалось не такимъ выгоднымъ для тебя, какъ ты думалъ, когда отбивалъ у меня Адель.

Аркадій Павловичъ закусилъ губы и промолчалъ.

— Такъ не пригласить ли намъ завтра Гущина для окончательнаго устройства дѣла о продажѣ дома?—спросилъ Петръ Павловичъ.—Признаюсь, мнѣ надоѣло быть здѣсь. Я, право, удивляюсь Данилѣ, что онъ остается здѣсь.

— Что дѣлать, пошелъ въ чернорабочіе—чернорабочимъ и останусь!—засмѣялся Данила Павловичъ.—Я смотрю на жизнь такъ: если ты хочешь успѣть въ жизни, такъ долженъ пробивать путь и золотомъ, и молотомъ, да не разбирать, во что по дорогѣ наступишь.

— Да, конечно, ты стоишь не въ такихъ условіяхъ, какъ я,—замѣтилъ Петръ Павловичъ разнѣжившимся тономъ.—Мнѣ во всемъ везетъ. Я служу въ гвардіи, хорошъ собою, принятъ въ лучшихъ кружкахъ,—мнѣ все дается легко.

— Твое несчастіе, что ты не въ Петербургѣ воспитывался,—замѣтилъ старшій братъ Данилѣ Павловичу.—Тамъ знаешь, видишь на каждомъ шагу, какъ легко и безъ труда наживаются деньги аферами, спекуляціями, биржевой игрой, ну и пріучаешься къ этой лихорадкѣ ажіотажа, къ этой азартной игрѣ деньгами и, конечно, въ концѣ-концовъ, добьешься своего.

— Да, вамъ везетъ,—согласился Данила Павловичъ:—а я ужъ такъ бурбономъ и останусь. Мнѣ бы вотъ и теперь—пивка, да дѣвчонокъ, я бы и развернулся во всю ширь.

Онъ развеселился и готовъ былъ обнять братьевъ. Впрочемъ, и они въ этотъ вечеръ впервые почувствовали сильное расположеніе другъ къ другу. Оно и не мудрено: черезъ нѣсколько дней они могли разъѣхаться въ разныя стороны изъ стараго гнѣзда; они оказывали одинъ другому денежныя услуги; они, наконецъ, внутренно были убѣждены, что они устраиваютъ не безвыгодную сдѣлку каждый для себя.

XXVII.

Черезъ часъ, не дождавшись чаю, Данила Павловичъ скакалъ уже въ городъ. Онъ ежеминутно понукалъ кучера и, кажется, былъ готовъ вскочить на козлы и взять вожжи въ свои руки, только бы скорѣе доѣхать до города. Онъ проѣхалъ прямо въ домъ Гущина и засталъ старика и его семью за ужиномъ.

— Хлѣбъ да соль,—проговорилъ онъ, бросая фуражку и пожимая руки хозяевъ.

— Хлѣба кушать! Что поздно, ваше благородіе?—спросилъ Гущинъ.

— По дѣлу,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— Ну, поѣдимъ, а потомъ и поговоримъ.

— Да я, признаться, и ѣсть-то не хочу,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Вѣрно, загорѣлось что-нибудь?—усмѣхнулся Гущинъ и зорко взглянулъ на Данилу Павловича.

— Ну да, вотъ посмотримъ, что-то вы заговорите, какъ узнаете,—засмѣялся Муратовъ, потирая руки.

Гущинъ поторопился кончить ужинъ и повелъ молодого человѣка въ свой кабинетъ.

— Ну-съ, завтра можете купить нашъ домъ,—произнесъ торжественно Данила Павловичъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Такъ это ты съ этою-то новостью, какъ шальной, прискакалъ?—спросилъ онъ.

— Съ этою? А развѣ не хороша?—засмѣялся Данила Павловичъ.

— Шутъ ты гороховый, ваше благородіе, какъ я вижу!—махнулъ рукою хозяинъ.

Данила Павловичъ покачалъ головой.

— А что бы вы дали, если бы я новость-то другую привезъ?—спросилъ Данила Павловичъ.—Ну, хоть ту, что я воленъ продать кому вздумаю «Вавиловскую рощу»?

— Да ты въ умѣ?—воскликнулъ старикъ, подходя къ нему.—Дай посмотрю: не выпилъ ли?

Онъ поворотилъ Данилу Павловича лицомъ къ огню и покачалъ головой.

— Ты говори толкомъ,—произнесъ онъ.

Старикъ, видимо, волновался отъ радостной вѣсти.

— Чего еще повторять!—засмѣялся Данила Павловичъ.—Говорю, что могу продать лѣсъ,—вотъ и все.

Старикъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Что-жъ, я сказалъ... я денегъ не пожалѣю,—говорилъ онъ, разводя руками.

— А если я не денегъ попрошу?—вдругъ произнесъ Данила Павловичъ и почувствовалъ, что у него духъ захватываетъ.

— Не денегъ?—изумился Гущинъ и остановился передъ молодымъ человѣкомъ.—Такъ чего же ты попросишь?

— Руки вашей дочери,—отрѣзалъ Данила Павловичъ и перевелъ духъ.

— Руки моей дочери?—повторилъ, качая головой, Гущинъ.—Чѣмъ же это тебѣ такъ понравилась моя Лина?—спросилъ онъ, пристально глядя на гостя.

— Она дѣвушка здоровая, круглая, скромна...

Данила Павловичъ въ смущеніи не кончилъ.

— И денегъ за ней отецъ дастъ много?—докончилъ Гущинъ и опять покачалъ головой.—Не она, а деньги мои тебѣ нравятся,—произнесъ онъ.—Ну, такъ вотъ что я тебѣ на это скажу: я люблю людей, которые деньгамъ счетъ знаютъ,—охъ, какъ люблю! Только дочь-то я продавать

ради этого не стану. И мѣнять ее на товаръ тоже еще нужды у меня нѣтъ!.. А ты эти рѣчи-то брось, да говори о дѣлѣ...

Данила Павловичъ былъ смущенъ и печально проговорилъ:

— Значитъ, вы отказываете?

Гущинъ задумался.

— Какъ тебѣ сказать?—началъ онъ.—Кабы я отказывалъ, такъ взялъ бы я тебя теперь за эти самыя за плечи,—дѣйствительно старикъ взялъ Данилу Павловича своими сильными руками за плечи:—и сказалъ бы тебѣ: вотъ Богъ, а вотъ и порогъ.

Онъ повернулъ Данилу Павловича, какъ ребенка, къ дверямъ лицомъ и потомъ съ усмѣшкой выпустилъ его изъ своихъ желѣзныхъ лапъ.

— А прислугѣ велѣлъ бы тебя метлой гнать, когда ты къ дому моему подойти вздумалъ бы,—кончилъ старикъ.—Но я тебя не гоню. Ты ходи ко мнѣ, работай у меня, наживайся. И когда ты наживешься, да почувствуешь, что и тогда тебѣ моя дочь нравится—сватайся. Тогда тебѣ и моихъ денегъ будетъ не нужно, чтобы въ довольствѣ съ нею жить. Можешь ее въ одной рубашкѣ взять, если любишь.

Старикъ усмѣхнулся.

— Ну, а теперь у меня денегъ свободныхъ мало ей на приданое. Ты же самъ бѣденъ, и пришлось бы вамъ горе мыкать, а Лина къ бѣдности не привыкла. Что за житье было бы у васъ!

Онъ снова подошелъ къ Данилѣ Павловичу, уже съ веселымъ лицомъ, и хлопнулъ его по плечу.

— Ну, ваше благородіе, какъ же насчетъ лѣса?

Данила Павловичъ тоже повеселѣлъ и шутливо проговорилъ:

— Торговаться теперь будемъ. Сдеру все, что можно.

— Ну, что-жъ, дери, только душу отпусти на покаяніе,—отвѣтилъ старикъ.

— А вы вотъ что лучше скажите: дадите ли вы мнѣ впередъ три тысячи, если мнѣ понадобится? Дѣло-то такое, что мнѣ подмазывать колеса нужно.

— Не постоимъ за этимъ.

— Ну, такъ помните же свое слово,—проговорилъ Данила Павловичъ, вставая.

— Говорю, что не постоимъ за деньгами,—утвердительно отвѣтилъ Гущинъ.

— Не объ деньгахъ рѣчь, а о томъ, что когда разбо-

гатѣю, такъ въ одной рубашкѣ или вовсе безъ рубашки, а отгадите Олимпіаду Пахомовну.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ нѣшто влюбился?—спросилъ уже нѣсколько озадаченный старикъ.

— Крѣпышъ она у васъ такой, не ущипнешь! Люблю я такихъ,— проговорилъ Данила Павловичъ, щелкнувъ пальцами.

— Ишь ты! — разсмѣялся Гущинъ.

— Такъ до завтра?—спросилъ Данила Павловичъ.

— До завтра,—отвѣтилъ старикъ.

Они простились. Гущинъ, противъ обыкновенія, проводилъ Данилу Павловича до самой лѣстницы.

Муратовъ вышелъ на крыльцо. Ясная лунная ночь царила надъ городомъ. Ни откуда не доносилось ни звука. Все спало крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ. Данила Павловичъ выпрямился, потянулся, посмотрѣлъ во всѣ стороны и пробормоталъ:

— Ишь ты, благодать какая!

Впервые въ жизни его совсѣмъ не тянуло ни къ «пивку», ни къ «легковѣснымъ дѣвицамъ», ни къ «картишкамъ». Впервые въ жизни ему хотѣлось въ эту ночь подышать воздухомъ, насладиться затишьемъ природы. Онъ пошелъ куда-то прямо, безъ цѣли.

— Яблоко, просто наливное яблоко, а щеки такъ и рѣютъ,—разсуждалъ онъ, смотря въ свѣтлую даль.—И гдѣ у меня глаза были, что я сразу по пріѣздѣ въ городъ не влюбился въ нее?.. Не ущипнешь!.. Да нѣтъ, ущипнемъ, такъ ущипнемъ, что захлебнется отъ удовольствія... Знаемъ мы любовь этихъ дочерей природы... И дуракъ же я былъ, объясняясь со своей благородной и благоприличной кузиной... Обнимать сталъ—кричать начала... Нѣтъ, эта не крикнетъ, эта сама тебя такъ обланитъ, что кости затрещатъ...

Онъ засмѣялся и сдвинулъ на затылокъ фуражку, продолжая свой путь.

«А и дурни же мои почтенные братцы,—думалось ему.— Вотъ меня все простякомъ считали...»

Онъ усмѣхнулся.

Онъ былъ уже за городомъ; передъ нимъ направо рисовались при лунномъ свѣтѣ какія-то фантастическія, точно кружевныя, темныя постройки; это были лѣса строящейся станціи. Отъ нея тянулась и извивалась, пропадая вдали, чернѣвшая въ ночной мглѣ насыпь полотна желѣзной дороги. Казалось, это была гигантская змѣя, подползавшая по землѣ среди ночного затишья къ спящему городу, и не

было конца этой змѣѣ, а около нея виднѣлись землянки, виднѣлись спавшіе на открытомъ воздухѣ люди. Данила Павловичъ засмотрѣлся на эту картину.

— Вотъ онъ, змѣй-искуситель,—проговорилъ онъ.—Скоро понесетъ онъ плоды отъ древа познанія добра и зла, скоро... Манитъ онъ уже людей, сотни, тысячи бѣдныхъ и богатыхъ... Да и какъ не манить!.. Деньгами сыплетъ онъ, деньгами... Эхъ, если бы захватить его въ свои руки, управлять имъ... А что, развѣ нельзя?.. Или силы да ума не хватитъ?

Данила Павловичъ усмѣхнулся, повернулъ назадъ—и вдругъ въ затишьѣ ночи раздался его сильный, мужественный баритонъ. И понеслись куда-то вверхъ и вдаль звуки русской народной пѣсни, полные безпредѣльной, забубенной удали и здоровой животной силы, не мучимой никакими вопросами, никакими сомнѣніями. Такъ, можетъ-быть, пѣвалъ и Александръ Николаевичъ Баскаковъ, когда онъ куролесилъ во всю ширь своей неугомонившейся еще русской натуры. Если бы въ эту минуту подъ руку Данилѣ подвернулась Линочка, онъ сдавилъ бы ее въ своихъ объятіяхъ съ неудержимой животной страстью; если бы ему представилась въ эту минуту возможность обобрать Гущина, онъ обобралъ бы его до-чиста, съ животнымъ, искреннимъ смѣхомъ, съ алчностью дикаря, поймавшаго добычу.

XXVIII.

И въ это-то время, когда всѣ члены семьи Муратовыхъ и ихъ родственники были до мозга костей проникнуты однимъ стремленіемъ—захватить большій кусокъ изъ доставшейся имъ добычи, одна близкая имъ личность забыла всѣ расчеты, всѣ личные интересы, все окружающее, и видѣла, помнила, понимала только одно то, что на ея глазахъ гаснетъ молодая жизнь.

Максимъ, исхудавшій, блѣдный, дошедшій до крайняго нервнаго разстройства, не спавшій ночей, какъ-то тупо и сосредоточенно слѣдилъ у постели Дуни за процессомъ медленнаго угасанія юныхъ силъ.

— Скажите, докторъ,—спрашивалъ онъ домашняго врача дяди Платона, человѣка среднихъ лѣтъ, сухого и аккуратнаго нѣмца:—есть ли надежда?

— Надежда всегда бываетъ, когда живъ субъектъ,—отвѣчалъ докторъ, поднявъ брови и глубокомысленно глядя черезъ очки.

— Значитъ, сестра можетъ еще подняться? - приставалъ Максимъ.

— Все бываетъ, природа производитъ иногда чудеса, — философствовалъ нѣмецъ.

— Но какъ вы думаете, возможно ли ждать благополучнаго исхода?

— Врачъ только потому и лѣчитъ, что всегда надѣется на благополучный исходъ.

— Значитъ, вы надѣетесь?

— Я всегда надѣюсь. Если у нея достанетъ силъ, то она перенесетъ...

— Но какъ вы думаете, достанетъ у нея силъ?

— О, этого я не знаю. Это знаетъ одинъ Богъ.

— Но по вашему мнѣнію какъ?

— Я этого ничего не знаю, потому что это для врача неизвѣстно.

Максимъ не выходилъ изъ терпѣнья, слушая эти отвѣты. Онъ то воскресалъ, то падалъ духомъ, слыша ихъ.

А больная то металась и бредила, то лежала, какъ мертвая, и Максимъ, видя эти страданія, не умѣя помочь ей, не понимая, къ какому исходу приведутъ они, волновался все сильнѣе, проклиная судьбу за то, что онъ не медикъ, что медики вообще такъ равнодушно смотрятъ на больныхъ, что, по его мнѣнію, врачъ не употребляетъ всѣхъ средствъ для спасенія Дуни. Въ эти минуты Максимъ дорого бы далъ за то, чтобы быть медикомъ, чтобы облегчить хотя на минуту больную, чтобы знать ожидающую ее участь. Сестра Серафима, проводившая тоже не мало часовъ около больной, слѣдила иногда за нимъ, когда онъ, забывшись, неподвижно, съ остановившимися глазами, съ стиснутыми зубами сидѣлъ у постели. Она знала, что ему уже извѣстно о свадьбѣ его брата и сестры больной, что онъ уже понимаетъ невозможность своего брака съ больной, и ее поражала, трогала сила этой привязанности, чистой, безпорочной, безрасчетной. Что-то въ родѣ состраданія къ страдающему брату, раскаяніе за сыгранную ею самою роль въ отношеніи къ нему, уваженіе къ его энергіи закрадывалось въ душу монахини. Иногда она ласково совѣтовала ему отдохнуть, порою она ободряла его надеждою, подчасъ она говорила:

— Всѣ мы передъ нею виноваты!

Изрѣдка заходилъ въ эту комнату Платонъ Николаевичъ и постоянно заставалъ здѣсь все на одномъ и томъ же мѣстѣ Максима. Сначала онъ бросалъ на него мелькомъ

равнодушные и полупрезрительные взгляды. Потомъ онъ началъ пристальнѣе всматриваться въ это энергичное и суровое лицо, и ему показалось его выраженіе выраженіемъ лица фанатика, подвижника: ему показалось, что именно такъ смотрѣли тѣ люди, которые простаивали десятки лѣтъ на одномъ столбѣ, которые сгорали на кострахъ съ священными гимнами, которые давали обѣтъ молчанія и не нарушали его среди страшнѣйшихъ истязаній, которые могли быть среди всѣхъ истязаній и мукъ вѣрными своей идеѣ, какъ бы ни была она мелка или широка. Наконецъ, онъ началъ нѣсколько осторожно, если не почтительно, относиться къ нему, съ невольнымъ смущеніемъ говоря мысленно, что такіе люди въ минуту фанатичнаго раздраженія способны или наложить на себя руки, или погубить другихъ, и что поэтому ихъ не слѣдуетъ раздражать. Платонъ Николаевичъ не на шутку боялся, что его племянникъ въ минуту смерти молодой дѣвушки можетъ сдѣлать что-либо такое, что всполошитъ весь домъ. Начинало закрадываться въ душу старика и что-то похожее на раскаяніе, на сознаніе, что Максимъ честнѣе своихъ братьевъ. Съ какимъ-то отвращеніемъ вспоминалъ Платонъ Николаевичъ и о томъ, что онъ готовъ былъ «упрятать» молодую дѣвушку въ монастырь и велъ по этому поводу переговоры, походившіе на омерзительные для него торгашескіе расчеты. Все это дѣлало его все болѣе и болѣе хмурымъ и молчаливымъ. Заходилъ въ комнату больной каждый день и Александръ Николаевичъ, и онъ, быть-можетъ, главнымъ образомъ спасалъ Максима отъ помѣшательства. Онъ, несмотря на свои огорченія, не могъ даже здѣсь удержаться отъ своей болтливости и нѣсколько отвлекалъ Максима отъ одной и той же мысли, принося въ эту комнату вѣсти «съ того свѣта», находившагося за ея предѣлами. Максимъ волей-неволей долженъ былъ выслушивать эти разсказы, иногда отвѣчать на вопросы. На другой день послѣ свадьбы дочери Александръ Николаевичъ пришелъ вечеромъ въ комнату Дуни въ необычайно-мрачномъ настроеніи.

— Ну что наша милая больная?—спросилъ онъ, пожимая руку Максима.

— Все то же,—глухо отвѣтилъ Максимъ.

— Спасибо тебѣ, что хоть ты замѣняешь около нея безпутнаго отца,—проговорилъ со вздохомъ Александръ Николаевичъ.

Онъ присѣлъ и задумчиво опустилъ голову.

— Да, только теперь я понимаю, какъ мало я былъ способенъ на роль отца, — вздохнулъ онъ. — Одну дочь не спасъ отъ болѣзни, другую допустилъ выйти замужъ за человѣка, съ которымъ она не можетъ быть счастлива.

— Вы думаете? — машинально спросилъ Максимъ.

— Да, я только теперь разглядѣлъ его, — отвѣтилъ дядя. — Мелочность, безсердечность, алчность...

Онъ махнулъ рукою.

— А что будетъ еще съ тѣми дѣтьми? — заговорилъ онъ, вспомнивъ о своей побочной семьѣ, жившей въ городѣ. — Я и ума не приложу. Мнѣ нечѣмъ даже обезпечить ихъ. Нечего оставить имъ въ наслѣдство. У нихъ нѣтъ даже правъ наслѣдовать послѣ брата Платона, если и я, и онъ умремъ. Все перейдетъ къ Адели, а съ такимъ мужемъ она будетъ не въ состояніи помочь имъ.

— Я думаю, что ихъ судьба будетъ не такъ печальна, — отвѣтилъ Максимъ. — Ихъ мать пріучитъ къ труду. Платонъ Николаевичъ поддержитъ ихъ покуда и дастъ средства на образованіе, а потомъ... Я, Данила можемъ пособить имъ...

— Да, что ты имъ поможешь, въ этомъ я не сомнѣваюсь; въ помощи Данилы я тоже почти увѣренъ, — заговорилъ дядя. — Онъ грубъ, мало развитъ, но онъ въ сущности не золъ. Но дѣло въ томъ, что у васъ ничего нѣтъ...

— Будетъ на ихъ долю, — проговорилъ Максимъ. — Мнѣ много не надо, а Данила достанетъ...

— Ты не повѣришь, какъ иной разъ тяжело сознавать свое безсиліе, испорченность своей жизни, свою ненужность, — проговорилъ Александръ Николаевичъ со вздохомъ. — Я, какъ какая-нибудь комета, всю жизнь искалъ пути и только переносился отъ одного дѣла къ другому, не довольствуясь ничѣмъ. Конечно, у меня были великіе требованія, мало усидчивости, наконецъ, всевозможныя занятія казались неплодотворными... Вѣдь я, mon cher, всѣмъ былъ: и изучалъ медицину въ Парижѣ, и винокуромъ былъ, и провинціальнымъ антрепренеромъ, и разводилъ табакъ... Ахъ, какія у насъ плантаціи табаку были! Выписали мы сѣмена изъ Гаванны...

Александръ Николаевичъ уже сѣлъ на своего конька и понесся въ область фантазій. Этого было достаточно, чтобы онъ оживился и забылъ всѣ свои душевныя тревоги и покаянія. Максимъ молча, сострадательно слушалъ живую болтовню этого начинавшаго сѣдѣть младенца и, мало-по-малу, забылся подъ нее. Александръ Николаевичъ говорилъ и го-

ворилъ и только черезъ полчаса замѣтилъ, что его собесѣдникъ задремалъ.

— Усталъ, бѣдняга! — проговорилъ онъ добродушно и взглянулъ на его лицо.

Худое, блѣдное, оно было прекрасно. Серьезно сдвинутыя брови со складкой, лежавшей поперекъ между ними, плотно сжатыя и красиво очерченныя губы, сильно обрисовавшіяся, нервныя ноздри правильнаго носа,—все это дышало энергіей, страстностью и въ то же время серьезностью. Александръ Николаевичъ не успѣлъ полюбоваться на племянника, какъ тотъ проснулся отъ внезапно прекратившейся около него болтовни.

— Я слушаю... я слушаю, дядя! — пробормоталъ онъ, приподнимая голову.

— Нѣтъ, mon cher, ты не слушаешь, а спишь,—ласково усмѣхнулся дядя, положивъ руку на его колѣно.—И благо тебѣ! Что меня слушать! Отдохни, а я посижу...

— Нѣтъ, нѣтъ,—уже совсѣмъ бодро проговорилъ Максимъ.—Я не усталъ. Я только отвыкъ отъ разговоровъ... Вы ступайте. Уже поздно.

Онъ совсѣмъ бодро всталъ, откинулъ волосы назадъ и простился съ дядей.

Александръ Николаевичъ вышелъ. Вошла горничная Дуня, спросила, не нужно ли чего-нибудь сдѣлать. Максимъ отвѣтилъ отрицательно. Пришла сестра Серафима, чтобы подежурить около больной. Максимъ уговорилъ ее лечь спать и сказалъ, что онъ проспитъ до пяти часовъ утра. Сестра Серафима вышла. Она знала, что убѣдить Максима лечь спать ночью нельзя. Ему все казалось, что безъ него никто не услѣдитъ за больной, не поможетъ ей, если нужно будетъ помочь. Онъ остался одинъ. Поправивъ зеленый абажуръ на свѣчкѣ и посмотрѣвъ на часы, онъ присѣлъ около кровати. Онъ глядѣлъ на больную: она лежала въ забытьѣ. Теперь ему припоминалась вся ихъ жизнь, всѣ ихъ свиданія, всѣ ея фразы, ласки, совѣты. Сколько непорочности, сколько теплой любви, сколько способности прощать было въ этомъ дорогомъ существѣ! А теперь? Теперь она, убитая людьми, лежитъ безъ всякаго сознанья, не знаетъ даже, что онъ, любимый ею человѣкъ, ловитъ каждый ея вздохъ, слѣдитъ за малѣйшимъ ея движеніемъ. Но вотъ ему показалось, что она открыла глаза и смотритъ на него. Потомъ ему показалось, что ея лежащая на бѣломъ одѣялѣ рука слабо пошевелилась, точно больная хотѣла ее поднять.

Онъ тихо подошелъ къ постели и взялъ руку больной. Ему показалось, что эта рука слабо пожала его руку. Онъ опустился на колѣни и заглянулъ въ лицо своей любимой сестры: по ея лицу скользнуло что-то въ родѣ ласковой, знакомой ему улыбки. Въ немъ промелькнулъ лучъ надежды; онъ прижалъ губами къ этой рукѣ и почувствовалъ, что она еще крѣпче сжала его руку, что это пожатіе продолжалось.

— Милая, дорогая!—шепталъ онъ сердечнымъ, потрясеннымъ голосомъ и опять поднялъ голову, опять взглянулъ на это милое лицо.

Она все еще улыбалась одною и тою же улыбкою. Но онъ замѣтилъ, что улыбались только губы, а не глаза. Эти глаза были открыты, они смотрѣли, но не на него, не на какой-нибудь предметъ, а въ пустое пространство, дальше этихъ постылыхъ стѣнъ, гдѣ загубилась вся молодая жизнь, гдѣ были обмануты всѣ свѣтлыя мечты. Онъ шевельнулъ своею рукою и почувствовалъ, что ее все еще придерживаетъ попрежнему рука больной. Но это была уже холодная, неподвижная рука. Онъ хотѣлъ приподняться, хотѣлъ идти и упалъ головою на эту, уже холодную какъ мраморъ, грудь.

Черезъ полчаса въ дверь комнаты сестры Серафимы послышался слабый стукъ.

— Аминь!—проговорила монахиня.

Къ ней вошелъ Максимъ. Онъ былъ еще блѣднѣе обыкновеннаго, его волосы были въ еще большемъ безпорядкѣ; онъ походилъ на выходца изъ могилы. Сестра Серафима, проводившая послѣднія ночи сидя въ креслѣ, встала къ нему навстрѣчу.

— Что?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Пройди, пожалуйста, туда... извѣсти другихъ... я самъ не могу,—тихо проговорилъ Максимъ.

— Умерла?—слабо воскликнула сестра Серафима.

Максимъ махнулъ рукою и пошелъ вонъ.

На слѣдующій день совершалась панихида. Трупъ молодой дѣвушки, весь въ бѣлой кисеѣ, лежалъ на столѣ. Густыя волны ладана клубились кругомъ нея, какъ легкія облака. Въ комнатѣ слышались рыданія сестры Серафимы, Аделаиды Александровны и женщинъ-служанокъ. Александръ Николаевичъ стоялъ на колѣняхъ и усердно молился, отирая катившіяся по его лицу крупныя слезы. Платонъ Николаевичъ, съ нахмуренными бровями, стоялъ у стѣны, заложивъ одну руку за бортъ сюртука и держа свѣчку, нѣсколько дрожавшую въ его лѣвой рукѣ. Какъ-то случайно онъ взглянулъ среди

панихиды въ заднiй уголъ комнаты и увидалъ тамъ Максима. Максимъ стоялъ неподвижно, смотря издали на покойницу. Онъ былъ блѣденъ, но въ его глазахъ не было слезъ: онъ стоялъ твердо, его рука, державшая свѣчу, словно окаменѣла. Онъ не склонялъ колѣнъ, не крестился. Платонъ Николаевичъ опять невольно задумался о томъ, что за личность былъ его племянникъ. Была ли эта узкая, ограниченная натура, ошеломленная до отупѣнiя, до оцѣпенѣнiя горемъ, или, напротивъ того, это было существо, безгранично страстное, отдающееся каждому чувству всецѣло, безраздѣльно и сдерживающее теперь только при помощи желѣзной воли всѣ внѣшнiя проявленiя горя? Когда панихида кончилась и всѣ пошли изъ комнаты, Александръ Николаевичъ подошелъ Максиму.

— Теперь тебѣ нужно отдохнуть, поберечь себя,—ласково замѣтилъ онъ племяннику.

— Что мнѣ дѣлается,—отвѣтилъ Максимъ.—Обтерпѣлся.

Платону Николаевичу хотѣлось заговорить съ Максимомъ, но его оскорбляло поведенiе Максима въ отношенiи его. Максимъ относился къ нему, какъ къ чужому, вѣжливо, холодно, сдержанно. Заговорить съ нимъ—значило напроситься на односложные, холодные, какъ ледъ, отвѣты. Сойтись же съ нимъ ближе, родственнѣе, не было уже никакой возможности. Платонъ Николаевичъ понималъ изъ поведенiя Максима, что послѣднiй не находитъ ничего общаго съ нимъ, со своимъ дядей. Максимъ даже не называлъ его дядей.

«А между тѣмъ, именно въ немъ сохранились родовыя черты: упорство, непокорность, непоколебимость,—думалъ старикъ.—И на кого это онъ сталъ похожъ?»—разсуждалъ онъ, проходя въ свой кабинетъ черезъ столовую, гдѣ висѣли фамильные портреты.

Его взглядъ невольно остановился на одномъ портретѣ: сходство между этимъ портретомъ и Максимомъ было поразительное. Это былъ портретъ дѣда Платона Николаевича, прадѣда Максима,—портретъ человѣка, оставившаго въ памяти людей цѣлыя легенды о своей ужасающей дѣятельности и о своей желѣзной волѣ: во время пугачевщины онъ былъ схваченъ своими взбунтовавшимися крестьянами и среди пытокъ откусилъ себѣ языкъ, чтобы не проговориться холопамъ подъ влiянiемъ мукъ о спрятанныхъ имъ богатствахъ.

XXIX.

Монотонно, и день, и ночь, читаетъ дьячокъ у гроба мо-

лодой покойницы, а въ разныхъ углахъ дома идутъ мелкіе счеты и толки о грошахъ, идутъ приготовленія къ отъѣзду молодежи. Къ Аркадію Павловичу въ комнату собираются братья Данила и Петръ и дѣлятъ вырученныя отъ продажи стараго гнѣзда и стараго хлама деньги. Аделаида Александровна укладываетъ вещи, готовясь уѣхать изъ своего стараго гнѣзда въ столицу. Сестра Серафима, еще плачущая и рыдающая во время панихиды, уже старается убѣдить Платона Николаевича дать хотя что-нибудь на устройство монастырской школы въ память Дуни. Александръ Николаевичъ тревожится, что ему будетъ еще невыносимѣе жить въ домѣ брата безъ дочерей, и часто беретъ подъ руку Максима и изливаетъ передъ нимъ свое горе, пожимая ему руку за то, что тотъ предлагаетъ ему взять половину того, что достанется на долю ему, Максиму.

Но вотъ настали и четвертыя сутки. Прошла и обѣдня въ церкви, кончилось и отпѣваніе, простились съ покойницей, понесли гробъ къ могилѣ, опустили въ землю, засыпали землею; настало время идти истреблять похоронный обѣдъ. Максимъ пошелъ къ Александру Николаевичу.

— Итакъ, дядя, прощайте! — проговорилъ онъ тихо.— Помните, что я всегда къ вашимъ услугамъ, насколько могу.

— Такъ ты не передумалъ? Сейчасъ уѣзжаешь?—печально спросилъ Александръ Николаевичъ.

— Да!

Молодой человѣкъ пожалъ руку дяди, простился съ Аделью, съ сестрой Серафимой, наконецъ, подошелъ и къ Платону Николаевичу.

— Да развѣ ты сейчасъ уѣзжаешь? — изумился тотъ.

— Сейчасъ,—холодно отвѣтилъ Максимъ.

— И то сказать, что тебѣ здѣсь теперь дѣлать? Ничто не привязываетъ. Жалѣть нечего!—не столько желчно, сколько съ горечью проговорилъ Платонъ Николаевичъ.

— Вы совершенно правы,—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Максимъ.—Но я думаю, что и другимъ ни тепло, ни холодно отъ моего отъѣзда.

— Еще бы, еще бы!—раздражился еще болѣе Платонъ Николаевичъ.—Ты насъ за чужихъ считаешь, ну, и мы тебѣ отвѣчаемъ тѣмъ же. Какъ аукнется, такъ и откликнется.

— Это совершенно вѣрно, — подтвердилъ Максимъ. — Только вы, кажется, нѣсколько ошибочно смотрите на это дѣло: аукались вы, а не я,—я только откликался.

Онъ поклонился Платону Николаевичу холодно, вѣжливо,

какъ человѣку, съ которымъ онъ долженъ былъ говорить и прощаться только изъ приличія, и пошелъ прочь. Платонъ Николаевичъ сдвинулъ брови и смотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ онъ шелъ твердою, неторопливою, ровною поступью, съ опущенною на грудь головой, съ засунутыми въ карманы пальто руками.

— Что это, куда Максъ пошелъ?—подлетѣла къ Платону Николаевичу Зернина.

— Искать себѣ берлоги, съ горькой ироніей отвѣтилъ старикъ.

— Ахъ, онъ точно волкомъ смотритъ. Но неужели же онъ дѣйствительно совсѣмъ уѣхалъ? Вѣдь онъ даже не простился со мною!

— А вы бы лучше спросили его, замѣтилъ ли онъ васъ?—желчно произнесъ Платонъ Николаевичъ.—Я думаю, онъ объ васъ такъ же мало думалъ, какъ о томъ червякѣ, который издыхаетъ подъ его сапогомъ.

Старикъ направился къ дому.

— Какой неучъ! Невѣжа!—волновалась Зернина, толкуя со всѣми о Максимѣ.—Я его на рукахъ въ дѣтствѣ носила... а онъ... Ахъ, нѣтъ, вы представьте: прошелъ мимо меня и даже не кивнулъ головою... И если бы еще чѣмъ-нибудь отличался, въ гвардіи служилъ или при министрѣ, а то такъ что-то... Онъ вѣдь студентъ?—обратилась она къ сестрѣ Серафимѣ.

— Да, поступаетъ въ академію, кажется,—отвѣтила та.

— Скажите! Даже и не студентъ еще! —заволновалась еще болѣе Зернина.—Онъ, впрочемъ, всегда обѣщалъ сдѣлаться негодяемъ... Я говорила моему неоцѣненному Сашѣ: «ради Бога, ради Бога, сторонись отъ него»... Я понимаю, что изъ него выйдетъ... Но это меня забавляетъ: пройти и даже не поклониться... Какое знаніе приличій!.. Да гдѣ онъ все послѣднее время прожилъ?

Она обратилась къ сестрѣ Серафимѣ. Но та только пожала плечами и отвѣтила:

— Право, не знаю!

— Дядя, дядя,—окликнула Зернина Александра Николаевича.—Гдѣ жилъ Максъ въ послѣдніе годы?

— Въ Петербургѣ,—отвѣтилъ Александръ Николаевичъ.

— Да, но въ какомъ кругу, въ какой средѣ?

— Право, не умѣю вамъ сказать,—отвѣтилъ Александръ Николаевичъ. Мы всѣ такъ много виноваты въ отношеніи его, что мнѣ было бы совѣстно разспрашивать, какъ онъ

перебивался въ тѣ годы, когда мы даже не справлялись о немъ.

— Ахъ, дядя всегда хочетъ быть рыцаремъ, защитникомъ мнимо угнетенныхъ! — воскликнула Зернина, обращаясь къ сестрѣ Серафимѣ.

— Что-жъ, дядя правъ: мы, точно, всѣ виноваты въ отношеніи Максима, — смиренно покаялась сестра Серафима.

— Я только знаю то, что онъ не лебезилъ передъ тѣми, передъ кѣмъ было бы выгодно стоять на заднихъ лапкахъ, — сухо замѣтилъ Платонъ Николаевичъ, подходя къ разговаривающимъ и приглашая всѣхъ къ столу.

— Конечно, я такъ мало его знаю, — оправдалась въ смущеніи Зернина. — Меня только поразили эти вульгарныя манеры, эта мѣщанская невѣжливость.

— Ну, онъ-то, можетъ-быть, болѣе дворянинъ, чѣмъ многіе блюдолизы, — оборвалъ ее Платонъ Николаевичъ и круто перемѣнилъ разговоръ.

Всѣ сидѣли за похороннымъ столомъ въ похоронномъ настроеніи. Каждый только и думалъ, какъ бы поскорѣе кончился этотъ обѣдъ, какъ бы скорѣе вырваться изъ этого дома. Данила Павловичъ, всматриваясь въ лица присутствующихъ, невольно подумалъ, что Максимъ былъ правъ, не насилуя и не мучая себя присутствіемъ въ этомъ обществѣ, съ которымъ у него было такъ же мало общаго, какъ и у прочихъ членовъ семейнаго кружка. Вслушиваясь въ разговоры, Данила Павловичъ замѣчалъ, какъ эти люди начинали пикироваться между собой со второй же фразы, какъ они не могли ни на чемъ сойтись, и ему казалось, что то старое гнѣздо, въ которомъ они находятся теперь, должно неминуемо разрушиться, какъ разрушилось ихъ собственное старое гнѣздо.

Черезъ часъ послѣ обѣда все общество разсѣялось по разнымъ угламъ. «Уѣзжать, уѣзжать отсюда!» — вотъ единственная мысль, занимавшая всѣхъ, и каждому хотѣлось только унести побольше скарба изъ этого стараго гнѣзда.

Вечеромъ братья отправились въ Чистополье, чтобы свести въ своемъ домѣ еще кое-какіе мелкіе счеты. Максимъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Покончивъ дѣла, онъ поручилъ Данилѣ Павловичу спрятать половину его денегъ на случай, если онѣ понадобятся Александру Николаевичу.

— Пиши мнѣ объ немъ, пиши объ его семьѣ, — обратился къ нему Максимъ. — Я не успѣлъ въ это тяжелое время побывать у его дѣтей; ты сдѣлаешь это за меня.

Данила Павловичъ изъявилъ полную готовность сдѣлать все, что нужно, для семьи дяди.

Максимъ пожалъ ему руку и пошелъ наверхъ собирать свои вещи. Къ нему на цыпочкахъ вошла Настасья.

— А, это ты, Настуся!—проговорилъ онъ, связывая въ узелъ свои немногіе пожитки.—Вотъ тебѣ, Марьѣ и Вавилѣ на первый случай.

Онъ передалъ пакетъ съ деньгами своей нянькѣ.

— Батюшка, да на что же,—бросилась къ нему съ поцѣлуями Настасья.

— Стары вы, гдѣ вамъ служить!—проговорилъ онъ.—А скопить многаго, я думаю, не пришлось...

— Вотъ и готово!—поднялся онъ, завязавъ узелъ, и вздохнулъ.—Ну, теперь болѣе не вернусь сюда...

— Образокъ, батюшка, образокъ возьмите,—заговорила Настасья и полѣзла на стулъ, чтобы снять простой деревянный образъ со стѣны.

— Не надо, ничего не надо,—остановилъ ее Максимъ.—На что мнѣ!..

Онъ махнулъ рукою и проговорилъ:

— Ну, прощай!

Настасья зарыдала, бросившись цѣловать его.

— Позови сюда и Вавилу, и Марью,—сказалъ онъ.

Старые слуги поднялись въ мезонинъ. Максимъ обнялъ ихъ.

— Пишите, если будутъ нужны деньги,—говорилъ онъ.—Къ брату Данилѣ обращайтесь. Онъ не оставитъ васъ и самъ, и меня извѣститъ. Не нищими же жить вамъ на старости... Прощайте... Спасибо вамъ за все, за все...

— Присѣсть, присѣсть, батюшка, нужно передъ дорогой,—проговорила Настасья.

Всѣ сѣли. Прошла минута тяжелаго молчанія. Наконецъ, Максимъ не выдержалъ и всталъ, порывисто обнялъ еще разъ стариковъ и быстро сталъ спускаться съ лѣстницы. Онъ дошелъ до площадки перваго этажа, завернулъ въ залъ и торопливо промолвилъ:

— Ну, прощай, Данила!

Данила Павловичъ бросился къ нему.

— Какъ, уже и готовъ? А лошади?

— Пройдусь пѣшкомъ, гдѣ-нибудь попутчика найду. Надо поразмяться... Не забывай же, дружище, дядю, старухъ, Вавилу.

— Положись на меня... Да ты самъ пріѣзжай!

— Пріѣду, пріѣду... Будешь жениться—шаферомъ буду,—

улыбнулся Максимъ, ничего не видя отъ сдержанныхъ слезъ, и дружески сжалъ руку Даниилы Павловича.—А съ вами... не прощаюсь,—обернулся онъ къ Петру Павловичу и къ Аркадію Павловичу.—Въ одинъ городъ ѣдемъ, можетъ-быть и встрѣтимся... До свиданья...

Онъ кивнулъ имъ головой и торопливо вышелъ изъ комнаты, провожаемый Даниилой Павловичемъ и прислугой. Они спустились внизъ. Тамъ стоялъ «Митюшка-фалеторъ».

— А тебя-то я и забылъ,—улыбнулся Максимъ.—Вотъ тебѣ на орѣхи...

Онъ далъ ему нѣсколько серебряныхъ монетъ.

— Купи и Валеткѣ сухарей,—улыбнулся онъ, проводя рукой по головѣ мальчугана.

— Я его къ себѣ въ камердинеры возьму,—засмѣялся Даниила Павловичъ.

— Ну, и хорошо. Прощайте же, друзья... Довольно!.. Дальніе проводы—лишнія слезы.

Максимъ, стиснувъ крѣпко зубы, сдерживая слезы, вышелъ изъ воротъ, повернулъ по Старой Господской улицѣ, по направленію къ Новой Господской, и скоро скрылся за угломъ крайняго дома.

«И все та же тишина, тотъ же сонъ, какъ и тогда!»—думалъ онъ, ступая по мягкой, пыльной дорогѣ и смотря на полуразвалившіеся заборы, на зараставшія мхомъ крыши, на заколоченные ставни домовъ.

XXX.

Старый барскій домъ въ Ольховатомъ опустѣлъ.

Въ немъ остались только Платонъ Николаевичъ и Александръ Николаевичъ, окруженные дворней. Покуда здѣсь были люди, эти парадныя, построенныя для пировъ комнаты не казались неудобными, неуютными. Теперь онѣ, построенныя въ рядъ, чрезмѣрно высокія, выглядѣли неуклюжими сараями. Массивная мебель нагоняла тоску своею правильностью, своимъ порядкомъ. Тяжелые стулья изъ стараго дуба, изъ корельской березы, никѣмъ не сдвигавшіеся съ мѣста, казались, приросли къ стѣнамъ. Бронзовыя украшенія мебели давно потемнѣли. Китайская голубая ткань на диванахъ и стуляхъ въ голубой гостиной, желтый штофъ на креслахъ въ желтой гостиной, позолота и бѣлая краска стульевъ,—все это приходило въ ветхость. Въ комнатахъ перестало пахнуть людьми и пахло кладовою. Пыль и паутина, несмотря на ежедневное обметаніе,

садились толстымъ слоемъ на все, потому что ихъ не уносили, не тревожили, какъ прежде, поминутно сновавшіе здѣсь люди. Звуки шаговъ и голоса людей стали раздаваться крикливѣе, ярче въ опустѣвшемъ пространствѣ. Стало слышно, какъ трещитъ мебель и полы, какъ лопаются гдѣ-то обои отъ первой осенней топки печей. Прежде, проходя по этимъ комнатамъ, никто не замѣчалъ своей тѣни; теперь становилось какъ-то непріятно и жутко, когда, проходя по ряду этихъ комнатъ, человѣкъ видѣлъ свое темное, доходившее до потолка, отраженіе. Иногда въ полутьмѣ, взглянувъ случайно по направленію къ окнамъ, обитатели смущались: имъ казалось, что въ окна смотрятъ какія-то тѣни—это были густыя вѣтви деревъ, близко прильнувшія къ окнамъ. Когда оба брата садились за чай, имъ было странно, что они должны были разливать себѣ чай сами или заставлять это дѣлать слугу, при которомъ они стѣснялись разговаривать. За утреннимъ чаемъ, за завтракомъ они еще находили кое-какія темы для разговоровъ, но уже за обѣдомъ они сидѣли молча, не зная, о чемъ говорить. Платонъ Николаевичъ сильнѣе прежняго злился на все: онъ злился на литературу, въ которой появляются какіе-то проходимцы, parvenus, семинаристы и разночинцы, въ которой уже не умѣютъ такъ писать, какъ писали Карамзинъ и Пушкинъ, въ которой нѣтъ ничего возвышеннаго и благороднаго, а все стало мелочно, утилитарно, похоже на счеты лавочниковъ и отчеты приказчиковъ; онъ злился на реформы, изъ которыхъ каждая, по его мнѣнію, подрывала основы старой жизни, но не могла создать новаго строя, потому что, по его словамъ, каждая реформа только стѣсняла власть самаго образованнаго сословія и расширяла права необразованныхъ сословій, грозя откинуть насъ назадъ, а не двинуть впередъ; онъ злился на молодыхъ дворянъ вообще и на своихъ племянниковъ въ особенности, говоря, что эти люди, испуганные невозможностью жить доходами съ крестьянъ, бросились, очертя голову, добывать деньги и сблизились съ мѣщанствомъ, съ кулаками, съ лавочниками, при чемъ они, вмѣсто того, чтобы поднять этихъ людей до себя, стали спускаться до нихъ; онъ злился на то, что у дворянства нѣтъ никакихъ общихъ «своихъ» интересовъ и общаго «своего» дѣла, что его члены заняты исключительно личными, отдѣльными заботами о добычѣ денегъ. Но сердясь на все это, онъ не дѣлалъ и не могъ дѣлать никакихъ попытокъ для противодѣйствія злу. Чтобы

противодѣйствовать новому порядку вещей, нужно было бросить просторный пиджакъ и облечься во фракъ, нужно было разстаться съ старымъ гнѣздомъ, гдѣ все рабски повиновалось ему, и опять выступить на паркетѣ великосвѣтскихъ залъ и въ стѣнахъ министерствъ, гдѣ иногда пришлось бы хитрить, подчиняться, обдумывать каждое свое слово, каждый свой шагъ. Но сладость бездѣйствія и прелесть самодурства, связанныя съ образомъ жизни богатаго помѣщика, находящагося не у дѣлъ въ своей деревнѣ, уже вошли ему въ плоть и кровь. Чѣмъ болѣе онъ сознавалъ, что новые порядки дѣлаются безповоротными, чѣмъ менѣе онъ былъ способенъ дѣятельно бороться съ ними, тѣмъ сильнѣе развивалась въ немъ желчь, и, мало-по-малу, недовольство и раздраженіе стало принимать характеръ простой, почти безсознательной привычки, чего-то въ родѣ рюмки водки за обѣдомъ и завтракомъ. Онъ чувствовалъ себя не въ духѣ, ему чего-то недоставало, когда онъ не могъ найти предлога для брани на все новое, для ѣдкихъ выходокъ противъ ненавистныхъ ему порядковъ.

Но если Платонъ Николаевичъ находилъ хотя какое-нибудь утѣшеніе въ возможности опьянять себя звуками своей собственной брани и насмѣшекъ противъ всего міра, то Александръ Николаевичъ не имѣлъ и этого утѣшенія. Живой и подвижной по натурѣ, готовый ужиться въ мирѣ со всѣми порядками, лишь бы эти порядки не мѣшали ему ораторствовать, мечтать о широкихъ предпріятіяхъ и бить, въ сущности, баклуши, но бить ихъ, размахивая руками, шагаясь, волнуясь,—онъ менѣе всего былъ способенъ примириться съ жизнью въ домѣ своего брата. Отсутствіе въ домѣ гостей, полный недостатокъ какой бы то ни было дѣятельности, вѣчно мрачное и желчное настроеніе его единственнаго собесѣдника,—все это было невыносимо для этой широкой натуры. При первой возможности Александръ Николаевичъ сталъ ускользать въ городъ, въ маленькую квартирку въ Семинарскомъ переулкѣ, гдѣ жила Матрена Кузьминична со своими дѣтьми. Эта баба, мягкая и круглая, какъ называли ее, бывало, дворовые люди, жила когда-то горничной, а потомъ ключницей въ домѣ Александра Николаевича, и жила съ такимъ успѣхомъ, что нажила отъ него шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое остались въ живыхъ. Послѣ разоренія Александра Николаевича Матренѣ Кузьминичнѣ пришлось бы идти по-міру, если бы Александръ Николаевичъ прежде всего не выхлопоталъ у брата ежемѣсячной

пенсіи на содержаніе этой женщины и ея дѣтей. Матрена Кузьминична, покуда Александръ Николаевичъ былъ ея «бариномъ», играла роль простой любовницы изъ крѣпостныхъ, т.-е. рядилась лучше остальной дворни, «фыркала» на эту дворню, хозяйничала въ домѣ и по-своему кокетничала съ бариномъ, стараясь удержать его въ своихъ рукахъ. Это ей удавалось, потому что баринъ, послѣ всевозможныхъ интрижекъ съ свѣтскими томными красавицами и съ нарумяненными актрисами, возвращался все-таки къ своей круглой и мягкой бабѣ, отъ которой вѣяло здоровьемъ, силой, веселостью и неподдѣльной страстью, выражавшейся иногда довольно сильными щипками или такими объятіями, послѣ которыхъ долго чувствовалось нытье въ костяхъ. Но какъ только Александръ Николаевичъ пересталъ быть для нея бариномъ, такъ тотчасъ же перемѣнились и ея отношенія къ нему. Сначала она думала, что Александръ Николаевичъ ее броситъ, и не осушала глазъ, плача о своемъ «голубчикѣ»; потомъ же, когда онъ пріѣхалъ къ ней впервые послѣ раздѣлки съ кредиторами и хотѣлъ ее обнять, она грубо оттолкнула «своего губителя» и излилась въ упрекахъ, говоря о томъ, что, видно, ему мало, что троихъ дѣтей пустилъ по-міру, такъ еще хочетъ новыхъ прижить. Александръ Николаевичъ растерялся, сообразилъ, что, дѣйствительно, не благородно и безчестно приживать новыхъ дѣтей, не имѣя возможности ихъ воспитать, и уже хотѣлъ ретироваться, когда Матрена Кузьминична разрыдалась еще сильнѣе, говоря, что, вѣрно, навязалась ему на шею какая-нибудь «шлюха», что, видно, забылъ онъ, какъ ласкала, да миловала его она, Матрена Кузминична, что, должно-быть, не помнитъ онъ, какъ она сама ему постельку готовила да утромъ чаемъ въ постелькѣ, ровно ребеночка малаго, поила. Александръ Николаевичъ все это помнилъ настолько хорошо, что почувствовалъ, что все его несчастіе состоитъ теперь не въ потерѣ имѣнія, а въ недостаткѣ женщины, которая стлала бы ему сама постельку и поила бы его въ этой постелькѣ чаемъ, какъ малаго ребеночка, и началъ клясться, что онъ ее не забывалъ, что онъ даже выхлопоталъ ей содержаніе отъ брата. Разразилась новая буря; Матрена Кузьминична заявила, что не за деньги она его любила, что она и безъ его денегъ обойдется, что она готова воду таскать и полы мыть, лишь бы онъ былъ съ нею. Вся эта смѣсь грубости и нѣжности, упрековъ и ласкъ ошеломила Александра Николаевича до того, что Матрена

Кузьминична сдѣлалась ему теперь дороже всего на свѣтѣ. Онъ сталъ съ ней видѣться чаще прежняго и блаженствовалъ, когда она одѣвала его въ халатъ, окружала дѣтьми, а сама, то ворча, то бросая на него нѣжные взгляды, хлопотала надъ приготовленіемъ чая съ сдобными булочками для своего «тирана», «губителя» и «злодѣя». Онъ сидѣлъ съ блаженною улыбкою, когда его ребятишки ерошили ему волосы, теребили усы, а Матрена Кузьминична «помирала со смѣху», глядя, какъ «проказили пострѣлята». Онъ блаженствовалъ, когда, собираясь уѣхать домой, онъ чувствовалъ, что Матрена Кузьминична тайкомъ отъ дѣтей довольно больно толкаетъ его въ бокъ и съ лукавой насмѣшкой шепчетъ:

— Да ну, останься!

Ни дома, ни въ постороннихъ домахъ, нигдѣ его не ждали съ нетерпѣніемъ, нигдѣ не отпускали съ сожалѣніемъ, а здѣсь...

— Папка, папка идетъ!—раздавались крики ребятишекъ при его пріѣздѣ, шесть маленькихъ ручонокъ ухватывались за него, вѣшались ему на руки, на шею.

Матрена же Кузьминична, круглая, здоровая, румяная, съ усмѣшкой стояла въ комнатѣ и любовалась сценой. Александръ обнималъ ее, а она со смѣхомъ отталкивала его, говоря:

— Ишь, радъ, что есть что облапить, медвѣдь!..

И чѣмъ скучнѣе было дома, чѣмъ болѣе вѣяло холодомъ отъ отношеній другихъ людей, тѣмъ сильнѣе тянуло Александра Николаевича въ этомъ домъ. Здѣсь были у Александра Николаевича и свои знакомые: учитель ариѳметики Крестоносцевъ, нанимавшій комнату у Матрены Кузьминичны; семинаристъ Воздвиженскій, обучавшій ея старшую дочку; попъ Архангельскій, крестившій у Матрены Кузьминичны дѣтей и служившій у нея въ торжественные дни молебны. Всѣ эти люди были людьми съ философскимъ складомъ ума, глубокомысленно разсуждавшіе о политикѣ, о реформахъ, о новостяхъ дня. Съ этими людьми Александръ Николаевичъ могъ разсуждать «о козняхъ Австріи», «о планахъ Наполеона», «о попыткахъ Пруссіи». Имъ могъ онъ разсказывать, какъ онъ содержалъ лучшій въ Россіи театръ, какъ разводилъ табакъ изъ гаванскихъ сѣмянъ. Передъ ними онъ могъ развивать свои планы насчетъ изданія газеты для объединенія сословій. Въ этомъ кружкѣ никто не обрывалъ его, не замѣчалъ ему, что онъ залетаетъ слишкомъ далеко и уклоняется отъ истины. Напротивъ того, здѣсь считали его всевѣдущимъ геніемъ и

обращались къ нему за разрѣшеніемъ самыхъ глубокихъ вопросовъ. Учитель Крестоносцевъ, заржавѣвшій, по его словамъ, въ провинціи и занимавшійся въ теченіе тридцати лѣтъ разрѣшеніемъ вопроса, «въ какую пучину бѣдствій былъ бы повергнутъ міръ, если бы кто-нибудь изобрѣлъ такую машину, которая дѣлала бы все сама, безъ помощи людей»,—занимался по преимуществу экономическими вопросами и добивался у Александра Николаевича отвѣта, почему правительство при всеобщей бѣдности не сдѣлаетъ столькихъ «бумажекъ», чтобы на каждаго человѣка пришлось, по крайней мѣрѣ, по тысячѣ рублей въ годъ, и такимъ образомъ всѣ бы стали богатыми. Священникъ Архангельскій любилъ больше политику и носился со своимъ проектомъ насчетъ Польши: по его мнѣнію, Россія должна бы была написать письмо въ Европу, чтобы Европа взяла Польшу въ аренду, а для безопасности границъ Россія могла бы поставить на границѣ три милліона солдатъ. Семинаристъ Воздвиженскій отдавалъ предпочтеніе вопросамъ литературнымъ; этотъ честный простякъ и добрый малый, любившій, какъ онъ выражался, «хлеснуть маленько», то-есть не брезгавшій водкой, читалъ своимъ собесѣдникамъ свои собственныя критическія статьи, которыя почему-то нигдѣ еще не печатались. Самая скромная изъ этихъ статей начиналась такъ: «Прохвосты, отхлеставшіе Помяловскаго за то, что онъ рисуетъ жизнь гольемъ, конечно, сами по себѣ плевка не стоятъ»... Въ этомъ-то кружкѣ Александръ Николаевичъ являлся оракуломъ и цивилизаторомъ. Иногда къ этому кружку присоединялся и Данила Павловичъ, полюбившій компанію Матрены Кузьминичны, такъ какъ здѣсь можно было быть на-распашку, въ разстегнутомъ жилетѣ. Мало-по-малу, это общество стало насущною потребностью для Александра Николаевича, и онъ подъ тысячами предлоговъ вырывался сюда изъ дома брата. Платонъ Николаевичъ косился на брата и съ раздраженіемъ спрашивалъ:

— Куда это вы исчезаете, mon frère?

— По дѣламъ, все по дѣламъ, — отвѣчалъ озабоченно Александръ Николаевичъ.

— По дѣламъ!—съ ироніей восклицалъ старшій братъ.— Могу я себѣ представить, какія у васъ дѣла!

— Нельзя же, mon frère, въ мои лѣта сидѣть сложа руки,—возражалъ Александръ Николаевичъ.

— Не знаю, можно ли въ ваши лѣта сидѣть сложа руки,—

замѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — но знаю, что въ ваши лѣта можно научиться болѣе искусно лгать.

— Брюзга, брюзга! — восклицалъ въ смущеніи Александръ Николаевичъ и еще поспѣшнѣе ускользалъ изъ дома.

У Матрены Кузьминичны онъ отводилъ душу послѣ воркотни брата. Впрочемъ, эта воркотня начинала дѣлаться настолько нестерпимою, что Александръ Николаевичъ сталъ нерѣдко задумываться о поступленіи на какое-нибудь мѣсто.

XXXI.

Такъ шло время, не принося никакихъ видимыхъ, рѣзкихъ перемѣнъ ни въ жизни двухъ братьевъ, ни въ жизни маленькаго кружка Матрены Кузьминичны, но, между тѣмъ, среди этихъ людей было одно лицо, которое подготовляло перемѣну въ своей жизни.

Данила Павловичъ, имѣя въ рукахъ довѣренность брата Аркадія на продажу лѣса, медлилъ продавать этотъ лѣсъ, слѣдуя поговоркѣ: «Поспѣшишь — людей насмѣшишь». Онъ ждалъ, когда Гущинъ самъ заговоритъ о лѣсѣ, и предвидѣлъ, что это случится скоро, такъ какъ наступала глубокая осень. Онъ не ошибся.

— Что же, ваше благородіе, «Вавиловская-то роща»? — спросилъ его однажды Гущинъ, начинавшій терять терпѣніе. — Или только по губамъ помазалъ?

— Надъ нами не каплетъ, — отвѣчалъ Данила Павловичъ, выжидавшій случая, когда старикъ самъ заговоритъ о лѣсѣ. — Передавать въ цѣнѣ не стоитъ.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь другой покупатель найтись можетъ.

— Не найдется, — съ увѣренностью отвѣчалъ Данила Павловичъ.

— Да за сколько продастъ ее твой братъ? Крайняя цѣна какая?

— Тридцать тысячъ. Двадцать брату, десять мнѣ за...

— Не много ли будетъ?

— Тридцать-то тысячъ? Сами знаете, что цѣна не дорогая.

— Не дорогая, а все же лучше бы, если бы подешевле купить. Ты-то за что больно много хочешь?

— По вашему же обѣщанію.

— Ну, да, я обѣщалъ, если ты отъ дяденьки Платона Николаевича мнѣ лѣсъ пріобрѣтешь, а теперь вѣдь это ты мнѣ его отъ имени Аркадія Павловича продаешь.

— Да не все ли это равно?

— Нѣтъ, не все равно. Съ Аркадіемъ Павловичемъ я и самъ могу дѣло обдѣлать. Ты вонъ ему двадцать тысячъ даешь, а я дамъ двадцать двѣ—вотъ мнѣ и расчетъ безъ твоего комиссіонерства обойтись.

Данила Павловичъ покачалъ головой.

— Эй, Пахомъ Семеновичъ, не обочтитесь!—проговорилъ онъ.—Обратитесь сами—дѣло испортите.

Старикъ нахмурился.

— Да ты, ваше благородіе, загадокъ мнѣ не загадывай, а говори толкомъ. Съ чего ты это взялъ, что Аркадію Павловичу прибыточнѣе получить черезъ тебя двадцать тысячъ, чѣмъ прямо отъ меня двадцать двѣ?

— Не выгоднѣе, Пахомъ Семеновичъ,—отвѣтилъ Данила Павловичъ:—а просто не захочу я, чтобы онъ вамъ продалъ, и не продастъ. Вѣдь мнѣ стóитъ только дядѣ Платону Николаевичу сказать, что лѣсъ вы покупаете, тогда и не видать вамъ его, какъ ушей безъ зеркала. Дядя ничего не пожалѣетъ, чтобы перебить лѣсъ у васъ. Брату же будетъ выгодно: онъ и денегъ отъ дяди получитъ, и лѣсъ за собой сохранитъ.

Гущинъ задумался.

— Ты, ваше благородіе, не промахъ, — замѣтилъ онъ сквозь зубы.—Ну, хорошо, дѣлай дѣло, а тамъ сочтемся.

Старикъ заходилъ по комнатѣ.

Данила Павловичъ пристально слѣдилъ за нимъ глазами и что-то соображалъ.

— Ужъ если мы начали этотъ разговоръ, такъ и будемъ кончать,—произнесъ молодой Муратовъ.

— Что кончать-то? Сказано, что куплю, значитъ и куплю,—уклончиво отвѣтилъ старикъ.

— Что слова-то?—промолвилъ Данила Павловичъ.—А вы лучше закрѣпите дѣло, дайте мнѣ десять-то тысячъ.

— То-есть какъ это дать?—изумился старикъ, остановившись передъ нимъ.

— Такъ, просто дать,—простодушно сказалъ Данила Павловичъ.—Изъ разговора вашего я увидѣлъ, что вы не прочь и сами войти въ сдѣлку съ братомъ. Кто же мнѣ поручится, что вы тотчасъ же не уладите всего дѣла тайкомъ отъ меня? Прежде-то я объ этомъ и не думалъ, а вотъ теперь вы меня навели на эту мысль. Ну, и нужно мнѣ ручательство, что вы сами переговариваться съ братомъ не будете, а предоставите это дѣло мнѣ.

— Да говорятъ тебѣ...—перебилъ его Гущинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Пахомъ Семеновичъ, теперь слова не поведутъ ни къ чему, — нахмурился Данила Павловичъ, и по его лицу пошли пятна, предвѣщавшія бурю. — Вы со мной шутки шутить хотите, за носъ меня провести думаете. Молодъ молъ, неученъ еще, поучить надо! Да я не такой! Жидовское отродье, батюшка, въ Польшѣ выучился морочить, такъ ужъ съ русскимъ-то почетнымъ гражданиномъ потягаться сумѣю... Кладите десять тысячъ на столъ, или лѣса не видать вамъ ни за тридцать, ни за сорокъ, ни за сто тысячъ.

Онъ всталъ и тоже зашагалъ по комнатѣ, пощипывая усы.

— Ну, чего пѣтушиться, ваше благородіе,—шутливо замѣтилъ Гущинъ.—Даромъ я тоже денегъ такъ, зря, не дамъ.

— Не дадите? Ну, и не давайте!

Данила Павловичъ взялъ фуражку. Старикъ струсилъ.

— Ты не кипятись,—остановилъ онъ его.—А ты вотъ что сдѣлай. Продавай лѣсъ мнѣ сейчасъ за двадцать пять тысячъ. Грѣхъ пополамъ... Обмолвился я тогда, ну и поплачусь...

— За двадцать девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять рублей не отдамъ,—почти кричалъ Данила Павловичъ.— Будете торговаться — еще накину тысячу. Завтра придете— совсѣмъ не продамъ. Вы думаете, покупателей не найдется? Дядя Платонъ Николаевичъ сейчасъ купитъ. Вы думаете, я мѣстомъ у васъ дорожу? Да дядя Платонъ Николаевичъ мнѣ пенсію положитъ, если я не стану срамить его, служа у васъ! Вѣдь вы меня и взяли-то только потому, что лестно вамъ говорить, что вы его племяннику Христа-ради кусокъ хлѣба даете.

— Ишь ты расходился!—хмуро проговорилъ Гущинъ.— Ну, ладно. Тридцать тысячъ даю, значитъ и по рукамъ.

Гущинъ протянулъ руку.

— Нѣтъ, не по рукамъ, — отстранился отъ него Данила Павловичъ.—А вы дайте мнѣ сейчасъ десять тысячъ, да тогда и бейте по рукамъ.

— Какъ же это я тебѣ дамъ: въ видѣ задатка, подъ расписку?—недоумѣвалъ Гущинъ.

— Нѣтъ, такъ: достаньте десять тысячъ и дайте. Это пойдетъ мнѣ за комиссію. Расписки же вамъ я не дамъ и даже при свидѣтеляхъ денегъ не возьму.

Гущинъ былъ пораженъ нахальнымъ видомъ Данилы Павловича и его предложеніемъ.

— Да ты шутишь или умомъ рехнулся, ваше благородіе,— воскликнулъ онъ, вытаращивъ глаза.

— Не шучу и умомъ не рехнулся, а хочу поучить васъ, какъ со мной держать себя надо,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— Да за какого же дурака ты меня считаешь, что я тебѣ возьму, да и дамъ безъ расписки, безъ свидѣтелей деньги?—возмутился старикъ.—Ты лучше проспись, да одумайся, а тогда и приходи.

Старикъ тревожно заходилъ, въ свою очередь, по комнатѣ, ворча что-то себѣ подъ носъ.

— Ну, прощайте, Пахомъ Семеновичъ,—произнесъ Данила Павловичъ:—на себя пеняйте.

Онъ вышелъ изъ комнаты. Пахомъ Семеновичъ, взволнованный и раздраженный, продолжалъ ходить по комнатѣ. Изъ его рукъ ускользала крайне выгодная сдѣлка; онъ лишался возможности насмѣяться надъ безсильнымъ гнѣвомъ Платона Николаевича. Трудно было бы рѣшить, которая изъ этихъ двухъ причинъ заставляла его печалиться болѣе. Онъ понималъ, что отъ Данилы Павловича всего можно ждать, что этотъ человѣкъ въ родню уродился настойчивостью и бѣшенымъ нравомъ, что онъ не задумается поѣхать къ дядѣ Платону Николаевичу и испортить все дѣло. Рядомъ съ этимъ шла мысль о томъ, что какъ это онъ, Гущинъ, позволитъ провести себя такому молокососу. Въ то же время Пахомъ Семеновичъ негодовалъ на себя, что не сумѣлъ такъ устроить дѣло, чтобы непосредственно сойтись съ Аркадіемъ Павловичемъ. Съ полчаса старикъ шагалъ по своему кабинету, наконецъ крикнулъ:

— Эй, Петька!

Въ кабинетъ явился малый лѣтъ шестнадцати, остриженный по-русски, съ бойкими ухватками не то кабацкаго подносчика, не то мальчика изъ лавки.

— Сбѣгай къ Данилѣ Павловичу,—приказалъ Гущинъ:—скажи, что, молъ, Пахомъ Семеновичъ просятъ на часъ времени завернуть къ нимъ. Да чтобы сейчасъ же.

— Слушаю-съ!—встряхнулъ головой Петька.

— Ну!—махнулъ рукой старикъ.

Петька исчезъ, а онъ снова заходилъ по комнатѣ.

— Чай подавать, что ли?—спросила его жена, пріотворивъ двери въ кабинетъ.

— Не до чаю!—отрывисто отвѣтилъ старикъ.

— Что ты, нездоровъ, что ли, Пахомушка?—озаботилась она.

Онъ махнулъ рукою.

— Послѣ... приду!

Жена скрылась, покачавъ сомнительно головой!

— Разорился, ей-Богу разорился!—прошептала она.— И то сказать: шутка ли, сколько народу надо содержать и всѣмъ-то платить, всѣмъ платить!... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Она боязливо начала креститься, глядя подслѣповатыми, отцвѣтшими глазами на образъ.

А Петька летѣлъ уже по улицамъ къ старому муратовскому дому, гдѣ еще жилъ Данила Павловичъ. Онъ засталъ Данилу Павловича курившимъ у окна папироску и барабанившимъ по подоконнику. На дворѣ запрягали лошадь.

Данила Павловичъ пришелъ домой и послалъ, ни за что, ни про что, къ чорту и Настасью, и Марью, и Вавилу, вытрепалъ за вихоръ игравшаго на дворѣ съ Валеткой «Митьку-фалетора» и прошелъ въ свою комнату, приказавъ подавать самоваръ.

— Бестія старая!—громко проговорилъ онъ, скрипнувъ зубами.—Ломаться еще вздумалъ, холопъ, сермяжникъ!.. А! тебѣ и лѣсъ хочется задаромъ получить, и старому барину насолить, и молодого птенчика надуть!.. Шалишь!.. Не такихъ мы обрабатывали, да объѣзжали...

— Митька!—крикнулъ онъ, топнувъ ногою.

Митька-фалеторъ появился въ дверяхъ.

— Черти проклятые, гдѣ запропастились! Не дозовешься!—закричалъ Данила Павловичъ.—Запрячь лошадей въ коляску! Чего стоишь!.. Чтобъ мигомъ.

Митька исчезъ.

— Я воображаю, какъ ахнетъ почтенный дядюшка, когда все разскажу,—продолжалъ разсуждать Данила Павловичъ.— Тоже дешево не отдѣлается... Подлецы этакіе, нажились, на золотыхъ мѣшкахъ сидятъ, а ты тутъ бейся... Нѣтъ, я васъ вотъ какъ сожму.

Онъ сжалъ кулакъ. Его лицо одушевилось страстью и энергіей.

— Что же чай?—крикнулъ онъ въ двери.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отозвалась Настасья.—Самоваръ долго не кипитъ.

— Сама сядь на него, а чтобы сейчасъ былъ готовъ!—отозвался Данила Павловичъ, нетерпѣливо садясь къ окну.

Въ эту минуту отворилась дверь, и на порогѣ предсталъ Петька.

— Пахомъ Семеновичъ...—началъ онъ.

— Скажи своему Пахому...—перебилъ его Данила Павловичъ.

— Просятъ васъ къ себѣ,—кончилъ скороговоркой Петька.

— Убирайся къ чорту! Некогда мнѣ бѣгать! Слышалъ?

Данила Павловичъ поднялся съ мѣста съ такимъ видомъ, что Петька скрылся.

— Ахъ, ты, выжига кабацкая!...—ругался Данила Павловичъ. —Приказали просить! Мальчишку нашелъ!.. Въ гулючки играть вздумалъ... Нѣтъ, ты у меня, подлецъ, въ передней настоишься, да накланяешься... Ты у меня... Чаю!

Настасья вбѣжала мелкими шажками съ подносомъ. За ней, пыхтя, появилась Марья съ самоваромъ. Обѣ женщины засуетились надъ завариваніемъ чая.

«Ужъ если бы не Липка его, такъ я бы и минутки не задумался,—мысленно разсуждалъ Данила Павловичъ.—А то разссоришься со старикомъ—ея не вырвешь у него...»

Петька, между тѣмъ, появился въ кабинетѣ Пахома Семеновича и началъ переминаться на порогѣ съ ноги на ногу. Едва не вытрепанный Данилой Павловичемъ, онъ ожидалъ трепки и здѣсь. Когда старшіе сердились и ссорились, трепка обыкновенно выпадала на его долю.

— Ну что?—спросилъ старикъ.

— Ругаются-съ,—отвѣтилъ Петька.

— Какъ?—спросилъ старикъ, не понявъ отвѣта.

— Непристойными словами-съ!—отвѣтилъ Петька.

— Болванъ!

— Слушаю-съ!

— Да придетъ ли?

— Никакъ нѣтъ-съ!.. На дворѣ лекипажъ закладаютъ, ѣхать хотятъ.

— Что? куда ѣхать?

— Митька-фалеторъ говоритъ, что не знаетъ, куда ѣдутъ...

— Не знаетъ, не знаетъ!—передразнилъ его старикъ.—Палку, шляпу!.. Нѣтъ, каково же, каково же!.. Въ родню уродился, бѣшеный...

Онъ быстро взялъ шляпу и палку и направился къ выходу.

— Чай-то какъ же?—окликнула его жена.

— Да ну васъ съ чаями!—сердито махнулъ онъ рукой.

Жена совсѣмъ растерялась и стала опять креститься.

— Какъ бы чего не случилось?—вздохнула она.—Ну, разорился, ну, и сказалъ бы, а то... Мало ли какое затмеціе найти можетъ... Бѣсъ-то силенъ... Пойти посчитать, что у меня-то есть...

Старуха копила на черный день, котораго ожидала съ часу на-часъ, и успѣла уже отложить семьсотъ рублей!

Гущинъ же торопливо шелъ къ муратовскому дому. Ему такъ и чудилось, что онъ не застанетъ Данилу Павловича. Тогда все пропало. Платонъ Николаевичъ не пожалѣетъ ничего, чтобы остановить продажу лѣса. Когда старикъ подходилъ къ дому, у крыльца стояла уже коляска.

— Ишь ты, ишь ты расходился!—ворчалъ Гущинъ, отирая потъ.—Вѣдь этакій человѣкъ убьетъ подъ сердитую руку и не поморщится... Ну, въ роденьку!

Гущинъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ комнату, гдѣ Данила Павловичъ допивалъ чай.

— Ты чего же это, ваше благородіе, ломаешься?—спросилъ онъ сдержаннымъ тономъ.—Ты бы хоть то взялъ въ расчетъ, что ты у меня служишь теперь...

— Служилъ, да больше не служу,—отвѣтилъ Данила Павловичъ:—потому что вижу, что сегодня я вамъ лѣсъ продамъ, а завтра вы мнѣ на дверь укажете...

— Ну, это ты напрасно! А ты лучше говори дѣло. Я согласенъ. Будь по-твоему.

— Да вы меня спросили бы прежде, согласенъ ли я-то,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.—Теперь я хочу, чтобы вы мнѣ десять тысячъ выложили сначала, а потомъ контрактъ подписали, что не отставите меня раньше года отъ должности, а въ случаѣ отставки заплатите неустойку.

— Да что-жъ ты, въ самомъ-то дѣлѣ, ломаешься! — вышелъ изъ терпѣнія старикъ и стукнулъ кулакомъ по столу.—Да за одну эту обиду да надруганье...

— Ну, толковать больше нечего: хотите—рѣшайтесь, не хотите — у меня коляска подана ѣхать къ дядѣ. Лѣса вы не увидите, какъ ушей безъ зеркала. Да если я поступлю къ дядѣ управляющимъ, тогда... потягаемся еще, Пахомъ Семеновичъ...

Данила Павловичъ всталъ. Въ эту минуту онъ былъ очень хорошъ: энергія и оживленіе проглядывали во всемъ его существѣ.

Онъ уже не походилъ ни на трактирнаго маркера, ни на армейскаго кутилу.

— Ну, братъ,—развелъ руками Гущинъ:—меня мошенникомъ звали, а ты почище будешь!

Муратовъ сдвинулъ брови и стиснулъ зубы.

— Да ну, хорошо, хорошо,—испуганно проговорилъ ста-

рикъ. —Я вѣдь знаю, ты не надуешь меня-то, не возьмешь денегъ даромъ съ меня, старичка...

— Полноте Лазаря пѣть,—засмѣялся Данила Павловичъ, повидимому, угадавъ, что Гущинъ боится выдать деньги и быть обманутымъ. — Задобрить хотите, чтобы не надулъ? Такъ вы то подумайте, что мнѣ за расчетъ обманывать васъ, если я думаю когда-нибудь получить руку Олимпіады Пахомовны? Вотъ скажите вы теперь, что отдаете мнѣ ее безъ приданаго, безъ всего,—я съ радостью возьму ее, подписку дамъ, что ничего просить не буду у васъ... Съ меня покуда довольно. Получу десять тысячъ, три-четыре своихъ найдется, тутъ по сосѣдству имѣніе за безцѣнокъ продается, куплю его и такъ заживу, что чудо!.. Года два, три пройдетъ—поведутъ желѣзную дорогу и черезъ это имѣніе, тогда цѣна-то ему будетъ вдвое... У меня грошъ изъ рукъ не уйдетъ даромъ.

— Что говорить, что говорить!—произнесъ старикъ, глядя на Муратова почти съ любовью. — Только ты еще повремени, Липка отъ твоихъ рукъ не уйдетъ. Ужъ это я вижу... Человѣкъ ты такой, что лучше съ тобой дѣло вести, чѣмъ противъ тебя...

— Чаю хотите?—смѣясь, спросилъ Данила Павловичъ.

— Брось!—весело махнулъ рукою Гущинъ.—Поѣдемъ ко мнѣ, бутылочку откупоримъ хорошаго...

— Что-жъ, я и отъ бутылочки не прочь! — совсѣмъ повеселѣлъ Данила Павловичъ.—А что, вѣдь досадно, что не удалось поддѣть,—похлопалъ онъ по плечу старика.

— Ну, теперь все равно, въ тотъ же сундукъ потомъ вернется,—отвѣтилъ старикъ.—Ужъ, видно, надо будетъ не сегодня, такъ завтра тебя зятькомъ назвать.

Данила Павловичъ обнялъ Пахома Семеновича.

— Не раскаетесь, ей-ей, не раскаетесь! — проговорилъ онъ въ волненьи.—Теперь вотъ вы нашъ домъ купили при моей помощи, лѣсъ у брата берете за безцѣнокъ, —будетъ время, коли дружно пойдемъ вмѣстѣ, такъ не только вонъ эта полоска,—указалъ онъ въ окно на змѣившуюся насыпь желѣзной дороги: — будетъ наша, а и то все, что за нею тянется, не уйдетъ отъ нашихъ рукъ. Теперь вы вотъ почетный гражданинъ, а будетъ время, что и въ чинахъ будете, и ордена носить станете. Вотъ здѣсь, гдѣ мы теперь стоимъ, можетъ-быть, школа вашего имени будетъ. Портретъ вашъ вотъ тутъ въ золотой рамѣ противъ царскаго портрета висѣть будетъ. У васъ вѣдь капиталъ, а у меня родня

въ Петербургѣ. Теперь я къ ней не пойду безъ гроша въ карманѣ, а когда можно будетъ къ ней на рысакахъ тысячныхъ пріѣхать да глотку ей виномъ залить, тогда я поѣду, тогда она за насъ будетъ въ министерствахъ горой стоять. Чьи тогда главныя желѣзныя дороги будутъ? Гущинскія! Чьи благотворительныя школы? Гущинскія же! Кого будутъ просить быть головой въ Чистопольѣ? Гущина же!..

Старикъ покачалъ съ улыбкой головой.

— Ишь ты занесся!—пробормоталъ онъ.

— Занесешься, когда такое время настало, что кто кого надуетъ, тотъ на томъ и поѣдетъ,— отвѣтилъ Данила Павловичъ.—Теперь вонъ я, мелкій дворянинишка, къ вамъ въ службу пошелъ; будетъ время, что и крупные дворяне будутъ за счастье считать, если вы ихъ къ себѣ въ домъ примете. Теперь только работать нужно и молотомъ, и золотомъ, а тамъ...

Данила Павловичъ размашисто свистнулъ и махнулъ рукою.

— Ну, въ дорогу! — проговорилъ онъ и быстро направился съ Гущинымъ къ дверямъ.

— Ишь ты, ишь ты шальной, старика очертя голову тащитъ,—бормоталъ Гущинъ, увлекаемый имъ, а по его лицу такъ и разливалась самодовольная, жирная улыбка.

XXXII.

Среди вавиловскихъ мужиковъ съ нѣкоторыхъ поръ начались странные и тревожные толки.

Одни разсказывали, что молодой баринъ Данила Павловичъ смѣнилъ всѣхъ лѣсныхъ сторожей, которые были набраны изъ вавиловскихъ же крестьянъ, и приставилъ новыхъ, нанятыхъ со стороны, и что, такимъ образомъ, зимою будетъ трудно производить порубки въ господскомъ лѣсу, на которыя до сихъ поръ «свои» сторожа смотрѣли сквозь пальцы. Другіе разсказывали, что новые сторожа передали приказъ барина насчетъ того, чтобы мужики не смѣли брать изъ лѣсу даже хвороста безъ спроса и дозволенья, и что дозволеніе будетъ получаться за деньги. Третьи передавали слухи, что «Вавиловская роща» будетъ рубиться въ началѣ зимы и срубится совсѣмъ, что для осмотра уже пріѣзжалъ молодой баринъ съ Гущинымъ, покупающимъ рощу. Всѣ эти толки были тѣмъ тревожнѣе, чѣмъ болѣе нуждались вавиловскіе мужики въ лѣсѣ. Своего лѣса у нихъ не было, поблизости чужихъ лѣсовъ тоже не имѣлось, а между тѣмъ къ зимѣ нужно было запастись топливомъ.

Говоръ съ каждымъ днемъ становился все сильнѣе и сильнѣе.

— Этакъ хоть ложись да умирай!—слышались голоса.— И чего Платонъ Николаевичъ смотритъ! Лѣсъ-то, поди, его.

— Какой его! Племяннику отдалъ!—возражали другіе.

— Что-жъ, что отдалъ! Отдалъ, такъ и взять можетъ. А это развѣ дѣло—лѣсъ вырубать? Шутка, сколько годовъ стоялъ, всѣ пользовались, а тутъ на-поди!

— Не знаетъ онъ, оттого и молчитъ. Сказать бы все, такъ и такъ, мы, молъ, твои споконъ вѣку были, безъ обиды жили, а теперь вотъ...

— Что ему до насъ: теперь воля!—возражали молодые.

— Воля выгонитъ въ поле! — ворчали недовольные новыми порядками старики.

— Да и точно, что выгонитъ! — соглашались ихъ сторонники.

— Это что толковать!

— А все надо бы попытаться.

— Ну, да, попытайся! Много толку выйдетъ!

— Дормидонту Саввичу нешто сообщить? — сообразилъ какой-то смѣтливый мужикъ.

— Дормидонта Саввича попросить можно. Онъ вступится. Человѣкъ свой. Антипки Косорылова жена ему племянницей доводится. Тоже у Матвѣя Безпятова дѣвчонку кстилъ намедни. Его попросить можно.

— Можно-то можно, да толкъ-то будетъ ли? Не вступится, тогда хоть волкомъ вой. Лѣсу-то не далъ Платонъ Николаевичъ, обдѣлилъ, а теперь и вѣдайся, какъ знаешь. Ему что! Продадутъ, срубятъ, а ты тутъ поколѣвай.

— И поколѣешь. Это что говорить! Какъ есть поколѣешь!

И отправили мужики депутатомъ къ Дормидонту Саввичу, камердинеру Платона Николаевича, жену Антипки Косорылова, бабу шуструю и на слезы способную. Залилась она слезами передъ Дормидонтомъ Саввичемъ, какъ рѣка разлилась, и долго не могъ унять ее дядя, когда же унялъ— отерла она слезы и пошла чесать своимъ бойкимъ и размашистымъ языкомъ. Тутъ были пущены ею въ ходъ жалкія слова про «грабителей», про «душегубцевъ», про «злодѣевъ», про «человѣконенавистниковъ», и только послѣ получасового причитанья разъяснила она толкомъ дядѣ, въ чемъ заключалась ея просьба. Извѣстіе было настолько тревожно и неожиданно, что самъ всегда важный и хмурый, точно одеревянѣвшій камердинеръ Платона Николаевича

взволновался не на шутку. Неизвѣстно, что поразило его болѣе, опасеніе ли за участь вавиловскихъ мужиковъ, сожалѣніе ли о предназначенной къ срубкѣ родной «Вавиловской рощѣ», негодованіе ли на переходъ этого лѣса въ руки «кабатчика» Гущина,—Гущина, котораго не любили всѣ мужики и дворовые, помнившіе его еще въ тѣ времена, когда онъ ходилъ «въ черномъ тѣлѣ». Быть-можетъ, подѣйствовали на Дормидонта Саввича всѣ эти мотивы разомъ. Онъ далъ слово женѣ Антипки Косорылова, что это все уладится, что Платонъ Николаевичъ не такой человѣкъ, чтобы съ нимъ шутить, чтобы надъ нимъ издѣваться какому-нибудь Гущину.

— Да онъ у насъ дальше прихожей не хаживалъ, — презрительно замѣтилъ Дормидонтъ Саввичъ.—И это вы напрасно страхъ на себя напускаете, потому что баринъ слово скажетъ—и ничего такого не произойдетъ.

Жена Антипки Косорылова ушла совершенно успокоенная. Дормидонтъ же Саввичъ вечеромъ того же дня, раздѣвая Платона Николаевича, осторожно замѣтилъ:

— Изъ вавиловской вотчины сегодня приходили сюда. Нехорошіе слухи тамъ ходятъ.

— Что еще? - спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— Такъ, должно-быть, зря народъ болтаетъ, но опасеніе у нихъ большое.

— Ну?

— Насчетъ нашей «Вавиловской рощи»... Говорятъ, рубить ее станутъ.

— Болваны! Кто это смѣетъ ее рубить безъ моего вѣдома?

— И я то же-съ говорилъ. Да вѣдь народъ глупъ. Говорятъ, что новыхъ лѣсниковъ приставили. Данила Павловичъ съ какими-то людьми осматривалъ. Не приказали вавиловскихъ мужиковъ пускать въ рощу.

— Данила Павловичъ?—нахмурился Платонъ Николаевичъ.—Онъ-то тутъ при чемъ? Имѣніе Аркадія Павловича.

— Да они-съ не сами-по-себѣ, должно-быть, а отъ Гущина.

Платонъ Николаевичъ вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ безъ панталонъ и безъ парика.

— Отъ Гущина! отъ Гущина! Онъ какъ смѣетъ тутъ распоряжаться? Подлецъ! кабатчикъ!

— Не знаю-съ, толкуютъ дурни деревенскіе, что ему продаютъ будто бы нашу рощу.

— Продаютъ? Да кто смѣетъ? Кто смѣетъ?.. Позвать брата Александра Николаевича, чтобы сейчасъ ѣхалъ...

— Ихъ нѣтъ-съ дома!

— Гуляетъ, гуляетъ, а тутъ... Нѣтъ, скажите, пожалуйста, какая исторія. Продаютъ, «Вавиловскую рощу» продаютъ Гущину... цѣловальнику, мошеннику... тьфу!.. Завтра, чѣмъ-свѣтъ, лошадей... Подлецы, подлецы!.. Я имъ покажу... Данила Павловичъ распоряжается... заодно съ цѣловальникомъ... потомокъ Баскаковыхъ... мой племянникъ...

— Да это все-съ въ вашихъ рукахъ, — осмѣлился замѣтить Дормидонтъ Саввичъ.

— Еще бы, еще бы!.. Я къ губернатору... Я найду на нихъ управу... А! онъ агитировать противъ насъ, подрывать наши интересы... Я упрячу... Я покажу!.. Завтра, на зарѣ, слышишь? Ступай!..

Дормидонтъ Саввичъ вышелъ. Платонъ Николаевичъ бросился на постель, скрежеща зубами. Потомъ онъ вскочилъ снова, подошелъ къ письменному столу и сталъ писать:

«Не продавать ни подъ какимъ видомъ «Вавиловскую рощу»...

Потомъ онъ разорвалъ написанное, началъ писать снова, разорвалъ опять листъ бумаги и проговорилъ:

— Нѣтъ, подождать до завтра...

Затѣмъ, взглянувъ на часы, онъ удивился, что былъ всего двѣнадцатый часъ. Ночь прошла безъ сна и тянулась очень долго. Платону Николаевичу вспоминалось его прошлое; копошилось въ его душѣ сознаніе, что онъ теперь остался совершенно одинъ; срывались съ его языка проклятія всему и всѣмъ. Что-то горькое и безотрадное было во всѣхъ его думахъ и среди этихъ думъ почему-то все яснѣе и яснѣе вырисовывались два образа: кроткое, доброе лицо дѣвушки съ прямодушнымъ взглядомъ и серьезное, суровое, но честное лицо юноши. Старику вспоминались Дуня и Максимъ и, казалось, они говорили: «Ты гналъ отъ себя всѣхъ, находя ихъ подлыми, гнусными, низкими, но за что же ты гналъ насъ?» Старикъ старался отогнать отъ себя эти образы, старался не видѣть ихъ укоряющихъ взглядовъ, а они неотступно преслѣдовали его и, казалось, шептали: «Ты отогналъ насъ, а между тѣмъ только мы и могли бы быть твоими утѣшителями теперь».

— Проклятіе! — кричалъ старикъ и, сжимая кулаки, вскакивалъ съ постели. — Ну, что вамъ надо? Что?

Онъ походилъ на помѣшаннаго. Въ шесть часовъ онъ уже позвонилъ и велѣлъ подавать чай.

Дормидонтъ Саввичъ пришелъ его одѣвать и удивился

происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Его лицо словно опухло и покрылось багровыми пятнами, руки дрожали. Въ восьмомъ часу онъ выѣхалъ изъ дома.

— Въ Вавилово! — хриплымъ и удушливымъ голосомъ крикнулъ онъ. — Гони!

Лошади понеслись. Утренній холодный воздухъ и мелкая изморось нѣсколько освѣжили Платона Николаевича. Утро было туманное, мглистое, холодное. Баскаковъ пріѣхалъ въ Вавилово прямо къ избѣ старосты.

— Народу! — крикнулъ онъ вышедшему съ поклонами старику.

Черезъ пять минутъ собралось нѣсколько мужиковъ.

— Гдѣ прежніе сторожа изъ «Вавиловской рощи»?—спросилъ Платонъ Николаевичъ, стоя въ коляскѣ.

— Мы, батюшка, — отозвались два мужика, выходя изъ толпы.

— Вы опять займете старыя мѣста. Ступайте и выгоните вонъ новыхъ лѣсниковъ. Будутъ сопротивляться — гоните силой. Я отвѣчаю!.. Послать къ посреднику и къ исправнику... Сказать, что я приглашаю... Ну, живо!

Платонъ Николаевичъ вышелъ изъ коляски и пошелъ по дорогѣ по направленію къ «Вавиловской рощѣ». Ему было тяжело идти: его медвѣжья шуба давила ему плечи, его ноги скользили по размокшей отъ дождей дорогѣ. Пройдя съ полверсты, онъ почувствовалъ изнеможеніе и сѣлъ на виднѣвшійся близъ дороги первый попавшійся пень. Недалеко отъ него стоялъ давно сбросившій свои послѣдніе листья гигантъ-лѣсъ, мрачно темнѣя подъ облачнымъ небомъ тусклаго осенняго дня.

— Лѣсъ, родовой лѣсъ... Гущину! — шепталъ Платонъ Николаевичъ, опустивъ голову и руки и не замѣчая, что его медвѣжья шуба распахнулась и падала полами на сырую землю. — И хорошъ племянникъ!.. Да, впрочемъ, всѣ, всѣ хороши!.. Христопродавцы, Іуды-предатели... Въ глаза кланяются, ползаютъ у ногъ, а за глаза... Я имъ покажу... Гущину... холопу... цѣловальнику!..

Онъ бормоталъ, не понимая, что̀ вокругъ него происходитъ, и даже не обратилъ вниманія, что по вязкой и мокрой дорогѣ уже неслись по направленію къ нему со стороны лѣса бѣговыя дрожки. На дрожкахъ сидѣли Гущинъ и Данила Павловичъ, забрызганные съ ногъ до головы липкою грязью и не обращавшіе вниманія на то, что имъ въ лицо летѣли изъ-подъ ногъ коня комки сырой земли и глины.

Они въ это утро надѣялись сдѣлать условіе съ крестьянами насчетъ рубки лѣса и по дорогѣ узнали о происшедшемъ. Гущинъ даже нѣсколько струсилъ; смѣлый до наглости со всѣми людьми, онъ все еще хранилъ въ душѣ что-то въ родѣ невольнаго страха передъ своимъ бывшимъ бариномъ. Данила Павловичъ, напротивъ того, ощущалъ что-то въ родѣ злораднаго наслажденія, узнавъ, что до дяди, до этой грозы ихъ семьи, дошли слухи о продажѣ «Вавиловской рощи» и что теперь ему, Данилѣ Павловичу, приходится стать лицомъ къ лицу съ старымъ самодуромъ и полюбоваться его безсильной злобой. Данила Павловичъ никогда не вдавался въ психологическія тонкости и не могъ себѣ представить, насколько сильно повліяетъ на его дядю эта новость. Онъ только зналъ, что она «взбѣситъ стариканку». Замѣтивъ Платона Николаевича, Гущинъ разомъ остановилъ лошадь, и Данила Павловичъ быстро соскочилъ съ дрожекъ.

— Что это вы дѣлаете? Мужики тутъ по вашей милости безчинствуютъ! — крикнулъ Данила Павловичъ, шагая по грязи къ дядѣ.

— Безчинствуютъ?.. по моей милости? — хрипло закричалъ Платонъ Николаевичъ, тяжело поднимаясь съ мѣста.— А ты... а ты какъ смѣешь распоряжаться... въ чужомъ лѣсу...

— Я служу у Пахома Семеновича Гущина и лѣсъ имъ купленъ,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— Купленъ? Врешь, негодяй! Кто смѣлъ продать? Кто?

— Я продалъ по порученію брата,—отчетливо отвѣтилъ Данила Павловичъ.

Платонъ Николаевичъ широко открылъ глаза и словно остолбенѣлъ.

— Ма-клакъ... ба-ры-шникъ!—наконецъ, хрипло закричалъ онъ и съ сжатыми кулаками хотѣлъ сдѣлать шагъ къ племяннику, но запутался въ шубѣ и оступился.—Не дворянинъ... не дворянинъ... а... барышникъ... ба-ры-шникъ!— прохрипѣлъ онъ, падая на грязную землю.

— Эй, кто-нибудь!—закричалъ Данила Павловичъ.—За коляской сбѣгайте!—обратился онъ къ сбѣжавшемуся народу.— Въ городъ, въ Семинарскій переулокъ, въ домъ Матрены Кузьминичны Васильевой скачите, тамъ Александръ Николаевичъ... Или погодите, я напишу.

Онъ вытащилъ изъ кармана записную книжку, выдралъ изъ нея листокъ и, поставивъ ногу на тотъ самый пень, на которомъ только-что сидѣлъ Платонъ Николаевичъ, положилъ листокъ на колѣно и написалъ:

«Дядя, съ Платономъ Николаичемъ сдѣлался ударъ или параличъ, не знаю. Спѣшите, чтобы не обворовали дома. Данила».

Онъ свернулъ записку, передалъ ее одному изъ мужиковъ и обернулся къ Гущину:

— Я ему дамъ наши дрожки, вамъ все равно придется быть здѣсь долго, а я отвезу его въ коляскѣ,—указалъ онъ на дядю.

Гущинъ кивнулъ головою, хмуро смотря исподлобья на лежавшаго на землѣ, у его ногъ, бывшаго его помѣщика.

XXXIII.

Сковало землю морозомъ: выпалъ первый снѣгъ. По блѣдно-голубому небу лѣниво бродятъ волокнистыя бѣлыя облака съ розовымъ отливомъ. Солнце свѣтитъ довольно ярко, но не грѣетъ, озаряя опаловую даль поля, и точно брильянты блестятъ снѣжинки на голыхъ вѣтвяхъ деревъ. Гигантскій лѣсъ спитъ могучимъ зимнимъ сномъ, но онъ скоро проснется, проснется для того, чтобы уже заснуть-замереть навѣки.

Онъ назначенъ на срубъ.

Долго не соглашались вавиловскіе мужички идти рубить свой родной лѣсъ, но не потому, что онъ ихъ родной, а потому, что на деревнѣ ходили толки, что не сегодня, такъ завтра наѣдутъ власти и накроютъ Гущина за его попытку рубить родовой лѣсъ стараго барина Платона Николаевича. Дормидонтъ Саввичъ черезъ жену Антипки Косорылова сильно поддерживалъ эти слухи, говоря, что какъ только полегчаетъ старому барину, такъ тотчасъ же Гущина засадятъ за самоуправство въ теплое мѣсто. Но старый баринъ не вставалъ, а Гущинъ объявилъ, что если вавиловскіе мужики не хотятъ рубить лѣсъ, то онъ нагонитъ свой народъ. Вавиловскіе мужики знали, что за народъ у Гущина. Недаромъ въ верстѣ отъ нихъ прокладывалось Гущинымъ полотно желѣзной дороги. Соображали и то, что лѣсъ все равно вырубятъ, и останутся они безъ топлива, что лучше хоть заработать деньги, а то и безъ лѣса, и безъ денегъ придется остаться, да еще терпѣть наплывъ гущинскаго народа. Ну, а если потянутъ къ отвѣту за рубку чужого лѣса? Что-жъ, они не виноваты, ихъ наняли.

— Наняли! А если-бъ человѣка убить, либо чужой домъ разнести наняли, такъ развѣ за это похвалили бы?

— Извѣстно, хвалить тутъ не за что.

— То-то!

Опять шли колебанія, толки, а Гущинъ подсылалъ приказчика, выставлялъ вино, давалъ задатки.

— Скоро на твоей улицѣ праздникъ,—шутилъ гущинскій приказчикъ, сидя въ комнатѣ Потапа Анисимовича Крючкова, вавиловскаго кабатчика.

— А что?—спрашивалъ тотъ.

— Да какъ же: вотъ сговоримся, задатки дадимъ, нить больше начнутъ. Нонче зима у тебя будетъ прибыльная. Около печки не будутъ грѣться, такъ виномъ согрѣются.

— А слышалъ вашъ-то насчетъ старика-то?

— Это насчетъ какого?

— Да насчетъ Платона Николаевича.

— А что?

— Скончался сегодня, говорятъ, въ ночь...

— Что ты!—обрадовался приказчикъ.—Ну, и царство небесное... Руки развязалъ.

— Это такъ... Народъ-то глупъ... Порядковъ еще не знаетъ... Все, думаетъ, по-старому...

— Ну, значитъ, благословясь, теперь и приступимъ.

И, точно, приступили.

Очнулся сонный лѣсъ и застоналъ, затрещалъ каждымъ стволомъ, каждою вѣткою. Раздались въ немъ тяжелые шаги мужиковъ по скрипучему снѣгу. Загремѣли въ немъ топоры. Закряхтѣли рабочія груди. Здѣсь скрипнетъ разсѣвшаяся балка, тамъ послышится грузный гулъ отъ ея паденія, какъ раскатъ далекаго грома. Повсюду идетъ перекличка рабочихъ, въ воздухѣ виситъ размашистая и неудержимая ругань. Ругаются за то, что пробраться среди деревьевъ спутавшихся не могутъ, ругаются за то, что топоръ куда-то засунули, ругаются за то, что ногу свалившимся деревомъ придавило, ругаются зря и походя, безъ злобы и ради шутки, придумывая такія родственныя связи матерей и сыновей, что только приходится удивляться изобрѣтательности русскаго ума. А морозъ все крѣпчаетъ; въ лѣсу холодно, въ избахъ холодно, — теплѣе всего въ кабакѣ Потапа Анисимовича Крючкова, и тамъ-то пропивается почти все, что зарабатывается неустаннымъ трудомъ въ лѣсу...

— Нынче-то имъ и безъ дровъ тепло бы было, если-бъ и не воровали дровъ: вашимъ топливомъ согрѣваются,—смѣялся гущинскій приказчикъ Потапу Анисимовичу.—А каково-то послѣ будетъ, когда и лѣсъ вырубятъ, и заработокъ кончится...

— Земля-то не клиномъ сошлась, на сторону пойдутъ, —

замѣчалъ Потапъ Анисимовичъ.— Имъ что!.. Мнѣ плохо будетъ, какъ въ деревнѣ бабы останутся.. Ну, да я послѣдній годъ здѣсь этимъ дѣломъ занимаюсь.

— А что?

— Въ городъ тянетъ.

А лѣсъ все рѣдѣетъ и рѣдѣетъ по окраинѣ, падаютъ его вѣковые гиганты, служившіе защитой для Вавилова отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ. Падаютъ они, а надъ ними съ неистовымъ карканьемъ кружатся стаями вороны, оставшія при видѣ того, какъ разрушаются созданные природой гигантскіе пьедесталы ихъ воздушныхъ построекъ, ихъ дворцовъ и замковъ. Падаютъ гиганты, и при каждомъ новомъ паденіи взвиваются новыя и новыя тучи мрачныхъ птицъ, оглашая воздухъ пронзительными, тревожными криками.

Но вотъ по скованной морозомъ дорогѣ несутся легкія бѣговыя санки съ посеребренной рѣшеткой вмѣсто спинки. Сидитъ въ нихъ молодая, краснощекая, здоровая дѣвушка, вся утонувшая въ соболяхъ, вся занесенная снѣжною пылью. Рядомъ съ нею помѣщается молодой человѣкъ, въ чуйкѣ съ собольимъ воротникомъ, подпоясанный по-купечески, и въ собольей шапкѣ, низко опускающейся на густыя брови, его лицо нѣсколько татарскаго типа, съ только-что запущенными, кудрявящимися бородой и усами.

— Ну, ребята, приналяжте, приналяжте! Олимпіада Пахомовна хочетъ посмотрѣть, какъ рубятъ лѣсъ!—говоритъ онъ рабочимъ, сдерживая лошадь.

Рабочіе принимаются дружнѣе за работу. Лошадь прядетъ ушами, слыша звонкій гулъ топоровъ и крики носящихся тучами птицъ.

— Не дернулъ бы, Даня, Галченокъ,—замѣчаетъ дѣвушка, указывая на лошадь.

— У меня, Липа, не дернетъ!—смѣется молодой человѣкъ, показывая глазами на свои сильныя руки, на которыя намотаны вожжи.

Она смѣется и успокаивается, вполнѣ увѣренная, что эти желѣзныя руки сдержатъ какого угодно коня. Она любуется, какъ рубятъ для ея потѣхи самое толстое, самое крѣпкое дерево. Вотъ оно подрубилось, вотъ раздались крики рабочихъ, вотъ послышался трескъ, оно пошатнулось и начало падать. Въ воздухѣ сильнѣе пронесся стонъ заметавшихся птицъ. Лошадь замотала въ тревогѣ головой и попробовала рвануться и шарахнуться въ сторону, но вдругъ остановилась. На бѣлый снѣгъ вмѣстѣ съ пѣною упало нѣсколько капель

ея крови. Она стала, какъ вкопанная, и только легкая нервная дрожь пробѣгала по ея стройному тѣлу.

— Спасибо, ребята! Вотъ вамъ!

Молодой человѣкъ бросилъ въ шапку одного изъ рабочихъ деньги.

Раздалось:

— Благодаримъ покорно! Желаемъ много лѣтъ здравствовать!

Кто-то даже крикнулъ:

— Ура!

Бѣговыя санки уже неслись обратно.

— Ты довольна?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Ахъ, какъ это весело, когда лѣсъ рубятъ, Даня!—отвѣтила дѣвушка.

— Это вѣдь, Липа, подмостки для нашего счастья,—проговорилъ онъ и, взявъ вожжи въ одну руку, обнялъ ее и звонко поцѣловалъ.

— Что ты!.. Увидятъ!

— Пусть смотрятъ!

Она прижалась поближе къ нему.

— Ты очень меня любишь?—спросила она.

— Погоди, узнаешь, какъ выйдешь замужъ,—засмѣялся онъ и, снова взявъ вожжи въ обѣ руки, ухарски понесся по дорогѣ въ облакахъ снѣжной пыли, обдававшей свѣжестью эти два молодыя лица.

Сколько въ нихъ было въ эту минуту животнаго счастья, животнаго здоровья.

И опять опустѣла дорога передъ лѣсомъ. Замолкли на время топоры пошабашившихъ рабочихъ. Утихли немного птицы, и только на какой-то кочкѣ, точно одѣтый въ глубокій трауръ, весь черный, сидѣлъ большой воронъ, смотря своими черными и умными глазами хищника на груды поваленныхъ деревьевъ, на блестящіе свѣжіе пни, на простертыя съ земли кверху вѣтви, точно молившія о помощи, и, казалось, размышлялъ о томъ, что ему дѣлать теперь, когда погибли всѣ старыя гнѣзда? Вить новыя, но гдѣ же, когда палъ и завѣтный родимый лѣсъ?

ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ

РОМАНЪ.

I.

Въ двери параднаго подъѣзда одного изъ богатыхъ барскихъ домовъ Петербурга входили двѣ женщины. Одной изъ нихъ было лѣтъ сорокъ пять, хотя она смотрѣла совершенной старухой. Другой едва ли минуло восемнадцать лѣтъ. У обѣихъ на головахъ были выцвѣтшіе шерстяные платки; на обѣихъ были поношенныя ситцевыя платья. На старшей былъ надѣтъ узенькій и коротенькій салопъ изъ порыжѣвшаго полумериноса, очевидно, принадлежавшій не ей, а какому-нибудь ребенку, можетъ-быть, даже не дѣвочкѣ, а мальчику, такъ какъ онъ очень походилъ на старинныя фризовыя шинели. На младшей былъ надѣтъ совершенно вытертый и оборванный бурнусъ изъ чернаго драпа, съ жалкими остатками басонныхъ украшеній; бурнусъ висѣлъ на дѣвушкѣ мѣшкомъ и тоже намекалъ на то, что онъ только временно исполняетъ должность ея теплой одежды. Впрочемъ, названіе теплой одежды не совсѣмъ шло къ салопу и бурнусу этихъ женщинъ, такъ какъ эти вещи были и во времена своего возникновенія очень скупо подбиты ватой, теперь же онѣ настолько выносились, что походили на легкія тряпки и едва ли хотя немного защищали отъ холода. Онѣ надѣвались, можетъ-быть, скорѣе для вида, чѣмъ вслѣдствіе сознанія приносимой ими пользы, какъ надѣваются мелкими хозяевами-мастеровыми рваные тиковые халаты на отданныхъ въ ученье мальчиковъ, только для того, чтобы никто не имѣлъ права сказать, что эти мальчики ходятъ голыми.

Женщины вошли въ двери несмѣлыми шагами. Старшая шла впереди и боязливо осматривалась по сторонамъ. Опытный сыщикъ могъ бы задуматься при видѣ ея: это была личность подозрительная. Правда, можетъ-быть, она и не была еще воровкою, но она уже дошла до той степени ни-

щеты, на которой человѣкъ можетъ быть подозрѣваемъ во всемъ, начиная съ кражи носового платка и кончая продажею самого себя и своихъ дѣтей.

Младшая шла сзади, опустивъ руки, двигаясь какъ-то машинально и безучастно. Такъ ходятъ люди, страдающіе лунатизмомъ или тихимъ помѣшательствомъ на какой-нибудь одной идеѣ.

— Извините-съ, извините-съ!.. Намъ въ комитетъ, въ комитетъ, батюшка... Куда пройти, не знаемъ... Въ первый разъ прибѣгаемъ... къ стопамъ,—вдругъ скороговоркою заговорила старуха, какъ бы захлебываясь и глотая слова.

Молодая дѣвушка подняла голову и увидѣла, что ея спутница торопливо кланяется швейцару,—высокому и плотному старику, съ огромными усами и бакенбардами, сохранившему подъ своею шутовскою одеждою швейцара слѣды солдатской выправки, угловатости и тупого равнодушія. Видно было, что онъ можетъ съ одинаковымъ спокойствіемъ и подсадить въ карету какую-нибудь молодую красавицу, и вытолкать въ шею какую-нибудь голодную мать семейства, если это только будетъ ему приказано. Онъ только-что вышелъ изъ своей конуры и, должно-быть, еще не совсѣмъ очнулся отъ послѣобѣденнаго сна. Лѣниво потягиваясь и зѣвая, онъ отвѣтилъ нѣсколько сиплымъ голосомъ:

— Во второй этажъ. Тамъ покажутъ.

— Покорнѣйше благодарю васъ, покорнѣйше благодарю, отецъ родной. Намъ это, батюшка, впервые, такъ мы точно въ лѣсу, точно въ лѣсу... Ни входу, ни выходу не знаемъ... По этой лѣсенкѣ вотъ, говорите!.. Покорнѣйше благодарю, покорнѣйше благодарю!..

Старуха говорила и кланялась, стягивая при каждой умильной улыбочкѣ въ сотни складокъ свою и безъ того морщинистую кожу около губъ и глазъ; она, кажется, хотѣла задобрить въ свою пользу швейцара и заглушить разговоромъ свою собственную трусость.

— Ноги-то оботрите,—попрежнему равнодушно и сипло произнесъ швейцаръ.

— Какъ же, батюшка, какъ же?.. Знаю сама... Шутка ли, у васъ все ковры... А-ахъ!.. Даша, оботри ножки-то... оботри!.. Такъ по этой лѣсенкѣ, батюшка?..

Старуха обшаркала грязь съ ногъ и въ сопровожденіи молодой дѣвушки стала осторожно подниматься по широкой лѣстницѣ. На лѣстницѣ не было ни души, но старуха все-таки придерживалась къ сторонкѣ, чтобы не идти по ковру,

украшавшему середину свѣтло-сѣрыхъ каменныхъ ступеней. Можетъ-быть, она боялась, что кто-нибудь явится передъ нею изъ-подъ земли и прикрикнетъ на нее, какъ только она ступитъ на этотъ коверъ; можетъ-быть, она просто чувствовала уваженіе къ этому ковру и считала себя недостойной ходить по его яркому фону. Въ этихъ случаяхъ трудно угадать мысли бѣдняка, и въ особенности петербургскаго бѣдняка, то-есть окончательно искалѣченнаго, приниженнаго бѣдняка, похожаго на тѣхъ заморенныхъ извозчичьихъ клячъ, которыя сами останавливаются, когда имъ представляется удобный случай кого-нибудь задавить. Добравшись до первой площадки, выложенной въ видѣ шахматной доски черными и сѣрыми камнями, старуха остановилась въ полнѣйшемъ недоумѣніи: лѣстница дѣлилась здѣсь на двѣ части.

— Куда же теперь-то идти, Даша?—прошептала старуха, растерянно смотря по сторонамъ.

Молодая дѣвушка подняла голову и чуть не вскрикнула: передъ нею во всю стѣну возвышалось украшенное цвѣтами зеркало, въ которомъ отражались и сѣрыя ступени лѣстницы, и тяжелыя перила изъ бѣлаго мрамора, и блестящія бѣлыя стѣны, и двѣ большія мраморныя вазы съ цвѣтами, и рядъ бѣлыхъ шаровъ, скрывавшихъ газовые рожки, и, наконецъ, ея мать и она сама. Дѣвушка неожиданно увидѣла себя во всей поразительной непривлекательности своего нищенскаго одѣянія. Ея платье отъ многократнаго подшиванія стало слишкомъ коротко и поблѣднѣло отъ частыхъ стирокъ, какъ близкій къ могилѣ больной; ея бурнусъ висѣлъ на ней неуклюже, а его басонныя украшенія походили скорѣе на веревочную сбрую извозчичьихъ клячъ, чѣмъ на аграманты и аграфы; ея платокъ, нѣсколько сбившійся назадъ, казался сѣрой тряпкой съ порыжѣвшими пятнами крови вмѣсто узоровъ; наконецъ, ея лицо, съ блѣдными отъ малокровія губами, съ растеряннымъ отъ смущенія взглядомъ, съ нѣсколько припухшей отъ флюса щекою,—все это было такъ смѣшно и жалко. Она невольно осмотрѣлась кругомъ; всѣ предметы здѣсь были такихъ громадныхъ размѣровъ, что изъ этой лѣстницы можно бы было устроить тридцать такихъ конуръ, какую занимала ихъ семья; все дышало здѣсь тою холодною и строгою правильностью, которая такъ поражаетъ въ музеяхъ, все было такъ чисто, такъ прибрано, такъ пустынно, какъ будто сюда никогда не заходили люди. Странное дѣло: молодой дѣвушкѣ даже показалось, что она стала ниже ростомъ и что эти блестящія,

бѣлыя, бездушныя стѣны строго и холодно смотрятъ на нее не то съ насмѣшкой, не то съ презрѣньемъ. Первные, надломленные бѣдняки, если имъ случалось очутиться однимъ въ какомъ-нибудь великолѣпномъ храмѣ или роскошномъ музеѣ, знаютъ это чувство, похожее на минутную галлюцинацію; они боятся и стыдятся стѣнъ,—стѣны, кажется имъ, глядятъ на нихъ. Дѣвушка еще болѣе поблѣднѣла и обратилась къ старухѣ:

— Маменька, туда ли мы идемъ?

Она сдѣлала свой вопросъ, и, кажется, сама испугалась своего голоса: онъ прозвучалъ слишкомъ громко въ этомъ пустынномъ, обширномъ и гулкомъ пространствѣ.

— Туда, туда, Даша... Сама слышала, швицаръ сказалъ... Только вотъ теперь-то куда повернуть?.. Тутъ лѣстница-то въ обѣ стороны идетъ...

Дѣвушка подняла голову.

— Обѣ лѣстницы опять сходятся вмѣстѣ,—совсѣмъ тихо пояснила она.

— И то правда, и то... Съ чего же это?.. А-ахъ!.. По которой же теперь идти?—недоумѣвала старуха.

— Да все равно,—отвѣтила дѣвушка.—Идите!

Онѣ опять стали подниматься наверхъ, придерживаясь къ сторонкѣ. Наконецъ, онѣ добрались до верхней площадки, выложенной также въ видѣ шахматной доски сѣрыми и черными камнями. Передъ ними были три двери, двѣ небольшія по бокамъ и одна большая посрединѣ. Маленькія двери были заперты; обѣ половинки большой двери были растворены настежь. Большая дверь вела въ высокій бѣлый залъ съ голубыми шелковыми драпировками на дверяхъ и окнахъ и съ бѣлыми стульями, обтянутыми голубой шелковой матеріей.

— Сюда, вѣрно,—нерѣшительно проговорила старуха, показывая на залъ.

Молодая дѣвушка не отвѣтила ни слова. Она какъ-то случайно бросила взглядъ черезъ перила внизъ и вздрогнула. Передъ нею была глубокая пропасть; въ эту пропасть по бокамъ спускались двѣ лѣстницы, покрытыя ярко-краснымъ ковромъ и соединяющіяся потомъ въ одну широкую лѣстницу. Въ глазахъ у дѣвушки рябило, и ей показалось, что переливы бархатнаго ковра движутся и сбѣгаютъ внизъ двумя алыми струями крови, сливаясь внизу въ одинъ широкій кровавый потокъ. Въ ея головѣ почему-то промелькнула мысль:

«Здѣсь упасть—убиться можно».

Старуха на цыпочкахъ отправилась къ отворенной двери и, вытянувъ впередъ свою голову, стала изъ дверей осматривать залъ. Въ эту минуту въ залѣ раздался сиплый лай, похожій на старческое сморканье, и передъ старухой остановилась облѣзлая болонка въ красной, сбившейся на-бокъ, суконной кофточкѣ. Маленькое животное походило на всклоченнаго и полуплѣшиваго, выжившаго изъ ума старикашку, вскочившаго съ постели и кое-какъ накинувшаго на себя халатъ. Старуха растерялась при видѣ озлобленнаго животнаго и, вытянувъ свои сухія губы, начала причмокивать ими, чтобы успокоить врага.

— Ню, ню, нельзя, нельзя, дюсинька! — заговорила она, картавя, какъ говорятъ съ дѣтьми, и наклоняя свою голову.—Ню, нелестань, нелестань... Какъ тебя... Мальчикъ, Мальчикъ!..

— Куда лѣзете? — непривѣтливо окликнулъ ее мужской голосъ.—Куда лѣзете-то?

Старуха совсѣмъ растерялась.

— Вижу, батюшка, вижу, что не туда, дура безтолковая, попала... Ворона въ хоромы... Экая храмина-то какая... Господи, ты Боже мой!.. Пресвятая Богородица!..—заговорила она, уже совершенно не понимая своихъ собственныхъ словъ.

— Такъ развѣ вамъ здѣсь мѣсто? — съ грубой ироніей спросилъ ее тотъ же голосъ.

Голосъ этотъ принадлежалъ человѣку, одѣтому въ черные брюки, въ черный фракъ, въ черный жилетъ съ золотою цѣпью и въ бѣлый галстукъ; но, несмотря на этотъ господскій костюмъ, вы могли сразу угадать по тону, по голосу, по манерѣ этого человѣка, что онъ былъ не болѣе, какъ лакей, и притомъ лакей изъ бывшихъ дворовыхъ; всматриваясь въ этого принарядившагося, гладко выбритаго, примаженнаго холопа, вы тотчасъ же могли понять, что подъ господскимъ фракомъ и бѣлоснѣжной манишкой у него надѣта его собственная грязная ситцевая рубашка, что подъ барскими лакированными сапогами у него навернуты свои доморощенныя онучи, и что запахомъ резеды и жасмина онъ заглушаетъ только передъ другими тотъ своеобразный запахъ, который присущъ однѣмъ «лакейскимъ» старыхъ барскихъ домовъ.

— Швицаръ, батюшка, швицаръ вашъ наверхъ послали... Идите, говорятъ, наверхъ, тамъ, говорятъ... — пояснила старуха.

— Такъ развѣ онъ сюда послалъ? Пріемная-то мала, что ли?.. Здѣсь члены собираются, господа!.. Если бы да васъ всѣхъ сюда пущать —много было бы!.. Комнаты-то продушили бы... Въ недѣлю бы не выкурить... За тремя рублями половина Петербурга сбѣжаться готова...

Лакей говорилъ внушительно и ядовито, какъ настоящій крѣпостной лакей, полагающій, что каждая его грубость еще недостаточно груба, если она не подчеркнута. Ему уже давно надоѣли «нищіе», еженедѣльно «шляющіеся» въ «ихъ домъ» съ тѣхъ поръ, какъ «сама» была выбрана «предсѣдательницей» «Общества первой помощи».

— Это что говорить, батюшка, что говорить!—вздохнула старуха.—Три рубля деньги... большія деньги... на полу не подымешь... А позвольте васъ спросить, почтеннѣйшій — имени, отчества вашего не знаю—не извѣстны ли вы насчетъ того, какая намъ такая помощь можетъ выйти?.. Мы вѣдь, батюшка, впервые...

— Конечно, извѣстны,—насмѣшливо произнесъ лакей:— достойны окажетесь—выдадутъ три рубля, а не достойны— ну, и ничего не дадутъ.

— А нельзя ли васъ спросить, почтеннѣйшій, не устроятъ ли вотъ дѣточекъ моихъ къ мѣстамъ какимъ?

— Мѣстовъ-то этихъ у насъ нѣтъ, а то бы весь Петербургъ устроили... А вы ступайте, да ждите своей судьбы...

— Вы, батюшка, не обижайтесь. Я вѣдь спроста.

— Оно и видно.

— Мнѣ вотъ впервые это приходится просить-то, и желала бы я знать, какъ это мнѣ и къ кому прибѣгнуть, припасть...

— Въ комитетѣ скажутъ... Ступайте, а то тутъ еще застанутъ съ вами. Протекцію, скажутъ, за взятки оказываешь... У нашей генеральши насчетъ этого строго.

— Да вы при какой должности осмѣлюсь...

— Да что же, въ самомъ дѣлѣ, силой васъ, что ли, отсюда гнать!—вдругъ почему-то совсѣмъ разсердился лакей.

Молодая дѣвушка, все время стоявшая съ опущенной головой, вдругъ очнулась и дернула старуху за салопъ.

— Маменька!—молящимъ голосомъ прошептала она.

Старуха, однако, не унималась; она дѣлалась все смѣлѣе и смѣлѣе.

— Что это ты: маменька, да маменька!—сердито обернулась она къ дочери. — Прежде тебя я знала, что я тебѣ мать! Знать-то только мнѣ это не сладко... Вотъ, батюшка,—

обратилась она къ лакею:—наградилъ меня Богъ дѣтками. Ума не приложу, что мнѣ съ ними дѣлать...

Въ это время въ швейцарской раздался звонокъ.

— Тьфу ты, окаянные,—плюнулъ лакей.—Уйдите, уйдите, вамъ говорятъ!

— Да вѣдь я...—начала оправдываться старуха.

— Да провалитесь вы со своими разсказами!—грубо перебилъ онъ ее.—Вонъ сами члены идутъ. Ступайте вонъ туда въ двери...

Лакей указалъ на одну изъ боковыхъ дверей.

— Иду, иду, батюшка, иду, почтенный!—забормотала старуха.

II.

Она какъ-то бочкомъ, мелкими шажками направилась къ указанной лакеемъ двери, снова струсивъ при словахъ «сами члены идутъ». Среди множества страшныхъ для нея словъ, въ родѣ «домового», «лѣшаго», «квартальнаго», самымъ страшнымъ словомъ было слово «самъ». Когда ей говорили: «самъ идетъ», «самъ вамъ покажетъ»,—это значило идетъ самъ мужъ, самъ старшій дворникъ, самъ хозяинъ, самъ полицейскій,—однимъ словомъ, кто-нибудь такой, кто могъ согнуть ее въ бараній рогъ, кто могъ на нее прикрикнуть, кто могъ ее довести до того, что у нея «душа уходила въ пятки, и всѣ поджилочки тряслись». Теперь она такъ растерялась, вспомнивъ о «самихъ членахъ» «Общества первой помощи», что даже не могла сообразить, куда она попала, кто стоялъ въ той комнатѣ, въ которую она вошла. Эта комната была не велика и меблирована очень просто легкими стульями орѣховаго дерева; въ простѣнкѣ между двумя окнами помѣщалось большое зеркало; противъ зеркала, между двумя дверями, стоялъ ломберный столъ съ какою-то шнуровою книгою, съ чернильницей и нѣсколькими перьями. Въ обыкновенное время эта комната служила мѣстомъ ожиданія для разныхъ докладчиковъ, служившихъ подъ начальствомъ «мужа Марьи Петровны». Сама Марья Петровна Прозорова-Солонецкая была предсѣдательницею «Общества первой помощи». Разъ въ недѣлю эта комната превращалась въ пріемную для бѣдняковъ. Сюда сходились самыя разнохарактерныя личности со всѣхъ концовъ Петербурга. Трудно сказать, о чемъ не просили являвшіеся въ эту комнату люди. Сюда заходилъ съ просьбою о первой помощи чиновникъ, обремененный семействомъ, оставшійся за штатомъ, ищущій частныхъ занятій и желающій опредѣлить на ка-

зенный счетъ всѣхъ шестерыхъ дѣтей, родившихся у него во время его пребыванія на государственной службѣ. Сюда являлась съ прошеніемъ женщина, жаждавшая развода съ своимъ «тирраномъ» и уже обходившая съ просьбами всѣ административныя и судебныя учрежденія, всѣ канцеляріи духовнаго, морского и военнаго вѣдомствъ. Люди, просящіе о чемъ-нибудь, люди, старающіеся выхлопотать что-нибудь, вообще не пренебрегаютъ ни однимъ мѣстомъ, гдѣ принимаются какія-нибудь «прошенія», какъ не пренебрегаютъ страдающіе зубной болью ни солдатомъ, заговаривающимъ зубы, ни евреемъ, дергающимъ зубы своими собственными грязными пальцами. Надежда, даже не основанная ни на чемъ, всегда облегчаетъ страданіе.

Когда старуха съ своею дочерью переступили порогъ пріемной, въ этой пріемной было уже много просителей.

Бѣдняки сидѣли у стѣнъ и боязливо шептались между собою. Только одинъ какой-то рослый и плотный мужчина расхаживалъ по комнатѣ, покручивая длинные усы.

Старуха еще не успѣла окинуть взглядомъ присутствующихъ, какъ въ комнатѣ произошло нѣкоторое волненіе: бѣдняки поднялись съ мѣстъ, увидѣвъ, что противоположная дверь отворилась, и въ пріемную вошла сама предсѣдательница, въ сопровожденіи трехъ членовъ-благотворителей. Старуха растерялась, попятилась, прижалась въ уголъ около тѣхъ дверей, въ которыя она вошла, и, творя молитву, устремила осовѣвшіе глаза на благотворителей, точно ожидая, что они вотъ-вотъ крикнутъ ей: «поди сюда!»

Предсѣдательница и члены комитета не успѣли дойти и до половины комнаты, какъ къ нимъ подошелъ очень развязно господинъ съ длинными усами, расхаживавшій по комнатѣ. На немъ были надѣты голубовато-синія широкія панталоны и черная потертая венгерка, застегнутая до самаго подбородка. Изъ-подъ стоячаго воротника венгерки виднѣлась красная шея подозрительной чистоты. Лицо этого господина, красное и угреватое, поражало совершенно синимъ и точно опухшимъ носомъ и непомѣрно длинными черными усами. Его полусѣдые волосы были коротко подстрижены и стояли щетиной. Ловко шаркнувъ ногой и подбросивъ подъ мышку измятую фуражку съ кокардой, проситель развязно обратился къ Марьѣ Петровнѣ:

— Миль пардонъ, вотръ экселянсъ!—произнесъ онъ и пристукнулъ каблукомъ о каблукъ.

— Вы иностранецъ?—спросила Марья Петровна.

— Отставной прапорщикъ русской службы, —бойко отвѣтилъ проситель.— Павелъ Ивановъ Пантелеевъ, экскюзе...

— Такъ можете говорить по-русски,—нетерпѣливо перебила его предсѣдательница комитета и отступила на шагъ отъ него.

Отъ отставного прапорщика русской службы несло сивухой.

— Превратности судьбы... —заговорилъ онъ скороговоркой, какъ говорятъ дѣти вызубренные ими слово въ слово уроки.— Обремененъ семействомъ. Жена больная. Пять человѣкъ дѣтей, отецъ разбитъ параличомъ, старуха-мать — слѣпая женщина. Живемъ въ углу, на чердакѣ, семья, лишенная отъѣзжія, не можетъ снискивать пропитанія... Ни пенсіи, ни работы...

Во время этой рѣчи одинъ изъ членовъ комитета, графъ Зяблевъ, зорко всматривался своими прищуренными глазами въ эту личность и, наконецъ, подошелъ къ отставному прапорщику русской службы.

— А вы опять къ намъ пожаловали?—совершенно неожиданно спросилъ онъ.

Отставной прапорщикъ русской службы быстро обернулся и съ удивленіемъ взглянулъ на старика-графа.

— Вы-съ?.. Не ожидалъ!—пробормоталъ онъ въ смущеніи.

— Мы посѣщали уже этого господина два года тому назадъ,—пояснилъ по-французски графъ, обращаясь къ Марьѣ Петровнѣ.—Я самъ ѣздилъ.

— Имѣлъ счастіе видѣть высокую особу...—началъ Пантелеевъ, уже оправляясь отъ смущенія.

— Да, и тогда у васъ не оказалось никакой семьи,— произнесъ графъ, снова прищуривая свои зоркіе глаза.

— Умерли, умерли съ голоду и холоду, — началъ снова Пантелеевъ довольно развязнымъ тономъ.

— Но вы сейчасъ говорили...—перебила его нетерпѣливо Марья Петровна.

— Не имѣлъ чести досказать исторію нашихъ бѣдствій,— уже совсѣмъ бойко заговорилъ храбрый прапорщикъ. — Взволнованъ!.. Мои близкіе не вынесли тягостей жизни. Зараженный воздухъ, міазмы, тѣсный уголъ, недостатокъ питанія, лишенія свели въ могилу. Остался одинъ, по волѣ судьбы...

— Все еще въ домѣ Вяземскаго изволите жить?—презрительнымъ тономъ прервалъ его графъ.

— Въ вертепѣ, въ вертепѣ! Среди невѣжества и разврата, среди паденія и нищеты! Не имѣю средствъ вырваться изъ

омута. Лишенъ всякой поддержки. Это больно, больно сердцу офицера, сердцу русскаго дворянина!

Отставной прапорщикъ трагически ударилъ кулакомъ въ свою грудь.

— Я не могу съ нимъ говорить, — тихо сказала Марья Петровна, обращаясь къ графу:—отъ него водкой пахнетъ.

Дѣйствительно, сивушный запахъ распространялся все сильнѣе и сильнѣе вокругъ Пантелеева.

— Послушайте, вы сдѣлали бы лучше, если бы не безпокоили больше нашего общества,—замѣтилъ графъ.

— Къ кому же обратиться?—воскликнулъ Пантелеевъ.— Здѣсь дворянинъ обращается къ дворянамъ, благородный человѣкъ разсчитываетъ на помощь благородныхъ людей. Мнѣ нужна рука помощи...

Онъ немного пошатнулся въ сторону.

— И поддержки,—добавилъ графъ и сухо произнесъ:— мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ.

— Вы обрекаете на гибель благороднаго человѣка, воина, пролившаго кровь за отечество на Кавказѣ, на поляхъ битвы! Вы хотите, чтобы онъ шелъ съ протянутой рукой по улицамъ и площадямъ, какъ ходячій упрекъ въ черствости и сухости его собратій, чтобы онъ, какъ Велизарій...

— Можете дѣлать, что вамъ угодно, но мы не можемъ быть вамъ полезными,—прервалъ его графъ.

— Но понимаете ли вы...

Графъ неторопливо подошелъ очень близко къ нему и съ неподражаемымъ хладнокровіемъ поднесъ почти къ самому его лицу деньги.

— Вотъ вамъ двадцать копеекъ и ступайте!

— Благодарю, благодарю!—произнесъ Пантелеевъ.—Вы дворянинъ...

— Немножко,—усмѣхнулся графъ.

— Да, я вижу, что вы дворянинъ. Вы понимаете..

— Отлично понимаю. Прощайте!

— До пріятнаго свиданія.

Пантелеевъ, шатаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и обратился къ присутствующимъ:

— Оревуаръ! — произнесъ онъ, махнувъ разорванной шапкой.—Не ожидалъ, никакъ не ожидалъ! На одинъ флаконъ.

Марья Петровна, между тѣмъ, уже занялась переговорами съ личностью совсѣмъ другого рода. Передъ нею стояла низенькая, непомѣрно толстая и видимо страдающая водяною женщина въ невообразимой одеждѣ. Ея оборванный,

грязный чепецъ, ея грязное, полинялое платье съ безчисленными прорѣхами, ея замазанный капоръ неизвѣстнаго цвѣта и неизвѣстной матеріи, съ торчащими клочьями грязной ваты, ея куцавейка, состоявшая изъ сплошныхъ, самыхъ разнообразныхъ заплатъ, изъ которыхъ одна была даже шелковая,— все это отъ времени и грязи пришло въ то состояніе, которое опредѣляется словомъ «ветошь». Эта женщина, съ клочьями сухихъ сѣдыхъ волосъ, спускавшихся на глаза, какъ холка старыхъ клячъ, съ сѣдою щетиною надъ углами губъ, съ мутными, едва замѣтными глазами и съ кожею, похожею на сморщенный и покоробленный пергаментъ, походила скорѣе на узелъ стараго тряпья, чѣмъ на живое существо. Марья Петровна должна была почти кричать, разговаривая съ нею: она была совершенно глуха.

— О чемъ вы просите?—кричала Марья Петровна.

— Прошеніе, матушка, прошеніе у меня!—тупо отвѣчала старуха.

— У васъ семейство?—надрывалась Марья Петровна.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ! Одна, одна, какъ перстъ, старушка божья,—ровнымъ голосомъ произносила старуха.

— Вы не работаете?

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ, какая работа въ эти-то годы... И который мнѣ годъ—доподлинно никому неизвѣстно, матушка. Умерли, всѣ умерли, кто зналъ-то... Когда царицу Катерину, царство ей небесное, голубушку хоронили, такъ я маленькая еще, матушка, была, а когда царя Павла...

— Ну, могли бы хоть за дѣтьми смотрѣть, вы еще ходите,— сообразила Марья Петровна, всегда придумывавшая для всѣхъ занятіе, такъ какъ, по ея мнѣнію, всѣ общественныя бѣдствія были слѣдствіемъ тунеядства.

— Гдѣ мнѣ, матушка, гдѣ мнѣ! Рученьки и ноженьки у меня болятъ, ревматизма меня одолѣла, матушка. Только и свѣтъ вижу, когда на печурочку заберусь.

— Такъ вы ничего не можете дѣлать?— задумалась Марья Петровна.

Ее всегда сбивала съ толку встрѣча съ людьми, которые не могутъ работать.

— Ужъ какое дѣло, матушка, спрашивать съ насъ, старушекъ божіихъ! Живемъ такъ-себѣ, небо коптимъ, потому что смерти на насъ нѣтъ.

— Хорошо, мы пошлемъ къ вамъ кого-нибудь и дадимъ вамъ отвѣтъ.

— Слушаю, матушка, слушаю.

Старуха зашаркала несгибавшимися ногами и, вздыхая и охая, поплелась изъ комнаты.

— И зачѣмъ живутъ подобные люди!—вырвалось невольное восклицаніе у Марьи Петровны.

— Распоряженіе не отдано еще, чтобы по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ отправлять людей на живодерню,—процѣдилъ сквозь зубы графъ.

Марья Петровна не безъ гнѣва закусила губы.

— Ну-съ, а вамъ что угодно?—ироническимъ тономъ обратился графъ къ ожидавшей очереди просительницѣ.

Возрастъ этой женщины было невозможно опредѣлить, такъ какъ ея волосы были выкрашены, брови наведены, румянецъ вызванъ при помощи свеклы, бѣлизна напоминала о существованіи мѣла,—только зубы, должно-быть, по недостатку средствъ, были у нея не искусственные, а просто состояли изъ толстыхъ кусковъ бѣлаго воску, втиснутыхъ между черными остатками былого украшенія ея рта. На ней была очень древняя крашеная шляпка, украшенная яркимъ, хотя и смятымъ, макомъ и двумя колосьями, торчавшими вверхъ, подобно рогамъ. На ней были даже надѣты черныя перчатки, совершенно потрескавшіяся отъ времени и съ развороченными во всѣ стороны концами пальцевъ, которые напоминали группу свѣжихъ орѣховъ, еще не вынутыхъ изъ своихъ гнѣздъ. Когда къ ней приблизился графъ Зябловъ, она сдѣлала граціозный книксенъ.

— Изфинитъ, экселенцъ!—заговорила она ломанымъ русскимъ языкомъ.—У менэ есть прозибъ. Я дольшенъ ѣхать на отешество... nach Vaterland... и зовсѣмъ не имѣю дольшнихъ средствъ... Менэ ошень кочется просить сіятельный особъ пособляйтъ менэ на отъѣздъ.

— Вы, кажется, уже ѣздили въ свой Vaterland въ прошломъ году?—спросилъ графъ.

Просительница потупила глазки.

— О, я ошень, ошень билъ больная... Я зовсѣмъ лежалъ на кровать...

— Вы обратились бы въ свое посольство,—посовѣтовала Марья Петровна.

— О, я русски подданство принималъ при свадебъ и посольствъ менэ отказивалъ.

— Вы опять, пожалуй, захвораете и не уѣдете,—насмѣшливо замѣтилъ графъ.

— О, сокрани Богъ. Я теперь зовсѣмъ, зовсѣмъ здоровъ...

— Но мы вамъ не можемъ дать на проѣздъ, — рѣшилъ графъ.

— Можно попросить билетъ у оберъ-полицмейстера,— замѣтила Марья Петровна.

— Да вѣдь это вѣчная путешественница,—сказалъ, пожавъ плечами, графъ.

— Можетъ-быть, теперь она и уѣдетъ.

— Блаженъ, кто вѣруетъ.

— Мы посмотримъ, — обратилась Марья Петровна къ просительницѣ.—Мы достанемъ вамъ билетъ съ тѣмъ, чтобы вы назначили день отъѣзда, и мы отправимъ васъ сами.

— О, зашѣмъ столь безпокойствъ! Менэ такъ зовѣстно!— конфузилась нѣмка.

— Ничего, ничего, до свиданья,—перебилъ ее графъ.

— Но я никакъ не моги назначить день... Я попроситъ, чтобы экселенцъ лучше видавалъ менэ бильетъ.

— Этого нельзя. Назначьте день, и мы васъ отправимъ.

— Но я удивляйтся, какъ можетъ такой особъ...

— Извините, у насъ мало времени,—оборвалъ графъ.

Просительница нахмурила полоски, исправлявшія должность бровей, сдѣлала торопливый книксенъ и, поднявъ кверху голову, съ видомъ оскорбленной невинности вышла изъ пріемной, шумно хлопнувъ дверью.

— Ну, теперь больше не придетъ: отношенія выяснились,—засмѣялся графъ.

— Я устала,—вздохнула Марья Петровна.—И что за людъ идетъ къ намъ! Какіе-то негодяи и тунеядцы.

— А вы думали, что у васъ станутъ терять время въ пріемной работники?—усмѣхнулся графъ.—Имъ время дорого да и не вѣрятъ они въ пользу милостыни.

— Тутъ дѣло не въ милостынѣ, а въ разумной помощи. Если они не вѣрятъ въ нее - имъ же хуже,—разсердилась Марья Петровна. — Всѣ отобраны просьбы? — обратилась она къ двумъ другимъ членамъ комитета.

— Нѣтъ, еще остались двѣ просительницы,—отозвался секретарь комитета, успѣвшій вмѣстѣ съ казначеемъ общества взять пять или шесть прошеній.

III.

Марья Петровна присѣла и подозвала къ себѣ этихъ просительницъ.

Это были знакомыя намъ мать и дочь.

Старуха на цыпочкахъ, торопливо кланяясь, подошла къ

Марьѣ Петровнѣ. Дочь шла за матерью съ потупленными глазами. Ей было совѣстно, что на нее были теперь обращены всѣ глаза присутствующихъ господъ.

— Съ просьбой, ваше сіятельство, съ просьбой,—заговорила старуха жалобнымъ тономъ, приближаясь къ Марьѣ Петровнѣ.— Къ стопамъ вашимъ, ваше превосходительство!.. Ручку позвольте, ваше превосходительство!..

Ея фигура старухи, ея голосъ, ея слова выражали полное униженіе. Она впервые говорила съ такою высокопоставленной особой, она ждала отъ этой особы спасенія и готова была ползать у ея ногъ на колѣняхъ. Марью Петровну непріятно поразилъ этотъ тонъ. Она была настолько «либеральна», она такъ «современно» смотрѣла на людскія отношенія, что признавала въ принципѣ всѣхъ равными и не допускала униженія однихъ передъ другими.

— Ручку, ваше превосходительство...—продолжала старуха.

— Меня зовутъ Марьей Петровной,—мелькомъ замѣтила предсѣдательница общества, не любившая, чтобы ее титуловали.

— Знаю, знаю, ваше превосходительство, ангелъ сиротъ, вдовъ заступница,—жалобно отвѣтила старуха.

— О чемъ вы просите?

— Это вотъ дочь моя, дочь, ваше превосходительство,—начала старуха, не умѣя даже дать прямого отвѣта на вопросъ.

— Вы о ней просите?—спросила Марья Петровна и окинула глазами молодую дѣвушку.

Молодая дѣвушка почувствовала этотъ взглядъ и покраснѣла еще болѣе.

— Боже мой, съ этихъ лѣтъ привыкаютъ просить!—произнесла по-французски Марья Петровна, обращаясь къ графу.

Молодая дѣвушка вздрогнула и закусила губы. Это мимолетное движеніе не было замѣчено никѣмъ.

— И о ней, и о себѣ, ваше превосходительство,—продолжала ноющимъ тономъ старуха и дернула за подолъ бурнуса дочь, пробормотавъ ей: кланяйся, кланяйся!—У меня, ваше превосходительство,—обратилась она снова къ хозяйкѣ:—мужъ пьяница, ваше превосходительство, горькая пьяница...

— Я вамъ сказала, что меня зовутъ Марьей Петровной,—уже раздражительно замѣтила Марья Петровна, начиная чувствовать отвращеніе къ этой матери, пріучающей къ попрошайству свою дочь.

Дѣйствительно, отвратительно видѣть, когда «эти люди» пріучаютъ своихъ дѣтей не къ труду, а къ нищенству.

— Знаю, матушка, ваше превосходительство, знаю!..

— Ну, такъ и зовите меня по имени...

— Да смѣю ли я, ваше превосходительство! У ногъ вашихъ...

— Отчего же нѣтъ? Вѣдь не зову же я васъ вашимъ благородіемъ,—съ ироніей замѣтила раздраженная отвратительными тунеядцами Марья Петровна.

Старуха даже засмѣялась какимъ-то беззвучнымъ, подобострастнымъ смѣхомъ.

— Ужъ какое я благородіе, ваше превосходительство,— заговорила она.—Благородство-то наше въ кабакѣ пропито... Мужъ меня сокрушилъ. Безъ хлѣба сидимъ, все въ кабакъ, все въ кабакъ несетъ... У него тамъ пріятели, просьбы имъ строчитъ... Это онъ по-новому-то какъ называется... альбакасъ, что ли... вотъ что по судамъ хлопочутъ...

— Тоже благотворитель,—иронически замѣтилъ графъ, обращаясь къ казначею.

Это едва слышно сдѣланное замѣчаніе не ускользнуло отъ слуха старухи. Она съ поклономъ обратилась къ графу.

— Какой ужъ благотворитель, батюшка ваше превосходительство—не знаю, какъ величать васъ,—заговорила она.— Грабитель онъ, грабитель, вотъ онъ что!.. Онъ, ваше...

— О чемъ же вы просите?—прервала ее Марья Петровна.

— Да развѣ я знаю, ваше превосходительство, о чемъ мнѣ просить?—растерялась старуха.—Дура я, совсѣмъ дура безтолковая!.. Нужда меня давитъ, нужда меня гонитъ! И всегда-то я была не очень шустра, а теперь ужъ совсѣмъ голову потеряла... ровно въ туманѣ какомъ хожу... Вотъ тоже и на дѣточекъ сердце надрывается смотрѣть... Вотъ дочь моя, Дашей зовутъ, ваше превосходительство, Дашей...

Старуха быстро дернула дочь за бурнусъ и пробормотала ей:

— Да кланяйся же, кланяйся!

Дочь стояла, какъ статуя.

— Рукодѣльница она,—опять обратилась старуха къ благотворителямъ:—а при отцѣ хоть не работай... Что она добудетъ—онъ все пропьетъ, все... Потомъ мальчиночекъ есть у меня десяти лѣтъ... Шустрый такой, все это понимаетъ, все смекаетъ... Вотъ намедни самъ салазочки мнѣ смастерилъ подъ корзины для бѣлья... Стираю я, матушка ваше превосходительство, на-сторону стираю... Ишь руки-то всѣ вспухли да потрескались, вонъ онѣ красныя какія... Тоже и не лѣта... спина болитъ отъ лаханки-то...

— Значитъ, вы хотите дѣтей пристроить?—спросила Марья Петровна.

— У меня и хотѣній-то нѣтъ, матушка ваше превосходительство,—покачала головой старуха.—Такъ брожу, какъ въ лѣсу какомъ... ровно угорѣла я и не вижу это ничего... Какія у меня хотѣнія!.. Вотъ вся я тутъ, дѣлайте, что Богъ вамъ на душу положитъ...

— Мы не можемъ...—началъ казначей, знавшій, что въ кассѣ общества имѣется какихъ-нибудь три рубля.

— Пожалуйста, не предрѣшайте ничего,—перебила его Марья Петровна.—Рѣшать—это дѣло комитета... Я постараюсь помочь вамъ,—обратилась она къ просительницѣ.—Оставьте свой адресъ.

— Въ прошеніи, матушка ваше превосходительство, Дашенька все прописала,—отвѣтила старуха.

Секретарь комитета уже разсматривалъ это прошеніе и обратился съ вопросомъ къ молодой дѣвушкѣ:

— Это вы писали?

Молодая дѣвушка едва слышно проговорила:

— Я.

— У васъ хорошій почеркъ,—замѣтилъ секретарь и показалъ бумагу Марьѣ Петровнѣ.

— Вы гдѣ-нибудь учились?—спросила предсѣдательница комитета.

— Урывками,—тихо отвѣчала дѣвушка.—Когда батюшка служилъ, мы жили безъ особенной нужды...

— Приношенія были, матушка ваше превосходительство, приношенія добрыхъ людей,—вмѣшалась въ разговоръ старуха.

— Вотъ, графъ, прогрессъ: взяточники идутъ по-міру,—вскользь и тихо замѣтилъ казначей, поднося къ носу открытую, маленькую золотую табакерку.

— Поправятся на адвокатскомъ поприщѣ,—также вскользь отвѣтилъ графъ Зябловъ.

— Это точно, батюшка ваше высокопревосходительство, поправился бы, поправился бы,—заговорила старуха, считавшая своимъ долгомъ отвѣчать впопадъ и невпопадъ на всѣ чужія рѣчи:—только бы не пилъ, а то какъ не поправиться! Ужъ вѣдь я чего-чего ни дѣлала: и землю съ могилокъ, гдѣ Андреи похоронены—мужа-то моего Андреемъ зовутъ—брала, да водку ею настаивала, и девять клоповъ въ штофъ опущала...

— Ну, ужъ это, должно-быть, послѣднее средство,—усмѣхнулся казначей.

— Послѣднее, послѣднее, батюшка ваше сіятельство,—вздохнула старуха:—а не помогло, не помогло.

— Вы въ пансіонѣ были?—спрашивала, между тѣмъ, Марья Петровна у молодой дѣвушки.

— Да... впрочемъ, такъ недолго... училась потомъ одна... сначала было стыдно быть незнающей...

Дѣвушка говорила несмѣло, конфузясь, испытывая, повидимому, самыя тяжелыя муки.

— Сначала? А теперь?—спросила ее Марья Петровна.

— Теперь и стыдиться некого,—опустивъ голову, отвѣтила дѣвушка.—Сначала еще были знакомые, подруги... Теперь мы одни живемъ... къ батюшкѣ только мужики ходятъ по дѣламъ...

— Ужъ извѣстно, кто же станетъ къ намъ порядочный-то ходить, ваше превосходительство,—пояснила старуха.

— Вамъ, должно-быть, очень тяжело?—вздохнула Марья Петровна, поднимаясь со стула.

— Что я!.. мой вѣкъ конченъ,—произнесла дѣвушка.—Брата жаль. Мальчикъ умный... его судьба впереди...

— Вы такъ говорите, какъ будто ваша судьба не впереди,—улыбнулась Марья Петровна, взглянувъ на молодое лицо дѣвушки.

— О себѣ я не думаю, свыклась... Да что и думать?.. Ничѣмъ не пособить!—послышался тихій отвѣтъ.

— Полноте, полноте! Зачѣмъ отчаиваться? Вотъ мы похлопочемъ,—ободряла ее Марья Петровна, готовясь уйти.

Молодая дѣвушка замѣтила это движеніе, какъ будто что-то вспомнила и шагнула къ Марьѣ Петровнѣ.

— Матушкѣ говорили,—начала она несмѣло:—что общество даетъ деньги...

Она на минуту перевела духъ, точно ей трудно было говорить.

— Деньги не помогутъ,—продолжала она.—Сдѣлайте что-нибудь для брата... его спасите!..

— Хорошо, хорошо, я все сдѣлаю, что могу,—отвѣтила Марья Петровна, направляясь къ дверямъ.—Надо будетъ поручить Аделаидѣ Александровнѣ эту семью,—замѣтила она казначею.

— Все на нее, все на нее,—усмѣхнулся онъ.

— Ахъ, Боже мой,—вспылила Марья Петровна.—Взялась за дѣло, такъ и должна дѣлать!

— Любишь кататься, люби и саночки возить,—съ какою-то двусмысленною усмѣшкою замѣтилъ графъ Зябловъ.

Члены комитета и предсѣдательница общества удалились, сопровождаемые поклонами старухи.

— Ну, что же стоишь-то? Пойдемъ, — обратилась мать къ дочери, когда двери закрылись за благотворителями.

Дочь стояла молча, опустивъ руки, склонивъ голову. Она вздрогнула и очнулась, услышавъ голосъ матери.

— Да, да, пойдемте,—торопливо проговорила она и поспѣшно вышла изъ пріемной на лѣстницу, точно боясь, что ихъ прогонятъ, если онѣ еще простоятъ здѣсь хоть немного.

IV.

Почти въ это же время по той же лѣстницѣ поднималась еще одна личность. Это была женщина лѣтъ двадцати восьми, съ черными, просто, но красиво причесанными волосами, съ большими черными глазами, съ нѣсколько крупными, страстными губами. Несмотря на нѣкоторую полноту, она была еще довольно стройна и шла легкой поступью. Ея черное шелковое платье, черныя серьги и черные браслеты очень выгодно выставляли на видъ матовую бѣлизну ея лица, шеи и рукъ. Только около глазъ лежала у нея какая-то легкая тѣнь, дѣлавшая ея глаза и больше, и глубже. На ея щекахъ игралъ довольно ровный, но слабый румянецъ, придававшій лицу свѣжій и моложавый видъ. Въ это красивое лицо, напоминавшее слегка южные типы, нужно было всматриваться очень пристально, чтобы разглядѣть и мелкія, преждевременныя морщинки около угловъ глазъ, и нѣкоторую дряблость кожи, потерявшей упругость молодого тѣла. Проходя мимо зеркала на первой площадкѣ лѣстницы, молодая женщина бросила едва уловимый взглядъ на него, но, должно-быть, этого взгляда было достаточно, чтобы она сразу осмотрѣла всю свою фигуру,—по крайней мѣрѣ, свернувъ съ площадки, она уже проводила рукой по лбу, и тотчасъ же на этотъ лобъ упалъ небольшой завитокъ волосъ, который до того лежалъ на гладко-причесанныхъ волосахъ, должно-быть, откинутый туда вѣтромъ, когда она выходила изъ кареты. Взглянувъ на это лицо именно въ эту минуту, опытный художникъ сразу понялъ бы, что этому лбу недоставало именно такого капризно-отдѣляющагося отъ гладко-зачесанныхъ волосъ завитка. Безъ этого завитка лобъ молодой женщины казался бы слишкомъ гладкимъ, слишкомъ пустымъ и вульгарнымъ, если можно такъ выразиться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ плоскихъ, гладкихъ, широкихъ русскихъ лбовъ, которые такъ часто встрѣчаются у полныхъ купчихъ и на которыхъ, по большей части, не отражается ничего. Этимъ лбамъ нужны

долгіе годы или горькія страданія, чтобы на нихъ появилась замѣтная морщинка, свидѣтельница горя, тяжелыхъ невзгодъ и долгихъ одинокихъ размышленій. Эта морщинка уже появилась на лбу молодой женщины, появилась, вѣроятно, недавно, такъ какъ она была едва замѣтна, какъ слѣдъ, который остался бы на кожѣ, если бы по ней провести тупой стороной ножа.

— Марья Петровна у себя? — мелькомъ спросила молодая женщина у лакея, входя въ бѣлый залъ.

— Въ кабинетѣ,—отвѣтилъ лакей.

— Одна?

— Однѣ-съ. Графъ Зябловъ, казначей и Николай Ивановичъ здѣсь, но курить пошли на половину къ генералу. Прикажете доложить?

— Не надо.

Посѣтительница безъ доклада легко и скоро направилась черезъ залъ къ кабинету хозяйки; видно было, что она «свой человѣкъ» въ домѣ.

— Наконецъ-то я дождалась васъ, Аделаида Александровна, — воскликнула Марья Петровна, завидѣвъ ее, и чуть-чуть приподнялась съ кушетки, отбросивъ книгу.

— А что, развѣ члены комитета уже всѣ налицо? — спросила посѣтительница, пожимая протянутую ей руку.

— Нѣтъ; вы знаете, какъ собираются наши члены, — нетерпѣливо пожала плечами хозяйка. — Но я ждала васъ, чтобы скорѣе узнать, что вы сдѣлали относительно маскарада.

— Совершенно измучилась, ѣздила цѣлый день,—проговорила молодая женщина, снимая перчатки.

— Да, но результаты, результаты? Это главное! — торопила ее Марья Петровна.

— Балетчицы будутъ стоять у колесъ алегри,—отвѣтила гостья. — Ахъ, Боже мой, что это за женщины! Зависть, интриги! Зорина не хочетъ продавать билеты, потому что Кашина будетъ продавать; Горлина отказывается отъ продажи, потому что Львовъ находится въ Москвѣ и не будетъ въ маскарадѣ, Агренева не идетъ къ колесу безъ Мухиной. Мнѣ пришлось даже за кулисами дежурить...

— Да, но, въ концѣ-концовъ, вы все-таки уговорили кого-нибудь?—перебила ее Марья Петровна.

— Да.

— Хорошо. Но вы помните, я васъ еще просила обдѣлать дѣло съ этой проституткой, которая обратилась къ

намъ съ просьбой объ освобожденіи ея изъ настоящаго ея положенія.

Марья Петровна произнесла эту фразу отчетливо и ясно, не моргнувъ глазомъ, и замѣтила, какъ по лицу молодой женщины разлилась краска.

— Кажется, это дѣло улажено, — проговорила Аделаида Александровна въ смущеніи.

— Да вы имѣете какія-нибудь вѣрныя основанія такъ думать? — настойчиво спросила Марья Петровна, привыкшая къ тому, что члены комитета и дамы-патронессы называютъ улаженнымъ каждое дѣло, которое имъ хочется сбыть съ рукъ.

Аделаида Александровна поняла, что въ ея словахъ сомнѣваются, оскорбилась и все-таки не сразу могла высказать истину.

— Я была у содержательницы, — наконецъ, проговорила она, едва переводя дыханіе.

Ей вспомнилась до омерзѣнія ярко вся сцена ея посѣщенія этой содержательницы, и она въ эту минуту ненавидѣла Марью Петровну. Послѣдней достается честь и слава спасенія проститутки, ради котораго другая личность должна была заглушить, подавить въ себѣ тысячи чувствъ, поднявшихся при одной фразѣ: «посѣщеніе проститутки».

— Сами были?—переспросила Марья Петровна.

— Да,—глухо отвѣтила Аделаида Александровна.

— Значитъ, въ концѣ-концовъ вы признали, что я была права, — произнесла Марья Петровна. — Я говорила, что ѣхать должна которая-нибудь изъ дамъ. Если бы поѣхалъ мужчина, содержательница заподозрила бы его въ цѣляхъ и заломила бы большую сумму.

Аделаида Александровна поѣхала сама вовсе не потому, что раздѣляла мнѣніе Марьи Петровны, но ей нужно было не раздражать Марью Петровну и въ угоду ей взять это дѣло на себя. Это дѣло было вѣнцомъ ея благотворительныхъ подвиговъ, яснымъ доказательствомъ того, что она безкорыстно служитъ филантропіи. Но, взявъ на себя это дѣло, она не рѣшилась сказать даже своему мужу, какое порученіе возложено на нее Марьею Петровною.

— Да, иначе нельзя было обдѣлать дѣло, какъ переговорить самой объ освобожденіи этой несчастной,—отвѣтила Аделаида Александровна.—Я прямо сказала этой женщинѣ, что я членъ благотворительнаго общества и что при первомъ ея несогласіи освободить дѣвушку общество будетъ

дѣйствовать чрезъ полицію. Расчетъ удался. Дѣвушку освободятъ, если общество внесетъ за нее двѣсти рублей, такъ какъ на нее, по обыкновенію, насчитывается долгъ.

Марья Петровна торжествовала.

— Отлично, отлично!—заговорила она.—Вы сдѣлали все такъ, какъ я полагала. Удача должна была послѣдовать непремѣнно. Я это знала.

Марья Петровна безсознательно отнимала у Аделаиды Александровны даже честь изобрѣтенія средствъ для спасенія несчастной проститутки. Она въ волненіи встала съ мѣста и протянула руку своей гостьѣ. Послѣдняя тоже поднялась съ кресла.

— Благодарю васъ!—мимоходомъ произнесла Марья Петровна. — Теперь мы увидимъ, какъ станутъ увѣрять насъ господа члены, что мы далѣе трехрублевой помощи не умѣемъ и не можемъ идти. Они называютъ насъ платоническими поклонницами женскаго вопроса. Пускай! но пусть отвѣтятъ они, кому изъ нихъ удалось въ жизни спасти отъ паденія хоть одну женщину? Нѣтъ, они могутъ насчитывать только погубленныхъ ими жертвъ, а не спасенныхъ несчастныхъ. Наше общество должно поставить себѣ главною цѣлью спасать падшихъ женщинъ. Намъ нечего заботиться о какихъ-нибудь пустякахъ въ родѣ доставленія дешевыхъ квартиръ. Это паліативъ.

— Да, я забыла еще вамъ сказать,—замѣтила гостья:— не говорите членамъ, какимъ образомъ удалось намъ спасти эту несчастную. Для нашего дѣла лучше, если они будутъ только знать, что вы захотѣли спасти ее и спасли. Чѣмъ тверже будете стоять вы, тѣмъ лучше пойдетъ общее дѣло.

Хозяйка крѣпко пожала ей руку.

Аделаида Алаксандровна перевела духъ: ей было стыдно, что въ обществѣ могутъ узнать, что она ѣздила къ этой проституткѣ. Въ то же время она понимала, что Марья Петровна будетъ довольна, если вся честь заслуги будетъ приписана ей самой, Прозоровой-Солонецкой, а не какой-нибудь Муратовой.

— Тамъ уже, кажется, собрались члены, — проговорила Марья Петровна, уже чувствовавшая потребность разсказать о своемъ подвигѣ. — Выйдите къ нимъ, я явлюсь черезъ минуту.

Обѣ женщины еще разъ обмѣнялись рукопожатіями и направились въ разныя стороны. Аделаида Александровна

легкимъ движеніемъ руки отстранила тяжелую шелковую портьеру, опущенную у дверей кабинета, и вышла неторопливо въ гостиную. Ея лицо, горѣвшее за минуту выраженіемъ смущенія и стыда, теперь послушно приняло оттѣнокъ не то утомленія, не то грусти. Она привѣтливо и дружески раскланялась съ каждымъ изъ присутствовавшихъ въ гостиной, задушевно пожала своей пухленькой и мягкой ручкой протянутыя руки гостей и прошла въ сторону, гдѣ за рѣшеткою, обвитою цвѣтами, недалеко отъ камина, стояла небольшая кушетка и столъ съ альбомами для визитныхъ карточекъ. Она устало опустилась на кушетку, взяла одинъ изъ альбомовъ, положила его на колѣни, раскрыла его и какъ будто задремала въ этомъ положеніи. Ея лицо едва озарялось огнемъ, догоравшимъ въ каминѣ, и казалось еще прекраснѣе при этомъ полусвѣтѣ, при этомъ полумракѣ.

— Такъ задумались, что даже не замѣчаете своихъ друзей, — послышался около нея негромкій и нѣсколько непріятный по своей сухости голосъ.

— Здравствуйте, баронъ, — коротко, но дружески произнесла Аделаида Александровна, пожимая протянутую ей руку.

— Вы сегодня какъ-то грустны, — замѣтилъ баронъ, помѣщаясь на креслѣ.

Баронъ Гельфрейхъ былъ однимъ изъ крупныхъ петербургскихъ или, вѣрнѣе сказать, берлинскихъ евреевъ-банкировъ.

— Нѣтъ... Жду мужа. Марья Петровна непремѣнно требуетъ, чтобы я познакомила его съ ней, — сухо отвѣтила Аделаида Александровна.

— И потому вы уединились отъ всего общества? — улыбнулся баронъ.

— Я устала.

— Дѣйствительно, у васъ утомленное лицо. И все это отъ хлопотъ съ этими филантропическими затѣями. Вѣдь такъ не долго и до полной потери силъ.

— А, Боже мой, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — точно въ сторону, точно про себя прошептала или, скорѣе, вздохнула молодая женщина и стала перелистывать альбомъ.

— Что это? Отчаяніе? — спросилъ баронъ.

Отвѣта не было.

— Странные вы, господа мужчины, — вдругъ заговорила Аделаида Александровна, поднявъ глубокіе глаза на своего

собесѣдника, который какъ-то жадно впился въ нихъ своими тусклыми глазами.—Вы заняты крупными дѣлами, въ карточной игрѣ и въ финансовыхъ оборотахъ вы рискуете милліонами, въ служебномъ мірѣ вы гоняетесь за высшимъ мѣстомъ,—все это волнуетъ васъ, все это заставляетъ васъ забывать мелочи жизни и жить всѣми нервами своего существа. А когда мы, женщины, стремимся создать себѣ хоть какое-нибудь дѣло, чтобы забыться, чтобы увлечься имъ, чтобы заглушить всѣ гнетущія мысли, — вы удивляетесь, вы не понимаете, для чего мы тратимъ на это дѣло свои силы. Поймите вы, что эти силы погибли бы еще скорѣе, если бы мы сидѣли одиѣ, съ своими думами...

Баронъ ничего не отвѣчалъ: широкое лицо откормившагося еврея приняло какое-то плотоядное выраженіе. Онъ не спускалъ своего свинцоваго взгляда съ блестѣвшихъ въ полутьмѣ глазъ молодой женщины.

— Вы вѣдь не знаете моего мужа?—вдругъ рѣзко спросила она.

— А что?—очнулся баронъ при словѣ: «мужъ».

— Хотите, я васъ познакомлю?—съ едва замѣтной ироніей въ голосѣ спросила она.—Онъ пріѣхалъ.

Она неторопливо повернула голову въ сторону и слегка кивнула господину, въ нерѣшительности стоявшему посрединѣ гостиной. Это былъ высокій, толстый, неуклюжій господинъ во фракѣ. Его нѣсколько сплющенная съ боковъ, сблысѣвшая голова, съ большими отвислыми ушами, съ непомѣрно-большой верхней губой, закрывавшей нижнюю губу, очень походила на свиную голову. Это лицо выражало не то холодную тупость, не то напускное глубокомысліе. Кто зналъ Аркадія Павловича Муратова лѣтъ пять, шесть тому назадъ, тотъ съ трудомъ узналъ бы его теперь,—такъ онъ облысѣлъ, обрюзгъ, опустился и постарѣлъ. Онъ неуклюже и лѣниво подошелъ къ Аделаидѣ Александровнѣ.

— А я тебя искалъ,—проговорилъ онъ хриплымъ басомъ.

— Мой мужъ, Аркадій Павловичъ Муратовъ; баронъ Исаакъ Осиповичъ Гельфрейхъ,—сухо произнесла молодая женщина.

Баронъ Гельфрейхъ и Муратовъ раскланялись и пожали другъ другу руки. Въ эту минуту къ ихъ группѣ подошла хозяйка.

— Марья Петровна, рекомендую новаго члена нашего общества, — мой мужъ, — проговорила Аделаида Александровна.

— А, очень рада,—протянула хозяйка руку гостю.—Надѣюсь, вы будете болѣе дѣятельнымъ членомъ, чѣмъ прочіе наши члены. Я еще должна поблагодарить васъ за ваши хлопоты о нашемъ маскарадѣ...

— Это не я...—началъ Муратовъ, но Аделаида Александровна не дала ему кончить.

— Ахъ, вы напрасно его благодарите: вы никогда не заставите его сознаться въ его доблестяхъ, — засмѣялась она, и въ этомъ смѣхѣ было что-то невеселое. — Онъ сдѣлаетъ все, что угодно, и будетъ все-таки отрицать свои заслуги... Кстати о маскарадѣ: вы спрашивали у казначея насчетъ денегъ на расходы?

— Нѣтъ еще, — отозвалась хозяйка. — Хорошо, что напомнили. А вѣдь извѣстіе о нашемъ подвигѣ произвело впечатлѣніе,—проговорила она съ сіяющимъ видомъ и, пожавъ съ благодарностью руку Аделаиды Александровны, пошла отыскивать казначея.

— Ого, въ нашемъ «обществѣ» начинаютъ совершаться уже какіе-то подвиги!—засмѣялся баронъ Гельфрейхъ.

— Не подвиги, баронъ, а сдѣлано дѣйствительно доброе дѣло, — замѣтила Аделаида Александровна. — Мнѣ удалось спасти отъ гибели одну несчастную женщину.

— И предоставить торжество на долю Марьи Петровны?— добавилъ баронъ.

— Всякому свое,—вздохнула Аделаида Александровна.— Марья Петровна настолько счастлива, что ей нужны только похвалы и поклоненіе, я же довольствуюсь и сознаніемъ, что мнѣ удалось спасти хотя одну погибающую женщину.

Она вздохнула и взглянула на мужа, неуклюже стоявшаго около нихъ и незнавшаго, что дѣлать съ собою, и мелькомъ замѣтила ему:

— Ты вѣдь здѣсь не знаешь расположенія комнатъ. Вонъ тамъ, за бѣлой залой и красной комнатой, комната для куренья.

Муратовъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указала его жена, и неторопливо, тяжелой поступью пошелъ курить. Аделаида Александровна посмотрѣла ему вслѣдъ полными грусти глазами. Потомъ, вдругъ оживившись и какъ бы искусственно ободряясь, поднялась съ мѣста.

— Однако, что же мы сидимъ безъ дѣла, — проговорила она торопливо.—Пора начать засѣданіе: бѣдняки ждутъ рѣшенія ихъ участи.

— Подождутъ еще, посидите хоть немного,—остановилъ ее баронъ.

— Ахъ, нѣтъ, баронъ, — отвѣтила она. — Хорошо вамъ говорить: подождутъ! Нужно быть несчастнымъ, чтобы понять, какъ тяжела каждая лишняя минута несчастія и безпомощности.

— А вы это понимаете?—спросилъ баронъ, и опять его лицо приняло плотоядное выраженіе.

— О, баронъ, я и не думала, что вы страдаете тѣмъ же порокомъ, за который обвиняютъ насъ, дочерей Евы, — засмѣялась Муратова.

— Какимъ это?

— Любопытствомъ.

Она вдругъ приняла веселый и бойкій видъ и вмѣшалась въ группу членовъ «Общества первой помощи». Черезъ минуту въ гостиной уже громко раздавался ея звучный и довольно свѣжій голосъ.

— Господа, господа, да вы ничего не дѣлаете!—слышались ея слова. — Вы занимаетесь личными дѣлами, и дѣла нашего общества васъ нисколько не интересуютъ... Ахъ, mesdames, что за вопросы о томъ, въ чемъ быть въ маскарадѣ! Точно мы поѣдемъ показывать себя! Мнѣ, право, совершенно все равно, если мнѣ придется быть въ моемъ черномъ бархатномъ «мундирѣ»...

Баронъ Гельфрейхъ вслушивался въ звуки этого голоса съ такою жадностью, съ какою едва ли вслушивался онъ въ звуки падающаго на столъ червонца въ тѣ давно минувшіе дни, когда онъ, баронъ Гельфрейхъ, носилъ еще названіе Ицки и цѣловалъ сапоги толстаго русскаго откупщика, произведшаго его за одно необычайно ловкое мошенничество изъ должности «подносчика» въ званіе цѣловальника. Эта круглая голова съ большимъ носомъ, съ толстыми отвислыми губами непомѣрно широкаго рта, съ вьющимися черными волосами, слегка серебрившимися сѣдиной, это блѣдное и обрюзгшее лицо, эти свинцовые глаза, мутные, какъ у пьяницы, и въ то же время выражавшіе алчность и какую-то, если можно такъ выразиться, холодную страстность, эта плотоядная улыбка, открывавшая два ряда здоровыхъ, волчьихъ зубовъ,—все это дѣлало барона Гельфрейха въ эту минуту похожимъ на опьянѣвшаго сатира, готоваго съ чисто-животною страстью схватить съ свои мускулистыя объятія обольстившую его вакханку. Онъ еще мало былъ знакомъ съ Муратовой—онъ видѣлъ ее не болѣе двадцати разъ, но

онъ уже успѣлъ увлечься этимъ «лакомымъ кускомъ», какъ онъ мысленно называлъ ее. Ему нравились въ ней и ея сочныя формы, и ея измѣнчивые, то живые и бойкіе, то томные и меланхолическіе бархатные глаза, и этотъ бѣлый лобъ, живописно оттѣненный нечаянно упавшимъ на него завиткомъ волосъ, и эти губы, страстныя, грѣшныя губы, иногда остававшіяся полуоткрытыми съ такимъ сладострастнымъ выраженіемъ, что баронъ впивался въ нихъ глазами, и наконецъ, ея граціозныя и мягкія движенія, имѣвшія что-то общее съ кошачьею граціею.

— Господа, мы можемъ, кажется, перейти въ залу засѣданія,—пригласила хозяйка членовъ комитета.

— Я, къ сожалѣнію, не буду присутствовать сегодня въ засѣданіи, — замѣтила Муратова. — У меня есть еще дѣла по «Обществу раздачи работъ бѣднымъ женщинамъ» и въ «Обществѣ дешевыхъ квартиръ».

— Кстати о бѣдныхъ женщинахъ,—вспомнила хозяйка.— Вотъ адресъ,—обратилась она къ Аделаидѣ Александровнѣ.— Тутъ была одна бѣдная съ дочерью... Посѣтите ихъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Имъ нужна радикальная помощь. Дѣвушка умѣетъ шить, ее нужно вырвать изъ семьи. Мать уже пріучаетъ ее къ попрошайству. Семья какая-то дикая: отецъ взяточникъ и пьяница, мать глупа и унижается... Вы могли бы взять дѣвушку къ себѣ въ качествѣ швеи... Вообще, mesdames, намъ надо бы сдѣлать починъ и перестать отдавать шитье платьевъ француженкамъ. Онѣ наживаются, а наши русскія работницы голодаютъ. «Общество раздачи работы бѣднымъ женщинамъ» вовсе не понимаетъ сущности женскаго вопроса, и поддерживать этотъ вопросъ— наша обязанность.

Марьѣ Петровнѣ всегда казалось, что всѣ другія филантропическія общества совершенно ничтожны въ сравненіи съ обществомъ, основаннымъ ею.

— Хорошо, я побываю у нея,—отвѣтила Аделаида Александровна, взявъ адресъ.

— А что, какъ идутъ дѣла въ «Обществѣ раздачи работы»?—спросила Прозорова-Солонецкая.

— Тридцать пять копеекъ въ кассѣ! — пожала плечами Муратова.

— Ну, это въ десять разъ хуже, чѣмъ у насъ! — засмѣялся казначей.

— Да и у насъ не много,—замѣтила Муратова.

— Намъ маскарадъ и алегри помогутъ, — рѣшила хо-

зяйка.—Деньги въ дѣлахъ благотворительности — послѣдній вопросъ!

Муратова простилась и направилась къ выходу. Баронъ стоялъ на ея пути.

— Вы уѣзжаете?—спросилъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

— Да,—отвѣтила она.—Кстати, не возьметесь ли вы раздать нѣсколько билетовъ на маскарадъ?

— Для васъ готовъ,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ я вамъ ихъ пришлю,—сказала она, протягивая ему руку.

Онъ удержалъ эту руку въ своей широкой и нѣсколько влажной рукѣ долѣе, чѣмъ позволяло приличіе.

— Если вы позволите, я заѣду самъ за билетами завтра,— проговорилъ онъ.

— Утромъ я занята... Часовъ въ восемь вечеромъ,—въ раздумьи отвѣтила она, какъ бы соображая, когда она будетъ дома.

— Если вы позволите мнѣ сдѣлать первый визитъ въ эту пору,—вѣжливо замѣтилъ онъ.

— Вы же будете по дѣлу общества,—пожала она плечами.

— Мнѣ очень жаль, что я буду только какъ членъ «Общества», а не какъ знакомый,—съ удареніемъ произнесъ баронъ.

— Вы придаете значеніе словамъ,—засмѣялась она лукаво и, кивнувъ головой, направилась въ залъ, гдѣ уже бродилъ одиноко Аркадій Павловичъ.

Она какъ-то холодно и презрительно взглянула на его сонную фигуру и, взявъ его подъ руку, стала спускаться съ нимъ по лѣстницѣ.

— Карету Муратовыхъ! — уже кричалъ на подъѣздѣ швейцаръ.

— Фу, точно гора свалилась съ плечъ!—вздохнулъ глубокимъ вздохомъ Муратовъ, откинувшись къ спинкѣ кареты и разстегивая подъ шубой жилетъ, постоянно давившій его все болѣе и болѣе тучнѣвшее тѣло.

Аделаида Александровна бросила на него взглядъ, полный самаго безпощаднаго презрѣнія.

— Надѣюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, старался молчать,—холодно замѣтила она, какъ-то нетерпѣливо разстегивая перчатку.

— Съ кѣмъ же мнѣ было говорить, если я никого не знаю,—отвѣтилъ мужъ.

— Слава Богу. Это избавило тебя отъ возможности ска-

зать какую-нибудь глупость, — пробормотала она, сдергивая перчатку.

— Я не понимаю даже, зачѣмъ мнѣ было ѣздить, — размышлялъ Муратовъ.—Битыхъ два часа ходилъ изъ угла въ уголъ, и самъ не знаю, для чего.

Муратова пожала плечами и съ силою рванула пуговицы другой перчатки, такъ что одна изъ этихъ пуговицъ отлетѣла прочь.

— Завтра нужно достать три тысячи,—сквозь зубы проговорила она.—Онѣ нужны часамъ къ пяти.

— Гдѣ же мнѣ ихъ достать? Достать негдѣ, — проговорилъ мужъ.

— Гдѣ достать — это твое дѣло, но онѣ необходимы. Завтра нужно заказать платье, а послѣзавтра нужно выкупить брильянты. У насъ будетъ въ обществѣ маскарадъ, и мнѣ непремѣнно нужно быть хорошо одѣтой.

Аделаида Александровна говорила рѣзко и рѣшительно.

— Ужъ какіе тутъ маскарады, когда на-дняхъ приходится платить проценты по залогу имѣнія,—возразилъ мужъ.

— Я тебѣ говорю, что мнѣ нужно быть хорошо одѣтой, этого довольно,—произнесла Муратова.

— Да, но откуда же мнѣ взять денегъ? Не лучше ли занять тебѣ самой? Попросить хоть у этого барона...

— Что?—произнесла Аделаида Александровна и окинула мужа взглядомъ, полнымъ презрѣнія.—Показать Гельфрейху, что мы нищіе, обратиться къ нему съ просьбою о какихъ-нибудь трехъ тысячахъ, когда онъ думаетъ, что мы богаты, когда онъ не смѣетъ еще предложить даже мѣста тебѣ съ пятью, шестью тысячами жалованья.

— Что-жъ, я бы взялъ такое мѣсто, пусть предложитъ,— простовато произнесъ Аркадій Павловичъ.

— Пусть предложитъ!.. — передразнила его съ горечью жена.— Ты взялъ бы!.. Я думаю!.. Но пойми ты, что этотъ жидъ охотно отдѣлается отъ насъ тремя тысячами, если можно, и не дастъ тебѣ этого мѣста, если сообразитъ, что ты нищій. Или ты думаешь, что мнѣ нужны новые наряды, брильянты потому, что я еще дорожу этою мишурой? Или ты полагаешь, что я ѣду въ маскарадъ для того, чтобы имѣть удовольствіе видѣть около себя этого жида, этихъ чопорныхъ барынь, этихъ глупыхъ франтовъ? Мнѣ все это уже слишкомъ надоѣло. Я уже шесть лѣтъ смотрю на всю эту пошлую комедію. Боже мой, какъ все это гадко, омерзительно!.. Но мы стоимъ наканунѣ разоренія, и потому

намъ нужно употребить всѣ средства, чтобы спастись. Кто нищается, тому бросаютъ грошъ, очень хорошо зная, что нищій станетъ изливаться въ благодарностяхъ за этотъ грошъ; кто парадируетъ своимъ богатствомъ, тому осторожно предлагаютъ тысячи, десятки тысячъ и еще боятся, что онъ можетъ обидѣться...

— Но положимъ, я найду, гдѣ достать,—проценты заломятъ большіе,—нерѣшительно началъ мужъ.

— Что-жъ, тебѣ въ первый разъ приходится ихъ платить? Впрочемъ, нѣтъ! Ты вѣдь только дѣлалъ долги, а платила я, платила, когда ты дѣлалъ долги, даже не спросясь меня... А теперь вдругъ стѣсняешься!..

Въ ея словахъ, въ выраженіи ея лица была горькая иронія.

— Не то... Ну, а если мѣста баронъ не дастъ?..

— Тогда тебя посадятъ въ долговое отдѣленіе, потому что все, что у насъ есть,—мое.

Муратовъ посмотрѣлъ на жену съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ: онъ не зналъ, шутитъ ли она или говоритъ серьезно. Аделаида Александровна молчала и смотрѣла задумчиво въ открытое окно кареты на мелькавшіе фонари. На дворѣ таяло, воздухъ былъ тяжелый, мглистый. Карета ѣхала въ это время по Невскому. По тротуару, въ довольно жиденькихъ бурнусахъ и кофточкахъ изъ плиса и манчестера, торопливо мелькали женскія фигуры, проходя вертлявой поступью и куря папиросы. Нѣсколько человѣкъ молодежи и стариковъ, то группами, то по-одиночкѣ, слѣдили за этими женщинами, иногда останавливались и заговаривали съ ними. На углу Большой Конюшенной стояла цѣлая толпа людей и, повидимому, о чемъ-то спорила съ полицейскимъ. Посрединѣ этой группы стояла какая-то женщина, отбивавшаяся отъ людей и громко кричавшая:

— Не пойду!

До слуха Муратовой смутно долетѣли звуки этого голоса, хриплые, надорванные звуки. Она вздрогнула.

— Что онъ заснулъ, что ли? — нетерпѣливо обратилась она къ мужу.—Скажи, чтобы ѣхалъ скорѣе.

Аркадій Павловичъ, уже успѣвшій задремать, очнулся и не сразу сообразилъ, что случилось. Потомъ онъ открылъ съ своей стороны окно кареты, высунулъ голову и крикнулъ извозчику:

— Пошелъ, чего ты спишь!

Въ карету прошла струя холоднаго сквозного вѣтра.

— Фу! —вздрогнула Муратова.

Мужъ обернулся къ женѣ и безцѣльно пробормоталъ, закрывая окно:

— Холодно, не простудись!

Жена ничего не отвѣтила, но въ ея душѣ шевельнулось что-то въ родѣ ненависти къ мужу. До сихъ поръ она только презирала его, теперь онъ возбуждалъ въ ней ненависть. Въ ея головѣ вдругъ промелькнуло все ея прошлое, все ея настоящее, и ей почему-то показалось, что ея мужъ, говоря ей: «не простудись», мысленно добавлялъ: «не то я мѣста не достану». Впрочемъ, она ошибалась: ея мужъ теперь уже былъ не способенъ додуматься даже и до этого. А между тѣмъ онъ, и только онъ, былъ источникомъ всѣхъ ея страданій, ея паденія, ея униженія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думала она.

V.

Карета, въ которой сидѣли Муратовы, доѣхала по Невскому проспекту до Малой Морской, свернула въ эту улицу и скоро остановилась у одного изъ большихъ домовъ недалеко отъ Кирпичнаго переулка. Прежде чѣмъ швейцаръ успѣлъ выбѣжать изъ подъѣзда, Аделаида Александровна уже отворила дверцу кареты и вошла въ подъѣздъ. Она поспѣшно поднялась до бель-этажа, нетерпѣливо позвонила у дверей своей квартиры и сбросила свою черную бархатную ротонду на руки лакея, отворившаго дверь. Она, видимо, спѣшила пробраться поскорѣй на свою половину, избѣгая дальнѣйшихъ разговоровъ съ своимъ мужемъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ ей противенъ и ненавистенъ, какъ никогда. Она вошла въ свой будуаръ, предшествуемая горничной, несшей лампу.

— Прикажете подать чай? — спросила горничная, поставивъ лампу на столъ и принимая изъ рукъ барыни кружевную косынку, которую Аделаида Александровна небрежно сбросила съ головы.

— Не надо, — отрывисто произнесла Аделаида Александровна.—Я сейчасъ лягу.

— Прикажете раздѣть?

— Нѣтъ. Я раздѣнусь сама. Ступайте!

Въ эту минуту въ комнату долетѣло нѣсколько смутныхъ звуковъ рояля.

— Викторъ Валерьяновичъ дома? — спросила Муратова.

— У нихъ гости,—отвѣтила горничная.

— А!

До слуха Муратовой такъ же смутно долетѣлъ хохотъ нѣсколькихъ голосовъ и крики: «браво, браво!»

— Если кто-нибудь спроситъ, легла ли я,—скажите, что легла,—снова обратилась она къ горничной.

— И барину?—спросила горничная.

— Разумѣется!

Горничная удалилась.

Аделаида Александровна опустилась на маленькое канапе и опустила на колѣни плотно сжатыя руки. Впервые въ жизни она вполнѣ ясно, болѣзненно сознавала, что она безконечно, безысходно несчастна. Ея денежныя дѣла и денежныя дѣла ея мужа запутались до послѣдней крайности. Въ сущности, Муратовы стояли наканунѣ нищеты. Правда, они еще занимали бель-этажъ въ богатомъ домѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ; они еще держали много прислуги; они еще ѣздили въ экипажахъ — уже наемныхъ экипажахъ, но все-таки не на простыхъ дрожкахъ, не ходили пѣшкомъ; они еще появлялись въ большомъ свѣтѣ и принимали у себя значительныхъ особъ, но все-таки они были нищими или даже хуже нищихъ, потому что у нихъ не только не было денегъ, но еще были долги. Нищета вообще страшна: сырое и холодное жилище, грязь какого-нибудь подвала, жалкія лохмотья вмѣсто одежды, постоянныя лишенія и голодъ, — все это можетъ испугать хоть кого. Но нищета въ десять, во сто, въ тысячу разъ страшнѣе тому, кто ея никогда не испыталъ, кто привыкъ къ роскоши, къ удобствамъ, къ изобилію. Въ такомъ положеніи была Муратова.

Она родилась и прожила всю жизнь, не зная, что значитъ отказывать себѣ въ чемъ-нибудь. Когда ей пришлось впервые отказаться отъ собственнаго экипажа и собственныхъ лошадей—ей показалось, что она не переживетъ этого. Но лишеніе собственнаго экипажа и лошадей было ничто въ сравненіи съ предстоящими лишеніями. Муратова не могла себѣ представить, какъ она останется безъ прислуги, безъ порядочной квартиры, безъ хорошей одежды, безъ изобильнаго стола. Но мало того, что ей предстояло терпѣть нужду во всемъ,—ей предстояло жить въ нищетѣ и видѣть, что всѣ ея знакомые будутъ жить въ довольствѣ, что они станутъ относиться къ ней съ обиднымъ состраданіемъ, что они, быть-можетъ, отвернутся отъ нея. А между тѣмъ спастись отъ нищеты обыкновенными средствами—работой, не было никакой возможности: ее никто и никогда не приготовлялъ ни къ какому труду. Нужно было предпринять для

избѣжанія нищеты какія-нибудь радикальныя средства. Муратова рѣшилась, во-первыхъ, достать частное мѣсто въ какой-нибудь акціонерной компаніи своему мужу; во-вторыхъ, она надѣялась достать денегъ и на свою долю. Но откуда? Чтобы получить мѣсто—нужно было имѣть протекцію сильныхъ и вліятельныхъ ходатаевъ. А между тѣмъ людей именно этого сорта и не было въ числѣ знакомыхъ Муратовыхъ, такъ какъ ихъ родственники, старики графы Баскаковы, уже давно жили за границею, остальные же знакомые, окружавшіе ихъ, состояли изъ пустой свѣтской молодежи, умѣвшей повеселиться, но не умѣвшей сдѣлать какое бы то ни было серьезное дѣло. Муратова рѣшилась перемѣнить кругъ знакомства. Прежде всего она записалась въ нѣсколько благотворительныхъ обществъ: здѣсь она надѣялась войти въ сношенія съ представителями высшаго свѣта и финансоваго міра. Ей пришлось достигать своей цѣли не вдругъ, а исподволь, постепенно. Сначала нужно было показать всѣмъ этимъ людямъ, что она трудится безкорыстно, нужно было сдѣлаться необходимой въ ихъ кружкѣ. Это стоило не малыхъ усилій. Главныя надежды возлагала Аделаида Александровна на кружокъ Марьи Петровны Прозоровой-Солонецкой, пользовавшейся сильнымъ вліяніемъ въ петербургскомъ обществѣ.

Марья Петровна Прозорова-Солонецкая, урожденная княжна Рубецкая, считалась во дни своей молодости первой красавицей въ Петербургѣ, а послѣ своего замужества слыла одною изъ самыхъ богатыхъ женщинъ высшаго круга. Этого было довольно для того, чтобы за нею увивались десятки поклонниковъ. Поклонники эти могли тѣмъ болѣе разсчитывать на успѣхъ, что ихъ ухаживанья льстили крайне самолюбивой женщинѣ, и что ея мужъ былъ нелюбимъ ею. Прозоровъ-Солонецкій былъ маленькимъ, пухленькимъ генераломъ съ гладко-выбритымъ розовымъ личикомъ и отличался настолько же своею глупостью, какъ и богатствомъ. Въ высшемъ кругу онъ игралъ роль шута, и ему приписывались всѣ кѣмъ-нибудь сдѣланныя или сказанныя глупости. Онъ плохо зналъ французскій языкъ, но постоянно говорилъ по-французски, и въ свѣтѣ разсказывали, что онъ, будучи еще полковникомъ, смѣшилъ одну изъ великихъ княгинь, говоря во время отправленія этой особы по желѣзной дорогѣ: «Tous est prêt». Эта фраза постоянно соединялась съ его именемъ. Показывались въ свѣтѣ его визитныя карточки, на которыхъ значилось: Prosoroff-Solo-

netzky, directeur du chemin de fer de St.-Pétersbourg à Zarskoe Selo et de retour. Нѣкоторые шутники такъ и оставили за нимъ названіе «général de retour». Такой мужъ, конечно, долженъ былъ играть очень жалкую роль при Марьѣ Петровнѣ, и скоро послѣ ея замужества его не иначе стали звать, какъ «мужемъ Марьи Петровны», точно у него не было своего имени. Марья Петровна была ходячее самолюбіе и долго играла роль первой свѣтской львицы. Въ скандалезную хронику петербургскаго высшаго свѣта занесло не мало скабрезныхъ анекдотовъ, соединенныхъ съ именемъ Марьи Петровны. Особенно сильно смѣшили эти анекдоты простодушнаго мужа Марьи Петровны, когда шутники разсказывали ему эти анекдоты, не называя именъ. Въ эту минуту маленькій генералъ хохоталъ до колотья, пыхтя и задыхаясь и представляя себѣ положеніе рогоносца-мужа кутящей героини разсказа. Многіе уже полагали, что Марья Петровна кончитъ такъ, какъ кончила некрасовская княгиня, романъ которой начался въ Россіи и кончился въ парижской больницѣ. Но годы брали свое. Эта женщина, слывшая нѣкогда первой красавицей столицы, мало-по-малу, должна была уступить свое мѣсто другимъ. Тогда она бросилась на путь благотворительности, заставивъ маленькаго генерала пыхтѣть и выбиваться изъ силъ, для того чтобы завербовать новыхъ помощниковъ «для своей Марьи Петровны». Это случилось именно въ то время, когда ей грозила опасность потерять значеніе первой героини великосвѣтскихъ салоновъ. Во времена славы своей красоты Марья Петровна не терпѣла соперницъ, теперь она не хотѣла быть обыденною, заурядною благотворительницею. Она въ сущности была первымъ врагомъ всѣхъ благотворителей и всѣхъ филантропическихъ обществъ, такъ какъ она завидовала каждому изъ ихъ успѣховъ. Разныя «общества дешевыхъ квартиръ», «общества доставленія труда нуждающимся женщинамъ», «общества пособія престарѣлымъ и убогимъ» и тому подобныя учрежденія, возникшія въ то время, подвергались самой рѣзкой, самой безпощадной критикѣ Марьи Петровны. Она хотѣла убить всѣ эти общества, затмить славу всѣхъ этихъ благотворительницъ, чтобы только снова играть видную роль въ свѣтѣ. Она прочла нѣсколько популярныхъ книжонокъ о филантропіи, повела свое дѣло съ шумомъ и блескомъ и сыпала проектами: то проектировала общій съѣздъ благотворителей, то требовала, чтобы благотворители были не болѣе, какъ повѣренными нуждаю-

щихся классовъ, которые, по ея мнѣнію, должны были сами распоряжаться назначенными на бѣдныхъ суммами, то мечтала при помощи филантропіи уничтожить проституцію. Чтобы сдѣлаться врагомъ Марьи Петровны, достаточно было скептически отнестись хотя къ одному изъ ея проектовъ. Чтобы прибрать въ руки Марью Петровну и дѣлать изъ нея что угодно, достаточно было говорить ей на каждомъ шагу, что ея замыслы велики, помогать ей въ самыхъ сумасбродныхъ затѣяхъ и благоговѣйно выслушивать ея планы. Сначала она шумѣла и хлопотала только ради тщеславія, только для наполненія той пустоты, которая чувствовалась въ ней и около нея послѣ потери значенія первой львицы; но, мало-по-малу, она сама убѣдилась, что разные возникавшіе въ ея головѣ планы дѣйствительно геніальны и велики, и сдѣлалась фанатикомъ своего дѣла. Ничто не превращаетъ человѣка такъ скоро въ фанатика, какъ отсутствіе возраженій и поклоненіе толпы. Марьѣ же Петровнѣ, съ одной стороны, сначала никто не считалъ нужнымъ возражать, помня пословицу: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало», а съ другой стороны, она, какъ всѣ благотворительницы, ежедневно слышала благословеніе десятка черносалопницъ и попрошаекъ и все болѣе и болѣе убѣждалась въ святости своего дѣла.

Когда Аделаида Александровна попала въ кружокъ этой личности, она, Аделаида Александровна, поняла, что увлечь Марью Петровну и легко, и трудно. Легко потому, что Марья Петровна увлекалась всѣми хвалящими ее, трудно потому, что Марью Петровну хвалили сотни людей, надѣясь получить черезъ нее мѣста и тому подобныя выгоды. Мужъ Марьи Петровны только въ томъ и проводилъ время, что, волнуясь, обливаясь потомъ и дѣлаясь совсѣмъ краснымъ, хлопоталъ объ опредѣленіи разныхъ protégés «своей Марьи Петровны». А этимъ protégés не было счета. Значитъ, Аделаидѣ Александровнѣ, какъ лицу новому, пришлось бы довольно долго ждать своей очереди на полученіе милостей отъ Марьи Петровны. Нужно было выдаться чѣмъ-нибудь особеннымъ, чтобы Марья Петровна особенно дорожила Аделаидой Александровной и сдѣлала для нея все, что возможно. Выдаться можно было только тѣмъ, что сдѣлаться вторымъ «я» Марьи Петровны, быть въ сущности ея рабой, подсказывать ей еще болѣе широкіе планы, говоря, что эти планы принадлежатъ самой Марьѣ Петровнѣ, исполнять всю черную работу благотворительности,—однимъ

словомъ, служить новой ступенью пьедестала, при помощи котораго Марья Петровна могла бы казаться выше своего нравственнаго роста хотя на одинъ вершокъ. Аделаиди Александровна рѣшилась и на это. Какъ всѣ фанатики, Марья Петровна была крайне деспотична и не признавала никакихъ правъ, никакихъ требованій въ той человѣческой личности, которую она избирала орудіемъ для осуществленія своихъ плановъ. Примкнуть къ дѣлу Марьи Петровны— значило отдать въ ея распоряженіе все свое время и всю свою личность. Не было того часа дня и ночи, когда Марья Петровна не рѣшилась бы потревожить своего адепта вызовомъ для «важныхъ переговоровъ» или порученіемъ, которое нужно исполнить «немедленно». Рѣдко кто выдерживалъ ея гнетъ въ теченіе продолжительнаго времени: ея секретари, ея помощники смѣнялись часто, уходили отъ нея тотчасъ же, какъ только добивались того, зачѣмъ они шли къ ней. Эта же тяжелая роль выпала и на долю Муратовой. Праздная и бездѣтная Марья Петровна, томясь скукой, приглашала ее къ себѣ въ часъ ночи и будила въ 9 часовъ утра; она поручала ей посѣтить домъ Вяземскаго и дома терпимости, она заставляла ее ѣздить къ какимъ-нибудь кокоткамъ-танцовщицамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ продажѣ билетовъ на алегри; она по цѣлымъ часамъ мучила ее изліяніями своего негодованія или своего огорченія. Аделаида Александровна оскорблялась до глубины души этимъ деспотизмомъ, но съ настойчивостью и терпѣливостью женщины плела ту тонкую, но крѣпкую сѣть, въ которую нужно было завлечь Марью Петровну, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Уже черезъ пять, шесть мѣсяцевъ знакомства Марья Петровна говорила всѣмъ, что только одна Аделаида Александровна способна понимать все величіе ея плановъ, что только Аделаида Александровна умѣетъ своею энергіею побѣждать всѣ трудности.

— Вотъ мой лучшій другъ,—рекомендовала она Аделаиду Александровну, обнимая и цѣлуя ее передъ лицомъ тѣхъ тузовъ петербургскаго общества, которые были такъ нужны Аделаидѣ Александровнѣ.

И тузы смотрѣли на нее не безъ участія: они знали, что быть лучшимъ другомъ Марьи Петровны не легко, и удивлялись, для чего несетъ этотъ гнетъ на себѣ такая прекрасная, такая еще молодая, такая богатая женщина. «У нея, вѣрно, былъ въ жизни печальный романъ или она несчастна въ своей семейной жизни».—думали тузы, понимая,

что женщина молодая, хорошенькая, богатая и счастливая можетъ, пожалуй, играть въ благотворительность, но нести на себѣ все бремя этихъ заботъ и хлопотъ не станетъ. Отдаться этому дѣлу всецѣло можетъ подобная женщина только тогда, когда ей нужно позабыться, подавить тяжелыя думы. Мысли о расчетѣ у тузовъ не могло явиться, потому что Аделаида Александровна тонко, но ясно давала понять, что она не бѣдна. Ей тяжело было играть эту роль. Иногда во всемъ существѣ ея было что-то лихорадочное, болѣзненное. Это дѣлало ее еще болѣе интересною, еще болѣе намекало на «печальный романъ» въ ея жизни. Но этотъ романъ былъ очень прозаиченъ: Аделаида Александровна трепетала и боялась каждую минуту, что ея денежныя дѣла запутаются и увлекутъ ее въ пропасть нищеты гораздо раньше, чѣмъ она успѣетъ что-нибудь сдѣлать для спасенія себя отъ гибели. Она еще не знала, чего просить для своего мужа, какое мѣсто намѣтить для него, когда въ салонѣ Марьи Петровны ей впервые встрѣтился баронъ Гельфрейхъ.

— Жидовскій царь идетъ,—шепнула ей Марья Петровна, когда онъ появился въ залѣ, и любезно обратилась къ нему съ упрекомъ:—Вы, баронъ, забываете своихъ старыхъ друзей!

Гельфрейхъ равнодушно пожалъ протянутую ему руку какъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну, привыкшій давно ко всѣмъ заискиваніямъ и не вѣрящій никакимъ любезностямъ. Это была, въ сущности, отталкивающая фигура: его некрасивое лицо отличалось той мертвенностью, которая встрѣчается только на лицахъ евреевъ; отъ него вѣяло сухостью и холодомъ; сразу можно было понять, что этотъ человѣкъ, проходя своей дорогой, не обратитъ вниманія, по чему идутъ его ноги, по грязи, по падали, или по живымъ существамъ; если бы подъ его плоской и широкой, тяжелой ногой раздался пронзительный визгъ, онъ даже и не посмотрѣлъ бы, кого онъ раздавилъ, щенка или ребенка. Марья Петровна презирала этого человѣка и любезно жала ему руки, потому что онъ дѣлалъ ей значительныя ссуды денегъ на ея предпріятія. Онъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на глупыя затѣи отцвѣтшей львицы и обязательно ссужалъ ей деньги на эти глупыя затѣи, потому что черезъ нее можно было добывать концессіи и осуществлять разныя финансовыя сдѣлки: въ домѣ Марьи Петровны легко было узнать многое, что нужно было знать во-время на берлинской биржѣ. Простодушный, румянолицый и пухленькій генералъ выбалтывалъ «по секрету» всѣмъ и все, что онъ могъ выболтать.

— Вы, кажется, незнакомы? — обратилась къ барону Марья Петровна, указывая глазами на Аделаиду Александровну.

Баронъ отрицательно покачалъ головой.

— Аделаида Александровна Муратова, мой лучшій другъ; баронъ Исаакъ Осиповичъ Гельфрейхъ, царекъ финансоваго міра,—съ улыбкой проговорила Марья Петровна.

Баронъ протянулъ руку Аделаидѣ Александровнѣ, даже не дожидаясь, протянетъ ли она ему свою. Онъ зналъ, что ни одинъ человѣкъ не отказался бы отъ счастья пожать его руку. Это была пухлая, влажная, холодная рука. Прикосновеніе къ ней напоминало прикосновеніе къ лягушкѣ. Аделаиду Александровну невольно покоробило. Ей припомнилось, какъ однажды въ дѣтствѣ, когда она жила въ домѣ своего дяди, Платона Николаевича Баскакова, гдѣ евреевъ называли не иначе, какъ «собаками-жидами», одинъ тощій еврей съ ободранными пейсиками, въ засаленномъ, лоснящемся длиннополомъ сюртукѣ, съ грязными и костлявыми руками, похожими на когти хищной птицы, прикоснулся губами къ ея рукѣ; отъ него пахло чеснокомъ и грязью, онъ былъ ей противенъ, и она, плача, начала кричать: «дайте духовъ, духовъ», и потомъ цѣлый день брезгливо отирала свою руку, точно на ней выжглись слѣды отъ прикосновенія еврейскихъ губъ. Человѣческая память долго сохраняетъ извѣстныя ощущенія: достаточно взглянуть на какое-нибудь кушанье, вызвавшее въ насъ когда-нибудь отвращеніе, чтобы ясно почувствовать во рту отвратительный вкусъ этого кушанья. Именно это испытывала теперь Аделаида Александровна и, въ невольномъ смущеніи, вся вспыхнула, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка. А на нее, между тѣмъ, были безцеремонно устремлены свинцовые, холодные и проницательные глаза барона Гельфрейха. Ему понравилось это пикантное лицо. Аделаида Александровна поспѣшила уѣхать.

— Что эта дама вдова?—мелькомъ спросилъ баронъ у Марьи Петровны.

— Нѣтъ, у нея живъ мужъ. Но она, кажется, несчастна въ супружеской жизни,—вздохнула Марья Петровна.—Мужъ ея не понимаетъ.

— Дуракъ,—процѣдилъ сквозь зубы баронъ Гельфрейхъ.— Она такъ хороша.

— Ну, баронъ, вы смотрите на женщинъ, какъ матеріалистъ, только со стороны ихъ красоты.

— Если я вижу красоту, то я и смотрю со стороны красоты,—замѣтилъ баронъ. — Если бы она говорила, то, можетъ-быть, я посмотрѣлъ бы на нее и со стороны ума.

Затѣмъ онъ перешелъ къ дѣловому разговору.

При слѣдующей встрѣчѣ съ Муратовой онъ подошелъ къ ней, какъ къ знакомой, и, взявъ ея руку, продержалъ ее въ своей рукѣ дольше, чѣмъ дозволяло приличіе. Но эта мягкая, бѣлая рука нравилась ему и потому онъ не безъ удовольствія продержалъ ее въ своей рукѣ, не считая даже нужнымъ подумать о томъ, пріятно это или непріятно Аделаидѣ Александровнѣ. Разговоръ зашелъ на самую банальную тему—говорили объ оперѣ. Аделаида Александровна выразила сожалѣніе, что ея мужъ опоздалъ абонироваться въ оперу на предстоящій сезонъ.

— Я вамъ могу предложить свою ложу,—замѣтилъ баронъ.

— Благодарю, баронъ,—холодно отвѣтила Аделаида Александровна.—Мы съ вами не настолько знакомы, чтобы я могла воспользоваться вашими услугами.

Баронъ, повидимому, удивился: отъ него люди брали все, что онъ давалъ, какъ принимаютъ отъ правительства кресты и чины, не обижаясь, если эти чины и кресты даются даже не по заслугамъ.

— Все равно, у меня ложа стоитъ большею частью пустая,—съ свойственною ему, можетъ-быть, умышленною безтактностью пояснилъ баронъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «все равно я бросаю деньги въ помойную яму».

Аделаида Александровна взглянула на него съ иронической улыбкой, но въ ея глазахъ сверкнулъ огонекъ негодованія.

— Такъ вы бы, баронъ, продавали ее съ преміей,—произнесла она и, любуясь выраженіемъ внезапно поблѣднѣвшаго еще болѣе лица барона, прибавила со смѣхомъ:—въ пользу благотворительныхъ учрежденій Марьи Петровны.

Баронъ не понялъ, хотѣла ли она посмѣяться надъ нимъ или надъ благотворительными учрежденіями Марьи Петровны, но онъ сознавалъ одно: что эта женщина умѣла хотя на мигъ шевельнуть его сонную душу. Онъ впился въ нее глазами, когда она живо и бойко заговорила съ другими присутствующими, заговорила, правда, о пустякахъ, но зато заговорила такъ остроумно, такъ ловко, что сразу выказала свой не совсѣмъ дюжинный умъ. Барону захотѣлось, во что бы то ни стало, сойтись съ этой женщиной, и такъ какъ до сихъ поръ онъ сходился съ женщинами

просто, какъ сходятся съ подрядчиками, съ служащими въ его конторахъ, съ нанимаемою имъ прислугою, то онъ не сталъ прибѣгать къ излишнимъ уловкамъ и хитростямъ и рѣшился приступить къ дѣлу прямо: узнать отъ самой Муратовой, что она несчастна съ мужемъ, и сказать ей, что онъ хочетъ осчастливить ее своею любовью. Улучивъ удобную минуту, онъ спросилъ ее:

— Отчего я еще не видалъ вашего мужа?

— Вѣроятно, баронъ, оттого же, отчего онъ еще ни видалъ васъ,—отвѣтила она сухо.—Не встрѣчались.

— Да, но гдѣ же намъ и встрѣтиться: вы постоянно бываете здѣсь однѣ.

Аделаида Александровна промолчала, перелистывая какую-то книгу.

— Отчего онъ не бываетъ у Марьи Петровны?

— Онъ не членъ ея общества.

— О, значитъ, онъ не ревнивъ. Я на его мѣстѣ записался бы членомъ во всѣ тѣ общества, гдѣ была бы членомъ моя жена, если бы она походила на васъ.

Глаза барона приняли сластолюбивое выраженіе, но Аделаида Александровна такъ пристально и рѣзко взглянула на него, что это выраженіе тотчасъ же и исчезло.

— Ревнуютъ, баронъ, тѣхъ женщинъ, которыхъ не уважаютъ,—съ особеннымъ удареніемъ произнесла она.

— Да, но иногда люди ревнуютъ просто потому, что они ревнивы,—поспѣшилъ онъ вывернуться.

— Да, но для такихъ людей все равно, будутъ ли ихъ жены похожи на меня или нѣтъ, и вы совершенно напрасно предположили, что мой мужъ долженъ быть ревнивымъ именно потому, что его жена—я.

Аделаида Александровна поднялась съ мѣста и пошла, даже не взглянувъ на барона. Ей былъ противенъ этотъ царь жидовъ вообще, но теперь онъ сталъ ей еще противнѣе, потому что онъ, казалось ей, смотритъ на нее съ пренебреженіемъ, съ нахальствомъ.

Эта неудача еще болѣе раздражила барона. Онъ видѣлъ первую женщину, которая не отдавалась ему сразу, покорно, безъ возраженій. Онъ видѣлъ въ ней первый предметъ, который онъ, баронъ Гельфрейхъ, не можетъ купить. Эта мысль начинала его бѣсить. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что Муратова, еще ни разу не видавшая никого, подобнаго барону Гельфрейху, просто не сообразила вдругъ, что онъ не хочетъ нанести ей оскорбленіе, а просто предлагаетъ

ей выгодную денежную сдѣлку. Она слишкомъ нервно и лихорадочно старалась скрыть свою нищету, она слишкомъ боялась, что люди подозрѣваютъ ея положеніе, она слишкомъ сильно хотѣла замаскироваться до поры, до времени, и потому обращеніе съ нею барона показалось ей подозрительнымъ: ей казалось, что этотъ жидъ чутьемъ угадалъ ея настоящее положеніе и хочетъ ее унизить, относясь къ ней нахально и небрежно. Такимъ образомъ, нѣкоторое время они оба ошибались относительно другъ друга: баронъ разсчитывалъ, что ему придется заплатить за эту новую игрушку дороже, чѣмъ онъ платилъ за всѣ другія подобныя игрушки, и даже готовъ былъ на очень крупныя жертвы, а Аделаида Александровна думала, что баронъ ни въ грошъ не ставитъ ее и потому обращается съ нею, какъ обращаются самодуры съ приживалками,—догадаться, что баронъ всегда изъявляетъ свою любовь именно такимъ оригинальнымъ способомъ, она никакъ не могла. Недоразумѣнія, можетъ-быть, продолжались бы еще нѣсколько недѣль, если бы нѣсколько случайныхъ фразъ не открыли Муратовой истины.

Въ одинъ изъ безчисленныхъ финансовыхъ кризисовъ «Общества первой помощи» въ интимномъ кружкѣ членовъ этого общества зашли толки о средствахъ пережить этотъ кризисъ.

— Развѣ опять прибѣгнуть къ барону Гельфрейху?—говорила въ раздумьи Марья Петровна.—Но я увѣрена, что онъ теперь не дастъ денегъ. Мы и безъ того уже должны ему. Вотъ развѣ, если Аделаида Александровна попроситъ его...

— Я?—изумилась Муратова.

— Ну да. Для васъ онъ все сдѣлаетъ,—засмѣялась Марья Петровна.

— Для меня?—переспросила Муратова.

— Да. Чему вы удивляетесь? Вѣдь онъ ходитъ за вами, какъ тѣнь, и не спускаетъ съ васъ глазъ.

Муратова вся вспыхнула.

— Я не знаю, если это шутка, то, признаюсь, она слишкомъ неумѣстна,—сухо возразила она.

— Другъ мой, чего вы обидѣлись?—ласково обратилась къ ней Марья Петровна.—Развѣ вы виноваты, что въ васъ влюбился этотъ старый ловеласъ? Неужели вы еще не вполнѣ знаете нашихъ мужчинъ?

— Но, кажется, я не дала никакого повода...

— Боже мой, какіе поводы тутъ нужны! Вы хороши— вотъ и все.

— Негодяй, какую онъ роль заставилъ меня играть,— почти сквозь слезы проговорила Муратова.

— Полноте, что вы! Никакой роли не заставлялъ онъ васъ играть. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что у такихъ хорошенькихъ женщинъ, какъ вы, всегда найдутся поклонники...

— Которые, въ концѣ-концовъ, заставятъ указывать пальцами на женщину, какъ на ихъ любовницу!

— Что вы...

— Однако, вы сказали же, что я могу заставить его сдѣлать все...

— Другъ мой, развѣ это значитъ, что я считаю васъ близкой къ нему?.. Ну, полноте, вы слишкомъ серьезно смотрите на эти вещи.

Марья Петровна притянула къ себѣ Муратову и поцѣловала ее. Она относилась къ Муратовой, какъ ко всѣмъ своимъ помощницамъ, нѣсколько покровительственно, и давала имъ чувствовать своими ласками, что она стоитъ выше ихъ.

— Вы совсѣмъ дитя!—прошептала она.

Но Аделаида Александровна не успокоилась. Въ ея душѣ поднялась цѣлая буря. Этотъ жидъ смѣлъ влюбиться въ нее! Эти люди смѣли подозрѣвать, что она знаетъ о его любви! Какъ онъ отвратителенъ, какъ отвратителенъ этотъ свѣтъ! Они говорятъ, что она все можетъ сдѣлать изъ этого жида. Они, быть-можетъ, уже завидуютъ ей. Да можно ли и не завидовать той, которая можетъ повелѣвать царемъ жидовъ? Какъ онъ богатъ, какъ онъ силенъ! Что ему значитъ дать мѣсто ея мужу, дать ей десятокъ тысячъ? Онъ когда-то ей предлагалъ ложу такимъ тономъ, какъ будто говорилъ: «это для меня все ничего не значитъ». Онъ такъ же можетъ предложить ей деньги, экипажи, лошадей. Да, въ свѣтѣ можно блестѣть, можно не быть рабою разныхъ барынь, въ родѣ Маріи Петровны, можно заставить этихъ барынь кланяться себѣ, если только согласиться, чтобы эта холодная, влажная рука жида жала ея руку, руку Аделаиды Александровны, если согласиться припасть головкой къ этому мертвенному лицу и позволить этимъ свинцовымъ глазамъ впиваться въ полутьмѣ будуара въ ея плечи, въ ея грудь. Аделаидѣ Александровнѣ стало гадко, ей опять вспомнился тотъ тощій, грязный жидъ, который цѣловалъ въ дѣтствѣ

ея руку... А дѣла ея все болѣе и болѣе запутывались. Иногда ей становилось жутко, когда она вспоминала, что, можетъ-быть, завтра отнимутъ все ея имущество, что она останется нищею. Что тогда? Не будутъ ли смѣяться надъ нею всѣ эти люди? Не обрызгаетъ ли ее грязью этотъ самый жидъ, когда онъ поѣдетъ въ собственной каретѣ мимо нея, идущей пѣшкомъ? Но у нея будетъ чистая совѣсть! Чистая совѣсть при нищетѣ, при голодѣ, при зависти къ богачамъ, при всеобщемъ презрѣніи! Вѣдь за чистую совѣсть не уважаютъ людей; развѣ мы даемъ дорогу нищему за то, что у него чиста совѣсть, развѣ мы преклоняемся передъ голоднымъ за то, что у него чиста совѣсть? А грѣхъ? а Божье наказанье? Но можно ли ручаться, что страданія, голодъ, нужда не надломятъ силъ и не заставятъ, въ концѣ-концовъ, также согрѣшить, но согрѣшить, не купивъ себѣ даже довольства, а ради гроша, ради дневного обѣда?

— Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ срокъ векселямъ на пять тысячъ,—вытянувъ верхнюю губу, вялымъ тономъ пояснялъ Аделаидѣ Александровнѣ ея супругъ.—И предстоятъ платежи процентовъ по имѣнію въ общество поземельнаго кредита...

— Что это ты, дразнишь меня, что ли, этимъ memento mori?—раздражительно спрашивала Аделаида Александровна.

— Нѣтъ, я такъ вспомнилъ,—съ тупымъ равнодушіемъ произносилъ Муратовъ:—потому что нечѣмъ будетъ уплатить...

— Нечѣмъ, нечѣмъ! Такъ что же ты мнѣ объ этомъ говоришь? Развѣ у меня-то есть деньги? Иль ты думаешь, что я ихъ должна пріобрѣтать, а не ты?

— Откуда же мнѣ?—спокойно рѣшалъ супругъ.—Мнѣ теперь неоткуда пріобрѣсти.

Муратова отворачивалась отъ него и въ ея головѣ мелькала мысль: «Да, стоитъ сказать одно слово—и деньги будутъ. Но нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Довольно испытать одну пытку союза съ отвратительнымъ человѣкомъ». И она бросала полный презрѣнія взглядъ на тупую фигуру мужа. Пять лѣтъ тому назадъ Муратовъ еще отличался внѣшнимъ лоскомъ, внѣшнею приличностью. Теперь не было и этого. Кутежи, развратъ, дружба съ неразвитыми кутилами, пребываніе среди наглыхъ и ограниченныхъ кокотокъ опошлили его окончательно. Неумѣлыя и глупыя спекуляціи, разоренье, долги притупили еще болѣе его и безъ того ограни-

ченный умъ, растерявшійся въ виду безвыходнаго положенія. Пять лѣтъ тому назадъ онъ еще былъ способенъ волноваться, дѣлать бурныя «сцены» женѣ и пробуждать въ ней злобу и негодованіе. Теперь онъ апатично и тупо ждалъ отъ нея спасенія и покорно сносилъ ея вспышки, пробуждая въ ней только презрѣніе. А дѣла шли все хуже и хуже.

— Сударыня, васъ желаетъ видѣть госпожа Синко,—докладывала Муратовой горничная.

— Я говорила вамъ, чтобы не принимать эту особу,— строго замѣчала Муратова.

— Но она говоритъ, что не уйдетъ, не видавъ васъ,— отвѣчала горничная.—Она опять будетъ дежурить на лѣстницѣ, какъ въ прошлый разъ.

Муратова съ негодованіемъ вспомнила, какъ госпожа Синко дѣйствительно продежурила недавно полдня на лѣстницѣ и все-таки поймала ее и объяснилась съ нею, но уже не съ-глазу-на-глазъ, а при швейцарѣ.

— Просите,—отрывисто произносила Аделаида Александровна.

Въ комнату являлось низенькое, безобразное лицомъ, съ моргающими глазками существо въ шерстяномъ платьѣ съ крупными красными, синими и желтыми клѣтками. Эта женщина походила не то на кухарку, не то на торговку изъ лоскутнаго ряда. Выраженіе тупости не сходило съ ея лица.

— Скажите, пожалуйста, долго ли вы будете мучить меня? — встрѣчала ее Муратова.

— Я за деньгами,—отвѣчала Синко.

— Я знаю, что вы только и можете придти ко мнѣ, что за деньгами. Но я вамъ говорила, что у меня нѣтъ денегъ.

— Вы знаете, что мы бѣдные люди: мужъ чиновникъ, семеро дѣтей, я сама стряпаю, сама стираю. Я повѣрила вашему мужу послѣднія деньги. Это было мое приданое... Теперь сына отдала въ гимназію, нужно сдѣлать ему пальто. Мнѣ теплые башмаки нужны.

Госпожа Синко говорила ровно, безъ перерывовъ, однообразнымъ тономъ, съ тупымъ видомъ.

— Но я вамъ говорю, что у меня нѣтъ денегъ.

— Мы совсѣмъ обносились. Мужъ попрекаетъ, что я дала эти деньги вашему мужу, польстившись на большіе проценты. Это все мое приданое. Что-жъ, конечно, мнѣ хотѣлось побольше получить процентовъ...

— Но для чего вы мнѣ все это разсказываете? Все это

я слышала десятокъ разъ. Но если у меня нѣтъ денегъ, то я не могу вамъ отдать.

— Мнѣ нѣтъ никакой возможности обойтись безъ этихъ денегъ. Мы совсѣмъ принуждались, и мужъ все бранится. Вотъ, говоритъ, погналась за двумя...

— Послушайте,—прерывала ее Аделаида Александровна, теряя всякое терпѣніе.—Вамъ непремѣнно хочется получить эти деньги теперь? Ну, у васъ есть вексель, подавайте его ко взысканію, сажайте въ тюрьму моего мужа, дѣлайте, что хотите. Но предупреждаю васъ, что у него нѣтъ ни гроша своего.

— Я знаю, что имѣнье ваше, потому я и хожу къ вамъ. Намъ теперь необходимо...

— Я вамъ сказала...

— Мальчикъ не можетъ безъ теплаго пальто ходить. Теперь такіе холода стоятъ. Я тоже все простужаюсь безъ теплой одежды.

Убійственно-однообразный тонъ этой тупоумной женщины дѣйствовалъ на нервы.

— Ну, берите, берите, вотъ вамъ десять рублей,—почти бросила ей Муратова деньги, выходя изъ себя.

— Что же я сдѣлаю изъ десяти рублей?—тѣмъ же тономъ продолжала Сипко, неторопливо и осторожно свертывая бумажку вчетверо и заботливо пряча ее въ портмонэ.—Портной не беретъ за теплое пальто меньше двадцати рублей. Тоже башмаки...

— У меня нѣтъ больше денегъ...

— Меньше четырехъ рублей нельзя заплатить...

— Господи!—восклицала Муратова.—Ну, вотъ вамъ еще пять рублей. Видите, у меня нѣтъ болѣе ни гроша.

Она нервно переворачивала передъ глазами Сипко свой портмонэ.

— Такъ я на-дняхъ еще приду,—спокойно замѣчала Сипко, опять складывая вчетверо бумажку и пряча ее въ портмонэ.—Пальто черезъ недѣлю будетъ готово. Раньше портной не могъ. Теперь у нихъ работы много...

— Мнѣ некогда...

— Вы бы ужъ лучше всѣ деньги отдали, и вамъ, и мнѣ лучше бы. А то мой мужъ...

— Я вамъ говорю, что мнѣ некогда, времени у меня нѣтъ...

— Я давно бы подала вексель ко взысканію, если бы у вашего мужа были деньги, или посадила бы его въ долговое

отдѣленіе, но туда платить нечѣмъ. Я и то говорила мужу: пристращаемъ, посадимъ на послѣднія...

— Ахъ, сажайте его, взыскивайте съ него, но оставьте меня въ покоѣ!—восклицала Аделаида Александровна.

Сипко удалялась.

«Боже мой, развѣ смѣла бы эта женщина переступить порогъ моей комнаты, если бы»...—думала Муратова и не кончила.—«А каково будетъ оставаться съ *нимъ* наединѣ?»—мелькало въ ея головѣ, и она вздрагивала.

VI.

Аделаида Александровна Муратова сидѣла передъ зеркаломъ: горничная чесала ей волосы, и вдругъ замѣтила:

— А у васъ одинъ сѣдой волосокъ есть!

— Что?—съ изумленіемъ спросила Муратова и даже обернулась къ горничной лицомъ, хотя она могла видѣть ея лицо и въ зеркалѣ.

— Сѣдой волосъ!—повторила горничная.—Прикажете вырвать?

Муратова задумалась и равнодушно отвѣтила:

— Вырви, если хочется.

Горничная вырвала и подала ей волосъ. Муратова машинально взяла его въ руки и внимательно стала разсматривать этотъ тонкій, серебристый волосъ, точно въ немъ было что-то особенное. Она навертывала его на палецъ и, кажется, не слыхала болтовни горничной.

— Какъ рано, сударыня, сѣдые волосы у васъ начинаютъ расти,—болтала горничная.—Это оттого, что у васъ черные волосы, или отъ головной боли. А то бываетъ отъ заботъ. Вотъ у меня долго не будетъ сѣдыхъ волосъ, я бѣлокурая, а не брюнетка...

— Ты, Маша, я слышала, замужъ идешь?—спросила Муратова задумчиво.

— Да, сударыня... Да нескоро еще, мѣсяцевъ черезъ шесть,—отвѣтила горничная.—Съ деньгами еще не справились... Такъ нельзя, тоже свадьбу сыграть надо...

— По любви идешь?

— Какъ же, сударыня, безъ любви выйти...

— Да, да, безъ любви нельзя!—вздохнула Муратова.—Безъ любви выйти—это значитъ погубить себя...

Она задумалась.

— Вы, сударыня, какое платье сегодня надѣнете? Свѣтлое?

— Платье?—очнувшись, спросила Муратова.—Нѣтъ, черное сегодня, черное...

— Къ вамъ оно очень идетъ.

— А?.. Идетъ?.. Да, да, черное идетъ...

Муратова одѣлась и стала ходить по комнатѣ.

— Ты мнѣ не нужна болѣе,— обратилась она къ горничной.

Горничная вышла.

Муратова подошла къ зеркалу и окинула глазами свое отраженіе.

— Неужели я начинаю старѣться? Въ мои-то годы! Или такъ, случайно явился одинъ сѣдой волосъ?.. Впрочемъ, что же мудренаго и посѣдѣть отъ этихъ думъ... Нѣтъ, я еще молода, хороша!

Муратова улыбнулась сама себѣ и ближе приникла къ зеркалу.

— Но у меня утомленный видъ сегодня...

Она потянула пальцами кожу у наружныхъ угловъ глазъ.

— Да, это морщинки... Свѣжесть кожи исчезаетъ... И отчего эта черта появилась?

Она взглянула на тонкую черту, проходившую подъ подбородкомъ.

— Полнѣю...

Она отошла отъ зеркала и снова заходила по комнатѣ.

— А что сдѣлается въ годъ, въ два?—почти вслухъ подумала она.

Она мелькомъ взглянула на свой портретъ, писанный пастелью года три тому назадъ. Это была одна изъ лучшихъ работъ Беллоли.

— Какая перемѣна въ три года!—вздохнула она.—Тамъ почти дѣвочка, теперь...

Она не кончила и горько усмѣхнулась.

— Еще года два, три—и никакой жидъ не дастъ за меня ничего.

Вечеромъ въ этотъ день она уже кокетничала съ барономъ Гельфрейхомъ. Въ глубинѣ души она уже рѣшила вопросъ: «быть или не быть». Но она не могла еще безъ отвращенія вспомнить о баронѣ и, какъ мы видѣли, почувствовала въ то же время ненависть къ мужу: она находила себѣ оправданіе въ томъ, что она поступаетъ такъ ради него, что при другомъ мужѣ ей не пришлось бы такъ поступать. Она сидѣла теперь, отдавшись тяжелымъ думамъ о человѣкѣ, внушившемъ ей отвращеніе и готовымъ потребовать ея любви. А до нея продолжали долетать смутные звуки музыки и го-

вора. Она даже могла разслушать пѣніе. Она машинально встала, взяла свѣчу и пошла въ другую комнату. Это была небольшая, похожая на коридорчикъ, комната съ мраморною ванною и мраморнымъ умывальнымъ столомъ: за нею была гардеробная, большая комната съ красивыми шкапами, съ трюмо и парою креселъ. Изъ этой комнаты вела дверь въ комнату, гдѣ раздавалось пѣніе и музыка. Эта дверь была замкнута и закрыта тяжелой портьерой. Аделаида Александровна тихо поставила свѣчу на маленькій столикъ у трюмо, подняла тяжелую портьеру и остановилась у дверей.

За стѣной кто-то тихо фантазировалъ за фортепіано, наигрывая вальсъ изъ «Фауста». У самой стѣны, точно подъ ухомъ Аделаиды Александровны, кто-то, очевидно продолжая начатый разговоръ, говорилъ:

— ...Ну, и пришлось разстаться. Но мы любили другъ друга и были счастливы. Чего же еще больше? Теперь будемъ искать новаго счастья.

Фантазировавшій у фортепіано человѣкъ заигралъ арію изъ «Синей Бороды» и до Аделаиды Александровны долетали звуки чистаго тенора. Онъ пѣлъ:

Amours nouvelles!
Changer de belles,
Changer tous les huit jours!
Quoiqu'on en dise,
C'est ma devise!
Amours,
Courtes amours!

— Ну, эти courtes amours хороши для того, кто уже любилъ,—произнесъ мягкій и свѣжій голосъ, знакомый Аделаидѣ Александровнѣ.

Это былъ голосъ ея дальняго родственника, графа Виктора Валерьяновича Баскакова.

— А ты еще не любилъ? — раздался насмѣшливый вопросъ господина, сидѣвшаго у стѣны, около тѣхъ дверей, гдѣ стояла Муратова.

Она почему-то ближе прижала ухо къ двери.

— Нѣтъ еще, — какъ бы неохотно отвѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Ахъ, ты красная дѣвушка! — засмѣялось нѣсколько голосовъ.

— Да развѣ не испытать любви—значитъ быть красной дѣвушкой? — возразилъ родственникъ Муратовой.

— Скажи, пожалуйста, неужели Аделаида Александровна любитъ своего монстра?—такъ рѣзко и отчетливо раздалось

подъ ухомъ Аделаиды Александровны, что она невольно отшатнулась отъ двери, точно боясь, что ее замѣтятъ.

— Я ее объ этомъ не спрашивалъ,—сквозь зубы проговорилъ графъ Баскаковъ.

— Э, господа, мужчина немножко лучше чорта—уже красавецъ для женщины. Женщинъ не поймешь, за что онѣ любятъ,—замѣтилъ кто-то.

Дилетантъ-піанистъ, между тѣмъ, снова игралъ отрывки изъ «Фауста» Гуно: это были думы и пѣсня Маргариты за прялкой.

— Ну, я съ этимъ не согласенъ,—возразилъ голосъ подъ ухомъ Аделаиды Александровны.—Безъ всякаго основанія не могутъ любить и женщины. Онѣ всегда любятъ за что-нибудь—за красоту, за умъ, за богатство... А твой дядюшка, Викторъ, можетъ быть любимъ развѣ за то, что его можно бы за деньги показывать во время масленицы.

Въ комнатѣ раздался дружный смѣхъ. Муратова закусила губы.

— А вы забыли, господа, что иногда женщины любятъ своихъ мужей за то, что они покладисты и закрываютъ глаза, когда нужно не видѣть, и затыкаютъ уши, когда нужно не слышать,—замѣтилъ кто-то.

Муратова вспыхнула: ее подозрѣваютъ, подозрѣваютъ въ грѣхѣ, котораго она еще не совершила. Ей было и досадно, и больно.

— Твоя выходка совсѣмъ неумѣстна,—строго и рѣзко замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.—Моя тетка не нуждается въ покладистомъ мужѣ. Вообще, господа, совѣтую вамъ не говорить о ней или быть осторожнѣе.

— А что? развѣ она отсюда можетъ услышать?

— Она не можетъ услышать, но я-то слышу, — съ удареніемъ отвѣтилъ родственникъ Муратовой.

— Ба! да онъ, кажется, неравнодушенъ къ своей прелестной tante! Что-жъ, да здравствуетъ любовь!—раздались голоса.

— Да, любовь и вино!—крикнулъ голосъ подъ ухомъ Аделаиды Александровны.—Мы, господа, болтаемъ и мало пьемъ.

Муратова услышала звонъ стакановъ. Музыкантъ заигралъ снова и запѣлъ:

Buvons sec, quand le vin est bon!
Du raisin naquit la chanson,
Les glouglous, les joyeux flonflons
Sont toujours des gais compagnons.

Въ комнатѣ зазвучалъ смѣхъ и смутный говоръ.

«Какъ они веселы и счастливы!»—невольно подумала Муратова, и въ ея головѣ мелькнула мысль о томъ, что она, Муратова, никогда не испытала въ жизни ни беззавѣтнаго веселья, ни полнаго счастья. Она опустилась въ одно изъ стоявшихъ креселъ и задумалась: ей опять вспомнилась вся ея жизнь.

VII.

Въ воображеніи Аделаиды Александровны рисуется величественный, обширный барскій домъ, надменно и одиноко сторонящійся отъ убогихъ крестьянскихъ избъ. Кругомъ дома глухо шумитъ громадный паркъ. Въ домѣ царствуетъ тишина, точно въ немъ все вымерло. Но въ немъ есть народъ, только этотъ народъ—«люди», «прислуга», «дворовые», «крѣпостные», «холопы». Они не смѣютъ стучать ногами, не смѣютъ громко говорить, не смѣютъ громко смѣяться. Иногда появляются здѣсь знакомые, но и они какъ-то стѣсняются, притихаютъ, улыбаются и говорятъ точно по заказу. Почему же замѣчается эта мертвенность, эта сдержанность? Потому, что такъ угодно самодурствующему властелину дома, старому дядѣ Аделаиды Александровны, Платону Николаевичу Баскакову. Надменный, холодный, эгоистичный, онъ подавляетъ всѣхъ: онъ скучаетъ и сердится на весь міръ и придирается ко всѣмъ, кому весело. Но онъ любитъ ее, котенка Адель, только какъ любитъ! Онъ и мучаетъ, и балуетъ ее. Сначала онъ доводитъ ее до слезъ своими капризами, потомъ сажаетъ къ себѣ на колѣни и требуетъ, чтобы она ласкалась къ нему. Изъ нея вырабатывается мелочно-хитрый ребенокъ, умѣющій сдерживаться, умѣющій во-время ласкаться, живущій въ себѣ самомъ своею собственною жизнью. Эта жизнь странная: Адель любитъ понѣжиться, полѣниться, погрѣться на солнцѣ, почитать въ теплой постели романы. У нея развивается воображеніе, и оно рисуетъ ей причудливыя картины ея будущаго счастья—веселой и шумной жизни въ столицѣ, съ любовію къ «нему». Кто этотъ *онъ*, она еще не знаетъ, но она уже представляетъ его себѣ красавцемъ, блестящимъ героемъ. Иначе и быть не можетъ, потому что она сама хороша собою. Иногда она по получасу стоитъ въ своей комнатѣ на мягкомъ коврѣ передъ трюмо и любуется собою, любуется молодыми формами своего стройнаго тѣла. Что-то сладострастное, что-то грѣшное сказывается въ эти минуты во всей фигурѣ молодой дѣвушки. Но вотъ настаетъ минута, когда ей говорятъ, что за нее сватается

женихъ,—женихъ не красивый, не блестящій, и даже не спросившій ее о ея любви къ нему. Онъ проситъ ея руки прямо у дяди, безъ объясненій съ нею. Она оскорблена. Она готова отказать ему. Но какъ же отказать, когда этого брака желаетъ дядя, когда отъ дяди зависятъ всѣ ея матеріальныя средства? Къ тому же дядя говоритъ, что этотъ мужъ будетъ въ ея рукахъ игрушкою, такъ какъ деньги, богатство будутъ ея. Да, наконецъ, она и боится, что въ этомъ пустынномъ домѣ не найдется другого жениха, а года уходятъ: ей уже двадцать два года. Она соглашается, какъ молодая вѣтреница, не знающая жизни, не имѣющая серьезныхъ понятій о бракѣ. И вотъ настаетъ минута перваго любовнаго объясненія съ женихомъ. Онъ глупо, пошло оскорбляетъ въ ней ея дѣвическую стыдливость, ея самолюбіе, и вселяетъ въ молодое сердце чувство презрѣнія къ себѣ. Однако, приходится побороть это чувство и стать съ этимъ человѣкомъ подъ вѣнецъ. Въ первыя же минуты послѣ свадьбы она видитъ, что ея мужъ безсознательный циникъ, циникъ по натурѣ, по воспитанію. Обнимая ее, онъ говоритъ ей, еще невинной дѣвушкѣ, что онъ сходился со многими женщинами, но ни разу не сближался съ такою, какъ она,—и ей становятся противны, оскорбительны его ласки. Сжимая въ своихъ неуклюжихъ объятіяхъ, онъ не забываетъ спросить ее, далъ ли ей дядя денегъ въ приданое,—и она не можетъ даже на минуту отдаться обаянію первыхъ ласкъ, сознавая, что она для мужа только придача къ деньгамъ. На другой же день послѣ свадьбы мужъ обнаруживаетъ деспотическій и грубый характеръ, поднимая бурю изъ-за денежныхъ счетовъ. Она видитъ потребность обуздать его и ухватывается за единственное средство: за свои имущественныя права. Молодые пріѣзжаютъ въ Петербургъ, и Адель нѣсколько воскресаетъ. Шумъ столицы, балы, театры, новыя знакомства,—все это увлекаетъ ее въ быстрый водоворотъ. Мужъ ея истрачиваетъ свои деньги на меблировку комнатъ, на экипажъ и говоритъ, что имъ нужно еще денегъ, что деньги можно добыть, продавъ лѣсъ. Она продаетъ этотъ лѣсъ, она даетъ мужу денегъ, чтобы избѣжать «сценъ» и его ласкъ. Она уже понимаетъ, что онъ укрощается и исчезаетъ изъ дому, когда у него есть деньги. Въ домѣ начинается безпутная жизнь: мужъ играетъ на биржѣ, играетъ въ карты, покупаетъ ласки французскихъ кокотокъ, жена ѣздитъ по магазинамъ, по театрамъ, по баламъ. Иначе жить они не могутъ, потому что кругомъ ихъ, среди знакомой имъ свѣт-

ской молодежи, все живетъ этою жизнью, похожею на пьяную оргію, на вальпургіеву ночь. И какъ они оба довольны, когда ему, безобразному уроду, удастся за деньги купить какую-нибудь едва расцвѣтшую красавицу-француженку, проданную ему матерью и отбитую имъ отъ менѣе богатаго юноши-красавца; какъ счастлива его жена, когда за нею въ собраніи, въ оперѣ появляется цѣлый хвостъ блестящей молодежи, ожидающей ея милостиваго взгляда! Но все это поглощаетъ деньги, деньги и деньги. Правда, брильянты не всегда бываютъ настоящими брильянтами, но и поддѣлка стоитъ дорого при покупкѣ и ничего не стоитъ при продажѣ. Правда, картины на стѣнахъ ея комнатъ не принадлежатъ кисти Жераръ-Дова, Рембрандта, Теньера, Рафаэля,—это сомнительные Буше, поддѣльные Ватто, жалкіе Лагрене, доморощенные Воробьевы, это не вѣковые холсты Ванъ-Дика, а скоропреходящія пастели разныхъ Беллоли, — но все это, стоящее гроша при продажѣ, покупается на вѣсъ золота. Правда, что бронза Крумбюгеля, Кумберга и Кача не бронза Бенвенуто Челлини, но главное отличіе этой бронзы отъ Челлини состоитъ не въ томъ, что она дешево стоитъ при покупкѣ, а въ томъ, что она теряетъ всякую цѣну, какъ только съ нея снимется ярлыкъ магазина. За ихъ мебель заплачены тысячи рублей, но все же это безхарактерная, сдѣланная изъ хрупкаго американскаго орѣха мебель Гассе, Тура, Лизере, а не вѣковая и характерная мебель Буля, передающаяся изъ рода въ родъ. Такимъ образомъ, мишура, сусальное золото, поддѣлки новѣйшей свѣтской жизни требуютъ все-таки много денегъ, денегъ и денегъ. Гдѣ же взять эти деньги? Имѣнье закладывается и перезакладывается, долги дѣлаются вездѣ—и въ перспективѣ стоитъ призракъ долгового отдѣленія, нищеты, позора...

Аделаидѣ Александровнѣ вспоминается гейневская барыня, за которой, во время ея богатства, ухаживали короли и про которую, во время ея бѣдности, сказали, что отъ нея «несетъ чеснокомъ».

Оставалась одна надежда—выпросить помощь у отца. Онъ получилъ въ наслѣдство все имѣніе своего брата Платона Николаевича. Попытка дѣлается, и, увы, получается отказъ. Отецъ пишетъ, что у него на рукахъ четверо дѣтей и что его *жена*—онъ подчеркиваетъ это слово—Матрена Кузьминична, находится теперь въ такомъ положеніи, что съ-часу на часъ ждутъ появленія пятаго ребенка. Матрена Кузьминична, бывшая крѣпостная дѣвка, бывшая ключница, женила его на

себѣ! Ея дѣти узаконены имъ! можетъ-быть, отцомъ сдѣлана даже и духовная, такъ что ей, Аделаидѣ Александровнѣ, нечего разсчитывать и на его смерть! Значитъ, нужно надѣяться только на свои средства. Но что это за средства? Три тысячи жалованья Аркадія Павловича едва хватаютъ на плату за квартиру и на жалованье прислугѣ. На что же одѣваться, пить и ѣсть, содержать экипажи, выѣзжать на балы, дѣлать вечера у себя, абонироваться въ оперу и во французскій театръ? Отказаться отъ широкой жизни? Но что скажутъ другіе знакомые? Каково читать афиши объ абонементѣ на оперу и не имѣть возможности взять ложу. Каково видѣть своихъ знакомыхъ ѣдущими въ экипажахъ и идти пѣшкомъ или трястись на простомъ извозчикѣ? Каково знать, что у графовъ Баскаковыхъ дается балъ, и сидѣть дома, сидѣть съ ненавистнымъ мужемъ? Нѣтъ, кто разъ окунулся въ этотъ омутъ горячечной вальпургіевой ночи, тотъ пойдетъ на все, только бы купить себѣ право принимать участіе въ этой безумной оргіи. И вотъ начинаются изобрѣтенія средствъ: займы, обманы, аферы. Къ несчастію, Аркадій Павловичъ, зажирѣвшій, отупѣвшій среди вкусныхъ обѣдовъ и веселаго разврата, дѣлается неспособнымъ добиться до чего-нибудь своимъ умомъ. Ему приходится помогать, его приходится вести на помочахъ. Аделаида Александровна энергично борется, чтобы отстоять свое право на шумную, свѣтскую жизнь. У нея является даже помощникъ: секретарь ея мужа, гладенькая, чинная, сухая фигура холоднаго и мѣднолобаго мошенника во фракѣ. Андрей Андреевичъ Христофоровъ, попавшій въ мелкіе чиновники съ семинарской скамьи, способный на всевозможныя продѣлки, какъ истый бурсакъ, изобрѣтаетъ удивительныя средства для добыванія денегъ: онъ откапываетъ гдѣ-то глупыхъ людей, въ родѣ чиновницы Сипко, которые даютъ въ долгъ Аркадію Павловичу, онъ совѣтуетъ Аркадію Павловичу сдѣлать публикацію о томъ, что требуется управляющій дѣлами съ залогомъ въ пять тысячъ, и такой управляющій изъ пріѣхавшихъ искать занятій въ столицѣ провинціаловъ находится, — ему платятъ семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ за бездѣлье, а залогъ его закладываютъ въ банкъ и истрачиваютъ, забывая или, лучше сказать, не думая о послѣдствіяхъ этого поступка. Подъ вліяніемъ Христофорова дѣла запутываются до того, что Муратовымъ грозитъ уже цѣлая масса судебныхъ процессовъ очень непривлекательнаго свойства. Въ это-то время Аделаида Александровна бросается на путь благотворительности,

еще не сознавая, что она пріобрѣтетъ на этомъ пути, но уже предчувствуя, что она или падетъ, или выйдетъ побѣдительницей. Все это происходитъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ, но въ эти пять лѣтъ сильно постарѣла Аделаида Александровна и на ея головѣ даже появился сѣдой волосокъ, первый вѣстникъ ранней старости. Да, жизнь была прожита въ пять-шесть лѣтъ, а между тѣмъ эти годы были простымъ опьяненіемъ, стремленіемъ забыть свое несчастное супружество, и не дали ни минуты любви. За Аделаидой Александровной ухаживали десятки людей, но ухаживали безплодно: невѣрность мужу, развратъ, потеря репутаціи честной женщины,—все это пугало Аделаиду Александровну, и она держала себя строго, хотя, порой, ей нравилось то или другое лицо. «Я честная женщина»,—думала она, и въ этомъ состояла ея гордость, ея право смотрѣть съ презрѣніемъ на «падшихъ женщинъ». Она даже не сознавала, что вся ея жизнь была «паденіемъ», потому что она, подобно большей части женщинъ ея круга, считала «паденіемъ» только чисто-физическое паденіе. И вотъ настало время, когда ей приходится «пасть», пасть физически, но пасть безъ любви, пасть съ отвращеніемъ къ обольстителю, пасть за деньги, какъ послѣдней проституткѣ. Это ее возмущало. Она еще болѣе ненавидѣла своего мужа за то, что онъ не умѣлъ самъ изобрѣсти средствъ къ спасенію, за то, что часть платы за ея паденіе пойдетъ на удовлетвореніе его плотоядныхъ интинктовъ. Теперь мужъ казался ей не просто некрасивымъ мужчиной, а уродомъ; теперь она видѣла въ немъ не недалекаго по уму человѣка, а идіота; теперь она считала его не обыкновеннымъ кутилой, а гнуснымъ развратникомъ. Но не лучше казался ей и баронъ, этотъ наглецъ, этотъ безобразный старикъ, этотъ грубый самодуръ, этотъ жидъ. Но если оттолкнуть барона, найдется ли другой исходъ? Нѣтъ, исхода не было.

И въ это время, когда она оплакиваетъ свою погибшую молодость, когда она плачетъ о томъ, что не испытала чувства любви, тутъ, рядомъ съ нею, слышатся веселые звуки молодыхъ голосовъ, идутъ рѣчи о любви! Какъ живо представилась ей эта сосѣдняя комната, отведенная графу Виктору Валерьяновичу Баскакову! Этотъ юноша только-что надѣлъ гвардейскій мундиръ, ему только недавно минулъ двадцать одинъ годъ. Его поручили его дѣдъ и бабка дружбѣ Муратовыхъ, уѣзжая за границу. Аделаида Александровна живо представляетъ себѣ его фигуру: стройный, какъ мо-

лодая пальмочка, стянутый мундирчикомъ, съ молочно-розовымъ личикомъ, съ едва замѣтнымъ, какъ пухъ персика, пушкомъ на щекахъ, съ откровенными, мягкими глазами, смотрящими такъ страстно изъ-подъ длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ, съ тонкими, чувственными ноздрями, съ полными яркими губками, съ небольшими и ровными зубами,—онъ представлялъ типъ выхоленнаго, изнѣженнаго барчонка. До сихъ поръ она мало обращала вниманія на его красоту, мало цѣнила его ласки, спокойно смотрѣла на него, когда онъ цѣловалъ ея руки, называя ее chère petite tante, или садился у ея ногъ и читалъ ей вслухъ новый романъ. Теперь же ее вдругъ поразила его фраза:

— Не говорите при мнѣ про тетку!

Въ то же время ее заставили задуматься его грустно произнесенныя слова:

— Я еще не испыталъ любви.

«Почему онъ такъ горячо вступился за меня? Неужели потому, что мы родственники?—думалось ей.—Нѣтъ, онъ самъ часто смѣется надъ болѣе близкими родственниками... Съ какою грустью онъ сказалъ, что не испыталъ истинной любви! Такъ можетъ говорить человѣкъ, который жаждетъ любви, въ которомъ пробуждается она... Не любитъ ли онъ меня болѣе, чѣмъ родственницу?..» Ей вспомнилось, какъ онъ цѣлуетъ ея руки долго, нѣжно, краснѣя. Ей вспомнилось, что онъ любитъ сидѣть у ея ногъ, что онъ иногда такъ мягко заглядываетъ ей въ глаза. Она почувствовала, что у нея начинаютъ биться виски, что у нея горятъ щеки... «И какъ онъ хорошъ собою!—думалось ей.—Что, если бы... Нѣтъ, нѣтъ, его бабка просила наблюдать за нимъ, беречь его... Онъ еще дитя... Беречь! Но развѣ можно сберечь юношу въ эти годы? Вотъ у него собрались товарищи... О чемъ они говорятъ? Они развращаютъ его. Они увлекаютъ его на дорогу паденія. Онъ бросится въ объятія падшихъ женщинъ и вмѣсто блаженства первой любви испытаетъ то же, что испытала я въ объятіяхъ падшаго мужчины, своего мужа. Отвращенье, презрѣнье, ненависть—вотъ все, что даютъ подобныя связи... Я могла бы вселить въ него болѣе чистыя чувства».

— А! у васъ тутъ кутежъ!—послышался вдругъ хриплый басъ.

Аделаида Александровна узнала голосъ своего мужа.

— Дядя, какими судьбами? Я думалъ, что вы въ засѣда-

нія «Общества первой помощи», — произнесъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Отдѣлался, чортъ возьми! Вотъ тоска-то тамъ!—отвѣтилъ Муратовъ, здороваясь съ присутствующими.

— Значитъ, и тетушка вернулась?—спросилъ Баскаковъ.

— Да.

— Ахъ, мы тутъ кутимъ и шумимъ,—проговорилъ озабоченно Викторъ Валерьяновичъ.—Ну, господа, значитъ конецъ!

— Да ты чего стѣсняешься...—началъ Муратовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ее обезпокоитъ.—настаивалъ Баскаковъ:—не хорошо!..

— Поѣдемъ съ нами,—раздалось вотъ ухомъ Аделаиды Александровны.—Сегодня у Дорота пикникъ. Еще не поздно!

Она замерла и ждала отвѣта.

— Нѣтъ, господа, вы знаете, что я не охотникъ до этихъ дамъ,—отвѣтилъ Викторъ.

Аделаида Александровна вздохнула свободнѣе.

— Мальчишка еще!—засмѣялся сальнымъ смѣхомъ Муратовъ.—Я за него ѣду съ вами.

— Ну, какъ хочешь, красная дѣвушка,—сказалъ кто-то:—а намъ пора.

Молодежь зашумѣла стульями и стала прощаться. Отворились двери и послышались шаги. На минуту воцарилась тишина. Викторъ Валерьяновичъ вышелъ провожать гостей. Ихъ шаги послышались по коридору. Вотъ еще раздались уже одинокіе шаги, опять отворилась дверь. Викторъ вошелъ въ свою комнату. Аделаида Александровна стояла у дверей въ какомъ-то лихорадочномъ жару. Она не понимала, что дѣлается вокругъ нея, что дѣлаетъ она сама.

— Викторъ, ты не спишь?—раздался вопросъ.

Этотъ вопросъ сдѣлала Аделаида Александровна и вздохнула, точно его сдѣлалъ кто-то другой, сдѣлалъ неожиданно для нея.

— Это вы, ma tante?—послышался удивленный голосъ Виктора.

— Да. Мнѣ нужно дать тебѣ порученіе,—отвѣтила Аделаида Александровна.

Она говорила наобумъ, безсознательно.

— Я сейчасъ приду къ вамъ въ будуаръ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно сказать только пару словъ... Отвори, я войду къ тебѣ,—проговорила она, едва переводя духъ.

— Сейчасъ... я безъ сюртука.

— Ахъ, я не буду смотрѣть на тебя!—лихорадочно засмѣялась Аделаида Александровна и прислонилась къ стѣнкѣ. Она едва стояла на ногахъ.

Послышались шаги, щелкнулъ замокъ и дверь отворилась. На Аделаиду Александровну упали лучи сильнаго освѣщенія и пахнуло наркотическимъ, острымъ запахомъ табачнаго дыма, честера, выпитаго и пролитаго шампанскаго, очищенныхъ апельсиновъ, грушъ и яблоковъ. Викторъ, весь раскраснѣвшійся, въ разстегнутомъ сюртукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, застегнутомъ только на верхнюю и нижнюю пуговицы, быстро подошелъ къ Муратовой и весело протянулъ ей руки.

— Милая моя гостья!—ласково проговорилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

— Викторъ, Викторъ, если бы ты зналъ, какъ я несчастна!—воскликнула она и припала головой къ его груди.

VIII.

Въ двѣнадцатомъ часу утра Аделаида Александровна въ сопровожденіи ливрейнаго лакея вышла изъ своей квартиры, спустилась съ лѣстницы и сѣла въ карету.

Ея лицо имѣло утомленный видъ, на щекахъ проступали неровныя пятна румянца, глаза были томны, въ тѣлѣ ощущалась какая-то дрожь, точно пробѣгали мурашки, какъ бываетъ во время легкой простуды.

— Въ Спасскую улицу, близъ Сѣнной, домъ Галкина,— проговорила она лакею, затворявшему дверцы кареты.

Лакей вскочилъ на козлы, и карета помчалась, гремя по оледенѣвшей мостовой. Аделаида Александровна, откинувшись въ уголъ кареты, задумалась. Ея мысли были сбивчивы и отрывочны. Она то вспыхивала вся, вспоминая о томъ, что она любитъ, что она любима, то пугливо вздрагивала, когда въ ея воображеніи представлялся образъ барона,—барона, который будетъ сегодня вечеромъ у нея въ гостяхъ. Были минуты, когда она готова была дернуть за шнурокъ, чтобы тотчасъ же сказать лакею:

— Не принимать сегодня вечеромъ барона Гельфрейха, когда онъ придетъ къ намъ.

Въ эти минуты ей казалось невозможнымъ принять барона именно сегодня, принять въ то время, когда она можетъ пройти снова къ Виктору, пройти уже безъ спросу, безъ смущенія, безъ страха за результаты посѣщенія. Но вслѣдъ за этимъ бурнымъ и страстнымъ порывомъ являлись вопросы: а что же будетъ послѣ? не оскорбится ли баронъ,

что имъ играютъ? не отвернется ли он отъ нея? «Пускай, пускай отвернется!»—мысленно воскликнула она, и въ то же время мгновенно какъ-то съеживалась, припяжалась, падала духомъ. «А нищета?—говорилъ внутренній голосъ.—Развѣ ты будешь наслаждаться любовью Виктора въ нищетѣ? И что скажетъ свѣтъ, узнавъ о твоемъ разореніи? Вѣдь тебя считаютъ богатой и потому уважаютъ и принимаютъ. Вотъ и теперь ты ѣдешь спасать бѣдныхъ». Муратова обрадовалась, вспомнивъ о цѣли своего путешествія. Она могла хотя на-время отдѣлаться отъ мысли о баронѣ и Викторѣ и отдаться другимъ вопросамъ. Она начала разсуждать, что она будетъ дѣлать съ новою обузою, навязанною ей Марьею Петровною. «Имъ нужно радикально помочь, помимо нашего общества; придумайте, какъ бы это сдѣлать; возьмите дѣвушку къ себѣ швеей»,—эти слова еще звучали въ ушахъ Аделаиды Александровны. Нужно помочь, нужно вырвать эту дѣвушку изъ окружающаго ее омута, но это гораздо легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Взять ее къ себѣ въ качествѣ швеи? хорошо, если она точно умѣетъ шить. Въ такомъ случаѣ это будетъ даже выгодно. За шитье нарядовъ приходится такъ дорого платить. Дома шить выгоднѣе; теперь это было бы даже кстати, потому что платить нечѣмъ; а въ долгъ—въ долгъ уже не шьетъ ни одна изъ извѣстныхъ модистокъ. Ее нужно научить, если она не умѣетъ шить. Можно заставить ее познакомиться съ какой-нибудь горничной одной изъ этихъ дамъ полусвѣта, которыя являются теперь законодательницами модъ для дамъ высшаго круга.

При мысли о дамахъ полусвѣта, по лицу Муратовой скользнула горькая усмѣшка, и она почти вслухъ проговорила: «А чѣмъ же дѣлаюсь я?» Но она сдѣлала усиліе надъ собой и снова перешла къ мысли о бѣдной дѣвушкѣ, порученной ея покровительству.

«Но сколько придется ей платить?—разсуждала она.—Впрочемъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если она дѣйствительно находится въ такой крайности, то она будетъ рада теплому углу, готовому столу, нѣсколькимъ старымъ платьямъ. Главное, чтобы Марья Петровна знала, что эта дѣвушка вырвана изъ омута».

Вырвана изъ омута! А куда она попадетъ? Развѣ домъ самой Муратовой не омутъ? Развѣ сама Аделаида Александровна не рада бы бѣжать изъ него? Да, она рада бы бѣжать изъ него. Но этой дѣвочкѣ тутъ будетъ хорошо, въ теплѣ, на всемъ готовомъ. Эти люди, право, счастливы.

Онѣ поступаютъ въ горничныя, въ швеи, въ няни и не думаютъ ни о чемъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ и, въ концѣ-концовъ, выходятъ замужъ по любви.

— Кого прикажете спросить?—раздался вопросъ лакея, остановившагося у дверцы кареты.

— Это домъ Галкина?—спросила Аделаида Александровна, не замѣтившая, какъ она доѣхала до цѣли.

— Точно такъ.

— Спроси, здѣсь ли живутъ... Постой я забыла ихъ фамилію...

Аделаида Александровна въ замѣшательствѣ вынула изъ кармана изящную записную книжку, заглянула на страничку съ загнутымъ угломъ и медленно прочитала:

— Титулярный совѣтникъ Андрей Егоровичъ Лыткинъ.

Лакей пошелъ справляться. Аделаида Александровна разсѣянно смотрѣла изъ окна кареты на длинный дворъ, виднѣвшійся сквозь отворенныя ворота. Снѣгъ, сметенный въ кучи, превратившійся въ какія-то сѣровато-коричневыя массы, чередовался здѣсь съ блестѣвшими, застывшими лужами; около растворенпаго сарая были свалены въ кучу дрова; въ одномъ углу было навалено нѣсколько пустыхъ бочекъ изъ-подъ соленыхъ огурцовъ и кислой капусты. Дворъ походилъ бы на обширную помойную яму, если бы здѣсь не сновали поминутно мастеровые, оборванныя женщины и грязныя дѣти.

— Здѣсь,—послышался голосъ у дверцы кареты.—Прикажете проводить?

— Да.

Аделаида Александровна вышла изъ кареты и вступила подъ отсырѣвшія и мрачныя ворота, захвативъ одной рукой длинное платье и юбки. Ее поразили на дворѣ движеніе и шумъ: въ одномъ углу гулко гремѣлъ молотъ о желѣзо у слесаря, въ другомъ раздавались непріятные звуки оттачиваемыхъ на колесѣ инструментовъ, въ третьемъ углу слышались тяжелые удары топора, раскалывавшаго дрова. Пройдя весь длинный дворъ, Аделаида Александровна должна была пройти еще одни ворота и, войдя во второй дворъ, свернуть въ довольно узкій переулокъ, образовавшійся между лѣвою стѣною дома и надворнымъ строеніемъ, заключавшимъ въ себѣ сараи, прачечную и помойную яму. Поровнявшись съ прачечной, Аделаида Александровна невольно отшатнулась въ сторону, такъ какъ ее обдало горячимъ паромъ,

пропитаннымъ отвратительнымъ запахомъ распареннаго грязнаго бѣлья.

— Ты не ошибся?—спросила она лакея.—Тутъ, кажется, нѣтъ хода...

— Никакъ нѣтъ, вотъ лѣстница,—отвѣтилъ лакей и указалъ ей въ уголъ налѣво.

Дѣйствительно, тутъ было въ стѣнѣ, покрытой сырыми пятнами, почти черное отверстіе—это былъ ходъ въ подвальный коридоръ. Отверстіе только наполовину находилось надъ землею, другая его половина ушла въ землю. Чтобы проникнуть въ него, нужно было спуститься по пяти каменнымъ ступенямъ. Ступени были разбиты, облиты не то оледенѣвшей водой, не то застывшей грязью. Помойная яма, помѣщавшаяся въ двухъ шагахъ напротивъ, была выше этихъ ступеней и отъ нея тянулась къ нимъ грязная, застывшая струя просачивавшихся изъ нея помоевъ.

«И живутъ же люди въ этихъ трущобахъ и терпятъ! Это ужасно!»—почти вслухъ подумала Аделаида Александровна.

Въ эту минуту въ ея головѣ промелькнула мысль, что если бы она принуждена была теперь свести разомъ всѣ свои счеты, то у нея не осталось бы средствъ даже и для найма помѣщенія въ такой трущобѣ, и кромѣ десятка тысячъ долга у нея не нашлось бы ничего.

— Что-жъ, отказать барону,—горько усмѣхнулась она при этой мысли.—Испытать, насколько сильна любовь Виктора, спустившись до подобной конуры.

На ея глаза навернулись крупныя слезы.

— Но вѣдь это значитъ сдѣлаться проституткой! Не любить мужа и отдаваться ему. Любить юношу и покупать возможность пользоваться его любовью, продаваясь ненавистному, гнусному старику...

Она вздрогнула и едва не оступилась, начавъ спускаться по скользкой лѣстницѣ въ омутъ столичной нищеты.

IX.

Для Лыткиныхъ давно уже начался день. Старуха Лыткина съ пяти часовъ утра работала въ прачечной. Ея десятилѣтній сынишка въ девятомъ часу куда-то ушелъ изъ дома. Даша съ утра сидѣла за шитьемъ грубаго бѣлья. Только самъ старикъ Лыткинъ еще лежалъ на кровати. Впрочемъ, и онъ давно уже не спалъ.

На немъ были надѣты свѣтлыя панталоны гороховаго цвѣта съ коричневыми клѣтками и двумя темными запла-

тами, и порыжѣвшій отъ времени сюртукъ съ продранными локтями и съ пятью пуговицами, изъ которыхъ двѣ были свѣтлыя съ гербами, а три черныя, давно лишенныя обтяжки. Повидимому, онъ проспалъ всю ночь въ одеждѣ. На полу, недалеко отъ кровати, лежала его вытертая, замасленная фуражка съ бархатнымъ околышемъ, разорваннымъ козырькомъ и потускнѣвшею кокардою. Лежа на постели, онъ отъ времени до времени поворачивался съ боку на бокъ и искоса поглядывалъ на дочь, сидѣвшую спиною къ нему. Казалось, онъ хотѣлъ о чемъ-то заговорить и не рѣшался. Наконецъ, онъ приподнялся, спустилъ на полъ ноги, обутыя въ порыжѣвшіе сапоги, и сѣлъ на кровати. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, съ полусѣдыми всклоченными волосами, съ опухшимъ, давно небритымъ лицомъ, съ воспаленными и мутными глазами. Присѣвъ на кровати, онъ почесалъ въ головѣ и кашлянулъ. Онъ, видимо, ожидалъ, что дочь обернется къ нему лицомъ, услышавъ его движеніе и кашель. Но она упорно наклонилась надъ работой и, казалось, не замѣчала ни его движенія, ни его кашля. Онъ покачалъ головой и окликнулъ ее:

— Даша!.. Дашенька!..

Онъ говорилъ немного нараспѣвъ. Его хриплый голосъ принялъ особенно мягкое, заискивающее выраженіе. Дочь не повернула къ нему головы и сухо спросила:

— Что вамъ?

— Что ты, Дашенька, все такая скучная?—промолвилъ онъ еще болѣе приниженнымъ тономъ.

— Радоваться-то нечему!—послышался отрывистый отвѣтъ.—А вы вчера опять напились?

Отецъ сдѣлалъ кислую гримасу и покачалъ головой.

— Съ горя, Дашечка, съ горя. Голова вотъ теперь трещитъ...

— Горе-то у васъ съ чего? Служить не умѣли честно, взятки нужно было брать. Ну, вотъ и дослужились до кабака за эти взятки...

Дочь говорила отрывисто, раздражительно взмахивая иглой. Отецъ жалобно улыбнулся.

— Нѣтъ, Дашечка, нѣтъ, это ты не то говоришь,—началъ онъ оправдываться.—Взятки что! Взятки брать можно. Это благодарность, отъ чувства происходитъ. Всѣ ихъ брали... Если бы я взятокъ не бралъ, меня въ первый годъ службы согнали бы съ мѣста. я бы у товарищей какъ бѣльмо на глазу былъ, они меня за фискала считали бы... Да и чѣмъ же бы жить? Развѣ жалованье-то такое давали,

чтобы на него жить можно? А мать—развѣ мать твоя потерпѣла бы, что другихъ мужей жены въ довольствѣ живутъ, а мы голодаемъ?.. Нѣтъ, Дашенька, не то ты сказала. Взятки и прежде насъ брали, и теперь берутъ, и послѣ брать будутъ. Безъ взятокъ никакого дѣла не сдѣлаешь. Еще Капнистъ въ Ябедѣ говорилъ...

Дочь вдругъ обернулась и окинула суровымъ взглядомъ неприглядную фигуру отца:

— Такъ почему же это вы безъ мѣста-то теперь сидите?

Старикъ съежился и заерзалъ въ смущеніи руками по кровати, точно разглаживая ладонями лохмотья одѣяла.

— Новые порядки меня сгубили—вотъ что,—началъ онъ снова.—Да! Я человѣкъ старыхъ порядковъ. Не успѣлъ я къ новымъ порядкамъ присмотрѣться, не успѣлъ руку по-новому набить... Вѣдь теперь не то, что прежде. Прежде все по простотѣ было, по чувству. А теперь не то, совсѣмъ не то-о!.. Изощреніе ума пошло. Ну, зато и барыши больше стали. Ахъ, и что это за барыши теперь—страхъ!.. Теперь если нашъ братъ всякіе законы знаетъ да наловчится, такъ такъ-то хорошо можетъ дураковъ объѣзжать, что имъ небо съ овчинку покажется... Вѣдь ты одно то возьми: порядки теперь новые, суды новые, мужики на новомъ положеніи, никто это не знаетъ, какъ ему по закону теперь держать себя слѣдуетъ, что законно, что незаконно,—ну, вотъ знающій человѣкъ-то и можетъ наставлять, въ мутной водѣ рыбу ловить...

Дочь отвернулась, по ея лицу скользнуло выраженіе не то насмѣшки, не то презрѣнія.

— Что же вы не ловите?—спросила она.—Совѣстно, что ли, стало на старости лѣтъ грабить народъ?

Старикъ махнулъ рукою.

— Эхъ, Дашурочка, какая у нашего брата совѣсть! Кормить ее нечѣмъ. Ты посмотри на меня...

— Насмотрѣлась: хороши!—отрывисто отвѣтила дочь.

— Именно: хорошъ! Именно: хорошъ!—скривилъ въ усмѣшку свое оплывшее лицо старикъ.—Ни образа, ни подобія!.. Такъ развѣ у такихъ людей совѣсть-то бываетъ? Съ голоду да съ холоду она у насъ сдохнетъ!.. Да если бы у насъ и была, такъ все равно никто не повѣрилъ бы, что она у насъ есть. Андрея Лыткина совѣсть! У стараго крючкотвора, у чернильной души, у кабацкаго засѣдателя совѣсть!.. Экъ куда хватила!.. Совѣсть, Даша, у тѣхъ, кто въ каретахъ ѣздитъ, кто во фракахъ щеголяетъ, кто не

самъ беретъ, а черезъ секретаря принимаетъ,—вотъ у нихъ совѣсть!

Старикъ нѣсколько оживился и говорилъ цвѣтисто, театрально, даже нѣсколько ѣдко. Въ немъ проглядывалъ старый семинаристъ.

— Что же вы не завели каретъ?—усмѣхнулась съ горечью дочь.—Или для этого побольше умѣнья да знанья было нужно?

— Не знаній, Даша, не знаній недостаетъ,—покачалъ головою старикъ.—Законы эти самые у меня въ головѣ цѣликомъ сидятъ. Кого хочешь статьями въ потъ вгоню. Вѣдь тѣ, которые судами-то ворочаютъ, не своей головой живутъ, а нашего брата, какъ справочную книгу, въ секретаряхъ держатъ...

— Чего же вамъ недостаетъ?

— Одежды, Дашенька, одежды! Виду приличнаго мнѣ недостаетъ!—вздохнулъ старикъ.

Онъ, кряхтя, всталъ съ кровати и вышелъ на середину комнаты, шаркая по полу сапогами, изъ которыхъ выглядывали толстые, кривые, мозолистые пальцы.

— Посмотри ты, каковъ я,—обратился онъ къ дочери.—Ни образа, ни подобія!.. Вотъ теперь хоть бы эти штаны или тоже сюртукъ взять,—ну развѣ этакъ теперешніе-то законники ходятъ?.. Вѣдь меня теперь въ этомъ одѣяніи каждый за карманника считаетъ, опасается, какъ бы я часовъ или платка носового не стянулъ... А если бы у меня фракъ былъ да...

— Вы во фракѣ!—съ горькой улыбкой воскликнула дочь.

— Чѣмъ же я не человѣкъ, что я во фракъ не могу одѣться,—оскорбился отецъ.—Было время, были и фраки.

— Вамъ дать фракъ? Полноте! Да вы его въ первомъ кабакѣ пропили бы.

— Нѣтъ, не пропилъ бы!—возразилъ Лыткинъ убѣдительнымъ тономъ и подошелъ къ столу, у котораго сидѣла дочь.—Ты думаешь, что я потому въ кабакѣ сижу, что мнѣ очень сладко это винице-то самое? Нѣ-ѣтъ, Дашенька, не сладко оно; тоже хереса и ренвейны разные хотѣлось бы пить; вкусъ имъ тоже я знаю; а фрака у меня нѣтъ, ну, и пью это винице... Ты только подумай, для кого я въ этой амуниціи дѣла могу дѣлать? Для мужиковъ, для сиволапыхъ, для сѣрокафтанниковъ, для кабацкихъ засѣдателей... Гдѣ я могу эти самыя дѣла обдѣлывать? Въ кабакѣ... И какія такія дѣла могутъ быть у Андрея Лыткина? Просьбу

настрочить, направить деревенщину-мужлана, куда ему идти—вотъ и все. Не самъ я по дѣламъ хожу, не самъ въ суды являюсь. Въ три-шеи меня изъ новыхъ-то судовъ въ этомъ облаченіи выгнали-бъ... Вотъ я и обдѣлываю кабачныя дѣла... Ну, а за эти дѣла много не заплатятъ: напоятъ, гривенникъ сунутъ—и за то говори спасибо, потому что всякое даяніе благо и всякъ даръ суй въ карманъ, если на бобахъ не желаешь остаться.

— Не пили бы, такъ было бы лучше,—начала дочь: — а то...

— Да нельзя, Дашенька, нельзя!—перебилъ ее отецъ, махнувъ рукою.—Какъ же я это въ кабакъ приду и пить не буду? Вѣдь вонъ и на службѣ когда я состоялъ, такъ товарищи обижались, если сидишь трезвый въ ихъ компаніи, когда они пьютъ. Не то просмѣютъ, бывало, какъ красную дѣвицу, не то гордецомъ обзовутъ, съ пріятелемъ, говорятъ, повеселиться не хочешь. Ну, и пилъ, когда всѣ пили... А теперь и вовсе ужъ нельзя не пить. Не пей я въ кабакѣ, такъ меня этакъ за фискала, за сыщика, либо за вора примутъ.

— А вы и въ кабакъ не ходите,—настаивала дочь.

— Да вѣдь я говорю тебѣ: кабакъ-то и есть теперь мой департаментъ: столоначальникъ я кабацкій—вотъ что я,—усмѣхнулся Лыткинъ и опять махнулъ рукою.—Или ты думаешь, что дѣла-то ко мнѣ на домъ принесутъ, что за мной курьеровъ пошлютъ? Нѣтъ, подъ лежачій камень и вода не течетъ. Не явись я въ этотъ департаментъ,—другой за меня явится. Лыткиныхъ много... У насъ вѣдь тоже конкуренція. Мы тоже кліентовъ-то, какъ зайцевъ, травимъ, облаву на нихъ, какъ на медвѣдей, устраиваемъ. Каждый изъ насъ кліента-то разорвать готовъ, только бы къ себѣ перетянуть. Ѣсть-то всѣмъ хочется... Вотъ отчего въ кабаки-то я хожу, Даша!

Лыткинъ опустилъ голову: онъ былъ не то отвратителенъ, не то жалокъ въ своихъ лохмотьяхъ, съ своей грустной миной, напоминавшей гримасу паяца, который страдаетъ какимъ-то невыносимымъ недугомъ и въ то же время сознаетъ необходимость тѣшить публику своими кривляньями. Шутовство давно уже вошло въ плоть и кровь Лыткина, слышалось даже въ самыхъ горькихъ его рѣчахъ, сквозило сквозь самое грустное выраженіе его лица. Ему нужно было быть «разлюбезнымъ человѣкомъ», ему необходимо было быть «шутомъ гороховымъ», и онъ вошелъ въ эту роль. Дочь посмотрѣла на него не безъ грусти.

— Что-же, такъ и умереть въ кабакѣ хотите?—проговорила она.—Посмотрите на свое лицо, на что оно стало похоже.

— Что-же, на все воля Божія, Дашечка,—вздохнулъ Лыткинъ.—Каждому человѣку своя судьба. Отъ судьбы не уйдешь. Вотъ и нѣмецъ въ александринкѣ говоритъ, что суженаго конемъ не объѣдешь! Хе-хе-хе!

Лыткинъ засмѣялся дѣланнымъ жидкимъ смѣхомъ и сдѣлалъ умиленное лицо.

— А я къ тебѣ Дашурочка, съ просьбой,—началъ онъ, понизивъ голосъ и наклонясь къ столу съ умильной физіономіей.

Дочь нахмурила брови и принялась шить, дѣлая видъ, что она не слышитъ.

— Даша, Дашенька!—окликнулъ ее отецъ.

— Что вамъ?—рѣзко спросила она.—Опять гривенникъ?

— Гривенничекъ! Одинъ гривенничекъ! — обрадовался Лыткинъ, что дочь угадала его обычную просьбу.—Я тебѣ, Дашечка, видитъ Богъ, отдамъ.

— Знаю я, какъ вы отдаете! Напьетесь и опять безъ денегъ придете.

— Ну, виноватъ, виноватъ! Вчера не отдалъ. А теперь, вотъ тебѣ Христосъ, отдамъ! Будь я подлецъ...

— А если не отдадите? Что тогда? Вѣдь у насъ и всего-то въ домѣ двадцать копеекъ. Вѣдь вотъ мать ушла стирать безъ горячаго, братъ ушелъ куда-то не ѣвши...

— Сегодня я скоро приду, съ деньгами приду, полтинникъ принесу. Дѣло у меня такое есть. Вѣрныя деньги.

— Вѣрныя деньги! Ну, и пили бы на нихъ!

— Да вѣдь ихъ еще получить нужно, а какъ же я за ними приду, когда у меня въ карманѣ-то пусто? Вѣдь надо сперва подождать въ кабакѣ этого самаго добраго человѣка, у котораго деньги-то въ мой карманъ просятся. Хе-хе-хе!

Лицо Лыткина приняло отвратительное выраженіе хищника, который, казалось, готовъ былъ на все, чтобы обобрать ближняго. Дочь съ омерзѣніемъ отвернулась отъ него и на ея лицѣ снова исчезло выраженіе грусти и страданія.

— Грабители вы какіе-то,—процѣдила она сквозь зубы.

Лыткинъ испугался, видя, что она сердится, и заговорилъ шутливымъ тономъ:

— Что ты, что ты, Дашурочка! Мы тоже благородные люди, защитники... Да чѣмъ же мы хуже другихъ-то адвокатовъ? Законы мы знаемъ, бумаги писать умѣемъ. Да и

беремъ-то мы меньше: что дадутъ, беремъ. Тѣ-то, другіе-то, куда почище насъ; къ нимъ и не подходи съ гривенниками да пятаками. Къ нимъ, если ты нищъ, нагъ и босъ, лучше и носу не показывай. А мы все по простотѣ, по-старинному, кто сколько дастъ, по усердію и по средствамъ,— столько и беремъ. Вотъ тоже ты говорила и насчетъ пьянства, такъ это всѣ пьютъ, всѣ пьютъ: мы вотъ эту дешевку тянемъ, ну, они иностранными винами забавляются; мы это въ кабакахъ сидимъ, а они къ Борелямъ и Дюссамъ ѣдутъ. Это что!

Дочь молчала. Лыткинъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу и почесывая въ головѣ.

— Такъ какъ же, Дашенька?—пробормоталъ онъ.—Гривенникъ-то дашь?

Дочь безнадежно махнула рукою и быстро бросила на столъ мѣдныя деньги. Онѣ прокатились по столу и упали на полъ.

— Берите... все берите!—сурово проговорила она съ укоризной.—Надоѣла мнѣ эта жизнь. Хоть бы вы высыпались гдѣ-нибудь да домой приходили. А то и безъ того не сладко и еще вы тутъ въ пьяномъ видѣ являетесь. Теперь вонъ точно нищій унижаетесь, руки готовы лизать, а въ пьяномъ видѣ бушуете! Да я, кажется, на край свѣта бѣжала бы, чтобы этихъ безобразій не видать. Мнѣ что: я дорогу нашла бы! Брата мнѣ жаль, мать жаль!

Лыткинъ ползалъ по полу и дрожащими руками шарилъ по сырымъ доскамъ и собиралъ копейки.

— А меня-то, Дашенька, не жаль тебѣ? Старичка-то не жаль?—бормоталъ онъ плаксивымъ голосомъ.

— Чего вы передо мной эту комедію-то разыгрываете?— рѣзко перебила его дочь.—Развѣ я васъ не знаю? Дай вамъ власть да волю, не то вы запоете. Въ бараній рогъ гнуть станете!

— Грѣхъ тебѣ, Дашенька, грѣхъ!—жалобно упрекалъ ее отецъ, поднимаясь съ пола.

— Ступайте лучше! Не томите меня,—пробормотала она, отвертываясь въ сторону.

Лыткинъ потащился за фуражкой.

— Ну, иду, иду, Дашенька, — заговорилъ онъ торопливо.—Да ты не тужи, Дашечка. Я сейчасъ, я скоро... я полтинничекъ принесу.

— Ступайте ужъ!

X.

Лыткинъ еще не успѣлъ подойти къ двери, какъ она быстро распахнулась, и его чуть не сшибла съ ногъ плотная, раскраснѣвшаяся и покрытая потомъ женщина, въ яркомъ клѣтчатомъ платьѣ, въ пестромъ платкѣ, въ сбившейся на затылокъ во время поспѣшной ходьбы старомодной шляпкѣ оранжеваго цвѣта съ пучкомъ колебавшихся при малѣйшемъ движеніи цвѣтовъ. На одной рукѣ этой особы висѣлъ туго набитый сакъ-вояжъ, въ другой рукѣ она держала носовой платокъ подозрительной бѣлизны и поспѣшно отирала имъ обильно катившійся съ ея лоснящагося лица потъ.

— Ишь, чуть съ ногъ не сшибла!—проворчалъ Лыткинъ.

— Диво сшибить тебя съ ногъ!—огрызнулась посѣтительница, вздернувъ голову вверхъ и надвинувъ этимъ движеніемъ на голову сбившуюся на затылокъ шляпку.—Тебя и вѣтеръ-то съ пьяныхъ ногъ въ грязь валитъ.

— Ты, вѣрно, подносила?—сердито проговорилъ Лыткинъ.—Аспидъ!

— Стану я всякаго пьяницу угощать! — послышался отвѣтъ.

— Сама хороша!—не спустилъ ей Лыткинъ, переступая черезъ порогъ.

— Ужъ все лучше тебя-то!—крикнула она ему вслѣдъ.

Въ этихъ любезностяхъ не было ничего необыкновеннаго, такъ какъ ими обмѣнивались эти два лица при каждой встрѣчѣ. Они были связаны самыми тѣсными родственными узами, такъ какъ посѣтительница была родною сестрою Андрея Егоровича Лыткина. Кромѣ того, они были еще связаны, если не дружбою, не сердечнымъ влеченіемъ другъ къ другу, то сознаніемъ необходимости другъ для друга. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ Лыткинъ прибѣгалъ за деньгами къ Марьѣ Егоровнѣ, а такіе случаи бывали у него если не каждый день, то, по крайней мѣрѣ, черезъ день. Марья Егоровна, съ своей стороны, тоже прибѣгала къ своему брату, когда ей было нужно, чтобъ онъ ее «оправилъ передъ судомъ», въ чемъ случалась надобность если не каждую недѣлю, то черезъ каждыя двѣ недѣли. Когда наставали такія минуты, что братъ нуждался въ сестрѣ или сестра въ братѣ, то они встрѣчались еще привѣтливѣе и просящій предварительно исчислялъ всѣ вины и преступленія того, къ кому обращался съ просьбой, и только потомъ, послѣ самой ожесточенной перебранки, излагалъ свою

просьбу. Эти отношенія, повидимому, были какъ нельзя болѣе по сердцу обоимъ родственникамъ, по крайней мѣрѣ никто и никогда не слыхалъ, чтобы они говорили мирно, чтобы они поздоровались при встрѣчѣ, чтобы они не послали одинъ другому на прощанье обиднаго названія. Марья Егоровна Коптяева была вдова-«чиновница», т. е. она была когда-то замужемъ за писаремъ, получившимъ передъ смертью первый чинъ. Она была образована, т. е. она разбирала даже писанное, если только «крупно» написано, и умѣла подписывать «Маря Каптява». Будучи чиновницею и образованною женщиною, она была горда, т. е. кричала при каждомъ удобномъ случаѣ всѣмъ и каждому:

— Да ты знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь? Мужичка я необразованная, что ли?

По вслѣдствіе всего этого, своей чиновности, своей образованности и своей гордости, она была несчастна, а потому и либеральна. Несчастіе ея состояло въ томъ, что она не могла разбогатѣть, хотя она дѣлала для этого все, что могла. Когда-то она торговала яйцами и селедками, молокомъ и ягодами, мелочами въ родѣ нитокъ, иголокъ, пуговицъ и шелку, и крупными вещами, въ родѣ холста и ситцевъ; на Масленой и на Святой она содержала карусель у балагановъ и имѣла здѣсь лотокъ съ орѣхами и пряниками; на вербахъ она продавала мелкую «хрустальную» посуду, искусственные цвѣты, поплавки для лампадъ и вязанныя шерстяныя вещи; во всякое время года она занималась сватовствомъ, отдачею денегъ на проценты и... Впрочемъ, я стѣсняюсь перечислять всѣ роды занятій, которыми старалась Марья Егоровна добыть деньги. Къ несчастію, денегъ у нея все еще было мало, такъ какъ «Господь навязалъ ей» сначала на «ладанъ дышавшаго мужа», потомъ «наградилъ ее все дѣвками, одна одной хуже», далѣе «послѣднюю коровенку отнялъ», наконецъ, люди «брать берутъ, а отдать не думаютъ», «тотъ надуетъ, да другой проведетъ», такъ тутъ не разбогатѣешь. При такихъ обстоятельствахъ и при «горячемъ характерѣ» Марья Егоровна отрицала все, не вѣрила ни во что и выражалась иногда очень рѣзко. Эта рѣзкость выраженій и нѣкоторыя коммерческія аферы, въ родѣ продажи подгнившаго полотна за свѣжее, нерѣдко доводили Марью Егоровну до того, что брату приходилось «оправлять ее передъ судомъ», а такъ какъ при введеніи мировыхъ учрежденій въ судъ ее звали чаще и оправды-

ваться было труднѣе, то она при каждомъ удобномъ случаѣ кричала:

— Да какіе у насъ порядки? Шкуру съ тебя только драть умѣютъ, а ты и пикнуть не смѣй.

Пославъ послѣднее бранное слово вслѣдъ удалявшемуся Лыткину, Марья Егоровна быстро подошла къ Дашѣ и, чмокнувъ ее на-лету вмѣсто щеки въ носъ, обратилась съ обычномъ своимъ вопросомъ:

— Ну, что, какъ у васъ тутъ дѣла?

— Ничего,—сухо проговорила Даша.

— Знаю, знаю,—перебила ее, не слушая, Марья Егоровна.—Дѣла какъ сажа бѣла. Сегодня пальцемъ закусывали, вчера крестами насытились. А фельдшеръ былъ?

— Не былъ,—односложно пробормотала Даша.

— Ишь, подлецъ! Отвиливаетъ. Да нѣтъ, я ужъ его женю. Онъ у меня не уйдетъ. И чѣмъ ты ему не невѣста? Денегъ нѣтъ, ну, такъ лицомъ вышла. Ишь какая!

Марья Егоровна быстрымъ движеніемъ руки подняла за подбородокъ голову Даши, какъ торгаши поднимаютъ матерію, чтобы полюбоваться ея рисункомъ, и потомъ махнула рукою.

— Съ такими глазищами, я не знаю, чего бы я не добыла,—проговорила она.—Машка-Соловей и не такой еще нищей была, а теперь въ коляскахъ разъѣзжаетъ да свои помѣстья имѣетъ...

— Что же мнѣ, торговать собою идти, что ли?—проговорила Даша.

— Ахъ, мать, невидаль какая!—воскликнула Марья Егоровна.—Не захочешь поколѣвать съ голоду, такъ и собою торговать станешь. Нечего продавать, такъ и себя продашь. Да тебѣ и этого не нужно. Выйдешь замужъ за фельдшера,—будетъ чѣмъ жить.

— Не пойду я за него,—рѣшительно проговорила Даша.

— Да ты съ ума сошла, что ли? — воскликнула Марья Егоровна.

— Что пользы-то, если выйду?—опустила работу Даша.—Ну, сама я не помру съ голоду, а семья-то что станетъ дѣлать? Легче будетъ ей? Поможетъ онъ-то матери, Васѣ?..

— Да ты о своей шкурѣ-то думай, свою избу почини, чтобы она не капала, а то сама подъ открытымъ небомъ стоишь, а чужую крышу крыть собираешься,—внушительно заговорила Марья Егоровна и въ сердцахъ надвинула движеніемъ головы опять свалившуюся на затылокъ шляпку.

— Вамъ, можетъ-быть, чужіе моя мать и мой братъ, а мнѣ они свои,—со вздохомъ проговорила Даша.

— Такъ ужъ ты не думаешь ли такого жениха сыскать, который разомъ женится и на тебѣ, и на всѣхъ твоихъ родственникахъ? Нечего сказать, малаго захотѣла!

Даша не отвѣчала.

— Нѣтъ, вижу я, что изъ васъ пути не выйдетъ!—кричала Марья Егоровна.—И мать-то твоя всегда была рохлей, и отецъ-то твой деньгу не умѣлъ прикопить, и братъ-то растетъ дармоѣдомъ. Такъ вотъ и ты съ ними ошалѣлою какою-то стала. Да другая бы на твоемъ мѣстѣ плюнула бы на нихъ и ушла бы.

— Уйти-то куда?—съ горечью спросила Даша.

— Да куда глаза глядятъ: ко мнѣ, къ чужимъ людямъ, на улицу.—Въ твои годы да съ твоимъ лицомъ съ голоду не умираютъ. А вы какъ пни какіе, какъ колоды лежите, ну, а подъ лежачій камень и вода не течетъ.

— Ну, и оставьте насъ, если мы такіе,—пожала плечами Даша.—Вѣдь вы каждый разъ только затѣмъ и приходите, чтобы выругать насъ всѣхъ...

— А зачѣмъ же мнѣ и ходить-то къ вамъ, какъ не ругаться съ вами?—развела руками Марья Егоровна.—Корысть мнѣ отъ васъ какая есть, что ли? Угощенье для меня у васъ приготовлено, нѣшто? Или обчество благородное я у васъ встрѣтить могу? Ругаться, ругаться я къ вамъ иду, потому что смотрѣть мнѣ на васъ тошно. Я и тамъ, я и здѣсь, я и мытьемъ, я и катаньемъ грошъ стараюсь добыть, а вы... Тьфу, не смотрѣла бы я на васъ!

Даша готова была сказать: «и не смотрите», но не успѣла. Марья Егоровна перескочила уже къ другой темѣ.

— А ты лучше, чѣмъ обиды на теткѣ считать, приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ,—проговорила она, понизивъ голосъ и искоса взглянувъ на дверь.

— Зачѣмъ?—съ удивленіемъ спросила Даша.

— Дѣльцо одно, можетъ, сладимъ,—потрепала ее по плечу тетка.—Ишь вѣдь мордашка-то какая,—сальнымъ тономъ произнесла она, снова поднявъ за подбородокъ голову Даши.—Другой подумаетъ, что, какъ французенки, подвела рѣсницы. И волосы тоже, какъ есть самаго модиѣйшаго колера и вѣдь, ишь ты, отъ самаго корня волнуются, точно шелчинки, изъ крученаго шелка выдернутыя.

Марья Егоровна потрогала рукою свѣтло-пепельные, точно

гофрированные волосы Даши и пробормотала какъ бы въ раздумьи:

— Наклюнется, какъ не наклюнуться.

Потомъ она быстро, словно очнувшись, надвинула съ затылка свою шляпу и скороговоркой пробормотала:

— Заболталась съ тобой, а еще по сосѣдству надо. Сегодня у пятыхъ жильцовъ въ этомъ домѣ. Салопъ свой надо захватить сверху у Леонтьевыхъ, у нихъ его оставила. Тамъ ужъ, поди, мой и кофей-то простылъ. Такъ смотри, сегодня приходи непремѣнно.

Марья Егоровна снова чмокнула на ходу племянницу и исчезла. Вообще она вездѣ проносилась, какъ буря: ворвется въ домъ, нашумитъ, намутитъ и скроется, не остановивъ ни на минуту своего языка, не присѣвъ спокойно на стулѣ, не давъ никому времени одуматься. Она даже не имѣла обыкновенія выслушивать отвѣты тѣхъ, кому дѣлала свои предложенія, и потому сватала невѣстъ тѣмъ, которые не имѣли никакого желанія жениться, оставляла куски полотна тому, кто совсѣмъ не хотѣлъ шить себѣ новаго бѣлья, и требовала настойчиво обѣщанной награды за услугу у тѣхъ, кто не только не обѣщалъ этой награды, но даже и не требовалъ этихъ услугъ. Вообще она напоминала человѣка, неожиданно собравшагося въ путь и пріѣхавшаго съ десяткомъ сакъ-вояжей и чемодановъ на желѣзную дорогу ко второму звонку: онъ долженъ заплатить извозчику, не находя мелкихъ денегъ, онъ долженъ отдать носильщику вещи, хотя носильщиковъ уже нѣтъ на подъѣздѣ, онъ долженъ взять себѣ билетъ на проѣздъ, не находя бумажника, который онъ отдалъ впопыхахъ кому-то изъ провожающихъ его родныхъ, онъ долженъ бѣжать сдавать багажъ, слыша крики, что пора садиться, и въ это время ему вспоминается, что нужно отдать приказанія по хозяйству своей семьѣ, и чего-нибудь «перехватить», такъ какъ его тошнитъ отъ голода, а его, между тѣмъ, толкаютъ, торопятъ, задерживаютъ и сбиваютъ съ толку. Онъ сбился съ ногъ, отдавилъ всѣмъ и каждому мозоли, поругался и съ бѣгущими пассажирами, и съ извозчиками, и съ кассиромъ, онъ на лету поцѣловалъ въ глазъ свою жену, поцѣловалъ вмѣсто отцовской руки руку посторонняго провожатаго, захватилъ чей-то дамскій зонтикъ и вытеръ крупныя капли пота новыми лайковыми перчатками, но зато какъ онъ будетъ счастливъ, если ему удастся ворваться въ вагонъ и сѣсть чуть не на колѣни къ какой-нибудь толстой помѣщицѣ именно въ ту

минуту, когда жандармы готовы были оттащить его для его же собственнаго спасенія отъ тронувшагося въ путь поѣзда!..

XI.

Даша не могла тотчасъ же приняться за работу послѣ удаленія тетки. Прошумѣвшая буря взволновала ее. «Наклонется, непремѣнно наклонется» — эти слова еще звучали въ ушахъ молодой дѣвушки и вызывали на ея щекахъ румянецъ. «Продать первому встрѣчному готова,—думалось ей.—И то, сказать, когда продавать нечего, такъ и себя продашь»,—опять звучали въ ея ушахъ слова тетки. Она окинула глазами свою комнату, какъ бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли у нихъ уже нечего продавать, хотя она очень хорошо знала, что у нихъ уже продано все, за что можно было получить деньги.

Эта комната походила на погребъ, изъ котораго вынесли все, кромѣ хлама. Она была проходная, съ однимъ окномъ, съ низкими сводами. Единственное окно комнаты находилось наполовину ниже земли и прямо выходило на помойную яму, отдѣленную отъ него узкимъ переулкомъ. Въ комнатѣ было постоянно сыро и царствовала полутьма. Стѣны, выкрашенныя когда-то сѣрою краскою, давно мѣстами облупились, мѣстами почернѣли. Подъ потолкомъ тянулся желѣзный рукавъ отъ «чугунки», стоявшей въ комнатѣ квартирохозяевъ. Некрашенный столъ у окна, два такихъ же табурета около него, источенная червями сосновая кровать у противоположной стѣны и сундукъ съ отбитой крышкой—составляли всю мебель комнаты. На сундукѣ лежало какое-то грязное, отвратительное тряпье, служившее постелью и покрывалами для семьи. На стѣнахъ были наклеены вырванныя изъ книгъ иллюстраціи и модныя картинки, сильно засиженныя мухами. Нѣкоторыя картинки относились къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, другія хотя и были болѣе поздняго происхожденія, но давно пришли въ ветхость и уцѣлѣли только наполовину, третьи были наполовину заклеены новыми. Подъ нѣкоторыми были разнообразныя подписи. Подъ одной, изображавшей двухъ дерущихся человѣкъ, было написано: «два дурака дерутся, а третій смотритъ». Подъ другой, изображавшей господина въ чалмѣ, значилось: «турка». Подъ третьей, изображавшей митрополита Амвросія, былъ написанъ длинный счетъ бѣлья. На четвертой, изображавшей модницу былыхъ временъ, чернилами были пририсованы

къ изображенію нарядной барыни бакенбарды и усы. Кромѣ слѣдовъ, оставленныхъ на этихъ художественныхъ произведеніяхъ мухами, виднѣлись на нихъ и слѣды раздавленныхъ клоповъ. Видно было, что картины наклеивались на стѣны разными поколѣніями, разными семьями жильцовъ. Даша не безъ горечи окинула глазами весь этотъ хламъ и, со вздохомъ махнувъ рукою, снова принялась за работу, точно желая забыть за нею горькую дѣйствительность.

Дѣвушкѣ невольно вспомнилось ея недавнее прошлое. Оно было вовсе не похоже на ея настоящее. Семейство Лыткиныхъ дошло до крайней степени нищеты очень быстро, очень неожиданно. Еще лѣтъ пять или шесть тому назадъ Лыткинъ состоялъ на службѣ, нанималъ квартиру въ три комнаты, платилъ въ пансіонъ за Дашу, и если не могъ откладывать грошей на черный день, то все же могъ сводить концы съ концами. Даша жила какъ родная въ семьѣ начальника отца. Неожиданная перемѣна начальника и убавка штатныхъ чиновниковъ лишили Лыткина мѣста. Семьѣ пришлось сократить расходы: двѣ комнаты были отданы въ наемъ жильцамъ, потомъ Даша была отдана въ магазинъ учиться швейному мастерству, отецъ семейства началъ искать частной работы. Кое-какъ провели годъ или два, но, наконецъ, пришлось отказаться и отъ такой жизни: мебель была продана за долги, и Лыткинымъ пришлось нанять небольшую комнату отъ жильцовъ. Въ этой комнатѣ семья прожила пять или шесть мѣсяцевъ и была изгнана квартирною хозяйкой за неплатежъ денегъ. Пришлось искать еще болѣе дешевое помѣщеніе. Оно было найдено въ подвалѣ одного изъ большихъ каменныхъ домовъ въ Спасской улицѣ, близъ Сѣнной. Для того, чтобы достигнуть до этой конуры, нужно было пройти два двора, завернуть около помойной ямы на обломанную лѣстницу, спускавшуюся внизъ, пробраться по вѣчно сырому подвальному коридору и, отыскавъ ощупью дверь, миновать темную кухню, въ которой жило трое жильцовъ. За этою кухнею слѣдовала комната Лыткиныхъ. Какъ измѣнилась обстановка этой семьи, такъ измѣнились и сами ея члены. Покуда у Лыткиныхъ была мебель, они могли отдавать комнаты жильцамъ; когда не стало мебели, имъ пришлось самимъ нанять комнату отъ жильцовъ: эта комната была еще сносною, покуда у нихъ была порядочная одежда, но когда они дошли до ношенія на себѣ лохмотьевъ, ихъ не стали пускать въ порядочныя комнаты, и они пріютились въ подвалѣ. Лыткинъ, ловкій и хит-

рый крючкотворъ-взяточникъ стараго закала, любившій кутнуть съ товарищами, послѣ отставки сдѣлался ходатаемъ по дѣламъ: покуда у него была порядочная одежда, онъ ловилъ кліентовъ въ одномъ изъ большихъ трактировъ, гдѣ собирались купцы; но чѣмъ болѣе протирался его сюртукъ, тѣмъ ниже спускался онъ, тѣмъ менѣе довѣряли ему богатые кліенты и, наконецъ, онъ, превратившись въ лохмотника, спустился до кабака, гдѣ уже ловилъ только мужиковъ въ кліенты; прилично одѣтый Лыткинъ могъ самъ посѣщать суды и департаменты, Лыткинъ-оборванецъ могъ только строчить просьбы въ кабакѣ. Его жена сначала шила бѣлье, но когда она стала похожа на нищую, ей не стали довѣрять шитья, къ ней не стали являться заказчики, и она начала заниматься поденною стиркою бѣлья. Даша, посѣщавшая пансіонъ, стала стыдиться подругъ, являясь въ училище оборванною, и начала выслушивать упреки начальницы за неряшливость; наконецъ, нечѣмъ стало и платить за нее, пришлось отдать ее въ модный магазинъ въ ученье, но и здѣсь явились требованія хозяйки-француженки, чтобы дѣвушка была чисто одѣта, такъ какъ магазинъ, по словамъ его хозяйки, былъ не нищенскій комитетъ; два-три посѣщенія полупьянаго оборванца Лыткина къ дочери довели хозяйку до того, что она отказала Дашѣ, говоря, что ея отецъ похожъ на вора и что опасно допускать его въ мастерскую. Десятилѣтній Вася изъ порядочнаго мальчика превратился въ уличнаго мальчишку, когда вмѣсто курточки на немъ появилась женская куцавейка. Чѣмъ болѣе убавлялось количество одежды Лыткиныхъ, тѣмъ менѣе шансовъ являлось у нихъ для пропитанія. Семья дошла до того, что большую часть времени она должна была проводить дома, потому что для выходовъ изъ дома женщинамъ приходилось занимать салопы и бурнусы, такъ какъ своей верхней одежды у нихъ не было, если не считать разорванную и грязную куцавейку самой Лыткиной, подбитую грязною ватою, едва прикрытою сѣрымъ коленкоромъ. У мальчика не было ни куртки, ни сюртучка, ни пальто, ни шинели; онъ обладалъ только женскою кофтою, изъ которой клочьями висѣла вата. Отлучался изъ дома на цѣлые дни только самъ Лыткинъ: этихъ отлучекъ требовали его «дѣла», и онъ не замѣчалъ, что при зимнихъ холодахъ было не особенно удобно щеголять въ одномъ сюртукѣ съ продранными локтями, съ пятью пуговицами. Даша съ горечью сознавала, что ея семья дошла теперь до того положенія, изъ котораго выходъ могъ сдѣ-

латься только случайно, неожиданно. Выбиться изъ этой колеи на иную дорогу при помощи разумныхъ усилій не было возможности. Но неужели же согласиться на гнусныя предложенія тетки? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. А братъ? что будетъ съ нимъ, если дѣла будутъ идти по-старому? Даша задумалась о братѣ и вдругъ очнулась, услышавъ его, знакомые ей, топочущіе шаги. Онъ появился въ дверяхъ, запыхавшійся, въ своей женской кофтѣ, въ разорванной фуражкѣ, раскраснѣвшійся отъ скорой ходьбы. Даша взглянула на него съ любовью.

— А вотъ и я!—весело проговорилъ онъ.

— Ты гдѣ это былъ?—спросила она.

— Я, Даша, далеко ходилъ,—отсюда не видать,—бойко отвѣтилъ мальчуганъ.—Вотъ три ватрушки досталъ... Ты вѣдь сегодня еще не ѣла...

Даша посмотрѣла на него съ удивленіемъ, опустивъ на колѣни шитье.

— Гдѣ ты досталъ? Откуда ты взялъ деньги?—поспѣшно спросила она.

— У меня... у меня были деньги,—замялся мальчуганъ.

Даша нахмурилась и рѣзко проговорила:

— Ты лжешь! Откуда у тебя могли быть деньги?

— У меня...—началъ мальчикъ.

— Смотри мнѣ прямо въ глаза,—перебила его сестра:—у тебя не было денегъ.

Братишка молчалъ.

— Вѣдь я знаю, что у тебя не могло быть денегъ,—настаивала сестра.—Если бы онѣ у тебя были, ты мнѣ бы ихъ отдалъ или купилъ бы хлѣба, а не ватрушекъ...

— Мнѣ хотѣлось...—въ смущеніи пробормоталъ мальчуганъ.

— Не лги, не лги!—опять перебила его она.—Говори, гдѣ ты взялъ? Христа ради выпросилъ?

— Нѣ-ѣтъ...

— Такъ какъ же?

— Старуха тамъ старая... старая такая...—началъ Вася сквозь слезы и не могъ продолжать.

— Ну, ну?—торопила его сестра.

— Сидитъ за лоткомъ,—захныкалъ братъ:—у нея мальчуганъ на рукахъ...

— Да не тяни за душу!—нетерпѣливо воскликнула молодая дѣвушка.—Говори, что было.

— Я подошелъ... говорю: почемъ ватрушки?.. Она едва шамкаетъ: по три копейки...

— Ну?

— Ну, я вижу, что и голоса у ней нѣтъ... и бѣжать она не можетъ...

— И что же, что же дальше-то?

Мальчикъ потупился и хмуро отвѣтилъ:

— Я и взялъ три ватрушки... тебѣ, матери, себѣ...

— Укралъ! укралъ!—всплеснула руками Даша.—Этого недоставало!.. И сообразилъ все, и все уладилъ, точно настоящій воръ! Умъ-то зачѣмъ тебѣ Богъ далъ! Лучше бы ты дуракомъ родился!

— Ты вотъ не ѣла утромъ,—шепталъ мальчикъ.—И вчера вечеромъ не ѣла...

— Ну, такъ что же, что не ѣла! Ну, и умерла бы съ голоду!—рѣзко проговорила она.

— Даша!—воскликнулъ онъ молящимъ тономъ.

— Да, да, и умерла бы съ голоду, а все-таки не со стыда, не съ горя бы умерла, что у меня братъ воришкой сталъ,—страстно проговорила она.—Вѣдь это послѣднее, послѣднее дѣло. Ты пойми: лучше петлю на шею надѣть, лучше въ воду кинуться, чѣмъ быть воромъ, чѣмъ другихъ грабить. Ты въ воду бросишься—ты себя загубишь этимъ, а воромъ станешь—и себя загубишь, и другихъ загубишь,—горячо и внушительно объясняла она ему, какъ бы стараясь, чтобы ея слова врѣзались ему въ память.—И у кого ты укралъ: старуха безпомощная съ ребенкомъ сидѣла, а ты и радъ, что она не можетъ бѣжать за тобой, не можетъ крикнуть: «держите его, добрые люди!» Ты бы хоть подумалъ, что она, можетъ-быть, голодная...

Даша заходила по комнатѣ.

— У нея, Даша, ватрушекъ еще много,—наивно сообразилъ мальчикъ.

— Много, много!—остановилась передъ нимъ сестра.—Что-жъ изъ этого? Вѣдь ты не видѣлъ, чтобы она ихъ ѣла? А?.. Она на продажу ихъ вынесла, а можетъ быть у нея, у ея внучонка маленькаго маковой росинки во рту не было. Ты бы подумалъ хоть то, что вотъ ты рубашки на тѣлѣ не имѣешь, а у матери корзины съ бѣльемъ ломятся. Да развѣ это наше бѣлье? Можетъ-быть, и у этой старушки куска хлѣба нѣтъ и еще тяжелѣе ей голодать,—голодать, сидя надъ ѣдою... Злой, злой ты мальчишка!

Она оттолкнула его отъ себя. Мальчуганъ расплакался.

— Даша... я отнесу... а я не думалъ... Я для тебя,—всхлипывалъ онъ.

— Для меня воровского не нужно... На, возьми гривенникъ, отдай ей... скажи: забылъ, тетушка, деньги отдать.*

Она торопливо вынула изъ кармана деньги и отдала брату.

— Даша, ты не сердись,—потупившись молилъ мальчуганъ.

— Ну, иди, иди скорѣе!—отвернулась отъ него сестра, стараясь скрыть слезы.

— Я тебя пожалѣлъ, Даша,—шепталъ онъ.

— Вотъ ты и жалѣй меня, и береги тѣмъ, что будь честнымъ, воромъ не будь!.. Иди же.

Она готова была разрыдаться.

Мальчикъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Даша осталась одна и не могла приняться за работу. «Этого только недоставало, — думалось ей. — Недоставало, чтобы онъ воришкой сдѣлался, въ тюрьму угодилъ. Да чѣмъ ему и быть, какъ не уличнымъ воришкой? Сегодня голоденъ, завтра голоденъ,—ну и украдетъ! И что я-то могу противъ этого сдѣлать? Чѣмъ я помочь могу? Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не права ли тетка, не продать ли себя и на эти деньги образовать его? Но если я уйду отсюда, чего онъ безъ меня насмотрится здѣсь? Кто ему доброе слово скажетъ?»

XII.

Даша ходила въ мучительномъ раздумьи и даже не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ кошачьей походкой старый и сгорбленный, смотрѣвшій исподлобья господинъ, съ сухой и угрюмой физіономіей, съ нависшими густыми бровями, съ маленькимъ, плоскимъ лбомъ, надъ которымъ топорщились жесткіе черные волосы, начинавшіе сѣдѣть. Онъ шелъ неслышно, точно крадучись, по комнатѣ, и не смотрѣлъ, а высматривалъ, точно подстерегалъ кого-то, точно старался кого-то накрыть врасплохъ. По его сильно заношенной одеждѣ трудно было опредѣлить его общественное положеніе.

— Не здѣсь ли живутъ Лыткины?—спросилъ онъ глухимъ, гробовымъ голосомъ.

Даша вздрогнула и обернулась.

— Здѣсь. Что вамъ угодно?—проговорила она.

— Я попечитель... отъ общества «защиты бѣдныхъ» попечитель, Меѳодій Мироновичъ Мафусаиловъ...—проворчалъ онъ.—Вы кто?

— Я дочь Андрея Егоровича Лыткина,—отвѣтила Даша.

— Такъ, такъ!.. — проговорилъ Мафусаиловъ, высматривая комнату.—Работой изволите заниматься?

— Какъ видите: шью.

— Такъ, такъ! Шьете. Помогаете матушкѣ. Это хорошо. Трудиться въ ваши годы и Господь Богъ велѣлъ. Помогайте!

— Ужъ какая моя помощь!—вздохнула Даша.

— Все же, все же-таки помогаете,—настойчиво произнесъ старикъ.—Курочка по зернышку клюетъ. Копейка къ копейкѣ, глядишь—и рубль выйдетъ...

— Копеекъ-то этихъ такъ мало, что рублей не выходитъ,—отвѣтила Даша.

— Нужно и малымъ довольствоваться! Нынче времена тяжелыя, ни у кого многаго нѣтъ, всѣ живутъ помаленьку, помаленьку... А роптать не слѣдуетъ, потому что всякую долю Богъ посылаетъ. Нынче безбожіе вездѣ, такъ ропщутъ. Вы учились гдѣ-нибудь?

— Училась въ пансіонѣ,—отвѣтила Даша.

— Ну да, ну да!—покачалъ головой старикъ.—Такъ и зналъ. Идеи все, идеи! Богъ все не такъ дѣлаетъ, несправедливо! Безбожники!..

Онъ еще болѣе сдвинулъ брови и, пристально взглянувъ на Дашу ястребинымъ взоромъ, отрывисто спросилъ:

— Гдѣ же ваша матушка?

— Въ прачечной... стираетъ,—отвѣтила смущенная его взглядомъ Даша.

— На сторону, вѣрно?

— Да.

— Ну, пошли ей Господь силы!—набожно произнесъ Меѳодій Мироновичъ.—Богъ труды любитъ. Есть много такихъ, которые и работать не могутъ... У васъ и батюшка живъ?

— Живъ.

Мафусаиловъ осмотрѣлся, какъ бы желая отыскать, гдѣ скрылся отецъ Даши.

— А гдѣ же онъ?—спросилъ старикъ.

— Онъ... Онъ пошелъ работы искать,—смутилась Даша.

— А я думалъ, что онъ параличомъ разбитъ.

— Нѣтъ.

Мафусаиловъ копотливо досталъ изъ кармана сложенную вчетверо бумагу, неспѣшно надѣлъ на кончикъ носа pince-nez, поднялъ брови и, устремивъ внизъ глаза, проговорилъ:

— А въ просьбѣ тутъ вотъ написано: «больной мужъ»...

Даша вся вспыхнула и потупилась.

— Да... то-есть... онъ часто хвораетъ, но теперь онъ здоровъ,—прошептала она.

Мафусаиловъ снова аккуратно сложилъ бумагу, бережно спряталъ ее въ боковой карманъ, осторожно снялъ pince-

nez и, сложивъ его, спряталъ въ жилетный карманъ и замѣтилъ:

— Ну и прекрасно, и прекрасно! Видите, Богъ все къ лучшему дѣлаетъ. Всѣ здоровы, всѣ работаютъ. Вотъ въ просьбѣ матушка ваша писала, что всѣ вы больны, что безъ куска хлѣба сидите, а теперь и здоровы, благодареніе Богу, стали, и сыты.

— Мы?.. сыты?..—вырвалось изъ груди Даши болѣзненное восклицаніе.

— Да. Вотъ ватрушечки даже у васъ здѣсь... лакомство...—произнесъ Мафусаиловъ, указывая на три лежавшія на столѣ ватрушки.

— Если бы вы знали!—воскликнула Даша и остановилась.

— Что?—спросилъ старикъ.

— Нѣтъ... Я такъ,—стиснула она зубы.—Да, ватрушки!.. Да, мы сыты... Завтра опять, быть-можетъ, будемъ голодны...

Она стояла растерянная, смущенная, унавшая духомъ.

— Не надо отчаиваться! Отчаиваться не надо!—наставительно проговорилъ старикъ.—Всѣ съ малаго начинаютъ. Роптать грѣшно! Это идеи, духъ непокорности и возмущенія! Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Здѣсь худо, тамъ будетъ хорошо! Старикъ указалъ на потолокъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла Аделаида Александровна и, остановившись на порогѣ, окинула взоромъ подвальное жилище. Она была взволнована. Неизвѣстно, волновала ли ее пришедшая ей въ голову мысль о томъ, что и она можетъ кончить подобной трущобой, или смущала ее картина этой дѣйствительно потрясающей нищеты.

— Ахъ, Боже мой, въ какой трущобѣ вы живете!—обратилась она къ Дашѣ.—Вы, вѣроятно, дочь госпожи Лыткиной?

— Да,—отвѣтила Даша.

— Очень рада познакомиться!

Аделаида Александровна протянула молодой дѣвушкѣ руку. Даша совсѣмъ растерялась.

— Я отъ Марьи Петровны,—продолжала Муратова и, еще разъ обведя глазами комнату, увидала Мафусаилова, состоявшаго членомъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій и зорко слѣдившаго за законнымъ исполненіемъ этими обществами всѣхъ параграфовъ устава.—А, Меѳодій Мироновичъ! Вы какъ здѣсь?—спросила она, бросивъ на него недружелюбный взглядъ.

— Отъ общества «защиты бѣдныхъ»,—отвѣтилъ онъ.—

Они, вѣрно, въ два общества разомъ подавали. Можетъ-быть, еще и въ «общество дешевыхъ квартиръ», и въ «человѣколюбивое» писали. Должно-быть, промышляютъ этимъ...

— Ахъ, не вѣрьте, не вѣрьте! воскликнула Даша. — Матушка въ первый разъ это сдѣлала... Я не хотѣла, я отговаривала ее...

Аделаида Александровна поняла всю искренность этого восклицанія и замѣтила съ лаской:

— Не волнуйтесь, дитя! Что-жъ за бѣда, что вы подали просьбы разомъ въ два или три общества?.. Вы вѣчно, Меѳодій Мироновичъ, со своими подозрѣніями, а еще толкуете о христіанской любви...

— Да, къ бѣднымъ, къ бѣднымъ, а тутъ не истинная бѣдность,—заговорилъ старикъ.—Вотъ они всѣ здоровы, всѣ трудятся...

— Если бы вы знали, что приноситъ нашъ трудъ!—произнесла Даша.

— Знаю, знаю,—вздохнула Аделаида Александровна.— Вотъ вы тутъ шьете грошовую работу. На это нельзя жить. Кромѣ того, я слышала, вашъ отецъ пьетъ...

Даша покраснѣла и потупилась.

— Къ несчастію, пьетъ иногда,—прошептала она.

— Вотъ видите, еще и пьетъ,—проговорилъ Мафусаиловъ.—На кабаки денегъ не напасется ни одно благотворительное общество.

— Ну и прекрасно, и берегите деньги своего общества для раздачи грошей престарѣлымъ старушонкамъ,—взволновалась Аделаида Александровна.—Поддерживайте тунеядцевъ...

— И старушки хотятъ жить, Аделаида Александровна, и старушки хотятъ жить,—почти прошипѣлъ Мафусаиловъ.— Я знаю, у васъ такъ же, какъ у Марьи Петровны, взгляды, идеи! Молодежь поддерживать, на старость рукой махать!.. Проститутокъ спасать хотите!.. Что-жъ, посмотримъ, до чего доведетъ это ваше общество. Я молчу, я молчу, но я гляжу. Кому у насъ помогаютъ: учащимся, ищущимъ работы, падшимъ, а просьбы старушекъ, старичковъ бросаютъ, оставляютъ безъ вниманія. Въ уставѣ этого нѣтъ, въ уставѣ нѣтъ!

Старикъ говорилъ прерывистымъ, взволнованнымъ отъ злобы голосомъ.

— Ну, и идите къ своимъ старичкамъ и старушкамъ,— воскликнула Муратова.—Ужъ гдѣ вамъ понять задачи истинной филантропіи. Да, она состоитъ не въ раздачѣ грошей,

а въ поддержаніи человѣка трудящагося, молодого. Мы не объ отжившихъ вѣкъ должны думать, для нихъ есть богадѣльни, мы должны поддерживать молодежь, тѣ силы, которыя могутъ быть полезны обществу и которыя безъ поддержки сдѣлаются бременемъ общества.

Казалось, что въ эту минуту устами Муратовой говорила сама Марья Петровна.

— Я молчу, я молчу, но не соглашаюсь,—шипѣлъ старикъ.—И старушки жить хотятъ.

— Ахъ, намъ нѣтъ никакого дѣла до ихъ желаній!—раздражительно замѣтила Аделаида Александровна.—И саранча хочетъ жить, такъ не обязана же я ее поддерживать. Да что съ вами толковать, вы никогда не понимали цѣли того общества, которое создано Марьей Петровной... Дитя мое, обратилась она къ Дашѣ,—я пришла къ вамъ съ доброю вѣстью. Я обдумала ваше положеніе и рѣшилась, что самое лучшее—помѣстить васъ куда-нибудь на выгодное мѣсто швеей... Правда, наше общество трудно вразумить въ этомъ случаѣ. Оно такъ полно предразсудковъ, наши барыни отдаютъ предпочтеніе простымъ горничнымъ и швеямъ передъ благородными. Конечно, это отчасти оправдывается нашими варварскими нравами, нашимъ грубымъ обращеніемъ съ низшими, что мы боимся благородныхъ слугъ. Они заставляютъ насъ быть сдержаннѣе. Но я все-таки надѣюсь на успѣхъ. Покуда я возьму васъ къ себѣ швеей!—попробуйте шить мнѣ домашнія платья. Это будетъ для васъ подготовительная школа, а потомъ мы пріищемъ и болѣе выгодное мѣсто.

Даша, оглушенная цѣлымъ потокомъ безсодержательныхъ фразъ, едва могла проговорить:

— Благодарю васъ... Но у меня семья...

— И прекрасно,—перебила ее Муратова:—вы освободитесь отъ пьянаго отца, отъ невѣжественной матери, отъ грязной среды. Вы не будете прозябать въ этомъ углу. Вы будете свободнѣе, самостоятельнѣе. Я понимаю, какъ тяжело должны дѣйствовать эта заѣдающая среда, эти семейныя сцены, эти вѣчные попреки, это непроходимое невѣжество... Вѣдь вы немного образованы, читали кое-что...

— Да, но это все забывается,—отвѣтила Даша, не успѣвшая придти въ себя отъ этого набора трескучихъ фразъ.

— Вотъ видите!—воскликнула Муратова.—И что-жъ мудренаго? Ваша матушка, кажется, женщина совсѣмъ нераз-

витая, привыкшая унижаться. Вамъ должно-быть тяжело смотрѣть на это паденіе женской личности...

Мафусаиловъ, нахмуривъ брови, покачивалъ головой и поднялъ глаза къ потолку, точно мысленно моля о прощеніи грѣховъ Аделаиды Александровны.

— Я привыкла,—отвѣтила Даша.

— Да, да, это горькое слово: дѣйствительно, ко всему можно привыкнуть,—вздохнула Муратова, вспомнивъ о своей супружеской жизни:—но здѣсь-то и лежитъ начало гибели... Васъ нужно вырвать отсюда.

— Но у меня братъ!—тихо сказала молодая дѣвушка.

— Да, я не забыла, — отвѣтила Муратова. — Мнѣ говорили. Покуда для него я ничего не могу сдѣлать. Но, получивъ у меня мѣсто, вы будете въ состояніи помогать ему, дать ему хотя какое-нибудь образованіе, отдать его въ гимназію.

— Въ мастеровые бы его лучше, — вставилъ Мафусаиловъ.—Научился бы сапожничать или портняжить и имѣлъ бы кусокъ хлѣба.

— Кусокъ хлѣба, — разсердилась Муратова. — Да развѣ при нынѣшнемъ положеніи механическаго труда можно говорить о кускѣ хлѣба сапожника или столяра?

— Живутъ, живутъ!—вздохнулъ старикъ, снова возводя глаза къ потолку.

— Знаю, что живутъ, но какъ? Вѣдь и нищіе тоже живутъ. Но вѣдь не посовѣтуете же вы ему жить милостыней?

— Молодъ еще, въ потѣ лица своего долженъ человѣкъ добывать хлѣбъ свой, пока силы есть.

— Что вы мнѣ говорите! Людямъ нужно дать образованіе, дать этотъ капиталъ, который послѣ принесетъ проценты, достаточные для разумной и честной жизни.

— Да гдѣ же ему классическую-то гимназію пройти?

— Что же вы думаете, что онъ долженъ быть глупѣе и тупѣе нашихъ дѣтей, если онъ бѣднѣе ихъ? Отжили вы, Меѳодій Мироновичъ, со своими предразсудками. Знаете ли вы, что этотъ мальчикъ, можетъ-быть, будетъ великимъ общественнымъ дѣятелемъ, будетъ защитникомъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, тогда какъ наши дѣти, можетъ-быть, выйдутъ праздными шалопаями и дармоѣдами?

— Господь милосердъ и Давиду далъ силу убить Голіаѳа пращнымъ камнемъ... Но я только насчетъ того, что учиться ему трудно будетъ этимъ классическимъ наукамъ здѣсь въ углу. Вотъ отецъ пьяный мѣшать будетъ, мать своими жа-

лобами развлекать станетъ... Не для бѣдняковъ классическія-то гимназіи устроены. И наши-то дѣти, съ приватными учителями, съ протекціями, обрываются на экзаменахъ.

— Чѣмъ большимъ трудомъ купится побѣда, тѣмъ лучше,— проговорила Муратова и тихо обратилась къ Дашѣ. — Вы не слушайте, дитя, этого господина. Это — человѣкъ старыхъ понятій.

— Да... но я... боюсь, что они отчасти правы,—прошептала Даша.

— Развѣ вашъ братъ тупъ и лѣнивъ? — изумилась Муратова.

— Онъ очень уменъ и прилеженъ, — отвѣтила Даша.— Но какъ же я его оставлю здѣсь? Какой же примѣръ будетъ у него на глазахъ? Нужда будетъ все та же, жизнь не измѣнится. Онъ будетъ обучаться въ гимназіи и портиться дома.

— А вы-то на что? Вы будете давать ему добрые совѣты, наставлять его, развивать, —говорила Муратова.

— Я буду видѣть его разъ, два въ недѣлю, на минуту, а здѣсь онъ будетъ постоянно,—замѣтила Даша.

— Другъ мой, доброе слово сильнѣе цѣлыхъ лѣтъ глупой жизни!—воскликнула Аделаида Александровна.

— Да, да! разбойникъ на крестѣ искупилъ грѣхи свои однимъ словомъ!—вздохнулъ изъ глубины души Мафусаиловъ.

— Да я не въ томъ смыслѣ говорю!—сердито произнесла Муратова.—Вы вѣчно помѣшаете! Я говорю, дитя, что разумное слово имѣетъ громадное вліяніе. Вы, конечно, не знаете этого. Но я могла бы вамъ указать десятки примѣровъ, даже изъ нашего круга, когда на пустыхъ, повидимому, вѣтреныхъ людей вліяла какая-нибудь умная книга, вліяла такъ, что эти люди отрекались отъ своего прошлаго и шли на новый путь...

— Можетъ-быть... я вамъ вѣрю... Но, право, я не знаю. Я боюсь... — пугливо шептала Даша, теряясь отъ набора модныхъ фразъ.

Мафусаиловъ подошелъ къ Аделаидѣ Александровнѣ и шепнулъ ей:

— Говорю я вамъ, что они не того хотятъ. Труда боятся.

— Оставьте вы меня въ покоѣ!—громко отвѣтила Муратова.—Тутъ происходитъ очень понятная человѣческая борьба чувства и разсудка, а вы со своими пошлыми подозрѣніями пристаете. Вы обдумайте все,—обратилась она къ Дашѣ,— взвѣсьте всѣ шансы. Если вы пойдете ко мнѣ на мѣсто,

вы задите образованіе вашему брату, если вы останетесь здѣсь, то онъ не получитъ образованія...

— Я знаю, — отвѣтила Даша. — Но я боюсь, что онъ испортится безъ меня... Пусть лучше онъ неучемъ будетъ, но честнымъ...

— Честнымъ!—воскликнула Аделаида Александровна. — Знаю я, какъ высоко значеніе этого слова! Но вспомните, что никакая честность не устоитъ противъ нужды. Что выйдетъ изъ него безъ образованія? Бѣднякъ, лишенный средствъ добыть трудомъ хоть грошъ. Гдѣ же будетъ исходъ: не въ обманѣ ли, не въ воровствѣ ли?

Даша совсѣмъ растерялась. Въ сущности она гораздо менѣе понимала болтовню Муратовой, чѣмъ грубые взгляды Мафусаилова.

— Я и ума не приложу, что дѣлать! — шептала она. — Дайте мнѣ подумать, разсудить... Кромѣ того,—робко замѣтила Даша:—какъ я къ вамъ явлюсь, какъ переѣду къ вамъ...

Она остановилась.

— Что же васъ затрудняетъ?—спросила Муратова.

— Мнѣ не въ чемъ,—стыдливо потупилась Даша.

— О, объ этомъ не безпокойтесь! Я все улажу, — успокоила ее Муратова.

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся мальчуганъ. Увидавъ постороннихъ людей, онъ сконфузился и остановился. Даша быстро подошла къ нему и взяла его за руку. Это былъ Вася.

XIII.

— Даша, я заплатилъ,—шепнулъ онъ сестрѣ.

— Хорошо, — такъ же тихо отвѣтила она и обратилась къ Муратовой: — вотъ онъ... вотъ мой братъ...

Она прижала его къ себѣ одной рукою.

— Ты очень любишь свою сестру?—спросила Муратова, потрепавъ его по щекѣ своей маленькой ручкой, затянутой въ лайковую перчатку.

Мальчикъ смотрѣлъ исподлобья и, видимо, дичился.

— Ее-то?—спросилъ онъ.—Люблю...

— Она у тебя добрая,— проговорила Муратова. — Она хочетъ твое счастье составить. Ты уговори ее, чтобы она шла на мѣсто.

Мальчикъ испуганно взглянулъ на сестру.

— Ты уходишь?—тихо спросилъ онъ.— Совсѣмъ?

— Не ухожу еще,—отвѣтила Даша. — Нѣтъ... не совсѣмъ...

Извините,—обратилась она къ Муратовой, — я такъ разстроена. Вамъ должно быть странно. Но я такъ люблю его, такъ люблю!.. Кромѣ него у меня ничего нѣтъ дорогого на свѣтѣ. Онъ для меня все.

— Ну, вотъ и принесите для него жертву,—сказала Аделаида Александровна.—Это будетъ самымъ лучшимъ залогомъ вашей любви къ нему.

— Благодарю васъ за заботы, за совѣтъ,—произнесла Даша.

— Ничего изъ этого не выйдетъ,—проговорилъ Меѳодій Мироновичъ. — Никакихъ такихъ жертвъ она для него не принесетъ...

Аделаида Александровна нетерпѣливо пожала плечами.

— Пойдемте лучше,—проговорила она.—Вамъ не слѣдовало бы и посѣщать-то бѣдныхъ. Черствый вы человѣкъ!

— Не черствый, Аделаида Александровна, не черствый,—сказалъ старикъ.—Я только опытнѣе васъ. Присмотрѣлся я къ нуждѣ. Кто пальцемъ не можетъ двинуть, кто ватрушечками не лакомится, кто въ углу самъ-восемь съ чужими лѣпится — вотъ нужда. А тутъ что? Всѣ работаютъ, уголъ свой имѣютъ...

— Стыдитесь, — упрекнула его Муратова. — Въ такомъ углу вы и своей собаки не стали бы держать!

— Ну, а можетъ-быть, вы и въ моей квартирѣ своей собаки держать не стали бы,—усмѣхнулся Мафусаиловъ.— Это все относительно, Аделаида Александровна, все относительно!

Муратова взглянула на него съ презрѣніемъ.

— До свиданья, — сказала она Дашѣ. — Я считаю дѣло улаженнымъ.

Даша молчаливо не то поклонилась, не то поникла головой.

Муратова направилась къ двери и столкнулась лицомъ къ лицу съ старухой Лыткиной. Катерина Ивановна Лыткина была одѣта въ подерганное платье и въ куцавейку. Вся ея одежда была забрызгана водой. Увидавъ Муратову, старуха отшатнулась и начала торопливо кланяться.

— Матушка, благодѣтельница, ваше превосходительство! У насъ изволили быть, а я и не знала! Ручку вашу!—заговорила она, пряча свои руки за спину, выставляя впередъ голову и отстраняясь всѣмъ корпусомъ отъ Муратовой.—Не смѣю прикоснуться сама, вся мокрая, вся мокрая, какъ курица... истинно такъ... Стирала-съ, стирала-съ...

Аделаиду Александровну поразилъ жалкій, приниженный видъ старухи.

— Не стѣснийтесь, — промолвила она. — Я ухожу. Дочь вамъ передастъ, что мы надумали. Авось вамъ будетъ легче.

Она вышла.

— А наше общество не можетъ помочь вамъ,—обратился Мафусаиловъ къ старухѣ, намѣреваясь тоже выйти.

Лыткина оторопѣла и растерялась.

— Батюшка, ваше превосходительство, какъ же это?— забормотала она, учащенно мигая глазами.

— Вы еще работать можете,—пояснилъ старикъ.

— Работаю, работаю, батюшка, ваше сіятельство,—наивно подтвердила Лыткина. — Да толку что? Толку-то что? Наги и босы...

— А мы помогаемъ только тѣмъ, кто не можетъ работать,—объяснилъ Мафусаиловъ.

Лыткина недоумѣвала.

— Какъ же это?—бормотала она, разводя руками.—Батюшка, ваше превосходительство, развѣ я виновата, что руки еще не отвалились? Развѣ я виновата, что еще работаю?

— Ну, вотъ и трудитесь, и трудитесь. Господь, нашъ Создатель, самъ трудился и людямъ велѣлъ трудиться, — наставлялъ Меѳодій Мироновичъ, поднимая глаза къ потолку.

— И тружусь, батюшка, ваше превосходительство, и тружусь!—говорила старуха.

— Ну, и прекрасно!—одобрилъ Меѳодій Мироновичъ. — Трудитесь, трудитесь!

Онъ, нетерпѣливо и неслышно шаркая ногами, направился къ двери и вышелъ, какъ кошка. Старуха Лыткина остановилась посерединѣ комнаты и, видя, что онъ удалился, съ тупымъ видомъ развела руками.

— Что же это, Даша?—спросила она пугливо.—Онъ далъ что-нибудь? Денегъ-то далъ?

— Не далъ, мама,—глухо отвѣтила Даша.

— А она-то, она-то дала?

— Не дала, мама.

— Такъ какъ же?..—Лыткина обвела глазами комнату, точно ища человѣка, который разрѣшилъ бы ей трудную загадку.—Дѣлать-то мы что будемъ?—спросила она черезъ минуту.

— Что же вы меня спрашиваете? — пожала плечами Даша.—Развѣ вы, мама, не видите, что я сама голову потеряла.

— Знаю, знаю, Дашенька, — прошептала старуха. — Да

какъ же такъ не дали! Вѣдь прислужникъ-то въ комитетѣ говорилъ: три рубля дадутъ, если окажетесь достойными.

— Значитъ, не оказались достойными,—горько усмѣхнулась дочь.

— Оно, конечно, что̀ въ насъ достойнаго,—простодушно согласилась Лыткина.—Только какъ же это?.. Дѣлать-то что мы будемъ!.. Вотъ корзину надо на плотъ везти. Деньги-то у тебя есть? Три копейки мнѣ плотовщику.

Даша махнула рукой.

— Ничего нѣтъ... Отецъ взялъ.

— Что-жъ ты это ему, грабителю, отдала!—воскликнула мать. — Сами голодомъ сидимъ... надо за корзины, а ты отдала.

— Обѣщалъ полтинникъ принести, — отвѣтила молодая дѣвушка.

— Принесетъ онъ! Жди! А теперь-то что дѣлать, теперь-то?—съ горечью воскликнула мать.—Какъ корзины-то везти на плотъ? А?

— Отдайте подъ залогъ плотовщику мой платокъ... до вечера повѣритъ. Скажите, что забыли деньги... потеряли...

Даша стащила съ шеи поношенный платокъ и отдала его матери.

— Охъ, Господи, нужда-то какая окаянная, нужда!—простонала старуха.—Хоть бы смерть пришла, что ли! И вѣдь жили, хорошо жили,—такъ нѣтъ, прокутилъ все, грабитель нашъ прокутилъ.

— Воровское-то въ прокъ не пошло,—усмѣхнулась дочь.

— Пойдемте, маменька. Я свезу корзины,—проговорилъ Вася, дернувъ мать за рукавъ.

— Пойдемъ, пойдемъ!—очнулась она и пошла за сыномъ, качая понурою головою и пожимая плечами.

Даша вздохнула свободнѣе, оставшись одна. Она не могла сразу приняться за работу. Въ ея головѣ бродили тревожныя думы.

«Ушли, слава Богу, — думалось ей. — Легче становится, когда одна остаешься. Не видала бы никого, не глядѣла бы на нихъ... Не глядѣла бы, а идти на мѣсто боюсь! Въ теплѣ бы жила, барышней одѣвалась бы, не видала бы, какъ здѣсь горе мыкаютъ, вышла бы замужъ за какого-нибудь камердинера, брата образовала бы... Голубчикъ мой, да развѣ мнѣ легко тебя оставить, да развѣ мнѣ легко безъ тебя жить? Безъ меня, пожалуй, и отецъ сопьется совсѣмъ съ кругу, и мать совсѣмъ потеряется. Тутъ все ласковое

слово подчасъ услышатъ, бѣдные... И чего бы я для нихъ ни сдѣлала... Ну, а если я не пойду? Гдѣ же исходъ?»

Даша ходила и ходила по комнатѣ, не имѣя ни силъ, ни возможности придумать какой-нибудь иной исходъ. Мѣсто у Муратовой являлось единственнымъ средствомъ спасенія, хотя средствомъ слабымъ и опаснымъ. Во-первыхъ, мѣсто не могло дать сразу такихъ средствъ, чтобы поднять семью; во-вторыхъ, оно отрывало молодую дѣвушку отъ дома, гдѣ нуждались въ ея нравственной поддержкѣ ея мать и братъ. И все-таки рѣшиться было необходимо.

XIV.

— Это ужасно, ужасно! И какъ люди выносятъ подобную нищету? Я бы не вынесла и половину этихъ страданій, — почти вслухъ проговорила Аделаида Александровна, выбираясь изъ подвальной тьмы на свѣтъ и вдыхая полной грудью свѣжій полуденный воздухъ.

«Надо скорѣе устроить дѣла! — почти съ испугомъ подумала она въ ту же минуту. — Выяснить отношенія къ барону»...

Она торопливо пошла по двору, подобравъ одною рукою длинный шлейфъ платья. При воспоминаніи о баронѣ передъ нею вдругъ промелькнулъ другой, полный жизни, молодой и прекрасный образъ.

— И зачѣмъ это именно нынче нужно принять барона, — вздохнула она. — Нынче, когда я только-что узнала, что онъ любитъ меня... Но точно ли это любовь? Не было ли это минутное увлеченіе?.. Мнѣ надо его видѣть...

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ лакей, подсаживая ее въ карету.

— Домой, домой, скорѣе! — быстро проговорила она.

— Да, нужно увидѣть его прежде, чѣмъ пріѣдетъ баронъ... Это дастъ мнѣ силы...

Она задумалась. Передъ нею носилась картина прошлой ночи.

— Милый, любимый, какъ ты мнѣ сталъ вдругъ дорогъ! — шептала она, и ея лицо горѣло яркимъ румянцемъ.

Карета остановилась прежде, чѣмъ Аделаида Александровна успѣла овладѣть собою.

— Викторъ Валерьяновичъ у себя? — спросила она горничную.

— Нѣтъ-съ, уѣхали, — отвѣтила дѣвушка.

— Спрашивалъ обо мнѣ?

— Никакъ нѣтъ.

— Хорошо, оставьте меня.

Муратова опустилась на канапе въ своемъ будуарѣ.

«Куда онъ уѣхалъ? Зачѣмъ?»—спрашивала она мысленно. Она не могла найти отвѣта. Время теперь тянулось для нея медленно. Она посмотрѣла на часы: было около двухъ часовъ.

— Но что же я такъ сижу! Надо написать Марьѣ Петровнѣ объ одеждѣ для этой... какъ ее?.. да... для Лыткиной...

Она сѣла къ письменному столу и начала писать. Она испортила два листика бумаги и, наконецъ, кое-какъ, безсвязно, написала на третьемъ, что для Даши Лыткиной нужны поношенныя платья, что она, Аделаида Александровна, съ своей стороны дастъ ей кое-что, но что она ждетъ для дѣвушки какого-нибудь платья и отъ Марьи Петровны. Написавъ письмо и заклеивъ конвертъ, она позвонила. Вошла горничная.

— Викторъ Валерьяновичъ еще не пріѣзжалъ?—спросила Муратова.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтила горничная.

— Пошли съ Иваномъ это письмо къ Марьѣ Петровнѣ Прозоровой-Солонецкой.

— Слушаю-съ.

— Да... Если Викторъ Валерьяновичъ пріѣдетъ, доложите мнѣ...

Горничная вышла. Аделаида Александровна заходила по комнатѣ.

— Какъ жаль, что я не сказала ему вчера, чтобы онъ не уходилъ сегодня утромъ... Я совсѣмъ разстроена... я не сумѣю спокойно отнестись къ барону... Онъ мнѣ теперь еще противнѣе...

Она задумалась и съ поникшей головой ходила изъ угла въ уголъ. Она была похожа на только-что пойманную львицу, кружащуюся въ нервномъ волненіи по клѣткѣ. Иногда она поднимала плечи, иногда сжимала руки. Наконецъ, она бросилась на кушетку и зарыдала.

— Я его ненавижу, ненавижу! — шептала она, поднося къ стиснутымъ зубамъ платокъ. — Но гдѣ же исходъ? Господи, гдѣ исходъ?

Прошло болѣе получаса, когда нервный припадокъ нѣсколько стихъ и она задремала въ той позѣ, въ которой упала на кушетку. Въ комнату осторожными шагами вошла горничная и остановилась, увидавъ, что ея госпожа спитъ.

Она кашлянула. Муратова очнулась и быстро сѣла, протирая глаза.

— Что вамъ?—спросила она.—Развѣ...

— Обѣдъ поданъ,—отвѣтила горничная.

— А... хорошо!

Муратова встала, подошла къ зеркалу, оправилась.

— Виктору Валерьяновичу сказали?—нерѣшительно спросила она, избѣгая болѣе прямого вопроса о томъ, возвратился ли молодой Баскаковъ.

— Ихъ еще нѣтъ...

Аделаида Александровна сдвинула брови. Ей было, наконецъ, совѣстно передъ горничной, что она такъ часто спрашиваетъ о Баскаковѣ. Но эти вопросы срывались съ языка невольно, безсознательно.

— Что ты, нездорова?—спросилъ ее мужъ, когда она вошла въ столовую.

— Нѣтъ,—сухо отвѣтила она.

— А у тебя лицо такое измятое,—проворчалъ онъ.

Муратова вспыхнула, точно ее глубоко оскорбили.

— Не всѣ же могутъ выносить все такъ тупо, какъ ты,—рѣзко проговорила она.

— А развѣ что-нибудь случилось?—глупо спросилъ онъ.

Она пожала плечами.

— Да развѣ можетъ еще что-нибудь случиться?—отвѣтила она.—Мы дошли до того, когда хуже не можетъ быть... Досталъ денегъ?

— Нѣтъ, никто не дастъ.

— Дуракъ!

Супруги говорили по-французски, но лакей, подававшій кушанье, могъ замѣтить по ихъ тону, что разговоръ господъ былъ далеко не дружелюбенъ.

— Ты бы хоть постыдилась человѣка,—проворчалъ сконфуженно Аркадій Павловичъ.—Что у тебя за тонъ нынче явился?

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до тона!—воскликнула Муратова.—Теперь не до нѣжностей, когда мы стоимъ на краю пропасти.

— Но ты же надѣешься...—началъ онъ.

— На что?—спросила она, въ упоръ взглянувъ на него.

Онъ смѣшался.

— На барона?—рѣзко проговорила она.—Да?

— Ну да... ты сама же говорила,—произнесъ онъ.

Она съ презрѣніемъ посмотрѣла на него.

— Да, я надѣюсь на барона, — проговорила она отчетливо.—Но знаешь ли ты, что я могу надѣяться и на графа Зяблова, и на графа Толстогуба, и на сенатора Пачинина, знаешь ли ты, что я могу надѣяться на всѣхъ стариковъ, тающихъ при видѣ хорошенькой женщины, и на всѣхъ матушкиныхъ сынковъ, хвастающихъ связями съ замужними женщинами?.. А на что надѣешься ты?

Она помолчала, глядя съ негодованіемъ на облысѣвшую, сальную и тупую голову своего мужа, съ торчащими въ стороны ушами.

Теперь ей было странно, что она когда-то такъ легко согласилась выйти за него замужъ.

— Я тебѣ скажу, на что ты надѣешься, — проговорила она.—Ты надѣешься на мое паденіе, на мой позоръ и на возможность этою цѣною купить для себя мимолетныя милости какой-нибудь площадной кокотки...

— Я...—началъ растерянно Аркадій Павловичъ.

— Ты бездушный циникъ,—перебила его Аделаида Александровна.—Ты губилъ меня, чтобы захватить мои деньги, ты хочешь опозорить и уронить меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, чтобы опять захватить мои деньги... Но ты долженъ знать, что̀ изъ этого выйдетъ. Я продамъ себя теперь кому угодно, старику, уроду, жиду. Мнѣ теперь нечего терять, нечего бояться. Чего я не вынесу, если я вынесла пять лѣтъ твоей любви!—съ горечью проговорила она.—Но знай, что ты будешь мнѣ не мужъ. Да и можно ли считать мужемъ человѣка, къ которому чувствуешь менѣе уваженія, чѣмъ къ послѣднему лакею!

Аркадій Павловичъ не вынесъ этого оскорбленія и вспылилъ.

— Я думаю, всему есть мѣра,—задыхающимся голосомъ началъ онъ.

— Да, я уважаю тебя менѣе, чѣмъ послѣдняго лакея,—рѣзко перебила она его. — Если тебѣ не нравится это, ты можешь удалиться изъ моей квартиры. Слышишь ты? Здѣсь все мое. У тебя есть только долги и стремленіе къ широкой жизни. Ты довелъ меня до нищеты.

— Ты сама жила такъ же, какъ я,—перебилъ онъ ее.

— Ты лжешь! Я была честною женщиною, а ты былъ негоднымъ развратникомъ, я была неопытною провинціалкою, не знавшею счета деньгамъ, а ты былъ алчнымъ до чужихъ денегъ барышникомъ и очень хорошо сознавалъ, что увлекаешь меня въ пропасть. Итакъ, повторяю, ты довелъ

меня до нищеты, ты дошелъ до нея и самъ. Теперь ты ждешь спасенія отъ меня, и я спасу тебя, спасу не ради тебя, а ради самой себя. Для тебя я шагу не сдѣлала бы... Но говорю тебѣ, что первый твой шагъ, сдѣланный безъ моего согласія, заставитъ меня порвать всякую связь съ тобою. Я не подорожу ничѣмъ.

Аркадій Павловичъ раздражительно бросилъ на столъ салфетку.

— Пожалуйста, не вздумай разыгрывать одной изъ тѣхъ сценъ, которыми ты пугалъ меня когда-то,—гнѣвно сверкнула она глазами.—Теперь эти сцены не къ лицу тебѣ,—засмѣялась она.—Взгляни на себя, до чего ты дошелъ. Вѣдь съ тебя можно бы писать типъ человѣка, отупѣвшаго отъ обжорства, лѣни и грязнаго разврата.

Она съ горечью засмѣялась. Аркадій Павловичъ скрежеталъ зубами. Въ былые дни, при малѣйшихъ сценахъ съ женою, у него летѣли на полъ тарелки и блюда, теперь онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Онъ былъ, съ одной стороны, опутанъ сѣтями долговъ, которыя могла распутать только его жена, съ другой стороны, онъ привыкъ къ комфорту, къ сладкому куску, къ веселой компаніи, и отъ всего этого должно было отказаться, если бы она сказала: «не хочу». Аделаида Александровна смотрѣла на него съ презрѣніемъ. Обѣдъ пришелъ къ концу. Аркадій Павловичъ всталъ и хотѣлъ, по обыкновенію, подойти къ женѣ, чтобы поцѣловать ея руку. Онъ во всемъ и вездѣ, какъ всѣ тупые люди, былъ человѣкомъ привычки.

— Безъ нѣжностей,—проговорила она сухо.—Ты гдѣ сегодня вечеромъ?

— Я, право, не знаю...—замялся онъ, не зная, что нужно сказать.

— Мнѣ все равно, гдѣ ты будешь, но нужно, чтобы тебя не было дома,—пояснила она.

Онъ переминался съ ноги на ногу и сталъ ходить по комнатѣ, покусывая ногти. Муратова не обращала на него вниманія и допивала кофе.

— Ma chère...—наконецъ, послышался его нерѣшительный голосъ.

— Денегъ?—лаконически спросила она.

— Ты знаешь...—началъ онъ.

— Тебѣ нужно денегъ?—настойчиво спросила она.

— Да,—коротко отвѣтилъ онъ.

Она вынула портмонэ, порылась въ немъ и, доставъ де-

сять рублей, бросила ихъ на столъ. Аркадій Павловичъ закусилъ губы. Лакей, убиравшій со стола, могъ не понять ихъ разговора, могъ не уловить тона ихъ рѣчей, но онъ не могъ не видѣть, какъ были брошены эти деньги, онъ не могъ не понять, что баринъ выпросилъ эти деньги, а барыня за это разсердилась.

— Ты третируешь меня...—началъ Аркадій Павловичъ.

— Какъ лакея, хочешь ты сказать,—окончила Аделаида Александровна.—Ты можешь отказаться отъ этой роли, можешь даже не брать этихъ денегъ.

Она молча встала и, подойдя къ окну, прижалась пылавшимъ лбомъ къ стеклу и безцѣльно устремила глаза на улицу. Тамъ живо и бодро мелькали массы людей всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній. Ей показалось, что всѣ эти люди счастливѣе, богаче, довольнѣе ея. Ей стало завидно, ей стало досадно, что на свѣтѣ есть счастливые люди.

XV.

Среди наступившей гробовой тишины, часы звонко и рѣзко пробили шесть. Аделаида Александровна вздрогнула и очнулась отъ горькаго раздумья. Въ ея головѣ промелькнула мысль, что баронъ Гельфрейхъ, какъ всѣ влюбленные, старые и молодые, можетъ пріѣхать ранѣе назначеннаго срока. Ей нужно было приготовиться принять его, и она мысленно сказала:

— Пора!

Она встала и направилась въ свой будуаръ.

— Черное платье!—лаконически приказала она горничной.

Горничная принесла платье изъ гардеробной. Муратова начала переодѣваться. Это платье было ей къ лицу. Гладкій лифъ обрисовывалъ вполнѣ ея еще красивыя формы. Небольшая вырѣзка ворота спереди позволяла видѣть часть бѣлой, какъ мраморъ, довольно полной, но стройной шеи. Концы бѣлаго батистоваго воротничка, похожаго на мужскіе откидные воротнички, ярко вырисовывались на черномъ шелку. Узкіе, гладкіе рукава давали возможность видѣть вполнѣ заманчивую форму полныхъ, стройныхъ рукъ.

— Вы можете идти,—обратилась Муратова къ горничной, перечесывавшей ей волосы.—Сегодня я не принимаю никого, кромѣ барона Гельфрейха.

Горничная вышла, Аделаида Александровна осталась сидѣть передъ зеркаломъ и начала поправлять только-что при-

чесанные волосы. Наконецъ, она кончила и это дѣло, и, опустивъ на колѣни руки, задумалась.

— Готова на продажу! — прошептала она съ горькой усмѣшкой и еще ниже склонила голову.—Думала ли я, что я когда-нибудь дойду до этого?..

Въ ея головѣ снова воскресло все ея прошлое.

Ей вспоминалось, какъ она жила у дяди, ни въ чемъ не нуждаясь, повелѣвая въ домѣ, видя на всѣхъ лицахъ заискивающія улыбки. Этотъ домъ былъ полною чашей. Она могла ничего не дѣлать, ни о чемъ не думать. Какъ сладко было ей, пригрѣтой лучами весенняго солнца, лѣниво нѣжиться въ своей постели, какъ хорошо было ей забываться въ дремотѣ гдѣ-нибудь въ бесѣдкѣ въ жаркіе лѣтніе дни, какъ безмятежно засыпала она въ холодные зимніе вечера въ своей уютной спальнѣ, не помышляя о тѣхъ, у кого нѣтъ въ эти холода и вьюги ни угла, ни постели, ни теплой одежды. Но зачѣмъ же она ушла изъ этого дома? Вѣдь она не любила своего жениха! Да, но ее душила скука, ее смущала боязнь, что ей придется остаться старой дѣвой въ этомъ очарованномъ замкѣ лѣни и сна. Ей хотѣлось пожить — шумно, весело пожить, какъ живутъ въ городахъ, какъ живутъ въ романахъ. Ради возможности такъ пожить, она побѣдила свое отвращеніе къ жениху. Впрочемъ, и отвращеніе-то къ нему она почувствовала тогда, когда уже согласилась выйти за него замужъ. Теперь ей кажется, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе уродливаго человѣка, чѣмъ ея мужъ, а тогда она не замѣчала даже его уродства: она «привыкла» къ его лицу съ дѣтства и не всматривалась въ него, не относилась къ нему критически. Ихъ обвѣнчали. Шумная столичная жизнь настала. Балы, театры, ѣзда по магазинамъ, слушаніе комплиментовъ и любезностей, катанье по Дворцовой набережной, по Невскому и по Большой Морской въ ясные зимніе дни, обѣды въ веселой компаніи молодежи,—все это прошло яркимъ и безпутнымъ сномъ въ ея жизни. Все это стоило денегъ, но деньги такъ легко добывались, что ихъ не стоило считать, что о нихъ не стоило думать. Проданный лѣсъ далъ двадцать тысячъ, залогъ имѣнія далъ еще столько же. Правда, все это прожилось, но богатымъ людямъ легко вѣрятъ въ кредитъ. Въ магазинахъ у нихъ не спрашиваютъ сейчасъ денегъ, люди, дающіе деньги на проценты, являются по первому слову къ услугамъ богачей.

Она опомнилась только тогда, когда пришлось за заложенное имѣніе вносить проценты, за взятыя въ долгъ вещи

платить втридорога, за занятые капиталы отдавать вдвое или подписывать векселя въ тысячи за занятыя сотни. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ запутаться въ денежныхъ дѣлахъ. Ничто не возрастаетъ такъ быстро, какъ долги. Долгъ, котораго вы не можете выплатить, растетъ, какъ катящійся съ горы снѣжный комъ, съ тою только разницею, что отъ кома вы еще можете отстраниться, а долгъ неизбѣжно увлекаетъ васъ въ пропасть вмѣстѣ съ собою.

Нынче я не могъ уплатить долга, говорите вы, — но въ будущемъ году я уплачу его.

Вы лжете. Изъ чего же вы уплатите его, если ваши доходы остаются прежними, а расходы увеличиваются процентами за долгъ? На будущій годъ вы опять не уплачиваете долга, но отсрочка покупается вами только при помощи обязательства переписать вексель съ тысячи на полторы тысячи, съ двухъ тысячъ — на три. А сколько нравственныхъ пытокъ, сколько униженія, сколько грубостей приходится перенести вамъ въ эти скорбные дни свиданій съ кредиторами! Кредиторъ, которому вы хоть разъ не отдали въ срокъ денегъ, считаетъ и имѣетъ право считать васъ обманщикомъ, мошенникомъ. И чѣмъ болѣе желалъ онъ поживиться на вашъ счетъ, тѣмъ озлобленнѣе становится онъ, предчувствуя, что его расчеты оказались ошибочными. Онъ, ростовщикъ, негодяй, обирающій живыхъ и мертвыхъ, является передъ вами съ видомъ честнаго человѣка, обманутаго вами, является правымъ передъ обществомъ и передъ судомъ, а вы, виноватые только въ неразсчетливости, въ неумѣніи сводить концы съ концами, являетесь обманщикомъ, похитителемъ чужой собственности, личностью, которой не станетъ вѣрить никто, которую могутъ сегодня повести въ судъ, завтра засадить въ долговое отдѣленіе, послѣзавтра лишить пристанища и крова. Какъ дикій звѣрь на травлѣ, вы начинаете прятаться, бы боитесь каждой встрѣчи на улицѣ, вы дрожите при каждомъ звонкѣ у вашихъ дверей, вы теряете голову отъ преслѣдованій и вамъ кажется, что сотни голосовъ злорадно кричатъ:

— Ату его, ату!

Все это испытала Аделанда Александровна, все это пережила она каждымъ нервомъ своего существа, и когда она спрашивала себя, за что же выпали ей на долю эти муки,— отвѣтъ находился одинъ: «за то, что тебѣ дали жизнь, но не научили тебя жить». Но развѣ это была ея вина? Она металась изъ стороны въ сторону, ища спасенія, и, нако-

нецъ, передъ нею явилась надежда на это спасенье. Но что это за спасеніе? Ей грозила участь женщины, погрязшей въ долгахъ, теперь ей грозила участь женщины, погрязшей въ развратѣ. Не лучше ли остановиться, покуда есть время? Но что же будетъ, если она будетъ разорена? Ей придется бороться съ нищетой. Но какъ же бороться, не умѣя работать? Какъ выносить нищету, когда кругомъ всѣ старые знакомые будутъ пировать на праздникѣ жизни? Не идти ли къ отцу искать куска хлѣба и пріюта? Но приметъ ли ее онъ или, лучше сказать, его жена? Снесетъ ли она, Муратова, жизнь подъ одной кровлей со своей бывшей крѣпостной, сдѣлавшейся ея мачехой? Вытерпитъ ли она послѣ шумной столичной жизни въ образованномъ обществѣ жизнь съ этой неразвитой и грубой женщиной? Нѣтъ, все это невозможно, невыносимо! Но развѣ легче сближеніе съ барономъ?

— Боже мой, какъ онъ противенъ!—вырвалось невольно изъ груди Аделаиды Александровны болѣзненное восклицаніе, и она вздрогнула.

«Противенъ,—продолжала она думать.—Но дѣло не въ томъ. Дѣло въ томъ, что скажетъ свѣтъ». Эта мысль промелькнула въ ея головѣ, и тотчасъ же на ея губахъ скользнула презрительная усмѣшка. «Что же скажетъ свѣтъ!—думала она. — Свѣтъ будетъ у моихъ ногъ, если я паду нравственно и буду блистать передъ нимъ богатствомъ. Свѣтъ назоветъ меня дурой, если я оттолкну барона и погибну отъ нищеты. Вотъ что скажетъ свѣтъ». «Нѣтъ, это все не то! — продолжала она въ тревогѣ. — Страшно самое паденіе...» «Но развѣ я уже не пала?» — спрашивала она себя, и передъ нею живо воскресало воспоминаніе вчерашней ночи. «Какъ хорошъ Викторъ! Какъ онъ любитъ меня. Я сама впервые люблю,—неслось въ ея головѣ.— И отъ этой-то любви надо отказаться, если я сдѣлаюсь нищей! Отказаться? Ни за что! ни за что! Нужно принести всѣ жертвы, чтобы сохранить ее... А если Викторъ узнаетъ, какой цѣной я покупаю возможность любить его? Развѣ онъ не оттолкнетъ меня съ отвращеніемъ?» Она опустила на грудь голову, она терялась, она впервые въ жизни не находила никакого исхода, впервые въ жизни она сознавала, что умъ отказывается ей служить, и испытывала что-то похожее на ужасъ, который захватывалъ у нея духъ.

— Баронъ Гельфрейхъ ждутъ въ гостиной! — раздался надъ нею голосъ горничной.

Муратова вытянулась во весь ростъ и посмотрѣла на горничную испуганными глазами.

— Который часъ?—спросила она.

— Три четверти восьмого,—отвѣтила горничная.

— Да... да... сейчасъ, — проговорила растерянно Муратова и направилась къ гостиной.

XVI.

Муратова подняла тяжелую опущенную портьеру и появилась на порогѣ. Баронъ ходилъ по гостиной, заложивъ за спину руки.

— Извините, я заставила васъ ждать,—промолвила Аделаида Александровна.

— Я явился ранѣе назначеннаго часа,—объяснилъ онъ, пожимая протянутую ему руку.

Муратова была блѣдна и выглядѣла прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь: выраженіе ея лица было осмысленно, серьезно и грустно.

— Я очень рада вашей милой неаккуратности,—любезно проговорила она, опускаясь на маленькій диванчикъ и указывая движеніемъ руки барону на кресло.—На меня сегодня напала страшная хандра послѣ одного посѣщенія бѣдняковъ.

— Охота вамъ съ ними возиться!—произнесъ баронъ, пожимая плечами.

— Ахъ, вы опять говорите на старую тему! Эти хлопоты—все же призракъ дѣла. Это развлекаетъ.

— Хороши развлеченія, послѣ которыхъ нападаетъ хандра.

— Можетъ-быть, безъ этихъ развлеченій хандра была бы еще сильнѣе,—вздохнула Муратова.

— Значитъ, есть еще другія причины для хандры?

Баронъ нѣсколько вытянулъ впередъ свою голову, точно желая заглянуть въ лицо Муратовой.

— Много,—уклончиво проговорила Аделаида Александровна.—Вы, кажется, курите?—спросила она, перемѣняя разговоръ. — Здѣсь это допускается для друзей, — шутливо произнесла она, граціозно подвинувъ къ барону изящное фарфоровое плато, замѣнявшее пепельницу.

— Но вы позволяете друзьямъ только курить? — улыбнулся баронъ.

— Я васъ не понимаю,—слегка пожала она плечами.

— И не позволяете имъ заглянуть поглубже въ вашу

душу?—окончилъ онъ, не спуская съ нея зоркихъ глазъ и медленно закуривая папиросу.

Баронъ далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, добиться въ этотъ вечеръ положительныхъ результатовъ отъ бесѣды съ Муратовой.

— Не любопытно заглядывать въ эти потемки. Я сама иногда боюсь туда заглядывать, какъ боялась въ дѣтствѣ заглядывать въ ту темную комнату, куда насъ сажали за наказаніе,—отвѣтила Аделаида Александровна.

— Неужели вамъ въ ваши годы не весело живется?—спросилъ баронъ Гельфрейхъ.

— Не весело; но, право, объ этомъ не весело и говорить,—отвѣтила молодая женщина.

— Но вѣдь есть же причины этого?—безцеремонно настаивалъ баронъ.

— Повторяю, причинъ много, — отвѣтила она. — Но что за польза говорить о нихъ, да, наконецъ, и для чего? Чужое горе и останется чужимъ горемъ и, въ крайнемъ случаѣ, нагонитъ на слушателя скуку. А я, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, не хочу, чтобы вы вынесли отсюда чувство скуки. Я знаю по опыту, какое это убійственное чувство... Поговоримте лучше о другомъ. Вы будете въ нашемъ маскарадѣ?

Муратова хотѣла собраться съ силами: до сихъ поръ она только кокетничала—и это было легко; теперь ей было нужно продать себя—и этого она не умѣла сдѣлать.

— Если вы будете тамъ,—отвѣтилъ баронъ, не спуская съ нея плотоядныхъ глазъ.

— О, баронъ, вы меня считаете совсѣмъ деревенской простушкой!—засмѣялась Муратова.—Будете, если я буду! Это значитъ, что вы будете во всякомъ случаѣ: буду я—скажете, что пріѣхали для меня, не буду я—скажете мнѣ потомъ, что не были тамъ или что пріѣзжали искать меня... Но я васъ ловлю на словѣ: въ маскарадѣ я не буду и непремѣнно наведу справки потомъ, были ли вы.

Она позвонила. Явился лакей.

— Чаю!—лаконически произнесла она.

Лакей ушелъ.

— Вы не шутя говорите, что не поѣдете?—спросилъ баронъ.

— Не шутя,—отвѣтила она.

— Отчего?—освѣдомился онъ.

Она помолчала.

— Сказать вамъ правду?—проговорила она черезъ минуту.

— Всю правду, какъ другу,—подтвердилъ баронъ и нѣсколько придвинулъ кресло.

— Хорошо! Я не поѣду потому, что я вообще должна перестать выѣзжать,—отвѣтила она, вздохнувъ.

Перестать выѣзжать?—удивился баронъ.

Да.

Она опять помолчала. Ей нужно было ловко и рѣшительно приступить къ самой существенной части разговора. Но этого-то она и не умѣла сдѣлать. Она была еще неопытна въ подобныхъ сдѣлкахъ. Ей было и скверно сознавать, какую роль играетъ она, и страшно, что она не достигнетъ желанной цѣли, заключитъ невыгодную сдѣлку.

— Я не привыкла ничего скрывать, не привыкла маскироваться,—проговорила она.—Дѣло въ томъ, что я должна нѣсколько измѣнить образъ жизни и запереться отъ свѣта, отъ всѣхъ, въ четырехъ стѣнахъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

— Вы меня пугаете,—проговорилъ баронъ, недоумѣвая.

— Мой мужъ, какъ я вчера узнала, запуталъ мои денежныя дѣла. Имѣніе мое, но у него была полная довѣренность на управленіе. Я нѣсколько поздно узнала, что онъ плохо велъ дѣла... Чтобы привести въ порядокъ наше деревенское хозяйство, мнѣ нужно пожертвовать многимъ.

— Но зачѣмъ же жертвовать, — воскликнулъ обрадованный баронъ:—когда вамъ стоитъ захотѣть, и у васъ явятся средства?

Онъ дѣлалъ предложеніе, по своему обыкновенію, прямо и грубо, безъ предисловій, не справляясь о томъ, насколько могутъ оскорбить его слова тѣхъ, къ кому они относятся. Муратова вспыхнула, но сдѣлала видъ, что не поняла его.

— Въ томъ-то и дѣло, что не явятся, если при помощи жертвъ не улучшится хозяйство, — проговорила она. — Я только жду весны, чтобы уѣхать на два, на три года отсюда въ деревню и похоронить себя тамъ на время.

— Да это невозможно!—взволновался баронъ.—Въ ваши годы похоронить себя въ деревнѣ! Хозяйничать въ имѣніи, когда хочется жить...

— И еще какъ хочется-то!—вздохнула Муратова, и въ ея глазахъ блеснулъ огонь страсти. — Но что дѣлать, если иначе нельзя? Вѣдь и съ вами, я думаю, часто случается такъ, что вы просиживаете надъ дѣлами ночи, когда хотѣлось бы отдохнуть, повеселиться?.. Ну, вотъ и я буду тамъ,

въ деревнѣ, считать доходы фермы, возиться съ наймомъ рабочихъ и торговаться съ хлѣботорговцами... Погодите, года черезъ три, когда пріѣду сюда опять, вы меня не узнаете. Потолстѣю, загорю, постарѣю...

Муратова едва замѣтно со вздохомъ махнула рукою.

— Нѣтъ, сегодняшній визитъ въ этотъ подвалъ окончательно разстроилъ меня,— проговорила она.—Въ голову приходятъ все мрачныя мысли, на душѣ точно какое-то бремя...

Лакей въ это время подалъ чай. Баронъ и Муратова помолчали. У барона такъ и вертѣлось на языкѣ предложеніе ей поступить къ нему на содержаніе. Онъ никогда ни за кѣмъ не ухаживалъ и не зналъ теперь, какъ подступиться къ ней, смутно чувствуя, что она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя прямо принимаютъ самыя дерзкія и наглыя предложенія. Муратова, съ своей стороны, начинала волноваться все сильнѣе и сильнѣе. До сихъ поръ она только заигрывала съ своими поклонниками, и это искусство было такъ просто, не требовало ни особенной изобрѣтательности, ни особеннаго ума. Теперь ей впервые приходилось продавать себя, и притомъ продавать «къ спѣху». Она терялась въ этой новой роли и въ сущности говорила наугадъ, шла къ цѣли ощупью. Самая тупая француженка-кокотка выказала бы на ея мѣстѣ болѣе такта, болѣе ловкости, болѣе сообразительности.

— Ваши планы не поведутъ ни къ чему,— заговорилъ баронъ.—Чтобы разбогатѣть въ деревнѣ — нужны годы и годы. Но стóитъ ли убивать лучшее время жизни для того, чтобы исправить свои дѣла только къ той порѣ, когда уже ничего не будетъ нужно? Разбогатѣть можно только въ столицѣ, въ этомъ сборномъ пунктѣ азартныхъ игроковъ.

— Пріобрѣсти для мужа какую-нибудь концессію или мѣсто директора въ какомъ-нибудь банкѣ?—иронически усмѣхнулась Муратова.—Я уже слишкомъ опытна, чтобы строить подобные воздушные замки.

— Это избитыя средства, но кромѣ нихъ есть тысячи средствъ захватить долю земныхъ благъ на жизненномъ пиру,—оживленно отвѣтилъ баронъ.—Стóитъ только захотѣть, стóитъ сказать слово и...

— Вы не знаете моего мужа,—перебила его Муратова.—Онъ самъ ничего не сдѣлаетъ. Имъ нужно руководить, и тогда онъ пойдетъ по указанной дорогѣ. Но гдѣ же такіе руководители? Кто станетъ заботиться о чужихъ дѣлахъ?..

— Я,—тихо и страстно отвѣтилъ баронъ, немного на-

клоняясь къ ней. — Скажите слово — и я сдѣлаю для васъ все, все...

Муратова вопросительно посмотрѣла на него; у нея захватило дыханіе.

— Вы?—прошептала она:—но какое же право я имѣю ждать вашихъ услугъ? Вы человѣкъ дѣловой, серьезный.

— Я люблю васъ!—проговорилъ баронъ и взялъ ея руку.

— Ради Бога! — молящимъ тономъ воскликнула она, блѣднѣя отъ испуга.

Баронъ уже не слушалъ ее и продолжалъ горячо:

— Вы несчастны, вы не любите своего мужа, вы ищете исхода. Зачѣмъ же даромъ губить свою молодость, свою жизнь, когда вы можете жить весело, безпечно, счастливо? Скажите, вѣдь я угадалъ, что вы несчастны?

Баронъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и услыхалъ сдержанныя рыданія. Муратова не вынесла этой пытки. Она чувствовала, что дѣло приходитъ къ развязкѣ, и теперь ей стало гадко, отвратительно играть ту роль, которую она приняла на себя. Въ эту минуту она была жалка, болѣе жалка, чѣмъ тѣ нищіе, которые прямо падаютъ къ ногамъ благодѣтелей, прося о подаяніи.

— Что съ вами? — испуганно проговорилъ баронъ, еще ближе наклоняясь къ ней.

— О, если бы вы знали, если бы вы знали, какая пытка моя жизнь!—шептала она.—Оставьте меня, забудьте нашъ разговоръ.

— Оставить васъ теперь, когда я знаю, что вы несчастны, что вы жаждете исхода! — проговорилъ баронъ. — Какъ же вы мало знаете меня! Неужели вы не поняли уже давно, что я готовъ быть вашимъ рабомъ, другомъ, спасителемъ, всѣмъ, всѣмъ...

Онъ сжималъ и цѣловалъ ея мягкую, полную руку. Въ эту минуту онъ вовсе не походилъ на того апатичнаго, сухого и холоднаго дѣльца, какимъ онъ являлся обыкновенно въ обществѣ. Что-то приторное, слащавое, старчески-развратное было въ выраженіи его осклабившагося лица съ опустившимися углами губъ, сузившимися, подернувшимися масломъ глазами.

— Скажите хоть одно слово, — безсвязно шепталъ онъ нетвердымъ, шамкающимъ тономъ.

Муратова поднялась съ мѣста. Она была блѣдна, взволнована и прекрасна.

— Не теперь,—прошептала она:—не сегодня...

Она сжала его руку и быстро пошла по направленію къ своему будуару. Она была не въ силахъ въ эту минуту продолжать объясненіе съ барономъ.

— Вы жестоки... Одно слово, одну ласку... — говорилъ совсѣмъ потерявшій голову старикъ, дѣлая нѣсколько шаговъ за нею и дрожа на ногахъ.

Она обернулась, какъ-то лихорадочно протянула ему руки и въ изнеможеніи прислонилась къ стѣнѣ. Баронъ, какъ безумный, впился полуоткрытыми, отвислыми губами въ эти мягкіе, точно выточенные, стройные пальцы. Наконецъ, она вырвала у него свои руки, быстро наклонилась, на-лету обожгла его дряблую щеку горячимъ поцѣлуемъ и, почти простонавъ: «Послѣ!.. завтра!..»—скрылась за портьерой.

Если бы баронъ послѣдовалъ за нею, онъ увидалъ бы ее лежащею около кушетки съ лицомъ, спрятаннымъ въ подушку, съ вздрагивающими отъ истерическихъ рыданій плечами. Но баронъ, совсѣмъ опьянѣвшій отъ этихъ страстныхъ, неожиданныхъ поцѣлуевъ, не смѣлъ заглянуть за портьеру. Онъ растерянно и все съ тою же глуповато-тупою улыбкою поискалъ свою шляпу, потомъ въ недоумѣніи осмотрѣлся, чтобы найти дверь для выхода, и развинченной, присѣдающей походкой дошелъ до своей кареты, какъ бы въ туманѣ. Онъ не помнилъ себя въ такомъ состояніи даже въ тѣ дни, когда у него, тогда еще оборваннаго юноши, впервые появилась въ рукахъ пачка денегъ въ тысячу рублей.

— Вакханка! вакханка! — шепталъ онъ, глядя куда-то въ пространство отуманенными, почти закатившимися глазами.

А эта вакханка порывисто поднялась съ ковра, быстрымъ движеніемъ отерла батистовымъ платкомъ свои пальцы, свои губы, съ отвращеніемъ швырнула на полъ этотъ платокъ и почти простонала:

— Я ненавижу тебя, слышишь ты, я ненавижу тебя!

Это былъ какой-то безумный порывъ гордой женщины, впервые продавшей себя. Въ эту минуту она ненавидѣла и того, кому продавала себя, и свѣтъ, который осмѣялъ бы ея страданія. Въ глубинѣ ея души шевелилось чувство презрѣнія къ самой себѣ. Въ ея душѣ была теперь потребность выплакать свое горе, покаяться передъ кѣмъ-нибудь, услышать чье-нибудь утѣшающее, ласковое слово. Но кто же могъ придти къ ней на помощь, кто могъ приголубить ее? Правда, было одно существо, которое она полюбила, кото-

рос, повидимому, любило ее, но возможно ли опять идти къ этому человѣку, какъ она шла къ нему наканунѣ? Вчера онъ могъ счесть ея посѣщеніе за невольный порывъ, за случайное разоблаченіе того, что они таили оба въ глубинѣ души. Теперь онъ могъ оттолкнуть ее, какъ женщину, бросающуюся ему на шею и не ожидающую, чтобы онъ сдѣлалъ хоть одинъ шагъ къ ней. Послѣ вчерашней сцены онъ могъ полюбить ее, послѣ сегодняшняго посѣщенія онъ могъ почувствовать къ ней презрѣніе. Все это ей подсказывало тонкое женское чутье, а между тѣмъ у нея не было силъ побѣдить душевную потребность ласки, утѣшенія, потребность забыться подъ звуки сочувственныхъ рѣчей. Она пошла изъ будуара въ гардеробную. Она шла тихо, съ опущенной головой, какъ кающаяся грѣшница, какъ опозоренная женщина, сознающая свое паденіе и свой позоръ. Она говорила себѣ, что она не войдетъ къ Виктору, что она только остановится у дверей его комнаты, подслушаетъ его шаги, его дыханіе, что ей довольно и того, что она будетъ сознавать, чувствовать близость его присутствія. Она вошла въ гардеробную, подняла портьеру надъ дверью, ведущею въ комнату Виктора, и прислонилась ухомъ къ этой двери.

— Милый, дорогой, если бы ты зналъ, какъ я люблю тебя,—почти беззвучно шептала она:—если бы ты зналъ, что я здѣсь...

Она затаила дыханіе и слушала. Въ комнатѣ все было тихо.

«Вотъ тутъ, на этомъ мѣстѣ, вчера впервые онъ обнялъ меня,—неслось въ ея головѣ.—Онъ взялся рукою за эту дверь...»

Она прислонилась щекою къ этой холодной двери; она прильнула къ ней губами.

«Господи, Господи, какъ я люблю его... Развѣ я виновата? Я никогда еще не любила...»

Она не выдержала и вслухъ проговорила молящимъ голосомъ:

— Викторъ!

Отвѣта не было.

— Онъ спитъ?...

Она начала прислушиваться еще пристальнѣе. Въ комнатѣ не было слышно даже дыханія.

— Викторъ!—еще громче проговорила она.

Отвѣта не было попрежнему.

«Но гдѣ же онъ? Съ нимъ что-нибудь случилось?.. Слу-

чилось?.. Что же могло случиться?.. Но зачѣмъ же онъ ушелъ и пропалъ на цѣлый день?.. Избѣгаетъ меня?»

Она широко открыла глаза и безцѣльно смотрѣла въ этой темнотѣ. Передъ ея глазами носились, вертѣлись какіе-то яркіе круги.

«Избѣгаетъ?.. Почему?.. Неужели я обманулась въ его чувствахъ ко мнѣ... Не можетъ быть, не можетъ быть!.. Онъ любитъ... Любитъ?.. Но развѣ можно бѣжать отъ любимаго человѣка на другой день послѣ того, какъ сказалось впервые слово: люблю? Нѣтъ, нѣтъ... въ такія минуты людямъ хочется быть вѣчно, вѣчно вмѣстѣ... А что, если онъ...»

Она не докончила фразы, ей стало страшно при мысли, что онъ, можетъ-быть, презираетъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо разъяснить!—вдругъ проговорила она и дернула за ручку двери.—Викторъ! Викторъ!—почти кричала она, забывъ, что ее могутъ слышать другіе и что ее могутъ застать здѣсь.

Но дверь не подавалось, отвѣта не слышалось.

— Господи, что же это за пытка! За что? Вѣдь я съ ума схожу!—въ отчаяніи воскликнула она и безъ чувствъ упала на полъ.

XVII.

Когда Викторъ Валерьяновичъ въ памятную для него ночь проводилъ отъ себя Аделаиду Александровну и снова переступилъ порогъ своей комнаты, его поразилъ видъ этой комнаты. Дымъ отъ папиросъ и сигаръ еще не успѣлъ совершенно разсѣяться и висѣлъ въ воздухѣ. Подъ этой тяжелой пеленой догорившія свѣчи мерцали тускло. На полу въ разныхъ мѣстахъ валялись окурки папиросъ, корки апельсиновъ, остатки яблоковъ и грушъ. На столахъ еще виднѣлись слѣды закуски, честера и швейцарскаго сыра; пара пустыхъ бутылокъ, хрустальный кувшинъ съ остатками шампанскаго и апельсиновъ, кожица отъ винограда, выброшенная на тарелки, все это непріятно бросалось въ глаза. Стулья стояли въ безпорядкѣ, его холостая постель, на которой часа два тому назадъ валялся кто-то изъ его пріятелей, была въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Запахъ въ комнатѣ былъ тяжелый, наркотическій, какъ обыкновенно бываетъ послѣ пирушки.

— Кабакъ!.. оргія!—прошепталъ Викторъ Валерьяновичъ съ отвращеніемъ.

Передъ нимъ вдругъ ярко представилась та минута, когда

на порогѣ появилась Муратова, огорченная, взволнованная, плачущая, пришедшая, повидимому, высказать ему свое горе.

— Какой же я мерзавецъ! Какой негодяй!—воскликнулъ онъ, хватая себя за голову.

Онъ бросился, не раздѣваясь, на постель, лицомъ къ подушкѣ, казалось, онъ хотѣлъ не видѣть этой комнаты, которая оскорбляла его эстетическое чувство, казалось, онъ боялся, что, при видѣ ея, ему представится во всей своей отвратительной наготѣ картина его недавняго проступка, проступка противъ честной женщины, довѣрчиво пришедшей къ нему, какъ къ близкому родственнику, какъ къ доброму человѣку.

«Какъ я покажусь ей на глаза?—мелькало въ его головѣ.—Что я скажу ей въ свое оправданіе!.. Что я увлекся въ пьяномъ видѣ?.. Въ пьяномъ видѣ!»

Ему опять стало омерзительно гадко при воспоминаніи, что онъ дѣйствительно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ прикоснулся губами къ губамъ этой женщины, которую до сихъ поръ онъ уважалъ, какъ вполнѣ нравственную женщину, которую онъ любилъ чисто родственною любовью, къ которой онъ относился, какъ къ старшей, какъ юноша къ взрослой.

Ощущенія, пробужденныя въ немъ его проступкомъ, были вообще крайне сложны. Быть-можетъ, онъ не смущался бы, если бы онъ совершилъ то же при болѣе изящной и красивой обстановкѣ, которая не внушала бы омерзѣнія его эстетическому чувству. Быть-можетъ, онъ не волновался бы такъ сильно, если бы онъ не сознавалъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, такъ какъ тогда онъ могъ бы сказать, что онъ дѣйствовалъ по увлеченію, по любви, по страсти, а теперь онъ говорилъ, что это все дѣлалось «съ пьяныхъ глазъ», что это «оргія», что это «пьяный развратъ». Быть-можетъ, онъ былъ бы спокоенъ, если бы то же самое случилось въ комнатѣ Муратовой, гдѣ онъ просидѣлъ бы часъ или два, успѣвъ объясниться и поговорить, а не въ его комнатѣ, не черезъ минуту послѣ того, какъ эта женщина довѣрчиво перешла порогъ его кабинета, такъ какъ здѣсь онъ видѣлъ злоупотребленіе довѣріемъ, неблагородную попытку воспользоваться минутною слабостью женщины. Все это было вполнѣ понятно, потому что съ дѣтскихъ лѣтъ въ Викторѣ Валерьяновичѣ развивали эстетическое чувство, рыцарское отношеніе къ такъ-называемымъ честнымъ женщинамъ, чувство порядочности и свѣтскихъ приличій. Товарищи давно уже называли его «красной дѣ-

вушкой», «рыцаремъ безъ страха и упрека», «идеалистомъ», «поэтической натурой», чаще же всего «дѣвчонкой» и «юнцомъ», и знали, что нужно тщательно скрывать свои некрасивыя продѣлки для того, чтобы имѣть право называться его друзьями.

Графъ Викторъ Валерьяновичъ Баскаковъ былъ потомкомъ барскаго рода. Онъ рано остался на рукахъ матери, женщины вѣтреной, слабой, добродушной и нѣсколько сентиментальной, растратившей со своимъ мужемъ почти все свое состояніе и уничтожавшей послѣ смерти мужа послѣднія крохи на домашніе концерты и спектакли, на поощреніе разныхъ художниковъ и артистовъ. Она обожала своего сынишку, гордилась его красотой, восхищалась его нѣжностью. До десяти лѣтъ онъ походилъ болѣе на дѣвочку, чѣмъ на мальчика. Длинные вьющіеся волосы, шотландскій костюмъ съ юбкой и голыми ножонками, излишняя выхоленность организма,—все это дѣлало его похожимъ на дѣвочку. На видъ ему можно было дать не болѣе семи лѣтъ. Быть между женщинами, цѣловать у всѣхъ руки, принимать отъ всѣхъ поцѣлуи, забираться къ матери и родственницамъ на колѣни,—все это было любимымъ дѣломъ мальчугана. Изо всей этой десятилѣтней жизни онъ вынесъ только то, что узналъ всѣ мелочныя сплетни и интриги великосвѣтскихъ женщинъ, изнѣжился, избаловался и въ то же время пристрастился къ разнымъ эстетическимъ наслажденіямъ. На десятомъ году онъ уже участвовалъ въ домашнихъ концертахъ и позировалъ въ живыхъ картинахъ въ роли Амура, шаловливо заигрывавшаго съ какой-нибудь полуобнаженной Венерой-аристократкой.

Противъ этой системы воспитанія постоянно протестовали его дѣдъ и бабка съ отцовской стороны, и мальчикъ научился рано хитрить, хитрить чисто по-женски, держа себя довольно прилично при старикахъ. Эти старики настояли, наконецъ, на томъ, чтобы его образованіе шло не дома, а гдѣ-нибудь въ общественномъ учебномъ заведеніи. Мать рѣшилась отдать его въ пажескій корпусъ. Когда онъ поступилъ въ это учебное заведеніе, всѣхъ поразили его красивенькое личико и слабое тѣлосложеніе: онъ сдѣлался баловнемъ всѣхъ и каждаго, на него нельзя было сердиться, отъ него нельзя было много требовать. Товарищей онъ обезоруживалъ лаской, мягкостью, начальство—слезами. Переходъ отъ веселья къ слезамъ былъ у него такъ же быстръ, какъ у его легкомысленной матери, отдѣлывавшейся слезами отъ всѣхъ

упрековъ совѣсти за разныя совершенныя ею глупости. Мать продолжала баловать его и здѣсь, и Богъ знаетъ, до чего довело бы его это баловство, если бы она не умерла. Со смертью ея онъ попалъ подъ вліяніе своего дѣда и своей бабки.

Старый графъ Иванъ Викторовичъ Баскаковъ былъ съ головы до ногъ представителемъ стараго русскаго барства, непомѣрно гордаго, но снисходительно-благосклоннаго съ низшими, богатаго и щедраго съ бѣдняками, не нуждавшагося въ темныхъ финансовыхъ сдѣлкахъ и имѣвшаго возможность жить широко, не отягощая особенно сильно своихъ крестьянъ. Старикъ занималъ видное положеніе въ свѣтѣ и гордился тѣмъ, что никто изъ его предковъ не былъ измѣнникомъ родной странѣ, что никто изъ нихъ не служилъ въ опричнинѣ Ивана IV, что никто изъ нихъ не былъ холопомъ Годунова, Василія Шуйскаго и Лже-Дмитрія, что никто изъ нихъ не былъ казненъ за какое-нибудь преступленіе, а если и умиралъ не своею смертью, то на войнѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, что никто изъ нихъ не былъ пронырой, временщикомъ и фаворитомъ, что никто изъ нихъ не былъ встревоженъ какимъ-нибудь бунтомъ своихъ крестьянъ, что, наконецъ, крестьяне графа Баскакова въ день своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости скорѣе жалѣли о своемъ прежнемъ положеніи, чѣмъ радовались новому. Стихотвореніе Пушкина: «Моя родословная» онъ называлъ «символомъ своей вѣры». Графъ Баскаковъ съ гордостью говорилъ, что его портретъ, сдѣланный по заказу его бывшихъ крѣпостныхъ, повѣшенъ въ сельской школѣ одной изъ его деревень, что у него есть благодарственный адресъ отъ его бывшихъ крестьянъ, что многіе изъ его крестьянъ задолго до всеобщаго освобожденія были богатѣйшими купцами. Не безъ гордости фигурировалъ онъ въ качествѣ посаженаго отца на свадьбѣ одного изъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ,—на свадьбѣ, стоившей шесть тысячъ и надѣлавшей шуму во всемъ Петербургѣ. Не безъ гордости принималъ онъ при своихъ высокопоставленныхъ пріятеляхъ посѣтившаго его съ почтительными поклонами одного изъ тузовъ финансоваго міра, бывшаго тоже его крѣпостнымъ. Никто не радовался такъ введенію земскаго самоуправленія, какъ онъ, хотя онъ толковалъ о какомъ-то нѣсколько иномъ строѣ этого учрежденія, чѣмъ тотъ строй, который существуетъ въ дѣйствительности. Главной его идеей было вообще стремленіе сдѣлать дворянское сословіе руководящимъ сословіемъ.

— Мы должны руководить народомъ, а не нами долженъ руководить народъ. Мы должны его поднять до себя, но не спускаться до него,— говорилъ онъ.

Всегда снисходительный, любезный и утонченно-вѣжливый со всѣми, онъ держался надменно только съ выскочками или, какъ онъ выражался, съ «новоиспеченными господами, отъ которыхъ еще пахнетъ ваксой, оставшейся у нихъ на рукахъ съ того времени, когда они чистили наши сапоги».

Я консерваторъ, —говорилъ онъ:—потому что я думаю, что въ Россіи нужно болѣе сохранять, чѣмъ разрушать. Она еще слишкомъ бѣдна для перестроекъ, и ее нужно только достраивать.

Онъ былъ горячимъ патріотомъ, но любилъ провинцію и Москву, а не Петербургъ, который называлъ не иначе, какъ «всероссійской канцеляріей». Вслѣдствіе этого и среди литературныхъ направленій онъ особенно уважалъ славянофильство, но, съ величайшимъ уваженіемъ отзываясь объ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и Хомяковѣ, онъ въ то же время нисколько не сочувствовалъ той части славянофиловъ, которая ближе примыкала къ Шевыреву и Погодину, чѣмъ къ Аксаковымъ. Онъ очень любилъ французовъ, называя ихъ «живымъ народомъ»; поклонялся англійскимъ учрежденіямъ, какъ прочно выработавшимъ государственный строй; презиралъ нѣмцевъ, говоря, что «нѣмецъ вовсе не выдумалъ обезьяны, а только старался самъ сдѣлаться обезьяной и, къ несчастью, неудачно». Вообще въ его головѣ все было ясно и опредѣленно, какъ у человѣка, не испытавшаго ни нужды, ни лишеній, достигавшаго своихъ цѣлей безъ борьбы, безъ гоненій, безъ неудачъ, научавшагося всему въ свое время, при помощи учителей, не искавшаго впотьмахъ истины, а получавшаго ее готовою изъ книгъ, изъ учительскихъ совѣтовъ. Вслѣдствіе этого онъ никогда не спорилъ, а просто выражалъ свои мнѣнія такимъ тономъ, который не допускалъ возраженій.

Таковъ былъ старый графъ Баскаковъ.

Его жена, графиня Ольга Васильевна Баскакова, вполнѣ раздѣляла идеи мужа и никогда не играла въ свѣтѣ двусмысленной роли. Эта маленькая, довольно полная, всегда бодрая и оживленная старушка, одѣтая по-старомодному, просто и степенно, въ платья изъ толстаго гро-грана и въ чепцы съ густыми оборками и длинными завязками изъ толстыхъ атласныхъ лентъ, смотрѣла строго на свои супружескія и общественныя обязанности. Про нее никогда не ходило

шокирующихъ ее толковъ, ее никто не могъ упрекнуть, что она ведетъ себя несообразно съ своимъ положеніемъ въ обществѣ. Въ ея салонъ было не легко проникнуть людямъ, носившимъ со вчерашняго дня важные титулы или зашибившимъ только наканунѣ милліонное состояніе, но въ ея пріемную часто проникали бѣдняки, получавшіе отъ нея ежемѣсячныя пенсіи, на которыя ею тратился ежегодно десятокъ тысячъ рублей. Ее было не трудно завербовать въ члены какого-нибудь благотворительнаго общества, но участіе ея въ этомъ обществѣ ограничивалось только ежегоднымъ взносомъ, и она не считала возможнымъ и достойнымъ для себя посѣщать эти «базары грошоваго тщеславія», какъ она называла всевозможные филантропическіе комитеты, гдѣ, по ея словамъ, все дѣло состояло въ томъ, чтобы «какъ можно меньше дать и заставить людей какъ можно больше говорить о дающемъ». Она только снисходительно улыбалась, когда слышала, какъ «новыя» благотворительности хлопочутъ о лотереяхъ и балахъ въ пользу бѣдныхъ, и простодушно замѣчала:

— Стара я становлюсь, и, право, не знаю, зачѣмъ мы станемъ принуждать другихъ давать на бѣдныхъ то, чего мы сами не хотимъ пожертвовать на нихъ.

Дѣйствительно, она никогда не вымогала у другихъ пожертвованій на тѣхъ бѣдняковъ, въ глазахъ которыхъ ей хотѣлось быть благотворительницей. Не могла она понять и того, какъ возможно даже ради бѣдныхъ людей ея круга забѣгать къ какимъ-нибудь танцовщицамъ, долженствующимъ стоять у колеса алегри, къ какимъ-нибудь каскаднымъ пѣвицамъ, долженствующимъ обезпечить сборъ въ концертѣ, къ какимъ-нибудь разжившимся евреямъ, долженствующимъ ссудить деньги подъ будущую лотерею. Она внутренно смущалась, видя, какъ молодыя женщины высшаго круга пожимаютъ руки всѣмъ этимъ двусмысленнымъ, ничтожнымъ, развратнымъ или просто преступнымъ, но еще не осужденнымъ закономъ личностямъ.

— Ахъ, Боже мой, это дѣлается ради бѣдняковъ!—замѣчали ей оправдывающіяся молодыя благотворительницы.

— А я все думала, что ради загребанья чужими руками жара,—простодушно замѣчала она.

Ей замѣчали, что въ старое время благотворительницамъ не нужно было бѣгать за балетными танцовщицами, за жидами-милліонерами, за пѣвцами и пѣвицами, потому что можно было легко благотворить изъ крестьянскихъ денегъ.

— Да, да, это-то правда,—наивно соглашалась старушка.— Вотъ только не могу я все понять, изъ чьихъ это денегъ нынче-то вы благотворите.

Графъ и графиня Баскаковы, какъ люди, получавшіе нѣсколько десятковъ тысячъ ежегоднаго дохода, жили вполнѣ спокойною, сытою и довольною жизнью, нѣсколько замкнуто, немного скучно, сторонясь отъ новоиспеченныхъ знаменитостей, отъ биржевыхъ тузовъ, отъ іерусалимскихъ дворянъ новаго времени. Какой-то свѣтскій острякъ даже замѣтилъ, что у нихъ въ домѣ «пахнетъ въ парадныхъ комнатахъ кладовою древностей, а въ кабинетахъ и спальняхъ деревяннымъ масломъ». Но и у нихъ было свое горе: ихъ старшій сынъ женился противъ ихъ воли и умеръ, оставивъ послѣ себя жену и сына. Они хотѣли взять мальчика къ себѣ на воспитаніе, зная, какъ легкомысленна и вѣтрена его мать, но эта женщина воспротивилась ихъ желанію и удержала ребенка при себѣ. Она умерла, когда ребенокъ былъ уже сильно испорченъ ею и когда ея имѣніе было до конца промотано на тряпки, балы, театры и такія глупыя затѣи, на которыя можно было рѣшиться только человѣку, помѣшавшемуся отъ внутренней пустоты и скуки свѣтской жизни, не дающей женщинѣ никакого дѣла. Старики горячо любили внука, и когда онъ попалъ окончательно въ ихъ домъ, они попробовали дать новое направленіе его характеру и принуждены были взять его изъ Пажескаго корпуса, куда онъ былъ отданъ по ихъ же настоянію, чтобы быть избавленнымъ отъ исключительнаго вліянія матери. Ихъ заботы о немъ выразились въ томъ, что ему старались дать тщательное домашнее образованіе, что его стали охранять отъ всякихъ вліяній разгульныхъ товарищей, что изъ него хотѣли создать достойнаго носителя фамиліи Баскаковыхъ. Главный его гувернеръ, швейцарецъ Лефрансе, развивалъ изъ ребенка, согласно желанію старика Баскакова, истаго спартанца и рыцаря, стараясь истребить слѣды его женственной, восточной нѣги. Мальчикъ долженъ былъ привыкать къ простотѣ. Онъ просто одѣвался, спалъ на жесткой постели; въ его комнатѣ не было лишнихъ украшеній; его желѣзная кровать, его кожаная мебель, его незатѣйливый письменный столъ,—все это было крайне просто; при немъ находился дядька изъ заслуженныхъ гвардейскихъ солдатъ, учившій его маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ; его никто изъ прислуги не называлъ «его сіятельствомъ». Старикъ-графъ, любившій по-своему народъ и считавшій

дворянъ естественными руководителями народа, стремился, чтобы его внукъ познакомился съ народомъ, и лѣтомъ, живя въ деревнѣ, пробуждалъ въ юношѣ интересъ къ жизни мужиковъ, зимою же отправлялъ его вмѣстѣ съ Лефрансе къ тѣмъ бѣднякамъ, которые обращались съ просьбами къ самому старому графу или къ старухѣ-графинѣ. Такимъ образомъ, Викторъ очень рано могъ увидать, какъ живутъ бѣдняки, и задуматься о томъ, почему они такъ живутъ, гдѣ средства помочь имъ. Отвѣты на эти вопросы находились у старика-графа и у старухи-графини.

— Мы должны стараться быть развитыми людьми, запасаться знаніями, чтобы просвѣщать темную массу,—говорилъ графъ въ своемъ кругу.—Народъ бѣденъ потому, что онъ невѣжественъ и не имѣетъ образованныхъ руководителей.

— Мы обязаны употреблять наши матеріальныя средства на разумную помощь бѣднякамъ,—говорила графиня, окруженная своей многочисленной семьей.—Всѣ нынѣшнія благотворительныя общества не ведутъ ни къ чему, потому что въ нихъ люди больше шумятъ о своей добродѣтели, чѣмъ жертвуютъ. Они на какихъ-нибудь лотереяхъ обманутъ сотни бѣдныхъ невѣждъ, чтобы дать другимъ десяти бѣднымъ невѣждамъ какой-нибудь грошъ, не улучшающій ихъ положенія.

Рядомъ съ этимъ и дѣдъ, и бабка развивали въ немъ фамильную гордость и кастовое самолюбіе. Онъ постоянно слышалъ, что графы Баскаковы не смѣшивали своей крови съ кѣмъ попало, что графы Баскаковы умѣли дорожить своимъ общественнымъ положеніемъ, что графы Баскаковы только потому и имѣютъ значеніе и богатство, что они не дѣлали никакихъ faux pas, никакихъ mésalliances, никакихъ extravagances.

— Кто хочетъ приносить пользу своей родинѣ, кто хочетъ поднять благосостояніе народа, тотъ долженъ стоять высоко и не спускаться до той грязи, въ которой вязнутъ низшіе классы,—нерѣдко говорилъ старый графъ во время семейныхъ обѣдовъ, гдѣ онъ игралъ роль предсѣдателя и отчасти проповѣдника.—Народъ не слушаетъ и не уважаетъ тѣхъ баръ, которые ни съ того, ни съ сего якшаются съ нимъ. Наконецъ, всѣ эти сближенія у насъ тѣмъ опаснѣе, что мы еще далеко не проникнуты насквозь, не преображены цивилизаціей; мы, какъ только спустимся до народа, такъ тотчасъ же заражаемся всѣми его недостатками, не прививая въ то же время къ нему никакихъ достоинствъ.

Графъ мѣтко отыскивалъ примѣры: онъ указывалъ на тѣ княжескіе и графскіе захудалые роды, представители которыхъ пашутъ землю, находятся въ невѣжествѣ, живутъ въ грязи; онъ приводилъ разсказы о нѣкоторыхъ славянофилахъ-народникахъ, которые, якшаясь съ народомъ, не сдѣлали ничего для народа, а сами превратились въ пьяницъ, въ кабачныхъ засѣдателей и въ крайне узкихъ по кругозору людей. Какъ человѣкъ, хорошо знавшій Россію, какъ личность, слѣдившая за русской и европейскими литературами, графъ могъ всегда указывать на яркіе примѣры для подтвержденія своихъ идей. Сами эти идеи были не просто вычитанными, предвзятыми; онѣ сложились также подъ вліяніемъ жизни, наблюденій; если его выводы и были ложны, то не вслѣдствіе недобросовѣстности и стремленія подтасовать факты, а потому же, почему два вполнѣ добросовѣстные наблюдателя могутъ въ одно и то же время подмѣтить совершенно различныя стороны въ одномъ и томъ же явленіи.

Но старики такъ сильно и много хлопотали о маленькомъ Викторѣ, что всѣ остальные члены семьи, даже и внучата стариковъ, стали ревновать послѣднихъ къ мальчугану и, въ сущности, ненавидѣли его. Въ семьѣ за нимъ осталось прозвище «лисички». Мальчикъ понялъ очень рано вражду своихъ дядюшекъ и тетушекъ, кузеновъ и кузинъ, и, научившись еще раньше, въ домѣ матери, лгать и хитрить, игралъ свою роль отлично. Онъ исполнялъ волю дѣда и бабки и зналъ, что этимъ онъ пріобрѣтаетъ такихъ союзниковъ, противъ которыхъ ничтожна сила всѣхъ соединившихся противъ него родныхъ. Старики по самому складу своихъ характеровъ и воззрѣній были деспоты, благосклонные и правосудные, но все же деспоты, не допускавшіе вмѣшательства въ управленіе семейными дѣлами.

Подъ вліяніемъ такихъ условій Викторъ выросъ скромнымъ, серьезнымъ и очень прилежнымъ юношею, обладавшимъ довольно большимъ запасомъ знаній. Онъ поступилъ въ университетъ такъ рано, какъ можетъ поступить туда только человѣкъ съ сильными связями; онъ блистательно и быстро окончилъ тамъ курсъ, какъ можетъ это сдѣлать только человѣкъ, имѣющій возможность пользоваться за большія деньги частными уроками всѣхъ своихъ профессоровъ; онъ тотчасъ же по выходѣ изъ университета былъ опредѣленъ въ полкъ. Старикъ-дѣдъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его внукъ былъ военнымъ, какъ всѣ графы Баскаковы, и притомъ ученымъ военнымъ, академистомъ. Если

что-нибудь и огорчало стариковъ, такъ это то, что Викторъ остался очень невысокъ ростомъ, имѣлъ женоподобное лицо и отличался слабымъ тѣлосложеніемъ, хотя и былъ здоровъ. Но если бы старики могли заглянуть поглубже въ душу этого человѣка, они огорчились бы гораздо болѣе. Въ сущности фразы, наставленія и уроки стариковъ не могли никогда убить въ мальчикѣ воспоминаній о прелестяхъ распущенной, полной нѣги, изобилующей сладостными ласками жизни въ домѣ его матери. «Онъ,—какъ говоритъ одинъ французскій поэтъ: — слишкомъ рано научился ощущать сквозь платье прелесть женскаго тѣла». Онъ слишкомъ рано насмотрѣлся на красоту, полюбилъ эстетическія наслажденія, понялъ грацію балетныхъ танцовщицъ, изучилъ прелесть формъ великихъ произведеній скульптуры и не могъ сдѣлаться тѣмъ спартанцемъ, котораго думали приготовить изъ него дѣдъ и бабка. Правда, онъ не былъ ни кутилой, ни развратникомъ, но, можетъ-быть, это случилось потому, что дѣдъ и бабка давали ему очень мало денегъ, да еще потому, что въ немъ слишкомъ сильно развилось эстетическое чувство. Ему была гадка всякая грязь, всякая рѣзкость формъ, движеній и фразъ, всякая разнузданность кутежей. Иногда, задумываясь о своемъ будущемъ, онъ мечталъ о женѣ-красавицѣ съ плавными и граціозными движеніями, съ долей восточной лѣни, съ медленными и продолжительными ласками.

Въ то время, когда мы застаемъ графа Виктора Валерьяновича Баскакова у Муратовыхъ, онъ только-что надѣлъ офицерскіе эполеты послѣ недолгаго пребыванія въ юнкерахъ. Его полкъ стоялъ въ окрестностяхъ Петербурга, и онъ не жилъ въ столицѣ, а только пріѣзжалъ сюда на три, на четыре дня въ недѣлю. Старики Баскаковы проводили послѣднія двѣ зимы за границей, почти со всею своею семьею, такъ какъ старуха графиня была больна, и Виктору Валерьяновичу приходилось проводить дни одному въ своемъ огромномъ домѣ. Правда, въ этомъ домѣ оставался со своею многочисленною семьею одинъ изъ сыновей старика Баскакова, но эта семья относилась крайне холодно къ Виктору, и ему, жаждавшему ласкъ и привѣта нѣженкѣ, было не по-себѣ въ этой семьѣ. Его тяготило это положеніе, и онъ охотно согласился на предложеніе Аркадія Павловича бросить старый домъ и пріѣзжать на временные ночлеги въ квартиру Муратовыхъ. Аркадій Павловичъ пригласилъ къ себѣ своего родственника не безъ задней мысли: онъ очень

хорошо понималъ, что было не безвыгодно какъ можно тѣснѣе сблизиться съ этимъ юношею, внукомъ и главнымъ наслѣдникомъ стараго милліонера. Бабка Виктора Валерьяновича, узнавъ за границей, что ея внукъ, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливается у Муратовыхъ, была тоже рада: она видѣла, какъ былъ скроменъ Аркадій Павловичъ въ ея домѣ во дни своего юношества, она полюбила Аделаиду Александровну, видя въ ней симпатичную, строгую и добрую женщину. Викторъ Валерьяновичъ, выглядѣвшій почти мальчикомъ, здоровенькій, румяный, стройный, жилъ у своихъ родственниковъ такъ же просто, какъ въ своемъ громадномъ домѣ, т. е. занималъ одну комнату съ простенькой обстановкой, безъ претензій. Для болѣе роскошной обстановки ему не давали средствъ. Тотчасъ послѣ его поступленія въ полкъ около него начали вертѣться десятки пріятелей, понимавшихъ, что не безвыгодно прибрать къ рукамъ будущаго богача, но ему какъ-то удалось стать въ сторонѣ отъ нихъ. Онъ презиралъ ихъ въ душѣ: во-первыхъ, они были слишкомъ открыто разнузданы и развратны, а къ такимъ людямъ онъ научился питать отвращеніе въ домѣ матери, гдѣ и самый порокъ долженъ былъ принимать изящную форму, во-вторыхъ же, онъ глядѣлъ на нихъ свысока, наслушавшись въ домѣ дѣда о значеніи рода графовъ Баскаковыхъ и о томъ, какъ должны держать себя истинные баре, чтобы поддержать свое достоинство. Его возмущали толки о томъ, что такого-то изъ его пріятелей держитъ въ рукахъ и даже бьетъ по щекамъ такая-то танцовщица, незаконная дочь отставного унтеръ-офицера и прачки, или что такой-то его товарищъ дежуритъ у театра Берга, чтобы заслужить благосклонное вниманіе отъ какой-то каскадной пѣвицы, оказывающей безъ разбора свое вниманіе каждому изъ собратьевъ-пѣвцовъ и танцовщиковъ. Ему казалось омерзительною эта грязь, но не потому, что онъ ненавидѣлъ порокъ, а потому, что онъ ненавидѣлъ грязь. Только иногда, чтобы не прослыть скупцомъ, онъ предлагалъ къ услугамъ пріятелей свой кошелекъ или снисходилъ на ихъ просьбы угостить ихъ.

— Сегодня товарищи пригласили себя ко мнѣ,—смѣялся онъ иногда Муратовымъ, говоря, что у него будутъ вечеромъ гости.

Одинъ изъ такихъ вечеровъ съ гостями былъ именно въ то время, когда намъ впервые пришлось познакомиться съ Викторомъ Валерьяновичемъ...

Ему было стыдно за себя, ему было гадко вспомнить всѣ событія этого вечера: онъ чувствовалъ, что онъ сдѣлалъ непоправимую подлость. Онъ не могъ оправдать себя въ своихъ глазахъ тѣмъ, что онъ страстно любилъ Аделаиду Александровну. Этой страсти она не пробуждала въ немъ и прежде, не пробуждала и теперь. Обдумывая свое положеніе, онъ рѣшился на другой день уѣхать рано утромъ въ полкъ, потомъ переселиться въ свой пустынный и скучный домъ, несмотря на то, что тамъ было неуютно, что тамъ жила семья нелюбимаго дяди. Онъ вернулся изъ полка только на слѣдующій день и не безъ страха вступилъ въ квартиру Муратовыхъ, боясь встрѣчи и объясненія съ Аделаидою Александровной. Рѣзкія объясненія съ-глазу на-глазъ съ кѣмъ бы то ни было были не въ его характерѣ. Ему было легче въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жать ежедневно руку подлецу, чѣмъ разъ навсегда сказать въ глаза этому человѣку, что онъ считаетъ его негодяемъ и прерываетъ съ нимъ сношенія. Какъ на зло, первое лицо, которое онъ встрѣтилъ въ домѣ Муратовыхъ, когда лакей отперъ ему двери, была Аделаида Александровна. Викторъ Валерьяновичъ покраснѣлъ, какъ школьникъ, и ждалъ увидѣть суровое лицо. Но Аделаида Александровна быстро протянула ему обѣ руки и почти вскрикнула:

— Викторъ, какъ можно такъ неожиданно пропадать! Я думала, что съ тобой Богъ знаетъ что случилось!

Викторъ Валерьяновичъ остолбенѣлъ.

— Пойдемъ ко мнѣ! —проговорила она.

Онъ покорно пошелъ за нею въ ея будуаръ. Онъ имѣлъ видъ провинившагося и трусливаго ребенка.

Милый, не грѣхъ ли тебѣ оставлять меня одну? — прошептала она, припавъ къ нему на грудь.

Онъ былъ ошеломленъ. Онъ не зналъ, что дѣлать. Она любила его, теперь онъ понялъ это. Какъ же сказать ей, что она ошибается въ его чувствахъ относительно ея? Какъ оттолкнуть, оскорбить ее въ эту минуту, сказавъ, что ихъ первое любовное объясненіе было слѣдствіемъ его увлеченія подъ вліяніемъ лишняго стакана шампанскаго, подъ вліяніемъ минутнаго возбужденія? Какъ сказать ей, что онъ отнесся къ ней въ тотъ вечеръ, какъ къ падшей женщинѣ, какъ негодяй? Викторъ Валерьяновичъ терялъ голову, а она обнимала его, цѣловала его руки. Она и плакала, и смѣялась. Ему было и жаль ее, и въ то же время такъ сладко чувствовать ея ласки. Его впервые такъ ласкала

женщина. Ему оставалось только отдаться этимъ ласкамъ. Онъ думалъ, что надо будетъ выяснить ихъ отношенія мало-по-малу, когда-нибудь, послѣ. Теперь же онъ не безъ наслажденія цѣловалъ эти мягкія, граціозныя руки и склонялъ курчавую голову на эту горячую грудь.

Аделаида Александровна была вполнѣ счастлива. Подъ вліяніемъ этого радужнаго настроенія она отправила лакея съ письмомъ къ Лыткинымъ. Еще такъ недавно послѣ непріятной сцены съ мужемъ, она досадовала, что на свѣтѣ есть счастливые люди; теперь ей хотѣлось осчастливить всѣхъ и каждаго. Ея душа была похожа на море, которое воетъ и стонетъ подъ вліяніемъ непогоды и блещетъ и нѣжится въ ясный солнечный день. Стать выше окружающихъ обстоятельствъ, управлять этими обстоятельствами -на это у нея никогда не хватало ни силъ, ни умѣнья.

XVIII.

— Лыткина, Дарья Андреевна, здѣсь живетъ?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ лакеемъ, появившимся въ дверяхъ жилища Лыткиныхъ съ большимъ узломъ и письмомъ въ рукахъ.

— Это я, - отвѣтила Даша.

— Вотъ вамъ прислали отъ госпожи Муратовой,—сказалъ лакей, подавая письмо и узелъ.

— Хорошо... благодарите! - конфузливо произнесла молодая дѣвушка, видя, что лакей оглядываетъ безцеремоннымъ и презрительнымъ взглядомъ ихъ жилище.—Я отвѣчу послѣ...

Лакей, не поклонившись, вышелъ вонъ. Даша поспѣшно распечатала письмо. Аделаида Александровна приглашала молодую дѣвушку скорѣй занять мѣсто и посылала необходимыя вещи. Даша еще стояла съ опущенными руками, дочитавъ коротенькую записочку и не замѣчая, что мать уже разсматриваетъ, что находится въ узлѣ, когда въ комнату шумно влетѣла Марья Егоровна.

— Ты чего же это вчера-то не пришла? А?--крикнула она племянницѣ, ни съ кѣмъ не здороваясь и вся раскрасившаяся отъ гнѣва.—Купецъ у меня былъ, видѣлъ онъ разъ тебя на улицѣ, хотѣлъ познакомиться... А ты что?.. Ты на благородныхъ людей плюешь?.. Да что это у васъ? Откуда раздобыли, - вдругъ обратилась она къ старухѣ Лыткиной, увидавъ узелъ съ платьями и бѣльемъ. - Ужъ не подцѣпили ли кого безъ меня? Отъ васъ всего жди!

— Я на мѣсто поступаю, - сухо отвѣтила Даша.

— Вотъ тебѣ и на! Къ кому это? — изумилась Марья Егоровна, разводя руками.

— Къ Аделаидѣ Александровнѣ Муратовой,—сказала Даша.

— Къ Муратихѣ?.. Ну, мѣсто!—всплеснула руками Марья Егоровна и залилась громкимъ, пошлымъ смѣхомъ.

— Вы развѣ ее знаете?—съ удивленіемъ спросила Даша.

— Я-то? Да кого же это я въ Петербургѣ не знаю? Слава Богу, ноги-то еще кормятъ, вездѣ пороги-то обиваю,— мотнула головой Коптяева, надвигая съ затылка свалившуюся шляпку. — Муратиха и посейчасъ десять рублевъ за кружева мнѣ должна. Голь, какъ есть, голь перекатная!

— Что это вы, сестрица, говорите о такой-то особѣ! Благодѣтельница наша она, вотъ что! благодѣтельница!— воскликнула жалобнымъ тономъ старуха Лыткина, качая головой.

— Благодѣтельница!—съ ироніей повторила Марья Егоровна.—Знаемъ мы ихъ! Людишкамъ-то своимъ лучше бы жалованье за шесть мѣсяцевъ отдала!.. Благодѣтельница! Да она сама скоро въ трубу вылетитъ!.. Имѣніе-то заложено да и перезаложено, мужъ что получаетъ, то за одну квартиру приходится платить; чтобы поѣсть, такъ весь Петербургъ обѣгаютъ, добывая денегъ въ долгъ; должники-то отъ дверей не отходятъ.

Марья Егоровна, несмотря на то, что давала деньги въ долгъ и стремилась открыть гласную кассу ссудъ, никакъ не могла привыкнуть къ тому, что дающій въ долгъ деньги называется не должникомъ, а кредиторомъ.

— Ну, мать моя, поправишься изъ кулька въ рогожку, поступивъ къ ней! Нечего сказать, нашла мѣсто!—продолжала она сердито.—Муратиха-то сама норовитъ, съ кого бы содрать. Вотъ они пожертвованія въ пользу бѣдныхъ собирали; купцы кто вещами, кто матеріями жертвовали; такъ она въ это время руки нагрѣвала. Базаръ это былъ у нихъ устроенъ, распродавали, значитъ, вещи такъ, что она цѣны-то курамъ на смѣхъ поставила, да сама все лучшее за безцѣнокъ и купила, а потомъ черезъ меня же съ барышомъ и продавала. Да что говорить, ничѣмъ не брезгаетъ!.. А ты лучше бы меня слушалась. Пришла бы вчера ко мнѣ, такъ и познакомилась бы съ этимъ самымъ купцомъ, который ради тебя и ко мнѣ приходилъ... Богачъ, богачъ, какъ есть, не лыкомъ шитый, какъ эти Муратовы-то твои... Ничего бы для тебя не пожалѣлъ... «Ты, говоритъ мнѣ, познакомь меня, а я тебѣ на обзаведеніе этой кассы гласной ссужу»...

Вѣдь ты пойми, что если это онъ мнѣ за тебя обѣщаетъ, то что же для тебя-то сдѣлалъ бы, какъ его обвѣнчали бы... Ему деньги что? Наплевать да растереть!.. Ему денегъ-то не жаль, не свои; сегодня броситъ ихъ, завтра покупателей обдуетъ вдвое того. Это у него колесомъ все идетъ, колесомъ... А ты къ Муратихѣ на мѣсто! Придумала!..

Даша молчала, опустивъ руки и голову.

— А ты вотъ что сдѣлай: возьми ты эти самыя вещи себѣ, а ей напиши, что раздумала... Вещи ничего, хорошія.

Марья Егоровна торопливо начала рыться въ узлѣ и разсматривать платья.

— Вотъ это тебѣ къ лицу будетъ,—говорила она, вытащивъ одно платье.—Пріодѣнься въ него и приходи ко мнѣ. Купцу еще больше понравишься. Извѣстно, въ нарядѣ человѣкъ красивѣе... Примѣрь-ка...

Даша едва замѣтно махнула рукой.

— Оставьте, — глухо проговорила она. — Сказала я, что иду на мѣсто, и пойду... Богъ съ ними, съ вашими купцами... Не продажная я...

— Ахъ, ты Господи, фря какая!..—развела руками Марья Егоровна.—Не продажная! Да были мы и получше тебя, а шли, куда нужда гнала! Диво какое! Не все равно, такъ ли кому на шею броситься, изъ-за денегъ ли замужъ выйти! Дѣти-то одинаковыя будутъ, не объ двухъ головахъ!

Даша съ отвращеніемъ отвернулась отъ тетки.

— Намъ надо продать кое-что изъ присланнаго,—обратилась она къ матери: — а то вѣдь ни у меня ни копейки на первое время не будетъ, ни у васъ... Вотъ это платье получше, возьмите его и снесите...

Даша выбрала изъ трехъ присланныхъ ей платьевъ лучшее и подала матери.

— Ты постой! — сердито остановила ее тетка. — Сердиться бы мнѣ на тебя нужно, да плюнуть на всю вашу семью. Да я не такая! Покажи платье-то, можетъ, я куплю. Все дороже дамъ, чѣмъ на рынкѣ.

Коптяева быстро выхватила платье изъ рукъ старухи Лыткиной и начала его поворачивать во всѣ стороны.

— Не Муратихино, не Муратихино!—воскликнула она.— Муратиха и ниже, и толще... Такъ я и знала, что изъ чужого благодѣтельствуетъ... Всѣ онѣ такія!.. И гдѣ я это платье видѣла, Господи ты Боже мой!.. Вотъ ужъ не припомню, хоть убей, не припомню! А видѣла, видѣла своими глазами... Платье ничего... Сколько возьмете?..

— Да развѣ мы, сестрица, знаемъ? — робко начала старуха Лыткина. — Мы этакихъ-то вещей, почитай что, пять лѣтъ и за сто шаговъ не видали... Ей-Богу!.. Ужъ гдѣ намъ, въ помраченіи живемъ!.. Гдѣ намъ, Владычица Пресвятая Богородица, упованіе наше и покровъ!

Старуха заморгала глазами и обратила лицо куда-то въ уголъ, гдѣ чернѣло что-то, должно-быть, образъ.

— Что-жъ, товаръ вашъ, не мнѣ назначать цѣну,—проговорила Марья Егоровна, разсматривая подолъ платья, чтобы убѣдиться, что онъ не обился.

— Шнуркомъ, а не тесьмой обшитъ, непремѣнно французинка дѣлала, — пробормотала она: — русскія все больше тесьмой нынче обшиваютъ...

— Да полноте ломаться-то,—съ горечью замѣтила Даша:— вѣдь вы очень хорошо знаете, что мы всякой цѣнѣ будемъ рады.

— Ахъ, мать моя, да не стану же я такъ зря деньги бросать,—воскликнула Коптяева.—Ты вонъ голодна, боса, такъ и не знаешь, чего деньги-то стоятъ. А я-то ихъ наживала, такъ знаю имъ цѣну. Ты вонъ говоришь: «Я не продажная». Нѣтъ, а ты прежде продай себя, тогда и узнаешь, чего деньги стоятъ. Тебѣ деньги что? Такъ, бумажки какія-то! А мнѣ каждая эта бумажка, можетъ-быть, сотня грѣховъ... Да что грѣхи? Бывало и хуже, что бумажка-то и синяковъ стоила... Трепали, мать моя, трепали на вѣку-то... Ишь ты, подъ мышечками-то подушечки клеенчатыя, а пронотѣло,— съ сожалѣніемъ покачала она головой, увидавъ на лифѣ платья около рукавовъ слѣды отъ пота.

— Не задерживайте вы мать: скажите, сколько дадите; или она понесетъ платье на рынокъ,—сказала Даша, теряя терпѣніе.

— Ну, загорѣлось! — сердито проговорила Марья Егоровна.—Восемь рублевъ хотите?

— Чего вы спрашиваете!.. Давайте, намъ деньги нужны,— отвѣтила Даша.

— Да ты не торопи меня! — отстранила ее Марья Егоровна, смущенная неожиданнымъ согласіемъ Даши взять предложенную цѣну.—Не сбивай!.. Дай-ка я еще посмотрю.

Она стала снова осматривать платье и покачала головой.

— Нѣтъ, восьми я не дамъ! Семь берите! — проговорила она.

— Что же это вы, сестрица голубушка, въ самомъ дѣлѣ, надъ нами издѣваетесь!—жалобно заговорила старуха Лыт-

кина. — Я ужъ лучше жидовку позову, право!.. Вѣдь не знаю я цѣны этимъ вещамъ, не знаю, и грѣха этого на душу не беру, а все же понимаю, что и жидовка больше дастъ, не въ примѣръ больше...

— Жидовка, жидовка! — передразнила ее Марья Егоровна. — Да гдѣ вы жидовку-то возьмете? Теперь у нихъ праздникъ. Ну, несите на рынокъ,—кто тамъ-то купитъ? Жидовскій-то рядъ запертъ, а кромѣ жидовокъ кто купитъ?

— Грѣхъ вамъ пользоваться...— плаксиво начала старуха Лыткина, но Даша перебила ее.

— Оставьте!.. Я совсѣмъ не стану его продавать, а заложу сейчасъ,—проговорила она.

— Ну, ну, чего нѣтушишься! — поспѣшно остановила ее тетка. — Хорошо, ужъ такъ и быть, по-родственному восемь дамъ...

Она быстро завладѣла платьемъ и начала его свертывать. Завязавъ его въ платокъ, она отвернулась въ уголъ, отыскала подъ платьемъ и юбкою прикрѣпленный къ тальѣ почти на голомъ тѣлѣ подвязной карманъ, вытащила оттуда небольшой засаленный замшевый кошелекъ съ позеленѣвшимъ мѣднымъ замкомъ, отодвинула обкусаннымъ ногтемъ задвижку замка и начала отсчитывать деньги.

— Вотъ,—отрывисто проговорила она, подавая засаленныя бумажки и грязныя серебряныя монеты, пахнувшія и лукомъ, и селедками, побывавшія Богъ знаетъ въ какихъ рукахъ.

— Что же это, сестрица, тутъ только семь рублей семьдесятъ копеекъ, — проговорила въ недоумѣніи старуха Лыткина.

— Довольно, довольно! — торопливо отвѣтила Коптяева, махая рукой. — Все равно, когда-нибудь у меня же занимать будете.

Она торопливо опять отвернулась въ уголъ, опять подняла платье и юбку и спрятала кошелекъ.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, ступай на мѣсто!—обратилась она къ племянницѣ, намѣреваясь уйти.—Живи съ моей легкой руки!.. Какъ-нибудь навѣдаюсь... Все равно за долгомъ нужно будетъ идти туда...

Она распрощалась съ родственницами и пошла.

— А коли о купцѣ надумаешься, такъ скажи,—обернулась она съ порога.—Онъ такой человѣкъ, что всегда способенъ оболтаться, его только подпой.

Даша, не слушая ея, торопливо готовилась оставить

родной уголъ. Она стала поспѣшно одѣваться. Присланное ей платье оказалось ей впору, хотя и было нѣсколько узко въ тальѣ и слишкомъ длинно. Молодая дѣвушка была уже одѣта, когда она вспомнила, что ей, въ сущности, нельзя идти, такъ какъ у нея не было верхней теплой одежды. Аделаида Александровна прислала только платья, воротнички, да нарукавнички, но не доставила ничего болѣе существеннаго. Дашѣ пришлось опять занимать бурнусъ.

— Я его пришлю завтра,—сказала она матери.—Вы за нимъ не ходите...

Ей было совѣстно, что мать придетъ въ своихъ лохмотьяхъ въ домъ Муратовой на посмѣшище прислуги.

— Ужъ гдѣ мнѣ въ такой домъ идти, гдѣ мнѣ!—проговорила старуха Лыткина и побѣжала мелкими шажками доставать бурнусъ.

— Вотъ, голубчикъ, и уйду я отъ васъ, — промолвила Даша, цѣлуя брата. — Будь умнымъ, не шали... Милый ты мой, ужъ какъ мнѣ тебя жаль!

— Я къ тебѣ прибѣгу!—проговорилъ братишка.

— Что ты, что ты! Тебя и не впустятъ туда!—воскликнула сестра.—Сама вырвусь къ вамъ какъ-нибудь на-дняхъ

Она едва сдерживала слезы.

Какъ-то лихорадочно-тревожно вырывалась она изъ своего подвала, безъ всякихъ свѣтлыхъ надеждъ, безъ всякихъ грезъ о лучшемъ будущемъ. Она, кажется, хотѣла попробовать пожить въ чужомъ домѣ на мѣстѣ только для успокоенія своей совѣсти, почти не надѣясь, что изъ этого выйдетъ какой-нибудь толкъ. Она боялась, что если она не попробуетъ послужить на предложенномъ ей мѣстѣ, то ее будетъ послѣ мучить раскаяніе, что она отказалась отъ этого средства спасти свою семью.

— Отца удержите, чтобы не ходилъ ко мнѣ... А то опять изъ-за него выгонятъ,—говорила она, цѣлуя мать и брата.

XIX.

«Что-то ждетъ меня тамъ, на новомъ мѣстѣ? — думала Даша, робко подходя къ дверямъ квартиры Муратовыхъ.— Ну, да, хуже не будетъ, чѣмъ было... Только бы брата пристроить въ гимназію, а о себѣ нечего думать!»

Она тихо позвонила. Лакей отворилъ дверь. Она попросила сказать о своемъ приходѣ. Даша не смѣла переступить порогъ. Ей было и стыдно, и страшно. Ей казалось, что лакей смотритъ на нее съ презрѣніемъ и насмѣшкою, что

онъ сразу узнать, что на ней надѣта чужая, только-что недавно принесенная имъ одежда.

— Лыткина пришла,—доложилъ лакей, входя въ будуаръ Аделаиды Александровны.

— Проси ее сюда!—отвѣтила Муратова.

Она полулежала на кушеткѣ. Около нея на креслѣ сидѣлъ Викторъ. Они болтали о разныхъ пустякахъ. Аделаида Александровна вся находилась подъ впечатлѣніемъ сладкаго для нея объясненія съ Викторомъ и была счастлива. Она забыла и мужа, и барона, и долги, и была способна быть любезною и доброю съ каждымъ встрѣчнымъ, какъ человѣкъ съ здоровымъ желудкомъ, только-что кончившій вкусный обѣдъ съ тонкими винами. Въ такія минуты, какъ извѣстно, люди чувствуютъ, что они братья всѣмъ и каждому, и великому генію, и послѣднему пройдохѣ, и такъ широко открываютъ объятія, точно хотятъ заключить въ нихъ весь міръ. Въ такія минуты люди, и особенно русскіе люди, обыкновенно цѣлуются — цѣлуются даже съ врагами, не опасаясь за цѣлость своихъ носовъ. Даша несмѣло вошла въ комнату.

— А, вотъ и вы, мой другъ! — привѣтствовала ее хозяйка. — Очень рада, что вы такъ аккуратны. Дай Богъ намъ долго жить вмѣстѣ.

Викторъ Валерьяновичъ смотрѣлъ не безъ удивленія на Дашу, не зная, кто эта посѣтительница. Его, какъ художника въ душѣ, поразила наружность молодой дѣвушки. Довольно высокая, стройная, Даша сразу обращала на себя вниманіе своими глазами и волосами. Ея волосы вились отъ природы отъ самаго корня и были совершенно свѣтлы, безъ малѣйшей желтизны. Если бы такіе свѣтло-пепельные волосы кто-нибудь встрѣтилъ въ великосвѣтскомъ салонѣ, то непремѣнно заключилъ бы, что они выкрашены и завиты искусственно. Эта мысль могла бы возникнуть тѣмъ болѣе, что у молодой дѣвушки были темныя брови и темно-сѣрые глаза, казавшіеся необычайно глубокими и блестящими, потому что они оттѣнялись длинными, темными рѣсницами и нѣсколько темной кожей вѣкъ. Казалось, что и эти вѣки, и эти рѣсницы были тоже подкрашены. Все это бросалось въ глаза тѣмъ ярче, чѣмъ бѣлѣе была нѣжная кожа ея лица. Это была красота, но не деревенская, здоровая и полнокровная красота, а красота столичная, напоминавшая о недостаткѣ воздуха и малокровіи. Не ускользнуло отъ вниманія Виктора и то, что у дѣвушки былъ

чисто-античный профиль, не особенно большой гладкій лобъ, довольно длинный и совершенно правильный прямой носъ, довольно полныя, хотя нѣсколько блѣдныя губы и большой, крайне красивый, рѣзко очерченный подбородокъ. Эта красота теперь являлась въ полномъ блескѣ, такъ какъ Даша не была уже съ подвязанной щекой, не была уже въ лохмотьяхъ. Гладкій и нѣсколько тѣсный лифъ хорошо сшитаго темно-коричневаго платья плотно охватывалъ ея дѣвственно-прекрасныя формы плечъ, рукъ и груди.

— Elle est charmante!—невольно произнесла Муратова, окинувъ ее глазами.

Ее даже нѣсколько удивила красота Даши: въ полутьмѣ подвала, съ подвязанной щекой Даша вовсе не показалась Муратовой красавицею.

— Кто это?—тихо спросилъ Викторъ Валерьяновичъ по-французски.

— Это моя новая protégée,—отвѣтила по-французски же Муратова.—Она дочь чиновника. Отецъ какой-то пьяница, мать — совсѣмъ тупое созданіе. Бѣдность ужасающая. Я просто была потрясена, когда была у нихъ. Описывать это нѣтъ никакой возможности. Это надо видѣть, чтобы понять... Они подавали прошеніе въ наше общество.

— Ну, и что же?— горячо спросилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Что? Ты знаешь наши глупыя филантропическія общества. Барыни въ брильянтахъ, въ браслетахъ, въ бархатѣ толкуютъ и спорятъ по цѣлымъ часамъ, откуда достать три рубля для бѣдняковъ! Эти госпожи вѣдь не то, что твоя бабка, это гнусныя лицемѣрки, тупыя до того, что не могутъ понять, что однѣ ихъ брильянтовыя серьги стоятъ болѣе, чѣмъ весь ежегодный доходъ ихъ общества. Онѣ мнѣ противны.

— Но вы что-нибудь сдѣлаете для нея?

— Беру ее къ себѣ. Она швея. Заработаетъ что-нибудь... Да, кстати: вы умѣете шить и бѣлье?—обратилась по-русски Муратова къ Дашѣ.

Даша была смущена. Она понимала все, что говорилось про нее.

— Да, я шью бѣлье,—отвѣтила она.

— Вотъ ты, если понадобится, дай ей работу, это все же увеличитъ ея заработки,—обратилась Аделаида Александровна къ Виктору Валерьяновичу по-французски.

Даша опять смутилась. Викторъ Валерьяновичъ чутьемъ угадалъ, что она понимаетъ ихъ разговоръ.

— Ну... она такъ молода,—смущенно отвѣтилъ онъ.

— Такъ что же?—изумилась Муратова.

— Мнѣ было бы неловко,—пояснилъ онъ, краснѣя, и перемѣнилъ разговоръ.—Надо какъ-нибудь иначе... полнѣе помочь этой семьѣ,—проговорилъ онъ.

Даша покраснѣла.

— Я готова все, все дѣлать,—тихо сказала она:—только бы спасти брата.

— Ахъ, да, у нея есть братишка. Спасти его, дать ему образованіе, это ея idée fixe, какъ кажется...

Викторъ Валерьяновичъ задумался. Онъ уже не впервые стоялъ лицомъ къ лицу съ потрясающею бѣдностью, но впервые онъ видѣлъ среди нищеты подобную красоту.

— Вы будете жить у меня въ маленькой комнаткѣ,—обратилась Муратова къ Дашѣ.—Помѣщенія болѣе удобнаго я покуда не могу дать.. Но вы будете работать въ гардеробной, тамъ просторно, свѣтло и хорошо.

— Мнѣ все равно, гдѣ жить; вы видѣли, гдѣ я жила,—отвѣтила Даша.

— Да, да, ужасный уголъ! Ступайте же, другъ мой, отдохните... Завтра дамъ вамъ работу...

Муратова позвонила и велѣла человѣку проводить «Дарью Андреевну» въ назначенную ей комнату.

Эта комната была полутемная и походила скорѣе на кладовую, на чуланчикъ, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Но другой свободной комнаты въ квартирѣ Муратовыхъ не было. Остальная прислуга Муратовыхъ помѣщалась немного лучше. Даша сразу должна была занять самое двусмысленное положеніе среди этого народа. Она была «изъ благородныхъ», и потому она не могла сойтись съ ними, какъ равная: они косились на нее, она сторонилась отъ нихъ. Она прожила въ нищетѣ не настолько долго, чтобы вполнѣ забыть, что она дочь чиновника, что она училась когда-то въ пансіонѣ, что она когда-то жила, какъ родная, въ домѣ бывшаго начальника старика Лыткина. Но, стоя, повидимому, выше остальныхъ Муратовскихъ слугъ, она помѣщалась хуже ихъ, она не несла никакой прямой обязанности, не являлась чѣмъ-нибудь неизбѣжнымъ, и они сразу посмотрѣли на нее, какъ на прихлебательницу, на приживалку, на дармоѣдку. Въ богатыхъ домахъ прислуга, несмотря на всю свою праздность, не любитъ дармоѣдовъ и приживалокъ

вообще, то-есть людей, не имѣющихъ опредѣленнаго положенія въ домѣ, опредѣленныхъ титуловъ лакеевъ, горничныхъ, поваровъ, кухарокъ; но еще враждебнѣе относится прислуга къ этимъ людямъ тамъ, гдѣ господа много должны прислугѣ, гдѣ прислуга видитъ въ приживалкѣ лицо, поѣдающее послѣднія крохи и безъ того разоренныхъ господъ. Еще болѣе свысока должна была смотрѣть прислуга на Дашу, такъ какъ лакей Муратовой видѣлъ, гдѣ и какъ жила семья Даши, и зналъ, что Даша явилась къ нимъ въ домъ въ «обноскахъ» ихъ госпожи. Даша все это почувствовала, угадала сразу. Впрочемъ, что же можетъ быть легче, какъ угадать расположеніе или нерасположеніе холопа? Ей было неловко, когда лакей угловато и сердито принесъ въ ея комнату вечерній чай. Муратова понимала, что неловко заставить Дашу пить и ѣсть съ прислугой, и въ то же время стѣснялась посадить ее сразу за столъ съ собою, и такимъ образомъ дѣлала еще болѣе невыносимымъ положеніе молодой дѣвушки, которая должна была пользоваться услугами лакеевъ, видя, какъ неохотно и грубо исполняютъ они эти услуги.

Какою-то гробовою, непривѣтною тишиною вѣяло около нея, когда она проснулась и встала по-утру. Въ родномъ прохладномъ «углу» Даша давно привыкла къ движенію и къ шуму, къ появленію различныхъ личностей, — здѣсь же она была одна, ни откуда не долетало до нея ни звука. Ее тяготили черныя мысли о томъ, что будетъ.

— Васъ просятъ въ столовую! — вдругъ раздался около нея отрывистый голосъ лакея.

Она вздрогнула и поднялась съ мѣста.

— Я здѣсь не знаю комнатъ, — проговорила она, краснѣя.—Проведите меня туда.

Лакей пошелъ впередъ. Она послѣдовала за нимъ. Въ столовой ходила изъ угла въ уголъ Муратова, у окна стоялъ ея мужъ, барабаня пальцами по подоконнику.

— Пожалуйста, разлейте чай,—обратилась Муратова къ Дашѣ, ласково кивнувъ ей головой и шутливо добавила:— я васъ хочу пріучить и къ хозяйству.

Аделаида Александровна не могла сразу понять, какъ ей держать себя съ Дашей, и принимала тотъ шутливый, не то дружескій, не то полу-презрительный тонъ, который очень часто пускается въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ.

Даша остановилась у стола, готовясь разлить чай.

— Какъ, вы стоя хотите разливать чай? — засмѣялась

сиенъ и которые не молчатъ, когда могутъ скомпрометировать женщину.

— Скомпрометировать? Чѣмъ? — воскликнула Аделаида Александровна.—Разсказомъ, что я пѣла въ его присутствіи, соскучившись слушать его жидовскія соображенія о векселяхъ и процентахъ... Я держу себя такъ, что стою выше всѣхъ подозрѣній! Да, наконецъ, что мнѣ за дѣло до толковъ? Я сама свой судъ... Но я не знала, что ты-то такой ревнивецъ. О, погоди, я тебя еще буду дразнить...

Викторъ Валерьяновичъ ощущалъ что-то непріятное. Ему казалось—онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, почему ему это казалось,—что передъ нимъ стоитъ жалкая, неумѣлая камелія, а не та женщина, которую онъ еще такъ недавно уважалъ за ея сдержанность, за ея скромность, за ея грацію, за ея тактъ. Теперь онъ даже не видѣлъ въ ней ума. И не мудрено: она взялась за новую, неразученную ею роль и растерялась, играла наугадъ.

— Не играйте чувствами,—тихо и серьезно проговорилъ онъ.—Я не изъ тѣхъ, которые могутъ любить женщину за то, что ее готовы купить нарасхватъ на базарѣ житейской суеты. Я, можетъ-быть, болѣе всего полюбилъ бы ту, за которою менѣе всего бѣжали бы барышники и покупщики женской красоты, потому что они бѣгаютъ не за истинно-прекраснымъ, а только за тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, навѣрно продается.

Аделаида Александровна поблѣднѣла, но сдѣлала усиліе, чтобы отпарировать ударъ ироніей.

— Да ты сегодня готовишься, кажется, проповѣдывать гдѣ-то?—засмѣялась она, но ея смѣхъ не удался и оборвался.

— Не смѣйтесь надъ тѣмъ, что требуетъ особенной серьезности,—сухо отвѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.—Наши отношенія были, быть-можетъ, болѣе слѣдствіемъ минутнаго опьяненія, чѣмъ глубокаго чувства, и потому, если мы не хотимъ погубить ихъ, ихъ нужно поддерживать такъ же осторожно, какъ недоношеннаго ребенка...

Аделаида Александровна впервые услышала этотъ тонъ. Она до сихъ поръ смотрѣла на Виктора, какъ на прелестнаго и умнаго ребенка; теперь она видѣла, что этотъ ребенокъ владѣетъ собой лучше ея. Она испугалась.

— Викторъ, Викторъ, ты недобрый, ты злой!.. Ты не признаешь возможности шутки,—растерянно начала она, чуть не плача.

— Есть вещи, которыми не шутятъ,—отвѣтилъ онъ:—и

я думаю, что честью женщины возможно шутить менѣе всего, даже ей самой.

— Ну, прости меня, прости! Я знаю, что я поступила опрометчиво. Я виновата,—расплакалась Аделаида Александровна.

Она была дѣйствительно жалка въ эту минуту, даже болѣе жалка, чѣмъ въ то время, когда она стремилась выгодно продать себя барону Гельфрейху. Она схватила руку Виктора и прижала ее къ своимъ губамъ.

— Ты не знаешь, Викторъ, какъ я несчастна, — тихо шептала она.—Если бы ты зналъ хоть долю всего того, что я выношу, ты простилъ бы меня, ты не упрекалъ бы меня...

Викторъ Валерьяновичъ не вынесъ этого тона и постарался ее утѣшить. Онъ не только жалѣлъ ее, но и боялся, что ихъ услышитъ третье лицо, и самъ не зналъ, чего онъ боится: того ли, что это третье лицо узнаетъ ихъ тайну, или того, что это лицо, можетъ-быть, та молодая красавица, на которую онъ засматривался теперь каждый день.

— Останься сегодня дома, не уѣзжай никуда, докажи, что ты не сердишься!—просила его Муратова.

— Хорошо, хорошо, только ради Бога успокойтесь!—шепталъ онъ, отдаваясь ея ласкамъ.

Она немного успокоилась.

XXII.

Часа черезъ два Аделаида Александровна, уже совершенно оправившаяся отъ волненья, сидѣла въ своемъ будуарѣ и бесѣдовала съ очень непригляднымъ и неуклюжимъ господиномъ. Глядя на него, можно было подумать, что онъ весь сдѣланъ изъ дерева, такъ неуклюжи и угловаты были всѣ его движенія. Верхнія вѣки его глазъ опускались и поднимались такъ внезапно, такъ быстро, точно по командѣ, точно кто-то сзади дергалъ за невидимый шнурокъ, проведенный къ нимъ. Онъ былъ одѣтъ въ новенькій вицъ-мундиръ, гладко причесанъ и аккуратно выбритъ. Онъ смотрѣлъ подобострастно, выслушивалъ внимательно. Про него можно было сказать, что это почтительный и вѣжливый, но неловкій семинаристъ, недавно поступившій на государственную службу. Повидимому, въ немъ не было ничего особенно непріятнаго, но вся его особа производила какое-то гаденькое впечатлѣніе. Это былъ холопъ по наружности и мерзавецъ въ душѣ. Такіе типы вырабатываются только въ трущобахъ нищеты, подъ розгами бурсы, за задними, скрытыми въ полутьмѣ

столами служебныхъ мѣстъ. Это былъ Андрей Андреевичъ Христофоровъ.

— Я очень рада, что вы зашли сегодня,—встрѣтила его Муратова.—Мнѣ нужно переговорить съ вами.

Христофоровъ почтительно поклонился.

— Да вы садитесь,—пригласила его хозяйка.

Христофоровъ присѣлъ на кончикъ стула.

— Я васъ попрошу составить записку всѣхъ нашихъ долговъ,—начала Аделаида Александровна.—Баронъ Гельфрейхъ беретъ на себя устройство дѣлъ моего мужа и хочетъ знать, сколько у насъ долгу. Онъ думаетъ, что кредиторы согласятся уступить.

— Уступятъ-съ,—утвердительно кивнулъ головою Христофоровъ.

— Конечно, не всѣ,—вздохнула Муратова.

— Нѣтъ, отчего же-съ! Всѣ уступятъ!—рѣшилъ тѣмъ же утвердительнымъ тономъ Христофоровъ.

— Ну, нѣтъ. Какая-нибудь Сипко ужъ никакъ не уступитъ.

— Уступитъ-съ, отчего же ей не уступить-съ. Все равно пропащими должна была считать свои деньги.

Муратова нахмурилась. Христофоровъ потупилъ глаза и кашлянулъ.

— Дѣло не въ томъ,—заговорила Муратова.—Мнѣ нужна выписка нашихъ долговъ завтра.

— Это можно-съ,—скромно рѣшилъ Христофоровъ.

Онъ повертѣлъ въ рукахъ шляпу и откашлялся.

— И господинъ Гельфрейхъ всѣ-съ долги будутъ уплачивать?—освѣдомился онъ, скромно опустивъ въ землю глаза.

— Да, всѣ,—отвѣтила Муратова.

— Такъ-съ.

Христофоровъ опять повертѣлъ шляпу, опять откашлялся. Казалось, онъ хотѣлъ сказать что-то такое, что стоило ему большого труда.

— Вы-съ, Аделаида Александровна, больше занимать не будете?—тихо спросилъ онъ и на мгновеніе устремилъ на нее глаза, быстро поднявъ опущенныя вѣки.

— Смѣшной вопросъ! Понадобится — буду, не понадобится—не буду,—засмѣялась она.—Будущее—потемки.

Христофоровъ заёрзалъ нѣсколько на кончикѣ стула.

— Я-съ не насчетъ будущаго,—пояснилъ онъ. — А теперь-съ, можетъ-быть, вамъ угодно занять, такъ я бы эти деньги заодно въ счетъ проставилъ.

— Теперь мнѣ не нужны деньги,—отвѣтила Муратова.

— То-есть какъ же это-съ не нужны?—изумился Христофоровъ и опять бросилъ мимолетный взглядъ на Муратову.

По лицу его промелькнуло выраженіе недоумѣнія.

— Такъ, просто не нужны,—улыбнулась Муратова.

— Странно-съ.

Христофоровъ опять тревожно заёрзалъ на стулѣ и откашлялся.

— А то я думалъ, что если бы вы теперь заодно еще заняли денегъ, такъ ужъ господинъ Гельфрейхъ за разъ и расплатились бы,—произнесъ онъ и опустилъ не только глаза, но и голову.

Муратова посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Я васъ не понимаю; зачѣмъ я буду входить еще въ долги, когда мнѣ не нужно? Эти долги и безъ того замучили меня. Они все спутали...

— Напрасно-съ! Кто же не долженъ-съ? Всѣ должны, даже само государство вотъ бумажки выпускаетъ,—пояснилъ Христофоровъ.

— Ну, а я не хочу дѣлать болѣе долговъ!—проговорила Муратова.

— Жаль-съ, а то бы господинъ Гельфрейхъ ужъ за все бы за разъ отдалъ,—настойчиво повторилъ Христофоровъ.

Муратова пристально посмотрѣла на него; онъ быстро потупилъ глаза и даже покраснѣлъ, начавъ тощими, длинными, растопыренными пальцами вертѣть шляпу, слегка барабаня по ея лоснящемуся дну.

— Я васъ, кажется, немного не понимаю,—сказала Муратова.—Вы мнѣ предлагаете еще взять денегъ въ долгъ, но для чего же?

— Чтобы лишнія-съ деньги имѣть!—коротко и вразумительно пояснилъ Христофоровъ.

— Да, но кто же мнѣ повѣритъ? Вотъ нѣсколько дней тому назадъ Аркадій Павловичъ не могъ нигдѣ достать, онъ, вѣроятно, говорилъ и вамъ.

— Да-съ, говорили!.. Но теперь это дѣло другое. Тогда вѣдь ужъ каждый-съ такъ и зналъ, что это все равно пропащія деньги будутъ-съ, а теперь-съ, когда господинъ Гельфрейхъ платятъ...

Муратова нахмурилась и сухо отвѣтила:

— Баронъ былъ такъ любезенъ, что взялся завѣдывать нашими дѣлами, но не можетъ же онъ Богъ знаетъ сколько долговъ платить.

— Отчего же-съ? Заплатятъ-съ! Имъ это ровно ничего не значитъ!

Муратова опять посмотрѣла на Христофорова, и опять его маленькіе глаза ускользнули отъ ея глазъ.

— И сколько бы вы могли достать мнѣ сегодня денегъ?— спросила она.

— Тысячъ десять.—отвѣтилъ онъ.

— И за какіе проценты?

— Для чего же-съ за проценты, когда господинъ Гельфрейхъ, можетъ-быть, послѣзавтра же начнутъ платить?

— Какъ? Вы беретесь достать даже безъ процентовъ?— изумилась Муратова.

— Векселекъ-съ просто напишете на тридцать тысячъ,— пояснилъ Христофоровъ.—Заднимъ числомъ помѣтится...

Муратова захохотала.

— Да, это точно, что безъ процентовъ! Вы начинаете меня смѣшить, Андрей Андреевичъ! За десять тысячъ выдать вексель на тридцать! Это мило!

— Да вѣдь господинъ Гельфрейхъ болѣе сорока копеекъ за рубль не дадутъ-съ,—спокойно замѣтилъ Христофоровъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ за подобное предложеніе,—сухо сказала Муратова.

Христофоровъ потупился.

— Извините, я только думалъ, что вамъ десять тысячъ пригодятся,—проговорилъ онъ.

— Помилуйте, взять десять тысячъ, давъ векселей на тридцать! Да развѣ это мыслимо!

— Что же-съ, по векселямъ платить—это уже будетъ дѣло господина Гельфрейха.

— Да вы ошибаетесь!—вспыхнула Муратова.—Баронъ Гельфрейхъ не изъ своего кармана будетъ платить, онъ только скупитъ векселя, и Аркадій Павловичъ будетъ его должникомъ вмѣсто того, чтобы быть должникомъ десяти человѣкъ. Я не понимаю, какъ вы не могли этого сообразить. Это такъ просто.

Аделаида Александровна сильно взволновалась. Христофоровъ потупился.

— Я только-съ думалъ, что господинъ Гельфрейхъ по потребуетъ долгу, потому это будетъ напрасно,—скромно пояснилъ онъ:—я думалъ, что это они въ знакъ своего расположенія скупаютъ векселя.

— Расположенья?—воскликнула почти съ гнѣвомъ Муратова.—Къ кому это?

— Къ Аркадію Павловичу!—вдругъ въ упоръ поднялъ на нее свои глаза Христофоровъ, и выраженіе этихъ глазъ было такъ чисто и наивно, какъ выраженіе дѣтскаго взгляда.

Муратова закусила губу. Она сознавала, что Христофоровъ понялъ все, и въ то же время его невинный тонъ не давалъ возможности рѣзко опровергнуть его предположенія. Она въ волненіи встала съ мѣста, Христофоровъ тоже почтительно поднялся со стула. Въ эту минуту лакей вошелъ доложить о пріѣздѣ какой-то гостьи.

— Хорошо, иду,—отвѣтила Муратова и обратилась къ Христофорову:—Когда вы могли бы доставить эти деньги?

— Сегодня-съ къ обѣду,—отвѣтилъ онъ.

Она подумала и протянула ему руку.

— Такъ заѣзжайте передъ обѣдомъ и привозите деньги.

Онъ подобострастно поцѣловалъ ея руку.

XXIII.

Аделаида Александровна вышла въ гостиную, гдѣ ее уже ожидала одна изъ посѣтительницъ. Черезъ полчаса пріѣхали еще двѣ посѣтительницы и явился Аркадій Павловичъ. Началась обычная свѣтская болтовня. Викторъ Валерьяновичъ, присутствовавшій въ гостиной, разсѣянно пересматривалъ альбомы и почти не принималъ участія въ разговорахъ, когда къ нему подошелъ Аркадій Павловичъ.

— А у тебя явилась чудесная сосѣдка,—проговорилъ онъ вполголоса Виктору Валерьяновичу.

Викторъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Что? скажешь, что не замѣтилъ?—засмѣялся сальнымъ смѣхомъ Муратовъ.—Знаемъ мы васъ, безусыхъ мудрецовъ! Дѣвушка, дѣйствительно, прелесть! Глаза-то одни чего стоятъ! А бюстъ? Вѣдь все натуральное, ничего поддѣльнаго... Бутонъ!..

Виктора Валерьяновича покоробило. «Этого только недоставало, чтобы за ней сталъ ухаживать этотъ уродъ!»—подумалъ онъ.

— Я, право, мало интересуюсь всѣмъ этимъ,—отвѣтилъ онъ сухо.

— Ну, да, толкуй!—засмѣялся Муратовъ, похлопавъ его по колѣнкѣ жирною рукой.—Да, впрочемъ, я у тебя ее отобью... Ей-Богу, отобью!.. Я сегодня ее встрѣтилъ одну въ коридорѣ и чуть-чуть не обнялъ... Я ей-Богу предложу тебѣ помѣняться комнатами. Отъ тебя вѣдь есть ходъ въ гардеробную...

— Я, право, удивляюсь тебѣ, какъ это въ твои лѣта тебѣ идутъ на умъ однѣ сальности,—съ отвращеніемъ отвѣтилъ Баскаковъ и отошелъ отъ своего родственника.

Этотъ разговоръ, между тѣмъ, успѣлъ его встревожить.

«Бѣдная дѣвушка, что ее ждетъ здѣсь? Съ одной стороны такія сцены, какъ сегодняшняя, съ другой—ухаживаніе этого циника»,—думалось ему, и въ его воображеніи поразительно ясно обрисовался образъ этой скромной, прелестной дѣвушки, съ откровеннымъ взглядомъ, съ непорочночистымъ выраженіемъ лица... «Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ бабки, она помогла бы этой несчастной»,—думалъ онъ.

Въ его головѣ зароились думы, какая судьба ждетъ эту дѣвушку. Онъ понималъ, что ей нужно бы помочь. Но какъ? Онъ глубоко задумался. Онъ не впервые сталкивался въ жизни съ нищетою, не впервые если не спасалъ бѣдняковъ по волѣ бабки, то помогалъ имъ отъ ея имени, изъ ея денегъ, но никогда еще не поражала, не трогала его нищета такъ сильно, какъ теперь. Не потому ли, что здѣсь нищета воплощалась въ такомъ прелестномъ образѣ,—онъ не задавалъ себѣ этого вопроса, этотъ вопросъ даже не приходилъ ему въ голову, а между тѣмъ, по всей вѣроятности, Викторъ Валерьяновичъ менѣе заинтересовался бы несчастною дѣвушкой, если бы она была не красавицей, а отталкивающимъ уродомъ. Это было ясно и потому, что его умъ не столько былъ занятъ изыскиваніемъ средствъ для помощи этой дѣвушкѣ, сколько анализомъ ея красоты и мыслями о томъ, какъ грустно будетъ, если она достанется въ руки такого урода, какъ Муратовъ.

— Викторъ Валерьяновичъ сегодня что-то не въ духѣ,—замѣтила одна изъ посѣтительницъ хозяйкѣ, видя, что Баскаковъ не отходитъ отъ окна и не обращаетъ ни на кого вниманія.—Ужъ не влюбленъ ли онъ? У него такой разсѣянный и въ то же время озабоченный видъ.

— Викторъ, тебя подозрѣваютъ, что ты влюбленъ,—замѣтила хозяйка, обращаясь къ Баскакову, задумчиво стоявшему у окна поодаль отъ разговаривающихъ.

— Меня? Это почему?—удивился онъ.

— Находятъ, что ты грустенъ и скученъ,—пояснила хозяйка.

— Вотъ странная мысль, что грустить и скучать можно только отъ любви,—пожалъ онъ плечами.

— Да, я думаю, вамъ-то не о чемъ больше грустить и

скучать, — замѣтила посѣтительница, начавшая этотъ разговоръ.

Это была престарѣлая дѣва Вурмбергъ, нѣсколько кривоплечее, желчное и грубое по натурѣ и сдѣлавшееся еще болѣе раздражительнымъ вслѣдствіе своей уродливости и дѣвственности существо. Она, ненавидѣвшая за свою дѣвственность всѣхъ мужчинъ, всѣхъ вышедшихъ замужъ женщинъ и всѣхъ могущихъ выйти замужъ дѣвушекъ, сдѣлалась филантропкой, чтобы имѣть право кричать о своей дѣятельности, и примкнула къ числу тѣхъ храбрыхъ по глупости эмансипированныхъ свѣтскихъ барынь, которыя появляются на всѣхъ лекціяхъ, во всѣхъ филантропическихъ засѣданіяхъ, во всѣхъ благотворительныхъ концертахъ и маскарадахъ, потому что это въ модѣ и потому что и здѣсь можно показывать свои модные наряды. У нихъ все такъ перепуталось въ головѣ, что онѣ потеряли и послѣднюю возможность отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что вокругъ нихъ происходитъ, и сознаютъ только одно, что имъ нужно впутываться въ каждое предпріятіе, въ каждое дѣло, и рыскать по городу съ утра до ночи, жалуясь всѣмъ и каждому, что у нихъ все «дѣла, дѣла». Эти Бобчинскія и Добчинскія общественныхъ вопросовъ были вдвойнѣ не понутру Баскакову, привыкшему, съ одной стороны, съ дѣтства къ изящному кружку красивыхъ и граціозныхъ женщинъ въ салонѣ своей матери и слышавшему, съ другой стороны, отъ дѣда и бабки, что «чѣмъ серьезнѣе дѣло, тѣмъ менѣе шуму» и что болтуны не только вульгарны и пошлы, но и глупы и вредны, такъ какъ они выдаютъ слова за дѣло и часто обманываютъ этимъ невѣжественную массу.

— Я и не подозрѣвалъ, что вы такъ хорошо изучили меня, что даже знаете, о чемъ я могу или не могу скучать и грустить,—отвѣтилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

— Очень мнѣ нужно изучать васъ!—вздернула кривую лопатку посѣтительница.—И къ чему нужны вообще изученія отдѣльныхъ личностей, когда и безъ того знаешь всю нашу свѣтскую молодежь, бѣгающую за хвостами хорошенькихъ дуръ.

— Вы, значитъ, думаете, что у насъ вся молодежь вылѣплена въ одну форму?—спросилъ Баскаковъ.

— Почти!

— Но для женщинъ вы, вѣроятно, дѣлаете исключеніе, иначе вамъ пришлось бы говорить, что мы скучаемъ и грустимъ не отъ любви, а оттого, что въ каждой женщинѣ

мы видимъ повтореніе того, что намъ уже до сихъ поръ надоѣло.—провелъ Баскаковъ рукою по лбу.

— Ахъ, ужъ женщинъ-то нельзя упрекнуть за то, что онѣ остаются въ одномъ и томъ же положеніи!—воскликнула барыня.—Если гдѣ-нибудь у насъ и замѣчается застой, такъ это среди нашихъ мужчинъ, а наши женщины идутъ впередъ быстрыми шагами...

— Но все же не быстрѣе, чѣмъ бѣлки въ колесѣ,—замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ и, взглянувъ на часы, обратился къ Муратовой.—Мнѣ нужно ѣхать...

— Ты будешь къ обѣду?—спросила она.

— Да,—отвѣтилъ Баскаковъ и, сухо поклонившись присутствующимъ, удалился изъ гостиной.

Ему было не по-себѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ его начинали тяготить всѣ и все. Полковые товарищи и свѣтскіе пріятели вертѣлись около него, чтобы выпросить у него денегъ, или попить и поѣсть на его счетъ; сойтись съ ними по душѣ онъ не могъ: всѣ они были пусты; всѣ они кутили, всѣ они прожигали жизнь и беззастѣнчиво щеголяли своимъ цинизмомъ и сальностями; кутежи и вѣчныя связи съ разными камеліями наложили особую печать на складъ ихъ умовъ; они могли болтать о театрѣ Берга, о танцовщицахъ, о никникахъ, о свѣтскихъ скандальчикахъ, но далѣе этого не шли; они были чужды и искусству, и литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной, и если читали, то только крайне пошлые романы французскаго рыночнаго издѣлія; впрочемъ, и это дѣлалось рѣдко. Друзей изъ другого круга у Баскакова не было и не могло быть: въ университетѣ онъ пробовалъ сойтись съ людьми другого круга, но онъ сразу разошелся съ лучшими изъ нихъ во взглядахъ, съ худшими же онъ не считалъ нужнымъ сближаться, да и здѣсь люди шокировали его если не своею разнузданностью, то вульгарностью. Среди женщинъ своего круга онъ встрѣчалъ все больше и больше эмансипированныхъ барынь, находящихся на пристяжкѣ при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ и толкующихъ вкривь и вкось о томъ, чего онѣ вовсе не понимаютъ, чего онѣ даже не потрудились понять: эти ходячіе сборники громкихъ словъ и звучныхъ фразъ могли нагнать только тоску на того, кто наизусть зналъ тѣ книги, изъ середины которыхъ эти барыни выдирали наудачу по одной высокопарной фразѣ. Кромѣ того, Баскаковъ очень хорошо понималъ, что подкладка у этихъ эмансипированныхъ барынь оставалась та же, какая была у ихъ пред-

шественницъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, смѣшивавшихъ свободу женщины съ свободою чувства и выкидывавшихъ скандалезныя штуки въ разныхъ маскарадахъ и на разныхъ интимныхъ пикникахъ, гдѣ дѣло доходило до самыхъ вульгарныхъ дракъ шампанскими бутылками. Баскаковъ зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ всю скабрезную хронику свѣта. Рядомъ съ этими эмансипированными барынями новаго пошиба стояли тѣ дѣвственныя, неповинныя въ какомъ-нибудь знаніи и вмѣшательствѣ въ общественные вопросы наивныя барышни свѣтскихъ гостиныхъ, способныя только болтать на четырехъ языкахъ о тряпкахъ и балахъ, барышни чопорныя, жеманныя, точно старающіяся показать всѣмъ и каждому, что у нихъ есть дипломъ непорочности, и, можетъ-быть, достойныя монтіоновской преміи за добродѣтель, но во всякомъ случаѣ вызывающія зѣвоту въ самомъ нетребовательномъ собесѣдникѣ. Были еще женщины, съ которыми могъ сойтись свѣтскій молодой человѣкъ: это женщины откровенныя, мотыльки, вакханки, кокотки, цѣль которыхъ въ жизни сводилась на мимолетныя любовныя интриги, на семейные водевили и комедіи. Всѣ эти личности имѣли мало привлекательнаго для Виктора Валерьяновича, и онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ самыхъ людныхъ салонахъ. Покуда въ столицѣ жили его дѣдъ и бабка, покуда онъ былъ погруженъ въ учебныя занятія, онъ легко выносилъ свое одиночество или, лучше сказать, не замѣчалъ этого одиночества. Но когда онъ остался безъ семьи, когда онъ поступилъ въ полкъ, сознаніе одиночества пробудилось въ немъ. Онъ сначала отдался полковымъ интересамъ, но эти интересы или были слишкомъ мелки, или наполняли очень небольшую часть времени. Все свободное время, котораго было не мало, тянулось скучно. Молодой человѣкъ продолжалъ заниматься наукою, продолжалъ читать, продолжалъ заниматься живописью и музыкою, но жить одними книжными интересами на двадцать второмъ году жизни нельзя. Потребность сердечной связи съ людьми сказывается въ эти годы очень сильно, особенно когда человѣкъ по натурѣ мягокъ и нѣженъ и избалованъ женскимъ воспитаніемъ. Правда, у Виктора Валерьяновича были молодые родственники, дѣти его дяди и его тетки, но эта молодежь ничѣмъ не отличалась отъ остальной пустой свѣтской молодежи, если не считать того, что молоденькія дочери его дяди графа Матвѣя Баскакова, кромѣ свѣтской пустоты, отличались еще склонностью къ ханжеству, а сы-

новья его тетки княгини Маріи Скавронской, были не только простыми кутилами, но и нестерпимыми, надутыми фатами. Кромѣ того, и двоюродныя сестры, и двоюродные братья недолюбливали его, какъ любимца и баловня дѣда и бабки и опаснаго конкурента на наслѣдство. Среди этихъ родственниковъ были еще два человѣка, ухаживавшіе за молодымъ человѣкомъ,—это были два брата Муратовыхъ, Аркадій и Петръ Павловичи. Они готовы были носить и носили на рукахъ Виктора Валерьяновича, но онъ смутно угадывалъ источникъ этой любви и не особенно уважалъ этихъ людей, одинъ изъ которыхъ былъ глупъ, другой же—крайне пустъ. Но у одного изъ этихъ людей была жена—тоже родственница Виктора Валерьяновича—Аделаида Александровна. Она-то и произвела самое пріятное впечатлѣніе на молодого человѣка. Явившись въ столицу молоденькой провинціалкой, обладая живымъ и мягкимъ характеромъ, способная беззаботно веселиться и горько плакать, вспомнивъ о своей участи, она какъ-то сошлась съ молодымъ родственникомъ, который называлъ ее chère petite tante и которому она подставляла для поцѣлуевъ свои ручки. Для нея все было ново въ столицѣ, и Викторъ долженъ былъ нерѣдко служить ея проводникомъ въ то время, когда ея мужъ сидѣлъ въ должности или кутилъ на пикникахъ. Викторъ и Аделаида Александровна посѣщали Академію Художествъ и Эрмитажъ, гдѣ молодой Баскаковъ разсказывалъ ей объ иностранныхъ картинныхъ галлереяхъ, о Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Луврѣ. Онъ бывалъ съ нею въ театрахъ и живо передавалъ ей, какъ онъ еще мальчикомъ увлекался пѣніемъ Бозіо и Тамберлика. Онъ сопровождалъ ее на балы и посвящалъ ее въ тайны свѣтской жизни. Иногда они оставались одни и читали вмѣстѣ его любимыя произведенія: Бальзака, Гоголя, Жоржъ-Занда, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гёте, Шиллера, Байрона, Диккенса, Теккерея. Онъ любилъ ее за то, что въ ней не было дѣланной чопорности свѣтскихъ весталокъ и напускной распущенности свѣтскихъ эмансипированныхъ барынь; онъ видѣлъ, что она относится ко всему просто, по-человѣчески. Но болѣе всего привлекали его къ ней ея грація, ея нѣсколько кошачья мягкость, ея умѣнье приласкать человѣка. Она, въ свою очередь, полюбила его за то, что изъ всей ея родни только онъ, да его дѣдъ и бабка отнеслись къ ней чисто по-родственному, тепло и радушно. Она любила его, какъ любила тѣ солнечные лучи, которые въ годы ея дѣвичества про-

скальзывали иногда въ ея спальню и пригрѣвали ее во время утренней дремоты. Но среди этой свѣтлой дружбы пробѣгали иногда и легкія тучки: порою его начинало смущать, что Аделаида Александровна слишкомъ усердно отдается развлеченіямъ, что она слишкомъ сильно привязывается къ грубому веселью столичной жизни, что она бѣжитъ изъ дома, изъ своего гнѣзда; онъ упрекалъ ее за это, высказывая ей свои мысли насчетъ идеала скромной и простой домашней и семейной жизни; тогда Муратова начинала жаловаться на свою судьбу и говорила, что ей нужно забыться. Онъ начиналъ смутно понимать, что она несчастлива въ своей семейной жизни. Но она прямо не высказывала этого. Только разъ онъ слышалъ ея восклицаніе, вырвавшееся послѣ чтенія одного изъ романовъ Диккенса.

— Какъ счастливы героини всѣхъ этихъ романовъ,— замѣтила она.—Онѣ могутъ любить и уважать своихъ мужей.

Другой разъ она говорила его бабкѣ:

— Если я завидую кому-нибудь, такъ это молодымъ матерямъ. Дѣти могутъ замѣнить имъ всѣ наслажденія и заставить забыть всѣ невзгоды.

Далѣе этихъ случайныхъ признаній она не шла, и онъ уважалъ ее за это еще болѣе, понимая, что она изъ гордости не хочетъ дѣлать кого бы то ни было повѣреннымъ своихъ семейныхъ невзгодъ. Это заставило его еще нѣжнѣе и мягче относиться къ ней, и когда онъ, девятнадцатилѣтній юноша, выглядѣвшій почти ребенкомъ, цѣловалъ ея руки, сидя у ея ногъ съ книгою на колѣняхъ и ласково заглядывая ей въ глаза,—ей было такъ хорошо, такъ отрадно. Его ласки походили на ея былыя дѣтскія ласки. Когда она бросилась на путь новой болтливой и суетной благотворительности, онъ объяснилъ это желаніемъ среди какой-нибудь дѣятельности забыть домашнюю жизнь. Онъ былъ крайне далекъ отъ того, чтобы понять всю истину; если онъ и зналъ одну сторону этой истины, то только хорошую. Когда, въ памятную для него ночь, Аделаида Александровна бросилась ему на шею, онъ сначала горько упрекалъ себя, онъ хотѣлъ вымолить себѣ прощеніе за свой «проступокъ» и переѣхать въ изгнаніе, въ домъ своего дѣда. Но новое свиданіе съ Муратовой показало ему, что онъ, въ сущности, не злоупотреблялъ ея довѣрчивостью, что она хотѣла сама этой связи. Ему стало жаль молодую женщину. Онъ сталъ даже думать, что этотъ конецъ несчастной семейной жизни былъ неизбѣженъ, что даже нужно считать

благомъ для Муратовой то, что она сошлась съ нимъ, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ. Онъ сумѣетъ честно отнестись къ ней, оградить ее отъ клеветы, доставить ей свѣтлыя минуты любви. Онъ даже проектировалъ, какъ они заживутъ еще болѣе дружно, какъ онъ отвлечетъ ее отъ разныхъ эмансипированныхъ барынь, отъ пикниковъ съ молодежью. Онъ думалъ, что она, подобно ему, менѣе всего создана для шумной жизни, что она по натурѣ должна вести скромную и мирную жизнь, отдаваться тихимъ наслажденіямъ, жить у комфортабельно и уютно устроеннаго домашняго очага, гдѣ все удовлетворяло бы развитый вкусъ, гдѣ лучшія произведенія скульптуры и живописи, музыка и изящная словесность удовлетворяли бы вполнѣ человѣка, окружившаго себя пятью-шестью избранниками-друзьями. Были минуты, когда онъ думалъ:

«О, если бы она сдѣлалась матерью!»

Ему казалось, что это спасетъ ее и сдѣлаетъ еще привлекательнѣе созданный его воображеніемъ уголокъ. Онъ не зналъ, что ее могутъ спасти только деньги, деньги и деньги. Муратова стыдилась говорить о своемъ денежномъ положеніи даже роднымъ. Она слишкомъ ясно поняла, что свѣтъ смотритъ снисходительно на своихъ членовъ до тѣхъ поръ, пока они не дошли до нищеты. Кромѣ того, она знала, что Викторъ Валерьяновичъ лично покуда не располагаетъ такими средствами, чтобы помочь ей, да если бы онъ и располагалъ этими средствами, то по своимъ взглядамъ онъ не могъ бы дать ей возможность вести прежнюю широкую жизнь. Онъ, пожалуй, заплатилъ бы ея долги, но при этомъ сказалъ бы: «теперь ваши дѣла поправлены, вамъ нужно постараться жить скромно, по своему состоянію». Онъ самъ велъ настолько скромную жизнь, что не могъ себѣ представить, какъ можетъ не удовлетворять такая жизнь другихъ. Вслѣдствіе всего этого матеріальное положеніе Аделаиды Александровны оставалось тайною для Виктора Валерьяновича, и когда она говорила о своей несчастной жизни, онъ приписывалъ всѣ ея несчастія ея неудачному замужеству. Онъ надѣялся, что она будетъ счастливѣе послѣ сближенія съ нимъ, и его непріятно поразила теперь неприличная сцена съ барономъ. Еще болѣе смутилъ его порывистый и лихорадочный тонъ Аделаиды Александровны во время объясненія по поводу сцены съ барономъ, когда онъ, Баскаковъ, смѣшивавшій понятіе о любви съ понятіемъ о восточной нѣгѣ и о томномъ, мед-

ленно развивающемся сладострастіи, чуть не на другой день послѣ начала первой любви увидалъ любимую женщину въ состояніи, близкомъ къ лихорадкѣ и безумію, требующую ревности и ревнующую, истерически рыдающую и раздражающуюся насильственнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ, говорящую бравурнымъ тономъ вакханки и доходящую до приниженія кающейся Магдалины. Все это такъ же непріятно подѣйствовало на него, какъ дѣйствовала на него порою музыка Мейербера, когда въ ней обрывалась какъ бы неоконченною только-что начатая ласкающая мелодія—какъ дѣйствовала на него поэзія Виктора Гюго, обременявшая и поражавшая воображеніе нагроможденными одинъ на другой яркими образами и блестящими фразами,—какъ дѣйствовала на него драма Шекспира, когда элегія гамлетовской скорби грубо нарушалась вульгарнымъ балагурствомъ могильщиковъ. Также непріятно было ему, что около Аделаиды Александровны все еще вертятся болтливыя и пустыя филантропки новаго пошиба, въ родѣ старой дѣвы Вурмбергъ, скорѣй напоминавшей фурію въ ея отношеніяхъ къ бѣднякамъ, чѣмъ ангела-хранителя вдовъ и сиротъ. Эти филантропки съ ихъ размашистымъ, заимствованнымъ Богъ знаетъ гдѣ языкомъ, съ ихъ угловатыми манерами, съ ихъ напускною развязностью, съ ихъ грубостью и безсердечностью были противны Баскакову.

— Надо какъ-нибудь иначе устроить ея жизнь, — разсуждалъ онъ, и въ то же время въ его головѣ возникалъ вопросъ:—но какъ?

Впервые онъ сознавалъ, какъ печально положеніе свѣтской женщины, лишенной супружескаго счастія и дѣтей. Чѣмъ пополнить этой женщинѣ внутреннюю пустоту своей жизни? У бѣдняка есть насущная необходимость трудиться, у богатой свѣтской женщины этой необходимости нѣтъ; если такая женщина и играетъ иногда въ трудъ, то она приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, отбивая работу у бѣдняковъ. Чтобы наполнить хоть чѣмъ-нибудь свое время, такая женщина, не имѣя дѣтей, должна поневолѣ или играть въ филантропію, или порхать по гостямъ, по баламъ, по театрамъ, и наполнять свободное время мелкими интригами и любовными похожденіями. Разсматривая эти вопросы, онъ становился грустнымъ и серьезно думалъ о томъ, что если бы онъ когда-нибудь женился, то онъ прежде всего постарался бы создать для своей жены такой домашній мірокъ, изъ котораго ее не гнали бы тоска и скука.

Онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи всѣ детали, всѣ мелочи этого мирнаго, артистическаго уголка съ цвѣтами, съ художественными произведеніями, съ музыкальными вечерами, и посреди этого эдема онъ видѣлъ граціозную женщину—свою жену. Страннымъ образомъ эта женщина теперь представлялась ему все чаще и чаще въ видѣ знакомой ему дѣвушки. Только воображаемая имъ женщина была роскошнѣе одѣта, чѣмъ та дѣвушка, образъ которой носился въ его воображеніи. Этотъ образъ былъ образъ Даши. Викторъ Валерьяновичъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ еще не встрѣчалъ болѣе граціозной, болѣе прекрасной женщины.

XXIV.

Даша, между тѣмъ, хотя и не могла особенно жаловаться на свое положеніе въ домѣ Муратовыхъ, но не имѣла въ то же время и особенныхъ причинъ радоваться своей новой жизни.

Любезное обращеніе съ нею Аделаиды Александровны, многознаменательные и сально заигрывающіе взгляды Аркадія Павловича, искреннее, хотя и не высказываемое восхищеніе ея красотой со стороны Виктора Валерьяновича—все это нисколько не способствовало улучшенію положенія семьи молодой дѣвушки. Съ каждымъ днемъ Даша все болѣе и болѣе задумывалась о томъ, что дѣлаетъ ея семья, какъ она перебивается со дня на день, что будетъ дальше, и начинала все сильнѣе опасаться за будущее. Оно не представляло ничего отраднаго. «Общество первой помощи» въ лицѣ своей предсѣдательницы, считая вполнѣ достаточнымъ то, что молодая дѣвушка «вырвана изъ омута нищеты и невѣжества» и «пристроена къ мѣсту», успокоилось насчетъ судьбы Лыткиныхъ, какъ успокоилось бы въ подобномъ случаѣ каждое другое благотворительное общество, привыкшее дѣлать много шуму изъ ничего. Члены «Общества первой помощи» едва ли даже помнили, что передъ ихъ глазами, среди сотни другихъ бѣдняковъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, въ промежутокъ между двумя балами, прошли, какъ китайскія тѣни, и эти бѣдняки, прошли, не оставивъ ни въ комъ ровно никакого слѣда, не пробудивъ никакого честнаго и искренняго чувства. Да если бы члены «Общества первой помощи» и помнили объ этихъ бѣдняхъ, то пользы было бы мало. Пристроить старуху Лыткину въ богадѣльню при живомъ мужѣ было невозможно; поставить на ноги этого

пьяницу-мужа было еще труднѣе; отдать же на полный пансіонъ въ гимназію Васю—на это нужны были слишкомъ большія средства, которыхъ въ кассѣ общества не было, да притомъ же Вася былъ не единственный ребенокъ, котораго «надо бы» пристроить, а у «Общества первой помощи», какъ и у всѣхъ другихъ подобныхъ обществъ, въ кассѣ была постоянная пустота. Къ тому же Марья Петровна увлекалась въ это время всецѣло мыслью объ устройствѣ пріюта для падшихъ женщинъ и выбивалась изъ силъ, придумывая разныя средства, чтобы добыть на этотъ предметъ необходимый капиталъ; остальныя же дамы-патронессы болѣе заботилась о выпискѣ платьевъ изъ Парижа для зимнихъ баловъ, о ложахъ въ итальянской оперѣ, о парадныхъ обѣдахъ, чѣмъ о пополненіи изъ своихъ средствъ обнищавшей кассы общества. Общество, въ дѣлѣ семьи Лыткиныхъ, было довольно, что оно спасло хоть одну личность изъ погибшей семьи, хотя ни одинъ изъ членовъ даже и не думалъ о томъ, какъ пристроена эта личность и какіе результаты принесетъ ей ея новое положеніе. Сама Аделаида Александровна думала объ этомъ менѣе всего, не вслѣдствіе одного своего легкомыслія, а потому, что она была занята совершенно другими, болѣе близкими ей вопросами.

Уплата векселей, сближеніе Аркадія Павловича съ кружкомъ барона Гельфрейха, тѣсная связь съ барономъ самой Муратовой,—все это поглощало всѣ мысли, все время молодой женщины. Среди такого положенія дѣлъ Аделаидѣ Александровнѣ, конечно, некогда было думать о Дашѣ, и Даша очень ясно сознавала, что ее почти забыли.

Молодая дѣвушка начинала бояться за участь своихъ родныхъ: живя съ ними, она вырабатывала хоть что-нибудь, теперь она не могла даже опредѣлить, много ли ей дадутъ въ мѣсяцъ жалованья. Когда нанимаютъ прислугу, съ ней заключаютъ условіе насчетъ платы за трудъ; когда въ домъ берутъ изъ филантропіи какую-нибудь нищую, условія насчетъ платы за работу считаются лишними, такъ какъ размѣръ этой платы зависитъ отъ бо́льшей или меньшей щедрости филантропа. Даша вспоминала слова тетки и начинала бояться, что эта женщина была права. Ей хотѣлось теперь побывать дома, взглянуть на близкихъ, но, къ несчастію, она не могла вырваться изъ дома Муратовыхъ. Ее удерживала не работа,—нѣтъ, ея судьбой опять-таки распоряжалась ея одежда: у молодой дѣвушки не было верхняго теплаго платья, а на дворѣ, какъ на зло, стояли холода. Даша

должна была невольно обречь себя на сидѣнье по цѣлымъ днямъ за работой и не выходить никуда изъ четырехъ стѣнъ своей временной тюрьмы.

Молодая дѣвушка, нѣсколько ободрившаяся и оживившаяся въ ту минуту, когда передъ нею блеснулъ слабый лучъ надежды, теперь снова упала духомъ и тоскливо смотрѣла на будущее. «Хоть бы брата спасти, хоть бы его одного», опять мелькало въ ея головѣ, и она безцѣльно устремляла впередъ свои глаза, точно силясь прочитать гдѣ-то свое будущее. Когда проходили эти тяжелыя минуты раздумья, и она, вспомнивъ, что у нея есть дѣло, снова принималась за работу,— она начинала иногда бояться за себя. «Такъ и съ ума сойти можно»,—думала она и вздрагивала при этой мысли.

Вѣсти изъ родного угла пришли къ ней совершенно неожиданно. Однажды, черезъ нѣсколько времени послѣ того памятнаго для Муратовой дня, когда она объяснилась съ Викторомъ Валерьяновичемъ по поводу своего поведенія съ барономъ Гельфрейхомъ, Даша чувствовала особенно сильно гнетущую тоску. Шитье было кончено; у Муратовыхъ были гости, и потому молодая дѣвушка въ полдень сидѣла одиноко въ столовой, разливая и отправляя съ лакеемъ чай и кефе въ гостиную; потомъ, за неимѣніемъ работы, она удалилась въ свою комнату и грустно просидѣла здѣсь до вечера, почти не принимаясь ни за что. Въ этотъ день она была бы рада даже посѣщенію тетки, несмотря на всю ея нелюбовь къ этой женщинѣ. Придумывая способы вырваться хоть на минуту домой, молодая дѣвушка была почти готова попросить верхней теплой одежды даже у кого-нибудь изъ прислуги, хотя эта прислуга враждебно относилась къ ней, какъ вдругъ къ ней вошелъ лакей.

— Васъ кто-то спрашиваетъ,—сказалъ онъ.

— Меня?—удивилась Даша.—Кто же?

— Не знаю, старикъ какой-то... Изъ чиновниковъ, должно-быть,—отвѣтилъ лакей съ насмѣшкой и пренебреженіемъ въ голосѣ.

Даша тревожно поднялась съ мѣста.

— Гдѣ онъ?—спросила она.

— На черной лѣстницѣ ждетъ.

У Даши забилось сердце. Она поспѣшно вышла изъ своей комнаты, прошла черезъ коридоръ въ кухню, чтобы выйти на черный ходъ, и не могла не замѣтить, что прислуга какъ-то странно перешептывалась между собой. Молодая дѣвушка отворила дверь на черную лѣстницу и увидала сидящаго на

подоконникѣ Андрея Егоровича. Онъ былъ, по обыкновенію, по-нищенски одѣтъ, въ свою обычную одежду, только сверхъ сюртука на его плечи была накинута оборванная шинель, вѣроятно, чужая, такъ какъ она была крайне коротка.

— Батюшка!—вырвалось изъ груди дѣвушки восклицаніе, и въ немъ послышались и радость, и упрекъ.

— Да, батюшка!—коротко отвѣтилъ Андрей Егоровичъ.— А ты, поди, ужъ и забыла, что у тебя есть отецъ!.. Наги, босы, сидимъ голодомъ, а дочь въ хоромахъ живетъ, на пуховикахъ спитъ...

— Что братъ? Здорова ли мать? — перебила его торопливо Даша.

— Ишь вдругъ вспомнила, а то почти мѣсяцъ и не думала!—отвѣтилъ отецъ.

Онъ говорилъ необычайно сурово. Даша замѣтила, что онъ не былъ пьянъ. Но его глаза смотрѣли какъ-то дико и странно, лицо словно осунулось.

— Не думала!—съ горечью отвѣтила Даша.—Вы бы спросили, какъ я провожу ночи отъ этихъ думъ-то!.. Развѣ я виновата, что я на улицу не могу выйти, что у меня теплой одежды даже нѣтъ...

— Толкуй, денегъ-то, чай, могла бы впередъ взять!— отвѣтилъ старикъ.

— Легко сказать: могла бы взять, а каково просить, когда не заслужила еще... Да вы разсказывайте, какъ и что у насъ, здоровы ли всѣ?

— Здоровы!—махнулъ рукою Лыткинъ.—Я за деньгами пришелъ... денегъ у насъ нѣтъ...

— Я вамъ не могу ничего теперь дать,—грустно отвѣтила Даша.—Подождите, я пришлю дня черезъ два...

— Дня черезъ два!—сурово передразнилъ ее отецъ.—А теперь голодать прикажешь?..

Онъ говорилъ все въ томъ же тонѣ, мрачно и сурово; было замѣтно, что онъ раздраженъ до послѣдней степени.

— Да что-жъ мнѣ дѣлать, если у меня нѣтъ?—проговорила Даша.—Повѣрьте, что и мнѣ не легко... Я за это время сама измучилась, думая о васъ...

— Измучилась! По своей волѣ-то пошла... Когда тетка говорила, что купецъ хочетъ познакомиться, такъ отказалась, а теперь изъ-за тебя голодаемъ...

Даша широко открыла глаза. Она не думала, что отецъ знаетъ о предложеніи тетки.

— Благодари Бога, что я тогда не зналъ, а то не ушла

бы ты сюда,—продолжалъ старикъ суровымъ тономъ.—На веревкѣ бы стащилъ къ теткѣ. Семья страдаетъ, семья мучается, а она отъ счастья отказывается! Тварь безчувственная!

Даша вздрогнула. До этой минуты она говорила съ отцомъ ласково, привѣтливо, теперь онъ пробудилъ въ ней негодованіе.

— Такъ вы хотите, чтобы я продала себя для васъ?—воскликнула она.

— Продала! Продала!—грубо передразнилъ ее снова Лыткинъ.— Не о продажѣ шла рѣчь, а о спасеніи себя и семьи. Старъ я, чтобы такую жизнь вести, пора духъ перевести... Завтра же требуй расчета и иди домой... Купецъ опять засылалъ тетку... Вчера была, говоритъ: «вотъ мучаетесь, а деньги сами въ карманъ просятся. И вамъ бы было хорошо, и мнѣ»...

— Я не пойду!—рѣзко отвѣтила Даша, возмущенная до глубины души словами отца.

— Не пойдешь?—переспросилъ Лыткинъ, вставая съ подоконника.

— Не пойду!—твердо повторила Даша.

— А что ты скажешь, если я тебя черезъ полицію заставлю придти?—съ разстановкою, твердымъ голосомъ произнесъ отецъ.—Или еще не гуляла съ околоточными по городу? Я-то по-твоему кто? Не отецъ тебѣ? Власти у меня нѣтъ надъ тобою? А?

Дашу бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Ее душило негодованіе. Ея глаза загорѣлись лихорадочнымъ огнемъ.

— Я останусь здѣсь на мѣстѣ и не пойду домой,—твердо проговорила она:—и если вы попробуете потребовать меня черезъ полицію, то вы никогда больше не увидите меня. Слышите?

— Ну, посмотримъ!—съ угрозой покачалъ головою старикъ.

— Да, и посмотрите!—съ жаромъ отвѣтила она.—Вы думаете, у меня не хватитъ силы покончить съ собою?... Да я бы давно, слышите вы, давно бросилась бы въ воду, если бы не братъ, не мать... Не для васъ ли мнѣ жить?

Она ближе подошла къ нему.

— Васъ я ненавижу, проклинаю, слышите вы, проклинаю каждый день, каждую минуту! — прошептала она глухимъ голосомъ.

— Что?—рѣзко произнесъ онъ и хотѣлъ взять ее за руку.

— Не троньте, а не то я позову прислугу и велю столк-

нуть васъ съ лѣстницы!—почти крикнула она.—Я знаю васъ, я васъ давно знаю!.. Вамъ тетка наговорила, что за меня много дадутъ, у васъ, вѣрно, дня два денегъ не было, чтобы опохмелиться, такъ вотъ вы и готовы и меня продать, и кого угодно загубить, только бы денегъ добыть, а когда я позову людей, такъ вы въ ногахъ валяться будете, прося прощенья... Все знаю, все!.. Ступайте! Да помните, что я скорѣе вотъ отсюда на мостовую брошусь, чѣмъ продамъ себя вашему купцу, чѣмъ позволю ему обезчестить себя...

Лицо Даши горѣло, въ глазахъ ея была энергія, въ голосѣ слышалась твердость. Лыткинъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и перемѣнилъ тонъ.

— Да ты что же, Даша,—началъ онъ болѣе ласково.—Ты не поняла меня!.. Звѣрь я какой, что ли, что губить тебя стану?.. Я о твоемъ же счастіи забочусь... Такъ бы я и далъ какому-нибудь аршиннику, бородачу загубить тебя... Я законы знаю, мы его благословили бы законнымъ бракомъ... Ты вѣдь еще что—почти дѣвочка, такъ ему даромъ-то не спустили бы, если бы что случилось... Теперь судъ гласный...

— Идите вонъ!—указала Даша отцу на лѣстницу.—Идите и не смѣйте никогда являться ко мнѣ. Изъ-за васъ меня выгнали изъ магазина, такъ вы хотите, чтобы выгнали и отсюда... Ступайте. Но знайте, что первая ваша попытка привести меня домой силою кончится не добромъ... Мертвую, мертвую только увидите вы меня тогда... Тогда уже не съ кого будетъ срывать послѣдній грошъ... Слышите вы?...

Даша говорила нервнымъ, взволнованнымъ тономъ. Казалось, она была бы готова хоть сейчасъ на самоубійство, если бы отецъ вздумалъ употребить насиліе.

Лыткинъ понялъ все и струсилъ окончательно: онъ чувствовалъ, что и въ этотъ вечеръ ему не удастся опохмелиться, а между тѣмъ онъ испытывалъ то страшное и мучительное ощущеніе, которое знакомо только пьяницамъ, когда они два-три дня не могутъ добыть ни капли водки, встрѣчая на каждомъ шагу винные погреба и кабаки, ощущая вездѣ запахъ вина и водки, видя людей, выходящихъ, пошатываясь, изъ трактировъ, погребовъ и питейныхъ заведеній. Это ощущеніе невыносимо: сначала пьяницу «сосетъ въ груди», какъ выражаются эти люди, потомъ ихъ начинаетъ томить тоска, переходящая, мало-по-малу, въ раздражительное состояніе; наконецъ, ихъ раздраженіе доходитъ до степени яростной злобы и мрачнаго отчаянія; въ такія минуты за рюмку водки пьяница готовъ сдѣлаться не

только воромъ, подлецомъ, но и убійцей. Даша знала, что ея отецъ въ такіе дни былъ поистинѣ страшенъ и въ то же время низокъ: сначала онъ готовъ былъ бить ее и жену, но, встрѣтивъ отпоръ, онъ переходилъ въ унизительный тонъ, кланялся и молилъ ихъ, какъ нищій, о грошѣ. Въ эту минуту онъ перешелъ къ этому омерзительному униженію.

— Ну, полно, Дашечка,—забормоталъ онъ, и его глаза забѣгали въ разныя стороны:—вѣдь я все для тебя, все для тебя стараюсь... Ты думаешь, отецъ — мерзавецъ, отецъ— негодяй, онъ готовъ родную дочь продать... Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ!.. Андрей Лыткинъ не продастъ дочери!.. Онъ ей добра желаетъ...

— Мнѣ некогда,—отрывисто проговорила Даша и хотѣла идти.

Онъ удержалъ ее за платье, вцѣпившись въ него, какъ кошка, крючковатыми пальцами.

— Постой, Дашурочка, родная, постой! — пугливо пробормоталъ онъ.—Какъ же такъ?.. Мнѣ деньги нужны... Три дня безъ дѣла и безъ денегъ сижу... три дня... Ты это пойми!.. Вѣдь люди въ такомъ-то положеніи въ воду бросаются... Вѣдь вотъ иду я мимо кабака... народъ тамъ... шумятъ, галдятъ, пьютъ... а я безъ гроша... войти не могу какъ прокаженный... зашелъ разъ, безъ денегъ зашелъ... гнать стали, окаянные... потомъ, шутники, черти проклятые, поднесли, ко рту поднесли шкаликъ и... выплеснули... на полъ выплеснули...

Лыткинъ трясся всѣмъ тѣломъ и почти плакалъ.

— Я, Дашечка, руку свою, вотъ эту руку лизалъ, потому что попало на нее, нѣсколько капель попало... Вѣдь меня, Даша, червь сосетъ, вѣдь у меня видѣнія разныя теперь, страхъ меня одолѣваетъ, вотъ по этой лѣстницѣ я шелъ, а *онъ*-то рядомъ идетъ и шепчетъ: «бросься, бросься»... Я отъ перилъ къ стѣнкѣ прижался, а стѣнка отталкиваетъ, отталкиваетъ...

Въ глазахъ Лыткина выражался ужасъ. Онъ и теперь прижался къ стѣнѣ, подальше отъ перилъ.

Даша стояла съ поникшей головой: теперь отецъ казался ей и страшенъ, и жалокъ. Его поблѣднѣвшее лицо, его вдругъ заискрившіеся глаза, его трясущіяся руки, его всклоченные волосы и оборванный костюмъ дѣлали его похожимъ на сумасшедшаго.

— Мнѣ двугривенничекъ, двугривенничекъ, только опохмелиться сегодня, да выпить завтра по-утру, — бормоталъ

онъ:—а тамъ и встрепенусь... встрепенусь... Потомъ опять будутъ и дѣла... будутъ... какъ не быть.

— Вотъ вамъ, — тихо отвѣтила дочь, вынимая изъ кармана послѣднія деньги.

Онъ жадно схватилъ ихъ и какъ-то дико засмѣялся едва слышнымъ, жидкимъ смѣхомъ.

— Дала, дала!.. Вотъ дочка... спасибо, дочка!—забормоталъ онъ и закивалъ ей головой съ выраженіемъ идіота.— Ну, прощай... прощай!.. Холодно, холодно... согрѣться надо!

Онъ съ застывшею на осклабившемся лицѣ улыбкою, торопливо, спотыкаясь, началъ спускаться съ лѣстницы, держа прижатый къ груди кулакъ съ деньгами и устремивъ впередъ неподвижно остановившіеся глаза.

Даша какъ-то машинально, безсознательно пошла въ свою комнату. Ей приходилось снова идти черезъ кухню, и здѣсь она опять встрѣтила всю прислугу Муратовыхъ, столпившуюся въ одну группу. Даша шла мимо этихъ людей, ничего не замѣчая, ни на кого не глядя, но ее остановила горничная вопросомъ:

— Это, должно-быть, вашъ батюшка были, Дарья Андреевна?

— Да,—тихо отвѣтила Даша.

— Что же это вы ихъ на лѣстницѣ продержали и въ свою комнату не пригласили?—спросила горничная.

— Онъ на минуту приходилъ,—отвѣтила Даша.

— Все же не хорошо. Я не только своихъ родителевъ, но даже и жениха своего не заставлю дежурить на черной лѣстницѣ... Это ужъ вовсе не благородно...

Даша ничего не отвѣтила и прошла въ свою комнату. Она слышала, какъ вслѣдъ за нею раздалось среди прислуги хихиканье. Ей было тяжело: она не могла удержаться отъ слезъ. Впервые она начала сознавать, что, несмотря на всѣ лишенія, она была счастливѣе въ своемъ подвальномъ углу, чѣмъ здѣсь. Въ ея воображеніи рисовалась теперь вся бѣдственная картина положенія ея родныхъ. Но чѣмъ она могла помочь имъ? У нея не было даже денегъ, чтобы послать ихъ матери, не было возможности спросить этихъ денегъ у Муратовой. Во-первыхъ, Дашу взяли въ этотъ домъ, не сказавъ ни слова о томъ, что ей будутъ платить; во-вторыхъ, Даша сознавала, что ея услуги въ этомъ домѣ въ сущности ничтожны и могутъ быть названы лишними, ненужными. Какъ не было ей просить за нихъ

платы? Подъ вліяніемъ этихъ скорбныхъ думъ, она поникла головой и расплакалась.

— Васъ просятъ разлить чай,—послышался голосъ лакея.

Даша торопливо встала и осушила слезы.

— Вы, Дарья Андреевна, сказали бы своему папенькѣ, чтобы они не ходили къ намъ, — проговорилъ лакей, не трогаясь съ мѣста.

— Онъ не къ вамъ, а ко мнѣ приходилъ, — сухо отвѣтила Даша.

— Знаемъ, что не къ намъ,—отвѣтилъ лакей.—Къ намъ такіе-то не ходятъ... Только къ вамъ другого хода нѣтъ, какъ черезъ кухню и коридоръ, такъ если что, оборони Богъ, пропадетъ, то мы отвѣчать будемъ...

Даша вспыхнула.

— Мой отецъ не воръ!—проговорила она.

— Этого мы не знаемъ-съ. А только такъ какъ они не въ своемъ видѣ, то мало ли что человѣкъ можетъ сдѣлать...

— Я вамъ говорю, что мой отецъ не воръ, — повторила Даша съ негодованіемъ. — И покуда я здѣсь, мои родные будутъ ходить ко мнѣ...

— Это какъ вамъ угодно, только вы ужъ не пеняйте, если мы такъ барынѣ и скажемъ, что мы ни за что отвѣчать не можемъ...

— Ну, и идите, жалуйтесь, сколько вамъ угодно!

— Что-жъ, и пойдемъ. Мы тоже за всякаго отвѣчать не намѣрены... А вы если ужъ хотите на положеніи барышни здѣсь быть, такъ должны бы, по крайности, соблюдать себя и не принимать Богъ знаетъ кого съ улицы. Тоже хоть онъ и на черномъ ходу стоялъ, а все же жильцы могли видѣть. Подумаютъ, что къ намъ Богъ знаетъ кто шляется...

— Ступайте вонъ!

— Пойдемъ-съ, пойдемъ! Мы тоже это очень хорошо понимаемъ, что намъ въ вашей комнатѣ не мѣсто, мы вѣдь не графчики, чтобы съ вами компанію могли держать...

XXV.

Даша быстрыми шагами направилась въ столовую. Она была блѣдна и взволнована. Она заварила чай и сѣла къ столу, какъ-то тупо устремивъ въ пространство свои глаза. Трудно сказать, что больше тревожило ее теперь: думы ли о положеніи семьи, воспоминаніе ли о встрѣчѣ съ спившимся съ круга отцомъ или оскорбленія и темныя подозрѣнія прислуги. Черезъ нѣсколько минутъ въ столовую

вошли Аркадій Павловичъ, Петръ Павловичъ, Викторъ Валерьяновичъ и Аделаида Александровна. Даша начала разливать чай.

— Что съ вами? Вы нездоровы? — спросилъ ее Викторъ Валерьяновичъ, привыкшій за послѣднее время всматриваться въ это лицо и любоваться имъ.

— Да... голова что-то болитъ, — отвѣтила Даша.

— И отъ головной боли вы плакали? — спросилъ Баскаковъ.

Даша молчала. Она сознавала, что здѣсь не мѣсто ей разсказывать о своихъ тревогахъ и печаляхъ.

— У васъ непріятность какая-нибудь случилась? — небрежно спросила Аделаида Александровна, услышавъ вопросы Виктора.

Даша подняла на нее глаза.

— У меня сейчасъ былъ отецъ...—начала она въ смущеніи.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ онъ ходитъ! — съ гримасой воскликнула Муратова.—Не можетъ оставить васъ въ покоѣ...

— Меня не его приходъ взволновалъ, — тихо пояснила Даша:—а то, что моя семья голодаетъ...

Баскаковъ съ удивленіемъ обернулся къ Муратовой.

— Да развѣ «Общество первой помощи» ничего не сдѣлало для семьи Дарьи Андреевны?—спросилъ онъ.

Муратова пожала плечами.

— Что же оно станетъ дѣлать! — нетерпѣливо проговорила она.—Тутъ трехрублевая помощь не поправитъ дѣла, а далѣе этого мы не идемъ... Общество попросило меня спасти Дарью Андреевну и успокоилось...

Она обратилась къ Дашѣ:

— Но вы, другъ мой, должны болѣе спокойно относиться къ дѣлу,—наставительно замѣтила она.—Вашу семью трудно спасти разомъ. Вы знаете слабости своего отца. Ему никакая помощь не пойдетъ въ пользу... Если бы его не было, то, конечно, можно бы пристроить вашего брата въ гимназію, а мать въ Порошинъ домъ. Теперь же нужно подождать... Согласитесь, что никто не можетъ взять на себя такую обузу, какъ содержаніе трехъ человѣкъ...

— Я и не просила объ этомъ, Аделаида Александровна,— тихо пояснила Даша, и по ея лицу разлился легкій румянецъ. — Но побѣдить свои чувства, успокоиться, когда я знаю, что они голодаютъ,—этого я не могу сдѣлать...

Она опустила свои глаза и даже не замѣтила, что по ея щекамъ прокатились двѣ крупныя слезы

— Я удивляюсь, ma tante, какъ и вы можете такъ хладнокровно говорить объ этомъ, — горячо замѣтилъ Баскаковъ.—Какъ бы ни было трудно помочь семьѣ Дарьи Андреевны, но это нужно сдѣлать.

— Да кто же споритъ объ этомъ, Викторъ? — замѣтила Муратова, пожимая плечами и въ упоръ взглянувъ на него. — Я только говорю, что нельзя сдѣлать все вдругъ, что будетъ гораздо хуже, если Дарья Андреевна станетъ относиться слишкомъ нетерпѣливо къ этому дѣлу и ожидать бо̀льшаго, чѣмъ то, что можно сдѣлать.

— Ахъ, я ничего не жду! — тихо отвѣтила Даша. — Я виновата въ томъ, что я еще не умѣю скрывать ничего, что у меня на душѣ... Я сама знаю, что я не имѣю права разстраивать другихъ своими слезами, но вѣдь это сдѣлалось невольно...

Она сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы подавить слезы. Аделаида Александровна перемѣнила разговоръ и начала болтать по-французски съ Петромъ Павловичемъ о разныхъ новостяхъ дня. Викторъ Валерьяновичъ слушалъ разсѣянно эту болтовню и отвѣчалъ невпопадъ, когда къ нему обращались съ вопросомъ. Это нѣсколько раздражило Муратову. Она надула свои розовыя губки и, молча допивъ чай, пригласила своихъ собесѣдниковъ перейти въ гостиную.

— Это невыносимо, когда нищета нагоняетъ на насъ тоску даже въ нашемъ интимномъ кружкѣ, — проговорила она, подходя къ роялю и начавъ перебирать ноты.

— Меня возмущаетъ не столько нищета, сколько наши отношенія къ ней,—сухо замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Такъ ужъ не оплакивать ли намъ ее, когда мы не можемъ ей помочь? — проговорила Муратова, полуобернувъ къ нему голову и продолжая перебирать ноты.

— Не можемъ помочь! Скажите лучше: не хотимъ помочь!—съ удареніемъ произнесъ Баскаковъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, иной и радъ бы помочь, да вотъ тутъ ничего нѣтъ, — со вздохомъ показалъ на карманъ Аркадій Павловичъ.

Финансы для него были всегда настолько же больнымъ мѣстомъ, насколько они бываютъ больнымъ мѣстомъ въ каждомъ государствѣ.

— О, братъ, вѣрно, первый помогъ бы ей за ея глазки, если бы онъ былъ при деньгахъ, — пренебрежительно засмѣялся Петръ Павловичъ, разваливаясь на софѣ.

Муратова обернулась и, насмѣшливо посмотрѣвъ на Виктора Валерьяновича, съ ироніей проговорила:

— Ужъ и ты не потому ли сочувствуешь нищетѣ, что она явилась передъ тобой въ образѣ хорошенькой рожицы?

Викторъ Валерьяновичъ покраснѣлъ, какъ пойманный врасплохъ школьникъ, но тотчасъ же оправился.

— Вопросъ шелъ не о томъ,—рѣзко и запальчиво проговорилъ онъ: — сочувствуемъ ли мы нищетѣ потому, что она красива, или ласкаемъ безобразіе потому, что оно богато. Внутреннія побужденія могутъ быть грязны, но желательно, чтобы была чиста хоть внѣшность. Вѣдь вонъ и за такимъ уродомъ, какъ жидъ Гельфрейхъ, ухаживаютъ десятки женщинъ. А кто же спрашиваетъ, ради чего онѣ это дѣлаютъ: ради симпатіи къ нему, или ради любви къ его деньгамъ?

Аделаида Александровна вздрогнула и бросила ноты на рояль.

— Я только могу сказать одно, что эта дѣвушка испортила нашъ вечеръ,—пробормотала она сквозь зубы.

Разговоръ снова перешелъ къ другимъ предметамъ, но уже не клеился. Прошло не болѣе получаса, какъ Петръ Павловичъ, зѣвая, посмотрѣлъ на часы и поднялся съ мѣста. Всѣ распрощались. Викторъ сухо простился съ Муратовой и не обратилъ вниманія на ея крѣпкое, многознаменательное рукопожатіе. Онъ прошелъ въ свою комнату и, не спѣша раздѣваясь, сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Изъ его ума не выходило скорбное выраженіе лица Даши; впервые онъ ясно почувствовалъ, что это лицо преслѣдуетъ его и днемъ, и ночью, что онъ готовъ бы былъ безъ конца любоваться имъ, каждымъ его движеніемъ, каждымъ его оттѣнкомъ. Веселое или грустное, улыбающееся или плачущее, оно было одинаково прекрасно.

«Ее надо спасти!»

Эта мысль не оставляла теперь его ни на минуту, и въ то же время ему хотѣлось не только спасти эту дѣвушку, но видѣть ея радость, слышать ея благодарность, пожать ея руку, обнять ее, какъ сестру, какъ друга, какъ любовницу, какъ жену—все равно какъ, но только почувствовать близко, близко около себя эту стройную, дѣвственную, граціозную фигуру. Но въ эти-то минуты предъ нимъ вдругъ воскресла мысль: «а Адель?» Онъ вздрогнулъ, и что-то близкое къ злобѣ промелькнуло въ его душѣ. Адель такъ черство смотритъ на печаль этой дѣвушки, она эгоистично

думаетъ только о себѣ, она вообще ведетъ себя пустою свѣтскою барынею, поглощенною мыслями о тряпкахъ, о балахъ, о весельи, она среди этихъ баловъ загубила въ себѣ лучшіе порывы и утомила и свою душу, и свое тѣло. Да, она утомила и свое тѣло, она старѣетъ. До дня своего сближенія съ ней онъ не обращалъ на это вниманія, а теперь онъ ясно это видитъ, ощущаетъ. Мало того, — онъ постоянно сравниваетъ ее съ другой женщиной, старается найти въ ней недостатки, помимо своей воли, и находитъ эти недостатки. Съ которыхъ поръ начался этотъ оттѣнокъ въ отношеніяхъ Виктора къ Муратовой? Съ самаго ли начала ихъ сближенія или только послѣ встрѣчи съ Дашею? Потому ли онъ увидалъ достоинства Даши, что близко узналъ недостатки Муратовой, или потому бросились ему въ глаза эти недостатки, что передъ нимъ стояло болѣе совершенное существо? Онъ самъ не могъ отвѣтить на эти вопросы. Онъ только сознавалъ, что его отношенія къ Муратовой становятся теперь похожими на отношенія придирчиваго критика къ художественному произведенію. Если бы онъ поглубже проанализировалъ эти отношенія, то онъ понялъ бы, что они были неизбѣжны: когда юношу приковываетъ къ себѣ женщина, не пробуждающая въ немъ страсти, — онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ и болѣе чѣмъ когда-нибудь инстинктивно привязывается сердцемъ къ другому существу, которое при другихъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, прошло бы передъ нимъ незамѣченнымъ. Но горе той женщинѣ, у которой въ этихъ случаяхъ является соперница: юноша, только позволяющій себя любить, но не любящій, начинаетъ преувеличивать всѣ недостатки любящаго существа, видя въ этомъ существѣ помѣху для сближенія съ другой личностью, достоинства которой преувеличиваются имъ, въ свою очередь, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе чувствуетъ онъ себя неудовлетвореннымъ. То же случилось теперь и съ Баскаковымъ. Онъ походилъ на жаждущаго узника, которому подаютъ застоявшуюся воду, тогда какъ онъ видитъ за рѣшеткою тюрьмы весело бьющій горный ключъ.

Но онъ не можетъ разойтись съ ней, думалось ему,—въ немъ все ея спасеніе; въ случаѣ разрыва съ нимъ, она бросится Богъ знаетъ на какой путь; онъ долженъ, какъ порядочный человѣкъ, поддержать ее.

Онъ передумывалъ все это и даже не угадывалъ, что происходило за двѣ комнаты отъ его помѣщенія. Тамъ, въ

будуарѣ, съ поникшей головой, сидѣла Муратова. Въ ея душѣ шла тяжелая борьба. Она, послѣ утреннихъ визитовъ и скучной болтовни съ гостями, надѣялась отрадно отдохнуть съ нимъ въ этотъ вечеръ, и вдругъ случайная сцена въ столовой разрушила ея надежды. Слезы этой «дѣвчонки», какъ ее мысленно называла теперь Муратова, разстроили ея мечты. И почему Викторъ принимаетъ такое участіе въ этой дѣвчонкѣ? Потому, что она несчастна, бѣдна? Но вѣдь онъ знаетъ, что есть тысячи бѣдняковъ, болѣе несчастныхъ, чѣмъ эта дѣвчонка, однако, онъ не волнуется за нихъ, не упрекаетъ ее, Муратову, за безсердечное отношеніе къ нимъ. Не потому ли волнуетъ его несчастіе этой дѣвчонки, что онъ слишкомъ близко видитъ здѣсь ея несчастіе? Но вѣдь онъ уже не впервые стоитъ лицомъ къ лицу съ нищими, однако, онъ никогда не думалъ, не толковалъ о нихъ. Нѣтъ, его подкупила въ этомъ случаѣ красота. Красота? Да, эта дѣвчонка прекрасна. Такъ, значитъ, онъ влюбился въ нее? Влюбился? А какъ же она, Муратова, что она будетъ дѣлать? Ужъ не уступить ли его этой нищей, этой швеѣ, этой приживалкѣ? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! «Проклятая, какъ она смѣла думать!..» И какъ она отвѣчала ей, Муратовой! Сухо, съ достоинствомъ, съ спокойнымъ видомъ. И откуда явилось у нея это умѣнье держать себя? Неужели это простое слѣдствіе ея непорочности и чистоты? Муратовой вспомнилась вдругъ другая личность, которая держала себя такъ же просто, такъ же непринужденно. Эта личность была ея покойная сестра, Дуня. Та такъ же ясно смотрѣла на людей, когда они обвиняли ее. Это—чистота и ясность невинно обвиняемой жертвы... Надо будетъ ее удалить. Но куда? А что, если онъ тогда сдѣлается еще холоднѣе къ ней, къ Муратовой? Вѣдь если онъ любитъ эту дѣвчонку, то это очень возможно. Или помочь ей такъ, чтобы она не являлась съ заплаканными глазами, чтобы она менѣе интересовала его своимъ несчастіемъ, и слѣдить за нимъ, за каждымъ его шагомъ, за каждымъ его взглядомъ? Да, это такъ! Но прежде всего нужно изгладить въ немъ слѣды непріятнаго впечатлѣнія, идти къ нему. Идти къ нему, — легко сказать!

«Господи, какъ низко я падаю!—воскликнула молодая женщина, сжимая себѣ руки.—Я прошу любви Христа ради, какъ нищая. Не онъ ко мнѣ идетъ, а я къ нему, вымаливая со слезами ласкъ, выслушивая всѣ наставленія, всѣ оскорбленія... Нѣтъ, довольно, не пойду!.. Онъ придетъ самъ!..»

Она опустила на грудь свою голову, а въ этой головѣ пронеслася вопросъ:

«Придетъ ли?»

Конечно, не придетъ! Развѣ онъ хоть разъ послѣ ихъ сближенія приходилъ къ ней? Да и зачѣмъ? Онъ покуда только позволялъ любить себя, но не любить. Нужно сначала сдѣлать такъ, чтобы онъ полюбилъ, а потомъ уже ждать, что онъ станетъ приходить самъ. Ей вспомнились его слова, что ихъ любовь требуютъ тщательнаго ухода, какъ недоношенный ребенокъ...

Она встала и съ поникшей головой прошла черезъ комнату съ ванной и гардеробную и тихо постучала въ дверь.

— Викторъ, Викторъ, прости меня, научи меня, что я должна дѣлать, чтобы идти рука объ руку съ тобой!—шептала молодая женщина, обвивая руками шею юноши.

А онъ въ эту минуту яснѣе всего чувствовалъ, чувствовалъ впервые только то, что это лицо, прижимающееся къ его лицу, уже нѣсколько мягко, нѣсколько дряблo...

XXVI.

Едва успѣла Даша выйти по-утру въ столовую, какъ тутъ появилась Аделаида Александровна. Обыкновенно она приходила къ утреннему чаю послѣ мужа и Виктора Валерьяновича, но на этотъ разъ она поспѣшила предупредить ихъ. Она вошла въ комнату съ веселымъ лицомъ и, довольно ласково поздоровавшись съ молодой дѣвушкой, замѣтила ей:

— Васъ, я думаю, удивило, дитя, что я вчера такъ безучастно отнеслась къ вашему горю? Но ваши слезы не вовремя смутили хорошее настроеніе нашего семейнаго кружка.

— Я чувствую, что я виновата,—проговорила Даша.— Но что же дѣлать, я впервые живу въ чужомъ домѣ и еще не научилась скрывать своихъ чувствъ. Я надѣюсь, что этого не повторится, и еще разъ прошу у васъ извиненія.

— Э, полноте, я вовсе не сержусь!.. Вы говорили, что ваша семья голодаетъ? Вамъ нужны деньги? Вотъ вамъ.

Муратова подала Дашѣ двадцать пять рублей. Даша не вѣрила своимъ глазамъ.

— Но когда же я отработаю эти деньги?—тихо сказала она.

— Сочтемся когда-нибудь!

— Я, право, не знаю, какъ васъ благодарить, Аделаида Александровна,—прошептала смущенная дѣвушка.

— Ну вотъ еще, что за благодарности!..—произнесла

Муратова.—Но надо бы подумать серьезно о вашей судьбѣ. Я долго думала объ этомъ вчера вечеромъ, и мнѣ кажется, васъ спасло бы замужество.

Муратова зорко посмотрѣла на молодую дѣвушку. Она походила на сыщика, дѣлающаго неожиданный вопросъ человѣку, подозрѣваемому въ преступленіи. Она съ замираніемъ въ сердцѣ ждала отвѣта. Даша отрицательно покачала головой, нисколько не измѣняя выраженія лица.

— Я не пойду замужъ,—отвѣтила она.

— Не пойдете? Развѣ вы уже любите кого-нибудь?—торопливо спросила Аделаида Александровна, и ея брови сдвинулись.

Даша подняла на нее свои ясные, откровенные глаза.

— Кого же мнѣ любить?—тихо проговорила она.

— Ахъ, Боже мой, почему я знаю!—въ волненьи и нѣсколько рѣзко произнесла Муратова, раздраженная наивностью этого вопроса.—Вы можете, какъ и всякая другая дѣвушка, любить кого-нибудь. Вы ужъ не дитя!

— Нѣтъ, я никого еще не люблю,—коротко отвѣтила Даша.

Муратова вздохнула свободнѣе; она чутьемъ угадывала, что Даша не лжетъ, не притворяется.

— Такъ почему же вы не хотите выйти замужъ, если явится хорошій женихъ?—спросила она.

— Я потому и не хочу идти замужъ, что хорошій женихъ не можетъ явиться,—серьезно отвѣтила Даша.—Кто меня возьметъ? Какой-нибудь старикъ, который будетъ мнѣ ненавистенъ? Бѣднякъ, котораго я, быть-можетъ, буду любить, но съ которымъ я буду терпѣть ту же нужду, не имѣя средствъ помочь своимъ роднымъ? Такого же мужа, который бы былъ любимъ мною и могъ поддержать мою семью, не можетъ явиться: кто молодъ и богатъ, для того найдется сотня болѣе привлекательныхъ невѣстъ... Нѣтъ, теперь я хоть чѣмъ-нибудь могу помочь своей семьѣ, а выйдя замужъ, я лишусь и этой возможности...

— Но какъ знать! можетъ-быть, и явится такой женихъ, который поможетъ и вамъ, и вашей семьѣ...

Даша не успѣла отвѣтить, такъ какъ въ комнату вошли Аркадій Павловичъ и Викторъ Валерьяновичъ.

— А мы здѣсь строимъ планы насчетъ будущности,—засмѣялась Муратова, здороваясь съ ними.—Я хочу приняться за новую роль.

— За какую это?—спросилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Я хочу сдѣлаться свахой,—отвѣтила Муратова и зорко посмотрѣла на Виктора Валерьяновича.

— Свахой!—переспросилъ онъ.

— Да. Хочу сватать жениха нашей молодой экономкѣ.

Аделаида Александровна впилась глазами въ лицо Виктора Валерьяновича. По этому лицу разлилась краска. Муратова дышала тяжело.

— Что же ты думаешь, Викторъ, насчетъ этого плана?—спросила она, видя, что онъ молчитъ.

— Что-жъ, если Дарья Андреевна полюбитъ кого-нибудь и это будетъ достойный ея человѣкъ, то и прекрасно,—проговорилъ онъ и почувствовалъ, что его сердце забилось сильнѣе.

— Но она не соглашается,—прибавила Муратова, не спуская глазъ съ Баскакова.

— Не соглашается?—почти радостно спросилъ онъ.

— Да, говоритъ, что она еще не любила,—окончила Аделаида Александровна.

Викторъ Валерьяновичъ почувствовалъ, что ему дышится свободнѣе.

— А вотъ Андрея Андреевича можно бы посватать,—неожиданно вставилъ свое слово Аркадій Павловичъ, и его голосъ прозвучалъ, какъ трубный звукъ среди наступившей на мгновенье тишины.

— Этого негодяя?—горячо воскликнулъ Баскаковъ.—Я удивляюсь, что тебѣ приходитъ въ голову!

— Я, право, не знаю, за что ты не любишь Андрея Андреевича, — усмѣхнулась Муратова. — Онъ практическій человѣкъ...

— Онъ негодяй! —повторилъ Баскаковъ такъ рѣзко, точно кто-нибудь нанесъ ему личное оскорбленіе.—Да если бы онъ и былъ порядочнымъ человѣкомъ, то развѣ можно устраивать свадьбы при помощи посторонняго сватовства. Замужество—не шутка. Нужно, чтобы человѣкъ самъ полюбилъ кого-нибудь, чтобы имѣть право разсчитывать на счастливое супружество. Я, впрочемъ, увѣренъ, что и Дарья Андреевна не пошла бы замужъ за человѣка, котораго она не знаетъ.

— Я уже сказала, что я не думаю о замужествѣ,—коротко замѣтила Даша.

Всѣ замолчали, допивая чай. Муратова выглядѣла уже далеко не такою веселою, какою она вошла въ эту комнату. Ревность, пробудившаяся въ ней наканунѣ, теперь усилилась еще болѣе. Викторъ радуется, что Даша не хочетъ

выйти замужъ, значитъ онъ ее любитъ. Знаетъ ли это она? Едва ли. Она не сумѣла бы этого скрыть. Какъ бы хорошо было, если бы можно было сдѣлать такъ, чтобы она не узнала этого! Но какъ это сдѣлать? Развѣ можно помѣшать Виктору объясниться съ молодой дѣвушкой? Аделаида Александровна опять раскаивалась теперь, что взяла въ домъ Дашу. Она готова была удалить ее сейчасъ же и только боялась, что это возбудитъ подозрѣніе въ Викторѣ и заставитъ его искать еще упорнѣе сближенія съ молодой дѣвушкой. Нѣтъ, ее непремѣнно надо выдать замужъ. Этотъ Христофоровъ женится на комъ угодно, только пообѣщать ему мѣсто. Баронъ можетъ хорошо пристроить его, имѣя связи. Аркадій впервые въ жизни высказалъ умную мысль. Впрочемъ, и то сказать, можетъ-быть, онъ самъ имѣетъ виды на эту смазливую дѣвчонку. И гдѣ были глаза у нея, у Муратовой, когда она брала въ свой домъ эту дѣвчонку? Какъ она не замѣтила ея красоты, какъ не сообразила, что такихъ хорошенькихъ дѣвчонокъ нельзя держать въ домѣ? Да, нужно скорѣе хлопотать о ея замужествѣ. Ея замужество уронитъ ее въ глазахъ Виктора. Конечно, любовь Виктора къ этой нищей не можетъ быть серьезна, но все же она можетъ отдалить его отъ нея, отъ Муратовой. Къ тому же нынче аристократическая молодежь такъ безразсудно сближается съ кѣмъ попало! Вонъ князь Горлицынъ женился на танцовщицѣ изъ театра Берга. Пожалуй, и Викторъ... Нѣтъ, нѣтъ, его надо отвлечь отъ этой дѣвчонки!..

Муратова обдумывала все это, а Даша и не подозрѣвала, что Аделаида Александровна уже распоряжается мысленно ея судьбою. Окончивъ разливаніе чая и вымывъ чашки, Даша удалилась изъ столовой, запечатала деньги, послала ихъ съ дворникомъ матери и пошла работать въ гардеробную. Было около второго часа, когда она услышала въ коридорѣ поцѣлуи и женскіе голоса.

— Да неужто, Марья Егоровна, Дарья-то Андреевна ваша племянница?—говорилъ одинъ голосъ, въ которомъ Даша узнала голосъ горничной.—Вотъ ужъ никакъ я не думала!

— Моя, моя, королевна писанная! — отвѣтилъ другой звонкій голосъ, и Даша узнала въ немъ голосъ своей тетки.— Замужъ-то когда идешь?

— Да вотъ деньги собрать надо на свадьбу,—отвѣтила горничная.

— Ну, собирай, собирай! Платокъ-то за тобой,—замѣтила Марья Егоровна.

— Моя исповѣдь будетъ коротка: вы знаете все изъ моего письма,—отвѣтилъ, очнувшись, задумавшійся о прошломъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Влюбленъ по уши и потому готовъ на всякія сумасбродства? — усмѣхнулся старикъ, вынулъ батистовый платокъ и началъ подчищать длинные красивые ногти.— Такъ?

— Я не влюбленъ, а люблю,—тихо отвѣтилъ внукъ.

— Ну да, не станемъ спорить о словахъ,—мягко замѣтилъ дѣдъ.— Но дѣло не въ томъ. Ты, кажется, намѣренъ жениться?

— Да.

— На бывшей служанкѣ одной изъ нашихъ родственницъ.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на внука. Викторъ Валерьяновичъ покраснѣлъ и потупился.

— Папа, не станемъ говорить, до чего довела судьба эту дѣвушку,—мягко и тихо проговорилъ онъ.—Она бѣдна, она не изъ нашего круга, но я люблю ее.

Дѣдъ ласково взглянулъ на него и началъ дружескимъ тономъ:

— Я тебя не упрекаю, дружокъ, за то, что ты полюбилъ дѣвушку, не спрашивая ея метрическаго свидѣтельства и описи ея имущества. Я первый, быть-можетъ, пожалѣлъ бы тебя, если бы ты не былъ молодъ на двадцать второмъ году. Дѣвственность—такое же безсердечіе, какъ и развратъ. Кто не жилъ въ юности всею молодою жизнью, тотъ дѣлается слишкомъ сухимъ въ старости или, что еще хуже, стремится наверстать потерянное въ юности тогда, когда уже нѣтъ на это силъ. Но любить и жениться—я думаю, это двѣ вещи разныя.

— Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что честнѣе жениться на дѣвушкѣ, чѣмъ губить ее,—замѣтилъ внукъ.

Лицо дѣда сдѣлалось серьезнымъ и озабоченнымъ.

— Конечно, конечно! Но сдѣланнаго не воротишь. Если ты не могъ устоять противъ искушенія, то, снявши голову, по волосамъ не тужатъ. Проступокъ нужно исправить, но, конечно, не новымъ проступкомъ, не тѣмъ, чтобы ввести откуда-то изъ подвала въ нашъ кругъ новую родственницу... Довольно съ насъ, что мы имѣемъ несчастье считаться родственниками Адели,—вздохнулъ старикъ.

Ему уже успѣли передать всѣ толки, ходившіе въ городѣ о Муратовой.

— Я не думаю, чтобы можно было считать любовь про-

стукомъ,—проговорилъ Викторъ Валерьяновичъ: — и тутъ не можетъ быть и рѣчи о заглаживаньи чего-нибудь.

Старикъ не то съ недоумѣніемъ, не то съ изумленіемъ широко раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на внука.

— Но ваши отношенія...—началъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Наши отношенія—отношенія жениха и невѣсты,— перебилъ его внукъ.—Васъ это удивляетъ, папа? Но вѣдь вы не удивились бы, если бы я былъ въ теченіе года женихомъ дѣвушки изъ нашего круга и не оказался бы мерзавцемъ?

— Да, я знаю, что ты честенъ, — проговорилъ старикъ, потирая лобъ.—Но эти отношенія къ дѣвушкѣ, которая живетъ до свадьбы на счетъ жениха.

— Да развѣ это сколько-нибудь измѣняетъ обязанности порядочнаго человѣка?—горячо перебилъ его молодой Баскаковъ.—Неужели вы думаете, что я долженъ былъ брать проценты за помощь? Чѣмъ яснѣе я сознавалъ, что положеніе этой семьи зависитъ отъ меня, тѣмъ осторожнѣе долженъ я былъ относиться къ той, которую я люблю, чего бы это ни стоило мнѣ...

— Все это такъ, все это такъ, мой другъ,—въ раздумьи сказалъ нѣсколько пораженный старикъ.—Но въ какую же исторію ты впуталъ себя! Тебя завлекли очень ловко...

Старикъ окончилъ чищенье ногтей, встряхнулъ платокъ, сунулъ въ карманъ и принялся за кофе.

— О, ради Бога, говорите все, что угодно, но не обвиняйте той, которой вы не знаете!—горячо воскликнулъ Викторъ Валерьяновичъ.—Когда вы говорите, что вамъ трудно согласиться на этотъ бракъ,—я понимаю еще васъ, но когда вы бросаете осужденіе въ дѣвушку, которой вы не знаете,— я не узнаю васъ! Посмотрите на нее, познакомьтесь съ ней...

Старикъ быстрымъ движеніемъ руки остановилъ внука, точно онъ испугался, что внукъ сейчасъ приведетъ сюда эту дѣвушку.

— Это вовсе не нужно,—произнесъ онъ.—Я вѣрю твоей честности, я готовъ вѣрить ея честности, но ты или женишься на ней помимо моей воли, или тогда, когда мнѣ будетъ уже все равно, что дѣлается здѣсь...

Голосъ старика зазвучалъ не то грустью, не то строгостью. Лицо его приняло выраженіе холодности.

— Я не хочу, чтобы на тебя указывали пальцемъ въ свѣтѣ, я не хочу, чтобы имя Баскаковыхъ сдѣлалось сказкой города,—строго произнесъ старикъ. Довольно позоритъ наша

золотая молодежь наши имена, довольно скандалезныхъ исторій про лучшія фамиліи разносится по городу, довольно совершается этихъ постыдныхъ браковъ Богъ знаетъ съ кѣмъ. Вѣдь теперь уже говорятъ о твоей связи съ этой дѣвочкой невообразимыя вещи. Что же ты думаешь, что ты увѣришь послѣ женитьбы весь свѣтъ, что ваши отношенія были чисты, что ты женился не на проституткѣ? Ты знаешь, что ни для кого не тайна, что эта дѣвочка жила въ услуженіи у Адели. Что же ты думаешь, что нашъ кругъ приметъ ее въ свою среду? Или ты бросишь службу, бросишь столицу, погубишь свою карьеру, порвешь свои связи ради того, что въ тебѣ не было настолько мужества, чтобы отказаться отъ удовольствія обладать первой встрѣтившейся тебѣ дѣвочкой, въ которую ты влюбился? Стыдись! Это малодушіе недостойно мужчины. Ты еще полюбишь двадцать, тридцать разъ въ жизни, и лѣтъ черезъ пять тебѣ будутъ смѣшны всѣ твои теперешнія увлеченія.

Старикъ всталъ и положилъ руки на плечи присмирѣвшаго, какъ бы съежившагося внука.

— Ну, смотри молодцомъ и стряхни съ себя эти бабьи сентиментальности!—весело проговорилъ онъ.—Отъ любви не умираютъ! Какая-нибудь двухмѣсячная командировка, какая-нибудь интрижка съ «этими дамами»—и все забудется.

Викторъ Валерьяновичъ поблѣднѣлъ и тоже поднялся съ дивана.

— Я думаю, что моя любовь—мое личное дѣло, не мѣшающее никому,—произнесъ онъ упавшимъ, но спокойнымъ голосомъ.—Что говорятъ объ этой любви въ свѣтѣ—мнѣ все равно, потому что въ свѣтѣ будутъ говорить и о томъ, что я никого не люблю и живу монахомъ, и о томъ, что у меня цѣлый сераль любовницъ, и что я живу Сарданапаломъ. Если моя любовь кого-нибудь и можетъ касаться, такъ это васъ, и то только своими результатами. Но я вамъ даю слово, папа, что я никогда не женюсь, не сказавъ вамъ первому о своемъ намѣреніи. Я васъ слишкомъ глубоко уважаю, чтобы скрывать отъ васъ это.

Дѣдъ бросилъ мимолетный, но пристальный взглядъ на внука.

— Ну, хорошо, хорошо, перестанемъ толковать объ этомъ!—сказалъ онъ, допивъ кофе и дружески похлопавъ внука по плечу.—Пройдемъ на половину дяди. Ты манкируешь своими обязанностями, рѣдко бываешь у него...

— Я почти нигдѣ не бываю...

— Не хорошо, не хорошо! Отъ этого и лѣзетъ всякая дурь въ голову! Надо развлекаться... А что академія?.. Готовишься понемногу?

— Да, и даже помногу, — улыбнулся Викторъ Валерьяновичъ.

Онъ шелъ по стариннымъ знакомымъ ему заламъ подъ руку съ этимъ величавымъ старикомъ и чувствовалъ, что тотъ смотритъ на него съ безграничной любовью и гордостью. Въ головѣ молодого Баскакова мелькала невольно мысль о томъ, что лучше бы было, если бы онъ не такъ любилъ этого старика или если бы этотъ старикъ отнесся къ нему во время ихъ объясненія рѣзко и грубо. Старикъ же давалъ себѣ мысленно обѣты во что бы то ни стало спасти внука отъ неравнаго брака, отъ разрыва съ свѣтомъ, отъ гибели всей будущей карьеры. Когда они входили подъ руку въ гостиную графа Матвѣя Ивановича Баскакова, вся семья хозяина зорко устремила на нихъ глаза и не безъ злобы подумала: «все попрежнему обожаютъ другъ друга».

Часу въ девятомъ, прямо съ семейнаго обѣда Викторъ Валерьяновичъ поѣхалъ къ Дашѣ. Онъ былъ грустенъ. Изъ разговора съ дѣдомъ онъ ясно понялъ, что старикъ никогда не согласится на его бракъ съ любимой имъ дѣвушкой и что этотъ бракъ можетъ совершиться только противъ воли старика. Но покуда дѣдъ былъ гдѣ-то далеко, за границею,— Виктору Валерьяновичу казалось нетруднымъ поступить противъ воли старика. Теперь же, когда молодой человѣкъ снова встрѣтился съ этимъ любящимъ, прямодушнымъ старикомъ, когда въ душѣ внука пробудились всѣ воспоминанія о ласкахъ и заботахъ этого старика, когда обстановка дѣдовскаго дома, рѣчи дѣда и разговоръ въ семейномъ кружкѣ напомнили ему снова, кто онъ,—молодому Баскакову стало тяжело при мысли, что онъ долженъ будетъ отравить послѣдніе дни любимаго имъ человѣка, что онъ дастъ право своимъ семейнымъ врагамъ хотя намекомъ, хотя взглядомъ высказать старику: «вотъ какъ отплатилъ вамъ за вашу любовь вашъ любимецъ». Но что же было дѣлать? Даша говорила: «ждать», дѣдъ говорилъ: «постараться забыть эту дѣвушку». Но развѣ то или другое было возможно? Ждать до смерти еще бодраго и здороваго старика—это цѣлая вѣчность. Постараться забыть эту дѣвушку — это значило ни съ того, ни съ сего ради предразсудковъ другихъ людей калѣчить свою жизнь. Баскаковъ совершенно терялся, соображая, какъ поступить.

— Викторъ, а я ужъ боялась, что ты заболѣлъ!—встрѣтила его встревоженная Даша.—Я весь день ждала тебя.

— Дѣдъ пріѣхалъ,—коротко отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руку.

Она поблѣднѣла и пристально взглянула на него, отступивъ на шагъ назадъ.

— Ты говорилъ съ нимъ?—тихо спросила она.

— Да.

Она не спрашивала, что отвѣтилъ ему дѣдъ: она давно знала, угадывала этотъ отвѣтъ. Она присѣла на диванъ съ опущенной головой и опущенными на колѣни руками. Баскаковъ понялъ, что она угадала отвѣтъ его дѣда.

— Даша, милая, ради Бога не безпокойся, не волнуйся!—мягко заговорилъ онъ, взявъ ея руку.—Старикъ, какъ я и предполагалъ, не соглашается на нашъ бракъ покуда, но...

— Онъ и никогда не согласится,—тихо прошептала она.—Намъ надо разстаться...

Баскакова бросило въ жаръ.

— Разстаться?—воскликнулъ онъ.—И это говоришь ты? Или ты не любишь меня?

Она подняла съ упрекомъ свои ясные глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что ты любишь! — проговорилъ онъ поспѣшно.—Но какъ же ты можешь говорить о разлукѣ? За что мы будемъ губить себя, калѣчить всю свою жизнь? Я женюсь на тебѣ, не спрашивая никого...

Въ головѣ Даши промелькнуло все то, что передумала она, когда ей приходило на мысль, что будетъ, если Викторъ женится на ней помимо воли дѣда. Она невольно вздрогнула.

— Нѣтъ, - тихо отвѣтила она:—я никого не хочу огорчать, а тѣмъ болѣе того, кто такъ долго, такъ горячо любилъ тебя...

— А меня?—воскликнулъ Баскаковъ.—Меня ты не жалѣешь? Ты думаешь, мнѣ будетъ легко ждать годы и годы того дня, когда я назову тебя своею женою? Теперь я тайкомъ ѣзжу къ тебѣ, чтобы люди не узнали даже твоего адреса. Теперь я боюсь остаться лишній часъ съ тобою, чтобы не навлечь на тебя подозрѣнія даже твоихъ родныхъ. Теперь я боюсь лишній разъ поцѣловать твою руку, чтобы ты не считала меня за негодяя.

— Викторъ,—остановила она его: — что бы ни было, я всегда буду о тебѣ одного и того же мнѣнія, а что говорятъ, что будутъ говорить обо мнѣ другіе—мнѣ все равно!

Она сдѣлала усиліе, чтобы подавить свои слезы.

— Ты удивился, когда я сказала: разстанемся,—продолжала она съ усиліемъ.—Ты былъ правъ... Это я лгала...

Если бы ты рѣшился разстаться со мною, я сама пришла бы къ тебѣ... впрочемъ! нѣтъ... я не пришла бы... я перестала бы жить...

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Даша, Даша, милая, дорогая!—бросился къ ней Викторъ.—Что съ тобою?

— Люби, только люби меня и больше мнѣ ничего не надо,— нервно, порывисто прошептала она.—Не думай ни о чемъ, ни о комъ...

Онъ страстно обнялъ ее, дѣйствительно забывъ все и всѣхъ.

XLIII.

Былъ десятый часъ. Старый графъ Баскаковъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по своему старинному, длинному кабинету, меблированному полвѣка тому назадъ тяжелою мебелью изъ чернаго дуба съ массивною рѣзьбою. Онъ только-что удалился въ эту комнату послѣ фамильнаго обѣда и теперь на свободѣ обдумывалъ утренній разговоръ съ своимъ любимцемъ-внукомъ. Онъ очень хорошо понялъ, что юноша влюбился безъ памяти въ какую-то дѣвочку не изъ ихъ круга, въ какую-то Сандрильону, какъ уже называлъ мысленно Дашу графъ Иванъ Викторовичъ. Онъ очень хорошо понялъ и то, что побороть сразу эту, быть-можетъ, первую любовь юноши крайне трудно. Но онъ не понималъ одного: внукъ сказалъ ему, что его отношенія къ этой дѣвушкѣ вполнѣ чисты,—но почему они чисты, потому ли, что Викторъ крайній идеалистъ, потому ли, что эта дѣвушка крайне нравственна, потому ли, что эта дѣвушка крайне хитра и поняла сразу, что ничѣмъ нельзя такъ сильно прикрѣпить къ себѣ такого юношу, какъ неприступною строгостью? Есть женщины, которыя только потому и водятъ на помочахъ мужчинъ, что играютъ роль неприступныхъ праведницъ. Но каковы бы ни были причины существующихъ между Викторомъ и этой Сандрильоной отношеній, — это обстоятельство, во всякомъ случаѣ, затрудняетъ развязку. Если она держитъ себя такъ честно, то Викторъ не только горячо любитъ, но и глубоко уважаетъ ее, и, значитъ, съ нимъ приходится говорить о ней вдвое осторожнѣе и осмотрительнѣе. Если она честное по натурѣ созданіе, то ей нельзя сдѣлать никакого предложенія, не оскорбивъ, не возмутивъ ее. Если она ловкая интриганка, то она, быть-можетъ, не согласится взять никакого отступного, разсчитавъ, что гнѣвъ родныхъ на ослушника пройдетъ, и что ему до-

станется все слѣдующее ему наслѣдство. Надо, во всякомъ случаѣ, все разузнать. Но какъ? Старикъ не зналъ ни ея имени, ни ея фамиліи. Навести справки у Виктора,—но онъ предупредитъ ее, онъ заподозритъ, что старикъ хочетъ уладить дѣло помимо его. Поступить круто и рѣзко съ Викторомъ,—это значило испортить все дѣло. Дѣдъ хорошо изучилъ внука. Онъ зналъ, что лаской и любовью можно было сдѣлать все изъ этого мягкаго и слабаго созданья, но рѣзкостью и грубостью можно было вызвать въ немъ ту нервную энергію протеста, которую вызывали въ Викторѣ всѣ остальные родные, выказывавшіе ему открыто свою непріязнь. Но какъ же узнать подробности объ этой дѣвушкѣ? Она жила у Муратовой и только Муратова можетъ сообщить о ней хотя какія-нибудь точныя свѣдѣнія. Старикъ уже узналъ о поведеніи Муратовой относительно барона Гельфрейха и съ презрѣніемъ говорилъ теперь объ этой падшей женщинѣ, которую его семья имѣла несчастіе считать своею родственницею. Но онъ все-таки зналъ эту женщину за довольно откровенное и искреннее, хотя и вѣтреное существо, и надѣялся, что она скажетъ правду въ такомъ дѣлѣ, какъ вопросъ о любимой его внукомъ женщинѣ. Правда, Викторъ, повидимому, разошелся съ Муратовыми, но что же въ томъ? Онъ вообще разошелся почти со всѣми со времени своей «несчастной» любви, и Муратова не можетъ особенно сердиться на него за это. Да, наконецъ, она во всякомъ случаѣ скажетъ хотя имя и фамилію этой дѣвушки, и тогда будетъ легко собрать справки. Сначала старикъ думалъ написать къ Муратовой письмо, но потомъ рѣшилъ, что въ подобныхъ дѣлахъ «письма»—лишніе обличители, и что личное объясненіе будетъ болѣе цѣлесообразнымъ.

Онъ довольно рано легъ спать и по утру, по обыкновенію, бодрый и свѣжій вышелъ изъ дому. Никто не подозрѣвалъ, куда онъ пошелъ: старикъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ обыкновенно гулялъ по утрамъ въ теченіе двухъ часовъ, и потому никто не удивился, что онъ вышелъ пѣшкомъ изъ дому, не приказавъ даже коляскѣ ѣхать за нимъ.

— Дядя!—воскликнула растерявшаяся Муратова, увидѣвъ передъ собою этого гордаго старика.—Я никакъ не думала, что вы здѣсь... что вы пріѣдете.

Она путалась, она не знала, что говорить. Она никакъ не думала, что въ ея домъ еще разъ заглянетъ кто-нибудь изъ семьи графовъ Баскаковыхъ. Она, по обыкновенію, поцѣловала руку старика. Онъ поцѣловалъ ее въ голову. Она

не могла понять, что̀ привело къ ней старика. На минуту она даже подумала, что ему ничего неизвѣстно, но эта мысль тотчасъ же смѣнилась убѣжденіемъ, что добрые родственники, конечно, успѣли все разсказать графу. Не пришелъ ли онъ съ намѣреніемъ наставить на путь истины ее, Муратову? Что ей отвѣтить, если онъ начнетъ упрекать ее?

— Я къ тебѣ, Адель, по дѣлу,—повторилъ старикъ.

Онъ сказалъ эту фразу безъ умысла, но Аделаиду Александровну бросило въ жаръ. Ей показалось, что старикъ хотѣлъ сказать, что «безъ дѣла», безъ необходимости онъ не пришелъ бы къ ней. Можетъ-быть, она и была права.

— Мнѣ, во всякомъ случаѣ, пріятно видѣть васъ,—тихо отвѣтила она, опустивъ глаза въ землю и сбросивъ съ себя шляпу.

— Ты ѣхала кататься?—спросилъ старикъ.

— Да... но это не необходимость... Садитесь!..

Она движеніемъ руки указала на кресло.

— Ты можешь мнѣ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя мнѣ очень нужны,—началъ графъ, опускаясь въ кресло.—Они касаются отчасти Виктора...

Муратова опять покраснѣла. У нея сильно забилось сердце. Неужели графъ знаетъ объ ея отношеніяхъ къ Виктору?

— Дѣло идетъ о той дѣвушкѣ, которая жила у тебя,—сказалъ графъ.

— Ахъ! объ этомъ низкомъ созданіи!—воскликнула въ волненіи Муратова.—Я хотѣла бы совершенно забыть, что я когда-то старалась спасти ее...

Въ ея сердцѣ снова закипѣла ненависть.

— Не увлекайся, мой другъ, личными антипатіями,—довольно ласково проговорилъ графъ.—Ты могла быть огорчена, что она увлекла Виктора...

Муратова снова вспыхнула, видя опять какой-то темный намекъ въ словахъ старика.

— Мы всѣ огорчены этимъ,—окончилъ старикъ, тѣмъ же спокойнымъ и мягкимъ тономъ.—Но безпристрастіе прежде всего... Что, она очень молода?

— Да, семнадцать, восемнадцать лѣтъ...

— И очень любитъ Виктора?..

— Ахъ, развѣ я ее спрашивала! Это просто негодная развратница, готовая броситься на шею первому встрѣчному!

Старикъ съ грустью покачалъ головой. Ему было тяжело слышать этотъ приговоръ изъ устъ Адели, теперешней падшей Адели.

— Значитъ, ты мнѣ въ сущности не скажешь ничего о ней,—вскользь замѣтилъ онъ и вздохнулъ.

— Я только могу сказать вамъ, что ее слѣдовало бы поскорѣе выдать замужъ за кого-нибудь, иначе она или, лучше сказать, ея отецъ подниметъ исторію на весь городъ.

Старикъ поднялъ голову.

— Изъ-за чего?—спросилъ онъ, пристально взглянувъ на племянницу.—Изъ-за того, что она любитъ Виктора, а Викторъ любитъ ее?.. Она до сихъ поръ настолько же честная дѣвушка, насколько была честною дѣвушкою ты до замужества.

Муратова сверкнула глазами, стиснула зубы и смяла въ рукѣ батистовый платокъ. Она теперь еще болѣе ненавидѣла эту дѣвчонку, которую называютъ честною, тогда какъ ее, Муратову, клеймятъ уже именемъ продажной женщины.

— Что-жъ, тѣмъ легче ее выдать замужъ!—нервно засмѣялась она.—Кстати у Аркадія есть одинъ чиновникъ, Христофоровъ, котораго можно бы женить на этой примѣрной особѣ...

— И ты думаешь, что она пойдетъ за него?—спросилъ графъ, не спуская съ нея глазъ.

— Велятъ; отецъ велитъ идти!—пожала плечами Муратова.—Это какой-то старый взяточникъ, крючкотворъ, пьяница...

Графъ молчалъ.

— Нужно только дать приданое,—замѣтила Муратова.

— Ну, я не забочусь о деньгахъ. Не въ нихъ дѣло,—тихо проговорилъ онъ.—Но меня иногда удивляете своею жестокостью вы, женщины. Вотъ ты сейчасъ слышала, что это честная дѣвушка, и совѣтуешь принудить ее выйти замужъ за нелюбимаго ею человѣка. Точно ты не знаешь, что̀ выходитъ изъ этихъ браковъ безъ любви.

Муратову снова бросило въ жаръ, она опять слышала горькій упрекъ себѣ.

— Ахъ, Боже мой, я говорю это потому, что ищу хоть какого-нибудь исхода для Виктора!—воскликнула она.—Мнѣ лично, право, все равно, если эта дѣвочка останется вѣчно дѣвушкой и, въ концѣ концовъ, дождется того, что Викторъ получитъ возможность жениться на ней...

— Положимъ, этого не будетъ,—сказалъ старикъ.

— Покуда вы живы—да!—отвѣтила Муратова.—Онъ можетъ быть спасенъ отъ женитьбы на ней только тогда, когда она сама будетъ замужемъ.

Старикъ задумался. Онъ понималъ, что Муратова говоритъ правду. Но его возмущала мысль о насиліи.

— Какъ ее зовутъ?—спросилъ онъ.

— Дарья Лыткина,—отвѣтила Муратова.—Поэтическое имя и благородная фамилія.

Старикъ вынулъ записную книжку и мелькомъ спросилъ:

— Ты знаешь имя ея отца?

— Андрей... Егоровичъ, кажется,—отвѣтила Муратова, очень хорошо знавшая отчество Лыткина, такъ какъ она знала его родную сестру.

Старикъ записалъ имена, спряталъ записную книжку въ боковой карманъ и поднялся съ мѣста.

— Вы уже идете, дядя?—спросила Аделаида Александровна.

— Да, пора!—отвѣтилъ онъ.

— Вы, дядя, подумайте о моемъ планѣ,—сказала она на прощаньи.—Можетъ-быть, вы потомъ и не будете обвинять меня за безсердечность: когда приходится ставить на карту благополучіе близкаго, любимаго человѣка и благополучіе чужого, неизвѣстнаго намъ лица—люди рѣдко задумываются надъ вопросомъ: что дѣлать?

— Къ несчастію, да!—отвѣтилъ старикъ.

Онъ вышелъ отъ Муратовой далеко не такъ бодро, какъ шелъ къ ней. Аделаида Александровна чисто по-женски въ минуту раздраженія поставила вопросъ на настоящую точку. Она высказала то, что долженъ былъ сдѣлать старикъ, если онъ дѣйствительно желалъ застраховать своего внука отъ женитьбы на этой «дочери подвала», какъ называли Дашу въ семьѣ Баскаковыхъ. Выдать замужъ эту дѣвушку волей или неволей—вотъ единственная болѣе или менѣе вѣрная гарантія въ томъ, что Викторъ Валерьяновичъ уже никогда не женится на ней. Думалъ ли объ этомъ старикъ до разговора съ Муратовой, представлялась ли ему такъ ясно неизбѣжность этого исхода, какъ теперь—это трудно сказать. Но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что онъ не ставилъ вопроса такъ рѣзко и былъ теперь смущенъ. Послѣдняя фраза Муратовой не выходила у него изъ головы. До сихъ поръ онъ, какъ и каждый другой человѣкъ, поступалъ именно такъ, то-есть ради благополучія своихъ родныхъ и близкихъ готовъ былъ приносить въ жертву благополучіе чужихъ и незнакомыхъ; быть-можетъ, такой образъ дѣйствія стоилъ слезъ приносимымъ въ жертву. Но теперь впервые ему прямо сказали, что онъ долженъ принести и принесетъ

въ жертву чужое счастье, разобьетъ чужую жизнь, погубитъ человѣка. Но о чьемъ же счастьи шло дѣло? О счастьи одной изъ тѣхъ бѣдныхъ, другомъ и покровителемъ которыхъ являлся онъ до сихъ поръ. Онъ зналъ, что, выданная насильно замужъ, эта дѣвушка легко сойдетъ съ честнаго пути на путь разврата, и сойдетъ по его винѣ, тогда какъ именно онъ-то и проповѣдывалъ, что ихъ кругъ долженъ поднимать нравственность темной толпы, людей подваловъ и чердаковъ. Но что же дѣлать? Не допустить же, въ самомъ дѣлѣ, послѣдняго молодого носителя древней фамиліи графовъ Баскаковыхъ до женитьбы на какой-то бывшей служанкѣ, на дочери спившагося съ круга отставного «приказнаго». Муратова была права, говоря, что одинъ только бракъ этой дѣвушки съ кѣмъ-нибудь положитъ хотя сколько-нибудь вѣрную преграду для женитьбы на ней Виктора. Но какъ устроить этотъ бракъ? У самого старика не было ни одного такого человѣка, который согласился бы продать себя. Въ этомъ случаѣ нужно будетъ воспользоваться предложеніемъ Муратовой и отстранить себя насколько возможно отъ этой грязной, хотя и неизбѣжной сдѣлки. Но прежде нужно узнать, кто эта дѣвушка, какъ она живетъ. Можетъ-быть, справки дадутъ возможность для какой-нибудь другой комбинаціи.

Старикъ былъ взволнованъ.

Онъ возвратился домой не въ духѣ и рѣшился дѣйствовать. Онъ самъ и одно изъ его довѣренныхъ лицъ, его старый дворецкій, собрали свѣдѣнія о семьѣ Лыткиныхъ. Свѣдѣнія оказались неутѣшительными. Старикъ узналъ, что за человѣкъ былъ самъ Андрей Егоровичъ, какова была его жена, но это его мало интересовало. Главное, что было ему нужно,—это были справки о поведеніи Даши. Оказалось, что она живетъ скромно, почти затворницей, что она по цѣлымъ днямъ учится, что ее посѣщаетъ только Викторъ Валерьяновичъ. Ни одного намека не было высказано никѣмъ насчетъ того, что это ловкая интриганка, что это корыстолюбивое существо, что это способное на всякую низость созданіе. Значитъ, дѣйствительно, она любитъ Виктора. Она учится, значитъ, она, дѣйствительно, надѣется быть его женою. Въ такомъ случаѣ неизбѣжно выдать ее замужъ за кого-нибудь другого, иначе она, не сегодня, такъ завтра, обвѣнчается съ Викторомъ. Была минута, когда старикъ думалъ поѣхать къ ней и объяснить ей дѣло, просить ее отказаться отъ этого брака. Но развѣ она пойметъ его до-

воды? Да если и пойметъ, если и рѣшится отказать Виктору, то развѣ самъ-то Викторъ не станетъ еще сильнѣе настаивать на этомъ бракѣ, возмущенный интригою? Нѣтъ, этотъ планъ никуда не годится. Попробовать еще заговорить объ этомъ предметѣ съ самимъ Викторомъ. Не перемѣнилъ ли онъ рѣшенія?

— Ну, а что твоя любовь еще не остыла?—дружески спросилъ дѣдъ у Виктора Валерьяновича при одной изъ первыхъ встрѣчъ.

— Я не думаю, чтобъ она когда-нибудь остыла,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Значитъ, въ одинъ прекрасный день я буду имѣть несчастіе услышать о твоей женитьбѣ?—вздохнулъ старикъ.

— Вы знаете, папа̀, что я не женюсь, не предупредивъ объ этомъ прежде всего васъ,—отвѣтилъ внукъ.

— Да, да, придешь и объявишь, что черезъ часъ ѣдешь вѣнчаться,—проговорилъ дѣдъ.

— Я слишкомъ глубоко уважаю и люблю васъ, папа̀, чтобы насмѣхаться надъ вами и вашею привязанностью ко мнѣ,—замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Я былъ бы радъ, если бы твое уваженіе простиралось настолько, чтобы ты никогда не огорчилъ меня извѣстіемъ объ этой женитьбѣ...

— Я и постараюсь сдѣлать это,—уклончиво отвѣтилъ внукъ.

Старикъ смутился. Ему показалась подозрительною эта покорность.

— Да, но я все-таки хотѣлъ бы видѣть тебя женатымъ, хотѣлъ бы видѣть хотя въ колыбели того, кто будетъ носить въ будущемъ нашу фамилію,—проговорилъ старикъ.

— Папа̀, вы слишкомъ требовательны!—возразилъ молодой человѣкъ.—Я покоряюсь вашей волѣ и не женюсь на любимой мною дѣвушкѣ, не требуйте же, чтобы я сдѣлалъ еще низость, женившись на нелюбимой мною дѣвушкѣ...

— Другими словами говоря, ты рѣшился ждать моей смерти, чтобы исполнить свое желаніе?—проговорилъ старикъ.—Хороша будетъ отнынѣ твоя любовь ко мнѣ, когда ты будешь видѣть во мнѣ бревно, лежащее поперекъ твоей дороги, когда ты невольно будешь желать только моей смерти...

Викторъ Валерьяновичъ поблѣднѣлъ.

— Что же вамъ угодно?—горячо спросилъ онъ.—Чтобы я лгалъ вамъ, говоря, что я разлюбилъ эту дѣвушку? Чтобы я лгалъ передъ Богомъ, давая обѣтъ любить ту, которую я

не буду любить и буду обманывать? Если вы мнѣ скажете, что вы хотите именно этого, то я...

— Я хочу, чтобы ты былъ мужчиной, а не чувствительной женщиной, которая не можетъ отказаться отъ перваго сердечнаго влеченья, не можетъ, потому что не хочетъ,—сурово перебилъ его старикъ.—Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ; ты знаешь, какъ я взгляну на твой бракъ съ этой дѣвушкой, а время покажетъ, что будетъ.

Старикъ понялъ, что другого исхода не было, какъ выдача замужъ этой дѣвушки за кого-нибудь другого.

XLIV.

Нѣсколько дней спустя послѣ послѣдняго объясненія съ внукомъ, графъ Иванъ Викторовичъ Баскаковъ снова поднимался по лѣстницѣ къ дверямъ квартиры Муратовыхъ. Опять его визитъ изумилъ Аделаиду Александровну и еще болѣе изумило ее скорбное выраженіе лица старика. Казалось, онъ въ эти дни похудѣлъ и осунулся; его взглядъ былъ сосредоточенъ и тусклъ.

— Что съ вами, дядя? Вы больны?—спросила Муратова.

— Нѣтъ, Адель... просто маленькія тревоги утомили,—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ее въ голову.—У меня есть къ тебѣ просьба.

— Говорите, дядя, что такое?—сказала Аделаида Александровна, предлагая старику движеніемъ руки кресло.

— Ты мнѣ говорила о какомъ-то господинѣ, который согласился бы жениться на этой несчастной дѣвушкѣ,—проговорилъ старикъ, не называя даже имени Даши.

— А-а! Вы, значитъ, согласны со мной,—радостно произнесла Муратова.

Она съ мелочною, чисто-женскою ненавистью вспомнила о Дашѣ. По привычкѣ сваливать всю вину съ себя на другихъ, она все настойчивѣе и настойчивѣе увѣряла себя, что эта дѣвушка была главною виновницею ея разрыва съ Викторомъ. Если бы не было этой дѣвушки, Муратова могла бы еще вымолить прощеніе у Виктора, могла бы сохранить хоть долю его любви. Она даже думала, что, поправивъ отчасти свои дѣла, она оттолкнула бы отъ себя барона Гельфрейха и отдалась бы вполнѣ одному Виктору. Но эта дѣвочка окончательно овладѣла сердцемъ молодого человѣка и навсегда отрѣзала Муратовой путь къ примиренію съ этимъ юношею. Аделаида Александровна, какъ всѣ мелочныя, неверхностныя и слабыя натуры, винила за свои несчастія только другихъ людей, но не себя, и представляла себѣ

самыя несбыточныя картины счастія, котораго она могла бы достигнуть безъ этихъ другихъ людей. Теперь ее радовала возможность отомстить этой дѣвчонкѣ.

— Къ несчастію, да,—вздохнулъ старикъ, отвѣчая на вопросъ Муратовой.—Хотя, признаюсь, я не вѣрю въ возможность уладить это дѣло. Я хватаюсь за него, какъ утопающій хватается за соломинку.

— Отчего же нельзя? Нужно только дѣйствовать осторожно и расчетливо. У этой дѣвчонки есть отецъ, есть тетка, которые пойдутъ на все ради денегъ.

— А если она не согласится?—спросилъ Баскаковъ.

— А, Боже мой, вы не знаете этихъ людей! Вы думаете, что они станутъ дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствуемъ мы! Они заставятъ ее согласиться...

Старикъ задумался; его рѣзали по сердцу слова племянницы. До сихъ поръ если онъ и былъ причиной чьего-нибудь несчастія, то онъ не зналъ этого или могъ оправдываться, что онъ сдѣлалъ зло ближнему безъ умысла, невольно. Теперь было не то.

— Конечно, нужно обѣщать выгоды и имъ, и жениху,—продолжала Муратова, увлекаясь мыслью о замужествѣ Даши.—Аркадій можетъ достать ему хорошее мѣсто.

— Дѣло не въ мѣстѣ и не въ деньгахъ: протекцію оказать не трудно, денегъ я не пожалѣю,—сказалъ графъ.—Но ты сама говоришь, что дѣло нужно вести осторожно и осмотрительно. А этого-то я не сумѣю сдѣлать. Ты знаешь меня: я не привыкъ ни хитрить, ни скрывать своихъ чувствъ... Эти люди, должно-быть, очень гадки и неприглядны и я не ручаюсь за себя, что я не велю вытолкать ихъ изъ своего кабинета, когда мнѣ станетъ ужъ слишкомъ гадко торговаться съ ними... Я дожилъ до семидесяти лѣтъ и мнѣ впервые приходится вступать въ подобныя сдѣлки.

Муратова пристально посмотрѣла на него.

— Въ такомъ случаѣ кто же поведетъ съ ними переговоры?—спросила она.—Въ это дѣло, мнѣ кажется, не слѣдуетъ впутывать лишнихъ свидѣтелей.

Старикъ смутился. Ему было омерзительно гадко вести переговоры самому съ такими темными личностями. У него не было подъ рукою ни одного лица, которому онъ могъ бы довѣрить это дѣло или которое было бы достаточно практично для веденія этого дѣла. Онъ понималъ, что Муратова могла бы уладить все лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, такъ какъ она знала этихъ людей. Но у него не хватало смѣ-

лости сказать ей это прямо, поручивъ ей такое дѣло, котораго онъ стыдился самъ. Муратова поняла его молчаніе. Она начинала торжествовать, сознавая, что стоитъ ей отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ—и старикъ совершенно растеряется.

— Я знаю, что ты добрая женщина, что ты любишь меня и Виктора,—началъ онъ нерѣшительно и глядя въ сторону.

Муратова сдѣлала жестъ, какъ бы желая остановить его.

— Я понимаю, чего хотите вы,—проговорила она съ горячностью.—Вы хотите, чтобы я сдѣлала то, что тяжело даже для васъ, для мужчины. Я не стану васъ упрекать за то, что вы навязываете мнѣ тяжелую роль. Я не стану вамъ говорить, насколько отвратительно для меня это дѣло. Вы это хорошо понимаете сами. Вы упрекали недавно меня за то, что я васъ навела на эту мысль. Но вѣдь я это сдѣлала не потому, что мнѣ особенно пріятно видѣть эту дѣвочку насильно выданною за кого бы то ни было. Я дала вамъ этотъ совѣтъ только потому, что другого исхода я не нахожу...

— Адель, я вполнѣ понимаю...—началъ старикъ Баскаковъ, но Аделаида Александровна перебила его.

— Я знаю, что заставляетъ васъ просить меня вмѣшаться въ это дѣло,—сказала она.—Вы боитесь, что вы, взявшись за это дѣло лично, можете испортить его. Но вспомните, дядя, о томъ, что все это дѣло можетъ случайно выйти наружу. Что тогда? Кого опять начнутъ забрасывать грязью въ свѣтѣ въ вашемъ же домѣ? Меня, и только меня! Вы будете въ сторонѣ...

Старикъ хотѣлъ что-то возразить, но Муратова остановила его.

— Не возражайте!—съ горечью произнесла она.—Я уже испытала, что значитъ клевета! Вчера въ меня бросали грязью за то, что мой мужъ вошелъ въ компанію съ какимъ-то евреемъ, съ какимъ-то банкиромъ, за то, что я не имѣла достаточно твердости, чтобы отказаться отъ любезныхъ услугъ этого еврея, не знающаго, чѣмъ отплатить за дѣла мужа, за то, что я не бросила своего мужа, которому нужно расположеніе этого человѣка... Завтра меня будутъ позорить за то, что я выдала насильно замужъ какую-то дѣвчонку... еще, можетъ-быть, найдутъ мотивы, побуждавшіе меня дѣйствовать такъ... скажутъ, что я взяла за это съ васъ деньги... поступала такъ изъ ревности... Мало ли что еще могутъ сказать эти люди!..

— Адель!—проговорилъ старикъ.

— Ахъ, Боже мой, развѣ все это невозможно!—перебила она его.—Развѣ свѣтъ не можетъ выдумать еще болѣе позорную клевету и придать ей значеніе несомнѣнной истины! Настолько-то хватитъ ума у каждой пустоголовой биготки, замаливающей тайные грѣхи своей юности, у каждаго промотавшагося фата, полирующаго паркеты вашихъ залъ, чтобы вытанцовать выгодную невѣсту или любовницу. И всѣ повѣрятъ, и никто не станетъ опровергать клеветы, потому что всѣ злы на пустоту своей жизни, на свою скуку, на свои разстроенныя дѣла...

Старикъ опустилъ голову: онъ видѣлъ, что послѣдняя его надежда на содѣйствіе Аделаиды Александровны рушится... Но онъ не зналъ, что эта женщина сама жаждетъ устроить занимавшее его дѣло.

— Не сердитесь, дядя, что я высказываю вамъ все это, я прямо говорю вамъ, что и вы не заступитесь за меня, когда въ меня будутъ бросать грязью за мою помощь вамъ, — проговорила Муратова. — Вѣдь вы и теперь посѣщаете меня не потому, что вы попрежнему любите свою бѣдную Адель, а потому, что у васъ есть до нея дѣло... Не возражайте,—остановила она старика, видя, что онъ хочетъ возражать.—Вы сами въ прошлый разъ сказали, что васъ привело ко мнѣ только дѣло... Я, дядя, не дѣвочка, я понимаю смыслъ каждой фразы, мнѣ не нужно ставить les points sur les i. Не сердитесь, что я высказываю все откровенно. Я вамъ сказала все это для того, чтобы вы не думали, что я поступаю въ настоящемъ случаѣ, какъ жалкая простушка, не знающая, на что она идетъ... Я не отказываю вамъ въ своемъ содѣйствіи, не отказываю потому, что я глубоко люблю и уважаю васъ и тетю, какъ бы вы ни смотрѣли на меня, какъ бы вы ни обидѣли меня... Кто не умѣетъ прощать, тотъ никогда не умѣлъ любить... Что бы ни сказалъ потомъ про меня свѣтъ, я увѣрена, что вы если и не станете заступаться за меня, то не будете винить меня въ душѣ... Этого съ меня будетъ довольно: я уже настолько трезво смотрю на жизнь, что дорожу только приговорами своей совѣсти да мнѣніями двухъ-трехъ человѣкъ...

Аделаида Александровна говорила горячо и нервно и едва ли сама отдавала себѣ отчетъ, насколько было въ ея словахъ правды и насколько лжи. Она дошла уже до того состоянія, когда виновный человѣкъ цѣлымъ рядомъ софиз-

мовъ успѣваетъ оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и не краснѣя изливаетъ передъ другими благородное негодованіе на тѣхъ, кто осмѣливается произносить надъ нимъ справедливый приговоръ. Старикъ молча пожалъ ея руку. Ему стало жаль эту женщину. Онъ вѣрилъ, что въ ея словахъ есть значительная доля правды, онъ готовъ былъ даже признать, что если она и была въ чемъ-нибудь виновна, такъ въ неосторожности, въ слабости, въ увлеченіи, а не въ развратѣ, не въ продажности.

— Теперь мнѣ еще тяжелѣе просить тебя объ этомъ дѣлѣ,—произнесъ онъ.

— Ничего... Я вамъ сказала, дядя, что я все беру на себя... Не станемте болѣе говорить объ этомъ...

Они перемѣнили разговоръ. Аделаида Александровна жаловалась, что ей тяжело жить въ Петербургѣ, что ее тянетъ въ провинцію или за границу, куда-нибудь въ другую среду, въ другую мѣстность.

— Отчего Аркадій не хлопочетъ о мѣстѣ въ провинціи?— замѣтилъ вскользь старикъ.

Онъ почти обрадовался, услышавъ о желаніи Аделаиды Александровны уѣхать изъ Петербурга. Ея отъѣздъ прекратилъ бы всѣ толки о скандалѣ.

— Вы знаете Аркадія, дядя, — вздохнула Муратова.— Онъ самъ не добьется ничего. Хлопотать должна я. А я уже устала, да и боюсь неудачи...

Старикъ задумался: въ его головѣ все настойчивѣе и настойчивѣе мелькала мысль, что было бы не дурно выхлопотать видное мѣсто Аркадію Павловичу въ провинціи и такимъ образомъ заглушить толки о поведеніи Муратовой. Пять-шесть лѣтъ отсутствія молодой женщины изъ Петербурга могли навсегда изгладить произведенное ею теперь впечатлѣніе, и она снова могла бы съ поднятой головой войти въ столичное общество. Мало ли уважаемыхъ обществомъ женщинъ имѣетъ свои романы въ прошломъ, кто же помнитъ объ этихъ романахъ, кто указываетъ на этихъ женщинъ пальцами? Въ свѣтѣ трудно найти женщину, которая во дни своей молодости не была бы въ теченіе извѣстнаго времени сказкой города.

— Объ этомъ можно подумать,—сказалъ старикъ, вставая.

Муратова поцѣловала его руку. Они простились

Молодая женщина, оставшись одна, заходила по комнатѣ. Она радовалась, что ей представляется возможность отомстить и этой дѣвчонкѣ, и Виктору. Она даже смутно

надѣялась, что Викторъ, разочаровавшись въ этой дѣвчонкѣ, воротится къ ней, къ Муратовой. Неуспѣшнаго окончанія своей попытки она никакъ не ждала. Ей казалось, что съ такими союзниками, какъ Лыткинъ, Христофоровъ и Марья Егоровна, можно покорить не такую дѣвочку, какъ Даша. Въ то же время въ ея головѣ мелькала мысль о послѣднихъ словахъ дяди: старикъ еще въ силѣ, онъ можетъ выхлопотать видное мѣсто для Аркадія въ провинціи; она готова будетъ уѣхать изъ этого города, гдѣ нѣкоторые люди ея круга начали относиться къ ней съ двусмысленными улыбками или съ худо скрытымъ презрѣніемъ; ея дѣла поправлены и потому баронъ ей покуда не нуженъ. Но что скажетъ баронъ, если она объявитъ о своемъ удаленіи въ провинцію? Можетъ-быть, онъ предложитъ ей такія средства, чтобы она осталась здѣсь, что ей будетъ легко сносить свое положеніе въ свѣтѣ, легко будетъ заставить этотъ свѣтъ пасть къ ея ногамъ? Вѣдь и теперь баронъ находится у нея въ рукахъ и его будетъ можно забрать въ руки еще сильнѣе, пугая его отъѣздомъ. Вѣдь и теперь свѣтъ въ лицѣ мужчинъ и такихъ барынь, какъ Марья Петровна, начинаетъ заискивать въ ней, а когда у нея увеличатся еще болѣе средства, къ ней придутъ всѣ. Правда, къ ней не придутъ Баскаковы, но что ей въ нихъ, когда она можетъ теперь держать въ рукахъ старика Баскакова, который будетъ бояться, что она выдастъ Виктору его тайну? Старикъ обожаетъ Виктора и сдѣлаетъ все, чтобы только Викторъ не узналъ составляющейся интриги и не потерялъ уваженія къ нему, къ старому дѣду. Будущее улыбалось молодой женщинѣ. «Во всякомъ случаѣ, нужно напоминать дядѣ о мѣстѣ для Аркадія въ провинціи,—думала она:—и въ то же время еще сильнѣе завлекать барона».

— Посмотримъ, что будетъ!—усмѣхнулась она.

Она позвонила. Вошелъ лакей.

— Пошлите за Андреемъ Андреевичемъ Христофоровымъ!—приказала Муратова.

Лакей вышелъ.

Христофоровъ явился черезъ два часа и засталъ Аделаиду Александровну въ залѣ. Она въ раздумьи ходила изъ угла въ уголъ по комнатѣ и не сразу замѣтила его. Увидавъ его, она окинула взглядомъ съ головы до ногъ его приглаженную, скромную фигуру и проговорила:

— А, это вы! Мнѣ васъ нужно по дѣлу!

— Слушаю-съ. Что прикажете?—смиренно спросилъ онъ.

Она указала ему на стулъ и опустилась сама на другой. Христофоровъ присѣлъ на кончикъ стула и скромно потупилъ глаза.

— Я хочу васъ сватать, — произнесла она и невольно разсмѣялась презрительнымъ смѣхомъ.

— Что-жъ, я готовъ-съ жениться. Мои такія лѣта,—осклабилъ ротъ Христофоровъ и снова потупилъ глаза.

Онъ началъ разглаживать шляпу своими сухими пальцами. Его лицо приняло пошловато-самодовольное выраженіе. Въ этой душѣ закопошилось что-то въ родѣ сластолюбиваго чувства.

— Вы знаете, у меня тутъ жила недавно бѣдная дѣвушка, дочь чиновника,—начала Муратова.

— Это Дарья Андреевна Лыткина-съ?—быстро спросилъ Андрей Андреевичъ.

— Ахъ, вы и фамилію ея запомнили!—усмѣхнулась Аделаида Александровна.

— У меня-съ память хорошая. Это у насъ-съ въ семинаріи память развивали-съ. Все въ долбню-съ учили,—скромно пояснилъ Христофоровъ.

— Такъ вотъ я хочу вамъ ее посватать, — сказала Муратова и посмотрѣла на него.

Онъ осклабился еще болѣе, но тотчасъ же принялъ печальный видъ.

— Только онѣ не пойдутъ-съ за меня,—вздохнулъ онъ.

— Это почему вы думаете? Чѣмъ же вы не женихъ?

Муратова опять усмѣхнулась полупрезрительною усмѣшкою. Ей былъ противенъ этотъ человѣкъ.

— Конечно-съ, я самъ по себѣ, по моимъ лѣтамъ, могу быть женихомъ кого угодно, — скромно произнесъ Христофоровъ. —Но онѣ-съ очень любятъ графа Виктора Валерьяновича.

— Вотъ какъ, вы и это знаете! — удивилась Аделаида Александровна.

— Слухомъ земля полнится-съ! — пояснилъ Андрей Андреевичъ, потупивъ глаза.

— Но у нея есть отецъ, который можетъ приказать ей выйти замужъ, — сказала Муратова. — Наконецъ, она сама пойметъ, что лучше быть замужемъ хоть за кѣмъ-нибудь, чѣмъ жить весь вѣкъ такъ, какъ она теперь живетъ.

— Конечно-съ, въ замужествѣ безопаснѣе, — согласился Андрей Андреевичъ. — Но онѣ-съ, вѣроятно, думаютъ, что графъ Викторъ Валерьяновичъ сами женятся-съ на нихъ...

— Ну, это разъяснитъ ей отецъ, наконецъ, вы сами... Виктору Валерьяновичу никогда не позволитъ жениться его дѣдъ. Самъ же Викторъ Валерьяновичъ не богатъ, да къ тому же онъ, вѣроятно, успѣлъ уже тронуть значительную часть своего небольшого капитала и ему было бы нечѣмъ жить, если бы онъ женился безъ согласія дѣда.

— Это совершенно вѣрно-съ,—опять согласился Христофоровъ.

Онъ принялъ теперь обычный дѣловой видъ, понимая, что тутъ идетъ теперь вопросъ не о женитьбѣ, а о сдѣлкѣ, и внимательно слушалъ Муратову.

— Выйдя за васъ замужъ, она была бы гораздо богаче, потому что за ней дали бы приличное приданое. Наконецъ, вы получили бы болѣе видное мѣсто...

— Да-съ, разумѣется, я не могу жениться на бѣдной и не имѣя порядочнаго мѣста-съ, потому нынче жизнь очень дорога-съ,—пояснилъ Андрей Андреевичъ.

— Объ этомъ нечего и говорить. Васъ обезпечатъ, такъ какъ этого брака желаетъ дѣдъ Виктора Валерьяновича.

— Хорошо-съ, я готовъ попытаться, хотя-съ, признаюсь вамъ, я очень мало надѣюсь...

Выраженіе лица Андрея Андреевича сдѣлалось озабоченнымъ и грустнымъ. Онъ видѣлъ, что ему предлагаютъ очень выгодную сдѣлку, и не надѣялся на успѣхъ.

— Прежде всего вамъ нужно скрыть отъ нея, что вы дѣйствуете съ согласія дѣда Виктора Валерьяновича и съ моего...

— Да это зачѣмъ же-съ разсказывать? Въ этомъ вы положитесь на меня.

— Потомъ вамъ нужно привлечь на свою сторону ея отца...

— И это-съ возможно, только того-то я и боюсь-съ, что ихъ батюшка не согласится...

Муратова съ удивленіемъ посмотрѣла на Андрея Андреевича.

— Ея отецъ не согласится отдать дочь за чиновника съ хорошимъ мѣстомъ, не согласится отдать ее за него, когда ей дадутъ хорошее приданое? Что вы говорите!— воскликнула она и пожала плечами.

Христофоровъ въ упоръ посмотрѣлъ на Муратову.

— Я на ихъ-съ мѣстѣ не согласился бы —твердо произнесъ онъ.

Муратова широко открыла глаза.

— Я васъ не понимаю! вѣдь этотъ Лыткинъ практическій человѣкъ, онъ пойметъ, что ея положеніе теперь шатко, невѣрно, тогда какъ замужество прямо обезпечитъ ее.

— Да вѣдь обезпечить-съ ихъ можно и безъ замужества,— скромно замѣтилъ Христофоровъ.

Муратова нетерпѣливо пожала плечами.

— Я вамъ говорю, что Викторъ Валерьяновичъ не богатъ. Дѣдъ же его дастъ ей обезпеченіе только въ томъ случаѣ, если она согласится выйти замужъ...

— Такъ-съ! А если господинъ Лыткинъ пригрозятъ подать жалобу въ судъ на Виктора Валерьяновича-съ?—спросилъ Христофоровъ, прямо взглянувъ на Муратову.

Муратова нахмурила брови.

— Положимъ-съ, судъ ничего не сдѣлаетъ графу Виктору Валерьяновичу, — продолжалъ смиренно разъяснять свою мысль Андрей Андреевичъ.—Но вѣдь позоръ-съ, огласка-съ, вотъ что будетъ непріятно для семьи графа Виктора Валерьяновича. Нынче вѣдь все гласно-съ дѣлается и сейчасъ въ газетахъ... разумѣется, все это ради денегъ... существовать чѣмъ-нибудь надо...

Муратова кусала губы. Она начинала серьезно тревожиться за успѣхъ предпріятія, понимая, что Лыткинъ не можетъ думать и чувствовать иначе, чѣмъ думаетъ и чувствуетъ Христофоровъ.

— Ну, можетъ-быть, Лыткинъ иначе смотритъ на дѣло, чѣмъ вы,—замѣтила она, чтобы что-нибудь сказать.

— Не думаю-съ. Господинъ Лыткинъ тоже человѣкъ дѣловой-съ,—пояснилъ Христофоровъ.

— Все же надо попытаться. Можетъ-быть, окажется, что вы болѣе ловкій дѣлецъ, чѣмъ онъ, — съ презрѣніемъ проговорила она.

— Я-съ попытаюсь. Попытка-съ — не пытка, спросъ— не бѣда. Только ужъ вы не вините-съ меня, если не удастся. Я вамъ-съ впередъ говорю, какъ бы я поступилъ-съ на мѣстѣ господина Лыткина.

— Ну, можетъ-быть, онъ принудитъ ее выйти замужъ, чтобы спасти ее отъ позора...

— Да позоръ-съ что! Конечно, если при бѣдности, такъ это тяжело-съ, а при деньгахъ... Вѣдь всѣ-съ не лучше живутъ... Человѣкъ въ грѣхѣ родится...

У Муратовой разлилась по лицу краска. Она была еще чутка къ каждому слову, похожему на обидный намекъ.

— Но васъ надо будетъ сначала познакомить съ семьей.

Я знаю сестру Лыткина и вы можете устроить знакомство съ его семьею черезъ эту женщину,—проговорила Аделаида Александровна сухимъ тономъ.—Только прошу васъ не говорить даже ей, что вы дѣйствуете отъ нашего имени...

— Помилуйте-съ, развѣ вы меня не знаете, Аделаида Александровна. Развѣ я когда-нибудь говорилъ, что я вижу и что слышу, если не слѣдуетъ говорить?

Христофоровъ поднялся съ мѣста.

— Вамъ надо узнать адресъ этой женщины, — сказала Муратова.

— Вы не безпокойтесь-съ, я знаю, гдѣ она квартируетъ,— остановилъ ее Андрей Андреевичъ.

— Да вы всевѣдущій, — усмѣхнулась презрительной усмѣшкой Муратова.

— Нельзя-съ не знать такихъ людей. Марья Егоровна всегда могутъ пригодиться. Я человѣкъ-съ молодой и опять же дѣла... Но позвольте спросить, какъ же насчетъ приданаго? Мнѣ ли надо показать, что у меня есть деньги, или потомъ объяснить, что въ случаѣ свадьбы невѣстѣ дадутъ .. да нѣтъ-съ, это неловко...

— Конечно; вы скажете, что у васъ есть свое состояніе и что вы не потребуете за невѣстой ничего. Вамъ дадутъ тысячъ десять, пятнадцать...

— Слушаю-съ!

Христофоровъ сталъ почтительно откланиваться. Муратова небрежно кивнула ему головой и задумалась. Ей было не весело. Андрей Андреевичъ отчасти разрушилъ ея надежды, выразивъ сомнѣніе въ успѣхѣ, отчасти же пробудилъ въ ней какое-то злорадное чувство, сказавъ, что отецъ Даши можетъ пригрозить судомъ. Молодая женщина угадывала, что подобная угроза подыметъ скандалъ и нарушитъ мирную жизнь Даши, Виктора и Баскаковыхъ вообще. Счастіе молодыхъ людей не давало ей покоя: она завидовала ихъ взаимной любви, потому что сама тщетно жаждала вполнѣ испытать это чувство; она ревновала, потому что еще до сихъ поръ горячо любила Виктора; она озлоблялась, потому что ей казалось, что Даша отняла у нея Виктора, похитила его ласки. Въ то же время ей было противно, что она должна вступать въ сношенія съ такими людьми, какъ Христофоровъ, чтобы удовлетворить свое мстительное чувство, чтобы погубить свою соперницу во мнѣніи Виктора.

Муратова еще не совсѣмъ успокоилась отъ разговора съ

Христофоровымъ, когда въ ея гостиную безъ доклада вошелъ баронъ. Этотъ человѣкъ казался ей теперь, послѣ воспоминаній о Викторѣ, противнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Его появленіе напоминало ей опять, что ради этого «жида» ее забрасываютъ грязью въ обществѣ. Но въ то же время она вспомнила, что теперь нужно было быть вдвойнѣ любезною съ этимъ человѣкомъ, чтобы еще болѣе привязать его къ себѣ на случай полученія Аркадіемъ Павловичемъ мѣста въ провинціи.

XLV.

Марья Егоровна Коптяева, обдѣлывавшая сотни самыхъ разнообразныхъ дѣлишекъ и вращавшаяся въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, была довольно близко знакома съ Андреемъ Андреевичемъ Христофоровымъ, хотя онъ, какъ и всѣ другіе ея знакомые, гораздо чаще видѣлъ ее у себя, чѣмъ бывалъ у нея. Бѣгая по городу, она забѣгала иногда и къ нему подъ вечеръ и, просиживая съ нимъ за самоваромъ, болтала безъ устали о разныхъ городскихъ сплетняхъ, снабжала его полотномъ на бѣлье, бралась высватать ему хорошую невѣсту или познакомить его съ такой писанной красавицей-швейкой, «какой еще и свѣтъ не производилъ», и т. п. Въ послѣдніе годы, когда Христофоровъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Муратовыхъ, Марья Егоровна забѣгала къ нему еще чаще, собирая отъ него справки о денежныхъ дѣлахъ «Муратихи», такъ какъ ей были необходимы эти справки: она отъ времени до времени ссужала Аделаидѣ Александровнѣ то пятьдесятъ, то сто рублей, дрожа за участь этихъ денегъ и въ то же время сгорая желаніемъ получить большіе проценты. Такимъ образомъ, между этими двумя личностями существовала довольно прочная связь, основанная на взаимныхъ услугахъ и на одномъ и томъ же стремленіи ловить рыбу въ мутной водѣ. Несмотря на это, Марья Егоровна была нѣсколько изумлена визитомъ Андрея Андреевича.

— Какимъ это вѣтромъ тебя занесло?—воскликнула она, встрѣчая его у себя въ передней, отдѣленной перегородкою отъ кухни.

Марья Егоровна говорила Христофорову «ты», потому что онъ былъ еще не въ чинахъ и потому что у него, по ея выраженію, еще молоко на губахъ не обсохло.

— По дѣлу-съ, по дѣлу, Марья Егоровна, — отвѣтилъ онъ, пожимая ея руку.

— Такъ прислалъ бы сказать, сама забѣжала бы!—отвѣтила Марья Егоровна:—а то у меня, знаешь, объ дѣлахъ-то говорить не сподручно, мои дѣвки все на глазахъ торчатъ... Ну, да пришелъ, такъ не гнать же... Милости просимъ!

Она провела его въ чистую комнату и торопливо распорядилась, чтобы ея «дѣвки», то-есть дочери, удалились въ кухню. Она не любила, чтобы онѣ присутствовали при ея дѣловыхъ разговорахъ, такъ какъ считала ихъ «круглыми дурами», которыя только разболтаютъ все, что не слѣдуетъ. Распорядившись насчетъ приготовленія чая, Марья Егоровна воротилась въ чистую комнату, убранную сборною мебелью краснаго дерева, потускнѣвшею и просиженною отъ времени, и усѣлась на диванъ около осьми-угольнаго стола на толстой ножкѣ, покрытаго выцвѣтшей и сильно «сѣвшейся» отъ мытья желтой салфеткой съ бѣлыми узорами.

— Ну, какое такое у тебя дѣло? Говори!—ударила Марья Егоровна по колѣнкѣ вздрогнувшаго Андрея Андреевича, тоже помѣстившагося на диванѣ и закурившаго «папироску».

— Жениться хочу-съ!—отвѣтилъ онъ, выпуская дымъ къ потолку колечками и закинувъ назадъ голову.

— Давно пора? чего раньше-то меня не слушалъ? Купецъ-то Синегубовъ выдалъ ужъ свою-то кралю. Говорила тебѣ о ней, — отвѣтила съ упрекомъ Марья Егоровна.— Тогда не хотѣлъ слушать. А теперь, гдѣ я найду такую-то невѣсту?

— Да мнѣ и не надо-съ, чтобы вы искали, — замѣтилъ Христофоровъ. — У меня ужъ невѣста намѣчена. Только вашего содѣйствія жду.

— Что-жъ, я готова! Она-то кто такая?

— Ваша племянница, Дарья Андреевна.

Марья Егоровна даже отодвинулась въ сторону отъ изумленія и во всѣ глаза поглядѣла на Христофорова.

— Шутишь ты, что ли, со мною?—спросила она.

— Для чего же шутить-съ, это дѣло серьезное, — отвѣтилъ Андрей Андреевичъ, дымя папиросой.

Марья Егоровна замахала обѣими руками.

— И не думай, и не думай!—проговорила она пониженнымъ голосомъ.—Съ чего это она за тебя пойдетъ, когда за ней графчикъ увивается. Совсѣмъ онъ въ нее врѣзамши...

— Да вѣдь они-то не женятся-съ,—замѣтилъ Христофоровъ.—Такъ, отъ скуки поиграютъ и—бросятъ.

— Ну, не такая она у насъ, чтобы одного любить, а за

другого замужъ идти, — со вздохомъ сказала Марья Егоровна.—Ты это выкинь изъ головы.

— Да отчего же не попробовать! Познакомьте меня съ Андреемъ Егоровичемъ. Можетъ-быть, онъ и уговоритъ-съ Дарью Андреевну, все же отецъ.

— Станетъ онъ уговаривать! Онъ ее, чай, лучше насъ съ тобою знаетъ. Нѣтъ, это дѣло не выгоритъ. Да и съ чего это ты-то вдругъ вздумалъ на ней жениться?

— Какъ это: вдругъ? Совсѣмъ не вдругъ. — торопливо сказалъ Христофоровъ. — Я уже давно влюбленъ въ Дарью Андреевну. Въ церкви ее нѣсколько разъ видѣлъ. Думалъ раньше имъ руку предложить, да, знаете-съ, дѣла не позволяли. Деньжонокъ не могъ съ должниковъ собрать.

— Ну, много ихъ у тебя?—насмѣшливо спросила Марья Егоровна, похлопавъ его по плечу.

— Все же тысчонокъ пятнадцать будетъ,—небрежно откинулся на диванъ Христофоровъ и пустилъ струйку дыма къ потолку.

Марья Егоровна всплеснула руками и опустила ихъ на колѣни, вытаращивъ отъ изумленія глаза.

— Тысчонокъ пятнадцать? Шутишь ты, что ли, аль и впрямь! Да когда ты ихъ успѣлъ скопить? — воскликнула она недовѣрчиво.

— А вы думали, я такъ, даромъ, Муратовымъ-то дѣла обдѣлывалъ-съ? Пороемся, найдется и болѣе.

Христофоровъ не лгалъ: у него было тысячъ пять своихъ денегъ, да кромѣ того онъ надѣялся получить пятнадцать тысячъ въ награду за женитьбу. Марья Егоровна почти съ завистью посмотрѣла на него и покачала головой.

— И то сказать, твое дѣло не то, что наше, бабье.— вздохнула она.—Тутъ вотъ бьешься, бьешься, а ничего не скопишь. Все въ домъ, какъ въ прорву какую, ухлопываешь. Вашъ братъ, холостой, чѣмъ больше знакомыхъ заведетъ, тѣмъ ему лучше: дома хоть не пей, да не ѣшь, только на одежду, да на квартиру трать. А наше дѣло семейное: каждый день чай, да обѣдъ припасай, а коли знакомыхъ заведешь, такъ не ты къ нимъ обѣдать съ семьей тащишься, а они норовятъ на твой счетъ полопать...

Въ эту минуту въ комнату вошла одна изъ дочерей Марьи Егоровны, созданіе очень некрасивое, вялое и отупѣвшее отъ постояннаго сидѣнія дома за вязаньемъ шерстяныхъ вещей и гаданіемъ на картахъ. Дѣвушка внесла подносъ съ чашками и, молча отвѣтивъ на поклонъ Христофорова,

ушла за самоваромъ. Неряшливая ситцевая блуза съ кокеткой, обшитой довольно широкою измятою оборкою, стоптанныя туфли, сбитые волосы,—все это придавало и безъ того некрасивой дѣвушкѣ крайне отталкивающій видъ.

— Вотъ онѣ, рты-то мои,—проговорила ей вслѣдъ Марья Егоровна. — Накорми, напои ихъ, такъ и узнаешь, какъ трудно нашей сестрѣ скопить. Вонъ который годъ гласную кассу хочу открыть. А гдѣ деньги? Все эти рты поѣдаютъ.

— Да вы-съ напрасно сразу это кассу ссудъ хотите открыть,—замѣтилъ Христофоровъ.—А вы просто безъ вывѣски берите подъ закладъ вещи, благо знакомыхъ у васъ много...

— Да денегъ-то гдѣ взять?

— На это-съ много не надо. Вы такъ дѣлайте. Ну, возьмите какую-нибудь вещь: дайте подъ нее немного, проценты побольше назначьте, а сами ее къ закладчику отнесите, который меньше возьметъ процентовъ,—вы въ барышахъ и будете. Съ этого начать—можно и до настоящей кассы ссудъ съ вывѣскою дойти. Ваше же мѣсто здѣсь хорошее: въ улицѣ нѣтъ ни одной другой кассы ссудъ. И насчетъ вотъ денегъ: обдѣлайте дѣло мое — пятисотъ не пожалѣю.

— Ну!—недовѣрчиво произнесла Марья Егоровна.

— Ей-Богу-съ!—побожился Христофоровъ.

Въ эту минуту въ комнату опять вошла дочь Марьи Егоровны съ самоваромъ. Она грузно донесла его до стола, поставила на дощечку и ушла. Марья Егоровна насыпала на ладонь изъ бумажнаго свертка чаю, всыпала его въ чайникъ, заварила и поставила чайникъ на самоваръ.

— Дарья Андреевна такъ обольстили меня, что я не знаю, чего бы я ни сдѣлалъ, чтобы жениться на нихъ,—произнесъ Христофоровъ.—Конечно, я могъ бы по моему званію и состоянію взять честную дѣвицу, но Дарья Андреевна очень прелестны, и я готовъ-съ на все. Пусть ихъ тамъ графъ любитъ, и онѣ его любятъ, а когда я буду женатъ, такъ я буду знать, что ихъ любовь съ графомъ—это такъ, преходящее. Пусть ихъ тамъ любятъ, а послѣ все же и ко мнѣ, какъ къ своему законному мужу, обратятся...

Марья Егоровна покачала головой.

— Ужъ, право, и не знаю,—вздохнула она. — Познакомить съ братомъ тебя можно. Отчего не познакомить. Только толкъ-то какой выйдетъ—это ужъ Богъ вѣдаетъ... А насчетъ денегъ-то какъ, ты и подписку дашь, что не обманешь?

— Чего же мнѣ обманывать? Сказалъ пятьсотъ—пятьсотъ и дамъ.

— То-то. Я брату скажу. Послѣзавтра объ эту пору можешь придти?

— Могу-съ, мнѣ все равно, тоже слоновъ по вечерамъ продаю...

— Ну, такъ и приходи! Потолкуемъ.

Марья Егоровна стала разливать чай. У нея изъ ума не выходили обѣщанные пятьсотъ рублей. Андрей Андреевичъ, въ свою очередь, робко мечталъ о пятнадцати тысячахъ. Онъ мало надѣялся на успѣхъ своего предпріятія, но ему хотѣлось испробовать всѣ средства для пріобрѣтенія права получить эти деньги. Когда, напившись чаю, онъ шелъ домой, ему лѣзли въ голову черныя мысли. Лежа на своемъ протертомъ и жесткомъ диванѣ и смотря въ потолокъ, онъ упрекалъ судьбу за то, что она посылаетъ ему случай зашибить крупный для него капиталъ и въ то же время отнимаетъ возможность прибагорить эти деньги къ рукамъ. Его положеніе походило на положеніе голоднаго бѣдняка, которому пообѣщали бы несмѣтныя богатства, если бы онъ, положимъ, переплылъ Финскій заливъ. Только бѣднякъ, можетъ быть, и не сталъ бы пытать своихъ силъ на такой подвигъ, а Христофоровъ не устоялъ противъ искушенія и храбро началъ сватовство.

Марья Егоровна тоже совсѣмъ съ толку сбилась отъ нахлынувшихъ думъ, когда удалился Христофоровъ. Она такъ же, какъ и онъ, не вѣрила въ возможность этого брака, но пятьсотъ рублей уже не давали ей покоя.

«Пятьсотъ рублевъ, шутка ли, вѣдь это полтысьчи»,—разсуждала она, и уже въ ея умѣ представлялась картина открытой ею гласной кассы ссудъ.

«Вывѣска черная и бѣлыми буквами прописано! Сколько народу повалитъ!»—проносилось въ ея головѣ.

Она то тревожно ходила изъ угла въ уголъ, то присаживалась къ столу и задумывалась, безсмысленно устремивъ глаза въ одну точку. «Полтысьчи»—это магическое слово ни на минуту не оставляло ее въ покоѣ. Ея дочери, пришедшія допивать остатки чая и успѣвшія уже разругаться, смотрѣли на нее съ удивленіемъ, потому что она даже не кричала имъ:

— Цыцъ, собаки! Что лаетесь?

Напротивъ того, она обратилась довольно ласково къ старшей дочери и проговорила:

— Ну, ты, колдунья, раскинь-ка на трефонную даму.

Дочь раскинула карты и начала объяснять. Тутъ было все: и молодой человѣкъ, и молодая дѣвица, и марьяжъ, и деньги—и неудача. Марья Егоровна слушала, слушала и плюнула.

— Поди ты, дурица, хуже только душу мутишь!

Ночь прошла для нея довольно тревожно, и рано по утру Марья Егоровна уже неслась къ брату. Она застала его еще дома и, не желая говорить съ нимъ о дѣлѣ при Катеринѣ Ивановнѣ, шепнула ему:

— Приди черезъ часокъ ко мнѣ?.. Дѣло есть!..

— Что, опять, видно, провралась?.. Оправлять передъ судомъ надо!..—усмѣхнулся Лыткинъ, видя, что она очень встревожена.

— Нѣтъ... До тебя касается дѣло,—отвѣтила она.

Катерина Ивановна хотѣла угостить ее кофеемъ, но Марья Егоровна наотрѣзъ отказалась, объявивъ, что ей некогда сидѣть. Она была настолько взволнована, что даже притихла, не размахивала руками, не кричала и не бранилась. Она походила на человѣка, который ждетъ своего приговора, долженствующаго рѣшить его судьбу.

Прошло менѣе часу, какъ у нея въ квартирѣ появился уже Андрей Егоровичъ.

— Ну, что у тебя за дѣло?—спросилъ онъ, входя къ ней въ переднюю.

— Погоди!—махнула она рукой и пошла въ чистую комнату, чтобы удалить своихъ дочерей.

Черезъ нѣсколько минутъ она пригласила въ чистую комнату брата и плотно заперла за нимъ двери.

— Къ Дашѣ-то нашей женихъ наклевывается, — таинственно произнесла она, подсаживаясь къ брату.

— Женихъ?—удивился онъ.

— Да; молодой, изъ себя ничего, видный, чиновникъ, двадцать тысячъ капиталу имѣетъ,—пояснила Марья Егоровна, прибавивъ цифру капитала Андрея Андреевича.— Видѣлъ онъ Дашу два раза въ церкви. Влюбленъ, говоритъ...

— Да ты ему про графа-то что же не сказала?—замѣтилъ старикъ.

— Какъ не говорить, говорила! Это, говоритъ, я знаю, но для меня все единственно. Графъ, говоритъ, все равно не женится.

— Шельма какая-нибудь продувная, думаетъ что за ней горы золотыя дадутъ,—соображалъ Лыткинъ.

— Ну вотъ! Все равно, говоритъ, графъ ихъ броситъ, а я, по крайности, и ихъ, и батюшку ихъ на старости лѣтъ успокою,—уже привирала Марья Егоровна, старалась смягчить сердце брата.

— Да ты его хорошо знаешь?—спросилъ Лыткинъ, пристально взглянувъ на нее.

— Еще бы! Онъ у Муратихи дѣла велъ, – сказала Марья Егоровна.

— А-а! Такъ вотъ оно откуда дѣло-то идетъ! — захохоталъ Лыткинъ.

Марья Егоровна заморгала глазами, не понимая словъ брата.

— Такъ это съ чего же онъ жениться-то хочетъ на Дашѣ?—переспросилъ Лыткинъ.

— Влюбленъ, говоритъ!—нерѣшительно отвѣтила смущенная Марья Егоровна.

— Дура ты, дура и есть!—произнесъ Лыткинъ.

— Ну, пошелъ опять ругаться!—обидѣлась сестра.

— Да какъ же не сказать, что дура, если не сообразила, откуда дѣло идетъ? Подослали его они, родные Виктора Валерьяновича, подослали, да, можетъ-быть, и онъ самъ просилъ.

— Ну-у!

— Что: ну-у? Не запрягла еще, чтобы нукать!.. Всѣ они одного поля ягоды! Поигралъ съ дѣвочкой, а теперь и хочетъ отвилять...

Марья Егоровна была смущена. Ей было обидно, что она сама не могла сообразить, кто подослалъ Христофорова. Теперь она даже вспомнила, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ сама Муратова говорила о возможности выдать Дашу замужъ за какого-нибудь человѣка.

— Тебѣ-то много обѣщалъ?—спросилъ братъ.

— Что объ этомъ говорить,—уклончиво отвѣтила сестра.

— Нѣтъ, ты ужъ все говори...

— Ну, обѣщалъ полтысячи,—отвѣтила она.

— Ишь, такъ и видно, что деньги-то не свои, а шальныя... Что же, это хорошо: пятьсотъ рублей—деньги. Поди, на первое время для гласной кассы и довольно? Откроешь ее въ маломъ видѣ, потомъ разживешься, такъ и расширить можно. Вѣдь тоже это хорошо, гласную-то кассу имѣть; сиди себѣ, какъ откормленная индюшка, дома, да собирай проценты; не уплатятъ процентиковъ—вещь у тебя остается за четверть цѣны. Теперь-то вонъ изъ-за каждаго рубля набѣгаешься, ноги-то тоже однѣ, притончутся...

— Ужъ что говорить!—вздохнула Марья Егоровна, совсѣмъ упавшая духомъ при мысли, что у нея ускользнутъ изъ рукъ пятьсотъ рублей.

Андрей Егоровичъ молчалъ и что-то соображалъ.

— Такъ какъ же, значитъ, ужъ и думать нечего?—боязливо спросила сестра.

— О чемъ?

— Да объ этой свадьбѣ-то?

— Отчего же? Пусть попробуетъ посвататься. Можетъ-быть, дѣло-то мука будетъ,—отвѣтилъ Андрей Егоровичъ.— Вѣдь оно хорошо бы: ты свою кассу открыла бы, я за зятькомъ успокоился бы...

— Да ты шутишь, что ли, Андрей Егоровичъ?—недовѣрчиво спросила Марья Егоровна, глядя на брата широкооткрытыми глазами.

— Нѣтъ, чего шутить! Ты насъ познакомь. Я давно подумываю, какъ бы дѣло покончить. Не пойдетъ Даша— острастку дамъ. Тоже вѣдь графъ-то Викторъ Валерьяновичъ можетъ ее не сегодня, такъ завтра бросить. Тогда что станешь дѣлать?

— Это точно, это точно, — обрадовалась Марья Егоровна.—И броситъ, помяни слово, что броситъ! А тутъ благо даютъ деньги, брать нужно...

— Еще бы!

Лыткинъ всталъ.

— Такъ когда же я его увижу?—спросилъ онъ.

— Да завтра; у меня онъ будетъ вечеромъ,—отвѣтила Коптяева.

— Ну, и хорошо.

Лыткинъ ушелъ. Его лицо было хмуро, брови надвинуты, голова опущена. Онъ думалъ и соображалъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что Христофоровъ подосланъ семьей Виктора Валерьяновича, а можетъ-быть, и самимъ Викторомъ Валерьяновичемъ. Въ серьезность любви послѣдняго Лыткинъ не вѣрилъ и не могъ вѣрить. Ему казалось вполнѣ несбыточной женитьба молодого графа на его дочери. Онъ былъ убѣжденъ, что молодой графъ поиграетъ съ его дочерью и поспѣшитъ отретироваться прочь. Нужно было какъ можно дороже продать ему право на отступленіе. Теперь Баскаковы подсылаютъ жениха, даютъ ему за сдѣлку до двадцати тысячъ,—эти деньги, о которыхъ упоминала Марья Егоровна, были, по убѣжденію Лыткина, графскими деньгами. Но выгодно ли будетъ. если Даша выйдетъ замужъ

за Христофорова? Вѣдь деньги получитъ не она, а ея мужъ. Лыткинъ усмѣхнулся: онъ очень хорошо зналъ, что Даша не выйдетъ ни за Христофорова, ни за кого другого. Но онъ считалъ необходимымъ допустить это сватовство. Оно покажетъ, во-первыхъ, графамъ Баскаковымъ, что дѣло уладить не такъ легко, какъ они думаютъ, а во-вторыхъ, дастъ ему, Лыткину, поводъ серьезно поговорить съ дочерью. Теперь нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, рѣшилъ онъ, и бодро зашелъ въ трактиръ. Домой онъ вернулся сильно подгулявшимъ и въ самомъ отличномъ настроеніи духа.

— Что это ты, Андрей Егоровичъ, опять загулялъ!—воскликнула Катерина Ивановна.—Бога ты не боишься, старый грѣховодникъ!..

— Жена, молчи!—произнесъ Лыткинъ, махнувъ рукою.—Дѣла у мужа, большія дѣла, и ты ничего не смышлишь!

— Ужъ чего и смыслить-то, чего... Напился, опять напился, только это я и понимаю... Да понимать-то мнѣ это не легко!—жалобно произнесла она.

— Не хнычь! Все пойдетъ отлично... Заживемъ... фью, какъ заживемъ.

Лыткинъ присвистнулъ и потащился къ постели. Катерина Ивановна только покачала головой, глядя ему вслѣдъ.

На слѣдующій день онъ явился въ условленный часъ къ сестрѣ. У нея уже сидѣлъ Христофоровъ.

— Очень пріятно-съ познакомиться!—развязно раскланялся со старикомъ Андрей Андреевичъ.—Слышалъ давно о васъ отъ вашей сестрицы-съ.

Лыткинъ пожалъ его руку, окинувъ его исподлобья ястребинымъ взоромъ стараго дѣльца.

— Да, вотъ и мнѣ она вчера про васъ говорила,—промолвилъ онъ, садясь къ столу.

— И о намѣреніи моемъ сказали-съ?—спросилъ Христофоровъ.

— Какъ же, какъ же!—отвѣтилъ Лыткинъ.—Какъ это вы такъ вдругъ?..

— Помилуйте, развѣ можно видѣть вашу дочь и не воспылать! Примѣрная дѣвица.

— Бѣдная она,—вотъ горе!

— Что богатство! И черезъ золото слезы льются! Я самъ не бѣденъ, такъ мнѣ не нужно богатой невѣсты. Мнѣ хорошенькая, да добрая жена нужна.

— Ну, Даша у меня и красива, и добра... Только вотъ знаете ли, за ней ухаживаетъ...

— Ахъ, это вы насчетъ графа Баскакова? Это ничего-съ! Мало ли кѣмъ молодыя дѣвушки занимаются!

— Да нынче, батюшка, и съ огнемъ не найдешь такой-то, которая бы никѣмъ не занималась, — вставила свое слово Марья Егоровна, хлопотавшая съ приготовленіемъ чая.— Нынче ужъ развѣ уродина какая, такъ та никому не нужна. Времена такія амурныя.

— Это точно-съ!—согласился Христофоровъ.—Но я настолько люблю-съ Дарью Андреевну, что мнѣ все это— плевать!

— Что-жъ, это ваше ужъ дѣло!—произнесъ Лыткинъ.— Я очень буду радъ, если ее пристрою. Я тоже отецъ, мнѣ больно это видѣть, что ее обманываютъ. Конечно, графъ Викторъ Валерьяновичъ говоритъ, что онъ ее любитъ, да вѣдь это не надолго...

— Конечно-съ, конечно! Бракъ совсѣмъ другое дѣло— это ужъ нерасторжимо, навѣкъ!.. Но ужъ и вы, Андрей Егоровичъ, посодѣйствуйте мнѣ!

— Не врагъ я своей дочери,—отвѣтилъ Лыткинъ.—Отговаривать не стану. Разумѣется, принудить не могу, а насчетъ совѣтовъ—такъ ужъ это мое дѣло. Объясню ей, что будетъ, если она не выйдетъ замужъ. Тоже не дура—пойметъ.

— Дай Богъ-съ, дай Богъ! — произнесъ Христофоровъ, начинавшій оживать, видя, что Лыткинъ поддается на удочку. — Ужъ я бы такъ радъ, такъ радъ былъ, что и представить вамъ не умѣю. Вы повѣрите ли, теперь я покой потерялъ: и днемъ, и ночью мнѣ такъ и представляется Дарья Андреевна.

— Ну, да ужъ это извѣстное дѣло, если любишь!—замѣтила Марья Егоровна.

— Да еще какъ люблю-то! Страсть!

Собесѣдники стали пить чай.

— Только какъ же я объяснюсь съ Дарьей Андреевной?— спросилъ Христофоровъ.

— А вотъ приходите утромъ въ воскресенье,—отвѣтилъ Лыткинъ. — Въ воскресные дни мы одни. Ну, познакомитесь съ ней, а тамъ и объяснитесь...

— Да-съ, я, конечно, не вдругъ, чтобы не смутить Дарью Андреевну, а исподволь...

— Да, но въ очень-то дальній ящикъ не откладывайте...

— Ужъ чего тутъ медлить-то, медлить очень нечего,— замѣтила Марья Егоровна, помышлявшая только о полученіи «полтысьчи».

— Ну, не говорите, тоже поспѣшишь — людей насмѣшишь,—возразилъ Христофоровъ.—Сперва надо освоиться; а то такъ, съ вѣтру, нельзя...

Разговоръ длился въ этомъ родѣ еще съ часъ; наконецъ, собесѣдники, довольные другъ другомъ, разстались. У каждаго изъ нихъ были свои надежды и свои опасенія. Христофоровъ и Марья Егоровна теперь были спокойнѣе и болѣе вѣрили въ удачу, чѣмъ два дня тому назадъ. Ихъ успокаивало отношеніе Лыткина къ занимавшему ихъ вопросу: старикъ былъ на ихъ сторонѣ, и они надѣялись, что онъ пуститъ въ ходъ свою власть. Лыткинъ же, возвращаясь домой, улыбался хитрою усмѣшкою и, вспоминая о Христофоровѣ и сестрѣ, бормоталъ:

— Рыломъ еще не вышли, чтобы перехитрить Андрея Лыткина

XLVI.

Даша и не подозрѣвала, что дѣлалось вокругъ нея. Она попрежнему занималась, попрежнему вела тихую жизнь. Но внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить, что она стала еще чаще задумываться, чѣмъ прежде. Съ того памятнаго дня, когда она еще тѣснѣе сошлась съ Викторомъ Валерьяновичемъ, она, казалось, должна была оживиться, ободриться. Она и въ самомъ дѣлѣ оживлялась, когда пріѣзжалъ Викторъ Валерьяновичъ: она словно расцвѣтала подъ его поцѣлуями и ласками и испытывала невѣдомое ей до сихъ поръ блаженство. Но это свѣтлое настроеніе проходило тотчасъ же, какъ только уѣзжалъ онъ. Она становилась снова задумчивою и грустною. Въ ея душѣ не было раскаянія и упрековъ себѣ за свое поведеніе: ей ни разу даже не приходило въ голову, что она дѣлаетъ что-нибудь дурное. Ее тревожили совсѣмъ другія мысли: она боялась за свое будущее, и хуже всего было то, что она не могла дать себѣ яснаго отчета, чего она боится,—того ли, что ее разлюбитъ ея милый, того ли, что его заставятъ жениться на другой и бросить ее, того ли, что онъ въ одинъ прекрасный день порветъ изъ-за нея связи со своей семьей, со своимъ кругомъ, со своей службой, чтобы сдѣлаться вполнѣ ея мужемъ. Просто какъ человѣкъ, съ самой колыбели бывшій игрушкою случайностей, она смотрѣла впередъ съ безотчетной, непобѣдимой и смутной боязнью. Когда Викторъ Валерьяновичъ не пріѣзжалъ въ назначенный день, она уже создавала сотни предположеній, почему онъ не пріѣхалъ, ей уже

казалось, что ему запретили посѣщать ее. Когда Викторъ Валерьяновичъ съ горечью жаловался, что ему не хотѣлось бы уѣзжать отъ нея, — она со страхомъ ожидала, что вотъ-вотъ онъ начнетъ настаивать на необходимости ихъ брака. Когда онъ говорилъ, что его дѣдъ, повидимому, забылъ о ней, — она видѣла что-то зловѣщее въ этомъ безмолвномъ спокойствіи старика. Тяжелѣе всего были для нея воскресные дни: въ эти дни Викторъ Валерьяновичъ заглядывалъ къ ней только передъ ночью, на часокъ, на два, такъ какъ по воскресеньямъ у его дѣда бывали фамильные обѣды, не присутствовать на которыхъ было невозможно.

Въ одинъ изъ такихъ дней, возвратившись съ Васей отъ обѣдни, она застала въ своей квартирѣ Андрея Андреевича Христофорова. Онъ сидѣлъ со старикомъ Лыткинымъ у стола, около котораго Катерина Ивановна хлопотала надъ приготовленіемъ кофе. Онъ вѣжливо и скромно раскланялся съ Дашей и самъ отрекомендовалъ себя.

— Очень пріятно познакомиться съ вами,—проговорилъ Андрей Андреевичъ. — Не будучи лично знакомъ съ вами, имѣлъ удовольствіе нѣсколько разъ видѣть васъ.

Даша вопросительно посмотрѣла на него.

— Въ церкви-съ видѣлъ, — пояснилъ Христофоровъ:— всегда удивлялся, какъ вы скромно стоите и молитесь.

— Я думаю, что и другіе точно такъ же стоятъ и молятся въ церкви,—отвѣчала Даша, улыбнувшись.

— Нѣтъ-съ, вы этого не говорите! Иные только затѣмъ и идутъ въ церковь, чтобы поговорить.

— Ну, мнѣ не съ кѣмъ говорить, у меня тамъ нѣтъ никого знакомыхъ,—отвѣтила Даша.

— Помилуйте, что тутъ знакомые! Иной съ первымъ встрѣчнымъ разговоры старается завести. А вы нѣтъ, ужъ это сейчасъ видно, какъ вы набожны. Я просто иногда глазъ не спускаю, когда вижу, какъ это вы молитесь.

Даша опять усмѣхнулась.

— Значитъ, вы-то сами вмѣсто образовъ на меня смотрите,—замѣтила она.

— Это невольно-съ, невольно!—оправдался Христофоровъ.

Всѣ принялись за кофе.

— Часто изволите бывать въ театрѣ? — началъ снова разговоръ Андрей Андреевичъ.

— Нѣтъ, я вовсе не бываю въ театрѣ,—отвѣтила Даша.

— Она у насъ домосѣдка, батюшка, домосѣдка,—жалобно

пояснила Катерина Ивановна. — Все дома, все занимается.

— Вѣроятно, Дарья Андреевна не любитъ театровъ,— замѣтилъ Андрей Андреевичъ. — Многіе даже порицаютъ ихъ въ газетахъ. Вотъ про господина Нильскаго...

— Я никогда не бывала въ театрахъ и потому ничего не могу сказать, понравились ли бы они мнѣ или нѣтъ,— отвѣтила Даша.

— Пустое-съ развлеченье! Конечно, кто ведетъ одинокую жизнь, какъ я, тотъ иногда ѣздитъ отъ скуки въ театръ. Вѣдь вы себѣ представить не можете, что такое холостая жизнь. Сидишь это, сидишь, все одинъ, все одинъ, совсѣмъ одичаешь. Семейная жизнь—это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ жена, дѣти, свой теплый уголокъ. А нашему брату, холостому, стѣны-то своей квартиры противны кажутся, точно тюрьма. Ей-Богу-съ.

— Да вы, батюшка, что же не женитесь?—замѣтила Катерина Ивановна. — Вѣдь это все отъ человѣка зависитъ... отъ самого человѣка...

— Невѣсты не могъ найти по вкусу до сихъ поръ,— вздохнулъ Христофоровъ. — Конечно, при моемъ состояніи я могъ бы жить съ женою безбѣдно. Но я искалъ невѣсты скромной, доброй, образованной, а у насъ дѣвицы, большею частью, всѣ вѣтреницы.

— Ну, батюшка, не всѣ же такія, — вздохнула старуха Лыткина.

Даша допила свой кофе и удалилась въ свою комнату.

— Примѣрная у васъ дочь, почтеннѣйшая Катерина Ивановна,—замѣтилъ Христофоровъ.

— Не могу, батюшка, жаловаться, не могу, добрая она, добрая къ намъ, старикамъ, — вздохнула старуха и перекрестилась, бросивъ взглядъ въ уголъ.

— Вотъ бы мнѣ такую невѣсту,—вѣкъ бы благодарилъ Бога,—сказалъ Андрей Андреевичъ.

— Высмотрите, высмотрите, авось и найдется, — произнесла старуха.—Свѣтъ-то не клиномъ сошелся... А за васъ всякая пойдетъ; сами вы скромный молодой человѣкъ, тоже не бѣдный, ну и пойдетъ...

— Вашими бы устами, да медъ пить!—вздохнулъ Христофоровъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ раскланялся.

На слѣдующее воскресенье Даша, по возвращеніи изъ церкви, снова застала его въ своей квартирѣ. Онъ любезно

раскланялся съ молодой дѣвушкой и поднесъ ей завернутую въ бумагу коробку конфетъ.

— Что это?—изумилась Даша.

— Конфеты,—пояснилъ Христофоровъ.

Даша смутилась и пробормотала:

— На что же?

— Отъ моего душевнаго уваженія, — произнесъ Андрей Андреевичъ.

— Но мнѣ, право, странно...—начала Даша въ смущеньи.

— Ахъ, Дашенька,—жалобно произнесла Катерина Ивановна:—что же ты обижаешь Андрея Андреевича, если они это отъ расположенія дѣлаютъ.

— Ради Бога, примите!—молилъ Христофоровъ.

Даша пожала плечами и проговорила:

— Благодарю.

Она поставила коробку на столъ и сѣла пить кофе.

— Вы не повѣрите, Дарья Андреевна, что чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ чаще думаю, какою хорошею матерью семейства вы будете, — нѣжно сказалъ Христофоровъ. — Вы, я слышалъ, такъ уважаете своихъ родителей, такъ любите своего братца. Да, счастливъ будетъ тотъ, кто назоветъ васъ своею женою, кто войдетъ въ вашу скромную семью.

Даша молчала. Ей начинали дѣлаться подозрительными любезности новаго знакомаго. Она поспѣшила допить кофе и встать.

— А вы опять лишаете насъ своего общества?—вздохнулъ Христофоровъ.

— У меня есть дѣло,—пояснила она.

— Но вѣдь сегодня день воскресный, день отдыха,— произнесъ онъ.

— Праздниковъ такъ много, что нельзя посвящать ихъ всѣ бездѣлью, — проговорила она, не зная, что сказать, и, поклонившись, вышла изъ комнаты.

— Даша, какой онъ смѣшной, точно изъ сахару,—замѣтилъ ей Вася, когда сестра и братъ остались одни.

— Да, и зачѣмъ онъ сталъ ходить каждое воскресенье?— задумчиво произнесла она.

— Отчего ты, Даша, всегда такая скучная? — спросилъ ее мальчуганъ, видя, что она впала въ обычную задумчивость.

— Нечему радоваться, Вася, — вздохнула она. — Вырастешь большой, тогда поймешь, почему не весело жилось мнѣ.

Онъ покачалъ головой.

— А помнишь, ты говорила прежде, что была бы совсѣмъ, совсѣмъ счастлива, если бы я учиться началъ,— замѣтилъ мальчуганъ.—Вонъ я теперь и учусь, въ гимназію пансіонеромъ поступилъ, а ты все такая же скучная...

Даша глубоко вздохнула и поцѣловала брата.

— Оставимъ этотъ разговоръ... когда-нибудь буду и веселѣе, — сказала она. — А теперь лучше пройдемся... освѣжиться надо...

Сестра и братъ ушли гулять.

Возвратившись домой, Даша спросила мелькомъ во время обѣда у отца:

— Зачѣмъ этотъ Христофоровъ ходитъ къ намъ?

— Дѣла его я веду,—отвѣтилъ отецъ.

— Такъ въ праздники-то зачѣмъ онъ приходитъ?

— Вѣдь онъ рабочій человѣкъ, въ будни занятъ,—пояснилъ Лыткинъ.

— Не нравится онъ мнѣ,—сказала Даша.

— Человѣкъ дѣловой, *нужный намъ*, такъ тутъ нечего разбирать, хорошъ онъ или не хорошъ,—многозначительно и серьезно замѣтилъ отецъ.

— Ахъ, Дашенька, чѣмъ же не хорошъ, чѣмъ не хорошъ? — вздохнула старуха Лыткина. — Почтительный, скромный такой. Вотъ нынче просфору мнѣ принесъ. Все отъ почтительности. Нѣтъ, маточка, такого жениха каждая мать для своей дочери приголубитъ, каждая...

Даша молчала.

— И деньги у него водятся: женится, такъ жена не будетъ нуждаться, да думать со страхомъ, что будетъ завтра, — прибавилъ самъ Лыткинъ, зорко взглянувъ на Дашу.

Она опять ничего не отвѣтила, только въ ея умѣ, помимо ея воли, промелькнула мысль: «ужъ не прочатъ ли они его мнѣ въ женихи?» Но эта мысль такъ же быстро исчезла, какъ и явилась. Даша даже подумала, что ей съ нѣкоторыхъ поръ Богъ знаетъ что лѣзетъ въ голову. «Я положительно разнемогаюсь,—думала молодая дѣвушка:—меня все пугаетъ, все тревожитъ, точно я жду какого-то несчастія. Вотъ и братъ даже замѣтилъ. А чего мнѣ недостаетъ: Викторъ любитъ меня, семья сыта, братъ учится, даже отецъ меньше пьетъ...» Она старалась успокоить себя, а между тѣмъ впадала въ еще болѣе грустное раздумье о томъ, что ея отношенія къ Виктору не могутъ продолжаться вѣчно

въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся теперь: его родные что-нибудь да предпримутъ. И опять ея глаза устремились безцѣльно куда-то вдаль и на лицѣ являлось выраженіе, похожее на тихое помѣшательство.

А дни летѣли: настало опять воскресенье, и явился Христофоровъ. Опять услышала Даша его вкрадчивый голосъ, его приторныя любезности. Она поспѣшно допила кофе и встала. Христофоровъ тоже поднялся съ мѣста.

— Дарья Андреевна,—произнесъ онъ:—мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ.

Она въ недоумѣніи остановилась и проговорила:

— Говорите!

— Я бы хотѣлъ поговорить съ вами одной,—пояснилъ онъ.

— У меня, Андрей Андреевичъ, нѣтъ тайнъ отъ родныхъ, — сухо сказала она, чувствуя, что у нея замерло сердце.

— Помилуйте-съ, смѣю ли я думать это! — воскликнулъ онъ.—Но я самъ не могу-съ... я робокъ... дѣло серьезное...

Христофоровъ находился въ полнѣйшемъ смущеніи.

— Маточка Дашенька, что же тебѣ сдѣлается, если ты выслушаешь Андрея Андреевича?—жалобно вступилась Катерина Ивановна. — Если у Андрея Андреевича важное дѣло... можетъ, и надо... вѣдь не развалишься...

Старуха, считавшая своимъ долгомъ вступаться за всѣхъ и каждаго, совершенно спуталась и замолчала. Даша опять пожала плечами и сказала:

— Пойдемте въ гостиную...

Для Христофорова наступала рѣшительная минута, и на его плоскомъ, небольшомъ лбу проступалъ потъ. Впервые онъ чувствовалъ, что онъ приступаетъ къ такому разговору, отъ котораго его уже заранѣе била лихорадка. Онъ сознавалъ, что отъ одного слова Даши зависѣла его будущность, что стóитъ Дашѣ сказать: «я согласна»—и у него будетъ капиталъ, хорошее мѣсто, можетъ-быть, постоянные доходы отъ молодого Баскакова. Какую жизнь можно будетъ начать: не нужно будетъ больше кланяться, не нужно будетъ больше сгибаться передъ каждымъ встрѣчнымъ, можно будетъ жить, какъ живутъ другіе, широко, весело, безпечно. Объ этой жизни онъ не разъ мечталъ въ послѣдніе дни, лежа на протертомъ диванѣ въ своей узенькой, мрачной комнаткѣ отъ жильцовъ, выходившей единственнымъ окномъ на задній дворъ. Эти мечты уносили его далеко, раскрывали передъ нимъ картины совершенно иного существова-

нія, чѣмъ его холостая жизнь. Иногда онъ приходилъ въ такое волненіе, что громко восклицалъ: «да отчего же ей и не выйти за меня? и молодъ я, и могу обѣщать безбѣдную жизнь, и недуренъ собою». Онъ вскакивалъ съ дивана, хваталъ небольшое зеркало и начиналъ разсматривать свою давно знакомую ему физіономію, точно желая убѣдиться, что въ ней ничего нѣтъ такого, что могло бы оттолкнуть Дашу. «А графчикъ?» —мелькалъ въ его головѣ роковой вопросъ. Но что же графчикъ за помѣха? Даша, и выйдя замужъ, можетъ любить его; онъ, Христофоровъ, не станетъ ее ревновать! Ей же будетъ лучше, когда она станетъ въ прочное положеніе и не будетъ бояться положенія брошенной любовницы. Онъ начиналъ надѣяться на успѣхъ. Но теперь, приступая къ рѣшительному разговору, онъ ощущалъ только страхъ. Онъ въ душѣ молился, горячо и искренно молился за удачу начатаго дѣла.

— Дарья Андреевна, вы меня извините, что я попросилъ васъ поговорить со мною съ-глазу на-глазъ,—проговорилъ онъ въ волненіи, когда они вошли въ гостиную.— Но я робокъ, я и теперь, когда мы одни, боюсь, не знаю, какъ начать...

Дашу изумило его тревожное состояніе.

— Я, Дарья Андреевна, уже давно слѣжу за вами,— продолжалъ онъ.—Конечно, вы меня не замѣчали. На меня, вообще, мало обращаютъ вниманія. Я человѣкъ невидный. Но я-съ слѣдилъ за вами... Вашъ прекрасный образъ, ваша скромность, ваше терпѣніе и безропотность привлекли къ вамъ мое сердце...

— Позвольте,—остановила его Даша, до крайности смущенная этимъ вступленіемъ.

— Не перебивайте меня, ради Бога, или я совсѣмъ потеряю нить своихъ мыслей! — горячо, молящимъ тономъ перебилъ онъ ее. — Я честный человѣкъ и могу сдѣлать вамъ только честное предложеніе. Выйдите за меня замужъ.

— За васъ? Замужъ?—воскликнула Даша, блѣднѣя.—Но я васъ почти не знаю...

— Что меня знать? Я весь налицо! Я одинокъ, я веду скромную жизнь, я могу доставить вамъ и вашей семьѣ безбѣдную жизнь. У меня нѣтъ никого родныхъ, которые могли бы огорчить васъ. А я,—да я рабомъ вашимъ буду, я буду смотрѣть вамъ въ глаза и угадывать каждое ваше желаніе.

Онъ говорилъ такъ искренно, такъ лихорадочно, что Дашѣ невольно стало его жаль.

— Мнѣ жаль, что я должна обмануть ваши надежды,— довольно ласково отвѣтила она.—Я не могу выйти за васъ замужъ.

Христофоровъ почувствовалъ, что у него зубъ-на-зубъ не попадаетъ. Никогда не робѣлъ онъ такъ сильно, даже въ тѣ минуты, когда ему приходилось стоять передъ лицомъ разгнѣваннаго начальника.

— Отчего же-съ?—спросилъ онъ.

— Я вамъ сказала, что я васъ почти не знаю и... не люблю,—отвѣтила Даша въ смущеніи.

— Вы полюбите, послѣ полюбите меня,—заговорилъ онъ.— Когда вы увидите мои заботы, вы оцѣните меня. Ради Бога, молю васъ, не отказывайте мнѣ, не дѣлайте меня несчастнымъ на всю жизнь. Вѣдь если вы откажете мнѣ, я погибну. Въ васъ вся моя надежда, вся будущность... Вы поймите, что безъ васъ я буду несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Онъ почти плакалъ. Даша невольно протянула ему руку. Онъ схватилъ эту руку и горячо поцѣловалъ ее.

— Дарья Андреевна, позвольте надѣяться,—шепталъ онъ.

— Вы сами не знаете, чего вы желаете,—съ горечью проговорила она.—Вы говорите, что вы слѣдили за мной, но вы, вѣроятно, не знаете, что я люблю другого.

— Я все знаю-съ,—тихо отвѣтилъ Христофоровъ.

— Знаете и предлагаете мнѣ руку?—воскликнула Даша, отшатнувшись отъ него.

— Что же-съ тутъ удивительнаго? Я люблю васъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до всего остального.—Я вѣдь знаю, что графъ Викторъ Валерьяновичъ никогда не женятся, да и не могутъ жениться на васъ.

Даша опустила голову.

— И все-таки я люблю его, и только его!—отвѣтила она.

— И это я знаю-съ, — горячо проговорилъ Христофоровъ.—Но мнѣ жаль васъ, что вы стоите въ такомъ положеніи. На васъ люди смотрятъ...

— Мнѣ все равно, что думаютъ обо мнѣ люди!.. Оставимте этотъ разговоръ,—рѣзко перебила его Даша, вспыхнувъ до ушей.

— Позвольте, одно слово позвольте!—молящимъ тономъ воскликнулъ Христофоровъ, останавливая ее движеніемъ руки.—Я васъ прошу обо одномъ: будьте моею женою. Я

не буду васъ стѣснять ни въ чемъ, я буду вашимъ братомъ, вашимъ другомъ...

— Что вы мнѣ предлагаете?—съ негодованіемъ воскликнула Даша.—Низкую сдѣлку, развратъ?

— Какой же-съ тутъ развратъ, если я буду знать о вашихъ отношеніяхъ къ графу?

— Ступайте! Я вамъ сказала все, что было нужно вамъ знать!—уже съ гнѣвомъ произнесла Даша, возмущенная послѣднимъ предложеніемъ Христофорова.

— Но ради Бога, не спѣшите... Обдумайте...

— Мнѣ нечего думать...

— Успокойтесь, взвѣсьте все... Я буду еще разъ у васъ... не губите меня и себя...

Христофоровъ торопливо поклонился и вышелъ вонъ. Онъ не засталъ уже Андрея Егоровича Лыткина, который почему-то поспѣшилъ скрыться.

XLVII.

Даша тревожно ходила по своей гостиной. Ее до глубины души взволновало предложеніе Андрея Андреевича. Она не знала, назвать ли его негодяемъ или человѣкомъ, влюбленнымъ безъ памяти и готовымъ на все ради возможности быть постоянно около любимаго существа. Она еще не успѣла ничего сообразить, когда къ ней вошла Катерина Ивановна. Старуха удивилась тревожному виду дочери и спросила ее:

— Что это говорилъ тебѣ, маточка, Андрей Андреевичъ-то?

— Руку свою предлагалъ!—отрывисто отвѣтила Даша.

Старуха перекрестилась.

— Слава тебѣ Господи, Создатель мой, Владычица Пресвятая!—проговорила она, глядя на образъ.—Такой скромный, такой добродѣтельный...

— Ахъ, что вы говорите!—воскликнула Даша.—Точно вы не знаете, что я люблю уже...

— Знаю я, знаю, Дашенька!—съ горечью вздохнула старуха.—Вѣдь мать я, какъ же мнѣ не знать-то? Сердце мое изныло, глядя на тебя! Тоже думаю, что-то будетъ, что будетъ?.. Вѣдь графъ Викторъ Валерьяновичъ не женихъ, поиграетъ и броситъ... А тутъ Заступница наша небесная, Владычица Пресвятая, добраго человѣка посылаетъ... за долготерпѣніе... за долготерпѣніе...

Даша съ изумленнымъ видомъ остановилась передъ матерью.

— Что же вы хотите, чтобы я продала себя, торговала своею душою, лгала передъ людьми и передъ Богомъ?— сказала она.

— Что это, Дашенька, какія ты слова говоришь... какія слова!—жалобно покачала головой старуха.

— Да развѣ это не правда?

Старуха вздохнула.

— Правда, правда, что же мы дѣлать-то будемъ, дѣлать-то что будемъ? Вотъ немного вздохнула, отецъ пріодѣлся, на ноги всталъ...

— Грабить народъ теперь легче!—съ горечью произнесла дочь.

— И вдругъ опять... Вотъ и ребеночекъ у тебя будетъ...

Даша поблѣднѣла. Она сама боялась думать объ этомъ.

— Онъ не будетъ голодать,—тихо сказала она.—Я ночей не буду спать, а сму на хлѣбъ заработаю, если меня броситъ Викторъ.

— Ужъ какая работа при грудномъ ребенкѣ, какая работа! И прежде не лѣнива ты была, да и я безъ дѣла не сидѣла, видитъ Богъ не сидѣла, а все голодали... голодали... сама знаешь, маточка, нечего разсказывать... А теперь вотъ и дитя у тебя руки свяжетъ, и Вася подрастаетъ, дороже стоитъ, за ученье платить нечѣмъ, придется гранить мостовую.

— Мама, мама, хоть бы вы меня пожалѣли! Хоть бы ободрили!—съ горькимъ упрекомъ простонала Даша, сжимая руки.—Такъ нѣтъ, вы мнѣ душу вытягиваете, сердце надрываете! Ну, знаю я, что мы погибнемъ, если Викторъ броситъ меня, знаю, да поймите вы, что мнѣ гадко сдѣлаться женой этого человѣка и быть въ то же время любовницей Виктора... Вѣдь теперь я хоть себя, свою совѣсть успокаиваю тѣмъ, что считаю себя не любовницей, не содержанкой, а невѣстой Виктора, а тогда...

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Знаю, знаю,—испуганно проговорила старуха.

— Знаете, а какіе совѣты даете,—упрекнула ее дочь.

— Что ты, что ты? Развѣ я даю совѣты. Развѣ я что понимаю? Откуда это у меня понятіямъ-то быть!.. Косточки только мои, суставчики всѣ ноютъ, какъ я вспомню, что опять это не сегодня, такъ завтра въ подвалъ придется идти, на прачечной у лаханки стоять, на плоту мерзнуть,

вотъ я и говорю... Нищета-то ужъ очень меня изломала, страхъ у меня передъ нею великій... Думалось все, вотъ вздохну, вотъ отведу душу хоть на старости... А тутъ... Господи, не попусти, Отецъ небесный!

Старуха подняла на образъ свои мигающіе тусклые глаза.

— Мама, мама, простите меня, что я не могу спасти васъ этимъ путемъ!—обняла ее Даша.—Все я знаю, голубушка, все передумала, да не могу, не могу продажной развратницей сдѣлаться... Вѣдь у меня у самой все сердце изныло...

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Андрей Егоровичъ. Онъ быстро окинулъ глазами присутствующихъ и развелъ руками.

— Что вижу? Плачъ и стенанія!—воскликнулъ онъ театральнымъ шутовскимъ тономъ, къ которому онъ нерѣдко прибѣгалъ, когда выпивалъ для храбрости.—Какое горе посѣтило обитель нашу? Что случилось?

— Андрей Андреевичъ сейчасъ вотъ здѣсь былъ съ Дашей,—начала старуха Лыткина.

— Ну?—спросилъ мужъ.

— Руку Дашенькѣ предлагалъ.

— Христофоровъ ей руку предлагалъ?—съ удивленіемъ сказалъ Лыткинъ тѣмъ же тономъ.—Христофоровъ самъ по себѣ руки ей не предложитъ. Не такой человѣкъ Христофоровъ. Христопродавецъ онъ, а не Христофоровъ, вотъ кто онъ!—поднялъ кверху указательный палецъ Лыткинъ.—Вѣрно, ея превосходительство Аделаида Александровна или ихъ сіятельства графы Баскаковы приказали предложить руку. Это такъ!

Даша съ изумленіемъ открыла глаза: ее точно озарило какимъ-то новымъ свѣтомъ. Она побѣлѣла, какъ полотно, смутно угадывая, что для нея наступаетъ роковая пора борьбы, развязки, гибели.

— Что ты, что ты!—воскликнула старуха Лыткина мужу.

— А! такъ вотъ куда оно пошло,—воскликнулъ Лыткинъ.—Освободиться хотятъ, освободиться.

Онъ обратился къ дочери.

— Ну, а ты что ему отвѣтила?—спросилъ онъ ее.

— Что вы меня спрашиваете!—глухо проговорила она, припоминая теперь всѣ мелочи недавней сцены.

— Отказала, голубчикъ, отказала,—чуть не плача проговорила мать.—Что мы теперь дѣлать будемъ, если Викторъ Валерьяновичъ броситъ...

— Такъ, такъ, отказала!—произнесъ Лыткинъ.—Что мы теперь дѣлать будемъ, если Викторъ Валерьяновичъ броситъ!—передразнилъ онъ жену.—Эхъ ты, простота сердечная!—съ презрѣніемъ добавилъ онъ.—Теперь-то мы только на настоящій путь и встанемъ, теперь!.. Не плачь, Даша! Не плачь! Отецъ твой не дремлетъ. Лыткинъ изъ ума не выжилъ. Дождался онъ, когда ему можно свой голосъ поднять. А! вы, ваше сіятельство, думаете, что такъ легко отдѣлаться отъ этой дѣвочки? Стоитъ только найти перваго попавшагося голяка, женить его на ней—и концы въ воду! Она дурочка, она нищая, она на все пойдетъ! Нѣтъ, забыли вы, что у этой дѣвочки есть отецъ! Вы думаете, онъ мерзавецъ, пьяница, дуракъ! Нѣтъ. Лыткина враги погубили, Лыткинъ до грязи дошелъ, но теперь Лыткинъ опять на ногахъ стоитъ. Онъ еще потягается съ вашимъ внукомъ, имя Лыткина еще станетъ рядомъ съ вашимъ именемъ.

Даша съ нѣмымъ ужасомъ вслушивалась въ слова все болѣе и болѣе хмелѣвшаго отца. Она начинала понимать, что онъ затѣваетъ что-то гнусное, низкое. Она начинала подозрѣвать, что онъ зналъ о намѣреніи Христофорова. Она ненавидѣла въ эту минуту своего отца.

— Что вы хотите дѣлать?—воскликнула она.

— Какъ что?—изумился Лыткинъ.—Судиться.

Даша вздрогнула и отступила отъ отца.

— Судиться?!—вырвался изъ ея груди болѣзненный крикъ.

— Ну, да,—произнесъ Лыткинъ заплетающимся языкомъ.—Ты еще дитя, ты неопытный ребенокъ, тебя соблазнилъ негодяй... Но у тебя есть отецъ, который вступится за честь дочери... Посмотримъ, кто устоитъ, когда явятся убитый горемъ старикъ... обожающій дочь, задыхающійся отъ слезъ и волненія... и красавица-дѣвушка, почти дитя... съ блѣднымъ личикомъ, съ потупленными глазами... въ смущеніи сознающаяся почти шопотомъ въ своемъ паденіи...

— Молчите! Не смѣйте этого говорить!—крикнула Даша.—Вы пьяны!..

Но Лыткинъ не слушалъ ее.

— Ты увидишь, ты увидишь, что будетъ, когда Лыткинъ заплачетъ передъ судьями,—продолжалъ совсѣмъ захмелѣвшій старикъ.—Когда онъ скажетъ: господа... вѣдь и вы отцы... и у васъ есть дочери... во имя ихъ, во имя этихъ чистыхъ и неопытныхъ созданій, защитите мое дитя... защитите... не отравите послѣднихъ дней моей горькой жизни... Судьи, судьи будутъ рыдать!

— Такъ вы въ судъ хотите идти? Въ судъ хотите вести меня?—воскликнула Даша, не помня себя.

— Въ судъ!—драматично протянулъ впередъ руку Лыткинъ.

— Заставить меня говорить о томъ, какъ я любила, какъ я пала?—продолжала Даша съ сверкающими глазами.—Обвинять отца ребенка, котораго я, быть-можетъ, уже ношу подъ сердцемъ? Признаваться въ своемъ паденіи и падать еще ниже? Публично пояснять то, что заставляетъ меня краснѣть передъ самой собой? Никогда, никогда...

— Да ты съ ума сошла?—съ изумленіемъ спросилъ Лыткинъ, стараясь взглянуть ей въ лицо. — Да я тебя заставлю!—грозно топнулъ онъ ногою.

— Довольно, довольно!—прервала его Даша.—Я виновата, я и заплачу за свою вину, заплачу одна съ своимъ ребенкомъ. Когда онъ вырастетъ, онъ оправдаетъ меня. Онъ будетъ незаконнымъ ребенкомъ, но все-таки онъ не будетъ сыномъ женщины, которая требовала публично, чтобы ей заплатили за ея любовь!

— Экъ, матушка, куда махнула!—захохоталъ пьянымъ смѣхомъ старикъ.—Когда онъ вырастетъ, такъ никто и помнить-то этой исторіи не будетъ... Кто это скажетъ ему, какъ ты жила съ его отцомъ, по любви или за деньги?..

— Я, я буду помнить эту исторію,—воскликнула Даша.—Да нѣтъ, что я волнуюсь! Ничего этого не будетъ, я никуда не пойду съ жалобой... Ступайте вы!..

— Ты не пойдешь, такъ я пойду!—довольно твердо произнесъ пьяный Лыткинъ.

— Вы не посмѣете! Слышите? Не посмѣете!

— Кто же это мнѣ запретитъ-то?—ударилъ онъ кулакомъ по столу.

— Я! Вы этого не смѣете сдѣлать безъ моего согласія. Я вамъ не дамъ на это права,—проговорила дочь.

— Не дашь?—усмѣхнулся Лыткинъ, качая головой.—Эхъ, Даша, Даша, говорю я, что ты дитя—дитя и есть... Какихъ еще мнѣ нужно правъ, если я твой отецъ?.. Отецъ!.. Кто же и обязанъ вступиться за дочь, какъ не отецъ?.. Полно глупить-то!.. Погоди, мы все такъ уладимъ.

— Молчите!—внѣ себя закричала Даша.—Я вамъ не позволю! Слышите? Не позволю идти въ судъ... Если пойдете, я не буду отвѣчать, я убѣгу...

Она не помнила себя, не понимала, что говоритъ.

— Куда, куда убѣжишь-то? Какъ не позволишь-то?.. Ахъ, ты, дурочка, дурочка!..

— Господи, что же это будетъ!—сжала она мучительно руки.—Да нѣтъ, это невозможно! Вѣдь есть же на землѣ защита для насъ... Подите... послѣ поговоримъ... Чего-жъ вы-то стоите?.. Уведите его!—рѣзко обратилась она къ матери и быстро пошла въ свою комнату.

XLVIII.

Даша вошла въ свою комнату и въ волненіи заходила изъ угла въ уголъ. Происшедшія сцены окончательно сбили ее съ толку, спутали всѣ ея мысли. За нее сватáлся женихъ. Отецъ говорилъ, что этотъ женихъ подосланъ семьей Баскаковыхъ, Аделаидою Александровною Муратовою, самимъ Викторомъ, что эта семья хочетъ освободить отъ нея Виктора. Отецъ сказалъ, что онъ пойдетъ жаловаться въ судъ, требовать вознагражденія, платы за ея любовь. Отецъ былъ сильно хмеленъ, но то, что у пьянаго на языкѣ, — у трезваго на умѣ. Отецъ и мать боятся, что Викторъ броситъ ее, что они снова впадутъ въ нищету. Но развѣ Викторъ можетъ бросить ее? Онъ готовъ хоть сейчасъ жениться на ней. Но если выйти за него замужъ, что будетъ? Онъ будетъ принужденъ выйти изъ службы, онъ порветъ связи съ своими родными и знакомыми, онъ лишится наслѣдства, онъ будетъ обязанъ жить трудомъ, будетъ нуждаться во всемъ. Что же дастъ она ему за эти жертвы? Только свою любовь и тысячи лишеній. Положимъ, она броситъ отца и мать, но вѣдь не можетъ же она бросить брата. Виктору придется тратить деньги на его образованіе. Да нѣтъ, она не броситъ и матери, а отецъ самъ ворвется къ нимъ въ домъ, будетъ дѣлать сцены, требовать денегъ и денегъ. Вынесетъ ли Викторъ грубости этого человѣка, когда сама она, Даша, выноситъ ихъ съ трудомъ? Викторъ—добрый, нѣжный, мягкій человѣкъ, но онъ такой слабый, точно ребенокъ. Она, Даша, сильнѣе его. Она давно замѣтила, что имъ можно управлять, что изъ него можно дѣлать, что угодно. Бороться онъ не въ состояніи. Нужда и трудъ разомъ сломятъ его. Да, замужество невозможно, — невозможно теперь, покуда живъ дѣдъ Виктора. Но неужели въ самомъ дѣлѣ дѣдъ Виктора подослалъ къ ней жениха? Зачѣмъ? Ужъ не для того ли, чтобы она никогда не вышла замужъ за Виктора? Да вѣдь она готова дать клятву, что она никогда, никогда

не выйдетъ за него. Клятву! кто же повѣритъ ей. Но что же дѣлать?

Она опустилась на стулъ, опустила на колѣни свои руки и словно онѣмѣла, устремивъ безцѣльно впередъ глаза. Минуты шли за минутами, а она не двигалась съ мѣста. Снова на ея лицѣ появилось выраженіе тупого, тихаго помѣшательства. Она походила на человѣка, который долго напрасно бился надъ разрѣшеніемъ трудной задачи, и наконецъ, не разрѣшивъ ее и выбившись изъ силъ, сидитъ въ положеніи, близкомъ къ оцѣпенѣнію и потерѣ всякаго сознанія. Въ ея головѣ, какъ бы помимо ея воли, какъ чьи-то посторонніе голоса, являлись отдѣльныя мысли.

«Выйти за Виктора — значитъ погубить его... Не выйти за него — значитъ заставить отца идти въ судъ... Бросить, бросить Виктора, — но развѣ отецъ не пойдетъ и въ этомъ случаѣ въ судъ?.. Какъ же дочери заставить отца не жаловаться на ея любовника?.. И зачѣмъ я отдалась ему?.. Но развѣ я могла не отдаться?.. Богъ наказываетъ меня за это... Богъ!.. Неправда, это онъ, онъ, отецъ, губитъ меня, воспользовавшись этимъ случаемъ... Онъ торговалъ мною... торговалъ... Но гдѣ же защита противъ него?..»

Ей становилось холодно и жутко.

Пробило уже четыре часа. Дверь въ комнату Даши тихо отворилась, и къ ней вошла мать.

— Дашенька, голубушка, — жалобно проговорила Катерина Ивановна: — обѣдать давно пора!

Даша очнулась и какъ-то странно посмотрѣла на мать, точно передъ нею совершалось нѣчто необыкновенное. Старуха повторила свое приглашеніе, видя, что дочь не поняла ее.

— Я не хочу, — отрицательно покачала головой Даша, тупо взглянувъ на мать.

— Да ты не убивайся, родная моя, — заговорила ноющимъ голосомъ Лыткина. — Отецъ никуда не пойдетъ... Вѣдь онъ о тебѣ же заботится, о тебѣ... Ну, вдругъ броситъ тебя Викторъ-то Валерьяновичъ, что тогда будемъ мы всѣ дѣлать... что?..

— Да, да, — безсознательно проговорила Даша, думая совсѣмъ о другомъ. — Это ужасно, ужасно!

— Ужъ какъ не ужасно, чего хуже! — вздохнула мать. — Вотъ отдохнули мы немного, съ духомъ собрались, а тутъ опять... На бѣднаго Макара, извѣстно... Чуетъ мое сердце, что не вынесемъ мы теперь этой нужды-то, нужды окаян-

ной... Ужъ не работники мы, не работники, а такъ, коптители какіе-то...

— Да, да, хорошо... Ступайте!—произнесла Даша, глядя разсѣянно по сторонамъ. — Я не хочу обѣдать...

— Ты бы прилегла... Вишь, лица на тебѣ нѣтъ, маточка... Ахъ, Господи ты Боже мой, Пресвятая Богородица... вотъ— горе-то!..

— Я лягу,—сказала Даша.

Она тяжелой поступью, шатаясь, подошла къ кушеткѣ и легла. Она походила теперь на больного, хилаго ребенка. Мать осѣнила ее крестнымъ знаменіемъ и, вздыхая и охая, побрела изъ комнаты. Даша закрыла глаза и лежала. Она не спала, но и не открывала глазъ. Казалось, ей хотѣлось не думать ни о чемъ, не видѣть ничего.

Часовъ въ восемь пріѣхалъ Викторъ Валерьяновичъ. Даша услыхала стукъ колесъ остановившагося у ихъ дома экипажа, услыхала знакомый звонокъ и устремилась навстрѣчу Виктору Валерьяновичу. Она какъ будто вдругъ ожила. Ея глаза теперь свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, по ея щекамъ разлился румянецъ. Она противъ обыкновенія бросилась въ объятія Баскакова.

— Милый, милый, я ужъ думала, что я никогда не увижу тебя!—воскликнула она и заплакала.

— Что съ тобой, Даша, родная?—тревожно спросилъ онъ, удивленный такой встрѣчей.

— Не спрашивай... Сама не знаю... Но если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ было тяжело!—шептала она, прижимаясь къ нему.

— Да отчего же? Что-нибудь случилось? — озабоченно разспрашивалъ онъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я глупая такая... мысли черныя мнѣ приходятъ въ голову... Но теперь ничего, теперь я покойна...

Они вошли въ ея комнату.

— Сядь вотъ здѣсь, рядомъ со мною, ближе ко мнѣ! — говорила она. — Сядемъ на кушетку. Я хочу чувствовать, что ты со мною...

— Но, Даша, ты меня пугаешь! Нельзя же, чтобы ты такъ, безъ причины, взволновалась, — проговорилъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Ахъ да,—словно что-то вспомнила она.—Ты будешь смѣяться... ко мнѣ сегодня женихъ сватался...

— Женихъ?—изумился онъ.—Ты шутишь?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ.

— Кто же это? Вѣдь къ вамъ никто не ходитъ?

— Это кліентъ отца... какой-то Андрей Андреевичъ Христофоровъ.

— Что? Христофоровъ? Этотъ негодяй!—съ негодованіемъ воскликнулъ Баскаковъ.

Даша поблѣднѣла. «Онъ знаетъ Христофорова, значитъ, это точно отъ его семьи подосланный человѣкъ»,—промелькнуло въ ея головѣ.

— Ты его знаешь?—спросила она.

— Еще бы! Это фактотумъ Аделанды Александровны и Аркадія Павловича,—отвѣтилъ Баскаковъ, волнуясь.—Да какъ же ты забыла его?.. Впрочемъ, ты, кажется, не слыхала его фамиліи, когда его хотѣли сватать тебѣ... Это новая продѣлка Аделанды Александровны...

— Ты думаешь?—спросила Даша, пристально взглянувъ на него.

— Еще бы! кто же больше могъ его подослать...

— Гнусная, низкая женщина!... Она могла меня убить...—глухо прошептала Даша, и въ ея душѣ шевельнулось что-то въ родѣ ненависти.

— Ну, Богъ съ ней! Забудь ее!—мягко проговорилъ Викторъ Валерьяновичъ.

Дашѣ стало немного легче. Она начинала вѣрить, что жениха дѣйствительно подослала Муратова, а не дѣдъ Виктора.

— Но неужели это могло взволновать тебя?—спросилъ Викторъ Валерьяновичъ, лаская ее.

— Нѣтъ... но онъ говорилъ... Ты не смѣйся... Я не повѣрила ему, но все же онъ говорилъ, что ты бросишь меня... Я знаю, что это неправда, но это встревожило меня...

— Даша, я тебѣ сто разъ говорилъ, что лучше намъ пожениться...

— И испортить все твое будущее... Полно!.. Я вѣдь знаю, что ты любишь меня, что я люблю тебя... этого и довольно...

— И волнуешься, когда какой-нибудь негодяй скажетъ, что я хочу или могу бросить тебя?

— Ну, да... эта мысль, глупая, пустая мысль пугаетъ меня... Это вѣдь невольно... вотъ какъ боишься иногда въ темной комнатѣ остаться... знаешь, что тамъ никого нѣтъ, а все же боишься...

— Дорогая ты моя, для того, чтобы не бояться этой темной комнаты нашего будущаго, намъ стóитъ только освѣтить ее: намъ надо пожениться... Я давно жду, когда

ты позволишь мнѣ это сдѣлать... Наша жизнь будетъ свѣтлѣе, мы перестанемъ видѣться урывками... Заживемъ веселѣе...

— А дѣдъ?

— Что же дѣдъ: онъ не позволитъ никогда мнѣ жениться, но я настою на своемъ и женюсь безъ его согласія...

— И разойдешься съ нимъ?

— И разойдусь...

— А потомъ онъ проститъ тебя?

— Никогда!

У Даши опять замерло сердце. «А какъ ты вынесешь нищету? Какъ снесешь упреки моего пьянаго отца, который надѣется обирать тебя?» — думалось ей.

— Нѣтъ, оставимъ покуда эти мечты,—тихо прошептала она и на минуту впала въ оцѣпенѣніе. — А приходитъ ли твоему дѣду въ голову, что ты женишься на мнѣ послѣ его смерти? — вдругъ спросила она, помолчавъ минуты двѣ и какъ-то порывисто приподнявъ голову.

— Да, этого-то онъ и боится, и потому былъ бы радъ, если бы ты или я обвѣнчались съ кѣмъ-нибудь другимъ...

— Онъ тебѣ говорилъ это?—торопливо спросила Даша.

— Еще бы!.. Онъ понимаетъ, что покуда мы оба будемъ свободны, мы оба будемъ имѣть возможность повѣнчаться послѣ его смерти.

Даша задумалась: она опять начинала вѣрить, что Христофоровъ подосланъ дѣдомъ Виктора. Она провела рукою по своему лбу. Лобъ у нея не болѣлъ, но онъ былъ какъ будто тяжелъ и въ то же время пустъ. Это было странное, непріятное ощущеніе, заставлявшее ее безсознательно проводить рукою надъ глазами, точно стараясь что-то отстранить ото лба.

— А если бы я ему поклялась, чѣмъ угодно поклялась, что я никогда не выйду за тебя замужъ,— онъ повѣрилъ бы?— спросила она, глядя безцѣльно впередъ.

— Ты совсѣмъ дитя! — улыбнулся привѣтливой улыбкой Баскаковъ. — Кто же можетъ давать подобныя клятвы и кто имъ станетъ вѣрить!

Онъ въ эту минуту цѣловалъ и ласкалъ ея руки.

— Отчего же?—спросила она.

— Да развѣ и ты, и я не нарушили бы этой клятвы сейчасъ же, если бы у насъ явилось сознаніе, что ты будешь скоро матерью? Развѣ мы захотѣли бы, чтобы наше первое дитя было незаконнорожденнымъ?

Даша опять провела рукою по лбу и опустила голову.

— Ну, перестанемъ говорить объ этомъ! - сказала она.— Что заглядывать впередъ!.. Еще можетъ быть, я и умру прежде твоего дѣда.

— Даша! — съ упрекомъ сказалъ Баскаковъ, сжимая ее въ объятіяхъ.

— Что-жъ, молодые часто умираютъ прежде стариковъ... И если бы я умерла, ты не долженъ бы былъ отчаиваться, потому что ты зналъ бы, что ты сдѣлалъ меня счастливою, что не было дня, когда бы я не молилась за тебя... Знаешь, я ни разу, ни разу ни за что не могла упрекнуть тебя... Мнѣ постоянно кажется, лучше любить, чѣмъ ты любишь меня,—нельзя...

Она прилегла къ его плечу и, улыбаясь, заглянула ему въ лицо.

— Видишь, я сегодня очень встревожилась этимъ предложеніемъ противнаго Христофорова, а теперь мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что я...

Она вдругъ замолчала: съ ея языка чуть не сорвалось, что она рада бы была умереть въ эту минуту. Она опять опечалилась: ей стало страшно, что въ ея умѣ по какой-то роковой случайности постоянно возникаетъ мысль о смерти.

— Ну, что же ты замолчала?—спросилъ Викторъ.

— Я хочу, чтобы ты говорилъ, — упавшимъ голосомъ отвѣтила она. — Разсказывай, какъ ты провелъ весь день, что дѣлалъ.

Викторъ обнялъ ее и началъ болтать о разныхъ новостяхъ дня. Даша знала уже изъ его разсказовъ всю жизнь большого свѣта и потому слушала разсказы Виктора о его родинѣ и знакомыхъ, какъ разсказы о лицахъ знакомыхъ ей.

— А Аделаида Александровна къ вамъ не ѣздитъ? — спросила она.

— Нѣтъ. Дяди и тетки не принимаютъ ее, — отвѣтилъ онъ. — Ея отношенія къ барону Гельфрейху возмущаютъ всѣхъ. Вообще она ведетъ себя ужасно... Она опустилась до того, что ѣздитъ въ загородные рестораны кутить на цѣлыя ночи... Въ концѣ лѣта она была въ публичномъ саду на Крестовскомъ островѣ...

— Это что же за садъ?—спросила Даша.

— Поютъ цыгане тамъ, акробаты ломаются, французскія пѣвицы поютъ шансонетки, пляшутъ грязный, разнузданный канканъ... Вообще въ этотъ садъ не поѣдетъ ни одна сколько-нибудь порядочная женщина изъ нашего круга, уважающая себя... Но теперь такое время, что дамы на-

шего свѣта, матери семейства, готовы опуститься въ какую угодно грязь, только бы спастись отъ скуки... Вѣдь и Прозорову-Солонецкую видѣли въ саду на Крестовскомъ!.. Хороша предсѣдательница «Общества первой помощи», хороша спасительница падшихъ—разгуливаетъ на Крестовскомъ и наслаждается созерцаніемъ канкана... И онѣ еще хотятъ, чтобы ихъ уважали порядочные люди!.. Порядочные люди краснѣютъ за нихъ.

Даша молчала: она почти не слышала, почти не понимала Виктора Валерьяновича.

— Только странно мнѣ, что дѣдъ заступается за Аделаиду Александровну,—закончилъ Баскаковъ.

Даша вздрогнула.

— Какъ, онъ заступается за нее?—съ удивленіемъ спросила она, очнувшись.

— Это можно объяснить тѣмъ, что онъ не любитъ вообще, когда въ кого-нибудь бросаютъ камень изъ-за угла.

— Но онъ не бываетъ у нея?—опять спросила Даша.

— Нѣтъ, этого-то онъ не сдѣлаетъ! Онъ просто не желаетъ, чтобы ее осуждали за глаза.

Викторъ Валерьяновичъ опять перешелъ къ разсказамъ о разныхъ мелочахъ, занимавшихъ его. Даша слушала его молча, углубившись въ свои думы.

— Такія женщины, какъ Аделаида Александровна и какъ Марья Петровна, гораздо хуже самыхъ послѣднихъ падшихъ женщинъ, — говорилъ Баскаковъ. — Тѣ хотя не носятъ никакой чужой маски. А эти только убиваютъ вѣру въ честность женщинъ вообще и плодятъ тѣхъ циниковъ, которые говорятъ: «Э, да всѣ женщины одинаковы, только однѣ откровеннѣе и смѣлѣе, а другія трусливѣе и болѣе скрытны»...

— А твой дѣдъ не знаетъ этого Христофорова?—вдругъ спросила Даша, ничего не слышавшая изъ того, что говорилъ Викторъ.

— Нѣтъ. Дѣдъ не знакомъ съ подобными людьми,—отвѣтилъ онъ.—Съ чего это вдругъ пришелъ тебѣ опять на память этотъ Христофоровъ?..

— Ахъ, мнѣ такъ и грезится его глупое лицо, — постаралась улыбнуться Даша и провела рукой по лбу.

Она опять выпрямилась, передернула шеей, словно ея головѣ было неловко, и опять нѣсколько повеселѣла или, лучше сказать, оживилась.

Викторъ Валерьяновичъ уѣхалъ отъ нея за полночь. Она

старалась теперь быть нѣсколько спокойнѣе. Она начинала убѣждать себя, что Христофоровъ, если и былъ подосланъ, то не дѣдомъ Виктора, а Аделаидою Александровною. Эта мысль утѣшала ее или, вѣрнѣе сказать, этою мыслью она утѣшала себя. Ей не хотѣлось думать, что дѣдъ Виктора начинаетъ интриговать противъ нея, чтобы отдѣлаться отъ нея. Ей казалось, что ей нужно было только уговорить теперь отца, чтобы онъ не шелъ въ судъ или къ дѣду Виктора, и все пойдетъ отлично. При мысли о намѣреніяхъ отца она успокоивала себя тѣмъ, что отецъ говорилъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Это было инстинктивное, безсознательное стремленіе къ самосохраненію, къ спасенію себя отъ умопомѣшательства подъ гнетомъ безысходныхъ тяжелыхъ думъ. Она старалась обмануть себя, придумывая различные спасительные исходы, различныя смягчающія ея положенія обстоятельства, и сознавая, что она обманываетъ себя, все-таки нѣсколько успокоилась. Между тѣмъ, эта работа мозга нѣсколько утомила ее. Она довольно мирно и усердно помолилась и легла въ постель, надѣясь утромъ переговорить съ отцомъ.

XLIX.

— А гдѣ отецъ?

Это былъ первый вопросъ, который сдѣлала Даша матери, проснувшись по утру; проспавъ всю ночь, какъ убитая, она проснулась подъ тѣми самыми впечатлѣніями, подъ которыми уснула вчера. Въ этомъ было что-то зловѣщее. Долгое и чрезмѣрное напряженіе мысли въ одну и ту же сторону всегда опасно.

— Ушелъ, маточка, ушелъ,—своимъ вѣчно ноющимъ тономъ отвѣтила мать.

— Куда?—почти съ испугомъ спросила дочь.

— Да развѣ онъ говоритъ, родная, развѣ онъ говоритъ,—вздохнула старуха.

Даша встревожилась: «что, если онъ пошелъ къ Баскаковымъ! въ судъ?.. Развѣ онъ говоритъ, куда онъ ходитъ!.. Да, это правда! Какое страшное положеніе: вѣчно бояться, вѣчно трепетать во время его постоянныхъ отлучекъ, угадывать потомъ по его лицу, не предпринялъ ли онъ чего-нибудь... Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно, это невыносимо!..»

— Боюсь я, запьетъ онъ у насъ, видитъ Богъ, запьетъ!—жаловалась слезливая Катерина Ивановна.—Вотъ вчера ни

съ того, ни съ сего напился... Сегодня тоже, чѣмъ-свѣтъ ушелъ... не къ добру это...

Даша не понимала, не слышала словъ матери: она только ловила эти ноющія, однообразныя нотки, и онѣ еще болѣе терзали ее, ей было страшно тяжело. Она присѣла къ окну и безцѣльно устремила глаза на улицу. Въ ея головѣ бродили все тѣ же мысли о томъ, что такое положеніе невыносимо. Ей придется каждую минуту бояться, что отецъ пойдетъ жаловаться. Удержать его было невозможно. Взять съ него честное слово, что онъ ничего не сдѣлаетъ безъ ея позволенія—было бы ребячествомъ: онъ могъ давать десять разъ честное слово и столько же разъ нарушать его. Ну, а если онъ пойдетъ къ старику Баскакову? Вѣдь тотъ не повѣритъ, что отецъ Даши пришелъ съ постыдными требованіями безъ ея согласія. Не предупредить ли самой старика заранѣе, не объяснить ли ему свое трагическое положеніе? Но положимъ, старикъ приметъ въ ней участіе,—что же въ томъ? Онъ ей скажетъ: хорошо, я вѣрю, что вашъ отецъ—мерзавецъ, что онъ требуетъ съ меня денегъ за вашу любовь безъ вашего согласія, я не стану за это винить васъ; но вѣдь это не остановитъ вашего отца отъ жалобы въ судъ, а подобная жалоба скомпрометируетъ имя моего внука—мое имя. Но что же дѣлать? Опять эта фраза, какъ молотъ по наковальнѣ, стучала въ ея головѣ. Въ это время послышались шаги. Даша провела рукой по лбу, обернулась и почти вскрикнула:

— Куда вы ходили?

— Дѣло есть у одного купца, за бумагами къ нему ходилъ,—спокойно отвѣтилъ вошедшій въ двери Лыткинъ и, кажется, удивился волненію дочери.

Она тяжело дышала, а между тѣмъ въ ея головѣ мелькала мысль: «Господи, какъ измучилась, какъ я всего боюсь»..

— Мнѣ надо съ вами поговорить,—произнесла она.

— Что-жъ, поговоримъ,—спокойно отвѣтилъ Лыткинъ и обратился къ женѣ:—Катерина Ивановна, кофейку бы не худо подать...

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ,—заторопилась старуха, обрадовавшаяся, что мужъ воротился не пьянымъ.

— Вы помните, что вы вчера говорили мнѣ?—спросила у отца Даша.

— Какъ же, Дашенька, не помнить? Все помню,—отвѣтилъ отецъ.

— Такъ, значитъ, вы серьезно думаете жаловаться?— спросила дочь, пристально глядя на него.

— Какъ-же иначе-то, Дашечка, быть?—мягкимъ тономъ замѣтилъ отецъ.—Вѣдь теперь мы между небомъ и землей висимъ... Не сегодня, такъ завтра, можетъ, что случится, опять нищими будемъ... намъ уже не зашибить куска хлѣба... Я дѣлецъ не нынѣшній, говорить не умѣю, а нынче все съ разговорами дѣлопроизводство... кто лучше говоритъ, тотъ и правъ... Мать изморилась, работать не можетъ. И прежде мало доставала, а теперь и вовсе ничего не достанетъ... Ты... что же ты можешь достать? Себя не прокормишь, а не только что насъ, Васю, своего ребенка, если онъ будетъ... Тутъ обезпеченіе нужно... Вотъ я и хлопочу, тебя жалѣя.

— Жалѣя!—воскликнула съ горечью Даша.—Полноте! Денегъ вамъ надо за мой позоръ...

— Да вѣдь ужъ сдѣланнаго не воротишь, а хуже будетъ, когда опозоренной останешься, и нищей...

— Я буду работать, буду все дѣлать, ночей не буду спать, только избавьте меня отъ этого... Мама, да хоть бы вы заступились за меня! Вы женщина, вы должны понимать мои чувства! — воскликнула Даша, обращаясь къ вошедшей матери и, въ сущности, не помня, что говоритъ.

— Да что же я-то могу? что я могу?—жалобно произнесла мать.—Сама ты знаешь, какая я заступница... И понятій-то у меня нѣтъ...

— Да ты успокойся, Дашурочка,—сказалъ Лыткинъ.— Подумаешь—сама увидишь, что я добра тебѣ желаю. Что ты такъ-то будешь дѣлать? Вѣдь не женится на тебѣ Викторъ Валерьяновичъ, не позволятъ ему, а если и женится, то у него денегъ своихъ почти совсѣмъ нѣтъ, а родные не дадутъ. Что вы будете дѣлать? Что мы-то будемъ дѣлать? Вѣдь онъ не такой человѣкъ, чтобы работать, да спокойно нужду терпѣть. Ужъ если намъ отъ нея солоно приходилось, такъ ему-то еще солонѣе придется. Тутъ и любовь пройдетъ. Вотъ родные его подослали жениха...

— Неправда, неправда! Это Муратова подослала!—проговорила Даша.

— Ну, Муратова не дала бы изъ своего кармана пятнадцати тысячъ за его женитьбу на тебѣ...

— Кто ее знаетъ!.. Но кромѣ нея некому было подослать Христофорова... Дѣлъ Виктора даже и не знаетъ его...

— Какъ знать, какъ знать! Дѣдушка-то Виктора Валерьяновича зачастилъ теперь къ Муратовой...

— Вы лжете!—крикнула Даша съ сверкающимъ и широко открытымъ взглядомъ.—Лжете!..

— Ахъ, Даша, Даша, за что ты на отца-то кричишь?—произнесъ Лыткинъ приниженнымъ тономъ обиженнаго старика.—Ты-то вотъ сидишь въ четырехъ стѣнахъ и ничего не знаешь, а я справлялся. Узналъ я, что бываетъ старый графъ у Муратовыхъ, узналъ я и то, что тотчасъ послѣ его второго визита призывала Муратова къ себѣ Андрея Андреевича, а потомъ онъ и со мной познакомился...

Даша глядѣла на отца остановившимися глазами, въ которыхъ выражался тупой ужасъ.

— Такъ вы все заранѣе знали?.. Все?—прошептала она упавшимъ, глухимъ голосомъ, точно ее кто-то душилъ за горло.

— Зналъ, Дашенька, зналъ! Вѣдь я думалъ, что ты согласишься выйти замужъ,—солгалъ Лыткинъ.—Ну, не согласилась—и Богъ съ тобой. Но теперь зѣвать нечего. Ужъ если дѣдушка графа Виктора Валерьяновича пустился интриговать противъ тебя, такъ онъ на одной подсылкѣ жениховъ не остановится. Ну, станетъ сватать невѣсту Виктору Валерьяновичу.

— Что вы мнѣ говорите: развѣ я не знаю Виктора!—опять на минуту раздражилась Даша, точно очнувшись отъ укола чѣмъ-то острымъ.

— Ну, не женится онъ на другой,—услать его могутъ по казенной надобности за границу, въ Ташкентъ, да мало ли куда...

— Точно онъ не можетъ выйти въ отставку!—проговорила, опять теряясь, Даша.

— Можетъ, можетъ выйти, да не на радость, для того развѣ, чтобы голодать съ тобою, женившись на тебѣ?.. Да вѣдь захочетъ графъ, такъ выхлопочетъ, что и насъ-то спровадятъ, такъ спровадятъ, что и не сыщутъ потомъ. Грѣхи мои старые вспомнятъ, кляузникомъ выставятъ. Ты думаешь, что старый графъ не употребитъ всѣхъ средствъ, чтобы единственнаго своего потомка, носящаго фамилію графовъ Баскаковыхъ, спасти отъ женитьбы на дочери Лыткина? Вѣдь старикъ-то съ молокомъ матери всосалъ понятіе, что выше ихъ рода и нѣтъ родовъ, такъ ужъ ему не снести такой обиды, какъ женитьба послѣдняго изъ графовъ Баскаковыхъ на Лыткиной, на нищей, на служанкѣ...

Даша сидѣла, опустивъ голову, опустивъ руки. Что-то

безпомощное и тупое было въ выраженіи ея лица. Иногда это выраженіе появлялось у ея матери. Казалось, что это человѣкъ, приговоренный къ смерти и ожидающій только роковой минуты казни.

— А случится что недоброе, Дашенька, да останешься ты безъ средствъ—что тогда?—снова продолжалъ Лыткинъ.—Ты объ работѣ мнѣ не говори. И сама ты знаешь, и мы знаемъ, что работа даетъ. Да теперь и труднѣе намъ будетъ сносить нищету. Ты погляди, всѣ мы теперь только что пріободрились, духъ перевели, на людей стали опять похожи, братишка теперь бариномъ учится, я не пьянствую по кабакамъ, мать не стоитъ надъ лаханкою...

— Ужъ гдѣ мнѣ!—жалобно простонала старуха Лыткина.—Косточки всѣ изныли. Теперь только передохнула... Гдѣ мнѣ опять... Отецъ-то, Даша, правду говоритъ, правду... Отецъ человѣкъ обстоятельный, тоже пожилъ... Не сладко будетъ жить опять въ нищетѣ послѣ отдыха... охъ, какъ не сладко!

— И вы туда же!—тихо упрекнула ее дочь, не поднимая головы.

Звуки до нея долетали словно издалека.

— Маточка, да вѣдь больна я, старушка я.—произнесла мать.—Въ мои годы покой нуженъ... Тоже вотъ и Вася: изъ училища придется взять... Что онъ дѣлать станетъ? Куда пойдетъ... ни входу, ни выходу!

— Господи, что же это будетъ... руки наложить на себя!—тихо прошептала Даша, не обращаясь ни къ кому, не обращая ни на кого вниманія.

— Что ты, что ты! Христосъ съ тобою!—испуганно произнесла старуха.—Мысли-то какія у тебя... Ахъ ты, Господи, пресвятые заступники, цѣлитель Пантелеймонъ... Да ты о душѣ-то, о душѣ-то вспомни, насъ-то, брата-то пожалѣй... Ахъ, ты, Христе Боже мой—прибѣжище и покровъ!

Старуха совсѣмъ растерялась.

— Да ты, Даша, не тужи,—сказалъ отецъ.—Вѣдь, можетъ-быть, до суда и не дойдетъ, старый графъ не допуститъ... А не то иди за Андрей Андреевича... Пусть ему мѣсто хорошее дадутъ, денегъ прибавятъ... Я съ нимъ уговорюсь, чтобы перевелъ часть капитала на твое имя... Вѣдь это какой мужъ будетъ—подставной, ты его и видѣть не будешь... Христофоровъ подлецъ, но онъ понимаетъ, какъ надо вести себя...

Даша молча поднялась съ мѣста, не дотронувшись до чашки съ кофе.

— Какъ же, Даша, — спросилъ Лыткинъ: — откажешь окончательно Христофорову?..

— А?—спросила она.

Отецъ повторилъ вопросъ.

— Я отказала,—глупо произнесла она.

— Да онъ еще придетъ.

Она тупо посмотрѣла на отца.

— Мнѣ не надо,—отвѣтила она, не понимая своихъ собственныхъ словъ.

Она вышла въ свою комнату и опустилась на диванъ. Опять въ ея головѣ зароились думы: «Уйти отъ отца, бросить его и мать? А Вася? Васю съ собою взять. Но куда же уйти? Отецъ отыщетъ. Отецъ обѣгаетъ всѣ суды, извѣститъ полицію, подниметъ скандалъ. Вѣдь отецъ можетъ заставить привести ее къ себѣ по этапу, съ полицейскими, съ солдатами. Отъ отца скрыться нельзя ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи. Да и какъ скрыться безъ денегъ? Кто ее приметъ, кто ей поможетъ? Ждать? Ну, а если отецъ завтра же сходитъ къ старому графу? Если графъ и не повѣритъ, что она принимала участіе въ интригѣ отца, то что онъ скажетъ? Онъ еще больше будетъ противиться браку Виктора съ ней, когда увидитъ ея отца. Онъ съ еще большимъ омерзѣніемъ будетъ смотрѣть на ея семью. Но развѣ она имѣетъ что-нибудь общаго съ своимъ отцомъ? Конечно, нѣтъ, но вѣдь старый графъ этого не знаетъ. Въ его глазахъ она падшая женщина, проститутка, любовница его внука. Онъ можетъ считать ее способной на все дурное. И каково будетъ выносить это Виктору!»

По ея тѣлу пробѣжалъ морозъ, ее охватывалъ ужасъ.

— Я не хочу, не хочу думать! Мнѣ не о чемъ теперь думать!—вдругъ воскликнула она черезъ минуту, проведя рукою по лбу, и быстро подошла къ столу.

Она какъ-то нервно, болѣзненно стала приводить въ порядокъ книги и тетради, развернутыя ею по утру, чтобы учиться. Убравъ ихъ, она стала разбирать вещи въ туалетномъ ящикѣ. Она аккуратно прибирала ихъ, какъ вдругъ ей попалась подъ руку какая-то вещь. Она поспѣшно схватила эту вещь, крѣпко прижала ее къ губамъ и зарыдала. Это были перчатки, забытыя у нея однажды Викторомъ и оставленныя ею на память. Она цѣловала и цѣловала ихъ, какъ будто передъ нею былъ самъ Викторъ. На-

конецъ, она опомнилась и торопливо спрятала ихъ въ карманъ.

— Надо быть веселой... Пусть ничего не знаетъ,—проговорила она и быстро подошла къ умывальнику за драпировкой, раздѣлявшей комнату на двѣ половины.

Она умылась, причесалась, надѣла самое нарядное платье и подошла къ окну.

— Какая сегодня чудная погода! Сухо, свѣтло!—вздохнула она.—Въ такіе дни хочется жить, хочется быть счастливой!

Кто-то подъѣхалъ къ дому. Она прижалась лицомъ къ стеклу и кивнула головой. Это былъ Викторъ Валерьяновичъ. Онъ едва успѣлъ переступить порогъ, какъ она уже обнимала его.

— Какой ты свѣжій!—говорила она, цѣлуя его и прижимаясь лицомъ къ его лицу.—Щеки холодныя, розовыя...

— Погода отличная,—отвѣтилъ онъ:—свѣжо и сухо...

— Поѣдемъ кататься!—обратилась она съ просьбой.

— Кататься?—удивился онъ.—Куда же?

— По Морской, по Невскому, на острова... куда хочешь!—отвѣтила она.—Мнѣ сегодня хочется быть на воздухѣ... не дома... Мнѣ жить хочется...

Его удивило ея предложеніе. Они почти никогда не катались и только изрѣдка гуляли по болѣе отдаленнымъ отъ центра города улицамъ. Но Викторъ Валерьяновичъ не могъ отказать Дашѣ въ ея невинной просьбѣ. Онъ понималъ, что ей тяжело жить затворницей.

— Я сейчасъ найму коляску,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи!—почти испуганно остановила она его.—Пойдемъ вмѣстѣ, наймемъ сами... Возьмемъ и Васю...

День былъ праздничный, и мальчикъ былъ не въ гимназіи. Онъ съ утра ушелъ къ своему новому товарищу гимназисту, жившему въ одномъ домѣ съ семьею Лыткиныхъ. За Васей послали служанку.

Даша, когда явился братъ, велѣла ему поскорѣе одѣться, быстро надѣла шляпку и накинула тальму. Они вышли. Коляска была нанята. Вася вобирался уже на козлы, подсаживаемый однимъ изъ кучеровъ, стоявшихъ около нанятой коляски.

— Это хорошія лошади?—наивно спросила Даша, садясь въ коляску.

— Хорошія,—отвѣтилъ Викторъ съ улыбкой.—А что?

— Такъ... Значитъ мы быстро, быстро поѣдемъ... точно понесемся отъ погони...

Она нервно засмѣялась и прижалась къ Баскакову.

— Куда прикажете?—спросилъ, обернувшись, кучеръ.

— Сперва по Невскому, потомъ по Морской, — сказала Даша.

— Но не лучше ли куда-нибудь въ другое мѣсто?—нерѣшительно началъ Баскаковъ, не желавшій появляться съ Дашей на людныхъ улицахъ.

Онъ все попрежнему не хотѣлъ, чтобы его знакомые видѣли его съ ней до свадьбы.

— Нѣтъ, нѣтъ, по Невскому, по Морской, гдѣ больше людей,—настойчиво сказала Даша.

Кучеръ подобралъ вожжи. Коляска понеслась.

— Что съ тобой, милая?—тихо спросилъ Викторъ Дашу.

— Капризъ, Викторъ!—засмѣялась она.—Хочу, чтобы люди всѣ, всѣ видѣли меня сегодня съ тобою... хоть разъ пусть видятъ съ тобой... Пусть говорятъ, что хотятъ... Потомъ поѣдемъ на острова, тамъ еще все зелено... Да?.. Ахъ, Викторъ, я никогда не ѣзжала такъ быстро... Какъ это хорошо... Воздухъ освѣжаетъ лицо...

— А оно у тебя сегодня особенно горитъ,—замѣтилъ Викторъ.—Ты здорова?

Онъ начиналъ безпокоиться. Ея оживленіе было для него непривычно.

— Это отъ счастья, что я съ тобою ѣду, какъ жена съ мужемъ... Да вѣдь ты и есть мой мужъ! Не все ли равно, передъ людьми или только передъ Богомъ.

Они проѣхали по Невскому, свернули на Большую Морскую, потомъ мимо церкви Благовѣщенія выѣхали на Николаевскій мостъ и черезъ Васильевскій островъ проѣхали въ Петровскій паркъ.

— Какъ здѣсь все еще зелено!—проговорила Даша, любуясь паркомъ.

— Да, нынче прекрасная осень. Ты здѣсь бывала когда-нибудь?—спросилъ Баскаковъ.

— Нѣтъ, въ первый разъ, и Богъ-знаетъ, буду ли еще когда-нибудь.

Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Ты доволенъ, Вася?—спросила она дрожа.

— Отлично!—отвѣтилъ братъ, поворачиваясь къ ней лицомъ съ козелъ.—Онъ, знаешь, говоритъ, что онъ кого хо-

чешь можетъ обогнать на этихъ лошадяхъ,—указалъ мальчикъ на кучера.

— Бѣдный ребенокъ!—прошептала Даша, отворачиваясь въ сторону, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы.

Она сдѣлала усиліе надъ собой и снова приняла веселый видъ.

— А гдѣ же мы будемъ обѣдать?—спросила она у Баскакова.

— Домой поѣдемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... Я сегодня не хочу быть дома...

Викторъ Валерьяновичъ нѣсколько затруднялся. Онъ не любилъ вообще ресторановъ и въ особенности загородныхъ.

— Все равно, я готова лучше не ѣсть, только бы побыть подольше вдвоемъ съ тобою, далеко отъ всѣхъ нашихъ,—сказала она.

Они доѣхали до конца Елагина острова.

— Выйдемъ и пройдемся,—предложила она.

Мѣстность была совершенно пуста, народу не было вовсе. Они вышли изъ коляски и пошли пѣшкомъ. Вася уже мчался впередъ къ отмели залива. Даша была какъ-то лихорадочно настроена: она то смѣялась, то дѣлала грустныя замѣчанія, то болтала безъ умолку, то вдругъ умолкала. Но Викторъ Валерьяновичъ былъ крайне доволенъ. Онъ давно тяготился тѣмъ, что онъ не смѣетъ никуда вывезти свою Дашу. Онъ самъ никогда не предложилъ бы ей подобной поѣздки. Его вѣчно преслѣдовали разныя: «что скажутъ», «что подумаютъ». Но теперь, исполнивъ желаніе Даши, то-есть умывъ свои руки подобно Пилату, онъ былъ веселъ и счастливъ, какъ мальчикъ. Его нужно было наталкивать на всякое дѣло, самъ онъ не могъ придумать ничего. Они нагулялись, даже набѣгались, и снова сѣли въ экипажъ.

— Что-жъ, къ Доротту поѣдемъ?—спросилъ Баскаковъ у Даши.

— Къ кому?—спросила она.

— Къ Доротту,—повторилъ Баскаковъ.

— Это кто-жъ такой?—удивилась Даша.

— Ресторанъ Доротта.

Она засмѣялась.

— А я думаю, какой-нибудь твой знакомый!—Нѣтъ, лучше поѣдемъ къ тебѣ. Вѣдь у тебя можно отобѣдать? Да?

— Конечно!

— Ну, и отлично! Я сегодня буду у тебя въ гостяхъ... у себя...

— Въ гостиницу Демутъ!—сказалъ Баскаковъ кучеру.

Они быстро помчались въ обратный путь.

— А знаешь ли, кто здѣсь живетъ?—спросилъ Баскаковъ, когда они проѣзжали по Каменному острову.

— Нѣтъ,—отвѣтила Даша.

— Муратовы.

— Она!—почти вскрикнула Даша и сдвинула брови.

Въ ея душѣ вдругъ поднялась впервые въ жизни непреодолимая, жгучая ненависть къ этой женщинѣ, ненависть за то, что она подослала Христофорова, ненависть за то, что она оскорбила ее, Дашу, ненависть за то, что она хотѣла отнять Виктора у нея, у Даши. Даша вдругъ прижалась къ Виктору, откинувшись къ спинкѣ коляски, и рѣзко сказала кучеру:

— Поѣзжай шагомъ!

— Зачѣмъ это?—спросилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— О, если бы она увидѣла меня теперь!—вмѣсто отвѣта сказала Даша, съ сверкнувшими глазами.—Она, богатая, важная, позавидовала бы мнѣ... Я хотѣла бы... Ахъ, Викторъ, Викторъ, я готова была бы теперь идти къ ней, чтобы сказать, что я счастлива, счастлива...

Въ голосѣ Даши слышался и гнѣвъ, и слезы, и горечь. Баскаковъ глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Гнусная, низкая женщина!—съ страстною ненавистью проговорила она черезъ минуту съ выраженіемъ презрѣнія.

— Да, это правда, Даша, она жалка!—проговорилъ онъ.—Вотъ ея дача...

— А!.. Никого нѣтъ... Постой... вонъ кто-то... Нѣтъ, это кто-то изъ прислуги... Ахъ, вонъ Маша... ея горничная... Она узнаетъ меня, разскажетъ... пусть! пусть!..

Даша впилась глазами въ окна роскошной муратовской дачи. Она дорого бы дала, чтобы ее видѣла Муратова. Но ее радовало и то, что ее видѣла Маша. Черезъ минуту они снова мчались дальше. Наконецъ, коляска остановилась въ Большой Конюшенной, у гостиницы «Демутъ». Викторъ Валерьяновичъ подъ руку съ Дашей и въ сопровожденіи Васи поднялся по лѣстницѣ въ свой номеръ.

Даша внимательно осматривала роскошно отдѣланное помѣщеніе. Здѣсь все для нея было ново.

— Какъ у тебя хорошо!—восхищалась Даша.—Я точно въ раю.

— Ну, и слава-Богу... а ѣсть и въ раю нужно... Что-жъ мы спросимъ?—сказалъ Баскаковъ, смѣясь надъ ея восторгомъ.

— Все равно... Впрочемъ, нѣтъ, постой, я придумаю,— сказала она.—Я буду хозяйничать... Я вѣдь теперь у себя.

Она взяла карточку обѣда и начала выбирать блюда.

— Супъ крутапо, консоме, супъ принтаньеръ,—прочитала она и разсмѣялась.—Это что такое за супы?—обратилась она къ Баскакову.—Нѣтъ, выбирай ты. Я ничего не понимаю.

Баскаковъ улыбнулся и заказалъ обѣдъ. Лакей поклонился и вышелъ.

— Знаешь, мнѣ теперь кажется, что мы далеко, далеко отъ Петербурга, отъ нашего дома, отъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ людей,—проговорила она.—Вотъ такъ бы быть всегда... Впрочемъ...

— Сегодня у насъ настоящій праздникъ,—сказалъ Вася.

— Тебѣ весело, голубчикъ?—спросила сестра и горячо поцѣловала его.

— Да вѣдь и тебѣ весело,—утвердительнымъ тономъ сказалъ онъ.

— Да, да, весело, весело!—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ и обернулась къ окну.

Изъ ея глазъ брызнули слезы. Она украдкой отерла ихъ.

— И какъ тебѣ пришло въ голову устроить сегодня пиръ?—смѣялся Баскаковъ, обнимая ее за талью.

— Такъ вдругъ захотѣлось не быть дома... быть только съ тобою и съ нимъ,—отвѣтила она.—Я бы до ночи не возвратилась домой...

— Въ театръ бы поѣхать,—несмѣло проговорилъ Вася.— Наши гимназисты говорятъ, что въ театрѣ хорошо представляютъ.

— О, да и ты кутить хочешь весь день!—засмѣялся Баскаковъ, потрепавъ по щекѣ мальчугана.—А уроки?

— У меня уроки приготовлены,—бойко отвѣтилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣдемъ отсюда въ театръ,—сказала Даша.

— Но...—началъ Баскаковъ и понизилъ голосъ.—Тамъ могутъ насъ увидѣть знакомые...

— Пусть видятъ... Теперь мнѣ все равно,—отвѣтила она.—Да и кто меня знаетъ?

— Теперь не знаютъ, но могутъ узнать послѣ, запомнивъ твое лицо.

— Когда еще узнаютъ! До тѣхъ поръ забудутъ.

— Твое лицо не легко забывается.

— Ну, да что думать о будущемъ... Я хочу пожить, повеселиться сегодня.

— Я готовъ ѣхать; ты видишь, что сегодня я готовъ на все...

— Я тебя поцѣлую послѣ, безъ него, милый!—прошептала она, указывая на Васю.

Баскаковъ ласково улыбнулся ей.

— Но куда же мы поѣдемъ? Сегодня оперный день. Развѣ въ русскую оперу?.. Вася, сходи за афишами... Выйди и спроси у кого-нибудь изъ лакеевъ.

Вася выбѣжалъ. Баскаковъ быстро обнялъ Дашу. Она засмѣялась.

— Какой ты хитрый!—проговорила она, горячо цѣлуя его.—Изъ театра ты заѣдешь къ намъ?..

— Не поздно ли будетъ,—проговорилъ Баскаковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты мой мужъ... не все ли равно, когда ты пріѣдешь ко мнѣ, сколько пробудешь... Да, теперь хоть одинъ, одинъ день въ жизни ты былъ моимъ мужемъ... былъ со мною, не стѣсняясь, что скажутъ другіе, какъ взглянутъ... хорошій мой... если бы всегда такъ жить, всѣмъ троимъ вмѣстѣ... Ты любишь Васю?

— Онъ милый мальчуганъ,—отвѣтилъ Баскаковъ.

— Его не оставляй никогда, никогда,—страстно проговорила она.—Что бы ни случилось, береги его.

— Но что же можетъ случиться?—удивился онъ ея взволнованному тону.

Она опять быстро обвила его руками, поцѣловала и отвернулась, проговоривъ:

— Идутъ!

Онъ отошелъ отъ нея по направленію къ дверямъ, а она уже отирала опять брызнувшія изъ ея глазъ слезы. Ей самой становилось странно и страшно слѣдить, какъ у нея путались мысли, перескакивая отъ одного предмета къ другому. Она не могла ни о чемъ говорить послѣдовательно, связно. Ей то вспоминалось прошлое, то хотѣлось отдаться радости настоящаго, то являлась забота о будущемъ Васи, Виктора, матери. Она не думала, старалась не думать только о своемъ будущемъ. Оно было словно вычеркнуто ею. Но Баскаковъ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ веселъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на свободу. Вася и онъ просматривали уже афиши. Въ Маріинскомъ театрѣ давался «Робертъ».

— Хочешь послушать «Роберта», Даша?—спросилъ Баскаковъ.

— Хорошо, хорошо!.. мнѣ все равно... я ничего не видѣла, не слыхала,—отвѣтила она, подходя къ Баскакову и брату.

— А ты опять плакала?—съ удивленіемъ спросилъ Вася, взглянувъ на нее и замѣтивъ, что у нея покраснѣли вѣки.

— Съ чего это ты взялъ!—отвѣтила она, немного смутившись.

— У тебя глаза красные.

Баскаковъ тоже обратилъ вниманіе на ея глаза. Она засмѣялась и подошла къ зеркалу.

— Это, вѣрно, отъ вѣтра раскраснѣлись глаза!—сказала она.—О чемъ мнѣ сегодня плакать?..

Въ комнату вошли два лакея и стали устанавливать приборы къ обѣду. Черезъ пять минутъ Баскаковъ, Вася и Даша уже сидѣли за столомъ. Вася болталъ безъ умолку и очень ловко передразнивалъ татарина-лакея, который сказалъ ему:

— Вотъ афыши!

Веселый смѣхъ и болтовня не умолкали во все время обѣда. Когда Викторъ Валерьяновичъ взглянулъ на часы, ему пришлось напомнить, что пора ѣхать въ театръ.

— Ты заѣдешь домой переодѣться?—спросилъ онъ Дашу.

— Зачѣмъ же?—сказала она.—Вѣдь въ черномъ платьѣ можно?

— Разумѣется... ты такъ хороша въ немъ сегодня,—тихо шепнулъ онъ ей.

Они поспѣшно собрались въ путь. Въ кассѣ Маріинскаго театра уже не было никакихъ билетовъ, кромѣ двухъ ложъ бель-этажа. Баскаковъ взялъ одну изъ нихъ. Всѣ трое поднялись по лѣстницѣ и вошли въ ложу.

Театръ былъ еще почти пустъ, и Дашу поразили его размѣры, его красота, тысячи газовыхъ огоньковъ, хрустальныя украшенія люстры, количество ложъ и креселъ. Вася былъ удивленъ еще болѣе и какъ-то присмирѣлъ, точно его испугала и смутила эта роскошь.

— Присядемъ покуда здѣсь на диванѣ,—сказалъ Баскаковъ Дашѣ.

Они усѣлись въ глубинѣ ложи на маленькій голубой диванчикъ.

— Я никакъ не думала, что тутъ такъ хорошо,—сказала Даша.—Какъ весело жить тому, кто богатъ...

— Но неужели же ты и въ дѣтствѣ никогда не бывала въ театрѣ?—спросилъ Баскаковъ.

— Съ кѣмъ же?.. Мать и отецъ и сами никогда не ходили въ театръ, когда у нихъ были средства. Они только въ балаганы возили меня, да и то я помню смутно... Когда

же обѣднѣли, то было не до театровъ... Впрочемъ, можетъ-быть, и лучше такъ... Все это, должно-быть, привязываетъ къ жизни...

— Это-то и хорошо!—сказалъ Баскаковъ.

— Богъ знаетъ... иные, можетъ-быть, только изъ-за того, что они слишкомъ привязаны къ жизни, рѣшаются на все, чтобы только жить... А знаешь ли, я, когда мы были бѣдны, могла бы совершенно спокойно умереть... меня только участь Васи пугала. Теперь вотъ мнѣ труднѣе умереть... Мнѣ и тебя, и Васю... и... и жизни жаль... Какъ вспомню, что я могла бы долго, долго еще сидѣть вотъ такъ возлѣ тебя, спокойно, безъ заботы, безъ тревогъ... и станетъ жаль жизни.

Баскаковъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: она говорила тихо, спокойно, точно въ полуснѣ.

— Даша, я тебя не понимаю, что за мысли пришли тебѣ въ голову?—почти испуганно проговорилъ онъ.

— А?—очнулась она и съ усиліемъ улыбнулась, проводя рукой по лбу.—Я сама не знаю, что это мнѣ пришло въ голову... Я, вѣрно, немного устала... Это пройдетъ...

Въ эту минуту началась увертюра.

— Пойдемъ,—сказалъ Баскаковъ и подошелъ съ Дашей къ барьеру ложи.

Театръ былъ уже полонъ. Когда Даша и Баскаковъ появились у барьера ложи, на нихъ устремилось нѣсколько биноклей. Даша обвела глазами ложи. Ее поразила эта пестрая масса народа. Баскаковъ слѣдилъ за нею и, видимо, былъ счастливъ. Его любимица была поразительно прекрасна. Черное шелковое платье ловко охватывало ея стройный станъ. Ея точно сгофрированные отъ корней, свѣтлые волосы были причесаны просто и падали сзади двумя тяжелыми косами. Ея темно-сѣрые глаза, оттѣненные длинными, густыми рѣсницами, смотрѣли пристально на сцену и отражали всѣ ея душевныя движенія. Викторъ Валерьяновичъ восхищался ею и больше смотрѣлъ на нее, чѣмъ на сцену. Опера произвела на Дашу сильное впечатлѣніе. Ее сразу поразилъ и испугалъ демоническій образъ Бертрама. Ей было какъ-то жутко за Алису, когда ее спрашивалъ Робертъ: «отчего она поблѣднѣла и вся дрожитъ», когда онъ назвалъ Бертрама «добрымъ другомъ и вѣрнымъ товарищемъ». Сцена у креста, адская музыка цѣпей, знаменитое «Сжалься»,—все это заставляло Дашу вздрагивать, а мрачная сцена на кладбищѣ обдала ее холодомъ.

— Неужели всѣ оперы такъ страшны?—спросила она

Баскакова. Это на нервы дѣйствуетъ. Я, кажется, не буду спать всю ночь...

— Конецъ оперы успокоитъ тебя,—замѣтилъ Викторъ.— Тамъ есть и примиренье.

Дѣйствительно, хоръ странниковъ, звуки церковной музыки, спасеніе Роберта—все это подѣйствовало успокоительно на Дашу, хотя въ ея воображеніи все еще рисовалась сцена на кладбищѣ.

— Ну, вотъ и прошелъ этотъ день,—сказала она, когда замерли послѣдніе звуки музыки и пѣнья.—Теперь поѣдемъ домой.

Она тяжело вздохнула. Если бы она могла, она теперь вовсе не возвращалась бы домой. Баскаковъ поѣхалъ ее провожать. Они вошли въ квартиру Лыткиныхъ и прошли въ комнату Даши. Она велѣла подать чаю въ свою комнату. Баскаковъ, она и Вася пили чай вмѣстѣ, втроемъ. Наконецъ, чай былъ допитъ и убранъ.

— Тебѣ пора спать, Вася! Завтра рано надо въ гимназію,—сказала Даша.

Она горячо обняла брата.

— Поблагодари Виктора Валерьяновича!—проговорила она, цѣлуя его.—Помни, другъ мой, что онъ, и только онъ будетъ всегда твоимъ покровителемъ... Не забывай меня...

Она еще и еще поцѣловала мальчугана, едва сдерживая слезы, душившія теперь ея грудь. Вася простился и вышелъ. Онъ спалъ въ комнатѣ отца и матери. Баскаковъ и Даша остались одни.

— Ты, милая, такъ избаловала меня за сегодняшній день, что мнѣ тяжело подняться, чтобы уѣхать домой,—сказалъ Баскаковъ, цѣлуя ея руки.

— Развѣ ты не дома?—спросила она.

Онъ взглянулъ въ ея глаза и снова припалъ къ ея рукѣ губами.

L.

Рано утромъ Баскаковъ, счастливый и сіяющій, уѣзжалъ на желѣзную дорогу. Онъ уѣзжалъ на пять дней. Прощаясь съ нимъ, Даша не могла удержаться отъ слезъ.

— Что съ тобой, милая?—шепталъ онъ ей.

— Не забывай меня... Благодарю тебя за все, за все... Помни, всегда помни, что мы были счастливы,—говорила она сквозь слезы.

— Родная, я, право, боюсь... Не больна ли ты?—встревоженно говорилъ онъ.

— Нѣтъ!.. нѣтъ... Но я хочу, чтобы съ сегодняшняго дня ты называлъ меня своею женою... Вѣдь мы мужъ и жена передъ Богомъ? Да?..

Она обняла его еще разъ и быстро проговорила:

— Ну, поѣзжай...

— Ради Бога, напиши, если ты хотя немного почувствуешь себя нездоровой, -произнесъ онъ.

— Не безпокойся!.. не безпокойся!..

Онъ ушелъ. Онъ не понималъ, что дѣлалось съ ней.

— Ну, теперь я одна... одна въ этой могилѣ,—проговорила она, опустивъ голову.

Въ ея головѣ опять мелькнула мысль: «теперь можно умереть». Умереть, когда можно бы быть счастливой, когда хочется жить! «И зачѣмъ я не покончила съ собою вчера, до его прихода? — думала она. — Мнѣ было бы легче... А то послѣ этого счастливаго дня... Но что же я?.. Вѣдь еще можно поговорить съ отцомъ». Она думала какъ-то отрывочно, лихорадочно, спутанно. Она вошла въ комнату матери.

— А гдѣ отецъ?—спросила она.

— Ушелъ, ушелъ, маточка,—произнесла старуха

— Не знаете, куда?

— Не говорилъ, родная, не говорилъ...

Даша опять подумала, что онъ и никогда не говоритъ, куда уходитъ.

«Ну, а если онъ пошелъ къ дѣду Виктора, въ судъ? — опять мелькнуло въ ея головѣ. Ей стало страшно, жутко.— Нѣтъ, такъ жить нельзя: вѣчно мучиться страхомъ, вѣчно бояться позора, — лучше умереть!» Она прошла въ свою комнату, начала что-то прибирать, пересматривать и вдругъ вспомнила о чемъ-то: «Но такъ умереть нельзя... Надо написать письмо... Виктору надо написать»...

Она сѣла, взяла перо, бумагу и зарыдала:

«Нѣтъ, нѣтъ... я не могу... не могу ему писать»...

Она въ волненіи заходила по комнатѣ.

«Не пришелъ ли отецъ?»

Она вышла, спросила у кухарки. Отецъ еще не возвращался.

«Можетъ-быть, теперь онъ у старика графа, и графъ съ презрѣніемъ выслушиваетъ его жалобу... Графъ честенъ... Ему надо написать... Да, да... онъ любитъ Виктора... Онъ его утѣшитъ...»

Она опять сѣла къ столу и начала писать. Ея руки дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

«Милостивый государь.

«Графъ Иванъ Викторовичъ.

«Не удивляйтесь, что я рѣшилась писать къ Вамъ, зная Васъ только по слухамъ. Это мое первое и послѣднее письмо къ Вамъ. Когда Вы его получите, меня уже не будетъ въ живыхъ. Я должна Вамъ объяснить причину моей смерти, чтобы на меня не клеветали послѣ моей смерти. Я не хочу, чтобы обо мнѣ думали дурно и тогда, когда я уже не услышу людскихъ толковъ. Мнѣ хочется быть чистой въ глазахъ того, кого я любила. Я любила Вашего внука Виктора Валерьяновича. Вы это знаете. Вы знаете также, что онъ хотѣлъ жениться на мнѣ. Я знала, что это навсегда разлучитъ его съ Вами, съ Вашимъ кругомъ, что это испортитъ его карьеру. Этого было довольно, чтобы я дала себѣ слово никогда, никогда не выходить за него замужъ. Я не говорила этого ему, чтобы не огорчать его, чтобы не вызвать его возраженій. Я надѣялась, что онъ будетъ счастливъ моею любовью и безъ женитьбы, — и этого было съ меня довольно. О себѣ я не думала,—не думала потому, что уже давно потеряла надежду на полное спокойствіе и счастіе. Я радовалась только возможности хоть два-три года быть любимою тѣмъ, кто сталъ мнѣ дороже жизни. Этого мнѣ было довольно. Но случилось не такъ. Кто-то изъ близкихъ Виктору людей подослалъ ко мнѣ жениха. Сначала я не поняла, почему сватается за меня, за падшую дѣвушку, этотъ господинъ, но мой отецъ объяснилъ мнѣ все. Я поняла, что кто-то изъ Вашей семьи хочетъ отдѣлаться отъ меня, хочетъ, чтобы я, выйдя замужъ за другого, лишилась возможности въ будущемъ быть женою Виктора. Я не обвиняю, не проклинаю, графъ, придумавшаго эту интригу человѣка, но скажите ему, если Вы его знаете, что онъ безсердечно, гнусно убилъ меня, не зная меня, не видавъ меня, не переговоривъ со мною. Онъ думалъ, что если я нищая, если я вышла не изъ высшаго круга, то я способна на все: на продажу себя за деньги, на бракъ съ нелюбимымъ человѣкомъ, на связь съ любимымъ лицомъ во время брака съ другимъ человѣкомъ. Но этотъ человѣкъ, рѣшившійся такъ холодно оскорбить мою честь, дѣйствовалъ въ то же время какъ-то по-дѣтски наивно. Онъ считалъ меня дѣвушкою, способною на всякую низость, и подсылалъ мнѣ жениха. Но вѣдь мнѣ было бы выгоднѣе просто жаловаться на Виктора въ судъ. Вѣдь для избѣжанія скандала даже Вы сами, графъ, предложили бы мнѣ большую сумму денегъ. Вѣдь Вы не захотѣли бы, чтобы

имя какой-то Лыткиной становилось рядомъ съ именемъ графовъ Баскаковыхъ. Это все разъяснилъ мнѣ мой отецъ. Но, разъясняя мнѣ все это, онъ въ то же время замѣтилъ, что если начинаютъ интриговать противъ насъ, то и намъ нужно принять свои мѣры. Онъ рѣшился идти сначала къ Вамъ, а потомъ въ судъ, чтобы требовать награды за мою любовь. Это рѣшеніе отца открыло мнѣ глаза, показало мнѣ, что я должна дѣлать: я испугалась, что Вы подумаете, что интрига затѣяна съ моего согласія, и перестанете считать меня честною дѣвушкою, а я уже уважала Васъ, считала за честнаго человѣка, мнѣніе котораго мнѣ было дорого, потому что Васъ любилъ и уважалъ любимый мною человѣкъ. Я молила отца не предпринимать ничего, но онъ говорилъ одно и то же: интригуютъ противъ насъ—будемъ интриговать и мы. Что же мнѣ было дѣлать? Идти къ Вамъ и объяснить Вамъ все? Но развѣ вы повѣрили бы мнѣ? Развѣ Вы перестали бы бояться, что я когда-нибудь выйду замужъ за Виктора? Развѣ, наконецъ, перестали бы интриговать противъ меня тѣ, кому казалось это необходимымъ? Въ то же время, понимая впередъ безплодность объясненій съ Вами, я знала безплодность объясненій съ отцомъ. Мнѣ оставалось умереть или ждать той минуты, когда мой отецъ опозоритъ меня передъ Вами и Вашего внука передъ судомъ. Я выбрала первое. Почему я такъ поступаю,—это пойметъ каждая честная женщина: умереть гораздо легче, чѣмъ пасть во мнѣніи любимаго человѣка и дождаться того, чтобы его окружающіе сказали ему: вотъ какова та, которую ты любишь! Я могла бы оправдаться, скажете Вы, но кто бы мнѣ повѣрилъ? Онъ, а не Вы, не тѣ люди, которые мѣшали меня съ грязью, не зная меня. Они, бросая грязью въ меня, бросали бы ею и въ него. Правда, я могла сказать одно слово, и онъ женился бы на мнѣ и устранилъ бы все разразившееся надо мною горе. Но это слово я сказала бы не иначе, какъ послѣ Вашего согласія, я вѣчно мучилась бы страхомъ, что Викторъ упрекнетъ меня хоть взглядомъ, хоть намекомъ за то, что я испортила его жизнь. Этотъ упрекъ былъ бы для меня страшнѣе позора, страшнѣе смерти. Извините, что я пишу Вамъ все это. Я знаю, что Вамъ нѣтъ никакого дѣла до меня, до моихъ чувствъ, до моихъ мученій. Но я хочу, я *требую*, графъ, отъ Васъ, чтобы Вы оправдали меня передъ Викторомъ, чтобы Вы объяснили ему все, чтобы Вы спасли его отъ отчаянія. Утѣшьте его тѣмъ, что онъ сдѣлалъ меня счастливою хотя подъ конецъ

моей жизни. Утѣшьте его тѣмъ, что я любила его, и только его одного, чистою, святою, безкорыстною любовью. Утѣшьте его тѣмъ, что я умерла спокойно, что не онъ былъ виновникомъ моей смерти, что она была неизбѣжною, необходимою... Боже мой, что я говорю! Вы его любите, Вы найдете сами въ своемъ сердцѣ слова утѣшенія. Я у васъ не прошу ничего, мнѣ ничего не надо, но у меня есть братъ, — спасите его, воспитайте его, объясните когда-нибудь и ему, почему умерла я. Вы вѣдь лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, можете объяснить все. Моимъ роднымъ не говорите, что я умерла. Пусть считаютъ меня живою. Пусть не винятъ Васъ...»

Даша писала торопливо, лихорадочно, не замѣчая, что слезы падаютъ на бумагу. Ей казалось, что передъ нею стоитъ самъ графъ, и что она говоритъ съ нимъ. Если бы кто-нибудь былъ въ ея комнатѣ, то онъ могъ бы узнать содержаніе ея письма; она думала вслухъ. Она не перечитывала написаннаго, не задумывалась надъ выраженіями. Наконецъ, письмо было кончено. Она торопливо сложила его, сунула въ конвертъ и запечатала послѣдній. Потомъ она спрятала его въ карманъ, отерла слезы, начала рыться въ комодѣ, достала всѣ бывшія у нея деньги и пошла къ матери.

— Мама, вотъ деньги,—сказала она.

— Дашенька, на что же это ты даешь мнѣ? — спросила старуха въ недоумѣніи.

— Такъ, такъ, возьмите... Я, можетъ-быть, уѣду... Мнѣ тяжело здѣсь жить... Не плачьте обо мнѣ...

Она бросилась на шею матери и зарыдала.

— Куда же, голубушка, куда ты?—воскликнула старуха, моргая глазами.

— Молчите... молчите... Я уйду въ монастырь... Я не хочу, чтобы отецъ зналъ... Берегите Васю... Жить вамъ будетъ чѣмъ... Викторъ, старикъ Баскаковъ помогутъ...

— Да полно, полно, родная... Господи, Владычица Пресвятая...—стонала старуха, смотря растерянными взглядами кругомъ.—Что же это... за что...

— Не плачьте... Что же тутъ такого... Въ монастырѣ буду... молиться буду... за васъ, за всѣхъ... грѣхи замолю...

— Да ты куда, скажи, куда?

— Нѣтъ, нѣтъ, никто не долженъ знать...

Даша еще разъ обняла оторопѣвшую, почти обезумѣвшую мать и вышла въ свою комнату.

Въ эту минуту воротился Лыткинъ.

«Отецъ пришелъ! — мелькнуло въ головѣ Даши. — Попробовать еще разъ... броситься къ ногамъ... упросить...»

Она пріотворила дверь въ комнату матери. Лыткинъ сидѣлъ у стола, положивъ голову на столъ. Онъ былъ пьянъ. Даша вздрогнула и махнула рукой.

«Нѣтъ, его просить нечего! Онъ пообѣщаетъ что угодно и обманетъ!»

Она вернулась въ свою комнату и услышала плачъ въ гостиной. Это плакала ея мать. Она поблѣднѣла. Потомъ она услышала, что дверь въ гостиную отворилась, и тамъ раздался громкій голосъ.

— А, вотъ ты гдѣ!

Это былъ голосъ Марьи Егоровны Коптяевой.

— А вѣдь я-то, я-то какова! кричала съ порога Марья Егоровна.—Поставила на своемъ... Вчера высватала моему-то купцу такую, такую швейку, что онъ полтысячи въ долгъ дастъ... Ей-Богу... Вотъ ужъ правда: голенькій «охъ», а за голенькимъ Богъ! Ну, ужъ и дѣвка, нашей Дашкѣ не уступитъ... Да ты-то что хнычешь? А?

— Охъ, горе у меня, горе, — застонала Катерина Ивановна, совершенно растерявшаяся, не умѣвшая ничего сообразить.

— Знаю, знаю!.. Братъ въ судъ хочетъ идти... Дашка артачится... Ничего, перемелется рожь—мука будетъ!.. Это ей съ непривычки, такъ и трудно, а стерпится—слюбится... заживетъ барыней...

— Охъ, не заживетъ она, не заживетъ!—стонала старуха, качая головой.

— Полно, точно о покойницѣ убиваешься... А я, знаешь, и вывѣску заказала... Чернымъ полемъ велѣла пустить, а на черномъ-то бѣлыми литерами вывести «Гласная касса ссудъ»... Разрѣшеніе обѣщали... Оно, знаешь, бѣлое-то на черномъ въ глаза бросается... Фамилью-то тоже велѣла прописать... все уваженія будетъ больше...

Даша торопливо одѣвалась, съ разсѣяннымъ взглядомъ хватаясь за вещи.

«Въ Неву... теченіемъ унесетъ... никто и не узнаетъ... Ночью брошусь... Мать будетъ думать, что въ монастырѣ... Викторъ... О, Господи, еще бы разъ, на минуту, на одну минуту взглянуть на него»...

— Сейчасъ Муратиху видѣла, — слышался голосъ Марьи Егоровны.—Ахъ, безстыжая, безстыжая... По Невскому-то

со своимъ содержателемъ катитъ... Лежитъ это въ коляскѣ, вся въ бархатѣ, а на носу пенсе, очки, знаешь, модныя... И съ чего это?.. Прежде глазами не жаловалась... И вдругъ... А онъ-то,—рожа-то, рожа-то какая, улыбается во весь ротъ, во весь ротъ...

«Пойду снесу письмо... потомъ проѣду на Елагинъ... Тамъ, гдѣ вчера гуляли... а ночью на Строгоновскій мостъ...—мелькало въ головѣ Даши.—Говорятъ, не тяжело, разомъ захлебнешься... холодомъ только обхватитъ... Если бы тѣла не нашли... никогда, никогда не нашли бы... точно меня и не было...» «А что, если у меня подъ сердцемъ...»

Она болѣзненно схватилась за грудь.

«Нѣтъ, нѣтъ... не можетъ быть... Да онъ и проститъ меня... у меня исхода другого нѣтъ... Я не виновата, что я такая...»

Она стала надѣвать шляпку.

— Да она броситъ его, броситъ его, жида-то,—тараторила Марья Егоровна.—У нея ужъ на примѣтѣ есть... Повадился купчишка по воду ходить, тамъ ему и голову сломитъ... и вѣдь какъ живетъ, какъ живетъ: все золото, да бархатъ, графы, да князья ѣздятъ... Вчерась даже въ газетахъ пропечатано было: «Наша извѣстная...» Ахъ, какъ это сказано было, дай Богъ памяти... нынче слова-то пошли мудреныя, языкъ ломаютъ только... И съ чего это?.. Да, да... «наша извѣстная филантропка Аделаида Александровна Муратова пожертвовала въ «Общество первой помощи» тысячу рублей для помощи падшимъ женщинамъ»... И какія это такія женщины?.. Христосъ ихъ разберетъ нынче... А ужъ молодецъ баба, теперь только и говорятъ, что о ней... Въ кухни какія-то тоже пожертвовала, и все это пропечатано... Говорятъ, имъ обѣдъ давали, такъ такіе тузы тамъ были да все-то, Муратиху-то, благодарили, что ахъ! А давно ли сама, подлая, насъ, нищихъ, надувала? А?

Даша вышла изъ своей комнаты.

— Охъ, кто это тамъ?—воскликнула Катерина Ивановна, услыхавъ, что въ передней хлопнула дверь.

— Ну, скажутъ, если кто чужой!—отвѣтила Марья Егоровна, махнувъ рукой.—Марья-то Петровна теперь такъ и лебезитъ около Муратихи-то: жидъ-то Муратихинъ обѣщалъ еще на какой-то пріютъ жертву сдѣлать. Извѣстно, въ мутной водѣ каждый рыбу удитъ...

— Настасья, Настасья,—позвала Катерина Ивановна кухарку.

Настасья вошла.

— Кто это тамъ?

— Никого нѣтъ,—отвѣтила она.

— Да двери-то зачѣмъ отворяла?

— Барышня ушли.

— Охъ, родные, голубчики мои, бѣгите за ней!.. Ушла... навсегда ушла,—заметалась Катерина Ивановна.—Что я-то буду дѣлать, голову-то куда склоню?.. Ни мыслей, ни понятіевъ у меня... такъ, пустота одна...

— Да чего ты убиваешься? — разсердилась Марья Егоровна.—Ну, пошла гулять, воротится... Эка невидаль!..

— Охъ, нѣтъ, охъ, чуетъ мое сердце!—стонала Катерина Ивановна, припавъ головой къ столу.

— Э, полно! Не объ чемъ плакать, такъ горе придумываешь... А у мужа-то, у Муратихина мужа-то, у Аркадія-то Павлыча, французенка... плюгавая такая, поджарая, носище крючкомъ, какъ у птицы, а только пѣнію обучена и по-французскому умѣетъ, ну и промышляетъ... Что-жъ, извѣстно, каждому жрать хочется... И что за жизнь у нихъ идетъ, вотъ ужъ подлинно безпечальное житье . . . . . .

. . . . . .

Даша исчезла съ лица земли безслѣдно, какъ исчезаютъ и наши свѣтлые, и наши тяжелые сны.

Оглавленіе

X тома.

стр.

Семья Муратовыхъ.

Старыя гнѣзда. Романъ 7

Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ 245

PG
3470
S486
1904
t.10

Sheller, Aleksandr Konstantino
vich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 10

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY